

ПОЭТИЧЕСКІЯ
ВОЗРѢНІЯ СЛАВЯНЪ
НА
ПРИРОДУ.

ПОЭТИЧЕСКІЯ
ВОЗРѢНІЯ СЛАВЯНЪ

НА
ПРИРОДУ.

ОПЫТЪ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНІЯ СЛАВЯНСКИХЪ ПРЕДАНІЙ
И ВѢРОВАНІЙ, ВЪ СВЯЗИ СЪ МИФИЧЕСКИМИ СКАЗАНИЯМИ ДРУГИХЪ
РОДСТВЕННЫХЪ НАРОДОВЪ.

А. АФАНАСЬЕВА.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

Изданіе К. Солдатенкова.

МОСКВА.

—
1869.

Технографія Гречева и Комп. у Пречистенскихъ вѣроть д. Шилоной.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

- XXII. Нечистая сила: демоническій типъ громовника** стр.—1, молнія=хромая нога—2, нечистые духи, какъ представители бурныхъ и грозовыхъ явленій—9, чортова мать—14, адское царство (пекло)=вѣдра грозовыхъ тучъ—15, огненная рѣка—22, адъ=туманное, облачное небо зимнихъ мѣсяцевъ—25, адскія мѣли—29, Морана, богиня ночнаго мрака, зимы и смерти—33, Смерть и Сонъ—братья—36, вѣра въ сновидѣнія—39, олицетворенія Сна и Смерти—42, борьба Живота и Смерти—44, Смерть въ оковахъ—50, ангелы смерти—53, Смерть-невѣста—57, болѣзни—послы смерти и кара боговъ—58, представленіе болѣзней демонами—58, связь ихъ съ стихійными духами, эльдами—69; лихорадки—81, заклятія противъ нихъ—85, врачевные обряды—98, Моровая дѣва (чума)—103, гомины—111, холера и коровья смерть—114.
- XXIII. Облачныя жены и дѣвы:** облака=женскія груди—117, представленіе дождевыхъ облаковъ нѣсками, водяными женами—119, русалки—121, облака=небесная пряжа и ткани—128, паутинна=ткань эльфовъ—133, кикиморы и полудинцы—136, русалки—140, вилы—152, самовилы и самодивы—182, лебединыя дѣвы—186.
- XXIV. Души усопшихъ—195, душа=огонь—197, звезда—206, дымъ, парь—209, воздухъ и вѣтръ—210, тѣни усопшихъ—212, душа=бабочка и вообще насекомое, образующееся изъ личинки: жукъ, пчела, муха, комаръ—214 и 292, душа=птица—218, крещеніе кукушекъ—226, души=эльфы—230, навь**

—235, вилы и русалки, какъ духи усопшихъ—239, мавки—241, участіе усопшихъ въ полетъ неистоваго воинства—244, ночь—время появленія мертвецовъ, мѣсяць—свѣтло загробнаго міра—248; царство душъ, вселеніе души въ тѣло новорожденнаго младенца и удаленіе ея по смерти въ небесную отчизну—252; востокъ—царство блаженныхъ—277, странствованіе души въ небесныя селенія—279, млечный путь и радуга—282, вліяніе временъ года на посмертное состояніе душъ—287, душа=звѣя, мышь и вообще оборотень—299, похищеніе и подмѣна дѣтей эльвами и сродными съ ними духами—305.

XXV. Дѣлы судьбы: Родъ и рожицы—318, вліяніе звездъ на судьбу человѣка—321, добрые и злые часы—324, Зирка—327, Верпея—328, лаумы—331, рожицы и судицы—333, вилы—339, орисицы—343, мойры и парки—344, фен—347, норны—349, счастливая сорочка и духи-хранители—359, валькириі—363, вѣра въ предопредѣленіе—368, рожденіе, бракъ и смерть, какъ три жизненные термина, устанавливаемые Судьбою—369, боги, какъ представители рока—376, жребій и гадавія—382, Родъ=Судьба—386, связь идеи судьбы съ солнцемъ—389, Судьба, Доля и Недоля—391, злыдни—404, Усудя Среѣна—409, колесо Фортуны—413, бѣдовики и счастливицы—415, жертвоприношенія Роду и рожицамъ—416.

XXVI. Вѣдуны, вѣдьмы, упыри и оборотни: названія, присвоаемыя вѣщамъ мушамъ и жапамъ—422; въ чемъ проявляется вѣщя сила вѣдуновъ и вѣдьмъ?—427, науки—429, стихійно-демоническій характеръ вѣдуновъ и вѣдьмъ: они насылаютъ грозовыя тучи, бури и градъ—441, похищаютъ дождь и росу—449, скрадываютъ свѣтила—453; гады-производители дождя—450; полеты вѣдьмъ, грозевая туча=затопленная печь, молнія=кочерга—456, гроза=варка небснаго пива—459, воздушныя повѣды молдуновъ и вѣдьмъ на звѣяхъ, волкахъ и другихъ животныхъ—462, вѣдьмы—небесныя пряжи и прачки—467, лысая гора, вѣдовскія сборища и любодѣйная связь вѣдьмъ съ чертями—469, сближеніе преданій о вѣдовскихъ сборищахъ съ действительными религіозными празднествами—482, доеніе коровъ—485, гроза=пиктанье масла—489, обряды при весеннемъ выгонѣ стада въ поле—490, средства, охраняющія отъ молдуновъ и вѣдьмъ—496, вѣдьмы—производительницы засухъ, неурожаявъ и мора—500, мыши, какъ порожденіе колдовства—505, избіеніе вѣдьмъ—507, названія ихъ чрезъ сожженіе, потопленіе и зарытіе въ землю—509 и 523, чары на безплодіе

жень—513, порча и недуги, наслыаемые вѣдьмами—518, оборотни—525, вовкулаки—527, превращенія въ вѣзрей, птицъ и гадовъ—532, средства, силою которыхъ колдунны и вѣдьмы превращаютъ людей въ животныхъ—551, упыри—557, связь вѣдуновъ, вѣдьмъ и оборотней съ эльдами, упыри—души усопшихъ—566, съяданіе вѣдьмами сердца—569, вампиры производятъ засуху, неурожай и смертность—572, пожираніе упырями и вѣдьмами человѣческаго мяса—582, похищеніе и пощаденіе ими младенцевъ—585, баба-яга—587.

XXVII. Процессы о колдунахъ и вѣдьмахъ: праждебныя отношенія волхвовъ къ христіанству—596, двоевѣріе—600, протесты духовенства противъ волхванія—601, отреченныя книги—605, сожженіе волхвовъ и вѣдьмъ—610, вѣра въ колдовство и вызванныя ею процессы въ XV—XVII столѣтіяхъ—614, няота и клякушество—634, чары во время царскихъ свадебъ—638, дѣла о волшебствѣ, возникшія при царскомъ дворѣ въ XVII столѣтіи—641, вліяніе Петровской реформы—653.

XXVIII. Народные праздники: времена года—659, мѣсяцевъ—663, народный дневникъ—670, олицетвореніе четырехъ временъ года и двѣнадцати мѣсяцевъ—675, знаменія весны—683, Жива—686, обрядовый призывъ весны—689, борьба Зимы и Лѣта—691, масленица—696, праздники весны—воскресающей природы—698, Остаръ—700, Троицкая недѣля и майскій праздникъ—704, лѣтній поворотъ солнца (Ивановъ день)—710, Купало—712, Кострома—725, Яралъ—726, приванки приближающейся зимы—728, зимній поворотъ солнца—Коляда—729, баднякъ—733, Овсень—747, святочные пѣсни—752, Корочунъ и Ситивратъ—760, земледѣльческія празднества—761, житные духи—771.

Дополненія и поправки 776.
Указатель именъ и предметовъ 817.

XXII.

НЕЧИСТАЯ СИЛА.

Древнѣйшія представленія о богѣ-громовникѣ носятъ двойственный характеръ: являясь, съ одной стороны, божествомъ свѣтлымъ, разителемъ демоновъ, творцомъ міра и подателемъ плодородія и всякихъ благъ, онъ—съ другой стороны— есть богъ лукавый, злобный, приѣмлющій на себя демоническій типъ. Эта двойственность въ воззрѣніяхъ первобытныхъ племенъ возникла подъ вліяніемъ тѣхъ естественныхъ свойствъ, съ какими выступаетъ гроза, то оплодотворяющая землю, разгоняющая мрачныя облака и вредныя испаренія, то посылающая градъ и бурные вихри, опустошающая поля, лѣса и нивы и карающая смертныхъ молніями. Шествуя въ тучахъ, громовникъ усвоиваетъ себѣ и ихъ великанскіе признаки, и согласно съ представленіемъ тучъ темными подземельями — становится богомъ подземнаго (адскаго) царства. Чтобы обозначить эти различныя, одна другой противоположныя стороны въ характерѣ громовника, народъ давалъ ему и соотвѣтственныя имъ прозванія, которыя впоследствии перешли въ имена собственныхъ, обособились и разъединили единое божество на двѣ враждебныя личности: рядомъ съ небеснымъ Зевсомъ является другой, владычествующій не на небѣ, а подъ землею — Ζεὺς κατὰθρόνον, Jupiter niger —

Плутонъ, царь того свѣта и усопшихъ ¹⁾; возлѣ благаго, плодородящаго Тора—лукавый Локи. Этотъ послѣдній вполне соотвѣтствуетъ Гефесту (Вулкану), богу подземнаго огня, искусному ковачу молніеносныхъ стрѣлъ, о которомъ греческій мифъ рассказываетъ, что раздраженный Зевсъ схватилъ его за ногу и стремительно низвергнулъ съ высокаго Олимпа на землю, и что вслѣдствіе этого паденія Гефестъ повредилъ ногу и навсегда остался хромымъ. Локи, хотя и числится въ обществѣ асовъ и признается ихъ товарищемъ, тѣмъ не менѣе есть существо коварное, обманчивое, состоящее въ самомъ близкомъ родствѣ съ демонскими силами ²⁾; низвергнутый съ неба и окованный цѣпями, онъ потрясаетъ землю (см. I, 756—7); подобно Гефесту, онъ — хромъ, и также клеймитъ боговъ злыми насмѣшками. Хромоту соединяетъ древнее сказаніе и съ славнымъ кузнецомъ Völundr'омъ ³⁾. Быстрота молній заставила сблизить ихъ не только съ летучими, крыленными стрѣлами, но и съ ногами, какъ необходимыми орудіями движенія, рѣзаво бѣга. Отсюда объясняется, почему русскій сказочный эпосъ изображаетъ героевъ, представителей весеннихъ грозъ, съ ногами по колѣно въ золотѣ, почему греки давали своимъ богинямъ эпитеты сребро-и злато-ногихъ, почему на конецъ подвижная избушка вѣдьмы (—ходячее облако) сто-

¹⁾ Точно также Персефона есть подземная Гера—Juno inferna—Griech. Myth. Преллера, I, 621-2; D. Myth., 945. — ²⁾ Я. Гриммъ допускаетъ тождественность между богомъ Loki и великаномъ Logi (naturkraft des feuers, отъ liuhan - lucere), сыномъ Форниотра (forn-iotr, der alte iotr, iðtunn). — ³⁾ D. Myth., 220-1 („Zumal vorstehend ist die analogie, dass Hefäst durch Zeus vom Olymp herabgestürzt wird, wie der böse feind durch gott aus dem himmel in die hölle, obgleich die Edda von Loki weder einen solchen sturz berichtet, noch ihn als künstlichen schmied und meister der zwerge darstellt“), 351; Симпсонъ, 113-5.

ить и повертывается на курьихъ ножкахъ, т. е. на ногахъ пѣтуха (кура), имя котораго донынѣ употребляется въ значеніи огня (I, 522). Богатырскіе кони и козлы Тора, ударяя своими копытами по облачнымъ скаламъ, высккали изъ нихъ молніеносныя искры и открывали путь дождевымъ источникамъ. Такъ какъ молнія падаетъ съ воздушныхъ высотъ изломанной, искривленной линіей ¹⁾, то полетъ ея фантазія стала сравнивать съ шаткимъ, нетвердымъ бѣгомъ хромогого челоуѣка или животнаго; а громовому удару стала приписывать отшибаніе пятъ или поврежденіе ноги у героя-громовника, когда онъ является въ облачныя подземелья добывать оттуда золото солнечныхъ лучей и живую воду дождя. Такой ударъ наносятъ ему тяжелыя двери демонскихъ кладовыхъ или желѣзныя врата адовы (см. II, стр. 686); подъ дверью здѣсь разумѣется то отверстіе, какое прорубаетъ въ темныхъ тучахъ Перунова палица. Когда заблеститъ молнія, чехи говорятъ, что это Богъ открываетъ въ небесномъ чертогѣ дверь или окно, и что въ ту минуту поютъ тамъ хоры ангеловъ, т. е. слышится грозовая пѣсня ²⁾. Зевсу въ битвѣ его съ Тифономъ были подрѣзаны на ногахъ жилы; по свидѣтельству индѣйскаго мѣоза, Кришна, славный побѣдитель дракона, былъ раненъ въ подошву, откуда объясняется и греческое преданіе объ Ахилесовой пяткѣ; наши сказочные герои иначе не могутъ освободиться изъ подземнаго міра, какъ отрѣзавъ свои йкры и скормивъ ихъ дракону или вихрю-птицѣ, на крыльяхъ которыхъ вылетаютъ они на бѣлый свѣтъ (I, 507). Тоже увѣче испытываютъ и мнѣшеснія животныя, въ которыхъ издревле олицетворялись грозовыя тучи. Такъ козель Тора охромѣлъ, потому что у него была разбита кость задней ноги (I, 685); а конь Бальдура вывихнулъ ногу

¹⁾ Римляне чтили Марса подъ образомъ криваго меча — *hasta curvata*. — ²⁾ Пов. и пред., 153-5; Громаннъ, 36-37.

въ то самое время, какъ этотъ богъ сопутствовалъ Одину въ его бурномъ поѣздѣ. По указанію русской сказки, когда царевичъ доставалъ живую воду, толкуція горы (тучи) отшибли его богатырскому коню заднія ноги (см. II, стр. 353). Паденіе молніи на метафорическомъ языкѣ обозначалось утратою того члена, какому уподоблялась она въ данномъ случаѣ; богъ-громовержець или демонъ-туча терялъ свой золотой волосъ, зубъ, палець, фаллюсъ, перо изъ своихъ крыльевъ или ногу. Звѣри, въ образѣ которыхъ народныя преданія живописуютъ грозовыя явленія (собака, заяцъ и др.), весьма часто представляются треногими; нѣмецкія саги заставляютъ дикаго охотника ѣздить на треногомъ конѣ ¹⁾ и бросать съ высоты воздушныхъ пространствъ заднюю ногу оленя или коня, которая потомъ превращается въ золото (I, 726-7). Взирая на извивъ молніи, какъ на тотъ непрямой путь, которымъ шествуетъ богъ-громовникъ, древній человѣкъ, подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ языка, связалъ съ этимъ представленіемъ понятія коварства и злобной хитрости. Въ эпоху незапамятной, доисторической старины ни одно нравственное, духовное понятіе не могло быть иначе выражено, какъ чрезъ посредство матеріальныхъ уподобленій. Поэтому кривизна служила для обозначенія всякой неправды, той кривой дороги, какою идетъ человѣкъ недобрый, увертливый, несоблюдающій справедливости; досихъ поръ обойти кого-нибудь употребляется въ смыслѣ: обмануть, обольстить. Лукъ а в о й — хитрый, злобный, буквально означаетъ: согнутый, искривленный, отъ слова лукъ — согнутая дуга, съ которой и смертные и самъ Перунъ бросаютъ свои стрѣлы; л у к а т ь — бросать, кидать, излучина, л у к о м о р ь е — изгибъ морскаго

¹⁾ Der Ursprung der Myth., 140-1, 224-8; Beiträge zur D. Myth., I, 26.

берега; сравни: криво́й, прива́да и криво́душны́й; вовсѣхъ вельтскихъ нарѣчіяхъ ка ш—криво́й, въ кимр.—худой, злой, а въ ирланд.—сильный, могучій, кимр. ка ш и, армор. ка ш та—натягивать лукъ ¹⁾). Напротивъ съ понятіемъ правды соединяется представленіе о прямо́тѣ душевной; прямы́й — говорить правду (напря́мкі, впря́мь), прямо́й челове́къ—честный, неподкупный, иду́щій прямы́мъ путе́мъ. Лукавство и хитрость считались у грубыхъ первобытныхъ племенъ существенными признаками ума, мудростью; другія выраженія сближаютъ умъ съ быстротою—понатіемъ, неразлучнымъ со всѣми представленіями стихійныхъ духовъ: владим. достремитъ ся (стре́мны́й, стре́мы́й—скорый, проворный)—догадаться, достре́мливый—тоже, что до́шлы́й: смысленный, догадливый, буквально: до́бѣгающій, достающій до дѣла; перм. у гонка—смы́сливость, догадка; съ тѣмъ-же значеніемъ употребляется и слово дамѣтъ («не въ дамѣтъ» — не въ домѣкъ, отъ до-метнуть). Серб. хвтар, тождественное съ нашимъ хитры́й, значитъ: быстрый, хорут. hiteti—спѣшить, старослав. хы(и)тяти—схватить, поймать; сравни чеш. chwatali, новгор. и твер. хватать ся—торопиться, серб. дофятити (=дохитити)—достигнуть и рус. хватъ — молодець; хапать —схватывать и олон. хаписты́й—молодцоватый. Слѣдовательно хитры́й первоначально могло означать тоже, что и прилагательное ловкой, т. е. тотъ, который удачно, скоро ловить, а затѣмъ уже—умный. Приведенный рядъ словъ переноситъ насъ въ тѣ отдаленныя времена охотничьяго быта, когда иѣткость стрѣлы, быстрота въ преслѣдованіи дичи были главными достоинствами мушны, ручательствомъ за его умъ ²⁾). Наряду съ словомъ лукавы́й, которое сдѣлалось нарицательнымъ именемъ чорта (у нѣмцевъ: der böse, feindliche, и п-

¹⁾ Галлы, соч. Георгіевскаго, 126. — ²⁾ Потеби., 62-66.

holde, утцовъ церкви: antiquus hostis¹⁾), хитникъ также служитъ для обозначенія нечистаго духа, какъ коварнаго обольстителя и въ тоже время похитителя небснаго свѣта и дождей (см. II, 582), а впоследствии — похитителя душъ христіанскихъ; сравни: воръ и про-ворный. Подъ вліяніемъ указанныхъ воззрѣній и языка, богъ разящихъ молній переходитъ въ хромоногаго демона, и донинѣ у разныхъ народовъ продолжаютъ давать этотъ зпитетъ дьяволу: der hinkende teufel, lahmer teufel, hinkenbein, diable boiteux²⁾), хромой бѣсъ, хромой чортъ³⁾); въ воронежской и другихъ губерніяхъ нечистаго называютъ: «Антипа (?) безпята»⁴⁾); чехи поминуютъ kulhavého čerta и kulhavého šosu⁵⁾). Въ народныхъ сказкахъ чортъ нерѣдко является искуснымъ кузнецомъ, съ чѣшъ (какъ нельзя болѣе) гармонируютъ и его черныи вѣдъ, и его пребываніе въ покрытыхъ сажею и горящихъ адскимъ пламенемъ пещерахъ; въ самой короткой срокъ онъ можетъ перековать въ гвозди огромное количество желѣза; въ Германіи думаютъ, что, ударяя кузничнымъ молотомъ въ полночь, можно вызвать нечистаго духа⁶⁾). Падающіе съ облачнаго неба, молніеносные духи (чешск. světloposi—эльфы⁷⁾) въ эпоху христіанства смѣшались съ тѣми некогда-свѣтлыми ангелами, которые за свою гордость и высокоуміе были низринуты, по библейскому сказанію, во мракъ преисподней⁸⁾). Як. Гриммъ относитъ названіе Loki

¹⁾ D. Myth., 940-2. — ²⁾ Ibid., 352, 945. — ³⁾ Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, полов. 2, 152—народная поговорка: „чортъ хромъ, да съ рожками“; Н. Р. Лег., 20. — ⁴⁾ Ворон. Г. В. 1850, 29. — ⁵⁾ Ганушъ о Дядь-Всецвѣдъ, 28, 37.— ⁶⁾ Beitrage zur D. Myth., II, 313. — ⁷⁾ Громаннъ, 20 : světloposi собираются на лугахъ и поляхъ, танцуютъ, сбиваютъ путниковъ съ дороги и бросаются имъ на спину; можно накладывать ихъ свистомъ. — ⁸⁾ Люцверъ, владыка ада, по самому значенію его имени былъ первоначально свѣтлымъ духомъ — D. Myth., 937.

къ корню *lukan* (*claudere*—запирать, *claudus*—хромой); скан. *lok-finis, consummatio, loka*—запоръ, засовъ у дверей: свѣдѣтельство языка—въ высшей степени любопытное и знаменательное, такъ какъ молнія изстари уподоблялась ключу, отпирющему весной дождевые источники и замыкающему ихъ на все время холодной зимы; «замкнутое небо»—небо, не посылающее дождей (см. т. II, стр. 399—405). Въ качествѣ демона, Локи замыкаетъ облака, налагаетъ на нихъ крѣпкіе запоры, задерживаетъ небесныя воды и производитъ неурожай. Въ противоположность Тору, покровителю земледѣлія и произрастителю хлѣбныхъ злаковъ, онъ засѣваетъ поля сорными травами; въ Нордъ-Ютландъ вредная для скота трава называется *Lokkens havre*—подобно тому, какъ на Руси осотъ считается чортовымъ зельемъ: «ни заар *Lokken sin havre*» (теперь Локи съѣтъ свою траву). Въ ередніе вѣка чорта представляли подъ символомъ молота, засова и запора. Въ шведской пѣснѣ о Тоггаръ чортъ похитившій молотъ (сравни II, стр. 688), названъ *troll-tram* отъ скан. *trami, tremill*, др.-в.-нѣм. *dremil*—засовъ у дверей ¹⁾. Седьмой день, посвященный италійцами Сатурну (*dies Saturni*), у германскихъ племенъ называется: *Soeterdäg, Soeternesdäg, Saturday, Saterdei, Satersdäg*; англос. *soetere*—*insidiator*, скрывающійся въ засадѣ врагъ, подстерегающій злоумышленникъ (др.-в.-нѣм. *sá zagi*, ср.-в.-нѣм. *sá ze*—*insidiae*—*lāga, lāge*). Такое названіе субботняго дня приводитъ на мысль скан. *laugardagr*, швед. *lögedag*, дат. *løverdag*, что въ болѣе раннюю эпоху могло быть равносильно выраженіямъ: *Lokadagr, Logadagr*—день, посвященный Локи. Итакъ Локи соответствуетъ Сатурну, жестокому богу прелесподней; съ именемъ этого послѣдняго и съ

¹⁾ Ibid., 222-3, 951-2.

именемъ созвучнаго ему сатаны народъ и связалъ свои воспоминанія о древнемъ національномъ божествѣ демоническаго характера. Въ священномъ писаніи сатана есть отецъ лжи; сканд. *Loeki*—*verführer, verlocker, nachsteller*, дат. *Loke löjemand (lovmand)* намекаетъ на *lyve*—лгать, обманывать (грѣт. *löi*); Гриммъ подозреваетъ сродство между словами *lüge*—ложь, обманъ и *logi*—огонь, вихрь. У нѣмцевъ, русскихъ и чеховъ существуетъ примѣта: если огонь горитъ съ трескомъ и прыгаютъ изъ печи искры, то въ семьѣ произойдутъ ссора и брань. Слово *wind* употребляется въ значеніи клеветы, ложнаго доноса, *windbeutel*—лжецъ; точно также въ русскомъ языкѣ «слова, сказанныя на вѣтеръ» означаютъ: пустая рѣчь, враки, вѣтренный человекъ—безпутный; у датчанъ есть пословица: *lögn er et skadeligt uveig* (ложь—опасная буря). *Der lügner*—не только лжецъ, но и насмѣшникъ, шутникъ, какъ и представляется Локи въ сказаніяхъ Эдды; наши поселяне даютъ чорту, домовому и лѣшему названіе шута, шутка¹⁾. Старинныя хроникѣ свидѣлствуютъ, что и славяне чтили божество, подобное Сатурну. Такъ Массуди въ «Золотыхъ лугахъ» говоритъ, что во храмѣ, построенномъ на Черной горѣ, стоялъ идолъ, изображавшій Сатурна—въ видѣ старца, съ палкою въ рукахъ, которою онъ разгребалъ кости умершвхъ; подъ правую его ногу были ввдны муравьи, а подъ лѣвою сидѣли вороны и другія хищныя птицы. Видукиндъ упоминаетъ о мѣдномъ идолѣ Сатурна у вагровъ. Славянское имя этого бога, слѣдуя глоссамъ Вацерада, было Ситивратъ (см. гл. XXVIII). Словаки мѣстомъ входа въ адъ назначаютъ пропасти горы Ситна (названіе, стоящее—можетъ быть—въ связи съ именемъ Сити-

¹⁾ *Ibid.*, 226-7, 568, 968; Громанъ, 42; Обл. Сл., 257 (черный шутъ), 269.

врата), и злаго духа вазываютъ пропастиникомъ, преда-
никомъ ¹⁾.

Вообще слѣдуетъ замѣтить, что народныя преданія и по-
вѣрья о нечистыхъ духахъ воображаютъ въ нихъ—демоновъ
грозовыхъ тучъ и бурныхъ вихрей, а въ нихъ адскомъ жили-
щѣ— мрачныя гертепы облачныхъ горъ. На это мы уже не разъ
указывали въ предыдущихъ главахъ нашего сочиненія, посвя-
щенныхъ великанамъ, карликамъ, водянымъ, лѣшимъ и дру-
гимъ стихійнымъ духамъ, съ которыми постоянно смѣшивают-
ся черти. Вритра, Аги, Cushman и другіе демоны, упоминаемые
Ведами, суть только очеловѣченныя явленія природы, ибо дѣя-
тельность ихъ обнаруживается въ потемнѣніи неба громовыми
тучами, въ воздыманіи бурь и опустошеніи нивъ градомъ; оби-
тая въ облачныхъ горахъ или среди дождевыхъ водъ, они похи-
щаютъ небесныхъ коровъ и дѣвъ, солнце, мѣсяцъ и дождь, и
сражаются съ Индрою—молнія противъ молніи ²⁾. Въ шумѣ
весеннихъ грозъ предки наши созерцали битву громовника съ
демоническими силами, которыхъ онъ разитъ своимъ мо-
лотомъ, палицей или стрѣлами, и доселѣ существуетъ по-
вѣрье, будто ударомъ молота по наковальнѣ можно наложить
на чорта оковы ³⁾. Къ тѣмъ свѣденіямъ, какія собраны по
этому предмету выше (I, 261 — 6), мы добавимъ свидѣтель-
ство стариннаго англосаксонскаго памятника, сходнаго по со-
держанію съ русскимъ стихомъ оголубиной книгѣ. Здѣсь, меж-
ду прочимъ, описывается борьба сатаны съ Богомъ: дьяволъ
претворяется въ тьму, а Господь—въ свѣтъ: первый прини-
маетъ образъ исполнскаго змѣя, а послѣдній—копья.
Наконецъ сожженный божьею молніей, раздавленный громовой
колесницею и пронизанный дождемъ, сатана признаетъ себя по-

¹⁾ Макуш., 81-82; Ч. О. И. и Д., годъ 2, III, ст. Срезнев., 45;
Nag. zriewanku, I, 429; Срезнев., 17. — ²⁾ Germ. Mythen, 167—8.
³⁾ Ч. О. И. и Д. 1865, IV, 239.

бѣжденнымъ, и Господь налагаетъ на него желѣзные цѣпи ¹⁾). Подъ другимъ поэтическимъ воззрѣніемъ гроза и крутящіяся вихри представлялись чортовой свадьбою или пляскою (I, 330—1), и до сихъ поръ поселяне наши убѣждены, что земнія вьюги и мятели посылаются нечистою силою; появленіе и исчезаніе чертей сопровождаются бурю и трескомъ ломающихся деревьевъ. Манихей и другіе еретики внесли въ свое ученіе догматъ, что буря есть дыханіе заключеннаго въ оковахъ дьявола (сравни I, 311), что громъ—скрежетъ его зубовъ, злобное ворчанье, а дождь—капли его пота ²⁾). Въ сербской рукописи (XIV вѣка) содержится отрывокъ закланія противъ нечистой силы, въ которомъ читаемъ: «запрещаю ти четверици патріархи, запрещаю ти, діаволе, 308-ю святыхъ отецъ, иже въ Никей, да не имаша власти на троудѣхъ христіаньскихъхъ (т. е. надъ нивами) одьждити (одождити) бо урею и злимъ градомъ ³⁾). По мнѣнію чеховъ, вѣстѣ съ вихрями, поднимающими пыль столбомъ, движутся злые духи и причиняютъ людямъ болѣзни; сражаясь въ воздухѣ, черти бросаютъ другъ въ друга мельничные камни, которые раздробляются на тысячи кусковъ и падаютъ на землю градомъ; когда приближается бурная гроза, чехи заклинаютъ ее слѣдующей заповѣдной формулой: «zaklinam vás, anděle pekelní kteri posíláte krupobiti na tento svět, neškoj'te ourodám božim, ani zemi, ani chmelnicím, ani lukám, ani lidem, ani hovadům, ani žádnému stvoření božimu... abyste na skály a na hustiny šli.» Подобно тому въ Ведахъ встрѣчаемъ молитву: «не повреди намъ, Рудра, на сынахъ нашихъ и внукахъ, на лошадяхъ и коровахъ!» ⁴⁾ Отъ XVI вѣка дошли до насъ сказанія, въ которыхъ опустошительныя бури изображаются, какъ дѣло нечи-

¹⁾ Опытъ истор. обозр. рус. словесн. О. Миллера, I, 332. — ²⁾ Киев. 1865, 57; D. Myth., 952. — ³⁾ Оп. Румян. Муз., 605—6. — ⁴⁾ Громаниъ, 33—35.

стыхъ духовъ: въ 1570-хъ годахъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Богеміи жители наблюдали ихъ полетъ въ стремительныхъ вихряхъ, а въ одной деревнѣ рассказывали, будто дьяволъ свелъ любовную связь съ бабою (вѣдьмою) и научилъ ее напускать грозу и градъ; когда виновную бабу спалили на огнѣ, то черти подхватили ея душу и унесли въ вихрѣ. Въ 1585 году крестьянинъ, у котораго градъ выбилъ ниву, такъ выразился о своемъ несчастіи: «však Pan Bůh tehda spal, když nám čert to obili zdrtil a kroupami potloukl!» ¹⁾ Въ народныхъ клятвахъ донинѣ дается чорту стихійное значеніе: «hat dich der teufel aber herzu tragen?» «wo führt ihn der teufel her?» «daz dich der tiuvel hin füere!» «var du dem tiuvel in die hant!» «-fahr hin zum teuffel!» «le diable t'emporte!» «куда тебя чортъ занёсъ! (или: завель)» «чтобъ тебя чортъ бралъ!» Сличн съ заклѣтїями: «was für ein wetter führt dich her!» «welches ungewitter (или: donnerwetter) hat dich hergebracht?» «wo schlägt dich der hagel her?» «ich will des wetters sein!» «ich bin des donners!» «какимъ вѣтромъ тебя занесло сюда?» (см. также т. I, стр. 317) у словаковъ: kde tam ideš do Pačoma! «kde si bol u Pačoma?» Клятва: zum teuffel! (къ чорту!) равносильна выраженїямъ: zum donner! и dass dich der hammer! Рядомъ съ благословенїемъ: gott walts! въ устахъ народа слышится: des walte der teufel, der donner! Названїя teufelskind и donnerskind, teufelsgeld и donnersgeld (заклятыя деньги)—тождественны. Чорту приписывается быстрота вихря или несущихся въ грозѣ духовъ нештоваго воинства; подобно эльфамъ, чортъ можетъ внезапно появляться, исчезать, оборачиваться въ различные образы и дѣлаться то великаномъ гигантскихъ размѣровъ, то карликомъ, способнымъ пролѣзть въ замочную скважину или въ

¹⁾ Иричекъ — въ Часописи 1863, I, 23-24.

пустой орѣхъ. Въ средневѣковыхъ сагахъ герои привносятся изъ дальнихъ странъ домой съ необычайною скоростью чортомъ и бѣльшею частію чрезъ воздушныя пространства. Такъ король Карлъ въ единую ночь прискакалъ съ востока во Францію на дьяволѣ, превратившемся въ коня ¹⁾. Извѣстная легенда о святомъ пустынникѣ, котораго въ нѣсколько часовъ свозилъ чортъ въ Іерусалимъ или въ Римъ ²⁾. Другія саги допускаютъ замѣну нечистаго духа ангеломъ, указующимъ на быстрого коня: знакъ, что первоначально тутъ разумѣлся не злой демонъ христіанскаго ученія, а созданный язычествомъ стихійный духъ (= вѣтръ) или самъ Вуотанъ, несущій своего любимаго героя въ бурномъ полетѣ облаковъ ³⁾. Какъ представитель легко-измѣнчивыхъ облаковъ и тумановъ, чортъ можетъ превращаться во всѣ тѣ образы, въ которыхъ древнѣйшій мнѣ олицетворялъ тучи. Согласно съ эпическими названіями облаковъ ходячими и, а вѣтровъ буйными, черти вѣчно бродятъ по свѣту и отличаются неустанною, безпокойною дѣятельностью; на областномъ нарѣчій шатунъ означаетъ и бродягу, и дьявола ⁴⁾. По быстротѣ своего полета, тучи уподоблялись хищнымъ птицамъ, легконогому коню, гончимъ псамъ и дикимъ козламъ и козамъ, а ради той жадности, съ какою онѣ пожираютъ (= помираютъ) небесныя свѣтила, — волку и свиньѣ. Всѣ эти животненныя формы принимаетъ и нечистый. Изъ сейчасъ-указанной саги видно, что онъ, наравнѣ съ вѣдьмами, можетъ превращаться въ бѣрзаго коня; въ другихъ сказаніяхъ онъ, подобно Вуотану и

¹⁾ D. Myth., 951, 964, 6, 980; Nag. zpiewanku, I, 407. — ²⁾ H. P. Leg., 19, 20, с в стр. 165-8; Семеновск., 52-53; Пам. стар. рус. литер., I, 245-8: „Сказаніе о великомъ святителі о Іованнѣ, архіеп. великаго Новаграда, како былъ единой ноци изъ Новаграда въ Іерусалимъ-градъ и пакъ възвратися.“ — ³⁾ D. Myth., 980. — ⁴⁾ Обл. Сл., 263.

Донару, выѣзжаетъ на черномъ конѣ или въ колесницѣ; осужденныхъ грѣшниковъ увозятъ въ адскія бездны черныя нонн; Локи превращался въ кобылу в породилъ осьминогаго Слейпнира отъ велканаова жеребца Svadhilfari. Прибавимъ, что и водяные представляются на половину, а иногда и со-нѣмъ въ лошадиномъ образѣ; а кобольдамъ народныя повѣрья даютъ лошадиную ногу. Чортъ нерѣдко показывается въ видѣ собаки и даже называется hellehund, напоминая тѣмъ греческаго Цербера; какъ адскій песъ, онъ стережетъ спря-танныя въ облачныхъ подземельяхъ сокровища, оберегаетъ небесныя стада и участвуетъ въ дикой охотѣ—этой поэтиче-ской картинѣ весенней грозы, почему его называютъ также: hellehirte и hellejager. Въ силу мнѣческаго сродства мертвецовъ съ стихійными духами создалось вѣрованіе, буд-то онъ охотится за душами усопшихъ, какъ гончая собака за убѣгающей дичью: «führt dich der zauch (др. верх.-нѣм. zôha—сука) schon wieder her?» Представленіе чорта козломъ ставитъ его въ особнно-близкія отношенія къ Тору. На празд-ничныхъ сборищахъ вѣдьмъ сатана является въ образѣ чер-наго козла, которому онъ воздаютъ божескія почести; въ зашлвтіяхъ козелъ служитъ замѣномъ древняго бога. Въ Швей-царіи вародъ не употребляетъ въ пищу козлиныхъ ногъ, потому что такія-же ноги имѣетъ и самъ чортъ: это обыкно-веніе объясняется изъ мѣна о козлахъ Тора, мясомъ кото-рыхъ утолялъ онъ свой голодъ, а изъ собранныхъ костей сно-ва воскрешалъ убитыхъ в съѣденныхъ животныхъ, и сильно гнѣвался, когда однажды кость козлиной ноги оказалась раз-дробленною. На подобіе Тора, чортъ ѣздитъ по ночамъ на коз-лѣ и шелкаетъ бичомъ, или правой рукою махаетъ сере-брянымъ молотомъ, а въ лѣвой держитъ молніи. О пре-вращеніяхъ злаго духа въ свинью и волка было сказано выше (1, 715, 732, 740, 781). Чортъ охотно воплощается въ чернаго

вбрана, коршуна и совы (I, 529); тѣмцы называютъ его *hellegabe*, и не только ради хищности и чернаго цвѣта этой птицы, но и потому особенно, что воронъ посвящался Одну, шествующему въ грозѣ и буряхъ ¹⁾). Животенныя формы даются бѣсамъ въ придатокъ къ тѣмъ безобразнымъ человѣческимъ формамъ, въ которыхъ рисовались они воображенію первобытныхъ племенъ; надѣлённый козлиными, коровными или лошадиными ногами и ушами, рогами и хвостомъ, чортъ внѣшнимъ видомъ своимъ сближается съ античными фавнами и сатрами и нашими лѣшими (см. I, 715); онъ также косматъ, какъ *skraten* и *pilosen*; острые когти его и крылья суть признаки звѣринаго и птичьяго типовъ. По лѣтописному свидѣтельству, боги, живущіе въ безднахъ, «видомъ червы, крылаты, съ хвостами и летаютъ подъ небо» ²⁾). Сходно съ эльфами, цвергами и ниссами, черти любятъ пляски и музыку (I, 331—4 ³⁾). На ряду съ бѣсами мужескаго пола, преданія говорятъ о чертовкахъ, которыя, по характеру своему, совпадаютъ съ облачными, водяными и лѣсными женами и дѣвами ⁴⁾). У малоруссовъ есть поговорка: дождался чортовой матери! ⁵⁾ Въ народныхъ сказкахъ въ жилищѣ чорта сидитъ его бабка, мать или сестра, которая въ большей части случаевъ оказывается благосклонною къ странствующему герою, прячетъ его отъ своего сына и помогаетъ ему въ нуждѣ (съ тѣмъ-же значеніемъ изображается и мать вѣтровъ—см. I, 313); самъ же чортъ, ворочаясь домой, чуетъ носомъ человѣческое мясо, какъ чуютъ его великаны и змѣи. По мѣтнію малоруссовъ, если «дощь йде кризь сонце (т. е. при солнѣчпомъ сіяніи), то чортъ жинку бье» или «дочку замижъ виддае»; чехи говорятъ: *čert běli svou babu, ěi svou matku neb chot'*

¹⁾ D. Myth., 946-9, 952, 958, 965, 974; Beiträge zur D. Myth., I, 66. — ²⁾ П. С. Р. Л., II, 273. — ³⁾ Ibid., I, 83. — ⁴⁾ D. Myth., 958—9. — ⁵⁾ Номис., 109: „дочекався чортовой мамі!“

(любовницу); французы: *le diable bat sa femme*. Въ Германіи о быстро-сѣняющейсѣ погодѣ—то ясною, то дождливой въ пасмурной выражаются поговоркою: *der teufel bleicht seine grossmutter*, въ Швейцаріи: *der teufel schlägt seine mutter*; когда громъ гремитъ при солнечномъ сіяніи, вѣтцы говорятъ: «*der teufel schlägt seine mutter, dass sie öl gibt.*» Польско-русинское присловье утверждаетъ, что вѣдьмы (чаровницы) сбиваютъ масло въ то самое время, какъ чортъ бабу колотитъ. Очевидно, чортъ выступаетъ здѣсь въ роли громовника; въ шумѣ лѣтней грозы онъ бьетъ свою мать или жену, т. е. облачную нимфу, и требуетъ отъ нея масла—дожда (I, 665—7 и гл. XXVI). Туча, въ вѣдрахъ которой рождается молнія, почиталась ея матерью; въ сказкахъ упоминается мать грома, литов. *Regina tete*. Съ другой стороны таже облачная нимфа, подъ инымъ поэтическимъ воззрѣніемъ, представлялась любовницею или женою грозового демона, съ которою онъ сочетается молніеноснымъ фаллюсомъ ¹⁾).

Видѣтъ съ присвоеніемъ громовнику и сопутствующимъ ему духамъ характера демоническаго, сатанинскаго, жилища ихъ, т. е. облачныя подземелья и пещеры, получили значеніе страшнаго царства нечистой силы; въ тоже время царство это признано было обиталищемъ умершихъ, ибо и въ языкѣ и въ повѣрьяхъ Смерть родилась съ нечистою силою ²⁾, а тѣни усопшихъ съ грозowymi геніями. И та, и другія неслись въ рядахъ нечестоваго воинства и дикой охоты, сопровождали Одина въ его воздушныхъ поѣздахъ и видѣтъ съ нимъ скрыва-

¹⁾ D. Muth, 157, 960; Номис., 282; Гавушъ о Дѣдѣ и Бабѣ, 25. Народными поговорки утверждаютъ, что „чортъ и баба—родня между собою“, „гдѣ чортъ не сможетъ, туда посылаетъ бабу“. —

²⁾ Напомнимъ, что суббота (*dies Saturni*) есть по преимуществу день поминокъ.

лись въ облачныя горы и дождевыя источники. Тѣже самыя образы и краски, какіе созданы были поэтическимъ настроеніемъ древняго человѣка для тучъ, служили и для обрисовки царства демоновъ и мертвыхъ. Прежде всего это есть міръ подземный, куда ведетъ трудный путь черезъ пропасти и горныя ущелія,—міръ непроницаемой тьмы и страшно-клокочущаго, всепожигающаго пламени: тьма указываетъ на помраченіе неба черными тучамъ, а пламя—на горячія въ нихъ молніи. Таково было воззрѣніе арійскихъ племенъ. Веды знаютъ ужасный, подземный міръ Nagaka, въ которомъ царствуетъ богиня Nirriti ¹⁾; по ученію древнихъ грековъ, души усопшихъ отходятъ въ подземный, вѣчно-туманный и мгlistый адъ (ᾠδης, ᾠδης), гдѣ властвуетъ богъ Андесъ (Гадесъ), являющійся во всей грозовой обстановкѣ: онъ имѣлъ шлемъ-невидимку, жезлъ и златоблестящую колесницу (метафоры облака и молніи ²⁾). Греческому аду соотвѣтствуетъ германская гелла и славянское пекло. Сканд. Hel (гот. Halja, др.-в.-нѣм. Hellia, Hella, англос. Hell) принимается въ двухъ значеніяхъ: какъ названіе того свѣта (unterwelt) и какъ имя царствующей тамъ богини—точно также, какъ греч. ᾠδης и лат. Orcus (uragus, irgus) олицетворялись въ мужскомъ образѣ. Ульфила переводитъ ᾠδης словомъ halja; верхненѣмецкій переводчикъ св. писанія infernus передаетъ черезъ hella, а gehenna—черезъ hel-lasiur и hellawizi. Геллу, сверхъ того, чтли язычники какъ богиню смерти, существо злое, забирающее души усопшихъ въ свою печальную область, откуда уже нѣтъ возврата. По свидѣтельству Эдды, она была дочь Локи, порожденная великанкою, сестра волка Фенрира и чудовищной змѣи; она на половину или и совсѣмъ чернаго цвѣта, подобно тому, какъ,

¹⁾ Die Götterwelt, 53. — ²⁾ Der Ursprung der Myth., 171.

олицетворяя Смерть, народное воображеніе рисуетъ ее сумрачною и черною. Царство Геллы лежитъ глубоко въ утробѣ земли, подь корнемъ мировой ясени Иггдрасилли и носить имя Niflheimr или Niflhel=nebelwelt, nebelhölle (облачный, туманный міръ или адъ); ея чертогъ—Eliudhnir (страданіе, бѣдствіе), блюдо—Húngr (голодь), ножъ—Sultr (съ тѣмъ же значеніемъ), т. е. она пожираетъ съ ненасытнымъ голодомъ. Въ среднія вѣка изображали адъ жадно-раскрытымъ, поглощающимъ людской родъ зѣвомъ, подобнымъ волчьей пасти; старинные памятники говорятъ о безднѣ, дверяхъ и челястяхъ адскихъ. Идея зѣвающей бездны, отверстой пасти, воротъ и крѣпкихъ, неодолимыхъ запоровъ такъ естественно возникали въ данномъ случаѣ, что разные народы постоянно обращались къ этимъ образамъ. Наши церковныя и лубочныя изображенія страшнаго суда рисуютъ адъ въ видѣ открытой, огнедышащей пасти чудовищнаго змѣя ¹⁾. Усопшіе ѣдутъ въ область Геллы на коняхъ или въ колесницѣ («fara til Heljar»); созвѣздіе Большой Медвѣдвцы называютъ не только himmelwagen, но и hellewagen; имена, даваемые млечному пути, указываютъ на него, какъ на дорогу, которая ведетъ умершихъ на тотъ свѣтъ: любопытныя данныя, ярко-свидѣтельствующія, что подземное, загробное царство первоначально было только метафорическимъ обозначеніемъ небесныхъ, облачныхъ пещеръ. Греки помѣщали адъ то въ нѣдрахъ земли, то за предѣлами воздушнаго океана, гдѣ находились и блаженные острова. Рядомъ съ подземной странюю Nagaka индѣйское вѣрованіе указываетъ на фиговое дерево (acvattha

¹⁾ У пророка Исаіи, V, 14: „и разшири адъ душу свою, и разверзе уста своя“. На стѣнной живописи вологодскаго Соейскаго собора подь стоепани Спасителя, изводящаго изъ ада души протцевъ, изображены сокрушенныя врата, веревы и захлепы — Изв. Имп. Археолог. Общ., IV, 24.

—Иггдразиль), подъ сѣнью котораго пребываютъ праотецъ Яна и всѣ блаженные—Pitris, наслаждаясь невозмутимымъ покоемъ и вмѣстѣ съ богами вкушая безсмертный напитокъ. Рядомъ съ геллою скандинавскій мнѣзъ называетъ валгаллу (valhöll). На высокомъ небѣ высился Ásgardhr—городъ свѣтлыхъ асовъ, гдѣ хозяиномъ и владыкою былъ Одвнъ; окруженный крѣпкими стѣнами, городъ этотъ заключалъ въ себѣ славные чертоги и валгаллу. Эта послѣдняя имѣла 540 дверей, вмѣсто кровли была покрыта золотыми щитами, на стѣнахъ ея висѣли блестящіе мечи и давали свѣтъ, озаряющій всю залу. Сюда поступали падшіе въ битвахъ герои (einherien) и продолжали свои воинскія занятія; каждый день они сражались на дворѣ и умерщвляли другъ друга, но когда наступало время трапезы—убитые возставали и пиروвали за однимъ столомъ съ побѣдителями, вкушая безсмертныя яствы и вдохновительный медъ; въ битвахъ этихъ принималъ участіе и самъ Одинъ. Ясно, что герои валгаллы суть стихійные духи, сражающіеся въ лѣтнихъ грозахъ и пьющіе живую воду дождя—представленіе, перенесенное потомъ на доблестныхъ народныхъ витязей, души которыхъ смѣшиваются съ безсмертною свитою Одина. Въ царство же Геллы поступаютъ умершіе отъ старости и болѣзней; первоначально это — мѣсто пребыванія усопшихъ, а никакъ не мѣсто наказанія грѣшниковъ; о казни и мукахъ нѣтъ ни слова въ древнѣйшихъ памятникахъ, и обитатели Нифльгейма составлялась не исключительно изъ злыхъ и нечестивыхъ людей, но всѣ скончавшіеся не въ пылу сраженій, даже самыя благородныя и возвышенныя личности, отходили сюда, какъ свидѣтельствуя примѣры Брингильды и Бальдура. По греческому вѣрованію, почившіе герои поступали въ мрачныя вертепы ада. Тѣмъ не менѣе изъ этихъ мнѣшескихъ основъ—съ теченіемъ времени, когда выработалась извѣстная сумма нравственныхъ правилъ, должны бы-

ли развитыя представленія о различной участи, ожидающей по смерти добрыхъ и злыхъ. Слабые зачатки такихъ представлений встрѣчаемъ уже въ мірѣ языческомъ, отдѣлившемъ небесное царство Ямы и блаженныхъ праотцевъ отъ подземной области Нараки. Съ забвеніемъ исконнаго смысла старинной метафоры, уподобившей облака горамъ и подземельямъ, и съ перенесеніемъ ада въ дѣйствительныя нѣдра земли, сказанія о немъ стали противопоставляться мнѣю о небесныхъ (райскихъ) обителяхъ боговъ и ихъ любвмцевъ ¹⁾. Уже Гомеръ различаетъ тартаръ отъ елисейскихъ полей; тартаръ лежалъ еще глубже ἄδης'а—въ безднѣ, гдѣ томилась заключенные великаны, буйные противники боговъ, и позднѣе признанъ былъ за ту часть подземнаго царства, въ которой злые осуждены терпѣть казни; въ елисейскихъ же поляхъ проводятъ безпечальные дни тѣни блаженныхъ. У германцевъ также было вѣрованіе, принимаемое Я. Гриммомъ за сравнительно-позднѣйшее, что Всевышній (Allvater) даруетъ людямъ безсмертныя души, и какъ скоро трупъ покойника будетъ сожженъ на кострѣ или сгниетъ въ могилѣ—душа добраго возвращается въ Одиву на небо (Gimill, Vingðlf), а душа злаго идетъ въ Niflheimr. Собственно же говоря, строгое различіе между грядущими судьбами добрыхъ и злыхъ и мѣстами ихъ посмертнаго пребыванія указано христіанствомъ, которое потребовало отъ человѣка высокой нравственной чистоты и стало судить его по его внутреннимъ достоинствамъ. Въ XIII вѣкѣ уже утвердилось за геллою ея теперешнее значеніе подземнаго царства музъ, въ которомъ пребываютъ души осужденныя, проклятыя ²⁾. Въ др.-вер.-нѣмецкихъ памятникахъ употре-

¹⁾ Между небомъ и подземнымъ царствомъ ада земля составляетъ средину — Midhgardh (media domus) — D. Myth., 526; О вл. христ. на сл. нв., 188 — ²⁾ D. Myth., 288-292, 663, 761-4, 777-8; Die Götterwelt, 58, 158, 162.

блается въ смыслѣ ада—bēsch (pēsch—pīch, смола); новыя греки называютъ преисподнюю π(σσα. Этотъ смоляной адъ назвѣстенъ у славянъ и литовцевъ подъ именемъ пѣкла (пол. piekło, серб. пакао, слов. pekel, нл. rakal, лит. rekla, др.-прус. pickullis), каковое слово происходитъ отъ глагола печь, пеку в равноозначаетъ и смолу, которая гонится чрезъ жженіе смолистыхъ деревьевъ, и геенское пламя ¹⁾. Венгерское rokol (адъ) заимствовано отъ славянъ—точно также, какъ германскія племена заимствовали отъ римлянъ infern. На Руси смолу называютъ варо иъ, а слово дѣготъ имѣетъ въ санскритѣ корень dah (dagh) — горѣть ²⁾. Слѣдуя буквальному значенію этихъ словъ, предки наши связывали ихъ съ представленіями весеннихъ водъ и дождей, рождающихся дѣйствіемъ яркаго солнца и молніеноснаго Перуна изъ растопленныхъ свѣговъ и тучъ. Такимъ образомъ смола и деготь издревле были метафорами дождя (I, 788-9), а слово пекло къ обозначенію «ада» перешло отъ понятія грозовой тучи, пылающей молніями и преисполненной кипучею влагою живою воды. Въ старинныхъ славянскихъ рукописяхъ греч. τάρταρος переводится грозю: «ниги грозѣ предаются» ³⁾. У люнебургскихъ вендовъ адъ—smela—смола. Литовскій Rokole (Roklus, др.-прус. Pikelos, Pekolos) есть богъ-пекельникъ, владыка того свѣта, тождественный Гадесу; чортъ по литовски—rusulas (др.-прус. pickuls). По народнымъ повѣртіямъ, появленіе и исчезаніе нечистыхъ ду-

¹⁾ Описан. слав. рукоп. моск. синодальн. библіотеки, отд. I, 109: пькѣло — смола; отд. II, вып. II, 239: пекла моуки — inferni roenas; Церковнослав. слов. Востокова: «посмоли же ковчегъ пекломъ»; пеколь, пекль, пьколь — смола или асфальтъ. —

²⁾ Г Милуцкій сблизаетъ dah съ славянскимъ жег; ъ вывѣняется въ ж, какъ въ словахъ: орудіе — оруміе, куделя — кужеля (Зап. Р. Г. О. по отдѣл. этнограф., I, 589). — ³⁾ Описан. слав. рукоп. моск. синод. библ., отд. II, вып. II, 261—2.

ховъ всегда сопровождается громовымъ трескомъ в удушливыхъ парахъ, распространяющимъ сѣрный или смолистый запахъ ¹⁾. Малороссійская поговорка: «якъ дндько по пеклу шибаетца» указываетъ на властвующаго тамъ сатану или подземнаго Перуна; какъ у славянъ имя Дѣда=Перуна перешло въ названіе дьявола (дѣдько—см. II, 488), такъ у нѣмцевъ *al t* есть не только прозваніе Тора, но сверхъ того означаетъ и чорта, в велькана; сравни наше: «старый чортъ» ²⁾. Славяне полагаютъ пекло подъ землею, куда надо спускаться чрезъ разинутую адскую пасть, подобную глубокому, извергающему страшное пламя колодцу. Простолюдныя русскіе убѣждены, что душа во время «обмиранья» (летаргій), руководимая Николаемъ-угодникомъ, странствуетъ въ подземномъ царствѣ и видитъ тамъ адскія муки. По свидѣтельству Длугоша, язычники-поляки молили подземное божество отвести ихъ по смерти въ лучшія мѣста ада (*in meliores inferni sedes* ³⁾). Въ Шлезіи «пекломъ» называютъ склепы съ погребальными урнами ⁴⁾; а словацкій *pikuljk* принадлежитъ въ разряду домовыхъ геніевъ, въ образѣ которыхъ чтились души усопшихъ предковъ. Въ народныхъ сказкахъ герои, отправляясь на тотъ свѣтъ, нисходятъ туда чрезъ глубокую яму. Словаки рассказываютъ объ одномъ охотникѣ, который, по указанію бабы-яги, ѣздивъ въ адъ и спускался для того въ пропасть; его везъ летучій змѣй (драконъ-туча), и когда не хватило запасовъ—странствующій молодецъ вынужденъ былъ дать змѣю кусокъ мяса отъ собственной ноги и остался навсегда хромъ ⁵⁾. Тѣже подробности находимъ въ нашихъ, нѣ-

¹⁾ D. Myth., 765; Lituanica, Шлейхера, 27; Дюевбахъ, I, 336-7; Ганушъ о Дѣдѣ и Бабѣ, 13; Громанъ, 27; Киев. 1865, 57.— ²⁾ D. Myth., 957. — ³⁾ Ж. М. Н. II. 1847, II, ст. Срезнев., 188. — ⁴⁾ Вѣст. Евр. 1826, III, 210. — ⁵⁾ Пов. и пред., 153-5; Nag. zriewanky, I, 12.

ицких и норвежскихъ сказкахъ, повѣствующихъ о возвращеніи героевъ съ того свѣта—изъ далекой страны чудовищныхъ демоновъ; но мѣсто змѣя заступаетъ громадная птица, потемняющая своими крыльями солнечное сіяніе. Въ заговорахъ нечистая сила посылается «въ океанъ-море (=небо), въ бездны преисподнія, въ котлы кипучіе, въ жаръ палючій, въ сѣру горючую, въ тартарары—вотъ му кромочную» ¹⁾. Изображая адъ пекломъ, т. е. возженною смолою, народная фантазія соединила съ нѣмъ представленіе объ огненной, бурно-клокочущей рѣкѣ, которая у грековъ называлась Πυρφλέγέθων (огненный потокъ ²⁾). Маеъ о кончинѣ міра, живописующій разрушеніе въ шумѣ весеннихъ грозъ старой, одряхлѣвшей за зиму природы, свидѣтельствуеетъ, что въ то страшное время протечетъ рѣка огненная. При концѣ вселенной настанетъ царство антихристова, свѣтила небесныя померкнутъ, архангелы вострубятъ въ рога и мгновенно воскреснутъ мертвые. «Посемъ, говоритъ Кириль Туровскій, огонь неугасимый потечетъ отъ вѣстока до запада, поядая горы и каменіе и древа, и море изсушая; твердь же яко баресто свертится (вар. небеса совіются), в вся видная сущія вещи, развѣе человекъ, «вся отъ ярости огненныя яко воскъ истаютъ, и згоритъ вся земля. И сквозь той огонь подобаетъ всему человеческому роду пронти... Въ нихъ же суть нѣщѣи, мало имуще съгрѣшенія и нешправленія, ако человекъ, понеже есть Богъ седниъ безъ грѣха, да снмъ огнемъ искушени будутъ, очистятся и просвѣтятся тѣлеса ихъ яко солнце, по добродѣтели ихъ: праведнымъ даеъ свѣтъ, а грѣшнымъ опаленіе и омра-

¹⁾ Сахаровъ, I, 30—31. — ²⁾ Griech. Myth. Преллера, I, 637; φλέγω —жигаю. Калевала упоминаетъ огненную рѣку; волны ея бьютъ въ скалы, на вершинѣ которой сидитъ орелъ (молящійся птица) и точить свой клювъ.

«челіе (см. I, 219). Промедшимъ же имъ огненную сію рѣку, «огненная ея рѣка, по божію повелѣнію, послуживше и отшедши къ западу, учинится во озеро огненное на мучениіе грѣшныиъ. Посевъ будетъ земля нова и равна, якоже бѣ искони, и бѣла паче снѣгу, и потомъ повелѣвіемъ божиимъ премѣнится и будетъ яко золото; изидеть изъ нея трава и цвѣтїи много различни и неувыдающи и некогда-же... и възрастутъ древа не яко видима ея суше, но высотою, лѣпотою, величествомъ невозможно есть наглаголати усты человеческими» ¹⁾). Въ стихѣ о страшномъ судѣ сказано: протечетъ рѣка огненная и запылаетъ огонь отъ земли до неба и пожретъ камни, лѣса, птицъ и звѣрей;

Сойдутъ съ небесъ ангелы грозные,
И снесутъ они орудїа ошесныя
И погонять грѣшныиъ въ рѣку огненну.

Вслѣдъ за тѣмъ начинается великій потопъ, омывающій грѣховную землю ²⁾). На картинахъ страшнаго суда изображается и эта неугасимая рѣка, съ толпами захваченныхъ ею грѣшниковъ. Въ путевыя записки Коробейникова и Грекова, при описанїи святыхъ мѣстъ Палестины, занесено преданїе: «и тою подолю, сказываютъ, хочеть течи рѣка огненная въ день страшнаго суда» ³⁾). Въ народномъ стихѣ Михайль-архангелъ представляется въ роли Харона ⁴⁾): какъ на послѣдняго

¹⁾ Псалт. XII в., 100-1; Руноп. графа Уварова, II, вып. I, 118—9. Въ стихирахъ ведѣнїи мясопустной, по рукописи XV столѣтїя, читаемъ: «рѣка же огненная предъ соудищемъ течеть, оужасалъ всѣхъ... плачу и рыдаю, егда во оумѣ прїиму огонь неугасимый, тмоу кромишною и пропасть глаубокою, лютаго червїя неусыпающаго и сиреметь зубвый» — Калѣки Пер., VI, стр. XVII. — ²⁾ Ч. О. Н. и Д., годъ 3, IX, Кирѣвск., 196—205. — ³⁾ Сахаров., II, 146. — ⁴⁾ Имя, указывающее на грозное божество (χαρόψ, χαροπός) — Der Ursprung der Myth., 273.

возложена была обязанность переправлять тѣни усопшихъ черезъ адскіе потоки, такъ этотъ перевозитъ души праведныхъ черезъ рѣку огненную «ко пресвѣтлому раю» (см. I, 575-7). Въ сказкахъ змѣй и баба-яга указываютъ богатырямъ на огненные источники (=тучи), въ которыя что ни брось— тотчасъ-же все объемлется пламенемъ. Востокъ, откуда восходитъ (=нарождается) ясное солнце, чтился аріидами какъ райская страна, царство Весны и ея благодатныхъ даровъ; напротивъ западъ есть страна ночнаго мрака, смерти и адскихъ мукъ (см. I, 182). Младенческимъ племенамъ все то казалось за истину, что видѣлъ ихъ глазъ; солнце, удаляющееся вечеромъ съ небснаго свода, и облака, гонимыя за горизонтъ вѣтрами, какъ-бы уходятъ подъ землю, а потому западъ, гдѣ умираетъ дневное свѣтло, признанъ былъ за подземное, загробное царство; тамъ полагали греки и свой *ᾠδης*. Весенняя, пожигаемая молніями туча течетъ съ востока огненною рѣкою, поѣдаетъ обветшалый міръ и затѣмъ отходитъ къ западу, гдѣ и водворяется на муку грѣшнымъ. Всемирный пожаръ дѣйствуетъ за одно со всемирнымъ потопомъ, какъ поэтическія представленія грозоваго пламени и дождевыхъ ливней (см. I, 762 и II, 644—7), и затѣмъ наступаетъ блаженное царство весны: земля, обезсиленная рукою старости—зимы, юнѣетъ и обновляется, поля и лѣса одѣваются въ зелень и сулятъ обиліе плодовъ земныхъ. Согласно съ представленіемъ зимнихъ тучъ безплодными горами и скалами, созданными владыкою демоновъ и разрушенными богомъ-громовникомъ, новый міръ изображается цвѣтущею равниною. Такъ какъ и съ огнемъ, и съ водою соединялась идея физическаго и нравственнаго очищенія (см. II, 14, 22, 181), то понятно, почему народъ сочеталъ съ огненною рѣкою двоякое значеніе: во первыхъ—адскаго, наказующаго потока, и во вторыхъ—очистительнаго пламени (*fegefeuer*); здѣсь коренится католическій догматъ о чистилищѣ (*purgatorium*).

По свидѣтельству народнаго стиха, грѣшныя души, очистившіяся въ огненной рѣкѣ, изымаются изъ ея хлябей неводомъ, что напоминаетъ намъ ту сѣть, съ которою являются боги во время грозы, уподобляемой древними поэтами рыбной ловлѣ въ водахъ небеснаго океана (см. II, стр. 153—5):

И прошелъ неводъ мукой вѣчною,
И вытащилъ душъ праведныхъ (прощенныхъ) изъ муки
вѣчныя ¹⁾.

Персы вѣрятъ, что добродѣтельныя души пойдутъ на небо, а злыя, грѣшныя будутъ прежде очищены огненною металлическою рѣкою (сравни II, 762), которая разольется при концѣ вселенной, и потѣмъ уже начнется всеобщее, безконечное блаженство, явятся новая земля и новое небо и воцарятся вѣчный свѣтъ и правда ²⁾.

Кромѣ запада, идея ада связывалась съ сѣверомъ, какъ страну полуночною, вѣющею зимиными стужами. Понятія ночи, зимы, смерти и все-потемняющихъ тучъ отождествлялись въ языкѣ и мифахъ, что и повело къ представленію сѣвера царствомъ демоновъ, и напротивъ заставило югъ сблизить по значенію съ востокомъ, видѣть въ немъ родину небеснаго огня. По скандинавскому преданію, царство Геллы лежитъ на сѣверѣ. Когда Негмôðhr посланъ былъ къ усопшему Бальдуру, онъ девять ночей (по русски слѣдовало бы сказать: девять дней) ѣхалъ мрачными глубокими долинами и достигъ рѣки Giöll (strepens—шумно-бурливая), черезъ которую велъ мостъ, покрытый блестящимъ золотомъ (т. е. радуга, издревле признаваемая за дорогу въ небесныя обители и путь усопшихъ). Мостъ этотъ сторожила дѣва Mòðhgudhri; ова объявила страннику, что пять дней передъ тѣмъ толпа

¹⁾ Ч. О. И. и Д., годъ 3, IX, 215-6. — ²⁾ Ж. М. Н. П. 1838, т. XX, 328; 1858, III, 277-8.

умершихъ мужей перешла черезъ мостъ и что жилище Геллы (helveg) находятся еще глубже и сѣвернѣе. Мрачныя, глубокия долины соотвѣтствуютъ греческому Ἔρεβος и составляютъ проходъ, ведущій къ аду (Halja): это—холодная, туманная, охваченная непроникаемымъ мракомъ страна Niflheimr'a, гдѣ обтаютъ и носятся темныя эльфы. Посреди этой страны бьетъ источникъ Hvegelmir, изъ котораго истекають двѣнадцать бурливыхъ рѣкъ и между ними Gjöll, ближайшая къ жилищу богини. Потoki эти суть мнѣстческія представленія дождевыхъ ключей, такъ какъ самый Niflheimr—поэтическое изображеніе тумановъ и сгущенныхъ облаковъ. Туже обстановку встрѣчаемъ и въ античныхъ сказаніяхъ о мутномъ, окруженномъ постоянными туманами Стиксѣ ¹⁾ и другихъ адскихъ рѣкахъ ²⁾. По разсказу Гомера, адъ находится у водъ великаго (воздушнаго) океана и корабль Одиссея направляется туда сѣвернымъ вѣтромъ:

Тамъ киммерійнѣ печальная область, покрытая вѣчно
Влажнымъ туманомъ и мглой облаковъ; никогда не являеть
Оку людей тамъ лица лучезарнаго Гелиосъ...
Ночь безотрадная тамъ искони окружаетъ живущихъ ³⁾.

Хотя скандинавскій мнѣ, описывая послѣдній день вселенной, и умалчиваетъ объ огненной рѣкѣ, но за то говоритъ о всесвѣт-

¹⁾ „Styx nebulae exhalat iners.“ — ²⁾ D Myth., 762-4. Сравни т. I, стр. 376, съ сказаніями о рѣчныхъ рѣкахъ; дождевыя, грозовыя потоки равно принадлежать и раю, и аду, только на обрисовку ихъ здѣсь и тамъ употреблены различныя поэтическія краски. — ³⁾ Одис., XI, 13 — 19. Киммеріане—жители загробной области, усопшіе; Одиссей отправляется къ нимъ спросить душу мудраго Тирезія. „Auch deutet ihr name, auf Erebos und Unterwelt, da sie auch Κερβέριοι hiessen, welches wahrscheinlich wie der name des griechischen höllenhundes Κέρβερος mit έρεβος zusammenhängt, während der name Κιμμέριοι auf eine andere form desselben wortes, nehmlich auf έρεμνός führt“ — Griech. Myth. Преллера, I, 634. Сравни съ преданіями о блаженномъ народѣ гиперборейхъ — ibid., 189.

нень пожаръ. Въ противоположность сѣверному міру зимняго холода и тумановъ, на югъ лежитъ міръ огня, называемый въ Эддѣ Muspellsheimr¹⁾. Охранять Muspellsheimr представляетъ Surtur (род. Surtar—schwarzbraune)—имя, родственное съ словомъ svartur—niger; вулканическія разщелины скалъ въ Исландіи называются Surtarhellir. Surtur и Svartur встрѣчаются, какъ имена великановъ. Нигдѣ въ общихъ Эддахъ Суртуръ не выступаетъ въ качествѣ бога; подобно другимъ великанамъ, онъ—врагъ и соперникъ асовъ, демоническій представитель грозовыхъ тучъ: Völuspá огонь называетъ Surtar sefi—Surti amicus. Когда грѣхъ превзойдетъ мѣру, на землѣ станутъ царствовать жестокость, властолюбіе и неправда, и вселенною овладѣетъ суровая зима; тогда должна послѣдовать кончина свѣта (см. I, 759). Вооруженный блестящимъ мечемъ и окруженный пламенемъ, Суртуръ подыметъ вѣсто съ грозными сынами Муспелля (Muspellsöhne), наступитъ войною на боговъ и предастъ вселенную страшному огню; при его появленіи задрожать скалы, люди пойдутъ путемъ смерти и небо распадется съ трескомъ. Асы будутъ побѣждены, старый міръ рухнетъ и на мѣсто его возникнетъ новый, благословенный. Ясно, что огненная рѣка, текущая съ востока, и пламя всесвѣтнаго пожара, приносимое съ юга, — представленія совершенно-тождественныя. Подъ вліяніемъ христіанскихъ сказаній, старо-верхне-нѣмецкая поэзія выводитъ вѣсто Суртура-антихриста и заставляетъ его сражаться съ Ильею-пророкомъ, пролитая кровь котораго вос-

¹⁾ Muspelli (muspille), по объясненію Я. Гримма, — слово сложное: вторая часть его spilli, spelli, spell родится съ слав. spiōll — corruptio, spilla — corrumpere, англес. spillan — perdere, авг. spill, др.-в.-нѣм. spildan, др.-савс. spildian; mud, mu (mū?) заключаетъ въ себѣ понятія земли или дерева. Следовательно mudspellі есть поэтическое названіе огня, какъ ветребителя деревьевъ, пожирателя дровъ.

пламеняетъ всѣ горы ¹⁾). Славяне также соединяли идею ада не только съ западомъ, но и съ сѣверомъ; они донынѣ хранятъ воспоминанія о безпощадной странѣ смерти, вѣющей стужей и мятежами. Адъ, по ихъ мнѣнiю, состоитъ отчасти изъ пропастей и безднъ, наполненныхъ кипучею смолою; отчасти—изъ снѣжныхъ и желѣзныхъ горъ (т. е. изъ тучъ, окованныхъ зимнимъ холодомъ). Изъ желѣзныхъ горъ прилетаютъ зимою Морозы и сюда скрываются они на лѣто; вообще вьюги и морозы, по народному повѣрью, происходятъ отъ выхожденія нечистой силы изъ адскихъ вертеповъ. Отсюда же прилетаютъ въ извѣстную пору своего губительнаго влiянiя, опредѣляемаго физическими условiями, весеннiя лихорадки, коровiй моръ и другiя болѣзни, обыкновенныя спутницы и помощницы Смерти, которымъ простоядныи даютъ характеристическiй эпитетъ «замороженныхъ» ²⁾). Вспомнимъ, что двiя народы—великаны заключены въ горахъ на самой полуночи (см. т. II, стр. 455). Нѣмцы полагаютъ жилище чорта на сѣверѣ; этой страны боятся и русскiе поселяне, и эсты ³⁾). Въ древне-славянскихъ переводахъ и оригинальныхъ произведенiяхъ словомъ тартаръ обозначается подземная пропасть, никогда неосвѣщаемая и несогрѣваемая солнцемъ, мѣсто вѣчнаго, нестерпимаго холода, куда будутъ посланы души грѣшниковъ: «а се есть глаголемый тартаръ—зима несгрѣема и мразъ лютъ». Лингвисты слово τάρταροςъ роднятъ съ тартар (σω—дрожу отъ холода ⁴⁾).

Такимъ образомъ съ адомъ соединялись самыя противоположныя представленiя: яркаго пламени и непроницаемой тьмы, нестерпимаго жара и мертвящихъ морозовъ. Эти различныя дан-

¹⁾ D. Myth., 768—771. — ²⁾ Сахаров., I, 54; II, 27, 65. — ³⁾ D. Myth., 953. — ⁴⁾ Труды Моск. Археолог. общ., I, 74—75 (Материалы археолог. словаря).

ныя послужили основой для изображенія тѣхъ страшныхъ мукъ, на которыя осуждаются грѣшники. Злые демоны гоняются за душами усопшихъ грѣшниковъ, схватываютъ ихъ острыми когтями, связываютъ, какъ своихъ плѣнниковъ, и погружая въ адекія бездны, предають жестокии казняи; поэтому германскія племена даютъ чорту названія: hecker, diebhecker—палачъ, воръ, мучитель, der mörder von anfang, der grausame seelenhecker ¹⁾. Подобно водянымъ духамъ, встрѣчающимъ всякаго утопленника съ плясками и весельемъ, черти, по русскому повѣрью, заводятъ неистовую гульбу возлѣ труповъ удушенника и самоубійцы ²⁾. «Будетъ мѹка розная, говоритъ стихъ о страшномъ судѣ: нымъ грѣшникамъ будутъ огни негасимые, нымъ—зима студбная, нымъ—смола кипучая, нымъ—червьядовитые, а нымъ—тьма несвѣтлая и пропасть глубокая ³⁾. Апокрифическая статья «Хожденіе Богородицы по мукамъ», рукописи которой восходятъ къ самому началу письменности ⁴⁾, рисуетъ полную картину адскихъ истязаній: одни грѣшники и грѣшницы мучатся въ огненномъ озерѣ (или огненной рѣкѣ), погруженные по поясъ, по грудь, по шею и съ головою; другіе возлежатъ на пламенныхъ одрахъ; многіе повѣшены за ноги, руки, языки, уши, сердце, и поѣдаемы червями и змѣями; нѣкоторыхъ дьяволы прободають желѣзными прутьями и рожнами, а нныхъ сосеть лютой змѣй—чудовище съ огненнымъ языкомъ и желѣзными когтями. Сравни съ рассказомъ, записаннымъ въ Пансьевскомъ сборникѣ (XIV в.): «и ввдѣхомъ озеро полно змій, якожь баше не видѣтъ воды подъ нви, и слыша-

¹⁾ D. Myth., 956, 964. — ²⁾ Украин. мелодіи Маркевича, 117. — ³⁾ Ч. О. И. и Д., годъ 3. IX, 201. — ⁴⁾ Списокъ Троицкой лавры относится къ XII вѣку — Пам. отреч. литер., II, 23; Пам. стар. рус. литер., III, 118-124. Хожденіе по мукамъ апокрифическая литература приписываетъ и апостоламъ, и святымъ — Пам. отреч. литер., II, стр. 40 и дал.

хомъ плачь и стenanье люто, и бяше езеро то полно челоуѣкъ, и приде гласъ съ небесѹ, глагола: си суть людье осуженіи!»¹⁾ Въ одномъ рукописномъ отреченномъ сказаніи, сообщенномъ мнѣ проф. Григоровичемъ, сказано: «Адамъ поживе на землѣ лѣтъ 930 и умре, и приде Смерть сатанина и вземъ душу его и вие се во адъ мучи(т)сь 3000 лѣтъ внутрѣ ада во огни горящемъ, руки и ноги связаны, на шесть цѣпляны.» Всѣ эти казни издревле рисовались на иконныхъ изображеніяхъ «страшнаго суда» и до послѣдняго времени продолжали служить богатымъ матеріаломъ для лубочныхъ картинъ. Неразвитый умъ и огрубѣлое чувство простолюдина невѣ силахъ представить себѣ, чтобы мѹки душевныя могли быть нестерпимѣ тѣлесныхъ, и онъ убѣжденъ, что за тяжкіе грѣхи посадятъ его въ котелъ съ кипящею смолою, повѣсятъ за языкъ, ребро или за ногу; стануть бить раскаленными прутьями и мучить на страшномъ ложѣ, составленномъ изъ острыхъ иглъ, бритвъ и ножей, снизу котораго вылазетъ жгучій огонь, а свер хукапаетъ растопленная сѣра²⁾; онъ вѣритъ, что клеветникъ и лгунъ будутъ по смерти лизать горячую сковороду, что ростовщики и сребролюбцы будутъ выгребать изъ печи жаръ голыми руками, что на опойцахъ черти стануть возить дрова для подтопки адскихъ горновъ и воду для приготовленія кипятка, что любодѣйницу будутъ сосать лютые змѣи³⁾. На лубочной картинѣ, изображающей «смерть грѣшника», сатана говоритъ осужденному: «любилъ ты на бѣломъ свѣтѣ мыться и нѣжитъ на мягкомъ ложѣ; поведите теперъ его въ мою баню огненную и положите на ложе огненное.» Черти ведутъ

¹⁾ Пам. стар. рус. литер., III, 137; Ист. очер. рус. слов., I, 493; О. З. 1857, XI, ст. Пыпина, 350-7. — ²⁾ Н. Р. Лег., 27 („Купова кровать“); Шлейхеръ, 75—79. — ³⁾ Н. Р. Лег., № 29 и стр. 125; Ч. О. И. и Д., годъ 3, IX, стихи Кирѣев., 212-3; Срп. и. црсьме, II, 11-14

его въ баню, парять горящими вѣшниками и кладутъ на раскаленное ложе; въ заключеніе разныхъ истязаній они ввергаютъ грѣшника въ огненный колодезь. Представленія эти запечатлѣны тѣмъ матеріальнымъ характеромъ, который ярко свидѣтельствуесть за нихъ глубокую давность; связь ихъ съ древнѣйшими мифами язычества не подлежитъ сомнѣнію. Сосущіе змѣи, неуспышающій червь, расваленные желѣзные прутья и огненные вѣшники суть извѣстныя намъ метафоры молній; котлы и колодези, налитые воспламененною смолою, — метафоры громоносныхъ тучъ. При распредѣленіи загробныхъ мукъ, народная фантазія руководилась мыслью о соответствіи наказанія съ грѣхомъ: сейчасъ указано, что языкъ, провозносившій клевету, долженъ лязгать горячее желѣзо, а руки, загребавшія золото, — загребать жаръ, который самъ метафорически назывался золотомъ; бабы, которыя, торгуя молокомъ, подмѣшиваютъ въ него воду, осуждаются поливать другъ друга водою, и т. д. Въ этомъ отношеніи любопытны слѣдующія преданія, занесенныя въ народный рассказъ о странствованіи души на томъ свѣтѣ: «Идемо «стѣпомъ, коли я ма така глѣбоченна, що й дна не видѣво. Дядь (путеводитель по аду) каже: лизь! Мусила я полизати. Гляну, ажъ ее вже другій свѣтъ. Скризь сидять помершіи души, усе по статтямъ... Идемо, ажъ миждь двома «дубами горвьть у пѣломъи чоловікъ и кричить: ой, прѣббі! «укрийте мене, бо замерзну! ей укрийте мене, бо замерзну! «Дядь и каже: оде той чоловікъ, що просився до ёго зимою «въ хату подорожній, а на дворѣ була метелица та хуртовина, «а винь не пустивъ, дакъ той и змерзъ нидь тиномъ. Оде-жъ «теперь винь горвьть у пѣломъи, а ёму ще здаеця, що холодно, и терить винь таку мѹку, якъ той подорожній теривъ «одъ морозу.» По другому варіанту такая мѹка назначается поджигателямъ. «Идемо дальшь, коли лежить чоловікъ коло «сриницъ; тече ёму рввчакъ черезъ ротъ, а винь кричить:

«прѣби! дайте напѣтьца! Дндъ и каже: сей не давъ чоловнко-
«ви въ жннва води напѣтьца; жавъ вниъ па нивн, ажъ иде
«старчнкъ дорогою, а жара велика, Спаснвська. Ой, каже, чоло-
«внче добрїй! Дай, ради Христа, води напѣтьца. А вниъ ёму:
«оце-жъ для тебе вивнзъ! виляю на ниву; а не дамъ такому
«дармояду, якъ ти! То отъ теперъ ёму ривчакъ черезъ горло
«бнжить, а вниъ ще пить просить, и довнку вичного буде ёму
«такъ жарко та тяжко, якъ тому старцевн, що-й шовъ доро-
«гою.» Или: стоить грѣшнкъ по самыя уста въ водѣ, а не мо-
жетъ утолить нестерпимой жажды; только вздумаетъ напѣть-
ся, какъ вода бѣжить отъ него прочь ¹⁾. Подобное мученїе, по
свидѣтельству Гомера, было опредѣлено Танталу. Весьма вѣро-
ятно, что мнѣы эти вначалѣ относились къ стихїйнымъ ду-
хамъ и великанамъ, обитателямъ мрачнаго аида, и потомъ уже
были перенесены на души нечестивыхъ людей. Грѣшнкъ,
испытующїй холодъ среди пламени, напоминаетъ намъ ска-
зочнаго богатыря Мороза-Трескуна, заключеннаго въ огненную
баню; грѣшнкъ, томимый вѣчною жаждою—великана Опива-
лу (см. II, 703); бабы, осужденныя поливать другъ друга во-
дою, приводятъ на мысль преданїя о вѣдьмахъ-похнтительницахъ
небеснаго молока, купающихся въ дождевыхъ ливняхъ, и гре-
ческую басню о Данадахъ ²⁾. Народныя легенды ³⁾ описываютъ
загробныя муки, какїя удалось набожному и сострадательному
страннику («Христову брату») видѣть на пути къ дому не-
беснаго владыки; въ другихъ редакціяхъ вмѣсто этого страдника
выводится добрый молодецъ, который отправляется къ крас-
ному Солнышку и по дорогѣ къ его царству видитъ муки грѣш-
никовъ. Очевидно, легенда о Христовомъ братѣ есть поднов-

¹⁾ Кулишъ, I, 306—8; Н. Р. Лег., стр. 124—5.— ²⁾ Греческіе мнѣы о Тїтїи и Сизїеѣ (Одис., XI) стоить въ связи съ преданїями о Прометѣѣ и великанахъ, бросающихъ облачныя слезы и горь.—
³⁾ Н. Р. Лег., № 8 и примѣчан. къ этому номеру.

ленная въ христіанскомъ духѣ древнѣйшая сказка, съ замѣною языческаго божества Солнца именемъ Спасителя, называемаго въ церковныхъ пѣняхъ «справеднымъ солнцемъ». Въ числѣ осужденныхъ сказочный герой видитъ мужика: стоитъ онъ на дорогѣ весь загрязненнѣй, дуетъ на него буйный вѣтеръ и несетъ ему въ ротъ и въ носъ густую пыль. Такая кара определена ему мстительными стихійными богами за то, что, живя на бѣломъ свѣтѣ, онъ затыкалъ свою нозу крѣпко-накрѣпке, чтобы вѣтеръ туда ни дулъ, ни солнышко не пекло. Живописуя адъ и чистилище, поэзія и искусство постоянно пользовались образами, созданными народной фантазіей, и Дантова божественная комедія есть лучшее тому свидѣтельство; ибо въ ней поэтъ сомнѣствилъ все, что только дали ему литературы классическая и средневѣковая.

Живому неестественно не страшиться смерти; потому что жизнь уже сама по себѣ есть и высочайшее благо и высочайшее наслажденіе, объ исходѣ котораго нельзя думать безъ особеннаго тревожнаго чувства. У всѣхъ народовъ ходитъ много принятъ и совершается много обрядовъ, указывающихъ на тотъ страхъ и то опасеніе, съ которыми смотрять на все, что напоминаетъ о послѣднемъ концѣ. Такъ встрѣча съ похоронами считается предвѣстіемъ несчастія и неудача; у грековъ прикосновеніе къ усопшимъ, долгое пребываніе въ домѣ покойника, посѣщеніе больныхъ и умирающихъ требовало очищенія; у римлянъ жрецамъ воспрещалось прикасаться къ мертвому тѣлу ¹⁾. На Руси кто прикасался къ трупу покойника, тотъ не долженъ сѣять, потому что сѣмена, брошенная его рукою, омертвѣютъ и не принесутъ плода; если умретъ кто-нибудь во время пѣсѣва, то въ нѣкоторыхъ деревняхъ до тѣхъ поръ не рѣшаются сѣять, пока не совершатся похороны. Въ Литви, какъ только

¹⁾ О храмахъ, богослуженіи и пр. древнихъ грековъ (СПБ., 1815), I, 144; Проппен, IV, 211.

принимать, что больной умирает, тотчас-же выносить изъ избы всё сѣмена, полагая, что если они останутся подъ одною кровлею съ мертвецомъ, то не дадутъ всходовъ ¹⁾. Съ другой стороны такъ какъ зерно, сѣмя есть символъ жизни, то по выносѣ мертваго лавку, гдѣ онъ лежалъ, и всю избу посыпаютъ рожью ²⁾. Тогда-же завраютъ и завязываютъ ворота, чтобы отстранить губительные удары Смерти и закрыть ей входъ въ знакомое жильѣ. Горшокъ, изъ котораго омывали покойника, солома, которая была подъ нимъ постлана, и гребень, которымъ расчесывали ему голову, везутъ изъ дому и оставляютъ на рубежѣ съ другимъ селеніемъ или кидаютъ въ рѣку, вѣря, что такимъ образомъ Смерть удалется за предѣлы родоваго (сельскаго) владѣнія или спускается внизъ по водѣ ³⁾. Всѣ присутствующіе при погребеніи обязаны, по возвратѣ домой, посмотреть въ квашню или приложить свои руки къ очагу ⁴⁾, чтобы черезъ это очиститься отъ зловреднаго вліянія смерти (см. т. II, стр. 31).

Видѣтъ съ болѣзнями, особенно новальными, быстро-приближающими человека къ его кончинѣ, смерть признавалась у язычниковъ нечистою, злою силою. Отъ того и въ языкѣ, и въ повѣрьяхъ она сближается съ понятіями мрака (ночи) и холода (зимы). Въ солнечномъ свѣтѣ и разлвваемой имъ теплотѣ предки наши видѣли источникъ всякой земной жизни; удаленіе этого свѣта и теплоты и приближеніе нечистой силы мрака и холода убиваетъ и жизнь, и красоту природы. Подобно тому смерть, смежающая очи человека, лишаетъ его дневнаго свѣта, отнимаетъ отъ него ту внутреннюю теплоту, которая

¹⁾ Вест. Р. Г. О. 1853, III, 5; Черты литов. нар., 112. Лужичане приостанавливаютъ въ этомъ случаѣ всѣ полевые работы — Neues Lausitz. Magazin 1843, III-IV, 331. — ²⁾ Ворон. Беседа, 221; Этн. Сб., I, 306; Маякъ, XV, 22 — ³⁾ Владим. Г. В. 1852, 23, 28. — ⁴⁾ Ворон. Беседа, 222.

прежде согрѣвала охладѣлый его трупъ, и обезображиваетъ лице покойника предшествовавшими болѣзненными страданіями и предсмертною агоніей. Смерть и чортъ въ народныхъ сказаніяхъ нерѣдко играютъ тождественныя роли. Слова: смерть (лит. *smertis*, нѣм. *schmerz*—боль, страданіе), моръ, Морана родственны по корню съ рѣченіями: морокъ (иракъ)—туманъ, за мерекъ (за мерень)—первозимье, за морени—начальные морозы ¹⁾, мара—у насъ: злой духъ, призракъ, у лужичанъ: богиня смерти и болѣзней ²⁾, мерекъ—чортъ (см I, 101). Основу родства означенныхъ рѣченій должно искать въ доисторической связи выражаемыхъ ими понятій. Краледворская рукопись сравниваетъ смерть съ ночью, приносящею тьму, (захожденіе солнца—его смерть, а восходъ—воскресеніе) и съ зимою, представляющею собой смерть природы, какъ весна есть ея возрожденіе. Убитый Влаславъ повалился на землю:

wstati ne moŹeŹe;
Morena iei spyŹe w noc ģrnu ³⁾.

Въ другомъ мѣстѣ Краледворской рукописи встрѣчаемъ выраженіе: «*po puti wŹei z wesny ro Moranu*»—на пути отъ весны до Мораны; здѣсь подъ весною разумѣется юность, а подъ словомъ Морана—ѣта роста, смерть и зима. Морана представлялась чехами богиней смерти и зимы; ⁴⁾ Вацерадъ сопоставляетъ это имя съ греческою Гекатою, богиней луны (=ночи) и подземнаго царства. Поговорки: *pŹjdeŹ na moran*; *MoŹe-*

¹⁾ Предлогъ *za* означаетъ начало дѣйствія; слѣдовательно приведенныя слова буквально означаютъ начало мрана или смерти (=зимы). — ²⁾ *Volklied der Wenden*, II, 268. У литовцевъ и леттовъ *Welnas, Wels*—богъ смерти превратился въ дьявола—*D. Myth.* 814. — ³⁾ Переводъ: встать не можеть; Морана усмыпла его въ черную ночь. — ⁴⁾ Другое имя, даваемое этой богинѣ—*SmrtonoŹka*.

па на пѣј сáhla; proti Mořeně pení kořeně означаютъ: скоро умрешь; его коснулась смерть; противъ смерти нѣтъ корешка (дѣкарства ¹⁾). Встрѣчая весну торжественнымъ праздникомъ, славяне совершали въ то же время обрядъ изгнанія Смерти или Зимы, и повергали въ воду чучело Мораны (см. гл. XXVIII). Сербы даютъ зимѣ эпитетъ черная; въ одномъ изъ похоронныхъ причитаній говорится о покойникѣ, что онъ уходитъ туда, гдѣ померкло солнце и царствуетъ черная зима; тамъ будетъ онъ вѣчно зимовать, и лютая зима выпьетъ его очви ²⁾ У насъ глаголь околѣтъ употребляется въ двоякомъ смыслѣ: озябнуть и умереть; а глаголь я стывать (стынуть)—въ смыслѣ: издыхать ³⁾.

Если идея смерти сближалась въ доисторическую эпоху съ понятіемъ о ночномъ мракѣ, то также естественно было сближить ее и съ понятіемъ о снѣ. Сонъ нераздѣленъ съ временемъ ночи, а заснувшій напоминаетъ умершаго. Подобно мертвецу, онъ смежаетъ свои очи и дѣлается недоступнымъ впечатлѣнію свѣта; остальные чувства его также чужды внешнимъ впечатлѣніямъ. Смерть и сонъ представляются потому въ мифологіяхъ различныхъ народовъ явленіями между собою близкими, родственными. Гомеръ называетъ Смерть и Сонъ близнецами, а Гезіодъ—чадами Ночи; и греки, и римляне признавали *Ύπνος* (*Somnus*) братомъ Смерти. Оба брата, по ихъ мнѣнію, живутъ вмѣстѣ на западныхъ границахъ міра—въ глубокомъ подземномъ мракѣ, возлѣ царства мертвыхъ ⁴⁾; тамъ возлежтъ *Somnus* на маковыхъ снотворныхъ цвѣтахъ въ сладкомъ покоѣ, а вокругъ его ложа толпятся лег-

¹⁾ Ж. М. Н. П. 1840, XII, 128, 130; Громанинъ, 5-6. — ²⁾ О. З. 1851, VIII, ст. Бусл., 52. — ³⁾ Обл. Сл., 76, 140 — ⁴⁾ Griech. Myth., I, 657—9: Смерть считали также порожденіемъ Земли и Тартара и давали ей эпитетъ *αἰώνιος* = всегда-сонная.

кія сновидѣнія въ неясныхъ образахъ ¹⁾). На такую древнѣйшую связь понятій смерти и сна указываютъ и наши преданія. Народная пословица утверждаетъ ихъ братство: «сонъ смерти братъ» ²⁾). Въ славянскихъ и нѣмецкихъ сказкахъ богатыри, убитые врагами, воскресая при окропленіи ихъ труповъ живою водою, обыкновенно произносятъ эти слова: «ахъ, какъ-же а долго спалъ!» — Спать бы тебѣ вѣчнымъ сномъ, еслибъ не живая вода и не моя помощь, отвѣчаетъ добрый товарищъ ³⁾). Въ современномъ языкѣ вѣчный сонъ остается метафорическимъ названіемъ смерти; наоборотъ сонъ латаргическій слыветъ въ простонародьи обмираньемъ, во время котораго, по рассказамъ поселянъ, душа оставляетъ тѣло, странствуетъ на томъ свѣтѣ, видитъ рай и адъ и узнаетъ будущую судьбу людей ⁴⁾). Животныя, впадающія въ зимнюю спячку, по общепринятому выраженію — зимуютъ на зиму. Заходящее вечеромъ солнце представлялось не только умирающимъ, но и засыпающимъ, а восходящее утромъ — встающимъ отъ сна (I, 162—3, 180); зимняя смерть природы иначе называется ея зимнимъ сномъ; озамерзшихъ рѣкахъ и озерахъ въ тверской губ. выражаются, что они заснули (сравни II, 244 — о снѣ и пробужденіи водянаго). Языкъ засвидѣтельствовалъ близость в средство означенныхъ понятій до осязательной наглядности. Умершихъ называютъ: а) усопшими (усыпшими, усупеніе) отъ глагола спать,

¹⁾ Обзоръ мизній древн. о смерти, судьбѣ и жертвоприп., 8, 27; D. Myth., 307, 803; Иліада, XIV, 230-5. Энеида называетъ адъ жилищемъ тѣней и сна. — ²⁾ Полн. собр. пословицъ и поговор. (СПБ., 1822), 232; Старосв. Банд., 206. — ³⁾ Н. Р. Ск., I, 14 и др.; Škulc a Dobšinsky, I, стр. 6; Сказ. Грим., II, стр. 413; Ганъ, II, стр. 47. — ⁴⁾ Москв. 1846, XI-XII, 155; Молодикъ на 1844, 88. Поэтому думаютъ, что обмиравшіе могутъ предсказывать, и хитрецы пользуются иногда этимъ суевѣріемъ ради собственныхъ выгодъ — Ворон. Г. В. 1850, 20.

успинить, т. е. ихъ буквально называютъ уснувшими, или в) покойниками — успокоившимися отъ житейской суеты вѣчными сномъ; подобно тому о рыбѣ говорятъ, что она заснула, вѣсто: умерла, задохлась. Въ вышеприведенномъ мѣстѣ Краледворской рукописи Морена усыпила Власлава; малоруссы, при извѣстїи о чьей-нибудь кончинѣ, говорятъ: «нехай з' Богомъ спочивае!» Въ англосаксонской поэмѣ о Беовульфѣ сказано: *wyrm liged swaefed sāge wund* — змѣй лежитъ, спитъ (вѣсто: издохъ) тяжело-раненный ¹⁾. Въ смоленской губ. мертвецы называются жмуряки (отъ глагола жмурить — закрывать глаза), т. е. сомкнувшіе свои очи; въ архангельской губ. существуетъ повѣрье: кто засыпаетъ тотчасъ, какъ ляжетъ въ постель, тотъ долго не проживетъ; у литовцевъ была примѣта: когда молодые ложились въ первый разъ вѣстѣ, то кто изъ нихъ засыпалъ прежде — тому и умереть суждено раньше. Сербы не совѣтуютъ спать, когда заходитъ солнце, чтобы вмѣстѣ съ умирающимъ свѣтломъ дня не заснуть и самому вѣчнымъ сномъ. Слово отемнѣть употребляется въ народномъ говорѣ въ значенїи: ослѣпнуть и умереть; согласно съ этимъ свидѣтельствомъ языка, упырей (мертвецовъ, являющихся по смерти) большею частїю представляютъ слѣпыми. Какъ сонъ сближается съ смертію, такъ наоборотъ бодрствованїе уподобляется жизни; поэтому жилой означаетъ неспящаго, напримѣръ: «мы прїѣхали на живыхъ», т. е. мы прїѣхали, когда еще никто не спалъ; глаголъ жить употребляется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ смыслѣ: бодрствовать, не спать ²⁾. Въ причитаньяхъ, обращаемыхъ къ покой-

¹⁾ Номис., 8; Опытъ сравнит. обозр. др. памятн. нар. поэм., II, 20. Итал. *cimiterio*, фр. *cimetière*, лат. *cœmeterium*, греч. *χοιμετήριον* (отъ *χοιμάω* — дремлю, сплю) — кладбище = усыпальница — Тишкевича: Курганы въ Литвѣ и Зав. Руси, 141.

²⁾ Обл. Сл., 57—58; Вѣст. Р. Г. О. 1852, V, 59; Маякъ, XIII, 44—58; Ч. О. И. и Д. 1865, II, 34; Рус. Сл. 1860, V, ст. Костомар., 25.

никанъ, слышатся такія выраженія: «и вы, наши роднннкіе, вставьте, пробудитесь, поглядите на насъ!» или: «пришли-то мы на твое жицѣ вѣковѣшноѣ, ужъ побудизць-то пришли отъ сна крѣпкава». ¹⁾

Эти давнія, свидѣтельствующія о братствѣ сна и смерти, и то вѣрованіе, по которому душа во время сна можетъ оставлять тѣло и блуждать въ иномъ мірѣ и видѣть тамъ все тайное, послужили основаніемъ, почему сновдѣніямъ придано вѣщее значеніе. Для живой и впечатлительной фантазіи нашихъ предковъ видѣнное во снѣ не могло не имѣть прамаго отношенія въ дѣйствительности, среди которой такъ много было для нихъ непонятнаго, таинственнаго, выполненнаго высшей, священной силы. Они признали въ сновдѣніяхъ тоже участіе божества, какое признавали въ гаданіяхъ и оракулахъ; сновдѣнія являлись, какъ быстролетные посланники боговъ, вѣщатели ихъ рѣшекій. Славяне до сихъ поръ сохранили вѣру въ пророческій смыслъ сновъ; такихъ, которые бы, по примѣру сказочнаго богатыря Василія Буслаева, не вѣрили ни въ сонъ, ни въ чохъ, а полагались бы только на свой червленый вязъ ²⁾, въ старое время бывало не много, и христіанскіе проповѣдники вынуждены были поучать народъ не довѣрять соннымъ мечтаніямъ ³⁾. У черногорцевъ если жена видѣла во снѣ, что мужъ ея подвергнулся какой-либо опасности, то этотъ послѣдній непременно отложить задуманное имъ предпріятіе ⁴⁾. Въ нашихъ народныхъ пѣсняхъ есть нѣсколько прекрасныхъ поэтическихъ разсказовъ, содержаніемъ которыхъ служатъ «вѣра въ сонъ». Приведемъ примѣры:

Князь по той-ли рѣкѣ Волгѣ-катушкѣ
Тамъ плыветь, гребеть легкая лодочка.
Хорошо лодка разукрашена,

¹⁾ Сахаров., II, 23; Терещ., III, 102; Этн. Сб., I, 161. — ²⁾ Кирша Дав., 169. — ³⁾ Изв. Ак. Н., III, 97. — ⁴⁾ Зап. хорск. омацера, Броневск., III, 277.

Пушкамъ, ружьямъ поставлена;
 На корнѣ сидитъ асаулъ съ багромъ,
 На носу стоятъ атаманъ съ ружьемъ,
 По краямъ лодки добры молодцы.
 Добры молодцы — все разбойнички;
 Посередѣ лодки да и былъ шатёръ,
 Подъ шатромъ лежитъ золота казна,
 На кавнѣ сидитъ красна дѣвица,
 Асаулова родная сестрица,
 Атаманова полюбовница.
 Она плакала, заливалась,
 Во слезахъ ова слово молвила:
 Нехорошъ вишь сонъ ей привидѣлся —
 Расплеталася коса русая,
 Выплеталася лента алая,
 Лента алая, ярославская,
 Растанялъ мой золотъ перстень,
 Выкатался дорогой камень:
 Атаману быть застрѣлену,
 Асаулу быть поиману,
 Добрымъ молодцамъ быть повѣшеннымъ,
 А и нѣ-то, красной дѣвицѣ,
 Во тюрьмѣ сидѣть, во неволюшкѣ. ¹⁾

Потери обручальнаго кольца, по народной примѣтѣ, — худой
 знакъ, вѣщающій расторженіе брака и любовной связи; распу-
 щенная коса — символъ печали по усопшему другу или родичу
 (I, 117). Другая пѣсня:

Охъ ты, мать моя, матушка,
 Что севоднешню ноченьку
 Нехорошъ сонъ мнѣ видѣлся:
 Какъ у насъ на широкомъ дворѣ
 Что пустая хоромина —
 Углы прочь отвалилися,
 По бревну раскатилися;
 На печницѣ котиче лежигъ,
 По полу ходить гусыня,

¹⁾ Варианты второй пѣсни см. у Сахарова, I, 204, 224.

А по лавочкамъ голуби,
По окошечкамъ ласточки,
Впереди мандъ ясенъ соколъ.

Пустая хоромина—чужая сторона, углы опали и бревна раскатились—родъ-племя отступилось, котъ—свекоръ, гусыня—свекровь, голуби—деверья, ласточки—золовки, ясенъ соколъ—женихъ ¹⁾). Въ Словѣ о полку Игоревѣ встрѣчается слѣдующій рассказъ о вѣщемъ снѣ князя Святослава: «а Святъ-славъ мутенъ сонъ видѣ: въ Кіевѣ на горахъ си ночь съ вечера одѣвахте ня, рече, чръною паполомою, на кровати тисовѣ; чръпахуть ми синее вино съ трудомъ смѣшено; сыпахуть ми тѣщими тулы поганыхъ тльковинъ великий женчюгъ ва лоно, и нѣгують ня; уже дьскы безъ кнѣса въ моемъ теремѣ златовръсѣмъ. Всю ночь съ вечера босувн врани възраху» ²⁾). Сонъ Святослава состоитъ изъ ряда печальныхъ примѣтъ: черный покровъ и карканье ворона предзнаменуютъ грядущее несчастье; теремъ безъ кнѣса означаетъ лишеніе членовъ семейства, жемчугъ—слезы (I, 603); вино, смѣшенное съ горемъ, наносивнаетъ выраженіе: упитъся горемъ ³⁾). Тотъ-же предвѣщательный смыслъ придается сновидѣніямъ и въ скандинавскихъ сагахъ, и въ Нибелунгахъ, и въ Одиссеѣ (пѣснь XIX). Греки и римляне присовѣвали свамъ релігіозный характеръ и вѣрили, что снящій человекъ можетъ найдтись въ сношеніяхъ съ невиданнымъ міромъ; по случаю бла-

¹⁾ О. З. 1831, VII, ст. Бусл., 41; см. Срп. и. пјесме, II, № 47; Белорус. пјени Е. П., 52; Вѣст. Евр. 1818, II, 50—52. Приснился мѣлодцу сонъ, говорить пјени: упали на его домъ пчелы, а на подворье — звѣзда, и выпорхнула со двора кукушка. Пчелы предвѣщаютъ печаль (ихъ медъ необходимъ при поминальныхъ обрядахъ), звѣзда — рожденіе дитяти, а отлетъ кукушки—смерть матери (см. гл. XXIV). Есть поговорка: „страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ.“ — ²⁾ Рус. Дост., 116—122. — ³⁾ Ж. М. Н. П. 1836, т. X, 466, ст. Максимовича.

гопріятныхъ свидѣній у нихъ совершались празднества, а по случаю страшныхъ—очищенія ¹⁾).

И Сонъ, и Смерть были признаваемы славянами, какъ и другими индоевропейскими народами, за живыя именческія существа. Слѣды такого олицетворенія сна замѣчаемъ въ колыбельныхъ пѣсняхъ:

Ой, ходитъ Сонъ по улоньцѣ,
Въ бѣлесонькой кошулоньцѣ,
Словяетца, тыняетца,
Господыньки пытаетца. ²⁾

Или:

Сонъ идетъ по снѣжмъ,
Дрема по терему;
Сонъ говоритъ:
Усыплю да усыплю!
Дрема говоритъ:
Удремлю да удремлю! ³⁾

Вышеприведенныя выраженія апокрифа: «пришла Смерть, взяла его душу» донинѣ употребительны въ русскомъ языкѣ; по народной поговоркѣ: «Смерть ходитъ по людямъ». Кто лѣнивъ на подъемъ, медлителенъ въ исполненіи порученій, о томъ говорятъ на Руси: «его только что за Смертію посылать», въ Германіи: nach dem Tod senden, den Tod suchen; о весьма-престарѣлыхъ людяхъ вѣщи отзываются: «der Tod hat vergessen sie abzuholen»—Смерть позабыла ихъ взять (утащить ⁴⁾) Къ опасно-больному приходитъ Смерть, становится около его постели и заглядываетъ ему въ очи ⁵⁾; если кто вдругъ, неожиданно вздрогнетъ—это знакъ, что ему «Смерць въ очи поглядѣла» ⁶⁾. Согласно съ зловнымъ, де-

¹⁾ Обзоръ мѣстныхъ о смерти, судьбѣ и пр. 27; D. Myth., 1098—9. — ²⁾ Сборн. украин. пѣсень, 101. — ³⁾ Лѣт. рус. лѣт., кн. II, 108; сравни Срп. н. пѣсма, I, 192. — ⁴⁾ D. Myth., 802, 814. — ⁵⁾ См. сказки о кумѣ-Смерти. — ⁶⁾ Зап. Р. Г. О. во отдѣл. этнограф., I, 429.

моническимъ характеромъ Смерти, на которую (по пословицѣ), какъ на солнце, во всё глаза не взглянешь и отъ которой нельзя ни откупиться, ни отомолиться ¹⁾, она олицетворялась въ образѣ устрашающемъ. По мнѣнію античныхъ народовъ, *Mors* (*Kῆρ*—смерть въ битвахъ) неумолима и свирѣпа; зубы ея опаснѣе клыковъ дикаго звѣря, на рукахъ страшные, кривые когти. Смерть, говорятъ Гезіодъ, черна (лат. *shors atra*), скрежещетъ зубами, быстро мчится на войну, хватаетъ падшихъ ратниковъ, и вонзая въ тѣло свои когти, высасываетъ изъ нихъ кровь; Эврипидъ представляетъ ее крылатою и облеченною въ траурную мантию ²⁾. Русскіе памятники (старинныя рукописи, стѣнная живопись и лубочныя картины) изображаютъ Смерть или страшнымъ лицомъ, соединяющимъ въ себѣ подобія человѣческое и звѣринное, или сухимъ, костлявымъ человѣческимъ скелетомъ съ оскаленными зубами и провалившимся носомъ, почему народъ называетъ ее курно сою. Это послѣднее представленіе встрѣчаемъ у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ: кончина человѣка предастъ его тѣлю, и тотъ образъ, въ который она измѣняется трупъ, послужилъ и для воплощенія самой Смерти. Такъ какъ слово Смерть женскаго рода, то, слѣдуя этому указанію, славяне олицетворяютъ ее женщиною, подобною Геллѣ; у нѣмцевъ же *der Tôt, der heilig Tod* выступаетъ, какъ злой богъ. Наравнѣ со всѣми богами и дѣхами, она появляется внезапно, неожиданно-негаданно для человѣка (слетаетъ съ небесъ), изнимаетъ изъ него душу и увлекаетъ ее въ загробный міръ. Съ понятіемъ смерти фантазія соединяетъ различныя поэтическія уподобленія: Смерть то жадно пожираетъ людской родъ своими многоядными зубами; то похищаетъ души, какъ воръ, схватывая ихъ остры-

¹⁾ Вѣст. Р. Г. О. 1852. V. 39. — ²⁾ Обзоръ мнѣній древн. о смерти, судьбѣ и жертвопр., 8.

и когтями; то, подобно охотнику, ловитъ ихъ въ разставленную сѣть; то наконецъ, какъ беспощадный воинъ, поражаетъ людей стрѣлами или другимъ убійственнымъ оружіемъ. Тотъ-же типъ хитраго ловчаго и губителя христіанскихъ душъ присвоивается и владыкѣ подземнаго царства, искустелю-сатанѣ. Вооруженная въ ратные доспѣхи, Смерть вступаетъ въ битву съ человѣкомъ, борется съ нимъ, сваливаетъ его съ ногъ и подчиняетъ своей власти; судороги умирающаго суть послѣдніе знаки его отчаяннаго сопротивленія. Усопшіе слѣдуютъ за нею, какъ плѣнники за своимъ побѣдителемъ — опутанные крѣпкими веревками и цѣпами. Сказаніе о Беовульфѣ смотритъ на умершаго, какъ на убитаго огненною стрѣлою, пущенною съ лука рукою Смерти; нѣмецкіе поэты даютъ ей бичъ, стрѣлы и бердышъ; литовскій *Smertis* (слово, употребительное и въ мужескомъ, и въ женскомъ родѣ) выѣзжаетъ на колесницѣ могучимъ воиномъ, съ копьемъ и мечемъ въ рукахъ ¹⁾. Съ такою же обстановкою является Смерть въ русской «Повѣсти о бодрости человѣческой» или «о преніи Живота съ Смертію». Повѣсть эта принадлежитъ къ разряду общераспространенныхъ въ средніе вѣка поучительныхъ сочиненій, толкующихъ о тлѣнности міра, и попадаетъ во многихъ рукописныхъ сборникахъ XVII вѣка ²⁾; она извѣстна и въ нѣмецкой литературѣ. Составляя у насъ любимое чтеніе грамотнаго простонародья, она (по мнѣнію изслѣдователей) перешла изъ рукописей въ устныя еказанія и на лубочную картинку, и дала содержаніе нѣкоторымъ духовнымъ стихамъ и виршамъ ³⁾. Но можно допустить и обратное воздѣйствіе, т. е. переходъ

¹⁾ D. Muth., 799, 803—6, 809. — ²⁾ Пам. стар. рус. литер., II, 439—443; Истор. христом. Буслаева, 1355—8. — ³⁾ Сборн. рус. дух. стиховъ Варенцова, 110—127; Рус. Сл. 1859, I, 92—94; Дят. рус. лит., кн. II, 183—193.

устнаго древне-мионческаго сказанія о борьбѣ Жизни (Живота) и Смерти въ старинные рукописные памятники, при чемъ оно необходимо подверглось литературной обработкѣ; соответственно съ возрѣвѣніемъ и приемами грамотниковъ допетровскаго времени, сказанію приданъ нравственно-наставительный тонъ и само оно разукрашено обильными примѣрами, заимствованными изъ доступныхъ автору хроникъ; Смерть лишается своего строго-трагическаго стиля и впадаетъ въ хвастливую болтовню о тѣмъ богатыряхъ и герояхъ, которыхъ нѣкогда сразила она своею косою. Тѣмъ не менѣе основная мысль повѣсти—борьба Смерти съ Жизнію, олицетвореніе этихъ понятій и внѣшніе признаки, съ которыми выступаетъ эта страшная гостья, безспорно принадлежать къ созданіямъ глубочайшей древности. Справедливость требуетъ замѣтить, что, пользуясь устными преданіями, книжная литература въ свою очередь не остается безъ вліянія на народное творчество, и взятое у него возвращаетъ назадъ съ новыми чертами и подробностями; но эти познѣйшія прибавки легко могутъ быть сняты и не должны мѣшать правильному взгляду на сущность дѣла. Чтобы ярче изобразить непобѣдимое могущество Смерти, повѣсть противопоставляетъ ей не простаго слабаго чело-вѣка, но богатыря, славнаго своею силою и опустошительными наѣздами, гордаго, жестокаго и самонадѣяннаго; народная фантазія личность этого богатыря связала съ именемъ известнаго въ преданіяхъ разбойника Аника-воинна. Жилъ-былъ Аника-воинъ; жилъ онъ двадцать лѣтъ съ годомъ, пилъ-ѣлъ, смлой похвалялся, разорялъ торги и базары, побивалъ купцовъ и бояръ и всякихъ людей. И задумалъ Аника-воинъ ѣхать въ Ерусалимъ-градъ церкви божіи разорять, взялъ мечъ и конь и выѣхалъ въ чистое поле—на большую дорогу. А на встрѣчу ему Смерть съ острою косою ¹⁾. «Что это за чу-

¹⁾ Вариантъ: Ыдѣлъ Аника-воинъ по чистымъ полямъ, по тем-

дище! говорятъ Анника-воинъ; царь ли ты-царевичъ, король ли королевичъ?» — Я не царь-царевичъ, не король королевичъ, я твоя Смерть — за тобой пришла! «Не больно страшна: я мизиннымъ пальцемъ поведу — тебя раздавлю!» — Не хвались, прежде Богу помолись! Сколько ни было на бѣломъ свѣтѣ храбрыхъ могучихъ богатырей — я всѣхъ одолѣла. Сколько побилъ ты народу на своемъ вѣку! — и то не твоя была сила, то я тебѣ помогала. Разсердился Анника-воинъ, напускаетъ на Смерть своего бѣззаго коня, хочетъ поднять ее на копьѣ булатное; но рука не двигнется. Напалъ на него велий страхъ, и говоритъ Анника-воинъ: «Смерть моя-Смерточка! дай мнѣ сроку на одинъ годъ». Отвѣчаетъ Смерть: «Нѣтъ тебѣ сроку и на полгода». — Смерть моя-Смерточка! дай мнѣ сроку хоть на три мѣсяца. «Нѣтъ тебѣ сроку и на три недѣли.» — Смерть моя-Смерточка! дай мнѣ сроку хоть на три дня. «Нѣтъ тебѣ сроку и на три часа.» И говоритъ Анника-воинъ: «много есть у меня и серебра, и золота, и камня драгоцѣннаго; дай сроку хоть на единый часъ — я бы рѣздалъ нищимъ все свое имѣніе.» Отвѣчаетъ Смерть: «какъ жилъ ты на вольномъ свѣтѣ, для чего тогда не раздавалъ своего имѣнія нищимъ? Нѣтъ тебѣ сроку и на единую минуту!» Замахнулась Смерть острою косою и подкосила Аннику-воина: свалился онъ съ коня и упалъ мертвой ¹⁾. Стихъ объ Анникѣ-воинѣ начинается такимъ изображеніемъ Смерти:

Вдетъ Аника черезъ поле,
На встрѣчу Аникѣ вдетъ чудо:
Голова у него человѣческа,

внѣзъ лѣсамъ, никого не назжалъ — не съ кѣмъ силы попробовать. „Съ кѣмъ бы мнѣ побиться? думаетъ Анника-воинъ; хоть бы Смерть пришла!“ Глядь — идетъ къ нему страшная гостья: тощая, сухая, восты голыя! и несетъ въ рукахъ серпъ, косу, грабли и заступъ. — ¹⁾ Н. Р. Лог., 21.

Волосы у чуда до пояса,
 Тулови у чуда звѣриное,
 А ноги у чуда лошадиныя ¹⁾.

Косматые волосы и лошадиныя ноги — обыкновенные признаки нечистыхъ духовъ. Въ текстѣ лубочной картины Аника называетъ Смерть бабою: «что ты за баба, что за пѣяница! (намѣкъ на высасываніе ею крови) азъ тебя не боюсь и кривыя твоя косы и оружія твоего не страшусь.» Кроивъ косы, Смерть является вооруженною серпомъ, граблями, пилою и заступомъ:

Вынимаетъ пилы невидимыя,
 Потираетъ ею (ими) по костямъ и жиламъ —
 Аника на коня шатается
 И смертныя уста запенаются.

Или: «подсѣче ему (Смерть) ноги косою, и возьмъ серпъ — и захвати его за шію, и возьмъ малый оскордецъ — и нача отсѣкати носъ и руцѣ и вся составы его, и разслабѣша жилы его». На лубочныхъ картинахъ Смерть рисуется въ видѣ скелета, съ косою въ рукахъ; Коровью Смерть (чуму) крестьяне ваши представляютъ безобразною, тощею старухою, въ бѣломъ саванѣ, и даютъ ей косу или грабли ²⁾. Такая обстановка прямо вытекла изъ метафорическаго выраженія древнѣйшаго языка, который сравнивалъ губительную силу смерти съ понятіями, самыми близкими в доступными земледѣльцу и плотвику: Смерть косить и загребаветъ человѣческія жизни, какъ коса и грабли полевую траву; жветъ родъ человѣческій,

¹⁾ Сравни со спискомъ о «преніи Жирота съ Смертію: „Животъ бѣзъ человекъ и приде къ нему Смерть. Онъ же устрашися велики и рече ей: кто ты, о лютый звѣрь? образъ твой страшить мя велики, и подобіе твое человеческое, а хожденіе твое звѣриное.“ — ²⁾ Сахаров., II, 10; Кулишт., I, 305; Быть подоляя, I, 16. Дневвахъ сближаетъ слова: гробъ, гребу в грабли.

какъ серпъ колосья («яко незрѣлую пшеницу»¹⁾); она какъ-бы вынимаетъ незримую пилу, и потирая ею по костяшъ и становымъ жвламъ, разслабляетъ человѣка—и онъ падаетъ, словно подпиленное дерево; наконецъ Смерть, работая заступомъ, роетъ людямъ свѣжія могилы. Выше мы привели поэтическія сравненія поля битвы со вспаханною и засѣянною нивою и молотильнымъ токомъ (I, 297, 434). По указанію Слова о полку и народныхъ пѣсень, въ битвѣ земля засѣвается не пшеницею, а костями ратниковъ, поливается не дождемъ, а кровію, и растутъ не хлѣбные злаки, а печаль и общее горе. Современный языкъ удерживаетъ выраженіе: сѣять раздоры, вражду и крамолы; въ Словѣ о полку сказано: «тогда при Олгѣ Гориславичи сѣяшеться и растяшеть усобицами»²⁾. Одвну, какъ богу кровопролитныхъ войнъ, приписывались поѣтвы раздоровъ и непріязни; бросая свое копьё (Gūngnir) или потрясая имъ, онъ умерщвлялъ вражескихъ воиновъ. О Смерти, играющей въ сраженіяхъ главную роль, у нѣмцевъ было выраженіе, что она засѣваетъ между людьми свое сѣмя, какъ-бы зловредную траву: «dō der Tōt sīnen sām en under si gesaete»; тоже говорилось и о чортѣ³⁾. По словамъ старинныхъ русскихъ лѣтописцевъ, дьяволъ сѣтовалъ или радовался, смотря по тому: примирились ли князья, или враждовали между собою. «Усобная рать, замѣчаетъ Несторъ, бываетъ отъ соблажненія дьявола. Богъ бо не хочетъ зла человѣкомъ, но блага; а дьяволъ радуется злему убійству и кровопролитію, подвизая свары и зависти, братоненавидѣнье, клеветы.»⁴⁾ Понятно, что Смерть, поражающая ратниковъ въ бою, стала представляться владѣющею нѣкимъ тѣмъ воинскими орудіями, какія только знала старина: въ нашихъ памят-

¹⁾ Тоже сравненіе находимъ и у нѣмцевъ—D. Myth., 808. — ²⁾ Рус. Дост., III, 76. — ³⁾ D. Myth., 806-8, 964. — ⁴⁾ П. С. Р. Л., I, 56, 72, 139 и др.

выказъ ей даются мечъ, сѣчино, стрѣлы, ножи, рожны, е скерды ¹⁾. Сказаніе о преніи Аннки-венна съ Смертію перешло въ народное драматическое представленіе, какое еще теперь разыгрывается въ нѣкоторыхъ артеляхъ фабричныхъ ²⁾,— подобно тому, какъ мнѣ о борьбѣ Лѣта и Зимы передается въ Германіи во всю сценическую обстановкою на праздникъ весны (см. гл. XXVIII). Борьба Жизни и Смерти, Лѣта и Зимы, Дни и Ночи совершенно тождественны по значенію, ибо понятіи эти издревле сливались и въ языкѣ и въ народныхъ вѣрованіяхъ. Зима называлась Мораною, а богиня лѣта Живною (Живаною)—иия, знаменующее жизнь. Какъ царица зимы и ночнаго мрака, Смерть родится съ горными великанами; вышеприведенный стихъ присволяетъ ей названіе чуда (= дива—см. II, 618), и самое жилище ея помѣщается въ холодныхъ странахъ сѣвера, въ нѣдрахъ бесплодныхъ и покрытыхъ вѣчными снѣгами скалъ; въ Богеміи ее считаютъ владычицею горъ ³⁾. Всесильная, всестребляющая, она тѣмъ не менѣе бываетъ побѣждаема, съ приходомъ весны, богиніею жизни, и поверженная назошь заключается въ оковы. Съ другой стороны мнѣ, сроднившій представленія грозы и ирачныхъ тучъ съ адомъ и нечистою силою, признавшій въ молніяхъ смертоносныя стрѣлы владыки подземнаго царства, изображаетъ Смерть, какъ разрушительное существо, сопутствующее богу-громовнику въ его весеннихъ походахъ и битвахъ. Въ дикой охотѣ Одина, въ вештовомъ, бѣшеномъ воинствѣ этого славнаго отца побѣдъ (т. е. въ шумѣ бурныхъ грозъ), вѣстѣ съ злыми духами и толпою усопшихъ душъ, выступаетъ и костяная, прожорливая Смерть. Такимъ образомъ съ лицетвореніемъ Смерти соединяется тотъ-же стихійный характеръ,

¹⁾ См. между прочимъ житіе Васмаіа Новаго и сказаніе Θεодоры о мытарствахъ. — ²⁾ Рус. Архивъ 1864, X, 1093-9. — ³⁾ D. Myth., 807.

что и съ демонами и мертвецами. Отсюда объясняются ея воздушные полеты, ея быстрое появленіе и исчезаніе, метаніе ею огненныхъ стрѣлъ(= молній) и вообще присвоенное ей обладаніе ратнымъ оружіемъ. Подобно вѣтрамъ и вьюгамъ, которыхъ Эола заключаетъ въ облачные мѣха или держитъ на крѣпкихъ привязяхъ въ горѣ-тучѣ, подобно грозовому демону (Gushpa, Локи, сатана), сидящему въ цѣпяхъ во иракѣ преисподней (I, 311-2, 756-8), Смерть испытываетъ ту же участь. Здѣсь сходятся два различныхъ воззрѣнія: а) какъ представительница замы, Морана побѣждается весеннимъ Перуномъ, который разитъ ее своимъ кузнечнымъ молотомъ (= заковываетъ ее въ цѣпи) и на все лѣтнее время низвергаетъ въ подземную темницу ада; б) какъ демонъ, шествующій въ грозѣ, она заключается въ ту же темницу на все время зимнихъ стужъ, налагающихъ на тучи желѣзные (ледяные) оковы. По греческому преданію, Зевсъ, желая покарать Сизифа (Σίσυφος), послалъ за нимъ Смерть, но тотъ опуталъ ее крѣпкими узами, и пока она была связана—никто не умиралъ въ цѣломъ свѣтѣ; наконецъ явился воинственный Аресъ, освободилъ плѣнницу и передалъ ей нечестиваго врага ¹⁾. По свидѣтельству нѣмецкой сказки, Spielhansel привязалъ Смерть къ дереву, и въ продолженіи семи лѣтъ она оставалась узницею и не могла похитить ни единой души человеческой ²⁾. Мнѣ этотъ развѣвается и въ русской сказкѣ ³⁾. Явился солдатъ на тотъ свѣтъ, и поставилъ его Господь на часахъ у пресвѣтлаго рая. Приходитъ Смерть. «Куда идешь?» спрашиваетъ часовой. — Иду къ Господу за повелѣніемъ, кого морить мнѣ прикажетъ. «Погоди, я спрошу.» Пошелъ и спрашиваетъ: «Господи! Смерть пришла; кого морить укажешь?» — Скажи ей, чтобы три года морила самый старшій людъ. Солдатъ думаетъ: «эдакъ, пожалуй, она отца моего и мать уморитъ; вѣдь они старики.» Вышелъ и говоритъ Смерти: «ступай по лѣсамъ,

¹⁾ Griech. Myth., II, 76. — ²⁾ D. Myth., 814. — ³⁾ Н. Р. Лер., 16.

и три года точи самые старые дубы.» Заплакала Смерть и побрела по лѣсамъ, три года точила старые дубы, а какъ изшло время—воротилась къ Богу за новымъ повелѣніемъ. Господь приказалъ морить молодой народъ, а солдатъ думаетъ: «эдакъ, пожалуй, она братьевъ моихъ уморитъ!» и передалъ приказъ Смерти, чтобъ она шла по тѣмъ-же лѣсамъ и цѣлыхъ три года точила все молодые дубы. Пошла Смерть по лѣсамъ, принялась точить молодые дубы, а какъ исполнилось три года—идеть опять къ Богу, едва ноги тащитъ. Обманулъ ее солдатъ и въ третій разъ; Господь приказалъ морить младенцевъ, а солдатъ передалъ: «ступай по лѣсамъ и цѣлыхъ три года гложи малые дубки.» По исходѣ послѣднихъ трехъ лѣтъ, идеть Смерть къ Богу—чуть живая, такъ отъ вѣтру и валится. «Ну, думаетъ, теперь хоть подерусь съ солдатомъ, а сама дойду до Господа! за что онъ девять лѣтъ меня накажетъ?» Узналъ Господь, какъ хитрилъ солдатъ и повелѣлъ ему въ наказаніе девять лѣтъ носить Смерть на плечахъ. Засѣла Смерть на солдата верхомъ; повѣзъ ее солдатъ, вѣзъ-вѣзъ и уморился; вытащилъ рогъ съ табакомъ и сталъ нюхать. «Служивой! говоритъ Смерть, дай и мнѣ понюхать.»—Полѣзай въ рогъ, да и нюхай, сколько душѣ угодно. Только что влѣзла ова, солдатъ тотчасъ закрылъ рогъ, заткнулъ его за голенище, воротился и сталъ на старое мѣсто на часы. Этотъ эпизодъ варьируется еще такъ: велѣлъ Господь солдату кормить Смерть орѣхами, чтобъ она поправилась. Солдатъ пошелъ съ нею въ лѣсъ и заспорилъ: «ты де ве влѣзишь въ пустой орѣхъ!» Смерть слуру и влѣзла, а солдатъ заткнулъ дыру въ орѣхѣ и спряталъ его въ карманъ. Господь освободилъ Смерть и приказалъ ей уморить солдата. Сталъ солдатъ готовиться къ послѣднему концу, надѣлъ чистую сорочку и притащилъ гробъ. «Готовъ?» спрашиваетъ Смерть. — Совсѣмъ готовъ! «Ну, ложись въ гробъ!» Солдатъ легъ спиной къ верху. «Не такъ!» говоритъ

Смерть. Солдатъ легъ на бокъ. «Ахъ, какой ты! развѣ не видалъ, какъ умирають?»—То-то и есть, что не видалъ! «Пусти, и тебѣ покажу» Солдатъ выскочилъ изъ гроба, а Смерть легла на его мѣсто. Тутъ солдатъ ухватилъ поскорѣ крышку, накрылъ гробъ, наколотилъ на него желѣзные обручи и бросилъ пойманную Смерть въ море. И долго-долго носилась она по волнамъ, пока ни разбило гроба бурю. По другому разсказу, хитрый солдатъ сажаетъ Смерть въ торбу (или ранецъ), завязываетъ крѣпко-накрѣпко и вѣшаетъ эту торбу на верхушку высокой осины. Съ этой самой поры пересталъ народъ помирать: рождаться—рождается, а не помираетъ! Много лѣтъ прошло, солдатъ все торбы не снимаетъ. Случилась развѣ зайти ему въ городъ; идетъ, а на встрѣчу ему древняя старушонка: въ которую сторону подуетъ вѣтеръ, въ ту и валится. «Вишь какая старуха! сказалъ солдатъ; чай, давно ужъ умирать пора!»—Да, батюшка! отвѣчаетъ старуха, мнѣ давно помереть пора; еще въ тоѣ время, какъ посадилъ ты Смерть въ торбу, оставалось всего житья моего на бѣломъ свѣтѣ только единый часъ. Я бы и рада на покой, да безъ Смерти земля не примаетъ, и тебѣ, служивой, за это отъ Бога непрощенный грѣхъ! вѣдь не одна душа на свѣтѣ также мучится! «Видно, думаетъ солдатъ, надо выпустить Смерть; пошелъ въ лѣсъ—прямо къ осинѣ и видитъ: виентъ торба высоко и качаетъ ее вѣтромъ въ разныя стороны.» А что, Смерть, жива?» Она изъ торбы едва голосъ подаетъ: «жива, батюшка!» Снялъ солдатъ торбу, развязалъ и вынулъ Смерть; какъ только очутилась она на свободѣ, тотчасъ—подавай Богъ ноги!—и бросилась бѣжать отъ солдата. Точно также обманываютъ сказочные герои дьявола, заставляя его влѣзати въ червивый орѣхъ или въ суму (I, 282); самая Смерть представлена въ сказкѣ такою-же простоватою, недогадливою и прожорливою, какими изображаются обыкновенно вели-

жавы, драконы и черти; вмѣстѣ съ тѣмъ народный юморъ, замѣчательный нами въ обработкѣ старинныхъ преданій о великанахъ в демонахъ, овладѣлъ и нинюмъ о побѣжденной Смерти. Рогъ, еуна в гробъ, окованный желѣзными обручами,—все это метафоры грозовыхъ тучъ (см. I, 311—2, 579—588; II, 671); въ близкой связи съ этими представленіями стоитъ и орѣховое дерево, встаря посвященное грозовнику (см. II, 318). По своей стихійной природѣ, Смерть, подобно эльфамъ, облачнымъ женамъ в чертямъ, участвуетъ въ бѣшеной воздушной пляскѣ и въ дикихъ пѣсняхъ завывающей бури; нерѣдко она показывается, навгрывая на музыкальномъ инструментѣ—дудкѣ или скрипкѣ¹⁾. Отсюда средневѣковая поэзія и живопись западныхъ народовъ создали превосходное изображеніе Смерти: въ свою невстовую пляску она увлекаетъ представителей всѣхъ сословій отъ короля до нищаго, и быстро кружась съ ними подъ звуки ужасающей пѣсни, уноситъ ихъ души въ темныя области загробнаго царства.

Согласно съ указаннымъ отождествленіемъ Смерти съ грозовыми духами, древнее вѣрованіе заставило этихъ послѣднихъ исполнить ея печальную обязанность. Но такъ какъ громовникъ и его спутники являлись и устроителями небеснаго царства (=весенняго рая), и съ демоническимъ характеромъ властителей ада, то понятіе о Смерти раздвоилось, и фантазія изображала ее то существомъ злымъ, увлекающимъ души въ подземный міръ, то посланницею верховнаго божества, сопровождающею души усопшихъ героевъ (позднѣе—праведныхъ) въ его небесный чертогъ. Такъ Одинъ посылалъ вальвириій принимать падшихъ витязей и возносить ихъ въ свое блаженное жвлще—въ валгаллу. Греки вѣрили, что души умершихъ препровождалъ на тотъ свѣтъ Гермесъ, спорымъ посланникомъ боговъ и обладателемъ чудесна-

¹⁾ D. Myth., 807—9.

го жезла, прикосновеніемъ котораго онъ повергалъ живыхъ въ непробудный сонъ. Кромѣ того, смерть представлялась греками не только страшною Керою, но и въ образѣ прекраснаго, кроткаго и юнаго генія—Θάνατος (слово, родственное по корню съ нѣмецкимъ Tod), хотя и ему придавались эпитеты чернаго и чернокрылаго: всѣмъ страждущимъ онъ даетъ вѣчное уснокоеніе и всѣхъ утомленныхъ житейскими трудами и невзгодами погружаетъ въ тихій и сладкій сонъ. Θάνατος, очевидно, совпадаетъ съ понятіемъ о снѣ, благодѣтельномъ дарѣ боговъ, дружелюбномъ успокоителѣ міра, кротко вѣющимъ надъ морями и сушею. Античное искусство изображало Сонъ дитятею и юношею, съ крыльями орла или бабочки ¹⁾. Въ христіанскую эпоху это двоякое воззрѣніе на Смерть, какъ на существо съ одной стороны — злое, демоническое, а съ другой — свѣтлое, божественное, было перенесено на ангеловъ милостивыхъ и грозныхъ, снѣшанныхъ въ народныхъ преданіяхъ съ эльфами свѣтлыми и черными. Такое перенесеніе совершилось подъ вліяніемъ ветхозавѣтныхъ сказаній о страшномъ ангелѣ смерти (II-ая кн. царствъ, 24, 16), который впоследствии признанъ былъ за князя тьмы; онъ нисходилъ изымать души грѣшниковъ; для добродѣтельныхъ же людей являлся тихій ангелъ и прекращалъ ихъ жизнь прощальнымъ поцѣлуемъ. Нѣмецкія саги рассказываютъ о двухъ ангелахъ добромъ и зломъ, обходящихъ землю и предающихъ людей смерти ²⁾. Народный русскій стихъ такъ изображаетъ кончину праведнаго и грѣшника ³⁾:

Ссылаетъ Господь Богъ святыхъ ангеловъ,
Тихихъ ангеловъ, все милостивыхъ,
По его по душевкѣ по Лазареву.
Вынимали душевкѣ честно и хвально,

¹⁾ Ibid., 800—1; Griech. Myth. Преллера, I, 656-8. — ²⁾ D. Myth., 814, 1134. — ³⁾ Ч. О. И. и Д., годъ 3, IX, 183-5, 208, 211; Дат. рус. лит., т. V, отд. 3, 83.

Чество и хваљно въ сахарны уста,
 Да прняли душу ва пелену,
 Да вознесли же душу на небеса...
 Сослалъ Господь грозныхъ ангеловъ.
 Страшныхъ, грозныхъ, немилостивныхъ,
 По его душу по богачёву;
 Вынули его душеньку нечестно, нехваљно,
 Нечестно, нехваљно, скрозь ребёръ его,
 Да вознесли же душу вельми високо,
 Да свергнули душу во тьму глубоко,
 Въ тоѣ злоую муку—въ геенскій огонь.

Таже мысль выражена и вънародной легендѣ ¹⁾: праведникъ уврзаетъ окруженный семью; лёжа на одрѣ болѣзни, онъ даетъ своимъ сыновьямъ и снохамъ родительское наставленіе и навѣки-нерушимое благословеніе, и прощается со всѣми; Смерть является къ нему съ ангелами, вынимаетъ душу, и ангелы относятъ ее на золотомъ блюдѣ въ пресвѣтлый рай. Грѣшникъ же умираетъ среди житейскихъ заботъ и веселья; Смерть приходитъ неожиданно-негадано и ударяетъ его въ голову тяжелымъ молотомъ. Грозныхъ, немилостивыхъ ангеловъ часто замѣняютъ дьяволы, которые схватываютъ душу грѣшника, какъ свою добычу. Сербская легенда ²⁾ повѣствуетъ о святомъ архангелѣ, который поражалъ смертныхъ: одного человека онъ изсѣкъ въ куски, другаго ударилъ ножомъ три раза, а на третьего только замахнулся—какъ онъ уже умеръ. По словамъ архангела: «у оногъ е првогъ човека душа грешна ша неће да изаће изъ тела, зато самъ га свега исекао докъ самъ е истерао. У оногъ другогъ човека душа е мало безгрешна, зато самъ га трипутъ ударіо. А душа овогъ трећегъ човека са свимъ е праведна, зато самъ на њу само замахнуо, а она мени те у недра сама ускочи.» Выше было приведено свидѣтельство духовнаго стиха, что архангелъ Михаилъ перево-

¹⁾ Н. Р. Лег., 25. — ²⁾ Сербскій летописъ 1862, I, 150—1.

антъ души праведныхъ черезъ огненную рѣку. По мнѣнію болгаръ—онъ, принимая душу усопшаго, несетъ ее въ мытарства и передаетъ другимъ ангеламъ, а самъ возвращается за другими душами; души грѣшниковъ онъ схватываетъ за волосы, а праведныхъ обнимаетъ, какъ мать своего младенца. Прежде эта обязанность была возложена на архангела Гавріила. Однажды послалъ его Господь взять душу бѣдняка, у котораго было много дѣтей. Гавріилъ сжалился надъ ними и воротился, не исполнивъ приказанія: «какъ уморить его, Господи! въдъ у него малыя дѣтки; они несчастные погибнутъ отъ голода!» Богъ разгнѣвался, взялъ у Гавріила мечъ и отдалъ его архангелу Михаилу. Но и Михаилъ, посланный предать смерти добраго семьянина, видя—какъ вокругъ больного все проливали горькія слезы, почувствовалъ состраданіе, воротился къ Богу и сказалъ: «ниѣ жалко поразить этого человѣка!» Тогда Господь завязалъ ему уши; архангелъ спустился на землю и взялъ душу, потому что не могъ слышать ни плача, ни стѣнованій ¹⁾). Передъ Смертью напрасны человѣческія мольбы и рыданія; она глуха къ нимъ, и эту неумолимость ея поэтическая фантазія болгаръ изображаетъ тѣмъ, что Смерть является къ людямъ—съ завязанными ушами. Русская легенда ²⁾ рассказываетъ объ ангелѣ, который въ наказаніе за то, что не хотѣлъ взять души одной матери, долженъ былъ три года жить на землѣ. Родила баба двойни, и посылаетъ Богъ ангела вынуть изъ нея душу. Ангелъ прилетѣлъ къ бабѣ; жалко ему стало двухъ малыхъ младенцевъ, не вынулъ онъ обреченной души и полетѣлъ назадъ къ Богу.—«Что вынулъ душу? спрашиваетъ его Господь. «Нѣтъ, Господи! у той бабы есть два младенца; чѣмъ-же они станутъ питаться?» Богъ взялъ жезло, ударилъ въ камень и разбилъ его надвое, указалъ въ трещинѣ двухъ червей и провѣщалъ: «кто питаетъ этихъ чер-

¹⁾ Каравел., 267. — ²⁾ Н. Р. Дер., 26; Slov. pohad., 502—7.

вей, тотъ пропталъ бы и двухъ младенцевъ! И отнял Богъ у ангела крылья и осушилъ его въ теченіи трехъ лѣтъ вестн земную жизнь.—Наряду съ легендами и стихами объ ангелахъ смерти, возникли средневѣковыя сказанія о борьбѣ ангеловъ и чертей за обладаніе душою усопшаго; сказанія эти извѣстны и у нѣмцевъ, и у славянъ. По свидѣтельству нѣмецкихъ памятниковъ, во главѣ ангеловъ выступаетъ архангелъ Михаилъ, какъ проводникъ душъ въ райскія селенія ¹⁾. По нашимъ преданіямъ, при одрѣ умирающаго присутствуютъ и спорятъ за его душу ангель-хранитель и дьяволъ; если добрыя дѣла человѣка перевѣшиваютъ злыя, то ангель-хранитель прогоняетъ дьявола копьемъ, а если перевѣшиваютъ злыя дѣла, то ангель удаляется съ плачемъ.

Въ числѣ другихъ представленій Смерти особенною поэтическою свѣжестью дышетъ то, гдѣ она является невѣстою. Этотъ прекрасный образъ объясняется изъ старинныхъ метафорическихъ выраженій, уподоблявшихъ кровавую битву—свадебному пиршеству, а непробудный сонъ въ могилѣ—опочиву молодыхъ на брачномъ ложѣ. Умирая отъ ранъ, добрый молодецъ, по свидѣтельству русской пѣсни, наказываетъ передать своимъ родичамъ, что женился онъ на другой женѣ, что сошталъ ихъ сабля острая, положила спать калена стрѣла (1, 369). Когда Смерть сражаетъ цвѣтущаго юношу, она (выражаясь поэтическимъ языкомъ) сочетается съ нимъ бракомъ. Въ сборникѣ «Westslawischer Märchenschatz» ²⁾ есть любопытный разсказъ, какъ одинъ богатый юноша напрасно искалъ невѣсты, которая пришла бы ему по сердцу. Разъ встрѣтилъ онъ прекрасную дѣвицу въ бѣломъ платьѣ. «Куда идешь ты?» спросила его красавица. — Ищу невѣсты по сердцу, и объ одномъ только прошу Бога, чтобы хотя единый часъ могъ на-

¹⁾ D. Myth., 796—7. — ²⁾ Стр. 143-4.

сладиться любовью—прежде, чѣмъ умру. «Юноша! сказала она, я согласна быть твоею женою.» Обрадованный и влюбленный, онъ повелъ ее въ свой домъ. Но когда прошелъ часъ времени—прекрасная невѣста вдругъ превратилась въ старое и беззубое привидѣніе. Это была—Смерть. «О невѣрная соблазнительница! ты меня обманула», воскликнулъ женихъ.— Не я, а ты обманулъ самъ себя! возразила страшная гостья; ты обѣщала быть моимъ, и я беру тебя съ собою. Она взмахнула острой косою, и юнша палъ мертвымъ.

Болѣзни разсматривались нашими предками, какъ соупутницы и помощницы Смерти, а повальные и заразительныя прямо признавались за самую Смерть, и ни въ чемъ такъ ярко не выступаетъ стихійное значеніе этой древней богини, какъ въ народныхъ преданіяхъ и повѣрьяхъ о различныхъ недугахъ. Нѣмецкая легенда рассказываетъ, что одному юношѣ обѣщалась Смерть прежде, чѣмъ возьметъ его душу, прислать своихъ пословъ, и онъ зажилъ весело и разгульно, не помышляя о послѣднемъ концѣ. Но вотъ онъ состарился и за нимъ явилась Смерть. На упрекъ, что она не исполнила своего обѣщанія, Смерть отвѣчала: «какъ, я не послала къ тебѣ моихъ пословъ? развѣ не трясла тебя лихорадка, развѣ ты не чувствовалъ головокруженія, лома въ костяхъ, зубной боля, ослабленія зрѣнія и глухоты?»¹⁾ Славянскія названія болѣзней соединяютъ съ ними мысль о карающемъ божествѣ: bogine —оспа, boža гапа — язва, чума, božj bič или boža moč (божья сила)—падучая, бѣшенство, boža ruка — параличъ; сравни нѣм. der gotes slac, die gewalt gottes, die hand gottes (schlagfluss, apoplexia) — названія, указывающія на быстрый, внезапный родъ смерти, въ противоположность тѣмъ болѣзнямъ, которыя сводятъ человека въ могилу только послѣ продолжительныхъ мученій. Въ русскихъ областныхъ говорахъ:

¹⁾ Сказ. Грим., 177; Гальтрихъ, стр. 62.

божье или божья немочь—падучая; божья—эпидемія («божья ходитъ»); одержимыхъ припадками бѣснованія и помѣшанныхъ вазываютъ божевольными и божегнѣвными, что свидѣтельствуешь за древнѣйшее воззрѣніе на болѣзнь, какъ на божью волю и божій гнѣвъ ¹⁾. Индусы изгоняли прокаженныхъ изъ касты и лишали права владѣть собственностію, такъ какъ эти несчастные поражены «божьимъ гнѣвомъ». Въ Европѣ долгое время вѣрили, что каждая язва есть заявленіе божественнаго гнѣва и требуетъ всенароднаго покаянія. Изувѣченныхъ и калѣкъ называютъ: убогіи, ubożatko; малор. небѣжчикъ, пол. nieboszczyk—покойникъ, т. е. какъ-бы отвергнутый свѣтлыми богами, постигнутый небесною карою ²⁾).

Далѣе, мы имѣемъ положительныя свидѣтельства языка, что болѣзни причислялись нѣкогда къ сонму нечистыхъ духовъ. Областной словарь представляетъ тому обильныя примѣры: стрѣлъ—чортъ и стрѣлы—колотье: «пострѣлъ бы тебя побралъ!» чѣморъ—дьяволъ («поди ты къ чѣмору!») и чѣмеръ—спазмы въ животѣ или боль въ поясницѣ, а чѣмеръ—головокруженіе, страданіе живота и болѣзнь у лошади; игрѣць—истерическій припадокъ, кликушество и дьяволъ; худоба—сухотка, истощенность, худобище—конвульсивъ въ тяжкой болѣзни, худая боль—сифилисъ, сибир. «въ худыхъ душахъ»—при смерти и худой—злой бѣсъ; черная немочь (не-мощь—не-дугъ; мощный и дюжій—сильный, здоровый)—параличъ, черна—скотская чума, черная смерть—моръ, опустошавшій русскую землю въ 1352 году (при Симеонѣ Гордомѣ), и черныи—эпитетъ нечистаго духа (I, 99), черныи шутъ—дьяволъ; лядѣтъ

¹⁾ О вл. христ. на сл. яз., 123; Обл. Сл., 12; Доп. обл. сл., 10; Москв. 1852, XXIII, 72; D. Myth., 1109—1110. — ²⁾ Старосв Банд., 411; Обл. Сл., 236.

—долго хворать, лядить—томиться, изнывать, хирѣть, лядашій—бессильный, больной, негодный и лядъ—чортъ: «ну те къ ляду!» У бѣлоруссовъ лядашникъ—духъ, причиняющій людямъ порчу: «лядашникъ перелецѣу ямѣ», т. е. онъ сталъ полоумнымъ, сумашедшимъ; сравни бѣсъ, бѣснующійся, бѣшенство и чешск. bĕsný pes (бѣшенная собака). Входя въ чловѣка или животное, демонъ порождаетъ въ немъ болѣзненные припадки и безумную ярость; подобное-же дѣйствіе, производимое ядовитыми растеніями, также приписывалось демонамъ: euphorbia называется у славянъ—бѣсово молоко, у нѣмцевъ teufelsmilch, atropa belladonna—бѣшенная вишня и т. дал. Ворогуша—лихорадка и врагъ (ворогъ)—дьяволъ; лихій—злой духъ и болѣзнь у лошадей, старинное лихновѣць (въ Святославовемъ изборникѣ)—сатана, лихо-радка (лихо-манка, лихо-дѣйка), лихота—нездоровье, немощь, лиховать—быть нездоровымъ, чувствовать тошноту; тоснуть—болѣть, скучать и тошная—нечистая сила; шатунъ—чортъ и шатъ—обморокъ, головокруженіе, болѣзнь у собакъ; вологод. «тяжкая пришла» т. е. посетила болѣзнь и тяжкѣнь или тяжелой въ значеніи дьявола; икота (икотка)—болѣзненный припадокъ и чловѣкъ, одержимый бѣсомъ, икота—страдающая икоткою; притка—падучая и всякій неожиданный, нечаянно приключившійся недугъ («чтобъ тебя разопритчило!» «миѣ на такомъ-то мѣстѣ попритчило съ!»), а слѣдующія выраженія: «экъ ця притка принесла!» «притка его вѣдать, откуда онъ!» указываютъ на демона; сравня: «кой чортъ тебя привесъ!» «чортъ его вѣдасть!» Лишай—гноинный струпь на головѣ и дьяволъ ¹⁾. Тѣсная

¹⁾ Обл. Сл., 28-29, 42, 73-74, 104, 108, 134, 179, 218, 231, 235, 251; 256-7, 263; Доп. обл. сл., 102; Приб. къ Изв. Ах. Н. 1853, 183; Эги. Сб., I. 176-7; Годъ на Сѣверѣ, Максимовъ, II, 463; Матер. для исторіи писемъ, ст. Бусл., 8; Громанъ, 8.

связь нечистой силы съ болѣзнями, разслабляющима тѣло человѣческое, подтверждается и слѣдующими названіями: обломъ (отъ ломать)—дьяволъ, домовой; костоломъ в кождѣрь — злой человѣкъ, лѣшій, чортъ; въ числѣ болѣзненныхъ ощущеній извѣстенъ и ломъ въ костяхъ ¹⁾). Въ апокрифической статьѣ «Свитокъ божественныхъ книгъ» повѣствуется, что Господь, создавши тѣло перваго человѣка, спонде на небеса по душу Адамову; сатана же не вѣдая, что ему сотворити, и тну тѣло Адамово перстомъ. И приде Господь ко своему созданію, и видѣ тѣло Адамово и рече: о дьяволе! что ты сотворилъ? Отвѣщавъ же дьяволъ: Господи! забудеть тебя сей человѣкъ; (но) аще у него что заболитъ, тогда Господа вспомнятъ. И Господь обрати (болѣзнь) Адаму внутрь, и оттого во всякомъ человѣцѣ... болѣзнь сотвори сатана; аще у кого поболитъ, тогда и вздохнетъ о Господѣ: помилуй мя!» ²⁾. Въ другомъ апокрифѣ—въ «Сказаніи, како сотвори Богъ Адама» ³⁾ читаемъ: создалъ Богъ перваго человѣка изъ восьми частей, «и спонде очи имати отъ солнца и остави Адама единого лежаща на земли. Приде же окаянный сатана ко Адаму и намаза его каломъ и тиномъ и возгряни. И приде Господь ко Адаму и восхотѣ очи вложити, и видѣ его мужа изсмазанна, и разгѣвался Господь на дьявола и нача глаголати: «окаянне дьяволе, проклятыи! не достоятъ ли твоя погвбель? что ради человѣку сему сотворилъ еси пакость—вмаза его? си проклятъ ты буди! И дьяволъ и исчезе, акн молнія, «сквозь землю отъ лица Господня. Господь же снемъ съ него спакость и сатанины и смѣсивъ со Адамовыми слезами, и свѣ томъ сотвори собаку, и постави собаку и повелѣ стрещи Адама; а самъ отъиде въ горній Іерусалимъ подыханіе Адамъ»

¹⁾ Обл. Сл., 133; Вибл. для Чт. 1846, X, 122. — ²⁾ Рус. Сл. 1862, II, ст. Пыпина, 55. — ³⁾ Пам. стар. рус. литерат., III, 12—13.

«лево. И придет вторые сатана и восхотѣ ва Адама напустити «злую скверну, в видѣ собаку при ногахъ Адамлевыхъ лежащу, и убояся вельми сатана. Собака начала зло лаяти на дѣвола; окаянный же сатана вземъ древо и истыка всего челоуѣка Адама, и сотвори ему 70 недуговъ.» Богъ помилосердовалъ объ Адамѣ, прогналъ сатану и обратилъ всѣ недуги внутрь челоуѣческаго тѣла. Въ народной легендѣ о сотвореніи міра и потопѣ ¹⁾ сказано, что собака первоначально была создана голою и что дьяволъ соблазнилъ ее, угрожая зимними морозами и обѣщая ей теплую шубу (т. е. шерсть); собака подпустила дьявола къ первосозданному челоуѣческому тѣлу, а тотъ оплевалъ и охаркалъ его ²⁾. Въ связи съ этими апокрифическими сказаніями должна быть поставлена и повѣсть о скверномъ бѣсѣ, занесенная въ раскольничьи рукописи и на лубочную картину. Нѣкій святыи старецъ увидѣлъ въ пустынѣ бѣса, отъ головы до ногъ оскверненнаго блуднымъ гноемъ. «И рече ему старецъ: да почто не омылся еси въ рѣцѣ или въ источникѣ? Онъ же рече: не велитъ ми вышній Богъ... повѣлѣваетъ ангелу водному отгоняти насъ; онъ же оружіемъ огненнымъ прогоняя(-еть) насъ. Старецъ рече ему: да гдѣ можешъ измытися? Бѣсъ рече: помду въ христіянскіе дома, и гдѣ обрящу сосуды непокровенны, ту влиду и измыюся;

¹⁾ Н. Р. Лег., 14. — ²⁾ Преданіе это перешло и къ мордвѣ (Рус. Вѣст. 1867, IX, 229), и къ черемисамъ: Юма, создавши челоуѣческое тѣло, отправился творить душу, а въ тѣлу прѣставилъ пса, который тогда еще не имѣлъ шерсти. Злой Кареметь произвелъ такой холодъ, что песь едва не замерзъ; потомъ далъ собацѣ шерсть, и допущенный къ челоуѣку охаркалъ его тѣло, и тѣмъ самымъ положилъ начало всѣхъ болѣзней — Вѣст. Р. Г. О. 1856, IV, 282; Этн. Сб., V, роспись Межова, 41. Собака олицетворяетъ здѣсь стихійныя силы природы (см. I, 720—734), на что указываетъ и созданіе ея изъ слезъ, слювы и мокроты (= древнѣйшія метафоры дождя).

они же послѣ мене примутъ болѣзни тяжки—и кашлеве, и
трясавицы, и инныя скорби.» ¹⁾ Сосудовъ я кринокъ съ напит-
ками и кушаньями не совѣтуютъ оставлять непокрытыми,
опасаясь, чтобы нечистая сила неосквернила ихъ; если нечѣмъ
покрыть, то должно по крайней мѣрѣ перекрестить, или поло-
жить сверху двѣ лучины накрестъ. Народная легенда ²⁾ раз-
сказываетъ о чортѣ, который засѣлъ въ кувшинъ съ водою, оста-
вленный на ночь безъ этихъ предосторожностей. По ночамъ,
такъ какъ въ это время злые духи бываютъ особенно дѣятель-
ны, не слѣдуетъ пить воды, тѣмъ болѣе не благословясь;
иначе наживешь «водяную» ³⁾. Итакъ болѣзнь есть дѣло враж-
дебнаго демона: нападая на человѣка, онъ касается его своею
рукою, наноситъ ему гнойныя раны, оскверняетъ его тѣло на-
рывами, вередаями, сыпьями, нерѣдко даже поселяется въ немъ,
грызетъ и мучитъ его различными мѣками. Вѣрованіе это
принадлежитъ глубочайшей древности и встрѣчается у всѣхъ
индоевропейскихъ народовъ. По мнѣнію индусовъ, всякая за-
раза и смертность насылались на людей и стада Вритрою и
подвластными ему демонами; зендская отрасль арийскаго пле-
мени приписывала созданіе болѣзней Ариману. Atharva-Вѣда
олицетворяетъ лихорадочный недугъ (такманъ); его проклина-
ютъ, гонятъ, вызываютъ изъ страдающаго тѣла, и когда ни-
что не помогаетъ, то кланяются ему, какъ божеству, и мо-
лятъ, чтобы онъ пощадилъ больнаго или поискалъ себѣ иного
нечестиваго человѣка. Силою чародѣйныхъ заклятій колдуны
могли не только изгонять болѣзни (amivá), но и напускать ихъ
на своихъ враговъ ⁴⁾. Гомеръ ⁵⁾ приписываетъ тяжкіе не-

¹⁾ Лят. рус. лѣт., т. V, отд. 3, 89—90. — ²⁾ Н. Р. Лер., 19.
— ³⁾ О. З. 1846, V, ст. Харитоновъ, 24. О страдающихъ запо-
емъ простолюдныи думаютъ, что они проглотили маленькаго
чорта, когда тотъ плавалъ въ рюмкѣ вина—Кіевляни 1865, 57.
— ⁴⁾ Грозанъ, 147-8. — ⁵⁾ Одис., V, 395-6.

дуга прикосновенію злаго демона; и въ античномъ мірѣ, и въ среднія вѣка уопомѣшательство и паучую болѣзнь объясняли нападеніемъ нечистаго духа ¹⁾. Относительно славянъ подобное воззрѣніе на болѣзнь засвидѣтельствовано еще Несторомъ; рассказывая о Святополкѣ (подъ 1019 годомъ), лѣтописецъ выражается такъ: «и бѣжащю ему, нападе на-нь бѣсъ— и расслабѣша кости его, не можаше сѣдѣти (на конѣ), и несяхуть ѿ наносилѣхъ. Принесоша ѿ къ Берестью, бѣгающе съ нимъ; онъ же глаголаше: побѣгнѣте со мною, женуть по насъ! Отроци же его всылаху противу: «еда кто женеть по насъ?» и не бѣ никого-же въ слѣдъ гонящаго, и бѣжаху съ нимъ; онъ же, въ немощи лежа, въсхопивъся глаголаше: о се женуть, побѣгнѣте! Не можаше терпѣти на единомъ мѣстѣ, и пробѣжа лядскую землю, гонимъ божьимъ гнѣвомъ, прибѣжа въ пустыню межю ляхы и чехы—испроверже азъ животъ свой» ²⁾. Выше (II, 420-1) сообщено было лѣтописное преданіе о дяволѣ, который, бросая въ вноковъ цвѣтоиъ, приводилъ ихъ въ расслабленіе. По свидѣтельству народныхъ сказокъ, бѣсъ, поселяясь въ женъ и дѣвъ, отымаетъ у нихъ умъ, слухъ, зрѣніе, повергаетъ ихъ въ бѣшеное, изступленное состояніе и заставляетъ испытывать самыя мучительныя страданія ³⁾. Въ оффициальномъ показаніи шуянъ 1666 года читаемъ: «то намъ вѣдомо: Шунъ посаду Яковъ Григорьевъ скорбѣлъ икотою и виѣ ума былъ весь и всячески отъ нечистаго духа... а Василей Неемѣявовъ скорбѣлъ отъ нападенія нечистаго духа, и его исцѣлила пресвятая Богородица, какъ сталъ молебствовать. А про Иванову жену, Елизарьева сына Ожималова, Марѣу слышали мы отъ сосѣдей, что ова одержима была нечистымъ духомъ, и ее исцѣлила пресв. Богородица въ церкви на праздникѣ своемъ—въ литургію, въ

¹⁾ Москв. 1853, XXIV, 195. — ²⁾ П. С. Р. Л., I, 62-63. — ³⁾ Н. Р. Ск., I, 9, 10 и стр. 143, по 3-му издан.

большой выходъ; и она нынѣ здрава стала, а скорбѣла трои сутки» ¹⁾. Въ 1670 году шуяне подяли новую сказку, въ которой заявили: «прїѣзжаютъ въ Шую къ чудотворному образу пресв. Богородицы Смоленскія со многихъ городовъ и уѣздовъ всякихъ чиновъ люди молиться мужескій и женскій и дѣвичъ полъ, и тѣ иногородные люди привозятъ съ собою различными скорбми одержимыхъ отъ нечистыхъ дуловъ мужескій и женскій и дѣвичъ полъ, и тѣ скорбные люди... въ божественную службу мечтаются всякими кознодѣйстваы» ²⁾. «Есть на Поморіи (говорить рукописное житіе Зосимы и Савватія) наволокъ Унежма; въ мѣстѣ-же томъ (былъ) человекъ нѣкій именемъ Никонъ. Селу Никону случися болѣзнь тяжка зѣло. Два кудесника бысть въ волости той, ииуще прюнѣкую межю собой. Никону же тому случися промежу ихъ свидѣтельствовати; единому (изъ в)ихъ угоди, а другаго оскорби.» Последній «зельнѣ огорчися», и «яко-же обычай имъ укоренился злокозненнаго дѣйства, бѣсовскою прелестію нача кудесъ бити —таже насылаетъ бѣса на Никона» ³⁾. Въ повѣсти о бѣсоватой женѣ Соломоніи (XVII вѣка) разсказывается, что однажды ей послышалось, «аки приде нѣкто ко храминѣ; она же возста отъ ложа своего и отверзи двери, и пахну ей въ лице, и во уши, и во очи, аки вѣкоторый вихоръ велий, и явися аки пламя нѣкое огненно и сине... И бысть во всю ночь безъ сна; приде на нея трясеніе и великій, лютый озисбъ, и въ третій день она очюти у себе во утробе демона люта, терзающа утробу ея, и бысть въ то время во иступленіи ума отъ живущаго въ ней демона» ⁴⁾. И до сихъ поръ простой народъ думаетъ, что всѣ калѣки, разслабленные и хворые изурочены колдунами и нечистою силою ⁵⁾; всякое тѣ-

¹⁾ Описание гор. Шуй, Ворисова, 428—9 — ²⁾ Ibid., 345, 425. —

³⁾ Шапов., 43. — ⁴⁾ Пам. стар. рус. литер., I, 153. — ⁵⁾ Сахаров., I, 36.

лесное страданіе и всякое тревожное чувство приписываются порчѣ «недобрыхъ людей», ихъ завистливою мысли, оговору и сглазу, и называются напускою тоскою; нервныя болѣзни — кликушество, икота и падучая, а равно грыжа, сухотка и колотье признаются поселянами за дѣйствіе злыхъ духовъ, насланныхъ на человѣка на срокъ или навсегда истительнымъ колдуномъ. Сами больные, раздѣляя тоже убѣжденіе, выкрикиваютъ во время припадковъ имена своихъ враговъ, подозрѣваемыхъ въ насланіи болѣзни, и обвиняютъ ихъ въ этомъ мнимомъ преступленіи. Еще недавно, вслѣдствіе такихъ обвиненій, производились судебныя розыски. Въ пинежскомъ уѣздномъ судѣ хранится любопытное дѣло, рѣшенное въ 1815 году. Крестьянинъ Михайло Чухаревъ былъ обвиненъ въ порчѣ никотою своей двоюродной сестры Офимьи Лобановой, и ту Офимью (сказано въ прошеніи) теперь злой духъ мучитъ. Чухаревъ показалъ на допросѣ, что дѣйствительно насылалъ порчу на свою двоюродную сестру, а научилъ его тому крестьянинъ Федоръ Крапивинъ. Чара совершается такъ: снявши съ себя шейный крестъ, должно нашоптывать на соль: «пристаньте къ человѣку (имярекъ) скорби-икоты, трясите и мучте его до скончанія вѣка; какъ будетъ сохнуть соль сія, такъ сохни и тотъ человѣкъ. Отступите отъ меня, дьяволи, а приступите къ нему.» Наговорную соль слѣдуетъ бросить на дорогу или вообще на то мѣсто, которымъ долженъ проходить осужденный на икоту. Судъ приговорилъ Чухарева къ тридцати пяти ударамъ кнутомъ и къ публичному церковному покаянію. Г. Максимовъ, сообщившій это дѣло въ своей прекрасной книгѣ: «Годъ на Сѣверѣ», слышалъ отъ ямщика разсказъ о дѣвкѣ-икотницѣ, у которой сто бѣсовъ животь гложуть ¹⁾. При такомъ взглядѣ на

¹⁾ II, 289, 310-5. Влад. Г. В. 1844, 53. Кавказскіе горцы бѣшество и бредъ приписываютъ вліянію нечистой силы — Совр. 1854, XI, снѣсь, 2; подобныя же вѣрованія встрѣчаемъ у разныхъ инородцевъ — О. З. 1830, ч. XLIII, 219; Вост. Р. Г. О. 1856, I, снѣсь, 28.

болѣзни, весьма естественно было представлять ихъ существами живыми, одушевленными. Клятвы различными недугами, донныѣ приносимыя простолюдннами въ пылу гнѣва или досады, были нѣкогда дѣйствительными призывами злыхъ демоновъ на враговъ и обидчиковъ: «вбій ты трясца!» «хай тебе хиндя (?) потрясе!» «щобъ тебе родимецъ ¹⁾ побивъ!» (великор. «родимецъ ты нозь ми!») «щобъ на тебе причина (= притка) вдарила!» «бодай тебе грець внимивавъ!» «щобъ тебе луть турнула!» «щобъ тебе лунь вхопила!» ²⁾ «щобъ ёго смутокъ (печаль, тоска) узявъ!» «смутокъ би на ты темнйй та чорнйй упавъ!» «чортъ би тебе спикъ!» «чортъ би вбивъ (или: мучивъ) твого батька!» ³⁾ Слѣдуя оборотамъ, употребительнымъ въ нѣмецкомъ языкѣ, болѣзнь ватаквивается, наскаквивается, нападаетъ, хватаетъ, осилливаетъ — sie stösst an, fällt an, überfällt, überläuft, packt, greift an, überwältigt den menschen; у насъ говорятъ о тяжкой болѣзни, что она съ ногъ свалила ⁴⁾. Нечистая сила смерти и недуговъ изображается въ народныхъ преданіяхъ вѣчно-голодною и прожорливою; она съ жадностію бросается на людей и животныхъ и питается ихъ кровью и мясомъ. По народному выраженію, больной изнашивается ⁵⁾: полнота и крѣпость его тѣла какъ-бы поглощаются злобными демонами; напротивъ изцѣлить = возстановить здравіе буквально означаетъ: сдѣлать человека цѣлымъ. За родство понятій смерти и голода свидѣтельствуютъ: готское *svults* — *thors* и сканд. *sultir* — *fames*, греч. λιμός — голодъ и λοιμός — моровая язва ⁶⁾. О «черной смерти» лѣтописецъ выражается: «егда бо видяше гдѣ въ который родъ или въ осподу (вар. въ семью) болѣзнь лютая

¹⁾ Параллель—Обл. Сл., 191. — ²⁾ «Лунь ёго вхопивъ.—онъ околѣлъ—Старосл. Бавд., 387. — ³⁾ Номис., 73. — ⁴⁾ D. Myth., 1106. — ⁵⁾ Изнашивается—похудѣть—Обл. Сл., 74. — ⁶⁾ D. Myth., 842.

и смертное то жало, мряху бо сполу наборзѣ... (сравни «божья ходитъ», «тяжкая пришла», «болѣзнь посѣтила»). Сана свѣтлостью не умалена бываетъ Смерть ¹⁾, на всѣхъ бо вынизаетъ многоядныя своя зубы» ²⁾. Итакъ моровой язвѣ даются острые зубы и жало. Тоже представление соединяютъ съ болѣзнями и сербы, какъ очевидно изъ ихъ заклятій: болест га јела! — тако ме губа (проказа) не јела! — тако ме живина (ракъ) не гризла! (или: не драла!) — тако ме не јела губа до паса, а живина од паса! — тако ме помама (бѣшенство) не напала! ³⁾ Название грыжа (грызь = рѣзь, лошота, ноющая острая боль) происходитъ отъ глагола грызу ⁴⁾. Сибиряки считаютъ оспу за нечистаго духа, который бродитъ по свѣту и питается мертвыми тѣлами; а потому, желая умиловить его, нарочно убиваютъ скотину ⁵⁾. Въ великорусскихъ губерніяхъ поселяне убѣждены, что Оспа ходитъ съ клювомъ, и ударя имъ, пятнаетъ челоуѣка щедринками ⁶⁾; областныя названія оспы — шадра и своробъ; шадривый, шадровитый — рябой, шадрина — рябинка, своробатый — шерохватый ⁷⁾. Въ олонецкой губ. заболѣвшаго оспою приносятъ къ другому хворому тою-же болѣзней, и онъ отвѣшиваетъ ему три поклона и произноситъ: «прости меня Оспица, прости Ананасьевна, чѣмъ я предъ тобою согрубилъ, чѣмъ провинился!» ⁸⁾ Прощать въ старинномъ языкѣ употреблялось въ значеніи: выздороветь, излѣчиться отъ болѣзни. Новые греки представляютъ оспу мнѣческой женщиной ⁹⁾. Народное суевѣріе утверждаетъ, что когда начинается болѣзнь, то не слѣдуетъ

¹⁾ Т. е. она не вкраетъ на санъ. — ²⁾ П. С. Р. Л., IV, 61, 191. — ³⁾ Срп. и. послов., 21, 298-9. — ⁴⁾ Толков. Слов., I, 356. — ⁵⁾ Абез., 77-78. — ⁶⁾ Послов. Даля, 430. — ⁷⁾ Обл. Сл., 200, 261. — ⁸⁾ Обл. Сл., 144. — ⁹⁾ D. Myth., 1113.

ложиться на постель, а стараться быть на ногахъ, чтобы она не взяла силы и не одолѣла человѣка ¹⁾).

Нечистые духи, въ своемъ древнѣйшемъ, языческомъ значеніи, были существа стихійныя, демоны темныхъ тучъ, опустошительныхъ грозъ, вихрей и вьюгъ, то посылающіе на поля и нивы безвременные ливни и градъ, то задерживающіе въ облачныхъ горахъ животворную влагу дождя и карающіе землю засухою; въ томъ и другомъ случаѣ они истребляютъ жатвы и лишаютъ человѣка его насущной пищи. Къ разряду стихійныхъ демоновъ првчислялись нашими предками и болѣзни, какъ порожденіе тѣхъ-же естественныхъ причинъ: простуды, сырости, томительнаго зноя и вредныхъ испареній, разносильныхъ буйнымъ вѣтрами, и какъ обычные спутники неурожаевъ, вслѣдъ за которыми въ древности всегда шествовалъ моръ. Atharva-Веда свидѣтельствуетъ, что воспалительный недугъ (такманъ) появляется тогда, когда жаркіе лучи солнца воздѣйствуютъ на болотистую почву — когда огонь иссушитъ воду. Эпидемическія, заразительныя болѣзни слывутъ на Руси: по вѣтріе (пол. *powietrze*), вѣтроносное язво ²⁾) и моръ; съ послѣднимъ названіемъ родственны слова: об-морокъ — болѣзненный припадокъ, шгла, туманъ, и обморочить. Летучая или вѣтренная оспа называется въ ярославской губ. лопуха — слово, означающее также: свѣгъ, падающій большими хлопьями ³⁾). У кыпцевъ болѣзнь лошадей и рогатаго скота — *der böse wind*, въ Швейцаріи рожа — *wolken, fliegende wolke* ⁴⁾). По мнѣнію народа, болѣзни посылаются по вѣтру или по водѣ: «съ вѣтру пришло», «съ воды приключилося». Колдунъ выходитъ на дорогу и выжидаетъ: не подуетъ ли попутный вѣтеръ въ ту сторону, гдѣ живетъ обреченный на порчу. Выждавши, онъ беретъ съ дороги горсть

¹⁾ Рус. въ св. посл., IV, 88. — ²⁾ Библия для Чт. 1846, IX, 61. — ³⁾ Обл. Сл., 105, 134, 141. — ⁴⁾ D. Myth., 1112, 1115.

пыля или снѣгу (смотря по времени года) и бросаетъ на вѣтеръ, причитывая: «ослѣпи (=запороши) у раба такого-то черныя очь, раздуй его утробу толще угольной ямы, засуши его тѣло тоньше луговой травы!»¹⁾ Главныя напускаемыя болѣзни — икота и стрѣлы. Икотою называютъ на сѣверѣ Россіи припадки кликушества; икать во псковской губ. — кричать, кликать²⁾. Силою чародѣйнаго слова нечистый духъ заклиняется на чье-нибудь имя; быстро летитъ онъ на крыльяхъ вѣтра, и первый встрѣчный, кто носить означенное имя, дѣлается его жертвою. Иногда наговариваютъ икоту на камни или насѣкомыхъ, и тотъ, кто записется о такой камень или проглотитъ летучую мошку, подвергается истязаніямъ злаго демона. Стрѣлы (колотье) напускаются такъ: берется коровій рогъ, насыщается пескомъ, дресвою, истолченнымъ стекломъ, и все это выдувается въ отверстіе рога, съ закліатиємъ на извѣстное лицо. Вѣтеръ подхватываетъ песокъ, дресву и стекло, несетъ ихъ на человѣка и производитъ въ немъ такое ощущеніе боли, какъ-будто вся внутренность его была наполнена острою пылью и рѣжущими осколками³⁾. Эта чара и самое названіе болѣзни наминаютъ намъ: съ одной стороны — эпическое выраженіе Слова о полку во вѣтрахъ, вѣющихъ съ моря стрѣлами, а съ другой — то старинное олицетвореніе вѣтровъ, которое представляло ихъ дующими въ рога и трубы (I, 323—4). По свидѣтельству народныхъ преданій нечистые духи, купающыяся въ источникахъ, оскверняютъ воды и порождаютъ различные недуги (см. выше, стр. 62). Эти источники первоначально означали дождевыя тучи, живительная влага которыхъ изсушаетъ

¹⁾ Потеби., 80-81; Сахаров., I, 36. — ²⁾ Доп. обл. сл., 73. —

³⁾ Карман. книжка для любителей землевѣдѣнія, 315; Очерки архангел. губ. Верещагина, 181—3; въ вѣсткахъ о вѣтровыхъ записяхъ читаемъ: „ни вѣдывомъ по вѣтру никакого лиха не посылати“.

ся знойнымъ дыханіемъ демоновъ, губителей земнаго плодородія; въ послѣдствіи же въ нихъ стали видѣть обыкновенные омуты и болота, заражающіе воздухъ своими тлетворными испареніями въ жаркіе мѣсяцы лѣта. Нѣмцы, чехи и лужицане думаютъ, что во время солнечнаго затмѣнія (= собственно передъ началомъ грозы, когда солнце помрачается сгущенными тучами и воздухъ дѣлается томительно-удушливымъ) нечистые духи пускаютъ съ неба ядъ и отравляютъ источники; поселане закрываютъ тогда колодцы, не рѣшаются брать изъ нихъ воду для зѣтья и не выгоняютъ скота въ поле ¹⁾. Германскія племена приписываютъ болѣзни вліянію раздраженныхъ эльфовъ; свомъ прикосновеніемъ и дыханіемъ (= дуновеніемъ) эльфы причиняютъ людямъ и домашнимъ животнымъ расслабленіе и смерть; кону нанесутъ они ударъ, тотъ теряетъ память и умственные способности: параличъ называется *dvergslag* (*zweragschlag*), слабоуміе есть знакъ, что человекъ коснулась мстительная рука эльфа — *elbentgöttsch* (*blödsinnig, geistesschwach*). По указанію народныхъ сагъ, лица, попадающіе къ эльфамъ, рѣдко возвращаются назадъ, а если кто и воротится—то навѣрно на всю жизнь останется полоумнымъ: вѣрованіе это совпадаетъ съ общераспространеннымъ на востокѣ, въ Іудеи и въ средневѣковой Европѣ мѣніемъ, что бѣсноватые одержимы злыми духами, которые поселяются въ нихъ, какъ безпокойные, раздражительные мары (*poltergeister*) въ жилищѣ избранной семьи. Учатіе въ танцахъ эльфовъ дѣлаетъ человека расслабленнымъ. Болѣзнь, извѣстная въ медицинѣ подъ именемъ Витовой

¹⁾ Beiträge zur D. Myth., I, 235; Громанъ, 28; Neues Lausitz. Magazin 1843, III-IV, 337; см. также т. II Повѣ. Воляр., стр. 556—7. То же представленіе о порчѣ небесныхъ водъ распространялось и на тучи, окованныя злыми стужами; чехи не купаются до Юрьева дня, потому что до этого срока вода бываетъ испорчена, отравлена нечистою силою (Громанъ, 51).

пляски (*chorea sancti Viti*) и состоящая въ судорожныхъ, непроизвольныхъ подергиваніяхъ всѣхъ членовъ тѣла, названа такъ вслѣдствіе уподобленія ея—прихотливой пляскѣ грозовыхъ духовъ, сопутствующихъ Святовиту въ его бурномъ шествіи по воздушнымъ пространствамъ. Въ Ирландіи и Шотландіи убѣждены, что дуновение эльфовъ вызываетъ на тѣлѣ желваки, чирокъ, вереды (греч. ἀλφός — пятна на кожѣ, сыпь); въ Норвегіи болѣзнь воспалительнаго свойства называется *alvgust*, *alvild* = *elfenfeuer*, ср.-сѣв. *álfa bruni*; она нападаетъ на человѣка, какъ скоро онъ ступитъ на то мѣсто, гдѣ эльфы пролили воду или наплевали. Бѣлоруссы не рѣшаются ступить на слѣдъ, остающійся на землѣ отъ ведра съ водою, ни туда, гдѣ волкъ зарѣзалъ козла, гдѣ былъ заколотъ пѣтухъ, гдѣ валялись лошади или собака скребла лапою; въ противномъ случаѣ неосторожный подвергается чесоткѣ и тѣло его покрывается лишаями ¹⁾). Вѣдра указываютъ на тѣ сосуды, изъ которыхъ грозовые духи лили на землю дожди; а пѣтухъ, козель, конь и собака—на ихъ животненныя превращенія. Въ сагахъ эльфы плюютъ въ глаза того, кто вздумаетъ подсмотреть ихъ игры, или дуютъ на него, и тѣмъ самымъ ослѣпляютъ любопытнаго. Вообще совѣтуютъ, при всякой встрѣчѣ съ ними, поспѣшно удалиться въ сторону. Эльфы имѣютъ при себѣ лѹки и стрѣлы (= молніи); этими стрѣлами они убиваютъ людей и животныхъ или причиняютъ имъ тяжкія страданія. Ощущеніе, производимое болѣзнями, языкъ сближаетъ съ ударомъ остраго оружія: ломъ («*daz gegichte brach ir hend und füeze*»), колотье (*seitenstechen*), рѣзь, стрѣльба и пр. Эльфы могутъ умерщвлять человѣка даже своимъ сверкающимъ взоромъ. Кто воспользуется отъ яствъ и напѣтковъ, для нихъ назначенныхъ, тотъ (по шотландской сагѣ) будетъ наказанъ смертію.

¹⁾ Нар. сл. раз., 131—3.

Лихорадочный ознобъ (трясца) и стѣсненіе въ груди во время сна (удушье) приписываются ихъ-же злобѣ. Ирландскій рhука прыгаетъ въвечернемъ сумракѣ на спину путника и не оставляетъ его до тѣхъ поръ, пока онъ не упадетъ обезсиленный наземлю. У средневѣковыхъ поэтовъ эльфъ—злой духъ, который взнуздываетъ соннаго человѣка, вѣднть на немъ, трясетъ его, и такимъ образомъ доводитъ до совершеннаго истощенія силъ: «der alp zornet dich», «der mag rittet dich». Эльфы и мары (сканд. и швед. mara, англ. night-mare, голл. nachtmar), какъ уже было указано (см. II, 727), сочетали въ себѣ представленіе грозовыхъ геніевъ съ душами усопшихъ; но такъ какъ душа уподоблялась бабочкѣ и ея личинкѣ (червяку), и такъ какъ самые эльфы произошли отъ червей—молній (см. II, 718), то отсюда возникло вѣрованіе, что alp, посылаемый колдунами, вылетаетъ изъ ихъ сросшихся бровей бабочкою, садится на грудь спящаго человѣка и начинаетъ давить его; это напоминаетъ намъ убійственные взоры via, предающіе все гибели, какъ скоро будутъ подняты его длинныя брови и рѣсницы, т. е. открытый взглядъ молніи разитъ смертію; брови и рѣсницы—метафоры облаковъ (I, 167, 170-1). Въ Швейцаріи tog geli означаетъ мотылька и эльфа; въ старинныхъ процессахъ о вѣдьмахъ злой духъ—der elbe изображается прилетающимъ въ видѣ бабочки; литов. drugis—бабочка и fiebervogel. летт. drudsis—летучая моль и лихорадка; литов. druggis kreczia, летт. drudsis kratta—трясетъ лихорадка. Жгучая опухоль подъ ногтемъ пальца называется der wurm, der umlaufende wurm; опухоль на рукахъ и ногахъ, сопровождаемая нагноеніемъ,—der haarwurm, по русски волосъ или волосень, и по нѣмцѣ нашихъ крестьянъ бываетъ отъ червя-волосатика; одышка—herzwurm; собака впадаетъ въ бѣшенство отъ червя, который сидитъ у ней подъ языкомъ; bläsende

wu gsh — болѣвны лошадей. Чехи убѣждены, что каждый человекъ имѣетъ въ своемъ тѣлѣ червя, отъ котораго и зависитъ его жизнь; сверхъ того, они рассказываютъ о зловредныхъ червяхъ, изъ которыхъ одни точатъ сердце, другіе пьютъ кровь, а третьи пожираютъ принятую человекомъ пищу — преданіе, принадлежащее глубочайшей древности, ибо уже въ Атарведѣ встрѣчаемъ заговоры, направленные на убіеніе червя, который гнѣздится въ головѣ, внутренностяхъ или крестцѣ больного ¹⁾). Итакъ грызущая боль недуговъ сравнивается съ подтачивающимъ тѣло червякомъ; входя внутрь человека, злой эльфъ принимаетъ образъ этого наѣкомаго и начинаетъ поѣдать мясо и пить кровь, почему поляки червей, причиняющихъ людямъ болѣзни, называютъ *białe ludzie*. Тѣже вѣрованія раздѣляли и греки, какъ видно изъ свидѣтельствъ языка: *ἐπιάλτης, ἐφιάλτης* (= *aufspringer*) — демоническій духъ, который давитъ по ночамъ и производитъ лихорадочное ощущеніе; *ἑπιάλτης, ἑπιόλης* — эльфъ; *ἑπίαλος, ἑπίολος* — лихорадка, ознобъ и удущье; *ἑπίολος* означаетъ также и бабочку ²⁾). Приведенныя нами выше народныя названія болѣзней, извѣстныя на Руси и у другихъ славянъ, не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что въ древности онѣ признавались за существа демоническія, подобныя злымъ эльфамъ. Преданіе даетъ имъ божій бичъ и стрѣлы, и всѣ тѣлесныя страданія рассматриваетъ какъ слѣдствіе отъ удара или укола ихъ оружія: болѣзнь — это «божья рана» или язва, нанесенная рукою незримаго духа, свидѣтельство его карающей силы и раздраженія («божья мочь», «божій гнѣвъ»). Чтобы прелать людскою родъ болѣзнями, сатана истыкала перстомъ или, по другому варианту, древомъ (= жез-

¹⁾ Обл. Сл., 27; Громанъ, 152-3. — ²⁾ D. Myth., 429 — 430, 967 — 8, 1107—12, 1115; *Irische elfenmärchen.*, стр. XIV, CII — CVIII; *Weitgäbe zur D. Myth.* II, 280.

ломъ, палцею) тѣло перваго человѣка; поселяне называютъ недуги притками, отъ глагола приткнуть — коснуться. Въ устахъ народа употребительны клятвы: «чтобъ тебя родимецъ и трясца побил!» «Чтобъ тебя притка ударила!» «чтобъ тебя язвило, пятнало, стрѣлило!»¹⁾ Мы доселѣ говоримъ: разбитъ параличемъ, а въ областныхъ нарѣчіяхъ эту болѣзнь обозначаютъ выраженіемъ: его прострѣлило²⁾. Въ грамотѣ царя Алексѣя Михайловича къ боярину Морозову читаемъ: «а про смертоносную язву не пишете, престала ли или нѣтъ... и котораго числа діака нашего Петра Стешиина пострѣлило?»³⁾ Сибирской язвѣ даютъ названія зѣбный пострѣлъ⁴⁾; колотье и головная боль (мигрень) у чеховъ называются *střily*, рус. стрѣлы; стрѣляетъ — чувствуется колотье; во псковской губ. стрѣлицы — болѣзнь моровъ⁵⁾. Въ первой пѣснѣ Илиады поэтъ рассказываетъ, какъ разгнѣванный Аполлонъ взялся за серебряный лукъ, и пуская крылатыя стрѣлы, наслалъ на ахейское войско моровую язву; тѣмъ-же оружіемъ поразилъ онъ и дѣтей Піюбен. Подобными стрѣлами обладала и богиня Артемиды. Одиссей обращается къ тѣни своей матери съ вопросомъ: скончалась ли она медленно отъ тяжелой болѣзни, или вдругъ Артемиды тихой стрѣлой ее поразила? Въ другомъ мѣстѣ Одиссеемъ говорится о блаженной странѣ, гдѣ люди умираютъ не отъ старости и болѣзней:

Думъ свой серебряный взявъ, Аполлонъ съ Артемидой нисходятъ тайно, чтобъ тихой стрѣлой безболѣзненно смерть посылать имъ.

Это — быстрый ударъ паралича, разомъ, безъ долгихъ страданій пресекающій жизнь⁶⁾; сравни съ русскимъ преданіемъ

¹⁾ Смыкъ Отеч. 1840, т. V, 263; Обл. Сл., 273. — ²⁾ Доп. обл. Сл., 220. — ³⁾ Записки отд. рус. в славян. археолог., II, 725. — ⁴⁾ Толков. Слов., прибавл. 5. — ⁵⁾ Громаннъ, 160; Доп. обл. сл., 257. — ⁶⁾ Одис., XI, 170; XV, 403 и дал.; Der Ursprung der Myth., 108.

о добрыхъ ангелахъ, мгновенно-нѣземлющихъ душу добродѣтельнаго человѣка, чтобы водворить ее въ райскихъ селеніяхъ (см. стр. 54—55). Когда ребенокъ страдаетъ неизвѣстною болѣзней, мечется и кричитъ по ночамъ, простолюдны кладутъ ему подъ голову — мальчику небольшой лукъ со стрѣлою, а дѣвочкѣ пряслицу, причитывая: «щекотиха - будиха! вотъ тебѣ лучокъ (или пряслица); играй, а младенца не буди» ¹⁾. О лѣсункахъ и русалкахъ разсказываютъ, что онѣ, завлекая путника, щекочутъ его до тѣхъ поръ, пока не упадетъ онъ бездыханнымъ; поэтому названіе болѣзни щекоти хою намекаетъ на связь ея съ этими эльфическими дѣвами: прилетая къ ребенку, она щекочетъ — мучитъ его, и тѣмъ самымъ отымаетъ у него сонъ. Какъ всѣ облачныя (водяныя) дѣвы, русалки представлялись пряхами, приготовляющими туманные покровы, которыми онѣ застилаютъ небо (см. гл. XXIII), и потому пряслица точно также указываетъ на стихійный характеръ демона-болѣзни, какъ и лукъ съ стрѣлами. У чеховъ дѣвица, захворавшая лихорадкою, должна трижды объжать прудъ, и объгая въ первый разъ бросить въ воду кусокъ хлѣба, во второй — веретено, а въ третій — пачку льна; эти приношенія задерживаютъ лихорадку въ ея подводномъ жилищѣ, и она уже не приходитъ въ обычное время мучить больную. Отсюда-же объясняется обычай мѣрять больного ниткою, сожигать ее на огнѣ, а оставшіяся пепель разволить въ водѣ и давать пить во время припадковъ ²⁾. Сербскія вилы, сродныя съ нашими русалками и нѣмецкими эльфами, причисляются къ мионическимъ пряхамъ, мечутъ смертоносныя стрѣлы, отравляютъ источники, повергаютъ людей въ тяжкія болѣзни и отымаютъ у нихъ разумъ. О лужицкой полудницѣ, принадлежащей къ тому-же разряду духовъ, разсказываютъ, что она является на поля допрашивать жен-

¹⁾ Послов. Даля, 403 — ²⁾ Громанъ, 163, 178.

щипъ, какъ должно обрабатывать ленъ, в тѣмъ, которыя не съумѣютъ дать ей отвѣта, свертываетъ шею; въ средневѣковыхъ памятникѣхъ *daemon meridianus* (у греческихъ писателей *δαιμόνιοσ βαλανος*) — паучья болѣзнь; у чеховъ *polednice* — названіе недуга¹⁾. Замѣчательно, что въ нашемъ народѣ слово полудновать употребляется въ значеніи: жить послѣднія минуты передъ смертію²⁾. Въ пѣсняхъ встрѣчаемъ слѣдующій оборотъ: «мало Стафидѣ можется — едва душа въ тѣлѣ полуднуетъ», «дерется Добрыня съ бабой-горыниной, едва душа его въ тѣлѣ полуднуетъ»³⁾. Рядомъ съ полудницами, въ архангельской губер. знаютъ двѣнадцать сестеръ полуночицъ (= марь), которыя нападаютъ ночью на дѣтей и заставляютъ ихъ кричать отъ боли⁴⁾. Припадки клякушества⁵⁾ называются и грець — слово, которымъ обозначается и нечистый духъ; это указываетъ на древнее воззрѣніе, что бѣсъ, входя въ человѣка, мучительно играетъ имъ. Соответственныя выраженія находимъ — у чеховъ, которые объ умершемъ говорятъ: «*Smrtika s nim roňgá vá*»⁶⁾, въ Несторовой лѣтописи: «бѣсъ тобою (волхвомъ) играетъ на пагубу тобѣ»⁷⁾ и въ русской поговоркѣ: «чѣмъ чортъ не шутитъ!» Шутъ — дьяволъ, домовый, лѣшій, шутякъ — злой духъ, шутить — пресказать, говоря о вечной силѣ⁸⁾. По народному убѣжденію, все, что выкрикиваютъ бѣсноватые и клякуши, внушаетъ имъ поселившійся въ нихъ тѣлѣ демонъ, и потому имъ приписывается способность вредсказывать будущее⁹⁾. Повѣрье это отразилось и въ языкѣ: *блажѣ(н)ть* — сходитъ съ ума, *блажной* — преворед-

¹⁾ D. Myth., 1114. — ²⁾ Обл. Сл., 168. — ³⁾ Кирша Дан., 365, 375. — ⁴⁾ Нам. вѣстки арханг. губ. на 1864 г., 17. — ⁵⁾ Клякуша = крикуша, крикъ и кричъ = кликъ и кличъ — Обл. Сл., 93. — ⁶⁾ Ганушъ о Дядѣ и Бабѣ, 63. — ⁷⁾ П. С. Р. Л., I, 75. — ⁸⁾ Обл. Сл., 269. — ⁹⁾ Клякуши обыкновенно пророчатъ о гнѣвѣ боженъ и скоромъ святопреставленіи — Иллюстр. 1845, 203.

ливый, хворый, и блаженный — юродивый, слабоумный, въ бессмысленной болтовнѣ которыхъ искали встарь пророческихъ вѣщаній, и самихъ ихъ признавали за одержимыхъ божественнымъ духомъ ¹⁾. Такъ необходимо, такъ невольно смѣшивались и спутывались въ нравственно-религіозныхъ представленіяхъ нашихъ предковъ понятія тупоумія, болѣзненнаго расслабленія и духовнаго предвидѣнія, небесной кары и дара высшихъ откровеній. Помѣшательство, безумный бредъ, столбнякъ объясняются на Руси проказами лѣшихъ; человекъ, котораго обожель (=овѣялъ вихремъ) лѣшій, дѣлается каженникомъ (искаженнымъ), теряетъ смыслъ и память ²⁾; бѣлоруссы думаютъ, что тотъ, надъ кѣмъ пролетѣлъ злой духъ лядашикъ, непременно сходитъ съ ума. Наравнѣ съ эльфами, русалками и вилами, олицетворенные недуги населяли воды и лѣса; чтобы избавиться отъ нихъ, нѣмцы и славяне шли къ источникамъ или въ густыя, тѣнистыя рощи, и тамъ совершали свои цѣлебные обряды; особенно-важную роль играли въ этомъ случаѣ деревья, растущія надъ водами: ива, верба, плакучая береза и др. Чехъ, когда трисеть его лихорадка, отправляется къ вербѣ, склоняющей свои вѣтви надъ свѣтлымъ потокомъ, и по окончаніи параксизма привязываетъ къ дереву какой-нибудь даръ и быстро, безъ оглядки, бѣжитъ домой; или онъ отрѣзываетъ клокъ своихъ волосъ и лоскутъ собственнаго платья, буравитъ въ вербѣ отверстіе, влагаетъ въ него приготовленные отрѣзки и заколачиваетъ ихъ глоговымъ клиномъ. Наши поселяне вѣшаютъ на деревьяхъ, въ даръ русалкамъ, холсты и нитки; отъ болѣзней они купаются въ рѣкахъ, прудахъ или источникахъ и оставляютъ на прибрежныхъ кустахъ и деревьяхъ полотенцы и сорочки (см. II, 305, 321); нерѣдко надъ головою болящаго завязываютъ

¹⁾ Вятск. Г. В. 1847, 42; О. З., т. LVII, смѣсь, 49. — ²⁾ Сахаров., II, 4.

въ лѣсу двѣ березовыя вѣтки, приговаривая: «коли ты (болѣзнь) покинешь — отпущу, не покинешь — сама сгинешь!» Нѣщцы завязываютъ отъ лихорадки три узда на вѣтвяхъ нвы. Сквозни въ древесныхъ стволахъ, сквозъ которыя протаскиваютъ больныхъ дѣтей, называются въ Швеціи *elfenlöcher*. Чехи сотрясаютъ на одержимыхъ лихорадкою росу съ вѣтвей вшневаго и другихъ деревьевъ. По совершеніи этихъ обрядовъ, возвращаясь изъ лѣсу домой, не слѣдуетъ оглядываться назадъ и отвѣчать на призывный голосъ: иначе деновъ-мучитель узнаетъ свою жертву и не прекратитъ своихъ посѣщеній ¹⁾. Вѣдьмамъ славянскія преданія приписываютъ ночную ѣзду на людяхъ, которыхъ онѣ оборачиваютъ конями; вылетающая изъ нихъ въ видѣ бабочки душа (вѣщца) налегаетъ на спящихъ страшною тяжестью. По другимъ сказаніямъ, злой духъ болѣзней и смерти — мора или мара (нижелуж. *тигава*, пол. *z moga* — уаушье, чешск. *пѣга*—эльфъ, вѣдьма и нотылектъ) носитъ свою голову подъ мышкою и блуждаетъ ночью подѣ окнами избъ, проносясь имена хозяевъ и домочадцевъ: кто отзовется на голосъ мара, тотъ умретъ; она садится на соннаго чловѣка и душитъ его; у женщинъ и коровъ она любитъ высасывать молоко ²⁾. Какъ шведы и датчане видятъ въ марахъ души усопшихъ, такъ по вѣстію болгаръ, мура есть душа младенца, умершаго безъ крещенія, прилетающая ночью давить сонныхъ ³⁾. Съ этими марами тождественны наши кики-моры (= кошмары) и марухи—безпокойные домовые карлики, занимающіеся пряжею, и самъ дѣдъ-домовой, который давитъ мужиковъ и бабъ во время ихъ крѣпкаго сна. По русскому повѣрью, вся-

¹⁾ Иллюстр. 1845, 566; Громовъ, 164-5; D. Myth., 1118, 1123. —

²⁾ Мазъ, VIII, 64; Этн. Сб., V, 71, 108 (о кашубахъ); *Volkslieder der Wenden*, II, 268; Ч. О. И. и Д. 1865, IV, 297. — ³⁾ Ж. М. Н. П. 1846, XII, 210.

кой человекъ бываетъ одержимъ по ночамъ разными недугами, и если разбудить его прежде, чѣмъ окончатся начатыя мѹки, то онъ навѣрно захвораетъ тою болѣзней, какою былъ угнетаемъ во снѣ. Отъ того крестьяне не рѣшаются будить своихъ товарищей на утренней зорѣ ¹⁾). Лѣтописецъ сообщаетъ подъ 1092 годомъ любопытное свидѣтельство о бѣсахъ, поражавшихъ смертію полочанъ: «предивно бысть Полоцкѣ: въ мечтѣ ны бываше, въ ноши тутѣнь стаяше по улици, яко человекѣи рищюще бѣ си; аще кто вылтязе изъ хоромины, хотя видѣти, абые уязвленъ бѹдыше (вар. бяше), невидимо отъ бѣсовъ язвою, и съ того умираху, и не смяху излазити изъ хоромъ. Посемъ-же начаша въ дне (вар. во дни) являтися на конихъ, и не бѣ ихъ видѣти самѣхъ, но конь ихъ видѣти копыта, и тако уязвляху люди полотьскыя и его (вар. ихъ) область; тѣмъ и человекѣи глаголаху: яко навѣе (мертвецы) бѣють полочаны». ²⁾ Итакъ въ этихъ смертоносныхъ бѣсахъ, незримо-рыскающихъ на коняхъ, современники признавали существа эльфическія—души усопшихъ, о которыхъ нѣмецкія саги рассказываютъ, какъ о спутникахъ Одина въ его воздушныхъ поѣздахъ. Въ означенныхъ вѣрованіяхъ кроется основа той лингвистической связи, какую замѣчаемъ въ ниже-слѣдующихъ рѣченіяхъ: народъ называетъ покойниковъ родителѣи и употребляетъ это выраженіе безразлично, говорится ли объ усопшихъ предкахъ, или о преждевременно-скончавшихся младенцахъ; въ «Словѣ Данила-заточника» ³⁾ и въ нѣкоторыхъ церковнославянскихъ рукописяхъ подъ именемъ рѣда разумѣется духъ, что вполне согласуется съ областнымъ употребленіемъ этого слова: съ саратовской губ. рѣда означаетъ видъ, образъ, а въ тульской—привидѣніе, призракъ; наконецъ рѣдѣицеъ—параличъ ⁴⁾). Вотъ живое

¹⁾ О. З. 1848, V, сѣвъ, 24 — ²⁾ П. С. Р. Д., I, 92. — ³⁾ «Дѣти бѣгаютъ рѣда». — ⁴⁾ Памят. XII в., 236; Сремск. 7; Обл. Сл., 191.

свидѣтельство языка, что души покойниковъ родились у славянъ съ тѣми стихійными духами, стрѣлы которыхъ наносятъ человѣку параличнѣйшій ударъ,—подобно тому, какъ германскія племена ту же самую болѣзнь приписывали вліянію эльфовъ, а этихъ послѣднихъ отождествляли съ тѣнями усопшихъ.

Особенно интересны вѣрованія и преданія, живущія въ нашемъ народѣ—о лихорадкахъ. Названіе это происходитъ отъ глагола лихо-радѣть, т. е. дѣйствовать въ чей-нибудь вредъ, заботиться о комъ-нибудь съ злобнымъ намѣреніемъ, съ лихою; другія общеупотребительныя названія: лихо-дѣйка и лихо-манка отъ мавуть—качать, махать (= тряс-ти; чеш. шаповути се—метаться; сравни: мановеніе, помаваю, манья—привидѣніе въ видѣ старой и щедушной женщины, манить—лгать, обманывать, лихоманъ, лихоманщикъ—злой, обманчивой человѣкъ ¹⁾). Лихорадокъ—девять или двѣнадцать крылатыхъ сестеръ ²⁾; онѣ обитаютъ въ мрачныхъ подземельяхъ ада и представляются злыми и безобразными дѣвами: чахлыми, заморенными, чувствующими всегдашній голодъ, иногда даже слѣпыми и безрукими. Одна изъ нихъ—старшая повелѣваетъ своимъ сестрами и посылаетъ ихъ на землю мучить людской родъ: «тѣло жечь и знобить, бѣлы кости крушить». 2-го генваря Морозъ или Зима выгоняетъ ихъ, вмѣстѣ съ нечистою силою, изъ ада, и лихорадки ищутъ себѣ пристанища по теплымъ избамъ и нападаютъ на «виноватыхъ»; на зорѣ этого дня предусмотрительныя старушки омывають наговорною водою притолки у дверей, дабы заградить входъ въ избу незваннымъ гостьямъ. Повѣрье это условливается тѣми простудами и ознобами, которыя такъ обыкновенны въ холодную пору зимы. Напротивъ о весеннихъ бо-

¹⁾ Обл Сл., 104, 110-1. — ²⁾ Финны признаютъ болѣзнь родными братьями, сымоньями старухи Laupavaiag—D Myth., 1113.

лѣзнихъ думаютъ, что онѣ запираются на зиму въ снѣжныя горы (=адъ) и сидятъ тамъ до начала оттепелей; когда же солнце согонитъ снѣгъ и отогрѣетъ землю, онѣ, нслѣдъ за вѣшними испареніями, разбѣгаются по бѣлому снѣгу тощія, заморенныя, и съ жадностью бросаются на неосторожныхъ. Уже съ 25 го февраля, по замѣчанію поселянъ, опасно предаваться сну съ раннего вечера: можно насъ патъ лихорадку ¹⁾. Подобно Смерти и владыкѣ демоновъ (сатанѣ), лихорадки сидятъ въ подземныхъ вертепахъ заключенныя въ цѣпи, и вылетаютъ мучить народъ только тогда, когда будутъ сняты съ нихъ эти желѣзныя оковы ²⁾, т. е. весной. Въ калужской губ. рассказываютъ, что старшая и злѣйшая изъ сестеръ-лихорадокъ прикована къ желѣзному стулу двѣнадцатью цѣпями и въ правой рукѣ держитъ косу, какъ сама Смерть; если она сорвется съ цѣпей и овладѣетъ человѣкомъ, то онъ непремѣнно умретъ. Тоже преданіе у юго-западныхъ славянъ прилагается къ моровой язвѣ: три сестры к у г и были заключены отцемъ своимъ-королемъ въ тѣсныя узы и томились въ темницѣ, но впослѣдствіи, будучи освобождены, разбрелись въ разныя стороны и донынѣ блуждаютъ по свѣту ³⁾. Сбрасывая съ себя оковы, лихорадки прилетаютъ на землю, вселяются въ людей, начинаютъ ихъ трасти, расслаблять ихъ суставы и ломить кости. Измучивъ одного, лихорадка переходитъ въ другаго; при полетѣ своемъ она цѣлуетъ избранныя жертвы, и отъ прикосновенія ея устьъ человѣкъ немедленно заболѣваетъ; кому обмечетъ болѣзнь губы, о томъ говорятъ: «его поцѣловала лихойанка.» ⁴⁾ Точно также порождаетъ болѣзненныя страданія и поцѣлуй альбины ⁵⁾. По другимъ рассказамъ лихорадка, прилетая ночью, называетъ спящихъ по име-

¹⁾ Сахаров.. II. 3-4, 14, 27; Рус. въ св. посл., IV, 102-3. — ²⁾ Этн. Сб., VI, 129. — ³⁾ Иличь, 302-3. — ⁴⁾ Абсв., 230-1. — ⁵⁾ Irische elfenmärch., стр. XII.

ни; кто проснется и откликнется на ее зовъ, тотъ сейчасъ-же захвораетъ. Иногда она оборачивается соринкою или мухою, падаетъ въ приготовленную пищу и вмѣстѣ съ нею входитъ въ утробу человѣка. Но если кто догадается бросить эту соринку или муху въ печь, то лихорадка сгоритъ; а если вложить ее въ яичную скорлупу и повѣсить въ трубѣ — лихорадка будетъ страшно мучиться. Въ тульской губ. увѣряютъ, что шесть сестеръ уже погибли такимъ образомъ, а три и до сихъ поръ рыщутъ по міру ¹⁾. Въ прежнее время, говорятъ чехи, было сто лихорадокъ; но одна изъ нихъ сгилла: она заползла въ кусочекъ хлѣба, намоченный въ молоко; люди узнали ее присутствіе, взяли тотъ кусочекъ, вложили въ свиной пузырь и привязали къ дереву. Заключенная въ пузырь, лихорадка начала метаться во всѣ стороны — точно также, какъ дѣлаетъ каждая изъ нихъ, входя внутрь человѣка, и долго-долго возилась она, пока совсѣмъ не задохлась ²⁾. Сказанія эти представляютъ не болѣе, какъ варіаціи мифа о Смерти, посаженной въ торбу (см. стр. 52 ³⁾). Боясь раздражить злобную, демоническую дѣву, простолюдины не всегда рѣшится назвать лихорадку ея настоящимъ именемъ, а даетъ ей названія ласкательныя, дружескія, съ цѣлю задобрить ее и отклонить отъ себя болѣзненные припадки; таковы названія: кумà (кумàха), добруха, тѣтка (тятюха), полруга и дитюха (дитя?). Съ тою-же цѣлю сербы, во время

¹⁾ Дебриков., 262; Тульск. Г. В. 1852, 27 — ²⁾ Громовъ, 162. Нѣмецкая сага рассказываетъ, что одного бѣдняка давилъ по ночамъ вѣлѣъ, а когда вносили въ комнату зажженную свѣчу — оборачивался въ соломинку или веро. Догадались сжечь эту соломинку, и мучительный вѣлѣъ уже болѣе не являлся. — ³⁾ Огонь очага — метафора грозового пламени; яичная скорлупа служитъ для вѣлѣовъ и руслокъ кораблемъ, въ которомъ плывутъ они на тотъ свѣтъ; сивья — зооморфическій образъ тучи.

моровой язвы, называют ее кумою ¹⁾ а нѣмцы — *gevattegin*; вообще имена болѣзней принято въ Германіи замѣнять выраженіями: *das gute, gesegnete, selige* ²⁾. Временный роздыхъ, даваемый больному перемежающейся лихорадкою, народъ объясняетъ тѣмъ, что у нея много дѣла, и потому она переходитъ отъ одного человѣка къ другому, возвращаясь къ каждому изъ нихъ поочередно—черезъ день, черезъ два или три дня ³⁾; нѣкоторые же увѣряютъ, что въ дни, свободные отъ параксизмовъ, она предается сну. Постоянную, ежедневную лихорадку малоруссы называютъ: *трясця-невсипуха*. Отсюда суевѣрныя попытки переводить лихорадку съ себя на перваго встрѣчнаго, даже на птицъ, кошекъ и собакъ, въ которыхъ такъ охотно вселяются нечистые духи, или обманывать ее ложною надписью на дверяхъ избы, что больного нѣтъ дома. Такъ поступаютъ русскіе и чехи; послѣдніе пишутъ на дверяхъ: *«zemnice! (лихорадка) neschod' k nam; Jenik (имя больного) není doma, šel na hogu»*. Въ смоленской губ., и во время скотскихъ падежей, надписываютъ на воротахъ, что на дворѣ нѣтъ ни коровъ, ни овецъ, ни лошадей. Сибиряки совѣтуютъ больному чернить свое лицо и одѣваться въ чужое платье, чтобы не быть узлану злою лихоманкою, когда она вздумаетъ повторить свое посѣщеніе ⁴⁾. Сверхъ того, чтобы избавиться отъ лихорадки, ее умилоствляютъ привошеніями, или прогоняютъ силою чародѣйнаго слова. Страждущіе этимъ недугомъ, выходятъ на то мѣсто, гдѣ, по ихъ соображенію, вселилась въ нихъ лихоманка, обсыпаютъ вокругъ себя ячневую крупю, и раскланиваясь на всѣ стороны, произносятъ: *«прости, сторона-мать сыра земля! вотъ тебѣ крупницъ на кашу; вотъ и тебѣ, кумахалъ»* ⁵⁾ Обращеніе къ землѣ знаменательно, такъ какъ

¹⁾ Обл. Сл., 47-48, 79, 88, 164, 228, 236; Срп. рјечник, 311. —

²⁾ D. Myth., 1108 — ³⁾ Houska. II, 535. — ⁴⁾ Громанъ, 167 Терещ., VI, 16; Абеа., 230. — ⁵⁾ Сахаровъ, II, 14.

въ ея нѣдрахъ заключенъ тотъ страшный міръ, гдѣ царствуютъ Смерть съ своими помощниками—болѣзнями и плѣнниками—мертвецами. Бѣлоруссы на помникъ («дзяды»), вмѣстѣ съ усопшими родичами, приглашаютъ къ ужину и лихорадку¹⁾. Первобытная, народная медицина состояла въ произнесеніи молитвъ и заклятій, въ призывѣ боговъ-исцѣлителей, въ изгнаніи демоновъ и въ совершеніи различныхъ символическихъ и жертвенныхъ обрядовъ; она была дѣломъ исключительно религіознымъ. Древнѣйшія имена лѣкаря означаютъ: жертвоприносителя, заклинателя, колдуна; искусство врачебное ограничивалось знаніемъ клятвенныхъ формулъ—заговоровъ. За это свидѣлствуютъ Atharva-Веда, Гомеръ, Пиндаръ и другіе античные писатели²⁾; за это-же говорятъ и многочисленныя преданія и обломки стародавнихъ заклятій, доннынѣ сохраняемые въ памяти индоевропейскихъ народовъ. Въ высшей степени важнымъ и драгоценнымъ представляется намъ заговоръ противъ лихорадокъ, занесенный во многія изъ нашихъ старинныхъ рукописей и до настоящаго времени еще незабытый русскими знахарями³⁾:

При морѣ черномъ стоитъ столпъ, на томъ столпѣ камень, на томъ камнѣ сидитъ святой отецъ⁴⁾ Сисній и зрѣтъ на море черное. И возмутися море до облакъ⁵⁾—изыдоша изъ моря двѣнадцать женъ простоволосыхъ⁶⁾, окаянное дьявольское видѣніе.» По нѣкоторымъ спискамъ жены эти исходятъ изъ огненнаго столпа, утвержденного

¹⁾ Могилев. Г. В. 1849. 8. — ²⁾ Громининъ, 147-8. Сыновья Асклепіуса останавливаютъ кровь, текущую изъ ранъ Одиссея, и Асклепіосъ освобождаетъ большихъ отъ мучительныхъ страданій—силою цѣлебныхъ заговоровъ. — ³⁾ Я предлагаю сводный, по разнымъ спискамъ исправленный текстъ. — ⁴⁾ Вар. мученикъ, великій апостолъ. — ⁵⁾ Вар. „видѣша: на морѣ возстали волны и возмутяшася море и земля до небеси“. — ⁶⁾ Вар. сами червы, власы по поясть.

на небеси. «И вопросиша ихъ святыи отецъ Сисиній: что есть злыя жены зѣтробразны? Онѣ же отвѣща ему: мы—окаяныя трясавицы, дщери Ирода, сныавшаго съ Іоанна Предтечи главу. Вопросы св. отецъ Сисиній: почто пришли?—Идемъ въ землю святую русскую родъ человѣческій мучити—тѣло повреждати, кости ломати, въ гробъ вгоняти (или: кости крушити, жилы тянуть, самихъ людей огнемъ жечи); аще кто зло творить, опивается, объѣдается, объѣдни и заутрени просыпаетъ, Богу не молвится, тѣхъ мучимъ разными мѹками: они наши угодницы. Помолися Богу св. отецъ Сисиній: Господи! избави родъ христіанскій отъ таковыхъ діаволовъ. И посла Господь Михаила архангела ¹⁾ и четырехъ евангелистовъ, повелѣ ихъ (трясавицъ) мучити тремя (или семью) прутьями ²⁾ желѣзными, давая имъ по триста ³⁾ ранъ на день.» Имена архангела Михаила и святыхъ угодниковъ нерѣдко замѣняются и дополняются другими; въ одномъ спискѣ семь святителей и между ними Егорій Храбрый, Іоаннъ-креститель и св. Николай увидѣли двѣнадцать лихоманокъ, плавающихъ по морю и воздымающихъ бурю ⁴⁾. «Онѣ же начаша молитися: святыи отецъ Сисиній, Михаилъ-архангелъ, четыре евангелиста: Лука, Марко, Матвей, Іоаннъ! не мучьте насъ: гдѣ мы слышимъ—въ которомъ роду прославятся ваши имена, и того роду станемъ бѣгать за десять верстъ ⁵⁾. И вопросы ихъ св. отецъ Сисиній: какъ вамъ, діаволъ, имена?» Лихорадки нечисляютъ свои названія и описываютъ тѣ муки, которыми каждая изъ нихъ терзаетъ больнаго. Вотъ эти названія: 1) трясея (тресучка, трясунца, въ областныхъ говорахъ: потресуха, трясучка; трясца отъ глагола трясти ⁶⁾), въ старинныхъ поучительныхъ словахъ XV—XVI стол. упо-

¹⁾ Вар. ангела Михаила. — ²⁾ Вар. четыреми дубчицки. — ³⁾ Вар. по три тысячи. — ⁴⁾ „Мѣшай воду съ пескомъ“. — ⁵⁾ Вар. за три дня, за три поприща. — ⁶⁾ Обл. Сл., 207, 232-3.

живается про «немошного бѣса, глаголемаго трясця»¹⁾; сравни нѣмецкое выраженіе: «dass dich der ritt (лихорадка²⁾ schütte!»³⁾ 2) Огнен или огненная: «кого человѣка поймаю (говоритъ она о себѣ), тотъ разгорится аки пламень въ печи», т. е. она производитъ внутренній жаръ. Въ Швейцаріи лихорадку называютъ hitz и brand; англосакс. âdl — жгучая болѣзнь отъ âd—ignis; персы олицетворяютъ ее румяною дѣвою съ огненными волосами⁴⁾. Южно-славянское названіе грозница ставитъ лихорадку въ связь съ грознымъ пламенемъ, съ молніеносными стрѣлами⁵⁾. 3) Ледѣя (ледиха) или озноба (знобея, забуха): аки ледъ знобитъ родъ человѣческій, и кого ова мучитъ, тотъ не можетъ и въ печи согрѣться; въ областныхъ нарѣчіяхъ даются лихорадкѣ названія: студѣнка (отъ студа—стужа), знобуха и подрожье (отъ слова дрожь), а у чеховъ—анмица⁶⁾. 4) Гнетѣя (гнетница, гнетуха, гнетучка отъ слова гнѣтъ, гнести—давить): она ложится у человѣка на ребра, гнететь его утробу, лишаетъ аппетита и производитъ рвоту. 5) Грынуша (?) или грудица (грудѣя)—ложится на груди, у сердца, и причиняетъ хрипоту и харканье. 6) Глухѣя (глохни)—налегаетъ на голову, ломитъ ее и закладываетъ уши, отчего больно гложнеть⁷⁾ Ломѣя (ломе-ня, ломовая) или костоломка: «аки сильная буря древо ломитъ, также и она ломаетъ кости и спину». 8) Пухлѣя (пухлѣя, пухлая), дѣтиха или отѣкная—пушаетъ во всему тѣлу отѣкъ (опухоль). 9) Желтѣя (желтуха, желтуница): эта желтитъ человѣка, «аки цвѣтъ въ полѣ». 10) Коркуша или корчѣн (скорчѣя)—ручныя и ножныя жи-

¹⁾ Архивъ ист.-юр. свид., II, пол. I, стр. XXVII; пол. II, 48-49, въ отдѣлѣ свѣд.; Правосл. Собес. 1859, IV, 475. — ²⁾ Отъ geiten, ибо она вѣдитъ ва человѣкѣ, какъ мара. — ³⁾ D. Myth., 1467. — ⁴⁾ Ibid., 1106-8. — ⁵⁾ О. З. 1853, VIII, иностр. литер., 80. — ⁶⁾ Обл. Сл., 180, 218, 322.

лы сводить, т. е. корчить. 11) Глядѣя—не даетъ спать больному (=не позволяетъ ему сомкнуть очи, откуда объясняется и данное ей имя); вмѣстѣ съ нею приступаютъ къ чело-вѣку бѣсы и сводятъ его съ ума. 12) Огнестра и Невѣя—испорченное стар. нава—смерть или навье — мертвецъ, что служитъ новымъ подтвержденіемъ мнѣической связи демоновъ—болѣзней съ тѣнями усопшихъ. Невѣя (мертвящая) — всѣмъ лихорадкамъ сестра старѣйшая, плясавица, ради которой отсѣчена была голова Іоанну Предтечи; она всѣхъ про-кляте, и если вселится въ чело-вѣка—онъ уже не избѣгнетъ смерти. Въ заимъ этихъ именъ ставятъ еще слѣдующія: сухота (сухѣя), отъ которой иссыхаетъ больной, какъ дре-во, зѣвота, блевота, потягота, сонная, блѣдная, лег-кая, вешняя, листопадная (т. е. осенняя), водяная и синяя (старинный эпитетъ огня и молніи). Ясно, что съ ли-хорадками народъ соединяетъ болѣе широкое понятіе, нежели какое признаетъ за ними ученая медицина; къ разряду этихъ мнѣическихъ сестеръ онъ относитъ и другіе недуги, какъ наприм. горячку, сухотку, разлитіе желчи и проч.: знакъ, что въ древнѣйшую эпоху имя «лихорадки», согласно съ бук-вальнымъ его значеніемъ, прилагалось ко всякой вообще болѣз-ни. Тождество внѣшнихъ признаковъ и ощущеній, порождае-мыхъ различными недугами, заставляло давать имъ одинако-вые или сходныя по корню названія, и такимъ образомъ смѣ-шивать ихъ въ одно общее представленіе злыхъ, демониче-скихъ силъ; сравни: огнен—лихорадка и горячка, называе-мая въ простонародьи огневницею и палачкою; въ нѣкото-рыхъ мѣстностяхъ Россіи, вмѣсто сестеръ-трасавицъ, раз-сказываютъ о двѣнадцати безобразныхъ старухахъ—горяч-кахъ; огники—красная сыпь по тѣлу, золотуха—въ об-ластныхъ говорахъ огника (огница) и красуха, изжога —боль подъ ложечкой; у нѣидевъ корь—götheln, рожа—

gose, rothlauf. Эпитеты: красный, желтый, золотой истари служили для обозначенія огня, и въ заговорахъ лихорадка называется не только желтухою, но и златеницею (I, 203—6). Сухота—иня, свидѣтельствующее о внутреннемъ жарѣ, сближаетъ одну изъ лихорадокъ съ сухоткою; у сербовъ суха болеет, сушица — döggsucht¹⁾; бѣлоруссы называютъ чахотку—сухоты. Въсѣдъ за приведеннымъ нами сказаніемъ о встрѣчѣ отца Сисинія съ лихорадка-ми предлагается самое заклятіе: «во имя Отца и Сына и св. Духа, окаянныя трясавицы! заклинаю васъ святымиъ отцемъ Сисиніемъ, Михаиломъ-архангеломъ и четырьмя евангелистами: побѣгите отъ раба божія (инярекъ) за три дни, за три поприща; аще не побѣжите отъ раба божія, то призову на васъ великаго апостола Сисинія, Михаила-архангела и четырехъ евангелистовъ Луку, Марка, Матѳея, Іоанна, и учнутъ васъ мучити, даючи вамъ по триста²⁾ ранъ на день.» Къ этой угрозы иные списки прибавляютъ, куда именно должны удалиться злобныя жены: «подите вы въ темныя лѣса, на гнилыя колоды» или «въ мѣста пусты и безводны.» Заговоръ долженъ быть прочитанъ священникомъ, и затѣмъ больному даютъ испить воды со креста, произнося слѣдующія слова: «крестъ—христіаномъ хранитель, крестъ—ангеломъ слава, крестъ—царемъ держава, крестъ—недугомъ, бѣсомъ и трясавицею прогонитель, крестъ—рабу божію (инярекъ) огражденіе!»³⁾ Для сличенія приводимъ текстъ заговора, записанный въ сборникѣ Сахарова: «на горахъ Авон-

¹⁾ Срв. рѣчник, 727. — ²⁾ Вар. по три тысячи. — ³⁾ Рязь г. Буслева о нар. поэзіи въ древней русск. литер., 38-39; Вост. Р. Г. О. 1859, VIII, 153-5; Пермск. Сборн., II, прилож., стр. XXXVI—VII; Пав. отреч. луг., II, 351-3; Библ. для Чт. 1848, IX, ст. Гуляева, 51-52; Двт. рус. лит., т IV, отд. 3, 79-80; Архивъ ист.-юр. свѣд., II, въ отд. свѣси, 56-57.

скихъ стоитъ дубъ мокрецкой, подъ тѣмъ дубомъ сидятъ тридесять старцевъ состарцемъ Пафнутиемъ. Идутъ къ нимъ двѣнадесять дѣвицъ простоволосыхъ, простопоясыхъ. И рече старецъ Пафнутій съ тремянадесять старцами: кто сѣи къ намъ вѣдоша? И рече (рекутъ) ему двѣнадесять дѣвицы: есмь мы царя Ирода дщери, идемъ на весь мѣръ кости знобить, тѣло мучить. И рече старецъ Пафнутій своимъ старцамъ: словите по три прута, тѣмъ станемъ ихъ бити по три зори утреннихъ, по три зори вечернихъ. Возмолишась двѣнадесять дѣвъ къ тринадесять старцамъ со старцемъ Пафнутиемъ, и не почтоже бысть ихъ жальба! И начаша ихъ старцы бити, глаголя: ой вы еси двѣнадесять дѣвицы! будьте вы тресунницы, водяницы — расслабленныя и живите на водѣ-студенацѣ, въ мѣръ не ходите, кости не знобите, тѣла не мучьте... Заговариваю я раба (такого-то) отъ засушенія лихорадки. Будьте вы прокляты двѣнадесять дѣвицъ въ тартарары, отыдайте отъ раба (ширекъ) въ лѣса темныя, на древа сухія.» Въ другихъ заговорахъ злые недуги съ принедами и полунедугами отсылаются въ океанъ-море, въ бездны преисподнія, въ котлы кипучіе, въ жаръ налучій, въ сѣру горючую, во тѣму кремешную, т. е. въ адъ. Колючку грозитъ заклинатель заключить въ нѣдра земли, свербежъ утопить въ горячей водѣ, стрѣльбу залить кипучей смолою, огневицу заморозить крещенскими морозами, ломотье сокрушить о камень, и т. дал. ¹⁾ Малороссійскіе заговоры гонятъ лихоманокъ и другія болести въ дебри, болота и пустыни безлюдныя: «вамъ, уроки, у раба божого не стоятъ, жовтой кости не доматы, червоной крови не пыты, сердца его не нудыты, бѣлого тѣла не сушыты; вамъ идты на мѣха, на темныя луга, на густыя очерета, на сухіе лѣса!» —

¹⁾ Сахаровъ, I 24-25, 28-31.

«Пидить соби, уроки, на яры, на леса дремучи, на степы степучи, дѣ гласъ чоловічый не заходьтъ, дѣ пивни не сивають.»— «Чи ти гнетуха, чи ти трясуха, чи ти водна, чи ти витрова, чѣв тв вихрова... буду я тоби лице залинати, буду тоби очи выпикати, буду тебе молитвами заклинати, буду съ христьянскоѣ вири вислати. Пиди соби, дѣ собаки не брешуть, дѣ кури не поють, дѣ христьянскій голось не ходе»¹⁾. Чешское заклятіе XIII-го вѣка посылаетъ нечистую силу (siemě proklate) въ пустыни — «*pa púšči jděte, anikomu neškod'te*». Въ настоящее время чехи прибѣгаютъ къ такимъ формуламъ: «*já vyháním oubutě (сухотку) z tvého těla, do moře — vodu přelévati a písek přesejpati, kosti nelámati a žily neškubati, a krev pecucati a maso letřhati, a přirozenimupokoj dáti*.»— «*Letěly tři střelci, zastavili jsou se v mé blavě, v mých tšich, v mých zubech, a já je zaklínám*» во имя Отца и Сына и св. Духа: если вы съ вѣтру — идите на вѣтеръ и ломайте деревья въ густыхъ борахъ, если съ воды—ступайте на воду и крутите песокъ въ самыхъ глубокихъ мѣстахъ, если со скаль—идте въ скалы и ломайте камни, а мѣ, моеѣ головѣ, ушамъ и зубамъ дайте покой.— «*Zaklínám vás, rakostnice—růžovnice, kostnice*.²⁾ *do lesa hlubokého, do dubu vysokého, do dřeva stojatého i ležatého; tam sebou mlat'te a třískajte, a této osobě pokoj dejte... Jsi li z ouroku, jdi do ohně; jsi li z vody, jdi do moře; v moři vař vodu, počítej písek*» (въ морѣ нечерпай воду, сочти песокъ). Подобныя-же заклятія обращаютъ вѣтмы къ эльфамъ; по ихъ мнѣнію, тѣ деревья засыхаютъ, на которыя будетъ перелана болѣзнь. Индѣйскій врачъ гвалъ лихорадку въ лѣсъ и

¹⁾ Полтав. Г. В. 1846, 38; Пассекъ, II, смѣсь 20; Нам. стар. рус. литер. III, 167-8. «Подъ ты (горловая жаба) на дубъ—на сухое дерево, на которомъ вѣтъ отраслей огненныхъ и до вѣку». —

²⁾ Рожь и ломъ въ костяхъ.

го ры; повинуюсь вѣщему слову, водные духи (ансарасы) должны были удалиться въ глубокіе источники и въ деревья ¹⁾. Заговоръ на изгнаніе лихорадокъ, обращенный къ св. Сисинію, упоминается уже въ статьѣ «о книгахъ истинныхъ и ложныхъ»; большая часть списковъ этой статьи принадлежитъ XVI и XVII столѣтіямъ, а древнѣйшая ея редакція, какая извѣстна нынѣ, найдена въ номоканонѣ XIV-го вѣка. Здѣсь читаемъ: «вопросы Іереміа къ Богородици о недузѣхъ естественныхъ и еже именують трясавици—басни суть Іереміа, попа болгарскаго; глаголетъ бо окаянный сей, яко сѣдѣшу святому Сисинію на горѣ Синаистѣй—и видѣ семь жонъ исходящи отъ моря, и ангела Михаила именуеть, и иная изыдоша семь ангелъ, семь свѣщъ держаще, семь ножевъ остряци, еже на соблазнъ людемъ многымъ, и семь дщерій Иродовыхъ трясцами басньствоваше, сихъ-же ни евангелисты, ни единъ отъ святыхъ — семи именоваша, но една, испросившаа главу Предотечеву, о ней-же явѣ есть, яко и та дщи Филиппова, а не Иродова» ²⁾. Это свидѣтельствуетъ за южнославянское происхождение заговора, виѣстѣ съ памятниками болгарской письменности, проникло къ намъ и зачатіе противъ лихорадокъ, составленіе котораго приписывается цопу Іереміи. Какъ множество другихъ апокрифическихъ сказаній, такъ и зачатіе Іереміи создано подъ непосредственнымъ вліяніемъ древне-языческихъ воззрѣній, общихъ болгарамъ со всѣми прочими славянскими племенами, и этотъ-то національный характеръ представленій, занесенныхъ въ «отреченную» молитву, доставилъ ей легкій доступъ въ массы русскаго населенія. Не смотря на христіанскую примѣсь, въ ней весьма явственны черты такъ

¹⁾ Громанъ, 149-150, 158-161, 177, 185; D. Myth., 1122-3. Финская пѣсня заклинаетъ чуму сокрыться въ твердыя, какъ сталь, горы. — ²⁾ Лѣтоп. занятій Археогрѣф. Комм. 1861, I, 25-27, 39-40.

называемой естественной религии (религии природы). Святые и ангелы, наказующіе женъ-лвхорадокъ прутьями и ножами, очевидно заступили мѣсто древняго громовника и его спутниковъ, которые разятъ нечистую силу молніями, или выражаясь поэтическимъ языкомъ—бичами, прутьями, палицами, сѣкирами и другимъ острымъ оружіемъ; потому они возсѣдаютъ на каменномъ столбѣ, т. е. въ грозовомъ облакѣ, ибо камень (скала) и столбъ (башня)—метафоры облаковъ. Изъ различныхъ воззрѣній на природу рождались и различныя мифическія представленія: бессмертные владыки, то помрачающіе небо тучами, посылающіе градъ, стужу и бури, то разгоняющіе демоновъ мрака и дарующіе свѣтлые дни, являлись народному воображенію не только грозными карателями людей и животныхъ, мстителями моровыхъ стрѣлъ, но и богами-спасителями (*storm-gods*), силою которыхъ прогоняются злые недуги. Такъ Индра всцѣляетъ отъ кожныхъ болязней и червей, а Тунаръ говитъ изъ тѣла *wigsteg*, т. е. мучительныхъ зѣбовъ ¹⁾). Сестры-лвхорадки отождествляются въ заговорѣ съ тѣми стихійными демонами, съ которыми обыкновенно сражался Перунъ: онѣ исходятъ изъ (дождеваго) моря или огненнаго стога (=грозовой тучи), воздымаютъ страшную бурю и разбѣгаются только отъ ударовъ (молніеносныхъ) прутьевъ «Простоволосыя» и «простопоясыя», т. е. съ длинными распущенными косами и въ легкихъ, свободно-развѣвающихся по вѣтру (неподвоясаныхъ) одеждахъ, онѣ напоминаютъ этими признаками облачныхъ женъ и дѣвъ; сверхъ того, имъ даются и крылья—эмблема быстрого полета облаковъ и вихрей. Выше объяснено, что въ стремительныхъ вихряхъ предки наши усматривали пляску духовъ и нимфъ, и что въ эпоху христіанскую представленіе это было перенесено на Иродіаду, которая славилась

¹⁾ German. Mythen, 134-5. Въ русскомъ заговорѣ Христею громомъ отбиваетъ, молоньей ожигаетъ и стрѣлами отстрѣливаетъ всякіе уроки и недуги—Рыбникъ. IV, 255

нѣкогда своими искусными танцами (I, 329). Такое смѣшеніе тѣмъ болѣе понятно, что самъ демоническій змѣй (=сатана) называется въ народныхъ сказкахъ Иродомъ ¹⁾. Въ связи съ этимъ, дѣвы воспаляющихъ и знобящихъ болѣзней были признаны дочерями Ирода и старшая изъ нихъ стала обозначаться именемъ плясавицы. По чешскому повѣрью лихорадки живутъ въ прудахъ и колодцахъ, и потому бываетъ время, когда никто не рѣшается пить оттуда воду. Заболѣвшій лихорадкою идетъ передъ восходомъ солнца къ колодцу и причитываетъ: «studně-studnice! nechod' na mne zimnice; Maria-panna zapovidá, abys na mne nechodila.» ²⁾ Въ орловской губ. больного купаютъ въ отварѣ липоваго цвѣта, а снятую съ него рубаху онъ долженъ раннимъ утромъ отнести къ рѣкѣ, бросить ее въ воду и промолвить: «матушка-ворогуша! на тебѣ рубашку съ раба божьего (ниярекъ), а ты отъ меня откачнись прочь!» Затѣмъ онъ возвращается домой и о лча и не оглядываясь (сравни стр. 78—79). Согласно съ стихійною природою женъ-лихорадокъ, онѣ прогоняются въ океанъ-море (=небо), въ студенцы и болота (=дождевые источники), въ скалы и горы (=тучи), въ камыши и деревья (=небесныя рощи), въ огонь и вѣтры, словомъ—въ жилища водяныхъ, лѣшихъ, эльфовъ и нечистыхъ духовъ. Не смотря на запретъ статьи о книгахъ истинныхъ и ложныхъ, въ самой иконописи до конца XVII вѣка было распространено изображеніе двѣнадцати трясавицъ; онѣ представлялись въ видѣ женщинъ и нерѣдко обнаженныя, съ крыльями летучей мыши, такъ какъ эта послѣдняя служила символомъ ночи. Отличительный характеръ каждой изъ нихъ живопись обозначала разными красками: одна лихорадка—вся бѣлая, другія—желтая, красная, синяя, зеленая (=лѣсная) и т. дал. Въ XVII вѣкѣ,

¹⁾ См. Поэт. Воз., II, 5-9 Въ преданіяхъ среднихъ вѣковъ Гольда встрѣчается подъ именами Иродиды и Діаны (D. Myth., 263), и этой послѣдней приписывались припадки падучей. — ²⁾ Громанъ, 163.

при значительныхъ успѣхахъ техники, эти женскія фигуры отличаются даже нѣкоторымъ благообразіемъ. На верху, въ облакахъ, видны ангелы и между ними одинъ, который направляетъ на трясавицъ копье и хочетъ низвергнуть ихъ въ отверстую пропасть, а на пригоркѣ — колѣнопреклоненный и молящійся св. Сисиній ¹⁾. Чехи противопоставляютъ демонамъ-болѣзнямъ Христа в св. Аполену. Встрѣчаетъ Христосъ psotnika (спазмы и конвульсии) и спрашиваетъ: «kam ty jdeš, psotniku?»—Ja jdu do života té a té osoby—maso jisti, krev piti, žily trbati, kosti lámati, chut' k jídlu a k piti bráti, a zraní mi odjímati. Христосъ приказываетъ болѣзнь выступить изъ человѣка, не мучить его ни днемъ, ни ночью, и удалиться въ темныя лѣса. Или: chodili štělci-šťelice po horách, po krajínach; повстрѣчали св. Аполену, и на вопросъ ея: куда идете?—отвѣчали: идемъ къ такому-то человѣку мозгъ ѣсти, кровь пить, мясо драги, кости ломати. И рекла имъ Аполена: воротитесь и дайте человѣку покой ²⁾. Подобныя-же заклатія извѣстны и между другими народами. Я. Гриммъ приводитъ заговоръ, въ которомъ упоминаются семьдесятъ семь pöschen (подъ именемъ pöschen разумѣется бѣсъ падучей болѣзни); «wir wend gohn in das haus des menschen, говорятъ они про свои подвиги, und ihm sein blut saugen, und sein bein nagen, und sein fleisch essen.» Духи эти нагоняются въ сухое дерево: «ich gebent dir nösch mit allen deinen gesellen, dann mit dir ist der stech (колотье) und der kampf (спазмы) und gewrat (?), und geschoss (стрѣльба) und geicht (ломъ) und gesicht (сглазъ, изуроченье)...» ³⁾ Грузины произносятъ слѣдующій заговоръ противъ чесотки: «гой ты, jelo-jelo (—вдучій), юродивый, безпріютный! откуда исходь ты и

¹⁾ Рѣчь г. Бусл. о нар. поэзиі въ др. рус. литер., 40. — ²⁾ Чешск. пѣсни Эрбена, 507-9; Громаннъ, 162, 175-6. — ³⁾ D. Muth, 1110.

куда входишь?—Исхожу я въз черной скалы, вхожу въ тѣло челоуѣка, обдираю плоть, гложу кости, пью кровь. — Нѣтъ, не позволю тебѣ войти въ челоуѣка; раздроблю тебѣ на мелкія части, брошу въ мѣдныи котелъ, раскалаю его огнемъ и жупеломъ сѣрнымъ. Удались, отвѣжись отъ раба божьего (вмарекъ). Аминь» ¹⁾). На ряду съ заклятіями, обращенными на трясавицу, видекъ запретныхъ книгъ (суждаетъ также и «живыя врачевальныя молитвы о нежитѣхъ» ²⁾). Въ одной пергаменной сербской рукописи записано пять заговоровъ противъ нежита или нежитя; изъ нихъ два были сообщены г. Буслевымъ: а) «Сходещу нежиту «от сухаго (= огненнаго) мора(я) и сходещу Исусу отъ небесе, и рече ему Исусъ: камо идиши, нежите? Рече ему нежить: сѣмо иду, господине, въ члвѣчю главу мозга срѣчати, челюсти прѣломити, зубы ихъ ронити, шіе ихъ кривити и уши ихъ оглушити, очи ихъ ослѣпити, носа гугънати, «крьве ихъ проліити, вѣка ихъ исушити, устья ихъ кривити и «удовъ ихъ раслаблати, жилъ ихъ умртвити, тѣла ихъ измѣждати, «лѣпоту ихъ измѣнита, бѣсомъ мучити е. И рече ему Исусъ: «обратсе, нежите! иди въ пустую гору и въ пустыню, обрѣти «ту елѣну главу и вселисе въ ню, ть бо все трѣпнѣть и все «страждеть... иди въ каменіе, ть бо все трѣпнѣть—зиму и зном «ивсѣко плодство, ть бо о(тъ) твари жестокъ есть, въ себѣ дръ«жати те сильнъ есть. Нежиты! да ту имѣи жилище, дондѣже «небо и земля иимондѣть и кончається; отиди отъ раба божія» (имрекъ).—б)» Свѣты Михаилъ-Гавриль гредѣше, възьмѣ желѣзнь лукъ и желѣзны стрѣлы, стрѣлати хоте елѣна «и елѣну, и не обрѣте ту елѣна и елѣну, нь обрѣте нижита, ниже

¹⁾ Москв. 1852, XIX, соврем. извѣст., 98. — ²⁾ Іоаннъ, экзархъ болгар., 210; Датоп. занатій Археогрѣе. Ком. 1861, 39-40: «и о нежитѣхъ, сирѣчь изъ пустыня исходятъ... то все поць Іеремя изглаголадъ».

«сѣдѣше, камы рацѣпивъ ¹⁾); и въпроси его: что ты еси иже «сѣдиши, намы рацѣпивъ? Отвѣщавъ ему: азъ есмь нежить, иже «чловѣче главе рацѣплю и мозыгѣ иеръчу, кровь ему прелѣю. «И рече му Михайль-Гавриль: проклетыи проклетъче нежите! «не мозыга сръчи, ни главы рацѣпи, нь(но) ни въ пустую го- «ру и вылѣзи въ елѣну главу; та ти есть тръпѣлива тръпѣти «то. Аще ли те по семь дни обрѣщу, любо те по сѣку, любо «те прострѣлю. И възьмолисе нежить: не по сѣци, ни прострѣ- «авъ мне, да бѣжу въ гору и вылѣзу въ елѣну ²⁾ главу.» ³⁾ Сход- «ство этихъ старинныхъ заговоровъ съ приведенными выше за- «линаніями лихорадокъ и другихъ недуговъ очевидно для всякаго: и здѣсь — таже истрѣча благаго божества съ злымъ духомъ болѣзней, тѣже вопросы и отвѣты и таже изгнаніе демона въ ка- «менныя пустыни побѣдоноснымъ оружіемъ громаиника. Архи- «стратиги небесныхъ воинствъ поражаютъ нежитя желѣзными «стрѣлами (молвіями); тѣмъ-же оружіемъ наносятся раны демо- «вамъ-болѣзнямъ и по свидѣтельству русскихъ народныхъ заго- «воровъ: «на окаянѣ-морѣ стоитъ золотъ стулъ, на золотѣ стулѣ «сидитъ св. Николай, держитъ золотъ лукъ, натягиваетъ «шелконую тетивку, накладываетъ каленую стрѣлу, «станетъ уроки и призоры стрѣлять» ⁴⁾. Въ воронежской «и владимірской губ., въ случаѣ глазнаго ячменя, подносятъ къ «большому мѣсту кукишь и пръговариваютъ: «ячмень, ячмень! на «тебѣ кукишь; что хочешь — то купишь, купи себѣ топорокъ, «сруби себя по перѣкъ!» ⁵⁾ Существовавшее и до жите доны- «нѣ употребляется въ областныхъ говорахъ сѣверной Россіи, «какъ собирательное имя нечистой силы: домовыхъ, водяныхъ, ру- «салоковъ и проч. ⁶⁾; въ чешскомъ языкѣ не žít — названіе болѣз-

¹⁾ Разщеп (расколовъ) камня. — ²⁾ Въ рукописи испорчено: «възвелѣну». — ³⁾ Ист. очер. рус. слов., I, 415—6. — ⁴⁾ Памяти. книжка арханг. губ. на 1864, 15. — ⁵⁾ Труды владим. стат. комит., VI, 84. — ⁶⁾ Годъ на Сѣверѣ, Максимова, I, 78.

ни. Слово это образовалось отъ глагола жить съ отрицательною частицею ве, и по значенію своему прямо соответствуетъ Моранѣ (смерти) и повальнымъ болѣзнямъ, извѣстнымъ у славянъ подъ общимъ названіемъ мора.

Древне-эпическія формулы заговоровъ, призывающіе на демоновъ карающее оружіе бога-громовника, мало по малу стала переводиться въ дѣйствіе; въ народной медицинѣ принято сопровождать заговоры различными символическими обрядами, главное назначеніе которыхъ наносить болѣзнямъ раны, разить ихъ и изгонять изъ человѣческаго тѣла. Захворалъ ли кто утиномъ (боль поясницы), знахарка приказываетъ ему лечь ничкомъ на порогъ избы, т. е. у растворенныхъ дверей, которыми должна удалиться болѣзнь; затѣмъ кладетъ ему на поясницу березовый вѣникъ, и тихо ударяя обухомъ топора или косаремъ по вѣнику, првчитываетъ: «сѣку-сѣку, присѣкаю; рублю-рублю, прирубляю!»—Что, бабушка, сѣчешь? спрашиваетъ больной. «Утинъ сѣку!»—Сѣки да гораздо, чтобъ не было его! Эти вопросы и отвѣты повторяются до трехъ разъ ¹⁾. Вѣникъ—зблѣма вихря, разсѣвающаго вредныя испаренія и туманы. Когда у дѣтей бываетъ «почесуха»—крестьянки парятъ ихъ ольховыми вѣниками, которые потомъ выбрасываютъ на воздухъ, съ приговоромъ: «съ вѣтру пришло, на вѣтеръ и поди!» ²⁾ Ничего такъ не боится куга (олицетвореніе мороваго повѣтрія), какъ метлы и ожога (кочерги, символа громовой палицы ³⁾). Въмѣсто топора, нерѣдко прибѣгаютъ къ помощи зубовъ на основаніи той древней метафоры, которая уподобляла молніи—золотымъ зубамъ, всегда-готовымъ растерзать демона. Такъ страдающіе грызью (ломомъ въ рукахъ и ногахъ) приываютъ къ себѣ мальчика

¹⁾ Этн. Сб., I, 163-4. — ²⁾ Во владимірской губ. больные, снимая съ себя нижнее платье, бросаютъ его въ полночь за окошко на вѣтеръ (Груды влад. стат. ком., VI, 75). — ³⁾ Иличь, 299.

и заставляют его кусать колѣно больной ноги или локоть руки, при чемъ ведется слѣдующій разговоръ: «что грызешь?» — Грызъ грызу.» Грызъ да гораздо!» ¹⁾ Отъ сибирской язвы кладутъ на опухоль тряпку и со всѣхъ сторонъ обкуеываютъ больное мѣсто ²⁾; ребенку, у котораго разстроены желудокъ, трижды кусаютъ слегка пупокъ ³⁾; отъ головной боли лѣчатъ такъ: наклоняютъ голову больного, обвиваютъ около указательнаго пальца прядь его волосъ и прикусываютъ ихъ зубами у самаго корня ⁴⁾. Чтобы охранить себя отъ порчи, поселяне запасаются обломкомъ отъ лезвіа косы и носятъ его въ правомъ сапогѣ. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ знахари обрѣзываютъ съ рукъ и ногъ больного ногти, кладутъ ихъ въ нарочно-сдѣланное въ яйцѣ отверстіе, залѣпливаютъ это отверстіе воскомъ и относятъ яйцо въ лѣсъ, съ тайною надеждою, что какая-нибудь хищная птица унесетъ его вмѣстѣ съ болѣзней ⁵⁾: смыслъ обряда—тотъ, что у демона-болѣзни остригаются ея острые когти, и сама она предается во власть крылатаго вихря, который долженъ увести ее въ дальнія, пустынные мѣста ⁶⁾. Убѣжденные, что пламя грозы пожигаетъ нечистую силу, а дождевые ливни смываютъ, топятъ ее, предки наши лѣчили болѣзни огнемъ и водою (см. II, 14-21, 181-191). Какъ скоро почувствуетъ кто-нибудь изъ домашнихъ легкій ознобъ или жаръ, склонность ко сну, ломоту и потяготу, крестьяне тотчасъ-же черпаютъ ключевую воду, кладутъ въ нее горячія уголья и щепоть печной золы, дуютъ на воду три раза, мѣшаютъ

¹⁾ Полтав. Г. В. 1846, 26; Пузып., 160; Послов. Далы, 429. —

²⁾ Библ. для Чт. 1848, IX, 54. — ³⁾ Пассенъ, II, 19 — 20. —

⁴⁾ О. З., т. LVII, смѣсь, 50. — ⁵⁾ Записки Авдѣев., 139—140. —

⁶⁾ Въ Германіи существовалъ обычай замуровывать чуму въ церковную стѣну или заключать ее въ скважину дерева — обычай, возникшій изъ древнихъ вѣрствій, изгоняющихъ демона смерти въ камни (скалы) и гѣса — D. Myth., 1135, 1141.

ее остриемъ ножа и читаютъ заговоръ; затѣмъ сбрызгиваютъ больного, смачиваютъ ему грудь, руки, ноги, спину, или даютъ выпить нѣсколько глотковъ ¹⁾. Приготовленная такимъ образомъ вода получаетъ цѣлебныя, живительныя свойства дождя; горячіе уголья знаменуютъ грозное пламя, дуновение—вѣтръ, ножъ—громовую сѣкиру. Старинный поэтический языкъ называлъ огонь-молнію раскаленнымъ желѣзомъ, блестящею мѣдью и золотомъ (деньгами), а воду-дождь—виномъ, медомъ, молокомъ и масломъ; въ силу этого возникли разнообразныя врачевныя обряды. Чехи заставляютъ больныхъ дѣтей глотать во имя св. Троицы три уголька, а чтобы вылѣчить скорбутъ, берутъ воду, въ которой кузнецъ охладилъ горячее желѣзо, намачиваютъ въ ней красный лоскутъ и трутъ имъ дѣсны ²⁾. На Руси раскалываютъ дѣрасна мѣдный пятакъ, опускаютъ его въ сосудъ съ холодной водою, и воду эту пьютъ по три раза въ день отъ лихорадки. Виѣстѣ съ цѣлебными травами, нерѣдко кипятятъ въ водѣ золотыя, вѣнчальныя кольца, и потомъ поятъ или обливаютъ ею хвораго. Отъ горячки надѣваютъ на шею больного обручъ, снятый съ ведра, окуриваютъ его стружками съ этого обруча, поятъ виномъ, настоеннымъ на золѣ, и произносятъ заклианіе: «во имя Отца и Сына и св. Духа! тетка-баба (=горячка), отойди отъ раба божія (имярекъ).» Когда вино выпито, оставшееся золою трутъ лице и грудь противъ сердца. Золотое кольцо—символъ солнца, поборающаго демоновъ мрака; снятый съ ведра обручъ—знаменіе дождевыхъ сосудовъ, разбиваемыхъ богомъ-громовникомъ. Отъ «криксы» купаютъ дѣтей въ кѹрникѣ на деревянномъ обручѣ ³⁾. Если укуситъ человѣка бѣшеная собака, то стараются добыть клочъ ея шерсти и этою шерстью оку-

¹⁾ Сахаров., I, 53; II, 4; О. З. 1848, т. LVI, 202. — ²⁾ Громанъ, 175. — ³⁾ Эти. Сб., V, бытъ курск. крестьянъ, 89.

риваютъ нанесенныя ему раны. Бѣшеная собака есть воплощеніе дьявола; подобно тому, какъ небесныя молніи, пожиная облачное руно демоновъ, просвѣтляютъ омраченную ими природу, такъ и сожженная шерсть собаки удаляетъ мучительнаго бѣса и восстанавливаетъ поврежденное здравіе ¹⁾). Произнеся заклятіе, знахари трижды дуютъ на больного и сплевываютъ въ сторону. Слюна здѣсь—символъ живой воды (дождя), точно также, какъ обдуваніе больного—символъ вѣтра. Если слову человѣческому и слюня дана власть прогнать нечистыхъ духовъ, уроки и недуги, то естественно, что языкъ, какъ орудіе слова и метафора молніи (I, 728), долженъ былъ получить чародѣйную силу слизывать всякую хворь. И дѣйствительно знахари, умывая больного «наговорной» водою, лижутъ ему лицо до трехъ разъ, и за каждымъ разомъ сплевываютъ на землю, т. е. сбрасываютъ, вмѣстѣ съ слюною, слизанную языкомъ болѣзнь ²⁾). Въ саратовской губ. противъ лихорадки призывается помощь богини Зори: «Зоря-Зоряница, красная дѣвица! избавь раба божія (имарекъ) отъ матухи, отъ знобухи, отъ летучки, отъ гнетучки, отъ всѣхъ двѣнадцати дѣвиць-трясавиць.» Вслѣдъ за произнесеніемъ этого заговора, слизываютъ недугъ крестообразно со лба, подбородка и щекъ больного и сплевываютъ наземь ³⁾). Нерѣдко слова лѣчебнаго заклятія сопровождаются очерчиваніемъ около больного круговой черты, дабы злой духъ болѣзни не могъ переступить за этотъ зачарованный кругъ ⁴⁾). Народные заговоры сдѣлаются для насъ вполне-попытными только тогда, когда будутъ разгаданы и объяснены всѣ древнѣйшія метафоры, на которыхъ зиждется ихъ цѣлебное значеніе. Вотъ, на примѣръ, заговоръ отъ болѣзни усоей, любопытный по своимъ многоческимъ указаніямъ: «Есть

¹⁾ Громаничъ, 184. — ²⁾ Абев., 235. — ³⁾ Саратов. Г. В. 1850, 26.
—⁴⁾ Киевляничъ 1865, 69.

море золото, на золотѣ морѣ золото древо, на золотѣ дровѣ золоты птицы-носы и ногти желѣзные, дерутъ-волочатъ отъ раба божія (усови) на мхи-на болота. Есть море золото, на золотѣ морѣ бѣлъ камень, на бѣлѣ камени сидитъ красная дѣвица съ палицею желѣзною, тепеть, обороняетъ, отлучаетъ отъ раба божія усови на мхи-на болота. Есть море золото, на золотѣ морѣ золотъ корабль, на золотѣ кораблѣ ѣдетъ святой Николай, отворяетъ морскую глубину, поднимаетъ желѣзные врата, а залучаетъ отъ раба божія усови аду въ челюсти.» ¹⁾ Злой духъ болѣзни прогоняется во мхи-болота и въ адъ. Море—поэтическое названіе неба; эпитетъ «золотой», данный этому морю, означаетъ: свѣтлый, озаренный лучами солнца. Дерево и корабль — метафоры тучи, бѣлъ камень—метафора солнца. На деревѣ-тучѣ сидятъ золотыя птицы съ желѣзными когтями и клювами, т. е. молніи, острыми стрѣлами которыхъ и разитя нечистая сила болѣзни; подобно тому на солнцевомъ камнѣ возсѣдаетъ красная дѣвица Зоря, богиня весеннихъ грозъ и плодородія, и гонитъ демона желѣзною палицею; а ва кораблѣ облакъ плыветъ Николай угодникъ, замѣняющій собой Перуна: онъ отворяетъ морскую глубину (=дождевыя тучи) и низвергаетъ демона въ челюсти ада. Итакъ изгнаніе болѣзни совершается при содѣйствіи громовника; какъ обновитель природы, побѣдоносный врагъ зимы—смерти и творецъ весенней жизни, онъ исцѣляетъ и всѣ недуги ²⁾).

¹⁾ Истор. Христом. Буслев., 1353. — ²⁾ Изъ всего сказаннаго понятно, почему такъ долго удерживается въ массахъ простаго народа довѣріе къ знахарямъ и ихъ врачевнымъ пособіямъ и отвращеніе отъ научной медицины. За первыхъ стоятъ исконныя преданія, крѣпко-сросшіяся съ роднымъ словомъ, а слѣдовательно и съ самыми убѣжденіями человека. До сихъ поръ поселяне охотѣе прибѣгаютъ къ помощи своихъ знахарей и ворожеекъ, а гдѣ-

Повальные болѣзни, отъ которыхъ гибнутъ цѣлыя поколѣнія людей и животныхъ, отождествлялись въ языкѣ и вѣрованіяхъ съ представленіемъ Смерти: измереть—въ областномъ словарѣ: исхудать, исчахнуть, подмереть—завянуть, засохнуть, отощать, замирать — захворать, морной — тощій (заморенный), морная корова — падежь рогатого скота, помора — отравы; пропадать — болѣть, чахнуть, пропадіна или пропастіна — мертвечина, стерво, прѣпасть — адская бездна, погибель, смерть и гниющій трупъ ¹⁾. Германцы эпидеміямъ давали названія: *der grosse töd*, сканд. *svarti daudhi*, дат. *sorte död*—*der schwarze tod*, а славяне: черная смерть или немочь. Когда туманные испаренія и гнетущая духота зноя отравляютъ воздухъ — внезапно появляется зараза, и направляя путь свой чрезъ населенныя мѣстности, похищаетъ жертвы за жертвами. Въ качествѣ богини Смерти и согласно съ грамматическимъ родомъ присвоенныхъ ей названій, зараза олицетворяется въ образѣ мнѣической жены; лат. *pestis, lues*, нѣм. *die pest*, еерб. *куга* (сравни ниже- и выше-нѣм. *koghe*,

карства, даваемые оффиціальными врачами, называютъ „погаными“. Вѣсѣтъ съ этимъ, приведенныя свидѣнія убѣдительно доказываютъ, какъ несостоятельна, ничтожна и часто положительно-вредна народная медицина: дѣлать глаза искрами огня, заставлять отъ воспалительныхъ болѣзней жсть сусальское золото (I, 204—6), сажать ребенка въ жарко-натопленную печь и тому подобныя средства, конечно, не могутъ быть признаны за полезныя. Нельзя отвергать, что знахарямъ доступны нѣкоторые знанія цѣлебныхъ травъ, кореньевъ и другихъ сладобій, на которыя случайно набрелъ наблюдательный умъ нашихъ предковъ; во объемъ этихъ знаній весьма ограниченъ и притомъ они такъ спутаны съ многочисленными суевѣрїями, что намъ кажется совершенно-неумѣстнымъ то навязное сомнѣніе о расколѣ, существующемъ между ученою и народною медициною, какое еще недавно высказывалось представителями такъ называемой „русской науки“. — ¹⁾ Обл. Сл., 64, 74, 116, 164, 169, 181, 208.

коге) и мѳрија, рус. чума (džuma), язва, свирѳпица (черниг. губ.) — женскаго рода, и хотя, рядомъ съ этими названіями, у насъ, чеховъ и поляковъ употребляется еще слово морь (литов. шогас, лѳт. mehris), но въ поэтичѳскихъ сказаніяхъ оно уступаетъ женскимъ формамъ. Завися отъ воздушныхъ перемѳвъ и климатическихъ условій, морвая язва, какъ и другія болѳзни, признавалась существомъ стихійнымъ, шествующимъ въ вихрахъ («повѳтріе») и владѳющимъ огненными, молніеносными стрѳлами. По указанію народнаго повѳрья, приведеннаго Я. Гриммомъ, она несется какъ синеватыѳ паръ въ видѳ облака — «als blauer dunst in gestalt einer wolke». ¹⁾ Свидѳтельство Гомера о моровыхъ стрѳлахъ Аполлона совпадаетъ съ славянскими преданіями: общепринятая въ русскомъ языкѳ названія зараза (отъ разить) и язва указываютъ на раны, наносимыя острымъ оружіемъ болѳзни; кроаты представляютъ чуму (гиргу) злою ѳуріей, легкой какъ молнія ²⁾; по рассказамъ болгаръ, она — вѳчно-озлобленная, черная жена, посылающая на людей и животныхъ огненныя, ядовитыя стрѳлы. Создавши ее, Христосъ сказалъ: «види и мори челоувѳчскій родъ; а чтобы ты не страшилась никого—даю тебѳ лукъ и стрѳлы». Болгары видятъ въ ней существо, родственное съ облачными дѳвами, и называютъ ее чума-самодива или юдасамовила; самодивы и самовилы соотвѳтствуютъ нѳмецкимъ зьлѳамъ, и подобно имъ, различаются на добрыхъ и злыхъ (свѳтлыхъ и темныхъ). Приближаясь къ городу или деревнѳ, Чума точитъ свои стрѳлы, и кому случится на ту пору выйти въ поле — въ того и стрѳляетъ; а затѳмъ уже входитъ въ самое село или городъ. Отъ того первые заболѳвающіе страшнымъ недугомъ бываютъ пріѳзжіе и странники. На-

¹⁾ D. Myth., 1133-4. — ²⁾ Вѳст. Евр. 1819, XIII, 47.

равнѣ съ вѣдьмами и вѣдьмами, Чума можетъ оборачиваться кошкою, лошадыю, коровою, птицею и клубкомъ яряжи; гдѣ она покажется—тамъ начинаютъ выть собаки, туда прилетаетъ воронъ или филинъ, и сядясь на кровлю, крикомъ своимъ предвѣщаетъ бѣду ¹⁾. Чехи и малоруссы рассказываютъ, что Смерть, принимая видъ кошки, царапается въ окно, и тотъ, кто увидитъ ее и впуститъ въ избу, долженъ умереть въ самое короткое время ²⁾. Южные славяне увѣряютъ, что во время чумы пѣтухи хрипнуть и заиокаютъ, а собаки теряютъ способность лаять и только ворчатъ и съ визгомъ бросаются на ужасную гостью. Одинъ крестьянинъ спалъ на стогу сѣна; пробужденный шумомъ, онъ увидѣлъ огромную женщину, въ бѣлой одеждѣ (= въ саванѣ), съ растрепанными волосами, которая бѣжала отъ стаи собакъ; она вскочила на лѣстницу, приставленную къ стогу, и стала дразнить собакъ ногою. Крестьянинъ узналъ Чуму, подкрался сзади и столкнулъ ее съ лѣстницы; Чума погрозила ему пальцемъ и исчезла, и хотя онъ остался въ живыхъ, но съ той самой минуты безпрестанно дергалъ ногою ³⁾. Выше (I, 298-301, 519) было объяснено, что громовые раскаты уподоблялись крику пѣтуха и колокольному звону, и что вслѣдствіе этихъ метафоръ пѣтухъ позгласомъ своимъ прогоняетъ нечистую силу, а отъ зова колоколовъ разсѣваются темныя тучи ⁴⁾ и устрешенные демоны, эльфы и вѣдьмы спѣшатъ сокрыться въ дальнія страны. Вѣстѣ съ этимъ пѣтушій крикъ и колокольный звонъ признаны были за цѣлебное средство противъ болѣзней, особенно противъ лума въ рукахъ, падучей, холеры и вообще

1) Сообщено г. Каравеловымъ. — 2) Громаниъ, 186. — 3) Пов. и пред., 86-87, 177. — 4) Въ 1576 г. звонили на Моравѣ „grozi mglasnyw“; дьяволь схватилъ звонари и три дни носилъ его въ вихрѣ — Ганушь о Дѣдѣ и Бабѣ, 53.

всякаго повѣтрія; «я слышу (читаемъ въ чешскомъ заговорѣ) — звучатъ колокола, поютъ св. ангелы, и ты, гѣже, должна удалиться!» ¹⁾ Сверхъ того, въ завываніи грозовой бури арійскія племена слышали лай небесныхъ псовъ, сопутствующихъ богу громовъ и вихрей въ его дикой охотѣ; по народному убѣжденію собака одарена чрезвычайно-тонкимъ чутьемъ и острымъ зрѣніемъ: она узнаетъ присутствіе нечистыхъ духовъ, чувствуетъ приближеніе Чумы и Смерти и кидается на нихъ, какъ вѣрный стражъ домохозяина и его семьи (сравни I, 733—4). Когда собака воетъ — это считается знакомъ, что она видитъ Смерть. Отсюда возникли повѣрья, что Чума боится собакъ ²⁾, что у пѣтуховъ она отымаетъ голосъ и вырываетъ хвосты, и что тамъ, гдѣ владычествуетъ нечистая сила смерти—зараза, уже не раздаются ни пѣтушиный крикъ, ни собачій лай; согласно съ этимъ, вышеприведенные малорусскіе заговоры отсылаютъ сестеръ-лихорадокъ и другія болѣзни въ тѣ пустынныя страны, гдѣ не слышится ни пѣнія пѣтуховъ, ни лая собакъ, ни церковнаго звона, т. е. собственно въ царство тучъ, оцѣпененныхъ холоднымъ дыханіемъ зими (= въ вертепы сѣвернаго ада). Рассказываютъ также, что Чума не любитъ кошекъ и при удобномъ случаѣ убиваетъ ихъ; эта враждебность объясняется страхомъ передъ богиней Фреею, которая выѣзжала на кошкахъ, участвовала въ дикой охотѣ и поборала демоновъ. Въ давнее время, по словамъ болгаръ, кошка была старшею сестрою Чумы и часто била ее; теперь же, при появленіи моровой язвы, кошки прячутся отъ нея въ пещахъ ³⁾. Любопытно, что чехи, для излѣченія дѣтей отъ сухотки, купаютъ ихъ въ ключевой водѣ, вмѣстѣ съ собакою или кошкою ⁴⁾. Въ большей час-

¹⁾ Громаниъ, 15, 39, 158; Beiträge zur D. Myth., II, 299. —

²⁾ Срп. рјечник. 311. — ³⁾ Сообщ. г. Каравеловымъ. — ⁴⁾ Громаниъ, 179.

ти земель, заселенныхъ славяно-литовскимъ племенемъ, моровая язва олицетворяется женщиною огромнаго роста (иногда на ходуляхъ), съ распущенными косами и въ бѣлой одеждѣ; она развѣзжаетъ по свѣту въ повозкѣ или заставляетъ какого-нибудь человѣка носить себя по городамъ и селамъ; своею костлявою рукою она вѣетъ на всѣ на четыре стороны краснымъ (кровавымъ) или огненнымъ платкомъ — и вслѣдъ за взмахомъ ея платка все кругомъ вымираетъ. Былъ жаркой день; русинъ сидѣлъ подъ деревомъ. Приблизилась къ нему высокая женщина, закутанная въ бѣлое покрывало. «Слыхалъ ли ты про Моровую язву? сказала она; это — я сама. Возьми меня на плечи и обнеси по всей Руси; не минуи ни одного села, ни города; я должва вездѣ заглянуть. Кругомъ тебя будутъ падать мертвые, но ты останешься невредимъ.» Затѣмъ она обвилась длинными, исхудалыми руками вокругъ шеи русина, и бѣднякъ пошелъ съ своею страшною ношею, не чувствуя ни малѣйшей тяжести. На пути лежало ивѣстечко, гдѣ раздавалась музыка и весело, беззаботно пировалъ народъ; но Чума повѣяла своею хулкою — и веселье исчезло: стали рыть могилы, носить гробы, кладбище и улицы наполнились трупами. Гдѣ ни проходилъ русинъ, всюду богатые города и деревни превращались въ пустыни; блѣдые, дрожащіе отъ страха жители разбѣгались изъ домовъ и въ мучительныхъ страданіяхъ умирали въ лѣсахъ, поляхъ и по дорогамъ. Наконецъ добрался онъ до своего роднаго села; здѣсь проживали его старушка-мать, любимая жена и малыя дѣти. Отчаянье и жалость овладѣли душою несчастнаго; онъ рѣшился утопить и себя и Чуму, ухватилъ ее за руки, и обойдя село, бросился вмѣстѣ съ нею съ крутаго берега въ волны Прута; самъ онъ утонулъ, но Моровая язва не могла погибнуть: съ легкостью стихійнаго существа она поднялась изъ воды и, напуганная отважною смѣлостью человѣка, убѣ-

жала въ лѣсистыя горы ¹⁾. На Украинѣ существуетъ клятва: «а щобъ на васъ чума насіла!» ²⁾ Лужицкая *Smętnica* (богиня смерти) ходитъ по деревнямъ въ бѣломъ платьѣ, и куда бы не направила свои стопы — тамъ непременно кто-нибудь умираетъ ³⁾; чехи называютъ ее *Smętnice*, *Smętná žena*: она облачается въ бѣлую или черную одежду, голову покрываетъ шляпою съ бѣлымъ перомъ, и бродитъ подъ окнами дома, гдѣ въ скоромъ времени долженъ быть покойникъ ⁴⁾. По сказаніямъ сербовъ, Куга — «жива жена завѣшена биѣломъ марамою»; есть преданіе, что у ней козьи ноги. Блуждая по вечерамъ отъ одной избы къ другой, она останавливается подъ окнами и пускаетъ внутрь жилья свой злочестивый духъ, отчего и погибаетъ все семейство. Многіе видѣли ее собственными очами, а нѣкоторымъ случалось носить ее. Встрѣтивъ человека на дорогѣ или въ полѣ, а иногда являясь къ нему въ избу, она говоритъ: «я самъ Куга, веѣ хайде да ме носишъ тамо и тамо!» За такую услугу она обѣщается пощадить какъ его самого, такъ и всѣхъ близкихъ ему родичей. Тотъ, кто носитъ Кугу, или вовсе не чувствуетъ усталости, или изнемогаетъ подъ тяжелымъ, сильно-гнетущимъ бременемъ ⁵⁾. Таже басня извѣстна и въ Бретани: въ одной пѣснѣ разсказывается о мельникѣ, который перевѣзъ на конѣ черезъ рѣку бѣлую женщину, а по другому варианту — онъ перенѣсъ ее на собственныхъ плечахъ. «Знаешь ли ты кого перевѣзъ?» спросила она; я—Чума. Мой обходъ по Бретани оканчивается; теперь я пойду въ церковь, и кого только коснется мой посохъ—

¹⁾ Приб. къ Ж. М. Н. П. 1846, 140; Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, полов. I, ст. Калачова, 45; Пов. и Пред., 83-85, 176; Ж. М. Н. П. 1836, VI, 464-5. — ²⁾ Номис., 73. — ³⁾ *Volklieder der Wenden*, II, 268. — ⁴⁾ Громаниъ, 6, 186. — ⁵⁾ Срп. рјечник, 311; Илличъ, 299—300.

тотъ немедленно долженъ умереть, но ты не бойся! тебѣ и твоей матери я не сдѣлаю никакого вреда». Слова эти оправдались надѣлѣ: всѣ обыватели померли, исключая двухъ — старой вдовы и ея сына ¹⁾). Примовнимъ, что духи болѣзней ѣздятъ на своей жертвѣ и что, по свидѣтельству сказки, Богъ осудилъ вѣкогда солдата носить на плечахъ голодную Смерть (стр. 51). Въ Литвѣ чуму и вообще всякую повальную болѣзнь называютъ Моровой дѣвою; показываясь въ деревнѣ, она обходитъ домъ, просовываетъ руку въ окно или дверь и махаетъ краснымъ платкомъ, навѣвая на хозяевъ и домочадцевъ смертельную заразу. При ея появленіи, жители запираются въ своихъ избахъ, не открываютъ ни оконъ, ни дверей, и только совершенный недостатокъ припасовъ и голодъ заставляютъ ихъ нарушать эту предосторожность. Въ старыя годы жила-была шляхтичъ; рѣшившись пожертвовать собою для общаго блага, онъ взялъ саблю и сѣлъ у нарочно-открытаго окна; какъ только Моровая дѣва протянула въ окно руку, шляхтичъ ударилъ саблею и отрубилъ ей кисть. Самъ онъ умеръ, померло и его семейство, но съ той поры язва уже не показывалась въ этой мѣстности. Подобное-же преданіе уцѣлѣло и въ памяти русскаго народа: храбрый казакъ отрубилъ руку вѣдьмы, которая дѣйствовала также губительно, какъ моровая язва; въ глухую полночь являлась она вся въ бѣломъ, отворяла окно избы, просовывала руку съ кропиломъ и начинала кропить въ разныя стороны, а къ утру вымирала вся семья. Въ ниже-нѣмецкой сагѣ Смерть заглядываетъ въ окно, и на кого упадутъ ея взоры — тотъ дѣлается добычею могилы ²⁾). Рассказываютъ еще, будто Моровая дѣва, одѣтая въ бѣлое платье, объѣзжаетъ города и села на высокой колесницѣ; останавливаясь передъ домомъ, она

¹⁾ D. Myth., 1136—7. — ²⁾ Ibid., 1141; Н. Р. Сл., VII, 36, а.

махаетъ платкомъ и спрашиваетъ: «что дѣлаете?» Если ей отвѣчаютъ: «Бога хвалимъ!» — то она не касается никого изъ живущихъ и ѣдетъ далѣе, произнося угрюмымъ голосомъ: «хвалите Его присно и во вѣки вѣковъ!» А если на вопросъ Моровой дѣвы скажутъ: «спимъ!» — то она изрекаетъ смертный приговоръ: «спите-же вѣчнымъ сномъ!»¹⁾ Въ этихъ суевѣрныхъ сказаніяхъ поселянъ Мицкевичъ угадалъ свѣжія, никогда-нестарѣющія поэтическія краски, и съ талантомъ истиннаго художника воспользовался ими въ слѣдующихъ стихахъ: *Mogowa dziewczica*

w bieliznie, z wiankiem ognistym na skroniach,
 czoljem przenosi białjowieskie drzewa,
 a w ręku chustką skrwawioną powiewa.
 Dziewica stąpa kroki zljowieszczemi
 na siołja, zamki i bogate miasta;
 a ile razy krwawą chustką skinie,
 tyle pałaców zmienia się w pustynie;
 gdzie nogą stąpi, świeży grób wyrasta

У Гримма указана литовская клятва: «kad tawę Giltine pas-
 shaugt!» — чтобъ тебя Чума удушила!²⁾ По своему стихійно-
 му характеру, богиня смерти и Чума родятся въ преданіяхъ
 литовцевъ съ облачной женою — лаумой, о которой увѣ-
 ряютъ, что она рождалась въ различныхъ одежѣ: если лаума на-
 дѣваетъ зеленое платье — это предвѣщаетъ хорошій урожай
 — роскошную зелень на лугахъ и нивахъ; если она показы-
 вается въ красномъ платьѣ — это предвѣщаетъ жестокою
 войну — убійства и пролитіе крови, а если въ черномъ — это
 знаменуетъ приближеніе голода и мора³⁾. Поляки увѣряютъ,
 что Моровая дѣва развѣзжаетъ въ дву-колесной повозкѣ⁴⁾;
 а лужичане рассказываютъ о невидимой колесницѣ, ко-
 торая съ грохотомъ носится по улицамъ въ двѣнадцать ча-

¹⁾ Семеньск., 126-7; Иллюстр. 1848, № 28. — ²⁾ D. Myth., 1137. — ³⁾ Москв. 1846, XI—XII, 249. — ⁴⁾ Пов. и пред., 177.

совъ ночи, и въ томъ домѣ, возлѣ котораго она остановится, непременно кто-нибудь да сдѣлается добычею смерти ¹⁾. Поѣздъ Чумы въ Подолію называютъ гомины ²⁾ — слово, означающее: громкій говоръ, неистовые звуки, шумъ, завываніе бури ³⁾. Потерявъ во время моровой язвы жену и дѣтей, русинъ покинулъ свою хату и пошелъ въ лѣсъ; къ вечеру онъ развелъ огонь, помолился Богу и заснулъ. Въ самую полночь его разбудилъ страшный шумъ: издали неслись нестройныя, дикіе клики, слышались дудки и звонъ бубенчиковъ. Голоса приближались, и вскорѣ видно было, что по дорогѣ тянется гомина. На высокой черной колесницѣ ѣхала Чума, сопровождаемая толпою чудовищъ, стаєю совъ и нетопырей. Свита ея съ каждымъ шагомъ болѣе и болѣе умножалась, потому что все, что ни попадалось на пути, даже камни и деревья превращались въ чудовищныя привидѣнія и приставали къ поѣзду. Когда гомина поровнялась съ разведеннымъ костромъ, Чума затанула адскую пѣсню. Подолянинъ хотѣлъ было съ испугу ударить въ ближайшее къ нему привидѣніе топоромъ, но и топоръ вырвался изъ его рукъ, превратился въ живое существо на козлыхъ ногахъ и понесся вслѣдъ за демонскимъ сборищемъ. Подолянинъ упалъ безъ чувствъ, и когда очнулся — на небѣ уже сіяло солнце; платье его было изорвано въ лохотья, а топоръ лежалъ переломленный ⁴⁾. Такимъ образомъ Чума, подобно древнимъ богинямъ, возсѣдаетъ на колесницѣ, и поѣздъ ея сопровождается бурей и привидѣніями, т. е. злыми духами и тѣнями усопшихъ — точно также, какъ, по германскому преданію, Одинъ — богъ, посылающій

¹⁾ Neues Lausitz. Magazin 1843, III—IV, 329—330. — ²⁾ Гомонъ = гомъ, гамъ. — ³⁾ Пѣсня: „Гоминъ, гоминъ по дубровѣ, Туманъ поле покрывае“. — ⁴⁾ Семеньск., 144-5; Эрбенъ, 126-7; Пов. и пред., 88—90, 178.

валькириі за душами убитыхъ героевъ, ичтиса во главѣ неистоваго воинства или дикой охоты, сопутствуемый демонами грозы и вихрей, мертвецами и костлявою Смертью. Это—поэтическое изображеніе опустошительной бури, вѣяніе которой несетъ губительную язву; все, что ни встрѣчается на пути, вихри ломаютъ и увлекаютъ въ своемъ стремительномъ полетѣ; адская пѣсня, звуки дудокъ и бубенчиковъ—метафоры воющихъ вѣтровъ; Смерть, какъ мы видѣли, сама представлялась музыкантомъ. По свидѣтельству нѣмецкихъ сказаній, Гелла ѣздитъ въ колесницѣ или на треногомъ конѣ (сравни выше, стр. 4), т. е. въ грозовой тучѣ, и шлетъ на божій міръ заразу; поражая людей, она схватываетъ души и навьючиваетъ ими своего коня. О смертоносномъ дѣйствіи моровой язвы выражаются: «die Hell ist verjagt», а когда захворавшій этою болѣзней выздоровѣетъ, о немъ говорятъ: «er hat sich mit der Hell abgefunden» (онъ раздѣлался съ Геллою). Богиня смерти слѣдовательно является въ качествѣ охотника, ловчаго христіанскихъ душъ; подобно Одну въ его бурныхъ полетахъ, она въ нѣкоторыхъ сагахъ выступаетъ на борьбу съ жизнью въ сопровожденіи большого воинства; за ней слѣдуютъ свита и слуги, несущіе ея знамя и оружіе. Финны надѣляютъ Чуму конемъ и колесницею ¹⁾; а наше лѣтописное свидѣтельство утверждаетъ, что тѣ незримые духи (навье), которые избивали полочанъ, ѣздили на коняхъ. Сербы знаютъ не одну, а нѣсколько моровыхъ женъ, рожденныхъ отъ демона и обитающихъ за моремъ: «Куга имају преко мора своју земљу, гдѣ само оне живе, па их Бог пошље амо (над људи зло раде и много грѣеше) и каже им—колико ће људи поморити.» Обыкновенно насчитываются три сестры—Куги. Во время чумы поселяне не рѣшаются оставлять до утра немытой посуды, ибо Куга приходитъ ночью въ ѣзбу, и если найдетъ

¹⁾ D. Myth., 290, 804—7, 1141.

вештыя блюда и ложки, то отравляетъ ихъ ¹⁾; въ этомъ повѣрьи она сближается съ богиней Гольдою, царицею не рожденныхъ и усопшихъ душъ, которая не терпитъ безпорядка въ домахъ и наказуетъ нерадивыхъ слугъ и хозяевъ. Объ отравѣ сосудовъ демонами было сказано выше (стр. 62, 71). Чтобы сойти на землю, Кугѣ приходится переплывать воздушное море. Отсюда возникли рассказы, что на пути своемъ она переправляется черезъ рѣку. Колесница Чумы замѣняется иногда ладьей, въ которой эта злобная дѣва, исполняя обязанность Харона или архангела Михаила, увозитъ души умершихъ. Когда въ царствованіе Юстиніана свирѣпствовала чума, то на морѣ видѣли мѣдную барку; въ ней сидѣли черные мужи безъ головъ, и куда направляли они свой путь, тамъ немедленно начиналась язва. По хорутанскому преданію, Куга переѣзжала на ладѣ черезъ рѣку Саву ²⁾. Въ замѣну платка, которымъ вѣетъ Моровая дѣва, германскія преданія говорятъ о вѣтннкѣ: этотъ платокъ—метафора бурнаго облака, а вѣтннкъ—необходимый атрибутъ вѣдьмы, свиволь вихря, нагоняющаго туманы и тучи. Въ Норвегій Pesta, тощая, блѣдная старуха, ходитъ по землѣ съ граблями ³⁾ и вѣтннкомъ; гдѣ она дѣйствуетъ первымъ орудіемъ—тамъ еще остаются нѣкоторые въ живыхъ, ибо грабли не все дочиста загребаютъ, а гдѣ мететъ вѣтннкомъ—тамъ рѣшительно все вымираетъ, часто она появляется въ красномъ платьѣ. Шведскія саги рассказываютъ о Моровой дѣвѣ (Pestjungfrau), что впередъ ея идетъ крошечный и прекрасный мальчикъ (=эльфъ) съ желѣзными граблями (rifva—geibeisen), а сама она выступаетъ съ вѣтннкомъ, и что остается въ живыхъ отъ ея передоваго спутника, то все подметаетъ безжалостной рукою ⁴⁾.

¹⁾ Срн. рјечникъ, 311; Ильячъ, 299. — ²⁾ D. Myth., 1136; сб. Вальвица, 243. — ³⁾ „Mit einer reibe (rive), einem gezahnen werkzeug, womit erde oder heu und getraide auseinander gezogen wird“. — ⁴⁾ D. Myth., 1139—1140.

Мифическія представленія, соединяемыя съ моровою язвою, распространяются и на холеру, и на скотскій падежъ. На Руси холеру представляютъ старухою, съ злобнымъ, искаженнымъ страданіями лицомъ ¹⁾; въ Малороссіи увѣряютъ, что она носитъ красныя сапоги, можетъ ходить по водѣ ²⁾, безпрестанно вздыхаетъ и по ночамъ бѣгаетъ по селу съ возгласомъ: «була беда, буде лихо!» Гдѣ она остановится переночевать, въ томъ домѣ не уцѣлѣетъ въ живыхъ ни единого чело­вѣка. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ думаютъ, что холера является изъ-за моря, и что ихъ три сестры ³⁾, одѣтыя въ бѣлыя саваны; однажды мужикъ, отправляясь на базаръ въ городъ, подвѣзъ съ собою двухъ сестеръ-холеръ; онѣ сидѣли на возу, держа на колѣняхъ узелки съ костями; одна изъ нихъ отправлялась морить людей въ Харьковъ, а другая—въ Курскъ ⁴⁾. Сходно съ этимъ, новогреческое сказаніе упоминаетъ о трехъ страшныхъ женахъ, которыя странствуютъ вмѣстѣ по городамъ и селамъ и караютъ жителей моровою язвою: одна носитъ длинный свитокъ, гдѣ записаны имена приговоренныхъ къ смерти; другая — ножицы, которыми наносятъ людямъ смертельные удары; а третья — вѣникъ, которымъ сметаешь съ лица земли все живое. Очевидно, что эти три моровыя жены, сербскія три куги и наши три сестры-холеры тождественны съ древними парками, эменидами и фуріями ⁵⁾. Болгары утверждаютъ, что Чума и повальная Оспа, являясь по ночамъ, читаютъ по книгѣ: кто долженъ умереть и кто выздоровѣть ⁶⁾. О чумѣ рогатаго скота русскіе поселяне рассказываютъ, что это безобразная старуха, у которой руки съ граблями; она

¹⁾ Во владимірской губ. ее называютъ собачьей смертью.—²⁾ Закавказ. край Гакстгаузева, II, 60.—³⁾ Или: братья и дѣвчата.—⁴⁾ Ворон. Г. В. 1850, 16; Владим. Г. В. 1844, 53; Рус. Рѣчь 1861, 41; Пов. и пред., 177.—⁵⁾ D. Myth., 1136.—⁶⁾ Ж. М. Н. П. 1846, XII, 212.

называется Коровья или Товаряча ¹⁾ Смерть, и сама рѣдко заходитъ въ сѣла, а болѣею частію ее завозятъ. Показывается она преимущественно осенью и ранней весною, когда скотина начинаетъ страдать отъ безкормицы и дурной погоды. Въ февралѣ-мѣсяцѣ, по мнѣнію крестьянъ, Коровья Смерть пробѣгаетъ по селамъ — чахлая и заморенная. Чтобы прогнать ее въ лѣса и болота, совершается торжественный обрядъ опахиванія, т. е. около селенія обводится круговая, со всѣхъ сторонъ замкнутая черта, черезъ которую Чума не въ силахъ переступить ²⁾. Обрядъ этотъ употребляется и противъ холеры. Я. Гриммъ сообщаетъ слѣдующій рассказъ: встрѣтила Чума крестьянина и попросила подвезти себя; узнавши дорогою свою спутницу, крестьянинъ сталъ молить о собственной пощадѣ, и Чума научила его обѣжать нагишомъ вокругъ своего дома и закопать у порога желѣзный крюкъ. Въмѣсто того, крестьянинъ обѣжалъ вокругъ всей деревни, а желѣзо закопалъ при самомъ ея въѣздѣ. Язва страшно свирѣпствовала въ окрестностяхъ, но не могла проникнуть въ деревню, огражденную невидимою чертою и желѣзнымъ запоромъ ³⁾. Коровья Смерть рѣдко прививаетъ на себя образъ черной собаки или коровы, и разгуливая между стадами, заражаетъ скотъ. У насъ ее называютъ Морною коровою, въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ — *Kuhtod* и *Viehschelm*; въ Ирландіи рассказываютъ о быкѣ-эльфѣ (*elfstier*), который осенью приходитъ на сжатые поля и смѣшивается съ деревенскими стадами ⁴⁾. У словенцовъ чума рогаго скота олицетворяется пестрымъ теленкомъ: своимъ мычаньемъ этотъ оборотень умерщвляетъ коровъ и овецъ ⁵⁾.

¹⁾ Товаръ—рогатый скотъ. — ²⁾ Сахаров., II, 10—11; Зап. Общ. рус. и слав. археолог., I, отд. 2, 46. — ³⁾ D. Myth., 1138—9. — ⁴⁾ Der Urspr. der Myth., 182; Beiträge zur D. Myth., II, 307; Труды Моск. археол. Общ., в. II, 181. — ⁵⁾ D. Myth., 1140; Терещ., VI, 42.

Въ томской губ. сибирская язва представляется въ видѣ высокаго, мохнатаго человѣка, съ копытами на ногахъ; онъ живетъ въ горахъ и выходитъ оттуда, слыша клятвы: «язви те!» «пятнай те!» ¹⁾

¹⁾ Этн. Сб., VI, 135. У болгаръ существуетъ повѣрье, что Чума или Оспа, желая удалиться изъ деревни, яляется кому нибудь во снѣ и требуетъ, чтобы онъ проводилъ ее въ такую-то сторону. Избранный въ проводники беретъ хлѣбъ, намазанный медомъ, нѣсколько соли и штофъ вина; утромъ, передъ восходомъ солнца, онъ идетъ на указанное мѣсто, какъ-бы сопутствуя незримой страннице, и тамъ оставляетъ хлѣбъ, соль и вино. Послѣ того болѣзнь прекращается — Ж. М. Н. П. 1846, XII, 212.

XXIII.

ОБЛАЧНЫЯ ЖЕНЫ И ДЪВЫ.

Прародительское племя ариевъ называло дождь небеснымъ молокомъ; вмѣстѣ съ этимъ дождевыя облака рисовались его фантазіи сосцами дойной коровы и грудями женщины-матери. Понятіе «воздоющей» равно соединялось и съ коровою, и съ мамкою, кормилицею; а молнія, которая сосетъ облачныя груди, вытягиваетъ изъ нихъ молоко-дождь, получила названіе смока—сосуна (см. I, 665; II, 560). И женскія груди, содержащія въ себѣ молоко, и облака, несущія дождь, обозначаются въ санскритѣ тождественными выраженіями: *stapajitni* (отъ *stap*—дышать, стенать, съ приставкою *jitni*) и *raudhara* (отъ *raua*—питье, питаніе и *dhg*—содержать; буквально: то, что содержитъ питательную влагу)—*паштае и пубес*¹⁾. Представленіе тучъ материнскими грудями засвидѣтельствовано поэтическими преданіями индусовъ²⁾; слѣды того-же древняго воззрѣнія встрѣчаемъ и у другихъ индоевропейскихъ народовъ. Трогательная сербская пѣсня про «зидане Сладра» рассказываетъ, что когда въ стѣны этого города была замурована молодая жена—она просила зодчаго:

¹⁾ У. З. 2-го отд. А. Н., VII, в. 2, ст. Лавровск., 4. — ²⁾ German. Mythen, 76.

Остави ми прозор на дојкама,
Истурн ми моје б'јеле дојке;
Баде дође мој нејаки Јово,
Баде дође, да подоји дојке. ¹⁾

Просьба ея была исполнена.

И тако је у град уградише,
Па доносе чедо у вол'јевци,
Те ги доји за нећел(ь)у дана;
По нећел(ь)и изгубила гласа,
Ал' њетету онђе иде рана,
Дојише га за годину дана.
Како таде, тако и остаде,
Да и данас онђе иде рана
Зарад' чуда и зарад' лијека,
Која жена не има млијека ²⁾.

Говорять (прибавляетъ Вукъ Караджичь), «да и сад из онијех прозора, гдје су сисе биле измољене, тече некака мокрина, која се низа зид хвата, као креч, и жене, које немају млијека, или их сисе боле, носе оно, те пију у води» ³⁾. Подобное-же италянское преданіе приведено у Я. Гримма: «est quoque non procul ab hoc oppido (Veronae) in valle quadam Policella dicta locus Negarina nomine, ubi saxum durissimum visitur, in quo mammae ad justam muliebrium formam sculptae sunt, ex quarum papillis perpetuae stillant aquae, qui-

¹⁾ Переводъ: Оставь мнѣ оконцы для грудей, выпусти мои б'льыя груди; когда принесутъ моего б'днаго Јована — пусть пососеть груди. — ²⁾ Итакъ заложили се въ стѣну; приносили къ ней ребенка въ колыбели — и кормила она его ц'блую нед'блю, а потомъ хотя потеряла голосъ, но все давала пищу своему дитяти и кормила его ц'блмй годъ. Какъ было тогда, такъ и осталось: и теперь идеть отъ нея питаніе — ради чуда и ради исц'вленія жеванъ, у которыхъ в'тъ молока. — ³⁾ И донныѣ изъ т'вхъ оконцевъ, откуда выказывались сосцы, течеть н'бная влага, которая ос'бдается внизу стѣны, какъ известь, и жены, нем'бюции молокомъ или съ большими грудями, носятъ ее (при себѣ) или пьютъ въ вода — Срп. и пјесме, II, 123—4.

bus si lactans mulier papillas aspersit et laverit, exsiccatuſ alioquo ut fit vel morbo vel alio casu, illi lacteus humor vocatur»¹⁾. Прототипомъ этихъ сказаній былъ мифъ о небесныхъ, облачныхъ грудяхъ, дарующихъ неизсякаемое млеко дождя; припомнимъ, что, на ряду съ означеннымъ представленіемъ, тучи уподоблялись еще твердымъ скаламъ и возвышеніемъ на небѣ городамъ и башнямъ. Въ разныхъ мѣстахъ, изъ каменныхъ стѣнъ и утесовъ течется, по народному повѣрью, живительная вода или цѣлебное масло.

Олицетворяя явленія природы въ живыхъ, человѣческихъ образахъ, предки наши пришли къ убѣжденію, что эти облачныя груди принадлежать тѣмъ небеснымъ нимфамъ, которыя льютъ на землю дождевые потоки, и въ самыхъ облакахъ лѣтвяго періода стали признавать прекрасныхъ полногрудыхъ женъ. Такой взглядъ раздѣлялся всѣми народами индоевропейскаго происхожденія. Индусы видѣли въ облакахъ и тучахъ не только толпы демоновъ, но и божественныхъ водяныхъ женъ, обитающихъ въ воздушномъ океанѣ — *āras*, которыя изъ своихъ материнскихъ сосцевъ поятъ и питаютъ землю дождемъ. Этихъ мифическихъ женъ они называли матерями, супругами, родильницами (*ambayas, mātagas, patnis, gnās, jāpayas*), и почитали ихъ возлюбленными подружками боговъ (*dēvaratnis*). Съ ними родственны апсарасы — небесныя дѣвы, населяющія воздушную область между землею и солнцемъ; ния это, по объясненію Маннгардта, означаетъ: «невмущія образа» или «шествующія по водамъ» (*die gestaltlosen, die im wasser gehenden*). Облака и туманы

¹⁾ Недалеко отъ Вероны есть мѣсто, гдѣ видна твердая скала, въ которой выдѣлавы груди на подобіе женскихъ; изъ нихъ постоянно каплетъ вода, и если мать-коринница омоетъ этою водою свои сосцы, то ей снова возвращается молоко, утраченное вслѣдствіе болѣзни или по другой причинѣ—D. Myth., 1129.

отличаются необыкновенно-легкою подвижностью, безпрестаннымъ измѣненіемъ своихъ формъ, что и дало поводъ фантазіи представлять ихъ въ разнообразныхъ олицетвореніяхъ и породило многочисленныя басни о ихъ превращеніяхъ. По своей облачной, туманной природѣ, апсарасы любятъ превращаться, и нерѣдко являются коровами, несущими въ своихъ сосцахъ обильное молоко; въ этомъ видѣ ихъ постигаютъ и доятъ грозовые гевіи — гандарвы. Водяныя жены (āras) и апсарасы считались хранительницами амриты — безсмертнаго напитка, заключеннаго въ тучахъ ¹⁾. Греческія нимфы (νύμφη = nymphe), по первоначальному ихъ значенію, суть облачныя дѣвы; онѣ живутъ въ пещерахъ (= вѣдрахъ тучъ), прядутъ, готовятъ ткани, купаются и поютъ пѣсни — все черты, указывающія на ихъ связь съ грозовыми явленіями ²⁾. Въ мифѣ дикой охоты германцы изображали картину лѣтней грозы; цѣлью этой охоты была прекрасная windsbraut или waldfrau, за которою гнался бурный, молніеносный богъ и которая, подобно нашимъ лѣсункамъ, представлялась съ большими, отвѣсными грудями (см. II, 343). Въ Баваріи темное, дождевое облако называютъ: «a nel (= grossmutter) mit der laugen», т. е. бабка съ щолокомъ (= кипучимъ дождемъ); у чеховъ эти облака извѣстны подъ именемъ bāby bābky: «bāby vystupují, bude pršet» (дождь); «bāby vstavají, bude bouřka»; объ осеннихъ туманахъ, когда они поднимаются вверхъ, выражаются: «bāby vstavají». Въ лѣтнее время бабы или Мраченка (отъ шгаѣно — черная туча) выходятъ изъ колодцевъ и возносятся къ облакамъ, неся съ собой воду, которою потомъ орошаютъ землю, и тѣмъ самымъ даруютъ урожай ³⁾. Отсюда объясняется старинная рус-

¹⁾ Die Götterwelt, 53—55. — ²⁾ Sonne, Mond u. Sterne, 242. —

³⁾ D. Myth., 607; Гавушь о Дядѣ и Бабѣ, 4; Громаны, 32, 230; Ч. О. И. и Д. 1865, III, 148.

ская поговорка: «шла баба изъ-за моря, несла кузовъ здоровья», т. е. облачная жена несетъ изъ воздушнаго океана живую, пѣлющую воду — дождь; по народному повѣрью, эта спасительная вода скрывается на зиму въ крѣпкихъ затворахъ, и только въ мартѣ-мѣсяцѣ, прилетая изъ-за моря, лег-вокрылыя птицы, какъ воплощеніе вѣтровъ, привосятъ ее изъ неволн. Когда моютъ ребенка въ банѣ, то при этомъ причтываютъ: «шла баба изъ-за моря, несла кузовъ здоровья: тому-сему кусочекъ, тебѣ весь кузовочекъ!» а затѣмъ, окачивая водою, приговариваютъ: «съ гуся вода, съ тебя худоба; вода-бъ къ низу, а ты бы къ верху!» (подымался, росъ. ¹⁾) Когда въ мартѣ-мѣсяцѣ неожиданно завернуть холодъ и вьюги в оцѣпенять дождевыя тучи, тогда, по выраженію сербовъ, явступаютъ бабины укувы, т. е. облачныя жены снова падаютъ въ зимніа оковы. Но, кромѣ дождя, тѣже мионическія жены шлютъ на землю градъ и снѣгъ. По чешскому повѣрью, градъ падаетъ изъ тѣхъ тучъ, на которыхъ восздаютъ вѣдьмы; въ Вестфалии о паденіи снѣга говорятъ: «die alten weiber schütten den pelz (шкура — облачный покровъ) aus» ²⁾; у насъ въ началѣ зимы, какъ только покроетъ землю первый снѣгъ, крестьянскія дѣти дѣлаютъ изъ него бабу, т. е. катаютъ снѣжный шаръ.

Обитая въ дождевыхъ тучахъ — небесныхъ источникахъ и моряхъ, облачныя нимфы получили прозваніе водяныхъ или морскихъ женъ и дѣвъ. Впослѣдствіи, когда утратилось ясное пониманіе старинныхъ метафоръ и когда поэтическія сказанія о небесныхъ потокахъ были низпедены на землю, эти жены и дѣвы покинули воздушныя области и овладѣли земными водами, хотя и удержали при этомъ многія любо-

¹⁾ Архавъ ист.-юрид. свѣд., II, полов. 2, 155; Иллюстр. 1846, 333. — ²⁾ Громанъ, 32; Die Götterwelt, 88,

нытныя черты своего первоначальнаго происхожденія (см. т. II, стр. 203). Такъ явились въ Греціи наяды, перенды, въ Германіи ниссы, у насъ и чеховъ русалки Русалка означаетъ водяную дѣву; во многихъ славянскихъ земляхъ (въ Россіи, Польшѣ, Богеміи, Сербіи, Болгаріи) встрѣчаемъ родственныя съ этимъ именемъ названія источниковъ, рѣкъ и прибрежныхъ странъ: Руса, Россъ, Русилвка, Ruseca, Ras, Rasa, Basenica, Rasina, Rasinica и др., что заставляетъ предполагать въ нихъ древнѣйшій корень, служившій для обозначенія воды вообще. Въ санскритѣ gasa — жидкость, влага, вода, кельт. gus, gos — озеро, прудъ, лат. gos — роса (оросать, росинець — дождь); у древнихъ литовцевъ gasos szwente — праздникъ росы въ іюнѣ-мѣсцѣ, соответствующій «русалиямъ»; нѣм. gies-eln — струиться, журчать, наше русло — середина рѣчнаго ложа ¹⁾. По разсказамъ посланцъ, рѣки (Днѣпръ, Десна, Сеймъ, Сула и др.), кривницы, озера и моря населены русалками. Древность этого вѣрованія засвидѣтельствована Прокопіемъ, который въ своей хроникѣ замѣчаетъ о славянахъ, что они обожали рѣчныхъ нимфъ. Смотри по тому, гдѣ живутъ водяныя жены и дѣвы, ихъ называютъ водьянами (водьянами, воденицами) и морьянами (у словаковъ: водене и morské rapanu); первыя обтаютъ въ рѣкахъ, озе-

¹⁾ Časopis českého Museum. šestý ročník hěh, вып. III (1833 г.), ст. Шафарика „o rusalkách“, 264; Рус. прост. правд. IV, 6; Изв. Ак. Н., I, ст. Милуцкаго, 115. Выше было замѣчено, что понятіе быстрого рванья, равно соединявшееся съ стихіями свѣта и воды, выразилось въ опредѣленія ихъ словами, производными отъ однихъ и тѣхъ-же корней (см. II, стр. 286—9). На этомъ основаніи допускаютъ сродство имени русалка съ прилагательнымъ русый (свѣтлый, рыжій), въ Ведахъ русат — rutilans; хотя санскр. русъ употребляется въ смыслѣ: ferire, laedere, occidere, но съ перемѣною нѣбнаго с въ ч (руч) означаетъ: lucere, splendere; въ русскоиъ же языкѣ ручей — весенній или малый, незначительный потокъ — О вл. христ. на сл аз., 16.

рахъ и колодцахъ, а послѣднія въ морѣ ¹⁾). Онѣ любятъ селиться обществами и по преимуществу въ пустынныхъ мѣстахъ — въ омутахъ, котловинахъ и подъ рѣчными порогами, устраивая тамъ гнѣзда изъ соломы и перьевъ, собираемыхъ по деревнямъ во время Зеленой недѣли. По другимъ повѣрьямъ, у нихъ есть подводные хрустальные чертоги, блестящіе внутри (подобно волшебнымъ дворцамъ драконовъ) серебромъ, золотомъ, алмазами, яхонтами, жемчугомъ, разноцвѣтными раковинами и кораллами; дневное солнце сіяетъ и свѣтлыя волны съ шумомъ катятся черезъ прозрачныя кровли и стѣны этихъ роскошныхъ чертоговъ. У чеховъ *vodna rapna*, высокая, красивая, но блѣднолицая, имѣетъ жилище подъ водою, сдѣланное изъ чистаго серебра и золота и украшенное розами и перлами. Такой-же богатый дворецъ, по литовскому преданію, былъ у царицы Балтійскаго моря Юраты. Выходя на поверхность воды, русалки плаваютъ, плещутся, играютъ съ бѣгучими волнами, или садятся на мельничное колесо (=гроновый жорновъ, см. I, 291), вертятся вмѣстѣ съ нимъ, любуются брызгами, а потомъ бросаются въ глубь и съ возгласомъ: куку! ныряютъ подъ мельницей. Эти черты принадлежатъ русалкамъ наравнѣ съ водянымъ дѣдомъ, подъ властію котораго онѣ и состоятъ по народному убѣжденію. Какъ водяной, такъ и русалки извѣстны своими проказами: сидя въ омутахъ, онѣ путаютъ у рыбаковъ сѣти, цѣпляютъ ихъ за рѣчную траву, ломаютъ плотины и мосты и заливаютъ окрестныя поля, перенимаютъ заночевавшее на водѣ стадо гусей и завертываютъ имъ крылья одно за другое, такъ что птица не въ силахъ ихъ расправить ²⁾); о морскихъ русалкахъ въ астраханской губ.

¹⁾ Стат. Шаарина, 272. — ²⁾ Иллюстр. 1845, 299; Полтав. Г. В. 1846, 21; Маркевич., 81—82; Абев., 283; Описан. одонец. губ. Дашкова, 218; Украин. мелодіи, 146; Ворон. Г. В. 1850, 16; Приб. къ Ж. М. Н. П. 1846, 18—19; Терещ., VI 133; Arkiv za ro-
vĕstnicu jugoslovensku, I, 101—4.

разсказываютъ, что, появляясь изъ водъ, онѣ воздымають бурю и качають корабли ¹⁾. Что колодцы, рѣки и моря, населенныя русалками, составляютъ не болѣе, какъ смутное воспомина- ние о небесныхъ дождевыхъ источникахъ, это подтверждается и тѣмъ, что, наряду съ водами, фантазія населяетъ ими горы и лѣса (старинныя метафоры тучъ), и такимъ образомъ род- нить ихъ не только съ водяными, но и съ горными и лѣс- ными, т. е. грозowymi духами. Преданіе о горахъ, какъ оби- талищахъ русалокъ, почти позабыто на широкихъ равнинахъ Руси, потому что отсутствіе горныхъ возвышеній лишило это древне-инопечское представленіе необходимой для него обста- новки и не позволило ему развиться въ цѣлый рядъ поэтиче- скихъ сказаній, какія встрѣчаемъ у другихъ славянъ. Тѣмъ не менѣе въ «Абевегѣ русскихъ суевѣрій» записано, что русалки живутъ не только въ рѣкахъ, но и въ горахъ, и любятъ бѣ- гать по ихъ скатамъ. Въ Галиціи разсказываютъ, что онѣ пля- шутъ и веселятся на горахъ, а тождественныя съ ними мавки обитають на горныхъ вершинахъ ²⁾; чехи называ- ютъ высокія скалы — *bábi-hoгу, babie goгу* ³⁾. Эти бабы, русальи горы слились въ народномъ воображеніи съ возвы- шенными, нагорными берегами рѣкъ. Пансьевскій сборникъ и рукописи новгородскаго Софійскаго собора упоминають о тре- бахъ, поставляемыхъ рѣкамъ, источникамъ и береги- нямъ ⁴⁾; г. Срезневскій указалъ подобное-же мѣсто въ одномъ старинномъ поученіи духовнымъ дѣтямъ: «и Мокшии и пере- гини (берегини) и всякимъ богомъ мераськимъ требамъ не приближайся». «По лужицки (замѣчаетъ этотъ ученый) слово берегиня выговаривалось бы *brëginja* или *brëgina*, а при

¹⁾ Совр. 1852, I, 123. — ²⁾ Маякѣ, XI, 52; Семеньск., 123—4. —

³⁾ Ганушъ о Бабѣ и Дѣдѣ, 4. — ⁴⁾ Лѣт. рус. лит., т. IV, отд. 3, 97, 108.

замѣненіи звука б въ в—wregina. Слово wregina, во множеств. wreginy известно въ лужицкомъ языкѣ, какъ названіе злаго духа, альпа: wón ša wreginy значить тоже, что по нѣмецки: er hat die elfen». Древнѣйшее значеніе слова брегъ (берегъ) есть гора (сравни нѣм. berg и кельт. brig—mons); а потому названіе берегиня могло употребляться въ смыслѣ ореады, горыни (также, какъ у нѣмцевъ alp, alpe, alpin—горы, alpinna, elpinna—горный духъ), и вмѣстѣ съ тѣмъ служить для обозначенія водяныхъ дѣвъ, блуждающихъ по берегамъ рѣкъ и потоковъ¹⁾. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ рассказываютъ о лѣсныхъ русалкахъ, и вообще весною, выходя изъ глубокихъ водъ, онѣ разбѣгаются по сосѣднимъ лѣсамъ и рощамъ и совершенно смѣшиваются съ лѣсунками (первоначально тождественными облачнымъ женамъ, см. гл. XVII): также любятъ качаться по вечерамъ на гибкихъ вѣтвяхъ деревьевъ, также нестово хохочутъ, также зашекочиваютъ на смерть и увлекаютъ въ омуты неосторожныхъ путниковъ, завидя которыхъ—манятъ къ себѣ ласковымъ голосомъ: «хадзице къ намъ на оредн²⁾, колыхацься!» Чаще всего это случается на Троицкую недѣлю, и малоруссы боятся тогда запаздывать въ лѣсу и откликаться на чужое ауканье; въ харьковской губ. русалку называютъ лоскоталкою. Вѣроятно, въ связи съ качаньемъ лѣсныхъ и русалокъ на древесныхъ вѣтвяхъ возникъ старинный обычай ставить при началѣ весны (на Свѣтлой и Троицкой недѣляхъ) качели, какъ необходимую принадлежность тогдашнихъ игръ, —обычай, строго осуждаемый моралистами допетровской эпохи (см. II, 718). До сихъ поръ крестьяне свиваютъ на Троицу вѣтви двухъ смежныхъ березъ, чтобы, цѣпляясь за нихъ, могли качаться русалки. Подобно лѣшницъ,

¹⁾ Москв. 1851, V, 63; Volkslieder der Wenden. II, 269: здѣсь wreginy сближаются съ словомъ врагъ, пол. wróg. — ²⁾ Качели.

русалки носятся по рощамъ и бьютъ въ ладоши, или свернувшись клубкомъ, съ громкимъ хохотомъ катаются по травѣ и дорогамъ, и хохотъ ихъ далеко раздается въ глубинѣ лѣсной чащи; волосы у нихъ обыкновенно зеленые, или увѣчанные зелеными вѣнками; чешская vodna раппа носить легкую зеленую одежду и бѣлое покрывало, усыпанное перлами ¹⁾. На Днѣпрѣ есть старой густой лѣсъ, называемый гаиъ русалокъ ²⁾.

Какъ владѣтельницы источниковъ живой воды, все вызывающей къ бытію, всему дарующей красоту, молодость и силы, русалки вѣчно-юны и также прелестны собою, какъ эльфы, съ которыми у нихъ много общаго, близкаго, родственнаго; ибо въ сказаніяхъ о тѣхъ и другихъ лежатъ однѣ индическія основы. Лицо русалки исполнено несказанной, плѣнительной красоты, всегда-распушенные русыя, черныя или зеленыя косы низпадаютъ по спинѣ и плечамъ ниже колѣнъ, станъ—стройный, глаза—голубые или черные, съ длинными пушистыми рѣсницами; но вмѣстѣ съ этимъ, какъ въ существѣ стихійномъ, во всемъ ея тѣлѣ замѣчается что-то воздушно-прозрачное, безкровное, блѣдное. Сходно съ эльфами, русалки болѣею частію представляются семилѣтними дѣвочками; есть между ними и взрослые дѣвы, съ полными, хорошо-развитыми и бѣлоснѣжными грудями, но это—несчастныя утопленницы, осужденныя по смерти быть русалками. Съ человѣческими формами русалокъ соединяются и тѣ особенныя признаки, какіе присвоены воднымъ нимфамъ у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ; такъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ разсказываютъ о ихъ гусиныхъ ногахъ, или вмѣсто ногъ

¹⁾ Вѣст. Евр. 1818, XXII, 115—6; Полтав. Г. В. 1846. 21; Кіев. Г. В. 1845, 15; Украин. Журналь 1824, XI, 250; Терещ., VI, 134; Маякъ, XIII, 49; Олонец. оловец. губ., 218; Украин. мелодіи, 144—5; Москов. Вѣстк. 1827, VI, 358.— ²⁾ Шафарикъ, 266.

даютъ имъ раздвоенный рыбій хвостъ, напоминающій греческихъ сиренъ ¹⁾). Какъ тѣ очаровывали пѣніемъ пловцовъ и увлекали ихъ въ глубину водъ, такъ, по русскимъ повѣртіямъ, всякой, кто увидитъ русалку и услышитъ манящіе звуки ея голоса, поддается неодолимому обаянію ея красоты, выдается въ волны и тонетъ — при злобномъ хохотѣ водяныхъ дѣвъ. Съ русалками могутъ купаться однѣ вѣдьмы; а крещеные люди, рѣшаясь наэто, гибнутъ въ онутахъ. Германцы думали, что всѣ гибнущіе въ морѣ увлекаются на дно девятью дочерьми Раны и живутъ въ подводныхъ палатахъ этой морской богини. Мы знаемъ, что массы сгущенныхъ облаковъ сравнивались съ разбросанными по воздуху, всклокоченными и спутанными волосами, которые во время грозы расчесывалъ богъ вѣтровъ и молній: Эта поэтическая мысль нераздѣльна со всѣми олицетвореніями облачныхъ и грозовыхъ явленій природы: длинные, косматые волосы даются и домовымъ гениямъ, лѣсовымъ и водянымъ духамъ, вѣдьмамъ и трясавицамъ. Съ распущенныхъ волосъ русалки непрерывно сочится вода, т. е. во первоначальномъ значенію—съ густыхъ прядей ея облачной косы льются дождевые потоки. Поселянамъ случалось видѣть, какъ русалки, сидя у колодца, на уединенномъ берегу рѣки, озера, или на жельничномъ колесѣ, расчесывали гребнемъ, сдѣланнымъ изъ рыбьей кости, свои русые или зеленые косы, съ которыхъ цѣлымъ потокомъ струилась неиссякаемая вода. Въ новгородъ-сѣверскомъ уѣздѣ есть двѣ криницы Заручейская и Сухомлинская, пользующіяся въ народѣ особеннымъ уваженіемъ. На срубкахъ этихъ колодцевъ каждый годъ на Зеленой недѣлѣ, при утреннемъ разсвѣтѣ, сидятъ прекрасныя дѣвы, съ распущенными русыми косами, и расче-

¹⁾ Польская сказка (Глинск., IV, 39) изображаетъ русалку дѣвою съ рыбьимъ хвостомъ.

сываютъ ихъ гребнемъ. Дѣвы эти называются криницами и русалками. Въ томъ-же уѣздѣ сохраняется преданіе о ручьѣ «Буковище». Въ его водахъ потонула когда-то дѣвочка, у которой мать была вѣдьма; опечаленная мать стала клясть ручей и бросила въ него горячую сковороду. Проклятiе было такъ сильно, что нимфа этихъ водъ удалилась съ прежняго мѣста на новое: красною дѣвицею, въ плахтѣ, монистахъ и съ растрепанной косою, пошла она изъ Юрнавки въ Бялицу и такъ горько плакала, «ажъ дуброва стонала». Окрестные жители видѣли, какъ она съѣла у Бялицы на криницѣ, расчесала свою косу, бросилась въ воду и исчезла. Если при русалкѣ есть гребень, то она можетъ затопить любое мѣсто, расчесывая свои волнистые локоны; но за то если волосы ея обсохнутъ—она немедленно умираетъ, т. е. съ окончаніемъ грозы и дождевыхъ ливней, съ появленіемъ яснаго, все-изсушающаго солнца облачныя дѣвы исчезаютъ съ просвѣтленнаго неба. Вотъ почему русалки боятся отходить далеко отъ береговъ рѣки или озера, не захвативъ съ собою гребенки ¹⁾. Точно также любятъ расчесывать свои длинныя косы германскія эльфины и нисы ²⁾.

Волоса, шерсть, пряди льну и конопли обозначались въ языкѣ тождественными выраженіями (1, 221—2, 681). Поэтому, одновременно съ уподобленіемъ облаковъ и тучъ спутаннымъ волосамъ, возникло представленіе ихъ мохнатою волною овецъ (руномъ) и куделями, изъ которыхъ прядутся нити; сверхъ того, облака, какъ небесныя покровы—

¹⁾ Иллюстр. 1845, 299; О. З. 1828, ч. XXXIV, № 96, 108—9; Черниг. Г. В. 1854, 15; Русск. Преданія, I, 10—11; Записки Авдеевой, 147; Терещ., VI, 124, 132—3; Пассекъ, III, 190; Рус. прост. правдн., IV, 12; Моск. Наблюдат. 1837, май, кн. II, 246; Маркевичъ, 81—82; Часописъ чешск. музея 1834, II, 186. —
²⁾ D. Myth., 459; Beitrage zur D. Myth., 282—3.

одежда, признавались тканями, приготовленными из легкой пряжи поднимающихся съ земли паровъ и тумановъ (1, 542 — 6). Отсюда становится вполне-понятною связь облачныхъ жентъ и дѣвъ съ работами пряденья, тканья, и съ воздѣлываніемъ льна. По болгарскому повѣрью, пряхъ и ткать научилъ людей самъ Господь. На Урайнѣ пряха считается за даръ божій, врученный первой жентъ Евѣ. Въ великорусскихъ губерніяхъ увѣряютъ, что на краю свѣта — тамъ, гдѣ небо сходится съ землею, бабы затыкаютъ свои пряхи и вальки за облака. Печки повсюду богиня весеннихъ грозъ, напоющая землю росой и дождями, признана была за производительницу обработки льна. У грековъ Аонна ткала легкія одежды ¹⁾, а золотое веретено составляло одинъ изъ атрибутовъ Артемиды; окруженная толпою горныхъ и рѣчныхъ нимфъ, эта послѣдняя то охотилась по горамъ и дѣсанъ и бросала мѣткія стрѣлы, то куналась въ источникахъ и участвовала къ танцахъ подъ стѣною дубравъ и на цвѣтущихъ лугахъ ²⁾. По германскимъ преданіямъ, богиня Фрея, известная какъ дикая охотница, занимается въ уединенныхъ мѣстахъ пряжею; на Рождественскія Святки (in dem Zwölften) она ходитъ изъ дому въ домъ, въ бѣлой раздѣвающейся одеждѣ, и смотритъ: все ли лѣвъ вывряли дѣвицы? и если находятъ на гребнѣ кудель, то выказываетъ дѣвную работницу, пачкая ея прядево; тоже преданіе прилагается и къ богинѣ Гольдѣ, которой приписываютъ изпослание дожда и снѣга; а въ Гарцѣ рассказываютъ, какъ она шла къ горному источнику, неся въ рукѣ золотое ведро безъ дна, что напоившасть бездонныя бочки. Давидъ и дождевыя урны облачныхъ нимфъ. Гольда носитъ длинное бѣлое платье и бѣлое покрывало; волосы у ней густые, всклокоченные и золотистые. Въ сообществѣ

¹⁾ Илиада, XIV, 178. — ²⁾ Griech. Myth. Преллера, I, 231.

двухъ дѣвъ, въ бѣлоснѣжныхъ уборахъ и съ аелотистыми локонами, она кунается въ тихихъ прудахъ и поетъ прекрасныя пѣсни. Гольда проживаетъ въ горахъ и колодцахъ (= въ тучахъ). Свдв въ своемъ гротѣ или въ лѣсной чащѣ, она вертитъ золотое колесо прялки и прядетъ подъ звуки мелодическихъ пѣсней; если случится кому-нибудь получить отъ нея клубокъ—изъ этого клубка тянется безконечная нитка, сколько бы его не разматывали. По низиню тиролецвъ, обработка льва введена Гольдою: Въ то время, когда цвѣтеть лѣнъ, она обходитъ засѣянные этимъ злакомъ поля, смотритъ на нихъ радостно, поправляетъ погнувшіеся стебли и благословляетъ цвѣтъ в зеленъ. По скатамъ горъ можно видѣть разостланные бѣлые холсты, ва которыхъ она просушиваетъ связки льну. У лѣннвыхъ пряхъ она спутываетъ, мачкаетъ или воджнгаетъ кудели; а прилежнымъ даритъ веретена и сама прядетъ вмѣсто нихъ по ночамъ, такъ что по утру находятъ готовые шпульки нитокъ. На Рождество (Weihnachten) frau Holda страдаетъ по землѣ, а потому женщины и дѣвнцы навязываютъ тогда на свои прялки новыя кудели и оставляютъ на ночь неубранными; увиди лѣнъ на прялкахъ, Гольда радуется и говоритъ: «so manches haag, so manches gute jahr!» Передъ великимъ постомъ, когда она снова заглядываетъ въ домъ, весь прошлагодній лѣнъ долженъ быть вынряденъ. Въ противномъ случаѣ, находя на прялкахъ неоконченныя кудели, она гнѣвается и восклицаетъ: «so manches haag, so manches böse jahr!» Чтобы избѣгнуть этого прелятія, хозяйки передъ самымъ заговѣньемъ снимаютъ съ гребней пучки невынряденнаго льва и тщательно прячутъ ихъ въ сокровенныя мѣста. Имя Holda указываетъ на дружественную, богатую, кроткую богиню; другое прованіе, даваемое ей, Berchta (Bertha) = Perchta означаетъ: блестящая, свѣтлая. Въ послѣдній день года Берта, являясь въ до-

на, рветь недооконченную пряжу; передъ Крещеніемъ она приноситъ пустыя шпульки, приказываетъ напрясть ихъ къ назначенному сроку, и въ случаѣ неисполненія этого приказа марадетъ и путаетъ кудель. Итальянцы и французы давность золотого вѣка обозначаютъ выраженіемъ, что это было въ то время, когда прядла Берта («du temps, que Berthe filait; non è più il tempo, che Berta filava»). Берта носитъ бѣлую одежду; у ней длинныя льняныя волосы и большая нога, которую она управляетъ колесомъ прядки (Berthe au grand pied¹⁾). Подобныя же повѣрья соединяются у славянъ съ ивещескою Пятницею и св. Недѣлкою. Пятница изображалась простовласою, т. е. съ распущенною косою; таинственный обходъ ея праздновали, по словамъ духовнаго регламента, символическимъ обрядомъ: водили простовласую жонку подъ вѣнокъ Пятницы. Параскева-Пятница въ народѣ слыветъ льняницею; съ 28-го октября, когда чествуется ея память, бабы начинаютъ мять лёнъ²⁾. Въ Малороссіи сохраняются рассказы, что Пятница ходитъ по селамъ вся исколотая иглами и изверченная веретенами (I, 233), а св. Недѣла увѣряетъ пряхъ, что онѣ прядутъ не лёнъ, а ея волосы, и указываетъ при этомъ на свою изорванную кѣсу³⁾. Какъ въ Германіи, такъ и въ Россіи поселанки считаютъ за грѣхъ прядь и ткать отъ Рождества до Крещенія⁴⁾; въ это-же время крестьяне не плетутъ лаптей, не вьютъ веревокъ и не сверлятъ дерева; у кашубовъ въ теченіи девяти дней, начиная отъ Рождества Хрystова, женщины не дотрогиваются до иглы и прядки⁵⁾. Въ основѣ этихъ повѣрій лежатъ древнія поствѣскія представленія; какъ слова

¹⁾ Die Götterwelt, 271—2, 276, 284—8, 292—4; D. Myth., 244—8, 250—2, 258; Deut. Sagen, I, 7—8. — ²⁾ Терещ., VI, 55. — ³⁾ Ч. О. И. и Д. 1865, III, 222. — ⁴⁾ Вѣст. Р. Г. О. 1852, V, 35; Нар. сл. раз., 165. — ⁵⁾ Этн. Сб., V, 75.

прясть (=вить, плести) и ткать употреблялись въ смыслѣ: собирать облака, потемнять небо туманами, такъ выраженіи снутывать пряжу, пачкать и поджигать ее означали: крутить вихрями облака, сгущать ихъ въ черныя тучи и предавать грозовому пламени; возженіе этого послѣдняго сравнивалось съ добываніемъ живаго огня (для чего обыкновенно сверлили дерево), а удары молній — съ уколомъ иглы и веретена. Сверхъ того, гроза, разносящая тучи, рисовалась воображенію нашихъ предковъ скромнымъ, домашнимъ занятіемъ богини-громовницы и подвластныхъ ей духовъ, которые, съ помощію молніеносныхъ стрѣлъ, разматываютъ облачную пряжу. Народная загадка называетъ громъ и мотовиломъ, т. е. снарядомъ для разматки пряжи въ клубки: «мотовило-катовило по поднебесью ходило, всѣхъ устроило» ¹⁾. На эту близость представленій грозы и пряжи указываютъ и слѣдующія повѣрья: въ нѣмецкихъ земляхъ думаютъ, что не слѣдуетъ прясть вечеромъ на четвергъ (donderdagstag); иначе явится нечистый духъ, броситъ въ комнату пустую ватушку и велитъ обмотать ее нитками ²⁾. Кто во время Рождества увидитъ веретѣна, тому (по мнѣнію русскихъ крестьянъ) грозитъ лѣтомъ частая встрѣча съ змѣями, подъ которыми первоначально разумѣлись, конечно, не простые гады, а летучіе, огненные змѣи. Наряду съ «громовою стрѣлкою», веретену присвоится цѣлебная сила: отъ колотья прикалываютъ больному бока прядильными веретѣнами (тимскаго узда). Въ облачныхъ и туманныхъ покровахъ нѣмецко-славянскія племена усматривали работу грозовыхъ карликовъ. Тонкія сѣти, раскидываемыя паукомъ, народная фантазія, на основаніи очевиднаго сходства, уподобляла пряжѣ и тканьямъ, а въ этой искусной пряжѣ и въ этихъ прозрачныхъ тканяхъ находила близкое

¹⁾ Сахаров., I, 101. — ²⁾ D. Myth, 945.

подобіе руководѣлью крохотныхъ эльфовъ и цверговъ. Названія, присвоенныя пауку, указываютъ въ немъ прядильщика и ткача. Отъ снпр. *va g* — покрывать, посредствомъ обыкновенной вокализации *v* въ *u* образовались существительныя: *uga* — волна, шерсть, *Ugn* — руно, *Ugnabanna* — ткачъ шерсти, паукъ¹⁾; слово *паукъ* (павукъ, чешск. *pa u a a k*, пол. *pa i a k*) возникло изъ первоначальной формы *u r a v a n i k a* — аганеа (отъ *v a n i*, *v e n i* — ткань, съ приставкою *u r a*) и буквально означаетъ: настѣкомое, приготовляющее ткани²⁾; нѣм. *spinne* — прясть, *spinnrad* — прялка, *spindel* — веретено и *spinn e* — пауѣ, *spinnenge webe* — паутина; серб. *свил а* означаетъ и шелкъ, и летающую по воздуху паутину. На Русѣ рассказываютъ о работѣ паука: «проявился магиръ (паукъ; сравни: мага — пасмурная, мокрая погода и плакса, изгнуть — говоря о погодѣ: портиться, измѣняться въ дождливую, и изгаты — квалиться, плакать³⁾, сталъ ножками трести да жерѣшки (шрежи, сѣти) плести»⁴⁾. По греческому сказанію, Аонна превратила въ паука славную ткачиху Арахну, которая вздумала было состязаться съ этою богинею въ искусствѣ изготовленія тканей⁵⁾. Летающую въ исходѣ лѣта и осенью паутину принимаютъ въ Германіи за нити, выпряденныя эльфами; въ эту пору многочисленныя толпы эльбинъ, возвращаясь въ небесныя обители, несутся по воздуху подѣ предводительствомъ Гольды, и въ полетѣ своемъ прядутъ *weissen herbstfäden*⁶⁾. Швед. *dverg* означаетъ и карлика, и паука; *dvergsnät* (*zwergsnetz*) — паутина. Скандинавская сага упоминаетъ о чудесномъ плащѣ, сотканномъ эльбинами; на вершинахъ горъ, обитаемыхъ эльфами, прядутъ

¹⁾ У. З. 2-го отд. А. Н., VII, в. 3, 25. — ²⁾ Пинге, I, 521.

³⁾ Доп. обл. сл., 113. — ⁴⁾ Н. Р. Сл., I—II, 188. — ⁵⁾ Griech. Myth., 175. — ⁶⁾ Beitrage zur D. Myth., II, 250.

по ночамъ незримые духи и далеко слышится, какъ жужжать колёса ихъ самопрялокъ. Такъ какъ въ хрстіанскую эпоху на Пречистую Дѣву были перенесены древѣйшія преданія о богинѣ-громовницѣ, то вмѣстѣ съ этимъ Богородица стала изображаться прядущею и готовящею ткани, а осенняя паутинна получила названія *Marienfaden*, *Mariengarn*, средневѣк. *filamenta* или *fila divinae Virginis, chevaux* или *fil de la Vierge* ¹⁾. Подъ вліаніемъ указанныхъ воззрѣній, паукъ признанъ былъ воплощеніемъ зѣфа, и соотвѣтственно добрымъ и злымъ свойствамъ зѣфовескихъ духовъ — связанныя съ нимъ примѣты и повѣрья запечатлѣлись двойственнымъ характеромъ. Съ одной стороны: увидать прядущаго паука, всползаетъ ли онъ по утру на чье-нибудь платье, или спустится на человѣка—все это принимается за хорошей знакъ, за предвѣстіе счастья, прибыли, полученія денегъ; особеннымъ уваженіемъ пользуется крестовый паукъ (*Kreuzspinne*), названный такъ потому, что отличительный признакъ его составляютъ крестообразно-расположенныя бѣлыя или желтыя пятна. Въ отдаленной древности крестъ былъ эмблемою громоваго молота; убить крестоваго паука, изорвать его сѣти—вѣщцы и чехи считаютъ великимъ грѣхомъ: за это поражаетъ небесная молнія ²⁾. Съ другой стороны паукамъ приписываютъ неурожай. По разсказамъ бѣлоруссовъ, они собираютъ хлѣбныя крошки и несутъ къ Богу; на пути въ небесное царство каждая крошка вырастаетъ съ коровою. «Боже! говорятъ пауки, не давай людямъ хлѣба; видишь, какъ они его раскидываютъ!»—къ послѣдствіемъ этой жалобы бывають голодные годы. У литовцевъ существуетъ такое преданіе: однажды человѣкъ уронилъ крошку хлѣба; паукъ

¹⁾ D. Myth., 440. — ²⁾ Записки Авдеевой, 140—2; Пузинъ, 8, 157; Beiträge zur D. Myth., I, 233, 248; II, 457; Громовицъ, 85.

подвигать ее, раздувъ пузырь, привнесъ къ Богу и сказалъ: «посмотри, какъ люди пренебрегаютъ твоимъ даромъ; вотъ какіе большіе куски бросаютъ намъ!» Господь узналъ клевету и на вѣчныя времена осудилъ паука таскать раздутый пузырь; съ тѣхъ поръ паукъ сдѣлался безобразнымъ горбуномъ ¹⁾. Припомнимъ, что цверги представляются горбатыми. Въ народныхъ легендахъ чортъ нерѣдко показывается въ видѣ паука. Выше объяснена связь эльфовъ съ болѣзнями; если по стѣнѣ, у которой лежитъ больной, или по его постели пробѣжитъ крестовый паукъ, то нечего ждать выздоровленія: болѣзнь окончится смертію ²⁾. Чехи употребляютъ отъ лихорадки слѣдующее средство: ловятъ трехъ пауковъ, зашиваютъ ихъ въ кошелекъ и привѣшиваютъ на шею больного; черезъ два два больной идетъ къ рѣкѣ или источнику, бросаетъ кошелекъ въ воду и бѣжитъ домой безъ оглядки ³⁾. На Руси сажаютъ паука въ грецкой орѣхъ и носятъ ва шеѣ: какъ высыхаетъ заключенный въ орѣхъ паукъ, такъ долженъ выздороветь и мучительный демонъ болѣзни. Кто убьетъ паука или змѣю, тому (по мнѣнію русскихъ поселянъ) прощается сорокъ грѣховъ; любопытно, что въ нѣкоторыхъ деревняхъ не дозволяютъ класть на столъ прялку: не то «сорокъ грѣховъ наживешь!» ⁴⁾ Время, когда носится въ воздухѣ паутина, называется въ Германіи *Mädchensommer*, *Mariensommer*, *Alte webersommer* ⁵⁾; у насъ подъ именемъ бабьяго лѣта (пол. *babi lato*, чеш. *babské lato*) извѣстно время отъ Успенскаго дня (съ 15-го августа) по 1-ое сентября, или съ 1-го сентября по 8-ое, а въ иныхъ мѣстахъ такъ называютъ недѣлю, слѣдующую за праздникомъ

¹⁾ Иав. Ак. Н., IV, 333. — ²⁾ — *Beiträge zur D. Myth.*, II, 457. — ³⁾ Громанъ, 165. — ⁴⁾ Иллюстр. 1846; 172; Архивъ ист.-юр. свѣд., I, ст. Кавел., 10. — ⁵⁾ *German. Mythen*, 639.

Покрова пресв. Богородицы ¹⁾. Это—дни, въ которые (гач Holda и нѣмецкія бабы (эльбины) готовятъ свои воздушныя ткани.

Съ нѣмецкими эльфами родственны славянскіе кикиморы и полудницы: первые соотвѣтствуютъ темнымъ эльфамъ (двергамъ), а послѣднія — свѣтлымъ, что свидѣтельствуется не только соединенными съ ними повѣрьями, но и самымъ значеніемъ ихъ названій. Слова кики-мора, мора, мара, маруха указываютъ на существа мрачныя, темныя; это—духи, населяющіе воздухъ и каменные горы (=тучи); они рождаются отъ связей огненнаго змѣя съ красавицами, т. е. отъ брачнаго соитія демона-Вритры съ облачными дѣвами; вѣдьмы и кудесники учатъ ихъ мудрости, расчесываютъ имъ волосы, поятъ ихъ медвяной росой, а потъ-баюнъ (I, 649) тѣшитъ ихъ своими пѣснями. Кикиморы представляють безобразными карликами или малютками, у которыхъ голова — съ наперстокъ, а туловище—тонкое, какъ соломинка. Дорожными людямъ случается находить брошеннаго въ полѣ, плачущаго ребенка; они кладутъ его въ сани или повозку, но лошади храпятъ, упираются и нейдутъ съ мѣста; несутъ найденыша на рукахъ, но только приблизятся къ деревьямъ—какъ онъ нырывается и съ дикимъ хохотомъ исчезаетъ съ глазъ. Кикиморы надѣлены способностію являться невидимками, быстро бѣгать и зорко видѣть на далекія пространства; они бродятъ безъ одежды и обуви, никогда не стѣбуются, нѣчно неутомимы, и какъ грозовые духи — любятъ стучать, гремѣть, свистать и шипѣть. По родству эльфовъ съ домовыми духами, кикиморы, поселяясь въ избахъ, живутъ за печкою, и по ночамъ надѣдають страшнымъ стуномъ. Любимое ихъ занятіе—прясть и ткать; въ тихіе

¹⁾ Мазъ, XI, 30.

цыи ночи (собственно: во пракъ черныхъ тучъ) яственно слышно, какъ они тянуть и сучать нити и сплужь ткань ¹⁾. Въ кievской губ. извѣстны женскія мнеческія существа нитки (ночки = марухи, nachtag), которыя въ ночное время, особенно по пятницамъ, стучать и шалать въ избахъ; бабы боятся, чтобъ онѣ не выпрели весь лёнъ, и прячуть отъ нихъ свои кудели ²⁾. Существуютъ народныя поговорки: «чу! кикншора пражу прадеть»; «отъ кикншоры рубашки на дождешься!» ³⁾ Сказки упоминають о карликахъ (маленькихъ мужичкахъ въ черномныхъ шапкахъ), прядущихъ золотыя нити, о веретенахъ, которыя сами собой прядуть и днемъ, и ночью мѣдныя, серебряныя и золотыя кудели, и наконецъ о трехъ сестрахъ, изъ которыхъ одна можетъ прокормить цѣлое царство (т. е. отъ нея зависеть земное плодородіе), другая берется напрямъ и наткать столько, что на весь міръ хватить, а третья обѣщается родить сына-богатыря ⁴⁾.

Полудницы (отъ полдень — югъ, теплая, лѣтняя сторона) тождественны съ солнцеными дѣвами сербскихъ пѣсень (I, 82—85) и бѣлыми женами нѣмецкихъ сагъ, которыя въ полдень показываются у колодцевъ (=дождевыхъ источниковъ) и расчесываютъ свои длинныя косы. На Руси сохранились о полудницахъ слабыя и отрывочныя воспоминанія. Въ южной Сибири знаютъ подъ этимъ именемъ мнеческую старуху, съ густыми, всклоченными полосами, одѣтую въ лохмотья; она живетъ въ банѣ или въ кустахъ

¹⁾ Сахаров., II, 17; Ч. О. И. и Д., годъ 3-й, VIII, 104; Алев., 218—9; Москва. 1846, XI—XII, 151—2. Въ саратовской губ. шик-коръ — привидѣніе въ видѣ бѣлаго старика — Обл. Сл., 266. — ²⁾ Ч. О. И. и Д. 1865. III, 217. — ³⁾ Послов. Далъ, 1042; Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, полов. 2, 127. — ⁴⁾ Slov. pohad., 106—170; Глянск., II, 146—9; Н. Р. Ск., III, 7; VI, 68.

красивы и оберегаетъ огороды отъ шаловливыхъ дѣтей¹⁾. Въ архангельской губ. полудница — охранительница полей, застыивыхъ рожью: «полудница во ржи, покажи рубежи, куда хощь побѣжи!» Родители пугаютъ дѣтей: «не ходи въ рожь, полудница обожжетъ!» или: «ужо ты полудница съѣсть!»²⁾ Безпоповцы-старовѣры творять въ полдень молитву на изгнаніе «бѣса полуденна». Вадерадь толкуеть слово *poludnice* — *dryades, deae silvarum*. И донинѣ въ лѣсныхъ областяхъ Богеміи народъ разеказываетъ о лѣсныхъ полудницахъ (*lesní* или *divé ženy polúdnice, polednice*), которыя въ полдень летаютъ въ крутящихся вихряхъ и воруютъ маленькихъ дѣтей. У лужичанъ *rřiroŋnica, rřezroŋnica* носятъ бѣлое платье и отъ двѣнадцати до двухъ часовъ ходятъ по нивамъ, держа въ рукѣ серпъ, почему называется *segryschujá*; останавливаясь неожиданно передъ тѣмъ, кто замѣшкается въ полдень на полевой работѣ, она начинаетъ подробно спрашивать: какъ обработывается ленъ и готовится пряжа и полотно? Кто не съумѣетъ отвѣчать на ея вопросы, тѣмъ свертываетъ голову или по крайней мѣрѣ наказываетъ ихъ тяжкою болѣзней. Есть поговорка: «*wona so graša, kaž rřiroŋnica!*» (она спрашиваетъ, какъ полудница). Кто въ полдень продолжаетъ работать на нивѣ, тому говорятъ: «*nebojiš so, so rřiroŋnica na tebe rříndžel!*»³⁾ Въ Малороссіи подобные вопросы дѣлаются упырями, которые (какъ увидимъ въ XXVI главѣ) принадлежать также къ разряду облачныхъ и грозовыхъ духовъ. Являясь ночью къ бабѣ, упырь начинаетъ допытываться, какъ готовится сорочки, съ тѣмъ, чтобы по

¹⁾ Обл. Сл., 168. — ²⁾ Памяти. книжка архан. губ. 1864 г., 17. — ³⁾ Ганушь о Дѣдѣ и Бабѣ, 8—9; *Volkslieder der Wenden*, II, 268—9; О вл. христ. в ел. аз., 29.

отобраніи отвѣта высосать изъ нея кровь. Умная баба должна, какъ можно долѣе, продлить свой разсказъ, и потому сперва оксываетъ: какъ сѣютъ ленъ, какъ его собираютъ и вымачиваютъ, потомъ говоритъ о пряжѣ, тканьѣ, бѣленіи полотень и наконецъ — о шитьѣ сорочки. Пока она успѣетъ окончить все эти подробности, запоютъ пѣтухи и упырь пропадаетъ. Поименіе полудницы на нивахъ и обычныя ея распросы о воздѣлываніи льна доказываютъ, что издревле она сама занималась пряжею и тканьемъ и что ей, какъ облачной дѣвѣ, приписывался надзоръ за полями, засѣянными льномъ и другими полезными злаками. Обходы нивъ, совершаемыя полудницею, сближаютъ ее съ нѣмецкими *roggen schiiter* и *korn weib*.

Тѣже черты присвоены преданію и русалкамъ; онѣ ходятъ или совершенно-нагія, прикрываясь зелеными листьями, или въ бѣлыхъ развѣвающихся сорочкахъ, безъ пояса; эти сорочки — метафора облачнаго одѣявія, волнуемаго вѣтрами — тоже, что плащъ Одина. О русалкахъ разсказываютъ, что онѣ любятъ прятать (нѣвской губ.) и развѣшивать по деревьямъ прадево, похищенное ими ночью у поселавокъ. Какъ бѣлыя морскія жены и никсы германцевъ и бѣлыя панны чеховъ моютъ сорочки, развѣшиваютъ въ лѣсу и бѣлать ткани, такъ русалки разстилаютъ возлѣ источниковъ холсты и полотна, или подобно прачкамъ, моютъ ихъ въ ключевой водѣ ¹⁾. На Троицкую недѣлю, сидя на деревьяхъ, онѣ, по свидѣтельству народныхъ пѣсень, просятъ дать имъ намитку и рубаху:

Сыдила русалка
На кривій березѣ,
Просыла русалка
У живочокъ намитокъ,

¹⁾ Громанъ, 7—8; Beiträge zur D. Myth., 285.

У дівочекъ сорочки:
„Жнички-подружки!
Дайте мни наикту;
Хоть нова худенька,
Да абы-бъ биленька!“ ¹⁾

Въ Малероссіи еще теперь въ обычаѣ вѣшать, во время русальной недѣли, на дубахъ и другихъ деревьяхъ холсты, колотенцы, сорочки и мотки нитокъ—въ даръ русалкамъ; бѣлоруссы утверждаютъ, что на Троицкой недѣлѣ ходятъ по лѣсамъ голыя женщины и дѣти (=русалки), и тотъ, кто встрѣтитъ ихъ, долженъ, для избѣжанія преждевременной смерти, бросить имъ платокъ или лоскутъ, оторванный отъ своей одежды ²⁾. Въ это-же время крестьянки носятъ льняныя сорочки—для того, чтобы уродился хорошій лѣнъ.

Жизненная дѣятельность стихійныхъ духовъ, или вриѣтъ—самой првроды, проявляется въ лѣтнюю половину года. Пока лѣдъ оковываетъ воды — водяной покоится тихимъ ономъ, и пробуждается не прежде вскрытія рѣкъ и озеръ; лѣшіе проваливаются на зиму въ подземное царство и выходятъ оттуда на свѣтъ божій при первыхъ начаткахъ весны. Точно также и русалки исчезаютъ на все время холодной и суровой зимы. Въ Малероссіи увѣряютъ, что онѣ показываются съ четверга Страстной недѣли, какъ только разольются по лугамъ весеннія воды, распустятся вербы и зазеленѣютъ поля, и остаются въ втомъ (земномъ) мірѣ до глубокой осени ³⁾. Чет-

¹⁾ Другая пѣсня; На галлоу колодѣ, На бѣлой березѣ, Русалки сидѣли, Суки визали, Да на тыхъ сукахъ Русалки гутали. Красныя дѣвочки Шли възочковъ нитъ; Просили русалки У дѣвокъ сорочки: „Дѣвочки-подружки! Дайте намъ сорочку...“ — ²⁾ Иллюстр. 1845, 299; Киев. Г. В. 1845, 15; Метлиск., 308—9; Цебриков., 281—3; Терещ., VI, 126, 129—130; Шаевринъ, 265, 268; Часовникъ чешск. музея 1834, II, 189. Въ 1092 году чешскій князь Бестиславъ II запретилъ на Троицкой недѣлѣ приносить дары источникамъ — Громаниъ, 9. — ³⁾ Терещ., VI, 124.

вергъ, какъ дѣнь, несвященный богу-громовнику, владыкѣ всѣхъ облачныхъ духовъ и дѣвъ, получилъ особенно - важное значеніе въ преданіяхъ о русалкахъ. Языческій праздникъ въ честь русалокъ совершался одновременно съ праздникомъ весны, когда лѣса уже одѣлись листьями, поля украсились цвѣтами, в нѣвы лѣтними тѣнами. Въ христіанскую эпоху онъ приуроченъ къ Троицynu и Духову днямъ, при чемъ самое названіе Духова дня наводило непросвѣщенный народъ на мысль о чествованіи стихійныхъ духовъ и душъ усопшихъ предковъ ¹⁾. Не смотря на то, народная память не измѣнила стариннѣя домыслъ связываетъ праздникъ русалокъ съ Петруновымъ днемъ, начиная его съ четверга предшествующей Троицѣ, такъ называемой Семицкой недѣли, которая еще въ XII-мъ вѣкѣ была известна подъ именемъ русаль-ной. Въ Кіевской летописи подъ 1170 годомъ сказано: «Володимеру бысть болѣзнь вѣрика, оу-же скончался мая въ 10-е русальное(-ныя) недѣли въ понедѣльникъ»; а Троицннъ дѣнь приходился въ томъ году 16-го мая ²⁾. На Украинѣ же четвергъ на Троицкой недѣлѣ называется русальчинъ великъ дѣнь, т. е. Свѣтлое Воскресеніе русалокъ ³⁾. Старинныя памятки не разъ упоминаютъ о русалкахъ, какъ о бѣсовскихъ, богопротивныхъ и подлежащихъ церковному запрету игрищамъ. Такъ Несторъ подъ 1067-мъ годомъ, возставая противъ языческихъ суевѣрій, говоритъ, что дьяволъ отвлекаетъ людей отъ Бога «трубами и скоморохи, гуслями и русальи; видниъ бо игрища утолчена къ людій много множество, яко упихати начнутъ другъ друга, позоры дѣюще отъ бѣса замышленнаго дѣла, а церкви стоять (пусты)» ⁴⁾. Кларкъ Туровскій въ числѣ «злыхъ и скверныхъ дѣлъ, иже же ны велить Христось отступити», называетъ: «пьясанье,

¹⁾ О связи русалокъ съ душами смотри гл. XXIV. — ²⁾ Карам. И. Г. Р., III, примѣч. 10. — ³⁾ Рус. Бес. 1856, III, 94. — ⁴⁾ П. С. Р. Л., I, 73.

бубны, софляи, гусли, пискове, игранья неподобныя, русалья» ¹⁾. Въ Изборникѣ XIII-го столѣтія, въ толкованіи словъ апостола Павла, сказано: «а иже дома сѣдиши, тогда играютъ роусалия, ли скоморси, ли пѣяницѣ кличють... или како сборище идольскихъ игръ, ты же въ тѣ часъ пребоуди дома» ²⁾. Стоглавъ употребляетъ слово русалья для обозначенія народныхъ игръ, совершаемыхъ не только на Троицкой недѣлѣ, но и въ навечеріи Рождества Христова, Богоявленія, и на Ивановъ день. Въ азбуковникахъ русалия толкуются: игрища, игры скоморошскія ³⁾, и въ одномъ харатейномъ Прологѣ половины XV вѣка описаны такъ: «ови бяху въ бубны, друзія же въ софляи сопяху, нии же возложша на лица скураты ⁴⁾ и дѣяху на глумленья челоуѣкомъ, и мнози оставявше церковь, на позоръ течаху и нарекоша игры тѣ русалья» ⁵⁾. Изъ этихъ указаній очевидно, что игрища, происходившія на русальную недѣлю, сопровождались плясками, музыкой и ряженьемъ, что (какъ было объяснено выше—I, 336, 718) служило символическимъ знаменіемъ встающихъ съ весною и празднующихъ обновленіе жизни грозовыхъ и дожденосныхъ духовъ. Принадлежа къ разряду этихъ духовъ, русалки сами облакались въ облачныя шкуры и смѣшивались съ косматыми лѣвшими и чертами. Малорусскіе поселенцы саратовской губ. утверждаютъ, что русалки — стары и безобразны, имѣютъ острые ког-

¹⁾ Истор. Христон. Бусл., 504. — ²⁾ Ч. О. Ц. и Д. 1858, IV, ст. Лавровск., 22. — ³⁾ Сахаров., II, 182. — ⁴⁾ Скура = шкура. — ⁵⁾ Правосл. Собесѣдн. 1860, XI, 253. Въ Златогрузъ XVI вѣка: «да оубо о скомрасѣхъ и о русалиихъ ни покрову видѣшашу многажды и дожду водоушоу тръпите.» Приведи это мѣсто, Востововъ (Мат. сравн. слов., VI, 314) замѣтилъ: «словеннѣвъ замѣнилъ здѣсь чуждые ему въ подроу (καὶ ἐν μὲν ἱπποδρομίας) своими скомрахаши и русалиями». Описаніе Румян. Муз., 230, указываетъ на слово св. Исаиота о русалияхъ.

ти и большее брюхо, что тѣло у нихъ непыго косматю шерстью, а ва еиниѣ такой-же горбъ, какъ у нѣмецкихъ: цверговъ ¹⁾. Съ тѣмъ-же двойнымъ значеніемъ: а) весенняго праздника и б) вообще народнаго игрища упоминается русалъя и въ памятникахъ другихъ славянъ. Такъ въ сербословенскихъ рукописяхъ говорится: о словѣ Іоанна Златоустаго «на роусалю» (XIII в.); «въ роусалиныхъ ходни» (XVI в.); «глаголетъ о вѣрныхъ, послѣдующихъ еллинскимъ обычаемъ и плесання на брадѣхъ и на стѣгну творящихъ или роусалны или гласовомъ птичимъ вѣроующе» (Номоканонъ XVII в.); въ актахъ Шестидесятаго евангел. собора 1591 года: «на rusadlnie swiatky podle starjeho obyčęge kráľow staweti, tanze wywázeti, do starje kožušbu se obľáčeti i gакъkolwěk se blázniti pod štraffanjm zakázáno bude». Въ теологаніяхъ Теодора Балсамона, патриарха антиохійскаго, и Дмитрія Хоматіана, митрополита болгарскаго (XIII в.), на 62-ое правило VI-го собора — ρουσάλια обозначены, какъ запрещаемый церковью праздникъ, совершавшійся послѣ Пасхи во вѣтвннхъ (чуждыхъ) странахъ: такое замѣчаніе, по всей вѣроятности, вызвано празднованіемъ русалий у дунайскихъ славянъ, отъ которыхъ слово это перешло и къ румынамъ (русале, русалв). Въ современномъ сербскомъ языкѣ русале, русали означаетъ праздникъ Троицы и Духовъ день; у словенъ risale — Троицынъ день, risalček, risalšček, risalščak — иѣсацъ май; у чеховъ и словаковъ rusadljé, rusadla и rusadlné svátky — Троицкіе Святки ²⁾. Въ вологодской губер. Семинъ

¹⁾ Терещ., VI, 127—9; Иллюстр. 1845, 299. — ²⁾ Въ словахъ rusadla, rusadljé — о вставное, какъ и во многихъ другихъ рѣченіяхъ, наприм. mydlo, sadlo, pravidlo — Die Rusalien, ein Beitrag zur slavisch. Mythol., Миллошича, 2—7, 15; Телескопъ 1833, VIII, 524; Зап. И. А. Н., I, тн. 2, ст. Гедесона, 23; Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, полов. 2, 41.

(четвергъ седьмой недѣли послѣ Пасхи) называется русалки¹⁾; вообще жена Руси Семичной недѣль теперь даютъ названіе зеленой, илечальной, а три послѣдніе ея дни и три первые дни Троицкой недѣли именуются Зелеными и Свѣтками²⁾). Въ это время на дворахъ и на улицахъ ставятъ нарочно-срубленные молодые клѣшны, березы, липы; стѣны и окна внутри нѣбъ украшаютъ зелеными вѣтками и цвѣтами, а полы устилаютъ травой; хожденіе въ рощи и на рѣки, завываніе вѣткою, бросаніе ихъ въ воду, пляска вокругъ убранныхъ разноцвѣтными лентами березки и пѣніе обрядовыхъ пѣсень — составляютъ донныя-удѣльшіе остатки старинныхъ игрищъ. На Зеленыя Святки никто не осмѣливается работать, чтобы не прогнѣвать русалокъ; въ особенности женщины не должны шить и мыть бѣлье, а мужчины вить изъ лозы плетни и бѣроны — по связи этихъ занятій съ работами ииенческихъ дѣвъ, которыя ткуть (вьютъ, плетутъ) облачные покровы и полощутъ ихъ въ дождевыхъ источникахъ³⁾. По народному вѣрованію, русалки выходятъ тогда изъ рѣкъ, озеръ и криниць на сушу, заводятъ по полямъ и лѣсамъ гульбища и продолжаютъ ихъ до самаго Петрова дня (29-го іюня). Май и іюнь мѣсяцы — пора полного развитія творческихъ силъ, пора явленія облачныхъ жонъ и дѣвъ, шлющихъ землѣ плодородіе; въ жумѣ грозы выступаютъ на небо прекрасными нимфами, начинаютъ свои легкія пляски, воеютъ громкія пѣсни (= быстрый полетъ тучъ и завываніе бури), и сочетаясь съ богомъ-громовникомъ, орошаютъ нивы благодатнымъ стмемъ дождя. Отсюда возникли рассказы о пляскахъ, пѣсняхъ и брачномъ весельи русалокъ. На Зеленой или

¹⁾ Обл. Сл., 193. — ²⁾ Рус. прост. праздн., III, 127; Сахаров., II, 83. Клѣчанья — деревья, вѣтки, цвѣты, которыми убираютъ домъ и церкви. — ³⁾ Терещ., VI, 132; Вѣст. Евр. 1818, XXII, 115—6; Шаевскій, 269; Этн. Сб., I, 326.

русальной недѣлѣ онѣ празднуютъ свои свадьбы, плещутся въ водахъ, бѣгаютъ по дугамъ и рощамъ, бьютъ въ ладоши, аужаются, водятъ хоробы, пляшутъ и поютъ пѣсни; такіе, ласкающіе слухъ звуки вѣтровъ принимаются за ихъ отдаленныя напѣвы, а плескъ воды приписывается имъ пляскамъ. Крестьянскія дѣвушки, приходя въ лѣсъ, бросаютъ русалкамъ зеленые вѣнки, съ просьбою доставить имъ богатыхъ жениховъ; а по вѣнкамъ, кинутымъ въ воду, онѣ гадаютъ о замужствѣ и будущемъ своемъ житьѣ. И послѣ, въ продолженіе всей Петровки, русалки выходятъ по ночамъ, изъ воды, и при свѣтѣ мѣсяца предаются танцамъ на избранныхъ для того мѣстахъ, называемыхъ игравницами. Въ Малороссіи и Галиціи рассказываютъ, что тамъ, гдѣ таянцуютъ русалки и мавки, видны ва поляхъ круги и трава ще краще ростѣ и заодно якъ рута зеленѣе. Нерѣдко онѣ зааниваютъ къ себѣ овчара (собственно: пастыри небесныхъ стадъ) съ рожкомъ или сопѣлкою, заставляютъ наигрывать во всю ночь и пляшутъ подь его музыку; на томъ мѣстѣ, гдѣ овчаръ бьетъ ногою тактъ, остается на землѣ ямка. Черты эти общи русалкамъ съ эльфами и феями ¹⁾. Въ великорусскихъ губерніяхъ ходитъ рассказъ о томъ, какъ русалка являлась невидимкою къ молодому промышленнику и танцевала подь звуки его гуслей (см. т. II, стр. 247). Также любовь къ пляскамъ приписывается и лѣснымъ женщинамъ; но рассказамъ чеховъ, онѣ охотно отдаются этому веселью въ полдень и ночью при свѣтѣ мѣсяца ²⁾. Была одна рѣзвая дѣвушка, дочь вдовы. Съ утра уходила она

¹⁾ Мазъ, XI, 52; Сахаровъ, II, 89; Терещ., VI, 132; Киев. Г. В. 1845, 15; Полтав. Г. В. 1846, 21; Ворон. Г. В. 1850, 16; Рус. Вѣст. 1856, III, ст. Максимовъ, 99—100; Киевлян. 1865, 71; Рус. Вѣст. 1842, V—VI, 122 (о плавущихъ утопленникахъ на озерѣ Гонтѣ); Beiträge zur D. Myth., I, 250. — ²⁾ Ганушъ, 164.

въ лѣсъ пастѣ козье стадо, и пока козы щипали траву — пры-
ла лѣнъ. Разъ, увлекаемая своимъ веселымъ и живымъ ха-
рактеромъ, стала она плясать, поднимая надъ головою руки.
Это было въ полдень; вдругъ — словно изъ земли выросла —
явилась передъ ней прекрасная дѣва въ бѣлой и тон-
кой какъ паутинна одеждѣ, съ золотыми волосами
до пояса и съ вѣнкомъ изъ полевыхъ цвѣтовъ на головѣ.
Она пригласила пастушку танцовать вмѣстѣ; «миѣ хочется
тебя поучить!» прибавила красавица, в обѣ пустилась выка-
зывать свое искусство подъ чудную музыку, которая неслась
съ древесныхъ вѣтвей: то были звуки соловьевъ, жаворон-
ковъ, малиновокъ и другихъ пѣвчихъ птичекъ. Ножки пля-
шущей лѣсной дѣвы, какъ ноги нѣмецкихъ эльфовъ, были
такъ быстры и легки, что даже не мяли травы, а становяся
гнулася, будто ивовая вѣтка. Такъ плясали онѣ отъ полудня
до вечера. Когда лѣсная дѣва исчезла, пастушка хватилась
за свою пряжу; но было уже поздно, она не успѣла окончить
своего урока и воротилась домой крѣпко-опечаленная. Надѣясь
завтра наверстать потерянное время, она скрыла отъ матери
то, что съ нею случилось. Но и на слѣдующій день являлась
лѣсная дѣва, и онѣ опять проплясали до самаго вечера. По
окончаніи танцевъ, лѣсная дѣва замѣтила печаль своей подру-
ги и помогла ей горю: взяла лѣнъ, обмотала вокругъ березы,
тотчасъ спряла его въ тонкія нити, и затѣмъ исчезла —
будто вѣтромъ ее спихнуло! Эта пряжа имѣла такое-же чу-
бесное свойство, какъ и пряжа, подаренная Гольдою: сколько
не сматывали ее съ веретена — запасъ нитокъ нисколько не
истощался. Въ третій разъ лѣсная дѣва подарила пастушкѣ
березовыхъ листьевъ, которые потѣмъ превратились въ зо-
лото ¹⁾. Завидя любопытнаго, эльфы увлекають его въ свою

¹⁾ Westsl. Märch., 198—203.

воздушную пляску и кружатъ съ такою необычайною быстро-
тою, что послѣ того онъ на всю жизнь остается разслаблен-
нымъ; подобно току русалки, при встрѣчѣ съ человѣкомъ,
встываютъ передъ нимъ страшно кривляться и дѣлать дикія
движенія, и онъ волею-неволею перенимаетъ ихъ жесты — и
съ той поры до самой смерти будетъ постоянно трястись и
кривляться, т. е. страдать болѣзней, извѣстною подъ именемъ
Витовой пляски (сравни выше: стр. 71 ¹⁾). Такимъ обра-
зомъ русалки, наравнѣ съ зльфами и марами, рождаются съ де-
монами, насылающими тяжкія болѣзни и скорую смерть. За-
манывая въ себѣ юношей и дѣвицъ, онѣ измучиваютъ ихъ
щекоткою, душатъ и топятъ въ рѣкахъ; дѣтская болѣзнь
донныѣ извѣстна подъ именемъ щекотухи (см. стр. 76).
Тотъ, кто ступитъ на холстъ, разостланный русалками, дѣ-
лается разслабленнымъ или хромымъ; а кто не читъ
русальной недѣли, у того онѣ портятъ домашній скотъ и
птицу (см. еще стр. 57—о связи болѣзней съ полудницами).
Въ свѣтлыя, лунныя ночи нѣмецкія ниссы и наши русалки,
выказываясь изъ водъ, поютъ чарующія пѣсни, которымъ не
въ силахъ противиться ни одинъ смертный. Когда раздадутся
ихъ звуки, странникъ бросается въ воду, увлекаемый столь-
коже обаяніемъ ихъ красоты, какъ и гармоніей сладостнаго
пѣнія; пловецъ спѣшитъ направить къ нимъ свою ладью и так-
же гибнетъ въ безднѣ, гдѣ сватываютъ его водяныя дѣвы. Ве-
черомъ ниссы выходятъ изъ своихъ подводныхъ жилищъ и
принимаютъ участіе въ сельскихъ танцахъ. По шведскимъ
преданіямъ, онѣ знаютъ одиннадцать различныхъ мелодій: че-
ловѣкъ можетъ слушать безъ опасности только первыя де-
сять, и то въ значительномъ отдаленіи; но когда онѣ запоютъ
одиннадцатую, то ветхіе старики и дѣти въ люлькахъ, боль-
ные и увѣчные, даже деревья и другіе неодушевленные пред-

¹⁾ Шаезарикъ, 266; Рус. прост. праздн., IV, 9.

меты — все пускается въ неудержимую пляску ¹⁾. Тѣже характеристическія черты приписываютъ литовцы своимъ ундидамъ. Эти дѣвы, выходя при свѣтѣ луны на поверхность воды и берега, поютъ и водятъ хороводы; помрачая своими пѣснями умъ юношей, онѣ сватываютъ ихъ въ объятія, и вмѣстѣ съ ними кидаются на дно озеръ, рѣкъ и источниковъ. Красота ихъ обольстительна, очи блестятъ, какъ небесныя звѣзды, а рассыпанныя по плечамъ кудри шелестятъ и звенятъ очаровательною музыкою; какъ скоро человекъ заслушитъ музыку ихъ кудрей, онъ впадаетъ въ непробудный сонъ, и слѣдовательно испытываетъ тоже обаяніе, какое производятъ гусли-самогуды. Только тотъ, кто достанетъ волшебный цвѣтокъ папоротника (= молнію), можетъ свободно любоваться на легкую, граціозную пляску водяныхъ красавицъ и слушать ихъ плѣнительное пѣніе; онъ даже можетъ подчинить своей власти ундины, которыя будутъ гнать въ его сѣти рыбу и орошать его поля при засухѣ ²⁾. Какъ нимфы дождевыхъ источниковъ, литовскія ундины и русскія мавки и русалки носятъ надъ нивами и полями, и съ одной стороны, напоая ихъ влагою, даютъ богатый урожай, а съ другой, посылая несвоевременныя ливни и бури, повреждаютъ зрѣющія жатвы. Выше было указано, что тамъ, гдѣ вьются ихъ легкіе хороводы, трава растетъ зеленѣе и роскошнѣе. По словамъ бѣлоруссовъ и жителей Полѣсья, русалки поселяются въ житѣ; въ Малороссіи вѣрятъ, что на-

¹⁾ Моск. Наблюдат. 1837, ч. XI, 534; D. Myth., 406—4; Сказ. Грим., 181 — «Die Nixe im teich»: някса увлекла на дно пруда молодого охотника; опечаленная жена его беретъ сначала гребень, потомъ вѣлейту и наконецъ прилку, и въ полнолуніе владеть ихъ на берегу пруда; всякой разъ, какъ она дѣлала это, поднималась волна и уносила положенный даръ, и вслѣдъ затѣмъ показывался изъ воды несчастный утопленникъ. Вся три означенныя вещи составляютъ необходимые атрибуты водяныхъ дѣвъ. — ²⁾ Семеновск., № 129; Иллюстр. 1848, № 28; Черты литов. нар., 89.

канунѣ Троицына дня овѣ собираются на нивы, и съ возгласомъ: «ухъ-ухъ, соломьяный духъ!» а нерѣдко и съ пѣснями, прихлопывая въ ладъ руками, весело бѣгаютъ по колосистой ржи, или катаются по ней взадъ и впередъ, отчего рожь волнуется, какъ-бы отъ дуновенія вѣтра. О малюткахъ-мавкахъ рассказываютъ, что онѣ ежегодно приходятъ на землю въ то время, когда хлѣбъ начинаетъ колоситься и можетъ служить имъ надежнымъ убѣжищемъ ¹⁾. Нѣмецкимъ крестьянамъ, въ ихъ полевыхъ работахъ, помогаютъ подземные карлики. У русиновъ (въ саноцкомъ и коломыйскомъ округахъ) во время русальныхъ Святыхъ совершается крестный ходъ на засянные поля, при чемъ образъ и хоругви убираются вѣнками и зеленью. Обыкновенно это бываетъ на Духовъ день, и между тѣмъ, какъ священникъ и церковный причтъ творятъ по требнику обхождение полей, сопровождающія ихъ женщины поютъ обрядовыя пѣсни, текстъ которыхъ содержитъ мольбу о благораствореніи воздушныхъ и изобиліи плодовъ земныхъ—хлѣба и винограда ²⁾. Вотъ одна изъ этихъ пѣсней:

Заваруй, Боже, горы, долины,
 Горы, долины, наши царины ³⁾,
 Же бы насъ тучи не заходили,
 Же бы пролом не заливали,
 Злыи вѣтрове не пановали;
 Зароди, Боже, горы, долины,
 Горы, долины, наши царины.
 Наша царина пречь ⁴⁾ поібрана,
 Сребромъ-златомъ ⁵⁾ пречь засянна,
 Стрицовымъ перомъ заволочена,
 Явнымъ мечамъ обгорожена.

¹⁾ Называютъ ихъ и гречухами—отъ гречи, въ которой онѣ любятъ прятаться. — ²⁾ Семеньск., 124; Маякъ, XV, 31—35; Сахаров., II, 85; Опытъ ист. обозрѣн. рус. слов. О. Миллера, I, 97 (примѣчан.); Die Rusalien Миклошича, 9—14. — ³⁾ Обгороженныя поля. — ⁴⁾ Уже. — ⁵⁾ Т. е. золотистымъ зерномъ.

Злые вѣтры и пролом — дѣло русалокъ. Чтобы колосья налились, вырѣл и дали хорошій урожай, нужна погода тихая, теплая, съ умѣренными дождями; а потому въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи, тотчасъ по окончаніи Троицкихъ празднествъ, совершается обрядъ изгнанія или проводовъ русалокъ. Слѣдующее за Троицей воскресенье въ Спасскѣ рязанскомъ называется русальнымъ заговѣньемъ. На другой день, т. е. въ первый понедѣльникъ Петрова поста, тамъ готовятъ соломенное чучело, одѣтое въ женскіе уборы и представляющее русалку; потомъ собираютъ хороводъ, затягиваютъ пѣсни и отправляются въ поле; въ серединѣ хороводнаго круга пляшетъ и кривляется бойкая женщина, держа въ рукахъ соломенную куклу. Въ полѣ хороводъ раздѣляется на двѣ стороны: наступательную и оборонительную; послѣдняя состоитъ изъ защитницъ русалки, а первая нападаетъ и старается вырвать у нихъ чучело; при этомъ обѣ стороны кидаютъ пескомъ и обливаютъ другъ друга водою. Борьба оканчивается разорваніемъ куклы и разбрасываніемъ по воздуху соломы, изъ которой она была сдѣлана. Послѣ того возвращаются домой и говорятъ, что проводилъ русалокъ. Въ тульской губ. подобный обрядъ совершается на Зеленой недѣлѣ: женщины и дѣвочки идутъ толпою на засѣянные поля и ловятъ русалку, которая, по народному сказанію, воруетъ тогда хлѣбъ. Связавши изъ соломы куклу и нарядивъ ее въ женское платье, увѣряютъ, что это и есть пойманная русалка; съ пѣснями и плясками несутъ ее къ рѣкѣ и бросаютъ въ воду. Въ уѣздахъ ефремовскомъ, опифановскомъ и новосильскомъ наканунѣ Троицы (въ «клетчальную» субботу) молодежь собирается вечеромъ на полянахъ и бѣгаетъ, размахивая помелами, съ криками: «догоняй! догоняй!» Иные утверждаютъ, что собственными глазами видѣли, какъ гонимыя съ полемъ русалки убѣгали въ лѣсъ съ

плачемъ и вопляни. Въ Малороссіи на проводахъ русалокъ поютъ:

Проведу я русалочки до бору,
Сама я вернуся до дому!
Ой колы-жь мы русалочки проводылы,
Щобъ до насъ часто не ходылы,
Да нашего жытечка не ломалы,
Бо наше жытечко въ колосочку,
А наши дивочки у вивочку.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ около того-же времени бываютъ проводы Весны, и въ соломенной куклѣ видать изображеніе именно этой дожденосной богини. Въ полетѣ весеннихъ грозъ исчезаютъ облачныя дѣвы; разметаемыя помеломъ-вихремъ, онѣ убѣгаютъ съ неба или, будучи размыканы, разорваны на части, тонуть въ дождевыхъ потокахъ, и вслѣдъ за тѣмъ наступаютъ лѣтніе жары. Выпроваживая русалокъ, земледѣльческое населеніе думало отстранить отъ своихъ нивъ опустошительныя бури и безвременныя ливни, отъ которыхъ хлѣбъ ложится наземь, ломается, мокнетъ и неполнѣ вызрѣваетъ, или уже созрѣлый осыпается и прорастаетъ безъ всякой пользы для человѣка ¹⁾).

Хранительницы живой воды, русалки, наравнѣ съ эльфами и ниссами, обладаютъ тѣмъ высокими даромъ мудрости, какой дается вдохновительнымъ напиткомъ небесныхъ источниковъ. Народная троицкая пѣсня приписываетъ имъ загадываніе и разрѣшеніе трудныхъ загадокъ:

Ой бѣжить, бѣжить мила дѣвичина,
А за нею да русалочка:
«Ты послухай мене, красна панночко!»

¹⁾ Сахаровъ, II, 85, 90, 94; Терещ., VI, 137; Рус. проет. праздн., IV, 11; Пасека, III, 189; Метлиник., 309; Опис. чернигов. намѣстничества, Шаевичаго, 30. Показаніе Сахарова (II, 80) о проводахъ русалокъ въ черниговской губ. въ концѣ Святой недѣли — кельрно.

Загадаю тобѣ три загадки;
 Якъ угадаешь — до батьки пушу,
 Коли-жъ не ггадаешь — до себе возьму.
 Ой що росте безъ кореня?
 А що бѣжить безъ повода?
 А що цвѣте безъ всякого цвѣту?»
 Панночка загадки не ггадала,
 Русалочка ее залоскотала ¹⁾.

Въ сербской пѣснѣ на загадочные вопросы, предлагаемые дѣвицею, отвѣчаетъ рыба, въ образѣ которой являются въ преданіяхъ водныя божества и нимфы. Сидѣла дѣвица у моря, говорила сама съ собою: «ахъ, Боже милостивый! есть ли что шире моря, пространнѣе поля, быстрѣе коня, слаще меда и дороже брата?» Провѣщала ей рыба изъ воды: «глупая, неразумная дѣвица! Шире моря — небо, пространнѣе поля — море, быстрѣе коня — очи, слаще меда — сахаръ, дороже брата — милый!» ²⁾

Русалкамъ соответствуютъ сербскія вилы и болгарскія само-вилы: это только другое прозваніе, данное облачнымъ дѣвамъ по связи ихъ съ молніями и вихрями. Въ древности оно, вѣроятно, было извѣстно и русскимъ славянамъ, но потомъ позабыто вытѣсненное болѣе употребительнымъ именемъ русалокъ, тогда какъ въ преданіяхъ сербовъ и болгаръ, наоборотъ, русалки уступили мѣсто виламъ; этимъ послѣднихъ знаютъ и словенцы, босняки, краинцы, иллирійцы ³⁾. О суевѣрномъ почитаніи вилъ упоминается въ нашихъ старинныхъ рукописяхъ. Такъ въ словѣ нѣкоего христіянина читаемъ: «вѣрують въ Перуна и въ Хорса... и въ вилы, ихъ-же числомъ тридевятъ сестрѣницъ глаголють невѣгласи и мнѣть богинями, и тако покладывахуть имъ теробы (и корованъ имъ ло-

¹⁾ Малорос. пѣсни Максимовича, 162. Загадки эти разрѣшаются такъ: камень растетъ безъ корня, вода бѣжитъ безъ повода, напороть цвѣтеть безъ цвѣту. — ²⁾ Срп. к. пјесме, I, 196. — ³⁾ Иличъ, 282.

нить), и куры имъ рѣжутъ и ниже: «молятся огневъ подь
 овиноу я виламъ и Мокоши». Тоже свидѣтельство повторено
 и въ другихъ памятникахъ, принадлежащихъ новгородской Со-
 фійской библиотекѣ: «и начаша жрети молнии и грому, и солнцю
 и луиѣ, а друзи Перену, Хоурсу, виламъ и Мокоши, оуш-
 ремъ и берегынямъ, ихъ-же нарицають тридевятъ се-
 стряницъ» ¹⁾. Это напоминаетъ намъ суевѣрное преданіе
 о двѣнадцати сестрахъ-трясавицахъ — эльфахъ то-
 мительныхъ недуговъ (см. стр. 85). Въ древнемъ переводѣ
 Георгія Амартола вилы отождествляются съ свренами: «зави-
 стася же ся в рѣцѣ Нилѣ солнцу вшедшу челоувѣкообразнѣ двѣ
 животнѣ мужъ я жена, иже и сирны нарицаются, рече
 не вилы» ²⁾. Слово вила (иллр. willa) образовалось отъ
 глагола вить, въ ю ³⁾—плести, скручивать, соединять пряди въ
 одну нить или вервь, и указываетъ на множескую дѣву, кото-
 рая прядетъ облачныя кудели и тянетъ изъ нихъ золотыя нити
 молній. Въ сербской пѣснѣ говорится: «се му ъе ви ју по об-
 лаку» ⁴⁾; у насъ: молнія извивается—вьется огненной
 нитью или змѣйкою, мелькаетъ искривленной линіей; сравни:
 извилина, ввлюга—кривизна, виламъ—извилисто, вילו-
 ватыи—извилистый; глаголь вьется прилагается и къ по-
 лету птицъ, и въ народныхъ загадкахъ (русской и сербской)
 ласточка, отличающаяся особенно-быстрымъ и извилистымъ
 полетомъ, называется вило. Такъ какъ видимая глазомъ кри-
 визна наводила на понятіе нравственной кривды, хитрости и
 лукавства, составляющихъ самую существенную сторону въ
 характерѣ эльфовъ (стр. 4-5), то отсюда: вилавый—хитрый,
 лукавый, вилъ—юль, челоувѣкъ увертлявый—виляющій (ви-

¹⁾ Лат. рус. лит., т. IV, отд. 3, 89—90, 94, 99, 108; Оп. Румян. Муз., 228—9. — ²⁾ Москв. 1851, V, стат. Срезневск., 63—64. —

³⁾ Какъ жѣла отъ нить, рило отъ рыть, и т. д. — ⁴⁾ Сrp. и. пјесме, I, 432.

лющіи ¹⁾. Стремительные вихри, подымая столбомъ пыль или снѣгъ (въ ю-га, у болгаръ: вилни ветерушки ²⁾), крутить ихъ словно веревку; а неся на своихъ крыльяхъ облака и тучи, завиваютъ ихъ въ кудри и сбиваютъ вѣстѣ, какъ спутанную пряжу или всклокоченные волоса. Рядомъ съ словами: куделя (ленъ, приготовленный для пряжи), кудло, кудера, въ областномъ говорѣ употребляется глаголъ куделится — метѣть вьюга; вихѣръ, вихры (чубъ, пряди волосъ) одного происхожденія съ словомъ вихрь (вихорь), а пѣтлы (длинные, косматые волоса) отъ санскр. корня ра t — летать ³⁾. Въ народныхъ сказаніяхъ вилы изображаются не только нимфами, управляющими полетомъ облаковъ и молній, но и вѣщими пряхами. Въ близкой связи съ южно-славянскою вилою стоитъ волошская vilva — нима, которымъ обозначаются духи, населяющіе облачный міръ, носящіеся по воздуху въ видѣ крылатаго змѣя и посылающіе на землю дождевые ливни и плодородіе. По всему вѣроятію, преданія о вильвахъ и самое названіе ихъ заимствованы валахами отъ соседнихъ славянъ. Сверхъ того, нѣкоторыми учеными вила и vilva сближаются съ скандинавск. vala, valva или völvа (все три формы равно употребительны и означаютъ вѣщую жену, чародѣйку); но это остается недоказаннымъ ⁴⁾.

Подобно русалкѣ, вила — существо, родственное свѣтлымъ эльфамъ, и потому данное ей нима сопровождается постояннымъ эпитетомъ бѣлая: бѣла вила. Этотъ эпитетъ, указующій на блескъ, сіяніе и красоту, также тѣсно сливается съ словомъ «вила», какъ въ нашемъ эпическомъ языкѣ прилагатель-

¹⁾ Обл. Сл., 25; Доп. обл. сл., 22; Срп. рјечник, 62; Этн. Сб., VI, 74. — ²⁾ Народна песне Македон. Бугара, Верковича, I, 2; „Подуналь е тихи ветеръ, три вилни ветерушки“. — ³⁾ Доп. обл. сл., 94; Изв. Ав. Н., IV, 409. — ⁴⁾ Шоттъ, 295-6; Germ. Mythen, 569; О вл. христ. на сл. яз., 21—23.

ное краеная съ словомъ «дѣвица», и вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуесть о тождествѣ виль съ бѣлыми жецами (weiße Frauen, biele ranje) германцевъ, чеховъ и моравовъ ¹⁾. Вилы представляются юными, прекрасными, блѣднолицыми дѣвами; въ тонкихъ бѣлыхъ одеждахъ и съ длинными косами, распущенными по спинѣ и грудямъ; въ этихъ косахъ — ихъ сила и даже самая жизнь; тѣло у нихъ нѣжное, прозрачное, легкое какъ у птицы, очи блистаютъ подобно молнии, голосъ — приятный, сладкозвучный. По свидѣтельству хоруташскихъ сказокъ, косы у виль золотыя, низпадающія до земли, одежда — не только бѣлая, но и золотая, съ серебрянымъ поясомъ. Бѣда человѣку, который прельстится вилою! ему опостылятъ весь мѣръ, и жизнь будетъ не въ радость. Хвала красоте дѣвицы, сербы и черногорцы сравниваютъ ее съ вилою: «она хороша, какъ горная вила!» Наравнѣ съ русалками, вилы обитаютъ на горныхъ вершинахъ, въ лѣсахъ и водѣ, и потому различаются на горныхъ, лѣсныхъ и водяныхъ: а) горска вила (бѣла вила из горе), б) вила од планине (vila planinjinja); гора въ сербскомъ языкѣ означаетъ и mons, и silva, а планина — гору, покрытую лѣсомъ (mons silvosus, bergwald). Горныя вилы стануютъ по горамъ и устрояютъ свои «дворѣща» въ пещерахъ, пропастяхъ и ущеліяхъ; внутри жилье ихъ убрано цвѣтами и зеленью и ярко сіяетъ, какъ пресвѣтлый рай. По другимъ рассказамъ, вилы живутъ въ кристалльныхъ палатахъ, украшенныхъ перлами, и владѣютъ богатою золотою посудой. Наконецъ в) vila vodena или povodkinja обитаетъ въ рѣкахъ, озерахъ и студенцахъ, а morskа dëvica (morskadiklica), представляемая полу-дѣвою, полу-рыбою, — въ глубинѣ моря. По словамъ Караджича, вилы поселяются «по великимъ

¹⁾ Nar. zpiewanky, I, 412—3.

планинама и по камењацима око вода; онѣ любятъ плавать, купаться, заманивать и увлекать на дно крестьянскихъ дѣвухекъ. Принадлежащіе имъ источники (вила на водица) считаются заповѣдными; юнакъ, который напьется отсюда воды или напоитъ своего коня, платитъ тяжелую дань: самъ онъ лишается очей, а конь его -- ногъ ¹⁾. Не смотря на эти повѣрья, заставляющія вилъ населять землю, народъ и донынѣ не утратилъ воспоминанія, что онѣ собственно облачныя дѣвы (*vile oblakinje*), обитательницы небесныхъ горъ, дубравъ и источниковъ. Въ замѣчательной далматинской пѣснѣ вила говоритъ о себѣ:

Mene je gora rodila,
U zeleni listak povila;
Jutrenja rosa padala,
Mene je vilu dojila;
Od gore vetrić puhao,
Mene je vilu šikao:
To su mi bile dadije ²⁾.

Какъ молніеносный зльфъ, вила рождается отъ горы-тучи, и вскормленная росой (дождевою влагою) убаюкивается вѣтромъ. Поселяне убѣждены, что вилы могутъ насылать бури, дожди и градъ; подымая буйные вѣтры, онѣ ломаютъ растущія по горамъ деревья, волнуютъ пучины и топятъ лодки и пловцовъ; во время морской бури случается видѣть, какъ онѣ бѣгаютъ по верхушкамъ волнъ и своими ногами пьютъ встревоженные воды ³⁾. По свидѣтельству сербскихъ пѣсень,

¹⁾ Срп. рјечник, 61—62; Срп. н. пјесме, I, 153, 274, 571; II, 51; Arhiv za povĕstnicu jugoslavensku 1851, I, стат. Кукулевича-Сакцавскаго, 87, 90, 97—104; сб. Валяца, 7—9, 18, 22, 47, 56. — ²⁾ Переводъ: меня гора родила, зеленымъ листомъ повила; утрення роса падала, меня вилу кормила; отъ горы вѣтеръ вѣялъ, меня вилу убаюкивалъ: то были мои няньки. — ³⁾ Кукулевичъ, 88, 93, 104.

ялы носятся по воздуху, между небомъ и землею, собирають летучія облака и любятъся на молніи. Такъ Марку-кравовичу, когда онъ вступилъ въ единоборство съ Мусою Кеседжия, выилась на помощь вила изъ облака ¹⁾; а когда банъ Сонула преслѣдовалъ вилу — она сначала побѣжала глубокиши водами, потомъ — чистымъ полемъ и наконецъ, наствгаемая хортами, «дигне се небу подъ облаке» ²⁾. Въ одной пѣснѣ дѣвица, не желая смотрѣть на грозу, замѣчаетъ о себѣ: «нигъ самъ вила, да збијамъ облаке» (я — не вила, чтобы собирать облака ³⁾). Согласно съ уподобленіемъ облаковъ крѣпостнымъ башнямъ и стѣнамъ, вила, нагоняющая на небесный сводъ тучи, признается стронтельницею воздушныхъ замковъ:

Град градилъ б'јева вила
 Ни на небо, ни на земл(ь)у,
 Но на грану од облака;
 На град гради троје врата:
 Једна врата сва од злата,
 Друга врата од бисера,
 Трећа врата од шкерлета ⁴⁾.

Въ третьихъ воротахъ вила

Сама сједи, погледује,
 Ће се мув(ь)а с гроном игра ⁵⁾.

Именъ о постройкѣ вилою облачныхъ городовъ, будучи низведенъ на землю, привлекъ ее къ участию въ сооруженіи твердынь, воздвигаемыхъ руками смертныхъ. Таково слѣдующее преданіе: выше Котора (Cattago) въ каменной горѣ видна большая яма или пещера, о которой рассказываютъ, что ее выкопалъ царь Стефанъ и что именно здѣсь думалъ онъ постро-

¹⁾ Срп. и. пјесме, II, 409; сб. Валявца, 68. — ²⁾ Срп. и. пјесме, I, 183. — ³⁾ Ibid., 432. — ⁴⁾ Грана — вѣтвь, отрасль; бисер — жемчугъ, шкерлет — шарлаховое, красное сукно, багрець, шурпуръ. — ⁵⁾ Срп. и. пјесме, I, 151—2.

ить городъ; но вила посовѣтовала «да то не чини, јер му оидје у оној врлети нема ни броду пристаништа ни кељу поигри-та»¹⁾, и указала на другое мѣсто у залива. Царь послушался вилам и съ ея помощію построилъ градъ Которъ²⁾. Чародѣи, наученные вилами премудрости, бродятъ виѣстѣ съ ними и нечисты-ми духами по свѣту и водятъ за собой грозовыя тучи и бури³⁾. Вслѣдствіе этой власти надъ облачнымъ міромъ, виламъ приписывается вліяніе на земледѣльческія работы: въ старое золотое время онѣ приходили на поля и пастбища, помогали людямъ жать нивы, косить траву, полоть гряды и оберегали ихъ стада. Въ Иллиріи убѣждены, что вила, если захочетъ, можетъ охранить ниву своего любимца отъ града, опустошающаго сосѣдніе участки. Возвращаясь съ полей въ горныя пещеры, вилы оборачиваются змѣями (= молніями), и въ этомъ видѣ проскользаютъ сквозь малыя отверстія въ горы, а внутри ихъ снова преобразуются въ дѣвъ⁴⁾: преданіе, напоминающее волошскихъ вильвъ, нѣмецкихъ бѣлыхъ *schlangenjungfrauen* (= *däsaatnis*) и старинный мифъ объ Однѣ (I, 395). Какъ нимфамъ грозовыхъ тучъ, виламъ присвоены всѣ характеристическіе признаки и поэтическіе атрибуты, соединяемые съ этимъ естественнымъ явленіемъ: быстрота полетовъ, чудесныя превращенія, бросаніе молниеносныхъ стрѣлъ и искусство ковать. Онѣ также внезапно исчезаютъ, какъ и являются; пѣсни даютъ имъ крылья («полеѣла вила на бијела крила»⁵⁾), и ббрзаго коня уподобляютъ вилѣ: «ал’ је брза пуста бедевија, брза му је, као горска вила»⁶⁾. И

¹⁾ Переводъ: не дѣлать того, потому что на этой крутизнѣ нѣтъ ни ладьямъ пристанища, ни коню поигрища (раздоля). — ²⁾ Срп. рјечникъ, 294. — ³⁾ Ibid., 75. — ⁴⁾ Кунулевичъ, 99—100; Эрбенъ, 306. — ⁵⁾ Срп. н. пјесме, II, 49; Кунулевичъ, 89: черногорская пѣсня о легкокрылой вилѣ, что прилетѣла съ неба. — ⁶⁾ Переводъ: „но быстра у него дикая кобылица, быстра, какъ горная вила“ — Срп. н. пјесме, II, 399.

птица, и конь—обычныя метафоры вѣтра, молніи и облака; а потому вилы не только надѣляются крыльями и сказочными конями, но и сами оборачиваются то легкокрылыми птицами, то быстроногими кобылами. Общераспространенная сказка о яблонѣ, на которой каждую ночь зрѣютъ золотыя яблоки ¹⁾, т. е. собственно — о деревѣ-тучѣ, приносящемъ живую воду дождя (см. II, 309—315), отличается въ хорутанской редакціи нѣкоторыми любопытными особенностями ²⁾. Въмѣсто жарь-птицы, похищающей золотыя яблоки, здѣсь каждую ночь являются девять вилъ и рвутъ дорогіе плоды; добрый мѣлодецъ подстерегаетъ ихъ и получаетъ въ подарокъ три золотыхъ яблока. Вслѣдъ за тѣмъ онъ отправляется искать вилъ; на пути объявилъ ему пастухъ, что въ такомъ-то студенцѣ вилы купаются въ полдень. Два раза мѣлодецъ проспалъ полуденное время, но въ третій разъ подсмотрѣлъ, какъ онѣ кунались. Вилы взяли его къ себѣ въ дупло, держали тамъ девять лѣтъ и кормили его сахарными яствами, а при отпускѣ надѣлили богатствомъ. Тоже преданіе развиваютъ сказки сербская и болгарская ³⁾. Въ сербской повѣдкѣ прилетаютъ за яблоками девять золотыхъ павъ. Меньшой изъ трехъ царевичей, посланный караулить яблоню, поставилъ подъ нею кроватку и легъ на постель. Ночью прилетѣли павы; восемь сѣли на дерево, а девятая пала царевичу на кровать и превратилась въ красную дѣвицу; съ тѣхъ перъ вдвоицъ они проводили сладостныя ночи. Но вотъ подстерегла ихъ колдунья; золотая павъ улетѣла и больше не возвращалась. Царевичъ пустился искать свою невѣсту и пришелъ къ озеру, въ которомъ она любила купаться. Три дня сряду провелъ онъ возлѣ озера, сидя на конѣ; но всякой разъ, въ урочную перу, засыпалъ непробуднымъ сномъ. Прилетая, восемь павъ бросались купаться, а девятая садилась

¹⁾ Н. Р. Ск., VII, 41, 12. — ²⁾ Сб. Валица, 31—32. — ³⁾ Срп. припов., 4; Эрбенъ, 213.

къ царевичу на коня, миловила-обнимала его и не могла добудиться. Послѣ того павы не прилетали на озеро; долго-долго странствовалъ царевич и наконецъ нашелъ городъ золотыхъ павъ и женился на своей невѣстѣ, которая царствовала въ томъ городѣ. Другія хорутанскія сказки ¹⁾ сохранили черты, еще болѣе древнія: вила прилетаетъ къ юношѣ бѣлой лебедью, оборачивается прекрасною дѣвою, въ бѣлоснѣжной одеждѣ, съ золотыми косами до земли, и ложится съ нимъ спать на золотомъ ложѣ; отъ блеска ея волосъ освѣщалась кругомъ вся ливада. Провѣдала про то мать добраго мѡлодца, взяла ножницы и отрѣзала вилѣ золотыя косы: вотъ почему красавица покинула своего мѡладо, и онъ долженъ былъ идти ее отыскивать. Итакъ вила родится съ лебедьими и дѣвами, которыя постоянно купаются въ озерахъ и источникахъ, т. е. въ дождевыхъ потокахъ ²⁾. Приведенныя сказки передаютъ мнѣ о бракѣ облачной дѣвы съ громовникомъ; въ лѣтнюю пору она прилетаетъ къ нему на ложе, но тотчасъ-же исчезаетъ, какъ скоро злая чародѣйка (Зима) лишитъ ее золотистыхъ (сверкающихъ молніями) локоновъ; юный супругъ обрѣтаетъ ее не прежде, какъ при возвратѣ весны, когда она снова является у дождевыхъ источниковъ и когда самъ громовникъ пробуждается отъ крѣпкаго зимняго сна. Согласно съ представленіемъ тучъ то небесными родниками, то садами съ золотыми яблоками, вилы въ одно и тоже время изображаются и водяными, и лѣсными дѣвами; увлекая къ себѣ сказочныхъ героевъ, онѣ держатъ ихъ въ морѣ и лѣсахъ ³⁾, или сажаютъ въ дупло и корячатъ сахарными яствами, т. е. медомъ = амритю.

¹⁾ Сб. Валавца, 21—24, 29—30. — ²⁾ Греческія сирены также представлялись птицами — *Der Ursprung der Myth.*, 193. — ³⁾ Сб. Валавца, 13, 46: „a vu opom istom morju bile so vile. Vile so prijelo ovo dete... Vre je preslo pet let, kak je dete vu vodi bilo i neizmerno lepo je bilo“.

Хорутанскія сказки предлагають интересныя свѣдѣнія о вилннхъ коняхъ (вилени, вилван конь), съ попомѣнью которыхъ добрый молодець (=Перунъ) добываетъ себѣ златовласую красавицу. Это чудесныя кони грозовыхъ тучъ; они дышатъ пламенемъ, летаютъ по воздуху съ быстротою стрѣлы, не боятся непогоды и опасностей, и надѣлены вѣщимъ характеромъ: человеческимъ словомъ, предвидѣниемъ, мудростью. Вѣстятъ съ этимъ, вилантъ, наравнѣ съ зльфеми, марами и домовыми, приписывается страсть заѣзжать обыкновенныхъ лошадей; у коня, на которомъ ѣздятъ вилы, грива бываетъ до такой степени сбита, спутана, что расчесать ее нѣтъ никакой возможности; распутать гриву можетъ только вилы и никто—богъ! Однажды герой сказки ѣхалъ на вилнномъ конѣ и нашелъ на дорогѣ три золотыхъ волоса и золотую подкову; конь даетъ совѣтъ не подымать находки, но молодець не послушался, взялъ золотые волосы и подкову и поступилъ на королевскую службу. Какъ скоро узналъ король про его находку, онъ приказалъ ему добыть златовласую красавицу и златокованнаго коня. Молодець исполняетъ приказъ: сначала привозитъ дѣву съ золотою косой, а потомъ пригоняетъ вилнныхъ кобылицъ, доитъ ихъ, и купается въ ихъ кипучемъ молокѣ, дѣлается неописаннымъ красавцемъ. Когда былъ поставленъ котелъ съ этимъ кипучимъ молокомъ (метафора весенняго дождя—I, 621-3), чудесный конь, принадлежащій сказочному герою, «rotegnul 'se one toplinjave iz mleka», т. е. охладилъ его своимъ дыханіемъ—вѣтромъ; молодець окунулся «i srećno izešel vun, rak još trikrat lepši postal kak prvo bil. Onda pustil konj nazad onu vrućinu (жаръ), koju prvo vun rotegnul z lamprom». Захотѣлъ искупаться въ кобыльемъ молокѣ сынъ короля, бросился въ котелъ—и погибъ; послѣ того златовласая дѣва досталась доброму молодцу. Въ соотвѣтствующей малорусской сказкѣ дѣва эта называется морскою

пани, а вилины кобылы — морскими или водяными. По другому преданію, вила даетъ молодцу три узды: жѣдную, серебряную и золотую; стоитъ только потрясти ими, какъ въ ту же минуту представить три вилы на коняхъ: одна на жѣдномъ, другая — на серебряномъ, третья — на золотомъ. При содѣйствіи этихъ коней, герой женится на прекрасной царевнѣ, или на самой вилѣ. Потрясъ онъ уздою — и немедленно явилась къ нему вила: «*kaj si zmisлил?*» спросила она. — «*Ja sem si zmisлил da ti budeš moja žena... Onda su se skip oženili, imeli su skip dvoje dece, živeli su skip sedem let. Onda je on jeden put pozabil ključa od one ladice, gde je ona vnzda bila.*» Виланашла узду и исчезла. Подобно тому, лебединыя дѣвы и болгарскія самовилы только тогда отдаются витязю и вступаютъ съ нимъ въ бракъ, когда онъ овладѣетъ ихъ крылушками или пернатою сорочкою (*schwanhemd*); но едва получаютъ обратно свои крылья или сорочку, тотчасъ-же превращаются въ птицъ и улетаютъ ¹⁾. Такимъ образомъ конская узда хорутанской приповѣдки соответствуетъ крыльямъ; съ помощію узды вила можетъ превратиться въ быстроногаго коня, какъ съ помощію крыльевъ — въ птицу, и тогда ей уже легко скрыться отъ влюбленнаго витязя ²⁾. По русскому повѣрью, если на вѣдьму наложить узду, она немедленно дѣлается кобылицею и съ быстротою вихря скачетъ по горамъ и доламъ. Превращеніе облачныхъ дѣвъ въ коней принадлежитъ глубочайшей древности; у индусовъ ведическаго эпохи было уже представленіе, что именно въ этомъ образѣ дѣва бурно-несущагося грозоваго облака убѣгаетъ пламенныхъ объятій бога-громовника ³⁾. Про славнаго богатырскаго коня Шараца рассказываютъ, что его подарилъ Марку-королевичу вила, что вонь этотъ пилъ в и но и скакалъ такъ высоко, что могъ догнать самую вилу:

¹⁾ Beiträge zur D. Myth., II, 212; сравни съ рассказомъ о пойманной мѣрѣ — *ibid.*, 269. — ²⁾ Сб. Валавца, 5—12, 17—19, 38—42, 75; Иличъ, 281. — ³⁾ Die Götterwelt, 21.

Шарац језди посреди планине,
 Нигде виде чути ни видети.
 Кад је Шарац сагледао вилу,
 По с три копа(ъ)а у висину скаче,
 По с четири добре у вапредак,
 Брзо Шарац достигао вилу ¹⁾.

Въ старину у сербовъ совершался обрядъ, тождественный по значенію съ нашимъ ряженіемъ (хожденіемъ окрутниковъ). Наряжались трое: чороје, вила и турица. Чороје (?) одѣвался въ косматую одежду, увѣшанную лосьими и другими звѣринными хвостами, на лицо накладывалъ маску («образину»), а въ рукахъ держалъ зеленую вѣтвь или пучокъ цвѣтовъ. Вила являлась въ бѣломъ женскомъ платьѣ, опоясанная красною перевязью, на головѣ имѣла бѣлое покрывало и вѣнокъ изъ цвѣтовъ, а въ рукѣ «као лук на три угла искнѣен сав цвијећем». Тому, кто представлялъ турицу, придѣлывалась на длинной косматой шеѣ конская голова съ большими зубами, которая могла раскрывать ротъ и хлопать челюстями; ноги у турицы были косматыя и внизу походили на птичьи. Вѣстѣ съ этими ряжеными шелъ человекъ съ бубномъ и ударялъ въ него. Впервые они совершали обходъ на Срѣтенье, и потомъ—на всякой праздникъ до великаго поста; «први дан су пролазили и кроз саборну цркву» ²⁾. Это обрядовое шествіе служило знаменіемъ скорого возврата дожденосныхъ облаковъ, которыя олицетворялись то бѣлыми дѣвами, то существами, одѣтыми въ звѣриныя шкуры, и даже прямо—коровами и конями. Турица своимъ названіемъ напоминаетъ намъ древнее поклоненіе Туру. Сидѣвшая старинныя представленія, народъ даетъ ей, вѣсто годовы быка или коровы, голову лошади и заставляетъ сопутствовать вилѣ. По

¹⁾ Срп. н. пјесме, II, 217; Срп. рјечник, 346. — ²⁾ Срп. рјечник, 828—9.

добно тому, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи совершается слѣдующій обрядъ: въ заговѣнье передъ Петровками два или три человѣка, избранные представлять русалку, покрываются парусомъ, и передній держитъ передъ собой лошадиный черепъ, на который надѣта упряжная збруя; а кто-нибудь идетъ сзади и погоняетъ эту акъ называемую русалку. Въ числѣ другихъ животненныхъ образовъ, въ какихъ издревле рисовались народной фантазіи облака и тучи, встрѣчаемъ оленя и козла. О вилахъ, блуждающихъ по лѣсамъ и рошамъ, рассказываютъ, что онѣ имѣютъ козьи ноги и конскія копыта ¹⁾. Вилы не всегда ѣздятъ на чудесныхъ коняхъ; иногда онѣ носятся на быстрыхъ оленяхъ, заузанныхъ и погоняемыхъ змѣями, т. е. молніями. Такъ, по свидѣтельству одной пѣсни, вила поймала четыре змѣи и семигодовалаго оленя, «*zauzda ga zmijom, naćini od dvě zmije gemenje za uzdu, a četvrtu zmiju uze mĕsto šibe* (взяла вмѣсто бича), *sedne na jelena, pa hajde i potĕru*» (и пустилась въ погоню ²⁾).

Какъ дѣвы весеннихъ грозъ, какъ существа, тождественныя эльфамъ, вилы куютъ крѣпкія сабли, ударя которыми можно перерубать желѣзо и камень ³⁾, и пускаютъ изъ облачныхъ странъ острыя стрѣлы — молніи. Всякаго, кто раздражитъ вилу, она поражаетъ стрѣлою въ сердце, руку, ногу или другую часть тѣла и причиняетъ ему смерть или тяжкую, расслабляющую болѣзнь. Такъ подобная кара непременно постигаетъ того, кто помутитъ свѣтлыя воды вилина источника: повѣрье, въ основѣ котораго скрывается мысль о молніяхъ, видимыхъ во время грозовой бури, возмущающей небесные родники. Родители запрещаютъ своимъ дѣтямъ ходить въ такія мѣста, гдѣ по общепринятому мнѣнію могутъ поранить

¹⁾ Кукулевичъ, 90. — ²⁾ Ibid., 102—3; German. Mythen, 571.—

³⁾ Кукулевичъ, 88.

нѣхъ истительныя вилы. Если у кого заболѣетъ нога или рука — это приписывается дѣйствию вилъ ¹⁾. Такимъ образомъ эти мифическія дѣвы ставятся въ такую-же тѣсную связь съ болѣзнями, какъ и русалки, полудницы и эльфы. Слово вилъ овчаръ означаетъ у сербовъ бѣсноватаго —человѣка, которымъ овладѣли вилы (какъ-бы вошли внутрь его тѣла). Царь Стефанъ, построивши Которъ, созвалъ на пиръ гостей, и между прочими пригласилъ помогавшую ему вилу. За пиромъ сталъ онъ хвастаться, какой удалось ему воздвигнуть славный городъ; на это вила возразила, что безъ нея онъ ничего бы не сдѣлалъ; раздосадованный царь ударилъ вилу по лицу, «а она се на то расрѣдъ, те све изворе (родники) и студенце по Котору отрује (отравила, испортила) и све гости цареве полуди (и наслала на царскихъ гостей ѡдурь). Кад цар ту освету (мщеніе) види, он стане вилу молити и једва је којекако намоли те му госте поврати од лудила и очисти му од отрова само један извор иза јужнијех врата градскијех» ²⁾. Бросая что-то въ источники, или купая въ нихъ своихъ дѣтей, вилы отравляютъ воду, и тотъ, кто напьется этой воды, долженъ немедленно умереть ³⁾; сравни приведенныя выше (стр. 62, 113) повѣрья о колодцахъ и сосудахъ, отравляемыхъ демонами различныхъ недуговъ. Сербскія пѣсни даютъ виламъ лукъ и стрѣлы: ставить шатѣръ угринъ Јанко у студѣныхъ водъ Савы—на вилиномъ игралищѣ, и говорить ему бѣлая вила:

«Ход' отоле, угрин Јанко!
 Не пса(ъ)и ми шатор тудар ⁴⁾;
 Ако запех стр'јеле моје,
 Устр'јелићу тебе, Јанко.»

Еще интереснѣе свидѣтельство другой пѣсни: ѣхали два побратима Марко-кравевичъ и воевода Милошъ; говоритъ Марко:

¹⁾ Срп. рјечник, 61; Иличъ, 279—280. — ²⁾ Срп. рјечник, 62, 294. — ³⁾ Кундуличъ, 101. — ⁴⁾ Не разбивай тутъ шатра.

«сильно одољвааетъ меня сонъ; запой, братъ Милошъ, и разгони мою дремоту.» Отвѣчаетъ ему Милошъ:

«Ја би тебе, брате, попевао,
Ал' сам синоћ много пио вино
У планини с вилом Равијојлом,
Пах је мене запретила вила:
Ако мене чује да попевам,
Оће мене она устрелити
И у грло и у срце живо.»

— Пој, не бойся вила, пока живъ Марко-королевичъ и есть у него вѣщій конь и золотой шестоперъ. Милошъ затанулъ пѣсноу,

А Марку је песма омидила,
Наслони се седлу на облучје;
Марко спава, Милош попијева.
Зачула га вила Равијојла,
Па Милошу поче да отпева;
Милош пева, вила му отпева.
Лепше грло у Милоша царско,
Јесте лепше, него је у виле;
Расрди се вила Равијојла,
Пах одскочи у Мироч-планину,
Запе лука и две беле стреле,
Једна уд'ри у грло Милоша,
Друга уд'ри у срце јуначко.

— Марко, побратимъ по Богу! воскликнулъ Милошъ, вила меня устрѣляла. Очнулси Марко отъ сна, припустилъ Шараци и стагъ нагонягъ вилу.

Кад се вила виде у невол(ъ)и,
Приу јадна ¹⁾ небу под облаке;
Потеше се буздованом Марко,
Белу вилу међ' плећи удари,
Обори је на зем(ъ)ицу чариу,
Пах је стаде бити буздованом,
Преврће је с десне на лијеву,
Пах је бије шестопером златним.

¹⁾ Принула бѣднага.

Стала молитъ его вила: «пушта меня жавою! а наберу зелья и залѣчу раны у Милоша.» Отпустилъ ее Марко-королевичъ; набрала вила цѣлебныхъ травъ и залѣчила юнаку тяжелыя раны: еще лучше (=сладкозвучнѣе) стало у Милоша горло, чѣмъ было прежде. Говорила потомъ Равијола между своими подругами:

«О чујете, виле-другарице!
 Не стрељајте по гори јунака,
 Дон је гласа краљевича Марка
 И његова видовита Шарца
 И његова шестопера златно.»¹⁾

Тоже преданіе разноазывается у хорутанъ въ такой формѣ: вѣдали Марко и Андрей-королевичи. На просьбу Марка спѣтъ ему пѣсню—отозвался Андрей: «ei, mili brate, ja ti ne smem, mene bi vila oblakinja prestrelila. — Ei, pa naj se bojati, ja sem ti ovidi. Poslušne Andro i zapeva tak da su 'se grane²⁾ padale. Na jeden put doleti s ulica (короткое, метательное копье) v u Andra i prevali se. A Marko se ozre, odkud je to doletelo i opazi v u oblaku vilu, pograbi buzdovana i hiti ga v u vilu tak da ju je mam na kla hitil. Vila počne kričati: pusti me, Marko, ja ti oživim Andra i dam ti konja vilovitoga, kaj buš mogel po zraku leteti. Marko ji dovoli i ona nabere nekakove trave pa oživi Andra; a Marko dobi konja vilovitoga»³⁾. Итакъ вилы не только наносятъ смертельныя и болѣзненные удары, но и знаютъ искусство залѣчивать раны и умѣютъ находить нужныя для этого травы. Онѣ, по народному повѣрью, слетая съ неба, учатъ людей тайнамъ врачеванія; кто окажетъ вилѣ какую-нибудь услугу, тому она становится посестримою (названною сестрою) и сообщаетъ знаніе цѣлебныхъ травъ⁴⁾. Когда однажды моло-

¹⁾ Сри. в. пјесме, I, 181; II, 215—9. — ²⁾ Въ вѣдан. — ³⁾ Сб. Валица, 68. — ⁴⁾ Букулевичъ, 89—90; Иличъ, 281.

дой юнакъ сломалъ свою правую руку, для него, по словамъ сербской пѣсни ¹⁾, нашлась «л(ь)екарица, изъ горнице вила»; но раздраженная на его любовь—она отравила ему рану, и несчастный погибъ безвременной смертію. Виленикъ называется человѣкъ, въ котораго ударила вила стрѣлою и потомъ сама-же исцѣлила ²⁾. Чехи противъ недуговъ, которые подобно червямъ подтачиваютъ жизнь человѣка, произносятъ такой заговоръ: «*Byla ranna Maria prečistá, šla tri vlastni sestričký (вариантъ: svatá Lucie tri dcery měla): jedna předla, druhá vila, třetí (motala i) na škrkavky žehnala, žehnala srdečnim, jaternim, plěnim, krevnim, strevnim (закликала червей въ сердцѣ, печени, легкомъ, въ крови и кишкахъ) té a té osobě, aby jí masa nejedly, krve nepily, a té osobě pokoj daly*» ³⁾. Эти три дѣвы, изъ которыхъ одна прядетъ, другая вьетъ, а третья мотааетъ, суть вилы, о сродствѣ которыхъ съ тремя вѣщими прихами (дѣвами судьбы) будетъ сказано въ главѣ XXV. Сила врачевать болѣзни принадлежитъ виламъ, какъ обладательницамъ живою, цѣлющею воды, какъ дожденоснымъ или водянымъ дѣвамъ. Нѣмецкія саги заставляютъ бѣлыхъ женъ возсѣдать около цѣлебныхъ ключей и колодезъ (*heilquellen, gesundbrunnen*); а по шотландскому преданію, лѣкарственные знаки указала морская жена ⁴⁾. Сверхъ тѣлесной крѣпости и здравія, живая вода надѣляетъ еще даромъ предвѣщаній и высшаго вѣдѣнія, и чрезъ то необходимо становится облачныхъ нимфъ въ разрядъ вѣщихъ или мудрыхъ женъ (*weise frauen, weissagerinnen*). Всякая вила есть прорица и чародѣйка; она знаетъ будущее, и состязаясь въ мудрости, легко побѣждаетъ своихъ противниковъ: слов. *vilenik* — колдунъ, *vilenisctvo, vilensztvo* — колдовство ⁵⁾.

¹⁾ Срп. н. пјесме, I, 430. — ²⁾ Срп. рјечник., 62. — ³⁾ Громанъ, 152—3 — ⁴⁾ D. Myth., 1101—6. — ⁵⁾ О вл. христ. на сл. яз., 21.

Бану Секулѣ общалась вила «три била казат': прво бвлѣ — да ти љуба роди сына, друго — да ти с'абља сјечетурке, треће — да си стиган (честенъ) у дружину»; а Марку-королевичу она предсказала близкую смерть. Оступился Шарацъ и полился изъ глазъ его слезы; спрашиваетъ Марко королевичъ: что бы это значило? и отозвалась ему вила съ горы: «жалѣть тебя добрый ковь! скоро намъ разставаться: заболѣешь ты, Мирко, и умрешь «од Бога од старог крвника». Какъ будешь ты на вершинѣ горы, посмотри справа надѣво — тамъ стоятъ двѣ тонкія ели, а межъ ними струится свѣтлый ключъ; сойди съ коня, загляни въ воду на свое лице, и узнаешь, что тебя ожидаетъ смерть.» Послушался Марко,

Наднесе се над бунар ¹⁾ над воду,
 Над водом је лице огледао;
 А кад Марко лице огледао —
 Виђе Марко кад ће умријети ²⁾.

Этотъ горный колодець соответствуетъ тѣмъ скандинавскимъ источникамъ мудрости и предвѣдѣнія, которые истекали изъ-подъ корней Иггдразлла, и особенно Urdhsbrunnen'у, волаѣ котораго обитали норны, опредѣлявшія теченіе жизни и смерть каждаго человѣка. Въ старину многіе съ боязнію смотрѣли на свой отраженный образъ. Вѣроятно, на гаданіи, съ какими издревле обращались къ воднымъ источникамъ, основывается и воднѣйшее гаданіе зеркаломъ; донныѣ дѣвушки, желая увидать своего суженаго, смотрятъ или на дно колодца, или въ зеркало.

Владѣя стрѣлами и копьями, вилы являются въ народныхъ сказаніяхъ могучими, воинственными дѣвами, подобными съвернымъ валькиріямъ. Такъ какъ въ грозѣ древній человѣкъ созерцалъ борьбу стихій, кровавыя битвы и дикую охоту облачныхъ духовъ; то о горныхъ вилахъ (vile gorske) расска-

¹⁾ Студенець; родникъ. — ²⁾ Срп. н. пјесме, I, 182—3; II, 439—441; Путешест. въ Черногорію А. Попова, 213—4.

зываютъ, будто онѣ, вооруженныя мѣткими стрѣлами, дѣяты ловы и сражаются между собою, при чемъ отъ нихъ нестойкихъ восклицаній и крика стонуть горы и содрагается земля: «čela goga od krike i vike gmi i zemlja se trese»¹⁾. Съ затемнѣніемъ основнаго смысла преданія, фантазія допустила участіе вилъ въ человѣческихъ войнахъ. Онѣ помогаютъ своимъ любимымъ героямъ и низвергаютъ вонновъ противной стороны губительными ударами; хорутанская пришевка²⁾ упоминаетъ о вилѣ, наполненной головами людей, побитыхъ вилами («koje su vile preobladale»). Онѣ покровительствуютъ сербскимъ юнакамъ, заключаютъ съ ними побратимство (принимаютъ на себя обязанности посестри иъ), дарятъ имъ крѣпкое оружіе и надѣляютъ ихъ силою и удачею въ бояхъ. Марку королевичу онѣ дали и богатырскую силу, и ратную саблю³⁾. У хорутанъ сохранилось такое преданіе: въ дѣтствѣ своемъ Марко-королевичъ пасъ свиней и былъ такой слабой мальчикъ, что его постоянно колотили товарищи. Однажды онъ набрѣлъ на прекраснаго вилина ребенка, и видя, что дитя лежитъ на солнечномъ припѣкѣ, укрылъ его подъ тѣнь. Тутъ пришла вила и промовила: «mili Bog! gdo je to včinił? da me prosi kaj god na svetu, ja bi mu dala». Мальчикъ попросилъ, чтобъ его не обижали товарищи. «A ona mu odgovori: ajda, gda to očeš, hodi me cecat (сосать). On ju posluhne i ide cecat. Gda se je nacecal, veli mu vila: no, vezda⁴⁾ bodi ovoga kamena drmat⁵⁾, jel' ga buš mogel zdrmati. Kamen imel je dvanajst centov. Ide ga drmat, ali ni z mesta. Onda mu veli vila: hodi išše cecat; gda se nacecaš, hodi ga pak drmat. Ide cecat, i gda se je nacecal — ide ga drmat, ali samo malo ga je zdrmal. Onda pak ide cecat... Onda ga je vre mogel vu visinu veliku i prek gore hititi,

¹⁾ Кукулевичъ, 90. — ²⁾ Сб. Валавца, 2. — ³⁾ Кукулевичъ, 96; Иличъ, 289. — ⁴⁾ Теперь. — ⁵⁾ Трасти, поворачивать.

da ga v. ě ni bilo nigde». Такъ, по древне-поэтическому воззрѣнiю на природу, сосеть богъ-громовникъ облачную жену, и упившись ея молокомъ (= дождевою влагою), предстаётъ во всешъ своемъ грозномъ величiи — рушителемъ скалъ и камней. «Теперь, сказала вила Марку-королевичу, ступай—куда хочешь; никто тебя не одолѣеть!» Королевичъ сковалъ себѣ огромную боевую палицу и отправился на богатырскiе подвиги. Съ этихъ поръ онъ былъ непобѣдимъ въ бою; вилы постоянно помогали ему въ кровавыхъ встрѣчахъ. Нѣкогда, сражаясь съ русскимъ царемъ, онъ воскликнулъ: виле, помоги миѣ! и вслѣдъ за тѣмъ побѣдилъ непрiятельскiя рати ¹⁾. Сербская пѣсни описываетъ единборство Марка-королевича съ Мусой Кеседжiя: послѣ первыхъ ударовъ, изломалось у обоихъ воинское оружiе; она соскочила съ коней и схватились руками; долго боролись витязи, кровавая пѣна капала съ нихъ на землю, но вотъ Муса осмилѣлъ, повалилъ противника на зеленую траву и сѣлъ ему на грудь. Завопилъ королевичъ Марко:

„Ѣе си данас, посестримо вило,
 Ѣе си данас? ниѢе те не било!
 Еда си се криво заклини(ь)ала
 ѢегоѢ мене до невол(ь)е буде,
 да Ѣеш мене бити у невол(ь)и?“ ²⁾

Явилась ему вила изъ облака и сказала: «зачѣмъ жалуешься, Марко-королевичъ! не я ли, бѣдный, тебѣ говорила чтобы, не начиналъ ссоры въ воскресенье? Срамъ нападать двумъ на одного, и развѣ нѣтъ у тебя зиѣи за паухой?» Въ послѣднихъ словахъ былъ намѣкъ на острый ножъ. Заслышавъ голосъ вилы, Муса взглянулъ на облако, откуда она вѣщала; а

¹⁾ Сб. Валавца, 63—65. — ²⁾ Переводъ: „гдѣ ты нынче, посестрима вила, гдѣ ты? нигдѣ теби нѣтъ! Развѣ ты невѣрно являлась помогать миѣ въ бѣдѣ?“

Марко въ тоже мгновеніе выхватилъ вожь изъ-за пазухи и распоролъ Мусу отъ пояса до самаго горла ¹⁾. Другая пѣсни рассказываетъ, какъ къ тому-же герою пришло девять-десять посестримъ вила на помощь противъ бана Свиланна. Къ молодцу Новаку прилетѣла изъ горы вила и помогла ему въ битвѣ противъ Мануйла Гречича; а когда Янко былъ убитъ Нукичемъ, вила взяла его сына Нинолу Янковича, унесла въ свою пещеру и воспитывала до юношескихъ лѣтъ, потомъ дала ему славнаго вилинскаго коня и вилинское оружіе и послала истить за смерть отца ²⁾. Враги сербовъ и черногорцевъ — враги и ихъ вилашъ. Вилы предупреждаютъ витязей этого славянскаго племени о всякой военной опасности, о всѣхъ нападеніяхъ, какія готовятъ на нихъ невѣрные турки.

Кличе вила од Кома-планине,
 Дозивала вила на поле Цетине,
 На Цетине на средь горе Црис
 По имену и по прозвмену
 Петровича Данилу владыку:
 О владыко, черногорска главо!
 Это на те иде силна војска
 Од оноги Отманович цара ²⁾.

Владыка спрашиваетъ вилу:

«Кажи мене, од планине виле!
 Мош ли знати, колнко је војске,
 Од које ли земл(ь)е и краине,
 На коју ће страну окренути
 И сад ко ће на нас ударити?» ⁴⁾

¹⁾ Срп. н. пјесме, II, 407—9. — ²⁾ Кукулевичъ, 88, 95. —
³⁾ Переводъ: кличетъ вила съ горы Комы, зоветъ вила на Цетянское поле, на Цетянское поле среди Черногорья, по имени и прозванію — владыку Данилу Петровича: «о владыка, черногорскій глава! идетъ на тебя сильное войско царя отомановъ» — ⁴⁾ «Скажи мнѣ, горная вила! знаешь ли ты — сколько войска, изъ какихъ земель и областей, на какую сторону кочеть нападать, и кто ва насъ ударить?»

И вила рассказываетъ, сколько у непріятеля войска, изъ какихъ земель оно набрано и на какія страны намѣрено ударить. По ея вѣстиямъ, владыка распоряжаетъ дѣйствіями своихъ полковъ и одерживаетъ надъ турками знаменитую побѣду. Точно также, по словамъ недавно-сложившейся пѣсни, вила извѣщала о предстоящей битвѣ храбраго Вука Лешевича и нугала его бѣдами, если онъ не послушается ея совѣта и не сообщитъ о томъ другимъ юнакамъ ¹⁾). По волошскому поверью, у каждой страны есть своя *vilva*-защитница; охраняя свои земли, вилвы часто сражаются между собой въ воздушныхъ пространствахъ, и смотря по исходу битвы—въ подвластныхъ имъ странахъ устанавливается хорошая или дурная, благоприятная или гибельная для урожаевъ погода (сравни съ сказаніями о битвахъ лѣшихъ — II, 334-5, и вѣдогоней — гл. XXIV). Такимъ образомъ вилы получили вполне-народный характеръ, сдѣлались защитницами политической свободы и общественныхъ интересовъ южныхъ славянъ, подобно тому, какъ въ германскихъ преданіяхъ тѣже національныя черты усвоены Одину и валькиріямъ. Чехи донынѣ видятъ въ облакахъ и тучахъ толпы небесныхъ воиновъ, и когда собирается гроза — говорятъ: вотъ опять вооружаются *nebeští vojašil* Громы и молніи принимаются за ихъ выстрѣлы, а сгущенные пары — за дымъ отъ огнестрѣльнаго оружія; когда небесный воинъ дастъ промахъ, то посланная имъ нуля падаетъ на землю и производитъ грозовый ударъ. Въ средѣ этихъ ратниковъ есть безголовый барабанщикъ; зашумитъ ли въ лѣсу буря — это онъ стучитъ въ свой громкій барабанъ ²⁾). Послѣ принятія христіанства, означенныя представленія были перенесены на ангеловъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ создались легенды о чудесной помощи, даруемой ими

¹⁾ Путеш. въ Черногорію А. Попова, 216—9.— ²⁾ Громаниъ, 5.

христолюбивому воинству. Ипатьевская летопись, описывая битву Владимира Мономаха съ половцами, замѣчаетъ: «падаху половци предъ полкомъ Володимеровымъ, невидимо бьими ангеломъ, яко се видяху мнози человекѣци, и главы летяху невидимо-стнаемы ва землю. И въпросиша молодникъ (пѣнныхъ), глаголюще: како васъ толико сила и многое множество не можете ся противити, но въскорѣ побѣгосте? Си же отвѣщаху, глаголюще: како можемъ битись съ вами, а дружинъ видяху верху васъ въ оружьи свѣтлѣ и страшни, иже помогаху вамъ! Токмо се суть ангели, отъ Бога послани помогать хрестьяномъ» (сравни т. I, 278—9). Въ «Гисторіи объ азовскомъ взятіи» разсказывается, что казаки, стѣсненные турками, возслали къ Богу горячія молитвы, и «для той казацкой печала того-же дня возста отъ сѣверной страны туча, а изъ той тучи вышла Дѣва Пречистая Богородица и съ ней множество прекрасныхъ юношей (ангеловъ и мучениковъ), и пришедъ прогна турокъ... Нападе на нихъ страхъ и трепеть, и ослѣпи очи ихъ, и между собою начали стѣчися»¹⁾. Какъ валькириі препровождаютъ падшихъ въ бою героевъ въ блаженное царство Одина, такъ и вилы увлекають прясужденныя имъ души въ свои облачныя жилища. Одна мать, у которой было девять дѣвочекъ, молила Бога, чтобы онъ даровалъ ей сына; но вмѣсто мальчика, родила дѣсатую дочь. Когда на крестинахъ спросили родильницу: какое имя дать ребенку? — она въ горькой досадѣ отвѣтила: «Яня—чортъ бы ее взялъ!» (ѣаво је одиѣјо!) Яня выросла тонка и высока, бѣлолица и румяна; разъ взяла она ведро и пошла по воду.

Бад је била кроз гору зелену²⁾,
 Ал' повина на горнице вила:
 „Ој чујеш ли, прелијена Јањо!

¹⁾ Рыбник., IV, 182-3. — ²⁾ Когда шла дѣзеленный сонъ...

Баца ¹⁾ ведро у зелену траву,
 Ходи и мене у гору зелену;
 Тебе ј' мајка нама поклонила,
 Још малену куму на рукама²⁾.

И дѣвица пошла къ виламъ ³⁾. Доселѣ существуетъ клятва: «чтобъ тебя вилы унесли!» (виле те однеле! ⁴⁾). Въмѣсто выраженія: «какая смерть тебя возьметъ!» сербы говорятъ: «какія вилы тебя одолѣютъ!» ⁵⁾. На Руси дѣти, проклятыя отцомъ или матерью, дѣлаются достояніемъ водяныхъ и лѣшнихъ.

Наравнѣ съ эльфами и русалками, вилы любятъ пляски, пѣніе и музыку. Собираясь на избранныхъ мѣстахъ — въ лѣсахъ и по горамъ, онѣ водятъ коло, играютъ на свирѣляхъ и дудкахъ, поютъ, бѣгаютъ и рѣзвятся; морскія вилы выходятъ при свѣтѣ мѣсяца изъ своихъ подводныхъ жилищъ, затягиваютъ чудныя пѣсни и въ легкихъ, граціозныхъ пляскахъ носятся по берегу или по зыбкой поверхности водъ. Вилы охотно пляшутъ и подъ звуки гуслей, на которыхъ играетъ пастухъ; онѣ такъ пристрастны къ танцамъ, что предаются имъ до совершеннаго истомленія ⁶⁾. Высока́ Ловѣн-планина, говоритъ пѣсня, «виленски у ној станови, свећ' (всегда) виле танце изводе» ⁷⁾. Смертнымъ небезопасно смотрѣть на ихъ веселыя забавы; всякой, кто набредетъ на нихъ хороводъ или вечернее пиршество, всякой, кто расположится станомъ на ихъ «дивномъ игралищѣ, дивномъ пѣвалищѣ», — подвергается ищенію и стрѣламъ раздраженныхъ вилъ ⁸⁾. Иногда, завидѣвъ мношу, вилы увлекаютъ его въ свои танцы и кружатъ до тѣхъ поръ, пока онъ не испуститъ своей души ⁹⁾; но случается

¹⁾ Брось. — ²⁾ Срп. н. пјесме, I, 560—1. — ³⁾ Срп. н. послов., 35. — ⁴⁾ Герман. Mythen, 571. — ⁵⁾ Кукуленичъ, 94, 101; Сб. Валава, 13, 46, 52—59. — ⁶⁾ Срп. н. пјесме, I, 190—1. — ⁷⁾ Ibid., 181—3; Срп. рјечникъ, 61. — ⁸⁾ Narod. zpiewanky, I, 8.

также, что, въ награду за долгую неутомимость и искусство въ пляскѣ, вилы вступаютъ съ нимъ въ побратимство и научаютъ его мудрости (дѣлаютъ вѣщныиъ), какъ своего любимца. Однажды Марко-королевичъ шелъ горою мимо того мѣста, гдѣ собравшіяся вилы коло играли. Онѣ увидали королевича и пригласили его состязаться съ собой въ танцахъ— съ тѣмъ условіемъ, что если онѣ будетъ побѣжденъ, то навсегда останется въ ихъ власти. Но витязъ былъ крѣпокъ ногами и одержалъ побѣду надъ всеми вилами, которыя, не смотря на свою легкую, воздушную природу, попадали наконецъ отъ усталости на землю. Побѣжденные вилы заключили съ королевичемъ братскій союзъ, и съ той поры какъ-бы состояли у него на службѣ и помогали ему во всякой бѣдѣ. По свидѣтельству черногорской пѣсни, на Мирочѣ все вилы были Марку-королевичу посестримы, кромѣ одной Равијолы, но и ту заставили подружки послѣдовать ихъ примѣру ¹⁾. Напѣвы вилъ до того обаятельны, что человѣкъ, услышавши ихъ однажды, уже не можетъ наслаждаться пѣснями земныхъ дѣвъ и всю жизнь свою томится и тоскуетъ. Любятъ вилы состязаться и въ искусствѣ пѣнія, и какъ равнодушны онѣ къ легкости и быстротѣ пляски, такъ точно равнодушны и къ звонкому, пріятному голосу. Выше мы указали преданіе, какъ вила Равијола поразила стрѣлами Милоша — за то, что въ сравненіи съ нею онѣ пѣлъ и звучнѣе, и лучше. Есть еще другое преданіе, что нѣкогда вилы вступили въ состязаніе съ самонадѣяннымъ пѣвцомъ, и доказавши превосходство своихъ голосовъ, ослѣпили его ²⁾. У хорутанъ извѣстенъ слѣдующій рассказъ: у бѣдной вдовы была малютка-дочь, наученная славнымъ пѣснникомъ. По вечерамъ, когда она начинала пѣть, приходили прекрасныя вилы «z dugemi zlatnemi lasmi(воло-

¹⁾ Кукулиничъ, 87—90. — ²⁾ Ibid., 92.

сами) i zlatpemi orgavamii». Незримыя никому, кромѣ одной дѣвочки, онѣ внимательно слушали ея пѣсни и всякой разѣ оставляли ей какой-нибудь подарокъ. Дѣтя такъ полюбилися виламъ, что онѣ рѣшились завладѣть ими, и вотъ когда дѣвочка была похищена—бѣдная мать отправилась на поиски и нашла ее въ полѣ, «gde su vile ž njenum čerjum ¹⁾ poravale. I vile zele su mater med se i dayale nji kajkakve stvari ²⁾ da naj samo kčer pri nji' pusti, ali ona ne je štela ³⁾. Onda su nji dale lepe stvari da kči saki večer med nje dojde poravat.» Послѣ, когда мать померла, дочь ея сдѣлалась вилою («ro-stala je jedna lepa vila» ⁴⁾). Особенно интересна сербская пѣсня, изображающая хороводъ вилъ:

Ој вишњо, вишњице!
 Дигни горе гране,
 Испод тебе виле
 Дивно коло воде.
 Пред њима Радиша
 Бичем росу тресе,
 До две виле води,
 А трећој беседи:
 »Поћ' за мене, вило!
 Код моје ћеш мајке
 У ладу седити,
 Танку свилу прести
 На златно вретено.« ⁵⁾

Дерево, подъ которымъ собрались вилы, соотвѣтствуетъ мировой ясени Иггдразилли (см. II, 279), и есть не болѣе, какъ метафора дождевой тучи; подъ ударами громоваго бича, съ

¹⁾ Съ ея дочерью. — ²⁾ Вещи, дары. — ³⁾ Не хотѣла. — ⁴⁾ Сб. Валица, 47—48. — ⁵⁾ Сrp. и. пјесме, I, 111. Переводъ: Ой вишня, вишенья! подыми вверхъ вѣтви, подъ тобою вилы дивный хороводъ водять. Передъ ними Радиша бичемъ росу страшаетъ, двухъ вилъ водить, а третьей говорить: пойди за меня, вила! подлѣ моей матери будешь сидѣть въ прохладѣ и прить тонкій шелкъ на золотое веретено.

вѣтвей этого дерева сотрясается роса—дождь. Такое сотрясение росы, сопровождающее пляску вилъ, указываетъ на ихъ стихійное значеніе и на сродство съ валькиріями, которыя въ своихъ воздушныхъ поѣздахъ также роняютъ росу. Последнія два стиха пѣсни свидѣтельствуютъ, что вилы занимались пряжею. Хорутанскія приповѣдки рассказываютъ, что за услуги, оказанныя виламъ, онѣ дарятъ такой клубокъ нитокъ, изъ которыхъ можно наготовить столько полотень, сколько захочется. Такъ одна пастушка укрыла спящую вилу отъ жаркихъ лучей солнца, а вила подарила ей *jedno klopko* (клубокъ) и *rekla: samo vezda snuj ovo klopko — i budeš imela dosti rubja* (платья ¹⁾). Она же такъ направила и имела же *tuliko platna da si je napravila rubja dosti sebi i svojemu bratu* ²⁾. Народное повѣрье утверждаетъ, что вилы шьютъ женскія одежды, и сидя на плоту, расчесываютъ свои золотистыя косы ³⁾. Цвѣтокъ *suscuta eugoraea*, называемый у нѣмцевъ *flachsseide*, у сербовъ слыветъ: *вилна коса* ⁴⁾.

Одно изъ наиболѣе распространенныхъ въ народномъ эпосѣ свазаній основано на мнѣіи о похищеніи облачныхъ женъ и сокрытіи дождевыхъ источниковъ злобнымъ демономъ — змѣемъ. Въ хорутанскихъ сказкахъ мнѣіе этотъ передается въ такой формѣ: царевичъ (=громовникъ) женится на прекрасной вилѣ; но приходитъ пора, и ее похищаетъ огненный король—старикъ, изъ устъ котораго исходятъ пламя; онъ уноситъ вилу на *ognjevitu gogu* или въ змѣиный городъ, и тамъ сажаетъ ее среди потока (=въ тучѣ) и оковываетъ пѣпями, т. е. зимнею стужею. Царевичъ отправляется добывать свою подругу, и чтобы достигнуть этой цѣли — долженъ слу-

¹⁾ Серб. руб, рубац = рус. рубаха. — ²⁾ Сб. Валавца, 60—62. — ³⁾ Кукулевичъ, 99—100; Иличъ, 281. — ⁴⁾ Сри. рјечникъ, 62.

жить у бабы-чародѣйки и пасти быстроногихъ виллиныхъ кобылицъ, въ которыхъ обращаются ея дочери. Такой подвигъ совершается итъ при содѣйствіи Солнца, Мѣсяца и Вѣтра; затѣмъ, купаясь въ молокѣ виллиныхъ кобылицъ, онъ дѣлается сильномогучимъ богатыремъ и получаетъ за службу чудеснаго коня; на этомъ конѣ онъ увозитъ свою красавицу отъ огненнаго короля, а самому королю отсѣкаетъ мечемъ голову¹⁾, т. е. при возвратѣ весны богъ-громовникъ, купаясь въ молокѣ небесныхъ источниковъ, обрѣтаетъ свою прежнюю силу, поражаетъ демона мрачныхъ тучъ и выводитъ изъ заключенія дожденосную нимфу, какъ свою любимую супругу. Въ зимнее время, подъ вліаніемъ вьюгъ и морозовъ, царство облачныхъ дѣвъ каменѣетъ; соотвѣтственно этому поэтическому представленію, сказка, изображаетъ царство вилъ окаменѣннымъ сілюю злаго заклятія, но вотъ наступаетъ пора освобожденія (=весна) и сказочный герой несетъ туда на виллиномъ конѣ, входитъ въ церковь и начиваетъ звонить: «какъ онъ pozvoní, alí na jedenkrat vse oživi—ljudi, tarha (стада) i vse kaj je predí bilo okamenjeno». Звонъ—метафора грома; шумъ грозы пробуждаетъ мертвое царство, и добрый молодецъ женится на златовласой красавицѣ, царицѣ вилъ²⁾. Какъ всѣ облачные, грозовые духи могутъ посылать и жизнь и смерть, смотря потому—несутъ ли они живую воду дождя, или холодныя, всѣоцѣняющія вьюги; такъ и вилы представляются съ тѣмъ-же двойственнымъ характеромъ: онѣ то разрушаютъ волшебныя чары и призываютъ окаменѣлыхъ героевъ къ жизни, то сами превращаютъ ихъ въ камень, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ отождествляются съ злыми чародѣйками—вѣдьмами. Царевичъ нанимается въ пастухи къ слѣпому старику; съ гусями въ рукахъ, онъ гонитъ стадо на пастбище, располагается вблизи виллиа города и засыпаетъ крѣпкимъ сномъ; въ это время

¹⁾ Сб. Валица, 1—5, 24—29. — ²⁾ Ibid., 17—19.

вилыокаменили все его стадо. Проснувшись, царевичъ пошелъ къ виламъ. «Мам, veli jedna vila, da budu ga vezda na kamen napravile, a druga veli: ne-ne, ima gusle, naj nam igra, bumo tancale. On jim igra-igra, a one, gda jim preveč tancanja bilo, kričiju: naj igrati, naj-náj! ¹⁾ On samo igra dok su opadale v re vile. Onda kričiju: naj igrati, idi raiši v ono šikarje pak si onu i onu šibu (пруть, вѣтку) odreži pak vudri po sakem kamenu, 'sa bu ti nazad marha. On igra-igra. One kričiju: naj igrati, rajši otrgni onu travu tam pak namaži starcu slepomu tvojemu oči pak bu taki videl. On igra-igra, pak veliju mu vile: naj, naj igrati, idi k starcu dimo pak vudri po štali, mam bu 'se zlato i ves zlato komj i 'se bu vu štali zlato. On nikaj, igra-igra. One veliju: naj igrati, vudri doma po pivnici ²⁾, buš tam dva kupe zlata i srebra našel, samo nam pusti mira pak naj igrati» ³⁾. Царевичъ пересталъ играть и воспользовался вѣтвь, что высказали ему вилы. Эта игра на гусляхъ—метафора грозовыхъ пѣсней. Называя вой бури и раскаты грома небесною музыкою, фантазія создала басню о гусляхъ-самогудахъ, обладающихъ такимъ чародѣйнымъ свойствомъ, что пока они издають звуки—все кружится и пляшетъ; вилы поэтому и не могутъ оставить своей бѣшеной пляски, и усталыя просятъ о пощадѣ. Смыслъ преданія—елѣдующій: богъ-громовникъ, искусный музыкантъ на волшебныхъ гусляхъ, выговяетъ въ раннюю весеннюю пору свои небесныя стада, т. е. дождевыя облава; а вилы, пользуясь его отдохновеніемъ, превращаютъ ихъ суровымъ дыханіемъ стужи въ безжизненные камни. Но вотъ пробуждается громовникъ, начинаетъ наигрывать на гусляхъ, и заставляя вилъ

¹⁾ Когда вилы натапцовались, онъ закричалъ: довольно, будетъ играть! — ²⁾ Штала—конюшня, пивница—погребъ. — ³⁾ Сб. Вальца, 33—34, 54—56.

плясать, приводитъ ихъ въ совершенное истомленіе, т. е. смиряетъ ихъ въ шумѣ бурной грозы, дѣйствиємъ которой окаменѣлыя стада его возвращаются къ жизни (ударъ вѣтки есть ударъ молніи, см. II, 388-395), золото солнечныхъ лучей проясняется изъ-за разбитыхъ тучъ и верховному владыкѣ неба, ослѣпленному темными облаками и туманами, возвращается его зрѣніе—свѣтъ. Солнце, луна и звѣзды уподоблялись золоту, серебру и глазамъ. Тучи, закрывающія эти свѣтила, представлялись демонами, готовыми не только похитить драгоценныя сокровища, но и ослѣпить всевидящія, міровыя очи. Вилы, какъ собирательницы облаковъ, также отнимаютъ небесный свѣтъ, или выражаясь метафорически: похищаютъ зрѣніе (очи), пока могучій громовникъ не разсѣетъ сгущенныхъ тучъ и не выведетъ изъ-за нихъ яснаго солнца, явлъ блестящихъ звѣздъ и мѣсяца. Приведенная сказка имѣетъ еще другой вариантъ ¹⁾: три вилы выкопали у стараго дѣда очи; свѣтливый пастухъ вызвался возвратитъ ему зрѣніе. Онъ приготовлялъ шестнадцать клиньевъ и погналъ овцу да барана на пастбище. Вскорѣ явились туда три вилы и начали тавцовать подъ музыку пастуха; онѣ танцовали до тѣхъ поръ, пока не попадали въземь. Тогда добрый молодецъ прѣкрѣпилъ ихъ клвнями въ землѣ, а баранъ принялся подъ бока толкать; вилы принуждены были покориться и выдали пастуху шесть коробокъ глазъ, между которыми онъ нашелъ и глаза дѣда. Пастухъ воротился къ слѣпому, вставилъ ему очи, и съ помощію цѣлебной травы, указанной вилами, возвратилъ ему потерянное зрѣніе ²⁾. Г. Максимовичъ упоминаетъ о подобной жемалорусской сказкѣ про злую русалку, которая лишила зрѣнія дѣда и бабу—за то, что онъ пасъ и овецъ на ея заповѣдномъ лугу, и носила ихъ вынутыя очи въ платкѣ за поясомъ ³⁾.

¹⁾ Ibid., 52—53. — ²⁾ Сравни у Эрбена, 27—29: „Jezinky“. — ³⁾ Рус. Бес. 1856, III, 100.

Тѣхъ-же мненческихъ дѣвъ болгары знаютъ подъ именами: а) само-вила и в) само-дива; первая преимущественно обитаетъ въ горахъ, а послѣдняя — въ рѣкахъ и колодахъ. Оба имени сопровождаются придаточнымъ само и напоминаютъ наши эпическія выраженія: коверъ-самолетъ, скатерть-самобранка, топоръ-саморубъ и др. Самовила (самовьющая, самоприха) существенно ничѣмъ не отличается отъ сербской и словенской вилы; а самодива должна быть поставлена въ сродство съ дивами—великанами и зѣями-тучами. Какъ этимъ послѣднимъ присвоивается прозваніе юдо (II, 216, 290, 618), такъ присвоивается оно и самовиламъ («юдо-самовило!») Юды, по рассказамъ болгаръ, — жены съ длинными косами, живутъ въ глубокихъ рѣкахъ, озерахъ и водоворотахъ; выходя на берегъ, онѣ любятъ расчесывать волосы, а если завидятъ кого въ водѣ, то оплетаютъ и удавливаютъ его своими косами. Въ пѣсняхъ самовиламъ даются постоянные эпитеты: самогорска, прекуморска; у нихъ — славныя русыя косы, онѣ водятъ хороводы¹⁾, вступаютъ съ юнаками въ побратимство, помогаютъ имъ въ нуждѣ и спасаютъ ихъ отъ преждевременной смерти; подобно сербскимъ виламъ, онѣ создаютъ облачные города:

Градъ градила самовила
 Ни на небо, ни на земи,
 Туку така подъ облака.

Когда идетъ дождь и въ тоже время свѣтитъ солнце, тогда, по мнѣнію болгаръ, купаются самовилы²⁾, что соответствуетъ нѣмецкому и малорусскому повѣрью, что тогда чертъ—громовникъ бьетъ свою жену—вѣдьму (см. выше,

¹⁾ „Оро (коло, хоровадь) ми играле триста самовили На варѣ на планина, на рамна рудина“. Когда юды водятъ коло, то движутся самыя горы—Др. болгар. пѣсня объ Ореѣ, открыт. Верковичемъ; здѣсь же упомянуто, что юды собираютъ лѣкарственными травами. — ²⁾ Каравел., 240—1, 319; Милади., 1—7, 524.

стр. 14-15). Наравнѣ съ эльфами, лѣсными и водяными духами, самодивы признаются за падшихъ свѣтлыхъ ангеловъ; низвергнутыя съ неба, онѣ населили воды, а нныя остались въ воздухѣ и по ночамъ нарушаютъ тишину своими чудными звуками, которые слышатся то какъ отдаленная музыка, то какъ дѣвичьи пѣсни, то какъ скрипъ безчисленныхъ колесъ. Самодивы поютъ и пляшутъ по лугамъ и оставляютъ на травѣ большіе круги, состоящіе изъ узкой, убитой ихъ ногами дорожки. Если человѣкъ, заслыша ихъ пѣсню, осмѣлится приблизиться къ самодивскому хороводу, онѣ или убиваютъ его, или навсегда лишаютъ языка и памяти ¹⁾). На связь ихъ съ губительными болѣзнями указываетъ и то, что Морская дѣва причисляется болгарами къ самодивамъ и юдамъ-самовиламъ (см. стр. 104). Въ качествѣ облачныхъ нимфъ, онѣ вліяютъ на земное плодородіе: когда нивы стоятъ еще зеленныя, въ нихъ, по народному повѣрью, прячутся самодивы и орисницы; послѣднія колосья, оставляемые на поляхъ жнецами, называются божья брада и считаются достояніемъ самодивъ; кто покусится и не оставитъ для нихъ колосьевъ на своей полосѣ, у того ни хри отнимутъ ноги ²⁾); когда приѣзжаютъ на мельницу съ зерновымъ хлѣбомъ, то часть смолотой изъ него муки бросаютъ въ воду самодивамъ, а муку, которая, подымаясь пылью, осаживается по стѣнамъ мельницы, называютъ дьявольски хлѣбъ ³⁾).

Самовиламъ приписывается запертіе водныхъ источниковъ и похищеніе зрѣнія. Вотъ свидѣтельство пѣсни:

¹⁾ Ж. М. Н. П. 1846, XII, 205. — ²⁾ Въ венгерской Сербіи послѣднія колосья на нивѣ, всеръзанныя серпомъ, перевязываются золотыми нитями и лентами и называются брадой господина Бога (сравни: I, 697—8). Изъ этой бороды выдергиваютъ насколько колосьевъ и плетутъ вѣнокъ, который потомъ прикрѣпляется къ пальцѣ, поставленной посреди нивы, и носитъ названіе Среѣа (счастье) — Археолог. Вѣстникъ 1867, II, 57. Орисницъ и Среѣа — дѣвы судьбы. — ³⁾ Собоц. г. Каравазовичъ.

Шеталъ ¹⁾ Марко низъ гора зелена,
 Що ми шеталъ три дни и три ноця ²⁾,
 Ни можить вода да ми наидить,
 Ни заиеть, ни да съ наиеть,
 Ни за себе, ни за барза коня.
 Паговори Марко кралевике:
 „Ворай горо, горо Динна-горо!
 Камо ти вода да съ напямъ,
 Не машъ да пямъ, ни да съ изнямъ.
 Да би ми те ветаръ исушило!
 Да би ми те сонце изгорило!“

Отвѣчаетъ Марку-королевичу Динна-гора: «гой ты, Марко-доб-
 рый юнакъ! не кляни меня, а кляни старую самовилу,

Що собрала седумдесеть кла'енци ³⁾,
 Да иснесла на варезъ на планина,
 Да прода'ать еденъ бардакъ вода ⁴⁾
 за царни-те очи.“

Когда услышалъ это Марку-королевичъ, спрашиваетъ онъ сво-
 его добраго коня:

„Ай ти коню, мое мило добро!
 Али можишь ти да ме изнесишь,
 Да отепамъ стара самовила,
 Да растурамъ седумдесеть кла'енци?“

Конь несетъ его на вершину горы; витязъ поражаетъ самови-
 лу, отмыкаетъ семьдесятъ колодцевъ и открываетъ ихъ во-
 дамъ свободный исходъ ⁵⁾. Точно также и сербскія вилы
 дозволяли юнакамъ пить изъ своихъ заповѣдныхъ источни-
 ковъ и поить оттуда коней — не иначе, какъ подъ условіемъ
 тяжелой дани:

На водици вила-баждарица
 Те узима тешку баждарину ⁶⁾:

¹⁾ Бродилъ. — ²⁾ Ночи. — ³⁾ Кладези. — ⁴⁾ И продаетъ
 одну кружку воды. — ⁵⁾ Миладни., 8—9. — ⁶⁾ Давъ, подать.

Од ювака оба черна ока,
А од ков(ь)а ноге све четыре ¹⁾.

Основная мысль этих поэтических сказаний—та, что облачные духи, хранители дождевых источников, только тогда допускают пролиться наземлю обильному дождю, когда заволокутъ небо тучами и потемнят его свѣтозарныя очи. Скандинавскій мнѣз говоритъ о глазѣ-солнцѣ, отданномъ нѣкогда въ закладъ Одиномъ за глотокъ воды изъ Мимирова источника (см. I, 374). Эти черты: задержаніе дождевыхъ потоковъ и сокрытіе небеснаго свѣта = зрѣнія принадлежатъ вѣламъ наравнѣ съ драконами (см. II, 532, 556) и придаютъ имъ демоническое значеніе; отсюда объясняется и выраженіе болгарской пѣсни: *стара самовила* ²⁾. Валахская сказка ³⁾ рассказываетъ о драконахъ, похитившихъ зрѣніе у одной старушки; добрый мблodeцъ нанимается къ ней пасти стадо; звуками музыки онъ побѣждаетъ драконовъ и возвращаетъ старухѣ зрѣніе, омывши ея глазныя впадины въ молочномъ прудѣ, т. е. дождевой водою. Богатырскіе кони (кони бога-громовника), напиваясь изъ вилиныхъ источниковъ, лишаются ногъ, т. е. пролитіе дождя сопровождается паденіемъ молній, ибо удары этихъ послѣднихъ фантазія древнихъ поэтовъ сравнивала съ ударами конскихъ копытъ (см. стр. 2-4). Еще яснѣе указываетъ на стихійное значеніе самовилъ другая болгарская пѣсня: *ѣхалъ мблodeцъ Иванъ Поповъ, заступила ему путь-дорогу самовила и хочетъ выпить его черныя очи*. Но богатырь не поддался, схватилъ ее за русую косу, вскинулъ ва своего бѣззаго кони и привезъ домой; здѣсь отобралъ у нея правое крыло, заперъ его въ ларецъ и сдѣлалъ самовилу своею женою. Прошло три года, родила она сына; на крестинахъ стали просить самовилу, чтобы показала свое искусство

¹⁾ Путеш. въ Черногорію, 216; Кукуловичъ, 89. — ²⁾ Въ пѣснѣ объ Оресѣ старая юда изображена на подобіе змѣя, съ тремя головами и хвостами.—³⁾ Шоттъ, 10.

въ пляскахъ — поиграла малу 'оро самовилско. Отвѣчала самовила: «нек' ми пуштить (Иванъ Поповъ) десно крыло, тако 'оро да поигра». Но только что получила она свое правое крыло, какъ тотчасъ-же улетѣла. Закричала вслѣдъ ей свекровь:

Дете плачить за леляне,
За леляне, за ципане;

кто будетъ лелѣять ребенка? кто накормитъ его грудью? И слышится отвѣтъ самовилы: какъ заплачетъ дитя «за ципане» — я воздою его частой росой, а заплачетъ «за леляне» — убаяюкаю его тихимъ вѣтромъ! ¹⁾ Но если съ одной стороны вилы, сгущая облака, могли омрачать очи; то съ другой, проливая дожди, онѣ прочищали небо отъ темныхъ тучъ, выводили изъ-за нихъ ясное солнце и давали міру свѣтъ — зрѣніе. Отсюда возникло вѣрованіе, что вилы знаютъ источники, обладающіе чудесною силою исцѣлять слѣпоту. Когда великанъ-дивскій старѣйшина вынулъ у Јована оба глаза, ему помогла вила; она быстро прилетѣла съ горы, умыла его водою и сотворила ему очи ²⁾. По хорутанскому преданію, два брата ослѣпили третьяго, отвели его на высокую гору и тамъ покинули. Несчастный не зналъ что дѣлать, но явились вилы и стали говорить промежь собой: «*da bi ov človek znal da bi si zorjimum resum* (росой, падающей на зорѣ) *oči pamazal, tam bi pregledal.*» Слѣпой омочилъ свои глаза росой — и тотчасъ-же прозрѣлъ ³⁾.

Летучія облака предки наши уподобляли птицамъ; подъ вліяніемъ этого уподобленія облачнымъ дѣвамъ приписана была способность превращаться въ голубя, утку, гуся и всего чаще въ лебедя. Собственно на этихъ птицахъ фантазія оста-

¹⁾ Милыдни, 1—3 — ²⁾ Срп. н. пјесме, II, 36. — ³⁾ Сб. Валивца, 36—37; Срп. н. припов., стр. 106; у чеховъ въ этомъ случаѣ мѣсто вилъ заступаютъ вѣдьмы — Сказ. Грим., III, стр. 343.

новилась потому, что голубь издревле посвящался громовнику (I, 540 — 2), а гусь, утка и лебедь — птицы водяныя; облачныя же дѣвы (какъ извѣстно) признавались нимфами рѣкъ и источниковъ и постоянно плавали и купались въ ихъ водахъ. Сверхъ того, на обличеніе облачной дѣвы съ лебедемъ навелъ самый языкъ. Выше указано, что эльфы, русалки, вилы и полудѣйцы, какъ духи, вооруженные молніеносными стрѣлами, являющіеся весною подъ легкими покрывами облаковъ, согрѣтыхъ изгаренныхъ яркими лучами солнца, представлялись существами свѣтлыми, блестящими, бѣлыми: бѣла вила, *bila rapī*. Что же касается лебеда (серб. *labud*, чеш. *labut'*, пол. *łabędź, łabęć*), то онъ получилъ присвоенное ему имя по бѣлоснѣжному цвѣту своего пера. Слово это родится съ др.- и сред.-нѣм. *albiz, alpiz, elbez*, англос. *elfet, ylfet*, скан. *álf, álf* — *cygnus*, лат. *albus* (сабин. *alpus*), *alba* — славян. лаба, лабе, и первоначально означало «бѣлую» птицу; чеш. *lebediti se* — ярко бѣлѣть. Нѣмецкіе *alp, elp, álf* образовались отъ того же корня ¹⁾. Такъ возникли сказанія о дѣвахъ-лебедяхъ, и тѣмъ легче было сочетать эти различныя представленія, что слово лебедь въ народномъ говорѣ болѣею частію употребляется въ женскомъ родѣ; въ нѣм. *albiz, elbez* родъ

¹⁾ О нѣмн. христ. на сл. яз., 44—45; Зап. Р. Г. О. по отдѣл. этнограф., I, 574: славянскіиъ лебедь, лабудь отвѣчаютъ литов. баланда, баландас отъ балти—бѣлѣть. Нашъ внѣшскій языкъ даетъ женскимъ грудямъ постоянный аппететь бѣлыя, а народная загадка обозначаетъ ихъ слѣдующею метафорою: «бѣлый лебедь ва блюдь не былъ, ножемъ не рушень, а всякъ его кушалъ» — Эти Сб., VI, 50. Санскр. *hansa, hansi* — гусь и лебедь отъ *han* (вмѣсто *ghan*) — *pulsare, icere*; нѣм. *schwan* (старин. *swan*, авглос. *svan*) отъ санскр. *svan* — *sonare*; лат. *columba* — слав. голубь отъ санскр. *lamb* — *sonare* (Зап. Р. Г. О. по отд. эти., I, 574).

колеблется между мужскимъ и женскимъ, а въ скан. *âlft* осиливаетъ послѣдній.

Небесныя дѣвы индусовъ — апсарасы любили смѣшивать свой человѣческій образъ съ формами, заимствованными у лебедей и утокъ ¹⁾. У германо-славянскаго племени представленіе это пустило глубокіе корни и разрослось въ многочисленныя сказанія о лебединыхъ дѣвахъ. Средство этихъ дѣвъ съ альбинами несомнѣнно; нисколько узнаются по ихъ лебединымъ или гусинымъ лапамъ, которыя онѣ тщательно прячутъ подъ ихъ длинными платьями ²⁾; подобно тому, сербскія вилы оборачиваются и прилетаютъ лебедями, а у нашихъ русалокъ, по народному повѣрью, пальцы на ногахъ соединены перепонкою, какъ у гуся, что заключаютъ по ихъ слѣдамъ, какія остаются на мокромъ песку у береговъ рѣкъ и источниковъ. Слѣды эти можно видѣть только тогда, когда, застигнутыя въ расплохъ, русалки поспѣшно бросаются въ воду; обыкновенно-же онѣ прежде, чѣмъ покинуть берегъ, взметають песокъ и тщательно сглаживаютъ свои ступни ³⁾. Въ связи съ указанными повѣрьями, кажется, слѣдуетъ поставить и доселѣ-ущѣлѣвшій болгарскій обычай бросать самодивамъ въ воду кусокъ жаренаго гуся ⁴⁾. Богиня-пряха Берта представлялась съ лебединою или гусиною ногою, и эта особенность, вмѣстѣ съ перенесеніемъ преданій о Бертѣ на королеву Бертраду (мать Карла Великаго) была усвоена послѣдней, какъ доказываютъ ея старинныя изображенія во многихъ церквахъ Франціи. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ утверждаютъ, что Берта принимаетъ видъ лебедя, а въ Баваріи, что она является коровою ⁵⁾. У богини

¹⁾ Die Götterwelt, 54. — ²⁾ D. Myth., 407, 460. — ³⁾ Иллюстр. 1845, 299. — ⁴⁾ Москов. Газета 1866 г., стат. Каравелова; по костямъ этого гуся гадаютъ о будущемъ. — ⁵⁾ Die Götterwelt, 296. Корова = дождевая туча. Отсюда объясняется любопытная по-

Френ была пернатая сорочка, надѣвая которую она могла совершать быстрые полеты; вмѣстѣ съ Однимъ, ей были подвластны вѣщія и воинственные валькирии (см. гл. XXV), которыя охотно проводили время на берегу моря, занимались пряжею и превращались въ лебедей. Въ англосаксонской поэзіи морю дается эпическое названіе: лебединый путь (svanpáð). Въ сказаніи Эдды о Вёлундрѣ находимъ слѣдующія слова: рано поутру нашли они (Вёлундръ и его братья) на морскомъ берегу трехъ женъ, которыя пряли ленъ; при нихъ лежали лебединыя сорочки (álparghamir); то были валькирии. Накидывая на себя эти сорочки, онѣ тотчасъ-же улетали лебедями, и одна изъ нихъ даже называлась Svanhvit (Schwanweiss — бѣлая лебедь) и имѣла лебединыя перья. Валькирія Kága является въ Hrdmundarsaga, какъ чародѣйка; облакаясь въ лебединою сорочку, она съ звучною пѣснею носится надъ рядами сражающихся героевъ. При ея содѣйствіи, любимецъ ея Гельги всегда побѣждалъ въ бою; но случилось, что въ одномъ сраженіи онъ высоко вознесъ свой мечъ, взмахивая имъ по воздуху, и ранилъ валькирию ногу; она упала на землю, и съ той поры оставило его счастье. Сага о Вёлундрѣ (въ томъ видѣ, какъ она изложена въ старо-нѣмецкомъ стихотвореніи) допускаетъ замѣну лебедей голубями: три голубки

дробность сказки о коровѣ-бурѣнушкѣ (Н. Р. Ск., VI, 54, 55; Худяк., 56; Кулишъ, II, 23—26; Собран. стар. рус. сказокъ — „Строева дочь“; Срп. в. припов., 32; сб. Валавца, 222—3; Гальтрихъ, 17): мачиха заставляетъ падчерицу прясть и ткать и нарочно задаетъ ей большіе, невыполнимые уроки; двѣнца приходятъ къ бурѣнушкѣ, въ которую превратилась ея мать, кладетъ ей кудель въ правое ухо, а изъ лѣваго вынимаетъ готовую пряжу; иногда сама входитъ въ одно ухо, а выходитъ въ другое съ оконченною работою: все выпрядено, соткано и выблено! Или, вмѣсто этого, корова начинаетъ жевать принесенный ленъ, а изъ рта у ней тянется тонкая, ровная нитка — только успѣвай на катушку наматывать!

прилетаютъ къ источнику, и касаясь земля — оборачиваются дѣвами; Wielant покидаетъ у нихъ платье и не прежде отдаетъ назадъ, пока одна изъ нихъ не соглашается стать его женою ¹⁾. Валькирии обладаютъ высшимъ, божественнымъ вѣдѣніемъ: Брингильда сообщила Сигурду все руны, какія только желаетъ знать человѣкъ, и научила его понимать чуждые языки и исцѣлять мазию. Въ поэмѣ о Нибелунгахъ находимъ слѣдующій рассказъ: пріѣхали бургунды на берега Дуная, рѣка была въ разливѣ, какъ переправиться на другой берегъ? Хагенъ пустился вдоль берега искать перевозчика; вдругъ слышитъ — что-то въ водѣ плещется, глянулъ — передъ нимъ купаются бѣлыя дѣвы, словно лебеди. Хагенъ подошелъ, взялъ ихъ платья, и одна изъ дѣвъ провѣщала витязю: «благородный Хагенъ! если отдашь наши платья, мы тебѣ скажемъ, чѣмъ окснитъ ваше путешествіе». Вслѣдъ за тѣмъ онѣ начинаютъ предсказывать будущее, и пророчество ихъ вполне сбывается. Этотъ даръ предвѣщаній принадлежитъ валькиріямъ, какъ обладательницамъ божественнаго напитка (живой воды), и наравнѣ съ прочими облачными дѣвами ставятъ ихъ въ разрядъ вѣстницъ судьбы. На томъ же основаніи и лебедь признанъ былъ вѣщею птицею; въ нѣмецкомъ языкѣ употребительно выраженіе *es schwant mir* — мнѣ предчувствуется. Въ водахъ небеснаго источника, у котораго обитаютъ дѣвы судьбы (норны), плавало два лебедя. Въ индѣйской поэмѣ «Налъ и Дамаанти» златоперый лебедь или гусь (*hansa* — *anser*, *gans*) вѣщаетъ человѣческимъ голосомъ ²⁾. По свидѣтельству стародавнихъ мифовъ, живая вода надѣляла не только предвѣдѣніемъ и мудростью, но и поэтическимъ вдохновеніемъ; поэтому водянымъ (облачнымъ) нимфамъ приписыва-

¹⁾ D. Myth., 398 — 400; Смирновъ, 113, 122. — ²⁾ D. Myth., 398, 400.

лось созданіе сладкозвучныхъ пѣсень, и греческія музы первоначально были не болѣе, какъ существа стихійныя, которымъ доступны вдохновительныя воды небесныхъ источниковъ. Здѣсь коренится и преданіе о чудной, восхитительной лебединой пѣснѣ; это—последняя пѣснь лебедя передъ его кончиною — пѣснь, звучащая въ бурной грозѣ, которую поетъ лебединая дѣва (= туча), умирая въ пламени молній и потокахъ дождя, и которой съ трепетомъ ввнмаетъ вся природа (сравни съ пѣсней Феникса — I, 514). Воинственнымъ характеромъ своимъ валькирии сходятся съ сербскими вѣями; онѣ приносятъ съ собой войну и всѣ ея ужасы, что напоминаетъ намъ чудесную дѣву «Слова о полку Игоревѣ», которая плескалась на свѣтѣ морѣ лебедиными крыльями и названа Обидою: «встала Обида въ силахъ Дажьбога внука, вступилъ(а) дѣвою на землю Трояню, всплескала лебедиными крылы на свѣтѣ море, у Дону плещущъ»¹⁾. Названіе Обида согласуется съ тѣми собственными именами, какія приданы небеснымъ воинственнымъ дѣвамъ въ преданіяхъ грековъ и германцевъ; наприм. Распря, Побѣда и проч. (см. гл. XXV). Имена эти нельзя считать искусственною риторическою прикрасою; они произвольно, сами собой образовались изъ тѣхъ впитетовъ, какіе присвоились ратующимъ въ битвахъ, смертоноснымъ нимфамъ. Болѣе живыя воспоминанія о лебединныхъ дѣвахъ сохранились въ народныхъ сказкахъ. Особенно-интересною представляется намъ сказка о Морскомъ царѣ и его премудрой дочери²⁾: юный Иванъ-царевичъ отправляется въ подводное царство, приходитъ къ морю и причется за кусты. На ту пору прилетѣли туда двѣнадцать голубокъ или утокъ, сбросили свои крылушки (или пѣрушки³⁾), обер-

¹⁾ Рус. Дог., III, 92—94. — ²⁾ Н. Р. Ск., V, 23; VI, 48, 49.
— ³⁾ Ibid., VII, 22.

нулись красными дѣвцами и стали купаться: это были водяныя красавицы, дочери Морскаго царя. Иванъ-царевичъ подкрадся потихоньку и взялъ крылушки Василисы Премудрой. Дѣвцы испугались, похватали крылушки и улетѣли голубками или уточками; оставалась одна Василиса Премудрая, начала спрашивать добраго мѣлодца возвратитъ ей крылья, и царевичъ отдаетъ ихъ подѣ условіемъ, чтобы она согласилась быть его женою. По народному повѣрью, превращеніе въ звѣря совершается набрасываніемъ на себя его мохнатой шкуры, тоже самое значеніе, какое въ данномъ случаѣ соединяется съ звѣриною шкурою, — при измѣненіи человѣческаго образа въ птичій, приписывается крыльямъ и перьямъ. По другимъ вариантамъ, вмѣсто крылушекъ, царевичъ похищаетъ сорочку и кушакъ морской дѣвы ¹⁾; эта замѣна основывается на поэтическомъ представленіи облаковъ—одеждами, покровами, что въ сліяніи съ метафорою, сблизившею ихъ съ птицами, породило сказанія о пернатыхъ сорочкахъ (орлиныхъ, сокольныхъ, лебединыхъ), въ которыя являлись боги и великаны скандинавской мифологіи. Въ нѣмецкой сказкѣ ²⁾ вѣдьма накидываетъ на мальчиковъ бѣлыя сорочки (schwanenhaut)—и они превращаются въ лебедей; снимая въ урочные часы эти сорочки, лебеди снова принимаютъ человѣческія формы. Дѣвы-птицы встрѣчаются и во многихъ другихъ сказкахъ ³⁾, и вездѣ имъ равно придается вѣщее значеніе и необычайная мудрость; онѣ исполняютъ трудныя, свыше силъ

¹⁾ Ibid., VIII, 7. — ²⁾ Сказ. Грим., 49. — ³⁾ Н. Р. Св., VII, 4, 13, 22; VIII, 7 (здѣсь онѣ названы дочерьми Ворона Воронича, которому повѣрье приписываетъ добываніе живой воды); Срп. в. припов., 4; Нар. сл. раз., 124—130. Въ сказкѣ о Ерусалимѣ (Н. Р. Св., VIII, стр. 401) говорится: ровно въ полдень прилетѣло великое стадо птицъ-хохотуней (хохоть — одинъ изъ существенныхъ признаковъ водяныхъ, дѣшихъ и русалокъ), слѣли кругомъ дуба и учали измѣтываться красными дѣвцами.

человѣческихъ, задачи и заставляютъ себя подчиняться самую природу. Въ одной сказкѣ ¹⁾ эти ииенческія дѣвы прилетаютъ бѣлыми лебедушками, а въ другихъ ²⁾ героиней выводится премудрая Лебедь-птица, красная дѣвица, или Лебедь-королевна такой чудной красоты, что ни око не видѣло, ни ухо не слышало; въ былинѣ о Потокѣ-Михайлѣ Ивановичѣ добрый молодецъ увидалъ на тихихъ заводяхъ бѣлую лебедушку: черезъ перо птица вся золотая, а головка у ней — краснымъ золотомъ увитая, скатымъ жемчугомъ усажена. Вынимаетъ Потокъ изъ налушна тугой лукъ, изъ колчана казену стрѣлу, хочетъ стрѣлять по лебеди;

Провѣщится ему лебедь бѣлая:

Не стрѣлай ты мевя...

Выходила она на крутой бережокъ,

Обернулася душой-красной дѣвицей,

и вышла замужъ за мѣлодца ³⁾. Нѣмецкія саги и сказки ⁴⁾ часто упоминаютъ о плавающихъ въ прудѣ или озерѣ, прекрасныхъ лебединыхъ дѣвахъ (schwabenjungfrauen); вздумаетъ ли кто полюбоваться ими — онѣ тотчасъ-же скрываются отъ нескромныхъ взоровъ, улетая бѣлыми лебедями. Во французскихъ сагахъ это превращеніе въ лебедей приписывается феямъ; для того, чтобы задержать фею (= остановить ее полетъ), необходимо похитить у ней сорочку, — точно также, какъ болгарскіе юнаки, съ цѣлю овладѣть самовилою, похищаютъ ее крылушки.

Всѣ означенныя стихійныя существа: эльбины, вилы и русалки поставлены въ народныхъ преданіяхъ въ самую близкую связь съ ииенческимъ представленіемъ душъ, издревле-

¹⁾ Н. Р. Ст., VIII, 3. — ²⁾ Ibid., VI, 60; Глинок., II, 61 и др. — ³⁾ Бирша Дан., 217; Рыбник., I, 208, 215; сравни т. I Поэт. Возврѣн., 515—6. — ⁴⁾ Наприм. въ сборн. Гальтриха, 5.

уподобляемыхъ то возженному огню, то дующимъ вѣтрамъ; онѣ или сами принимаются за души усопшихъ, или смѣшиваются съ тѣми вѣщными дѣвами, которыя, присутствуя при рожденіи младенца, какъ-бы влагають въ него душу живу, а потомъ изымають ее при кончинѣ человѣка, и такимъ образомъ опредѣляютъ начало и конецъ человѣческой жизни. Подробному изслѣдованію этихъ важныхъ вопросовъ о связи эфирическихъ духовъ съ душами усопшихъ и дѣвами судьбы мы посвящаемъ двѣ послѣдующія главы.

XXIV.

ДУШИ УСОПШИХЪ.

Последній актъ, которымъ завершается земная жизнь чело-
вѣка, исполненъ таинственнаго значенія. Неумолимая смерть,
постоянно унося новыя жертвы, для остающихся въ живыхъ
поколѣній ничего не открываетъ о той безвѣстной странѣ, ку-
да увлекла ихъ предшественниковъ. Но чело-вѣкъ, по самому
свойству своей возвышенной природы, жаждетъ знать о томъ,
что будетъ съ нимъ за могилою. Мысль о конечномъ уничтоже-
нiи такъ враждебна инстинкту жизни, ощущаемому чело-вѣкомъ,
что она уже въ глубочайшей древности отстранялась имъ во
имени надежды въ жизнь загробную, которая составляетъ
одинъ изъ главнѣйшихъ вопросовъ во всѣхъ религіяхъ ¹⁾.
Праздники въ честь умершихъ, приношенія и возліанія на ихъ
могилы, вѣра въ явленіе мертвецовъ и множество другихъ
преданій ярко свидѣтельствуютъ, что наряду съ другими язы-
ческими племенами и славяне были убѣждены, что тамъ—за
гробомъ начинается новая жизнь, и имѣли о ней свои доволь-
но-подробныя, хотя и не строго-опредѣлившіяся представленія.

¹⁾ Ф. Куланжъ, 9: «Какъ бы далеко мы не углублялись въ исто-
рію индоевропейскаго племени, мы не найдемъ, чтобы раса эта
когда-либо думала, будто съ настоящею жизнью все оканчивается
для чело-вѣка. Самые древнія поколѣнія, еще прежде всякихъ ел-
лосеевъ; вѣрили въ загробную жизнь.»

Прежде всего отмѣтимъ тотъ многозначительный фактъ, что славяне признавали въ душѣ нѣчто отдѣльное отъ тѣла, ннѣющее свое самостоятельное бытіе. По ихъ вѣрованіямъ, согласнымъ съ вѣрованіями другихъ индоевропейскихъ народовъ, душа еще въ теченіи жизни человѣка можетъ временно разставаться съ тѣломъ и потомъ снова возвращаться въ него; такое удаленіе души обыкновенно бываетъ въ часы сна, такъ какъ сонъ и смерть—понятія родственныя. Черногорцы и сербы убѣждены, что въ каждомъ человѣкѣ обитаетъ духъ, котораго они называютъ «вѣдогонь», и что духъ этотъ можетъ покидать тѣло, объятое крѣпкимъ сномъ. Вѣдогони нерѣдко ссорятся и дерутся между собою, и тотъ человѣкъ, вѣдогонь котораго погнбнетъ въ дракѣ, уже болѣе не пробуждается: его тотчасъ же постигаетъ быстрая смерть. О колдунахъ и колдуньяхъ рассказываютъ, что они, погружаясь въ сонъ, могутъ выпускать изъ себя воздушное демоническое существо, т. е. душу, которая принимаетъ различные образы и блуждаетъ по тѣмъ или другимъ мѣстамъ, при чемъ оставленное ею тѣло лежитъ совершенно-мертвымъ. И во время обмврания или летаргическаго сна душа, по русскому повѣрью, покидаетъ тѣло и странствуетъ на томъ свѣтѣ. Такимъ образомъ тѣло есть какъ-бы жилище живаго духа, та временная оболочка, въ которую онъ заключается при рожденіи дитяти и которую покидаетъ при кончинѣ человѣка, когда, по словамъ стариннаго проповѣдника, «вуже страшную душа отъ тѣлеси изидеть и станетъ одержима душа зряци на свое тѣло, яко-же бо кто изъволокся изъ ризы своея и потомъ сталъ бы зря ея»¹⁾.

¹⁾ Памят. XII в., 94. Таже мысль поэтически развита въ народномъ стихѣ о разставаніи души съ тѣломъ — Ч. О. И. и Д., годъ 3, IX, 209. Душа человѣка, тоскующаго въ разлукѣ по своему другѣ, можетъ вызвать къ себѣ душу этого послѣдняго, какъ бы далеко онъ не былъ: душа чутка (Киевланецъ, I, 213).

Душа человѣческая, по древнимъ языческимъ преданіямъ, представлялась въ самыхъ разнообразныхъ видахъ: во 1-хъ, огнемъ. Славяне признавали въ душѣ человѣческой проявленію той-же творческой силы, безъ которой невозможна на землѣ никакая жизнь: это сила свѣта и теплоты, дѣйствующая въ пламени весеннихъ грозъ и въ живительныхъ лучахъ солнца. Душа — собственно частица, искра этого небеснаго огня, которая и сообщаетъ очамъ блескъ, крови — жаръ и всему тѣлу — внутреннюю теплоту. Различныя душевныя движенія народъ обозначаетъ уподобленіемъ огню: чувству онъ даетъ эпитеты горячее, теплое, пылкое; о любви, враждѣ и злобѣ выражается, что они возгорѣлись или погасли (I, 440); на эпическомъ языкѣ сербовъ гнѣвъ называется живымъ огнемъ, а бѣлоруссы о раздражительныхъ, вспыльчивыхъ людяхъ говорятъ: «одзнь съ огнемъ, другой съ поломемъ» ¹⁾. Въ тѣсной связи съ указаннымъ возрѣніемъ стоятъ мѣны, приписывающіе богу-громовнику созданіе перваго челоѣка и низведеніе огня на его домашній очагъ, дарованіе женамъ чадородія (= возженіе въ новорожденныхъ младенцахъ огненныхъ душъ) и устройство семейнаго союза (II, 75, 470). Еще теперь въ простомъ народѣ блуждающіе, болотные и свѣтлосія на могилахъ, вслѣдствіе фосфорическихъ испареній, огоньки признаются за души усопшихъ; въ одномъ мѣстѣ тамбовской г., по увѣренію поселянъ, до сихъ поръ видны горящія свѣчи, потому что тамъ хоронятъ удавленниковъ и опойцевъ; въ другомъ мѣстѣ рассказываютъ, какъ на могилѣ безвинно-повѣшеннаго теплѣла съ свѣча, пока не совершили по немъ поминковъ. Въ южной приднѣпровской Руси ходятъ рассказы о синихъ огняхъ, вспыхивающихъ на могилахъ и курганахъ; огни эти разводятся русалками ¹⁾. По мнѣнію че-

¹⁾ Зап. Р. Г. О. по отдѣл. этнограе., I, 390. — ²⁾ Москв. 1844, XII, сивъ, 28; 1848, VIII, ст. Далъ, 71—72; Терещ., VI, 11, 129.

ховъ, надъ могилами летаютъ огненные душички; въ блуждающихъ огняхъ они видятъ души некрещеныхъ дѣтей, отверженныхъ грѣшниковъ или скупцовъ, оберегающихъ зарытые ими клады; всякой проклятый за грѣхи осуждается по смерти на вѣчное странствование въ семь мѣръ и показывается то въ видѣ огненнаго столба, то въ видѣ челоуѣка, у котораго языкъ и глаза—огненные ¹⁾). Тотъ-же взглядъ на блуждающіе огни раздѣляютъ и лужичане ²⁾). Вѣрованія эти общи славянамъ съ другими индоевропейскими народами. Для мирнопочиющихъ мертвецовъ германцы имѣютъ выраженіе др.-в.-нѣм. *hiugi*, ср.-в.-нѣм. *gehüige*, ново-в.-нѣм. *gehüer*—кроткій, тихій, блаженный; противоположное же понятіе безпокойнаго, блуждающаго духа, привидѣнія они обозначаютъ *unhiugi* (*ungehüer*)—*dirus, saevus*; *hiuri*—божественный, *unhiugi*—чортъ, чудовище—тоже, что *hold* и *unhold*. Готская форма *hiuris* родственна съ *haüri*—горячій уголь, сканд. *hug*—огонь. Древнестѣ. *draugr*—фантомъ, духъ, окруженный пламенемъ, и *draughús*—могильный холмъ. Донынѣ во всей Германіи существуетъ повѣрье, что души, ненаслѣдовавшія блаженнаго покоя—лишенные небеснаго царства, блуждаютъ ночью порою по лугамъ и полямъ огненными видѣніями. Путниковъ, которые принимаютъ ихъ за деревенскіе огни, они сбиваютъ съ настоящей дороги, и то удаляясь, то приближаясь—заводятъ въ топкія болота и трупобы. Явленіе это извѣстно подъ названіями: *irlicht, irwisch, zeusler* (*zünsler, zündler, zunselgespeust* отъ *zeuseln, züseln*—играть огнемъ), *feueriger mann*, нидерланд. *gloiniger (glühender) man*, датск. *lygtemand* (*leuchtemann*), *blaasmand* (*feuermand*), *dwerlicht* (*wirbelnde flamme*), *dwellicht* (отъ *dwelien, dwalen*—блуждать),

¹⁾ Иречекъ въ Часописи чешск. музея 1863, I, 5; Громанъ, 19—22. — ²⁾ Neues Lausitz. Magazin 1843, III—IV, 353.

elflicht (слово, указывающее на связь души съ эльфомъ), словен. sloperogeni, чеш. swétylko, bludička, пол. błędnica, луж. bludne z wieszke, рус. блудящій огонь; теперь эти огоньки бѣльшею частію признаются за души младенцевъ, умершихъ безъ крещенія и потому неудоенныхъ блаженства ¹⁾). Когда дерево, брошенное на огонь, издаетъ трескъ, полѣшники думаютъ, что звуки эти издаются душою скупаго челоуѣка ²⁾).

Если душа понималась какъ огонь, то жизнь возможна была только до тѣхъ поръ, пока горѣло это внутреннее пламя; погасало оно — и жизнь прекращалась. У насъ уцѣлѣло выраженіе: погасла жизнь; выраженіе это въ народной пѣснѣ замѣнено сравненіемъ смерти челоуѣка съ погашею свѣчю (стр. 208). Неумолимая Смерть тушитъ огонь жизни, и остается одинъ холодный трупъ. Отсюда возникли разнообразныя примѣты: если у жениха или невѣсты погаснетъ подъ вѣнцомъ свѣча, то случай этотъ предвѣщаетъ ему или ей скорую смерть; у кого изъ стоящихъ подъ вѣнцомъ сгоритъ больше свѣчи, тотъ и умереть скорѣе; яркое пламя подвѣчныхъ свѣчъ сулитъ счастливое супружество — свѣтлую жизнь, и наоборотъ, когда свѣчи эти горятъ тускло — жизнь новобрачныхъ будетъ печальная ³⁾). Погаснетъ ли сама собою поставленная въ комнатѣ свѣчка — по мнѣнію чеховъ, тотъ, кто ее зажигалъ, умереть въ продолженіи года. Если во время заговѣнъ, особенно въ воскресенье передъ великимъ постомъ, потухнетъ зажженная въ избѣ лучина, то, по русской примѣтѣ, изъ всѣхъ домочадцевъ тотъ умереть прежде другихъ, кто ближе сидѣлъ къ лучинѣ; или: если огарокъ лучины упадетъ изъ свѣтца на пелъ и тотчасъ-же погаснетъ — это знакъ, что въ

¹⁾ D. Myth., 866—870. — ²⁾ Кіевлян. 1865, 52. — ³⁾ Тѣже примѣты встрѣчаемъ у чеховъ и лужицанъ.

теченіи года въ домѣ непремѣнно будетъ мертвецъ. Полаки на «Громницы» (2 февраля) зажигаютъ столько свѣчъ, сколько въ семьѣ членовъ: чья свѣча потухнетъ прежде, тотъ и умретъ скорѣе. Въ псковской губ. на Святкахъ дѣвицы гадаютъ такъ: каждая приноситъ свою восковую свѣчу, отиѣчая ее какъ-нибудь значкомъ, и потомъ зажигаютъ ихъ одновременно: чья свѣча горитъ ясно и плавно, у той жизнь будетъ тихая, безмятежная; чья горитъ съ трескомъ и меркаючи, той придется испытать много безпокойствъ и горя; чья свѣча догоритъ первая, той дѣвицѣ умереть прежде всѣхъ, а чья догоритъ послѣдняя — той долго жить. Въ другихъ мѣстностяхъ гаданіе это совершается по зажженнымъ лучинкамъ, съ приѣвомъ: «жизль-быль курилка, дай померь!» Курилка (отъ глагола курить-ся — горѣть) означаетъ лучину, которая живетъ, пока горитъ, а погасая — умираетъ. У закарпатскихъ русиновъ дѣвицы гадаютъ по зажженнымъ лучинамъ въ дни Успенія (15 августа) и Покрова (1 октября). Въ Славоніи думаютъ, что свѣча, погасшая наканунѣ Рождества, предзнаменуетъ смерть одного изъ родичей; тоже повѣрье существуетъ и въ Швеціи, а въ вѣмецкихъ земляхъ оно прилагается къ кануну Нового года. По мѣвнiю лужичавъ, если въ ночь на Рождество Христово (или на другіе большіе праздники) погаснетъ на алтарѣ свѣча — это предвѣщаетъ смерть главнаго духовнаго лица ¹⁾. Въ таквхъ приѣтахъ теченіе жизни сравнивается съ горѣніемъ свѣчи или лучины: скорѣе сгоритъ свѣча,

¹⁾ Описан. олонец. губ. Дашкова, 193; Маякъ, XI, 54; Нар. сл. раз., 160; Иллюстр. 1846, 262; Вѣст. Р. Г. О. 1853, VI, 127; Терещ., IV, 102; VII, 224; Цебриков., 274; Выть подолянъ, II, 49, 50; Зап. Р. Г. О. по отд. вѣногр., I, 303; Volkslieder der Wenden, II, 258; Neues Lausitz. Magazin 1843, III—IV, 338; Громаниъ, 120, 220; Иличъ, 95; Гандельманъ: Weihnachten in Schleswig-Holstein, 59; Zeitsch. für D. M., I, 456; Ч. О. И. и Д. 1865, II, 5.

скорѣе окончится и жизнь, и наоборотъ. Въ старину, при произнесеніи на погибель врага проклятiя, почиталось необходимою принадлежностью обряда — погасить зажженную свѣчу. Въ Литвѣ ведется обычай: въ великій четвергъ, по окончаніи трапезы, хозяинъ беретъ горящую свѣчу, тушитъ ее и бросаетъ въ уголь, съ приговоромъ: «какъ погасла эта свѣча, такъ да погаснутъ очи у нашихъ враговъ и да пропадутъ они сами на вѣки!»¹⁾ Въ настоящее время на Руси, чтобы отомстить врагу, ставятъ въ церкви передъ образомъ вабнящую или задушную свѣчку, которую нарочно зажигаютъ съ нижняго конца, или ломая ее пополамъ, затепливаютъ съ середины²⁾. Съ тою-же цѣлью между русскимъ населеніемъ Подлясья принято ставить свѣчу передъ иконою Божьей Матери, съ тайною мольбою: да истаеетъ врагъ также, какъ эта восковая свѣча!³⁾ Сербы клянутся: «такъ ми се крена свијећа не угасла!» — въ смыслѣ: тако сви од мога рода не пошри!⁴⁾ Древніе греки изображали Смерть съ потухшимъ факеломъ: гений смерти (*Θάνατος*) опускалъ зажженный факелъ, потрясалъ имъ, и вѣстѣ съ тѣмъ, какъ погасало пламя, померкалъ и свѣтъ жизни. У нѣмцевъ есть прекрасная сказка о кумѣ Смерти (*der gewatter Tod*⁵⁾). Жильбылъ бѣднякъ, у него было двѣнадцать дѣтей; и день, и ночь работалъ онъ, чтобы пропитать свою семью. Когда родился у него тринадцатый ребенокъ, онъ вышелъ на большую дорогу и рѣшился взять съ кумовья встрѣчнаго. Идетъ костлявая Смерть и говоритъ: «возьми меня кумою.» — А ты кто? «Я — Смерть, которая всѣхъ уравниваетъ.» — Да, ты — правдива, ты не различаешь ни богатыхъ, ни бѣдныхъ! — и бѣднякъ взялъ ее кумою. Когда мальчикъ подростъ, онъ пошелъ однаж-

¹⁾ Смычъ Отеч. 1839, X, 120. — ²⁾ Саратов. Г. В. 1851, 29. —

³⁾ Потеби., 32. — ⁴⁾ Срп. и. послов., 304. — ⁵⁾ Сказ. Грим., 44.

ды навѣстить своего крѣстнаго. Смерть повела его въ лѣсъ, указала на одну траву и сказала: «вотъ тебѣ даръ отъ твоего крѣстнаго! Я сдѣлаю изъ тебя славнаго лѣкаря. Всякой разъ, какъ позовутъ тебя къ больному, ты увидишь меня: если я буду стоять въ головахъ больного — смѣло говори, что можешь его вылѣчить; дай ему этой травы, и онъ выздоровѣетъ; но если я стану у ногъ больного — онъ мой, и никакое лѣкарство въ мірѣ не спасетъ его!» Въ короткое время повсюду разнеслась молва о новомъ славномъ лѣкарѣ, которому стоить только взглянуть на больного, чтобы навѣрно узнать: будетъ ли онъ снова здоровъ, или умретъ. Со всѣхъ сторонъ звали его къ больнымъ, много давали ему золота, и вскорѣ онъ сдѣлался богачемъ. Но вотъ заболѣла тяжкимъ недугомъ дочь короля; это было его единственное дитя, день и ночь плакалъ опечаленный отецъ и повсюду приказалъ объявить: кто спасетъ королеву, тотъ будетъ ея мужемъ и наслѣдуетъ все царство. Лѣкарь явился къ постели больной, взглянулъ — Смерть стояла въ ногахъ королевы. Дивная красота больной и счастье быть ея мужемъ заставили его прибѣгнуть къ хитрости; онъ не замѣчалъ, что Смерть бросала на него гнѣвные взгляды, приподнялъ больную, положилъ ногами къ изголовью и далъ ей травы: въ ту же минуту на щекахъ ея заиграли румянецъ и она выздоровѣла. Обманутая Смерть приблизилась къ лѣкарю и сказала: «теперь насталъ твой черѣдъ!» ухватила его своей ледяной рукою и повела въ подземную пещеру. Тамъ увидѣлъ онъ въ необозримыхъ рядахъ тысячи и тысячи возженныхъ свѣчъ: и большія, и наполовину-сгорѣвшія, и малыя. Въ каждое мгновеніе одиѣ изъ нихъ погасали, а другія вновь зажигались, такъ что огоньки при этихъ безпрестанныхъ измѣненіяхъ, казались перелетали съ мѣста на мѣсто. «Взгляни, сказала Смерть, это горятъ человѣческія жизни; большія свѣчи принадлежатъ

дѣтямъ, наполовину-сгорѣвшія людямъ среднихъ лѣтъ, малыя старикамъ, но нерѣдко и дѣти и юноши надѣляются небольшими свѣчами.» Лѣкаръ просилъ показать, гдѣ горитъ его собственная жизнь. Смерть указала ему на маленькой огарокъ, который грозилъ скоро погаснуть. Устрашенный лѣкаръ сталъ просить своего крѣстнаго: «зажги мнѣ новую свѣчу, позволь мнѣ насладиться жизнію, быть королемъ и мужемъ прекрасной королевы.» — Это невозможно, отвѣчала Смерть; прежде, чѣмъ зажечь новую, надо погасить прежнюю. «А ты поставь этотъ догорающій остатокъ на новую свѣчу—такъ, чтобы она тотчасъ-же зажглася, какъ скоро онъ потухать станетъ.» Смерть притворилась, что хочетъ исполнить желаніе своего крестника, но переставляя старый огарокъ, нарочно его уронила: пламя погасло, и въ ту же минуту лѣкаръ упалъ бездыханнымъ ¹⁾. Сказка эта извѣстна и у славянъ ²⁾. Смерть, рассказываютъ въ Малороссіи, «жила и идъ землею, здоровецка ³⁾ хата уся була освичена свичками: дѣ яки з' ныхъ начиналы горити, дѣ яки догорувалы й погасалы.» Пришелъ къ ней въ гости кумъ и сталъ спрашивать про свѣчи; Смерть отвѣчала: «каждыйъ чоловікъ, якій тилько је на свити, має тутъ свою свичку; якъ винъ тилько родыцьця—свичка запалюетця, якъ свичка гасне—винъ умераетъ.» — А гдѣ-жъ моя свѣчка? спросилъ кумъ. Смерть указала ему догорающій остатокъ, и когда тотъ сталъ молить, чтобы она удлинила его свѣчку, строго замѣтила ему: «чи пам'ятаешъ, що ты мене узивъ за куму за то, що я живу по правда? чи уже-жъ съ той поры, якъ ты ставъ наномъ, тобі не мила правда?» Идемъ смерти и рока (*fatum*)

¹⁾ См. также Вольфа, 365; Zeitsch. für D. M., I, 358—360. — ²⁾ Чернигов. Г. В. 1857, 10; Быть подоланъ, II, 66—68: «Смерть за куму»; Эрбенъ, 37—39: «Smert-kmotienka»; Кульда, I, 87. — ³⁾ Огромная, большая.

въ убѣжденіяхъ арійскихъ племенъ родились и сливались между собою, почему и въ приведенной сказкѣ богиня Смерть является при рожденіи младенца дружелюбной гостьюей, возжигаетъ въ немъ свѣтъ жизни и приноситъ ему подарокъ — подобно тому, какъ при постелѣхъ родильницы являются дѣвы судьбы (парки, норны, суденицы), воспламеняютъ таинственный свѣточъ, съ которымъ связана нить жизни новорожденнаго, и надѣлаютъ его своими дарами, т. е. опредѣляютъ его будущее счастье. Такое сближеніе Смерти съ дѣвами судьбы основывается на древнѣйшемъ вѣрованіи, что вся жизнь человѣческая, начиная съ перваго дня и до кончины, была опредѣленіемъ фатума: парки не только пряли жизненную нить, но и перерѣзывали ее, не только возжигали пламя души, но и гасили его, и въ этомъ смыслѣ отождествлялись съ неушолною Смертью. Являясь во время родовъ, дѣвы судьбы воспринимали ребенка и исполняли обязанности помпвальныхъ бибокъ, что позднѣе въ эпоху христіанства заставило соединить съ ними понятіе кумы — воспріемницы; по свидѣтельству народныхъ сказокъ, феи (=парки) приглашались въ крествыя матери къ вворожденнымъ младенцамъ. Тоже представленіе кумы фантазія сочетала и съ богиней Смертію; любопытно, что ср.-в. нѣм. *tote* и *tōt* — смерть совпадаетъ съ др.-в.-нѣм. *to-to* — кумъ¹⁾). По греческому сказанію, при рожденіи Мелеагра въ покой его матери Алтеи пришли три богини судьбы и бросили въ пламя очага полѣно, съ такимъ пророчествомъ: жвавъ младенца будетъ продолжаться дотѣхъ поръ, пока не его ритъ это полѣно. Когда богини удалились, Алтея встала съ своего ложа, выхватила изъ огня головню и немедленно спрятала ее, дабы пріостановить исполненіе пророчества. Внослѣдствіи она же бросила головню въ огонь — и въ тоже мгновеніе ну-

¹⁾ D. Myth., 612—4.

тронное пламя опалило Мелеагра, и какъ только голова превратилась въ пепелъ — онъ испустилъ послѣднее дыханіе ¹⁾; подобное-же преданіе встрѣчаемъ въ *Nórnagestr* (см. гл. XXV). Итанъ Смерть гаситъ огонь жизни и погружаетъ чело­вѣка во тьму небытія. Самое слово Морана (моръ, смерть) лингвистически связывается съ словомъ мракъ; глаголь гасить донынѣ употребляется въ смыслѣ: истреблять, уничтожать, а гаснуть (черниг. губ.) — истощаться, худѣть; по-тухнуть говорится о погасшей свѣчѣ и заснувшей рыбѣ, а за-тухнуть — о боровѣ, въ значеніи: околѣть; тушить — надавать сильный, непріятный запахъ (про-тухнуть), по-тухлый — издохшій, разлагающійся, по-тухоль — начинающіе гнить съѣстные припасы; засмирить свѣчу, серб. смирити сви-жѣћу (смирить — успокоить; покойникъ — мертвецъ, успокоиться — умереть) — погасить. Наоборотъ глаголь разжиглять — разводить, поддерживать огонь. Еще яснѣе связь понятій огня и жизни въ словѣ воскресать, которое образовалось отъ стариннаго кресъ — огонь (кресало, кресиво, пол. *krzesiwo* — огниво, кресать — высѣкать искры) и буквально означаетъ: возжечь пламя, а въ переносномъ смыслѣ: возстановить погасшую жизнь ²⁾. Весною, въ воскресенье четвертой недѣли великаго поста, совершая праздникъ въ честь мертвыхъ, лужичане ходятъ на Тодесбергъ съ зажженными факелами, поминаютъ покойниковъ и на возвратномъ пути поютъ: «смерть мы погасили, новую жизнь зажгли!» — слова, указывающія на вѣру въ возстаніе мертвыхъ вмѣстѣ съ воскресающей въ весеннюю пору природою. Славонцы ходятъ на кладбища съ зажженными свѣчами 1-го марта ³⁾.

¹⁾ Grimm. Mythen, 583; Мнѣмъ класс. древности, I, 151. — ²⁾ Обл. Сл., 36, 66, 68, 92—94, 187, 241; Доп. обл. сл., 207, 272; Срп. рјечник, 695. — ³⁾ Иличъ, 315; Гануша: Die Wissenschaft des slawisch. Mythus, 408.

Наши простолюдины, когда съ больнымъ начинается агонія запаливаютъ восковую свѣчу и даютъ ее въ руки умирающему; употребленіе факеловъ при погребальныхъ обрядахъ и возженіе свѣчъ при поминкахъ—извѣстны съ глубочайшей древности ¹⁾).

По другому представленію, Смерть не погашаетъ животворнаго огня жизни, а исторгаетъ его изъ тѣла, которое послѣ того обращается въ трупъ. Въ старинной иконописи сохранилось изображеніе, какъ пораженный ангеломъ грѣшникъ и спускаетъ свою душу въ пламени, о чемъ рассказываютъ и народныя легенды; въ раскольничей книгѣ, извѣстной подъ заглавіемъ «Исторія о отцѣхъ и страдальцѣхъ соловецкихъ», находимъ слѣдующее свидѣтельство: «видѣша нѣціи отъ житель столпъ огненъ отъ земли до небеси сіяющъ, и видѣвше разумѣша, яко пустынный отецъ ко Господу отыде».

Во 2-хъ, душа представлялась звѣздою, что имѣетъ самую близкую связь съ представленіемъ ея огнемъ; ибо звѣзды первобытныи челоувѣкъ считалъ искрами огня, блистающими въ высотахъ неба (I, 177). Въ народныхъ преданіяхъ душа точно также сравнивается съ звѣздою, какъ и съ пламенемъ; а смерть уподобляется падающей звѣздѣ, которая, теряясь въ воздушныхъ пространствахъ, какъ-бы погасаетъ. Такое уподобленіе, когда позабылась его первоначальная основа, и метафора стала пониматься въ ея буквальный смыслѣ, послужило источникомъ тому вѣрованію, которое связало жизнь челоувѣческую съ небесными звѣздами. Каждый челоувѣкъ получилъ на небѣ свою звѣзду, съ паденіемъ которой прекращается его существованіе; если-же съ одной стороны смерть

¹⁾ Черемисы, совершая поминки, за каждаго покойника ставятъ по свѣчѣ; за дѣтей свѣчи бывають моленкія — Записки о чумахъ и черемис., 194.

означалась падениемъ звѣзды, то съ другою — рождение младенца должно было означаться появлениемъ или возжениемъ новой звѣзды, какъ это и засвидѣтельствовано преданіями индоевропейскихъ народовъ. Въ пермской губ. поселяне убѣждены, что на небѣ столько-же звѣздъ, сколько на землѣ людей: когда нарождается младенецъ — на небѣ является новая звѣздочка, а когда человѣкъ умираетъ — принадлежащая ему звѣзда падаетъ и исчезаетъ ¹⁾). Тоже самое утверждаютъ и чехи ²⁾). Вообще у славянъ существуетъ повѣрье, что, указывая на звѣзды пальцемъ, можно повредить живущимъ людямъ ³⁾). Древность этого воззрѣнія несомнѣнна; уже римляне, по свидѣтельству Плинія, думали, что каждый чело-вѣкъ имѣетъ свою звѣзду, которая вмѣстѣ съ нимъ рождается, и смотря по тому: озаряетъ ли его земную жизнь блескъ счастья или омрачаютъ ее бѣдствія, — свѣтится то ярко, то сумрачно, а по смерти его упадаетъ съ небеснаго свода. Падающая звѣзда почитается въ русскомъ народѣ знакомъ чьей-либо смерти въ селѣ или городѣ; потому, увидя падение звѣзды, обыкновенно говорятъ: «кто-то умеръ!» «чья-то душа покатила!» Повѣрье это распространено и между нѣмцами ⁴⁾). Сверхъ того, на Руси утверждаютъ, что падающая звѣзда означаетъ слѣдъ ангела, который летитъ за усопшею душою, или слѣдъ праведной души, поспѣшающей въ райскія обители; если успеешь пожелать что-нибудь въ тотъ мигъ, пока еще не сокрылась звѣзда, то желаніе непременно дойдетъ до Бога и будетъ имъ исполнено ⁵⁾). Народная пѣсня сравниваетъ смерть царевича съ падающею звѣздою:

¹⁾ Эги. Сб., VI, библиогр. указат., 58; Телескопъ 1833, VIII, 504. —

²⁾ Громаничъ, 31. — ³⁾ Ганушъ о Дядѣ и Бабѣ, 47. — ⁴⁾ Сахаровъ, II, 14; Маякъ, VII, 72; Статист. опис. саратов. губ., 58; Владим. Г. В. 1844, 52; Сл. Мнѣ. Костомар., 55; D. Myth., 790. —

⁵⁾ Иллюстр. 1846, 262; Beiträge zur D. Myth. I, 248.

Упадаетъ звѣзда поднебесная,
 Угасаетъ свѣча воска яраго —
 Не становится у васъ млада царевича ¹⁾.

Слово маньякъ принимается къ въ значеніи падающихъ звѣздъ, и въ значеніи проклятыхъ душъ, блуждающихъ по смерти. Блудачіе огни, которые (какъ мы видѣли) признаются душами усопшихъ, въ нѣкоторыхъ деревняхъ считаются за падшія съ неба звѣзды ²⁾. Рядомъ съ представленіемъ, что звѣзда сіяетъ на небѣ, пока продолжается жизнь человѣка, и угасаетъ вмѣстѣ съ его смертію, — было другое, по которому душа въ видѣ пламенной звѣзды нисходила изъ райскихъ странъ въ ребенка въ самую минуту его зачатія или рожденія, а когда человѣка постигала смерть — покидала его тѣло, уносила съ свое прежнее отечество и начинала блистать на небесномъ сводѣ. Чтò таково было вѣрованіе кельтовъ, за это свидѣтельствуешь ирландское сказаніе о св. Айданѣ, отецъ котораго увидѣлъ однажды въ снѣ, будто въ открытыя уста его жены упала сверху звѣзда; въ ту же ночь былъ зачатъ Айданъ, почему многіе и называли его сыномъ звѣзды ³⁾. По словамъ Аристотеля, душа усопшаго превращается въ звѣзду, и чѣмъ во время земной жизни бываетъ она пламеннѣе, возвышеннѣе, доступнѣе для духовной дѣятельности, тѣмъ блистательнѣе горитъ она по смерти человѣка ⁴⁾. Индусы вѣрили, что души блаженныхъ предковъ сіяютъ на небѣ звѣздами; славяне же и нѣмцы признаютъ звѣзды очами ангеловъ-хранителей, въ чемъ очевидно смѣшеніе душъ снятыхъ угодниковъ съ ангелами; въ средніе вѣка ангелы, наравнѣ съ душами усопшихъ предковъ, представлялись прекрасными малютками, подобными

¹⁾ Сахаров., I, 253; Терещ., I, 97. — ²⁾ Сахаров., II, 63; О. З. 1818, 68; Этн. Сб., I, 215; Москв. 1853, XXII, 67. — ³⁾ Zeitsch. für D. M., I, 345. — ⁴⁾ Sonne, Mond u. Sterne, 270—1.

эльфамъ. Въ эпическихъ сказаніяхъ германцевъ упоминается о герояхъ, которымъ суждено по смерти блистать на небѣ яркими звѣздами ¹⁾. У насъ же есть преданіе о трехъ вѣщихъ дѣстрахъ, которымъ, послѣ ихъ кончины, досталось весь вѣкъ горѣть тремя звѣздами возлѣ млечнаго пути — на дорогѣ, ведущей въ царство небесное; звѣзды эти называются дѣвичьи зори ²⁾. Гуцулы знаютъ летавицу — духа, который слетаетъ на землю падучей звѣздой и принимаетъ на себя человѣческій образъ — мужской или женской, но всегда юный, прекрасный, съ длинными желтыми волосами ³⁾.

3. Какъ огонь сопровождается дымомъ, какъ молніеносное пламя возгарается въ дымчатыхъ, курящихся парахъ облакахъ, такъ и душа, по нѣкоторымъ указаніямъ, исходитъ изъ тѣла дымомъ и паромъ. Въ Софійскомъ временникѣ ⁴⁾ о смерти в. кн. Василія Ивановича сказано: «и видѣ Шигона духъ его отшедше, аки дымецъ малъ». Санскр. *dhûta* движущееся курево, греч. *θύμα*, *θύος* — куреніе, фиміамъ, лат. *fumus* (съ замѣною *dh* звукомъ *f*) слав. дымъ, лит. *dūmas*, др.-нѣм. *toim*, *taim* отъ санскр. *dhû* — *agitare*, *commovere* (— греч. *θύω*). Отъ того-же корня образовались слова, указывающія на душевныя способности: гр. *θυμός* — душа и движеніе страсти, слав. дума, думать, лит. *dumà*, *dumóti*, *dumti* ⁵⁾. Слово пара ⁶⁾ [парить — дѣлается душно передъ грозой и

¹⁾ *Ibid.*, 272. — ²⁾ Сахаровъ, II, 62—63; сходный рассказъ о женѣ и семи дочеряхъ хлѣбника см. въ *D. Myth.*, 691—2. Въ старинныхъ назидательныхъ словахъ св. отцы метафорически называютъ звѣздами и свѣтильниками; картина „Вѣнецъ Богоматери“ представляетъ Пресв. Дѣву, окруженную душами божіихъ угольниковъ — въ видѣ звѣздъ. Москв. 1853, XXII, 67: киргизы увѣрены, что души покойниковъ обитаютъ на звѣздахъ. — ³⁾ Пантеонъ 1855, V, 46. — ⁴⁾ II, 333. — ⁵⁾ Пикте, II, 242; Диеенбахъ, II, 617—8. — ⁶⁾ Обл. Сл., 152—3.

дождемъ, прѣть, парунъ—зной, духота] имѣеть слѣдующія значенія: паръ, духъ и душа; пара вонъ т. е. душа вонъ!

4. Далѣе—душа понималась, какъ существо воздушное, подобное дующему вѣтру. Языкъ сблизилъ оба эти понятія, что наглядно свидѣтельствуется слѣдующими словами, происходящими отъ одного корня: душа, дышать, воз(ва)-дыхать, д(ы)хнуть, духъ (вѣтръ), дуть, дунуть, дѣухомъ—быстро, скоро, воз-духъ, воз-дыханіе, вздохъ ¹⁾). Въ другихъ языкахъ также придаются душѣ названія отъ воздуха, вѣтра, бури: отъ санскр. корня ап—дуть образовались: апа, апа—дуновение и дыханіе жизни, апила—вѣтръ, апи—человѣкъ, т. е. живой, одушевленный, лат. animal — животное, animus, anima, греч. ψυχός—духъ, душа, ирл. a pail — дыханіе, дуновение, кимр. a p a l, армор. é p a l—дуновение, ирл. a p a ш, кимр. e p, e p a i d, e p u d d, e n e g, e p a w g, корн. e n e f, армор. é n é, i n e a i — душа, жизнь, гот. сложное u z-а p a p—испускать дыханіе, умирать, др-нѣм. u n s t—буря, вьюга, сканд. a n d i—spiritus, ö n d—душа, перс. á p—душевная способность, армян. a n t s p — умъ, душа ²⁾). Въ глубочайшей древности вѣрили, что вѣтры суть дыханіе божества (I, 285), и что Творецъ, создавая человѣка, вдунулъ въ него живую душу. Вѣтрамъ присвоилась сила призывать мертвыхъ къ жизни, одухотворять трупы и кости ³⁾). Покидая тѣло, душа возвращалась въ

¹⁾ Отъ санскр. корня dhû. Сравни переходъ звуковъ у и ы въ словахъ: слухъ — слыхъ, слышать („слыхомъ не слыхалъ“).

²⁾ Пинте, II, 540—2; О мл. христ. на сл. яз., 67. Можно указать еще на санскр. átman — дуновение и душа, атава — вѣтръ и душа; англ. soul — душа, готск. saivala, М Мюллеръ (Лекція о языкѣ, 291) производить отъ корня si, siv—колебаться; готск. saivs—море, т. е. волнующаяся вода. — ³⁾ Die Windgottheiten bei den indogerman. Völkern, von H. Genth, 3—4: So zeigt eine Miniatur des zwölften Jahrhunderts einer lateinischen Bibelhandschrift zu Erlangen die Belebung des Geheines durch den Wind Hesek. 37, 1 bis 10, bes. 9: «und er sprach zu mir: weissage zum Winde; weissage, du Menschenkind, und sprich zum Winde:

свое первобытное, стихійное состояніе. Когда вихрь срываетъ съ деревьевъ листья, и они, колеблясь, несутся по воздуху, — виною этого, по словамъ черногорцевъ, бываютъ борющіеся между собой вѣдогонн¹⁾; если въ трубѣ гудѣтъ вѣтеръ, бѣлоруссы принимаютъ это за знакъ, что въ хату ввѣлась душа, посланная на землю для покаянія²⁾; въ завывавіи вѣтровъ моряки слышатъ плачь и стоны утопленниковъ, души которыхъ осуждены пребывать на днѣ моря. Такое представленіе души совершенно-согласно съ тѣмъ физиологическимъ закономъ, по которому жизнь человека условливается вдыханіемъ въ себя воздуха. Въ южной Сибири грудь и легкія называются вѣдухи; простолюдны полагаютъ, что душа заключена въ дыхательномъ горлѣ, перерзаніе котораго прекращаетъ жизнь³⁾. Глаголы *вдѣхатъ* *задушить*, *задохнуться* означаютъ: умереть, т. е. потерять способность вдыхать въ себя воздухъ, безъ чего существованіе дѣлается невозможнымъ. Объ умершемъ говорятъ: «онъ испустилъ послѣднее дыханіе» или «послѣдній духъ!» Наоборотъ глаголъ *отдѣхатъ* (*отдохнуть*) употребляется въ народной рѣчи въ смыслѣ: выздороветь, возвратиться къ жизни. Чтобы придти къ подобнымъ заключеніямъ, предкамъ нашимъ достаточно было простаго, для всѣхъ равно-доступнаго наблюденія: въ ту минуту, когда человекъ умираетъ, первое, что должно было поражать окружающихъ его родичей, — это прекращеніе въ немъ дыханія; передъ нимъ лежалъ

so spricht der Herr Herr—Wind komm herzu aus den vier Winden und blase diese Getödteten an, dass sie wieder lebendig werden, indem in die Todten lebendiger Odem von den vier Winden kommt, welche in den Ecken als blasende blaue Köpfe angebracht sind. Aehnlich blasen in einem der Münchener Bibliothek angehörenden Evangeliarium des eilften Jahrhunderts die vier Winde bei der Auferstehung der Todten als zweigehörnte blaue Köpfe aus den Wolken.

— ¹⁾ Путеш. въ Черногорію, 221. — ²⁾ Нар. сл. рая, 140. — ³⁾ Ж. М. Н. П. 1836, X, стат. Максимовича, 464.

успошій съ тѣми-же тѣлесными органами, какъ у живыхъ; у него оставались еще глаза, уши, ротъ, руки и ноги, но уже исчезло дыханіе, а съ нимъ вмѣстѣ исчезла и жизненная сила, которая управляла этими органами. Отсюда возникло убѣжденіе, что душа, разлучаясь съ тѣломъ, вылетаетъ въ открытыя уста, вмѣстѣ съ послѣднимъ вздохомъ умирающаго. По указанію Краледворской рукописи, душа исходитъ длинною гортанью и румяными устами (см. ниже стр. 219); чешская поговорка: «už má duši na jazyku!» означаетъ: онъ еле дышитъ, умираетъ ¹⁾. Слово о полку выражается о князѣ Изяславѣ, что онъ изронилъ свою душу изъ храброго тѣла чрезъ злато ожерелье ²⁾; а народные русскіе стихи говорятъ объ изыятіи души ангеломъ смерти «въ сахарныя уста» ³⁾. Обозначая различныя душевныя свойства, мы сравниваемъ ихъ не только съ пламенемъ, но и вѣтромъ; въ языкѣ нашемъ употребительны выраженія: бурное расположеніе духа, вѣтреный человекъ, буйная голова (сравни: «буйный вѣтеръ»), завихрился — загулялся, отбился отъ дѣла. У всѣхъ индоевропейскихъ народовъ находимъ рассказы о мертвецахъ, блуждающихъ привидѣніями, легкими какъ воздухъ, съ которыми они внезапно появляются и исчезаютъ, и также, какъ воздухъ, неуловимыми для осязанія. По смерти человека, тѣло его разлагается и обращается въ прахъ, и только въ сердцахъ родныхъ, знакомыхъ и друзей живетъ воспоминаніе о покойникѣ, его лицѣ, пріемахъ и привычкахъ: это тотъ безтѣлесный образъ, который творитъ сила воображенія для отсутствующихъ и умершихъ и который съ теченіемъ времени становится все блѣднѣе и блѣднѣе. Образъ умершаго хранится въ нашей памяти, которая можетъ вызывать его предъ наши внутреннія очи; но

¹⁾ Обл. Сл., 146; Громаниъ, 194. — ²⁾ Рус. Дост., III, 180. — ³⁾ Ч. О. И. и Д., годъ 3, IX, 20.

образъ этотъ не болѣе, какъ тѣнь нѣкогда-живаго и близкаго намъ человѣка. Вотъ основы древне-языческаго представленія усопшихъ безтѣлесными, воздушными видѣнiями, легкими призраками — тѣнями. Греки и римляне думали, что друзья и родственники, по смерти своей, являются къ постели близкаго имъ человѣка, чтобы онъ въ сновидѣнiяхъ могъ проводить съ ними время. Такъ Ахиллесу явилась во снѣ тѣнь Патрокла. Одиссей, посѣтивши Андъ, пожелалъ обнять тѣнь своей матери; три раза простиралъ къ ней объятiя, и трижды она проскользала между его руками, какъ воздухъ ¹⁾. Нашъ лѣтописецъ, рассказывая о полочанахъ, избиваемыхъ мертвецами (навѣе ²⁾), изображаетъ этихъ послѣднихъ неувольними для взора призраками ³⁾. По русскому повѣрью, кто послѣ трехъ-дневнаго поста отправится въ ночь, наканунѣ родительской (поминальной) субботы, на кладбище, тотъ увидитъ тѣни не только усопшихъ, но и тѣхъ, кому суждено умереть въ продолженiи года ⁴⁾. Слово тѣнь (= безтѣлесный образъ) употребляется и въ смыслѣ привидѣнiя, и въ смыслѣ того темнаго изображенiя, какое отбрасывается тѣлами и предметами, заслоняющими собою свѣтъ. Отсюда возникли примѣты и повѣрья, связующiя идею смерти съ тѣнью человѣка и съ отраженiемъ его образа въ водѣ или въ зеркалѣ. Если на сочельникъ, когда стануть вкушать кутью, не будетъ замѣтно чьей-либо тѣни, тотъ изъ домочадцевъ, навѣрно, умретъ въ самое непродолжительное время ⁵⁾; ибо утратить тѣнь — все равно, что сдѣлаться существомъ безтѣлеснымъ, воздушнымъ. Въ числѣ другихъ чародѣйныхъ способонъ порчи извѣстно и заклятiе на тѣнь. Если осиновымъ

¹⁾ Илиада, XXIII; Одис., XI. — ²⁾ Уже среднiй родъ этого слова указываетъ на что-то безличное, лишенное сущности человѣческой природы. — ³⁾ П. С. Р. Л., I, 92. — ⁴⁾ Нар. сл. раз., 161. — ⁵⁾ Быть подолянъ, II, 19; Иллюстр. 1846, 262.

коломъ прибить къ землѣ тѣнь, падающую отъ колдуна, вѣдъмы или оборотня, то они потеряютъ свою силу и будутъ молить о пощадѣ. Существуетъ преданіе о томъ, какъ нечистая сила завладѣла тѣнью одного человѣка и какъ много онъ въ-страдалъ, пока не удалось ему возвратить своей тѣни назадъ. Многіе еще теперь не рѣшаются снять свой силуэтъ, основываясь на суевѣрной примѣтѣ, по которой снявшій съ себя такое изображеніе долженъ умереть въ теченіи года; другіе запрещаютъ дѣтямъ смотрѣть на свою тѣнь и на свое отраженіе въ зеркалѣ: иначе сонъ ребенка будетъ безпокоенъ и можетъ легко приключиться какое-нибудь несчастіе. Когда кто умретъ въ домѣ, то всѣ зеркала занавѣшиваются, чтобы покойникъ не могъ смотрѣться въ ихъ открытыя стѣкла. Зеркало отражаетъ образъ человѣка—также, какъ и гладкая поверхность воды, а по сербскому повѣрью человѣкъ, смотрясь въ воду, можетъ увидѣть въ ней свой смертный часъ (см. выше стр. 169); по мнѣнію раскольниковъ, зеркало — вещь запретная, созданная дьяволомъ¹⁾.

5. Въ отдаленные вѣка язычества молніямъ придавался мистическій образъ червя, гусеницы, а вѣтрамъ — птицы; душа человѣческая рождалась съ тѣми и другими стихійными явленіями, и разставаясь съ тѣломъ, могла принимать тѣже образы, какіе давались грозовому пламени и дующимъ вѣтрамъ. Къ этому воззрѣнію прикнула еще слѣдующая мысль: послѣ кончины человѣка, душа его начинала новую жизнь; крошѣ

¹⁾ Ворон. Г. В. 1851, 43; Иллюстр. 1845, 415; 1846, 344; Архивъ ист.-юр. свѣд., II, ст. Бусл. 10—14. Еврей въ день новаго года идутъ къ рѣкѣ и смотрятъ въ воду; кто въ увидитъ своего отраженія, тотъ вскорѣ умретъ — Киевлян. 1865, 69. По суевѣрному преданію, члены масонскихъ домовъ оставляли въ обществахъ свои портреты; въ случаѣ жиѣны своего товарища, масоны стрѣляли въ его портретъ—и онъ тотчасъ-же умиралъ, какъ-бы далеко не былъ.

естественнаго рожденія, когда человекъ является на свѣтъ съ живою душою, эта послѣдняя, въ тавжетвенную минуту его смерти, какъ-бы снова, въ другой разъ, нарождалась къ иной жизни — замогильной. Оставивъ тѣлесную оболочку, она веплещалась въ новую форму; съ нею, по мнѣнію наблюдательнаго, но младенчески-неразвитаго язычника, должна была совершиться таже метаморфоза, какая замѣчается въ животномъ царствѣ. Фантазія воспользовалась двумя взглядыми сравненіями: а) разъ-рожденная гусеница (червякъ), уширая, вновь воскресаетъ въ видѣ легкокрылой бабочки (мотылька) или другаго крылатаго насѣкомаго; б) птица, рождаемая первоначально въ формѣ яйца, потомъ, какъ-бы нарождаясь вторично, вылупливается изъ него цыпленкомъ. Это обстоятельство послужило поводомъ, почему птица названа въ санскритѣ дважды-рожденною (dvidža¹⁾); тотъ-же взглядъ встрѣчаемъ и въ нашихъ народныхъ загадкахъ: «два чи релится, а разъ помира»²⁾ или «дважды родится, ни разу не крестится» (переласлав. уѣзда) — птица; «два раза родится, ни разу не крестится, а чортъ его бонится» (новгород. губ.) — пѣтухъ. Младенца же народная загадка называетъ метафорически яйцомъ: «подъ дубомъ, подъ царскимъ, два орла орлуютъ, одно яичко балуютъ» — кумъ съ кумою воспринимаетъ ребенка отъ купели³⁾. И птица, и бабочка, и вообще крылатые насѣкомые, образующіеся изъ личинокъ, (муха, сверчокъ, пчела и пр.) дали свои образы для олицетворенія души человѣческой. Нѣкоторые изъ славянскихъ племенъ считаютъ свѣтлущихся червячковъ — душами кающихся грѣшниковъ⁴⁾; а чехи прививаютъ червячка, который точитъ деревянныя стѣны дома, за душу покойнаго

¹⁾ О. З. 1852, XI, притиза, 36. — ²⁾ Семенов., 29; Великорус. загадки Худяк., 41. — ³⁾ Ibid., 99. — ⁴⁾ Рус. Вѣст. 1842, V-VI, 122.

предка (см. т. II, стр. 113). Это — любопытные отголоски того стариннаго вѣрованія, по которому низведенная съ неба, пламенная душа обитала въ тѣлѣ человѣческомъ свѣтящимся червемъ или личинкою (сравни стр. 73—74), а въ минуту смерти вылетала оттуда, какъ легкокрылая бабочка изъ своего кокона. Въ ярославской губ. мотылекъ называется души чка ¹⁾. Въ херсонской губ. утверждаютъ, что если не будетъ роздана заупокойная милостина, то душа умершаго является къ своимъ роднымъ въ видѣ ночной бабочки и вьется вокругъ зажженной свѣчки; почему на другой-же день послѣ такого посѣщенія загробнаго гостя родственники, для успокоенія его страждущей души, собираютъ и кормятъ нищихъ ²⁾. Бѣлоруссы думаютъ, что мотылекъ, пролетѣвшій во время поминковъ (на дзяды) мимо окна или надъ обѣденнымъ столомъ, есть посланецъ, отправленный покойниками за нихъ обрѣзанными ногтями (см. I, 120 ³⁾. По чешскому повѣрью, кто первую въ году бабочку увидитъ бѣлую, тотъ скорѣе долженъ умереть ⁴⁾. Сербы рассказываютъ, что душа вѣдьмы (вѣштицы) излетаетъ изъ нея во время сна въ видѣ бабочки или птицы, и пока душа странствуетъ—тѣло ея поконится, какъ мертвое; если въ это время перевернуть вѣдьму головою туда, гдѣ были ея ноги, то возвратившаяся душа не найдетъ входа въ свою тѣлесную обитель (=открытаго рта), и колдунья уже никогда не пробудится. Тоже самое рассказываютъ болгары о колдунахъ. Летящую ввечеру бабочку сербы принимаютъ за душу вѣштицы, стараются поймать ее и подпалить ей крылья ⁵⁾. Словен. *vesha* (вѣщая) означаетъ

¹⁾ Обл. Сл., 52. — ²⁾ Херсон. Г. В. 1852, 12. — ³⁾ Пантеонъ 1856, I, 28. — ⁴⁾ Громанъ, 85. — ⁵⁾ Срп. рјечник, 66—67: вѣштица се зове жена, која, она у себи некакая ѣволски дух, која у сну из ње изиђе и створи се у лепира, у кокош или у ћурку“ (въ бабочку, курицу или индейку).

колдунью, бабочку и блуждающій огонь ¹⁾; Слово о полку придает душѣ эпитетъ вѣщей. Въ Англіи суверечныя бабочки, прилетающія на пламя свѣчки, называются saules (souls), что вполне соответствуетъ нашей душичкѣ. Въ Германіи извѣстенъ рассказъ о спящей дѣвицѣ, которую не могли разбудить никакія усилія—до тѣхъ поръ, пока не прилетѣлъ жукъ и не вползъ въ ея открытый ротъ. У словенцевъ Ивановскій свѣтлѣйшій жуиъ—kerpnica пользуется особенною любовью за то, что леталъ по дому родителей Іоанна Предтечи и освѣщалъ колыбель святаго младенца. Вмѣсто выраженія: «когда я еще родился», нѣмцы говорятъ: «когда я еще леталъ съ бабочками или съ комарами» (ich flog noch den mücken nach, ich flog noch mit den feiffalter n — schmetterlingen ²⁾). Тоже представленіе встрѣчаемъ и у грековъ: слово ψυχή употреблялось въ двойномъ смыслѣ: душа и мотылекъ. Психею они изображали бабочкою и даже въ человѣческой олицетвореніи надѣляли ее легкими и прозрачными крыльями этого насекомого. Смерть греки представляли съ погасшимъ факеломъ и вѣнкомъ, на которомъ сидѣла бабочка: факель означалъ угасшую жизнь, а бабочка — душу, покинувшую тѣло. Въ древніе времена на гробницахъ изображалась бабочка, какъ вѣлема воскресенія въ новую жизнь ³⁾. По рассказамъ новыхъ грековъ, души усопшихъ въ теченіи сорока дней послѣ Воскресенія Христова носятся надъ цвѣтущими лугами въ видѣ бабочекъ, пчелъ и другихъ летучихъ насекомыхъ и утоляютъ свою жажду изъ благоухающихъ чашечекъ весеннихъ цвѣтовъ ⁴⁾. Припомнимъ, что въ звѣздахъ арійскія

¹⁾ D. Myth., 1036; Рус. Дост., III, 200. У насъ вѣщица—колдунья и сороза (птица, въ которую любятъ превращаться вѣдьмы). — ²⁾ Germ. Mythen, 367, 370—1, 729—730; Рус. Бес. 1857, III, 117. — ³⁾ D. Myth., 789; Обзоръ мнѣвій древнихъ о смерти, судьбѣ и жертвоприношеніи, 9, 20. — ⁴⁾ Рус. прост. праздн., IV, 3.

племени видѣли съ одной стороны души блаженныхъ предковъ, а съ другой—рой небесныхъ пчелъ (I, 385), и потому посмертный переходъ душъ въ пчелы долженъ былъ казаться для нихъ столь-же несомнѣннымъ, какъ и переходъ въ звѣзды. Въ Малороссіи, возвращаясь съ кладбища послѣ похоронъ, старухи садятся на цѣлую ночь караулить душу усопшаго и ставятъ на столъ сыту, т. е. мѣлъ, разведенный водою; онѣ убѣждены, что душа непременно прилетитъ въ образѣ мухи и станетъ пить приготовленный для нея напитокъ ¹⁾. О вѣдьмахъ въ воронежской губъ рассказываютъ, что душа вылетаетъ изъ нихъ въ видѣ мухи, — подобно тому, какъ по сербскому преданію, она вылетаетъ въ видѣ бабочки ²⁾. По словамъ чеховъ, мара можетъ превращаться въ большую черную муху ³⁾. Въ Бѣлоруссіи существуетъ примѣта: если сверчокъ летаетъ по комнатѣ, то надо ожидать въ семьѣ покойника ⁴⁾.

6. Народный языкъ и преданія говорятъ о душахъ, какъ о существахъ летающихъ, крылатыхъ. По мнѣнію нашихъ поселянъ, душа усопшаго, послѣ разлуки своей съ тѣломъ, до шести недѣль остается подъ родною кровлею, пьетъ, ѣстъ, прислушивается къ заявленіямъ печали своихъ друзей и родичей и потомъ улетаетъ на тотъ свѣтъ. Въ кievской губ. вѣрятъ, что душа некрещенаго младенца — прежде, нежели превратится въ русалку, семь лѣтъ летаетъ надъ землею ⁵⁾. «Его душа отлетѣла въ иной міръ!» — обычное у насъ выраженіе о всякомъ покойникѣ. Краледворская рукопись свидѣтельствуетъ, что, пока не будутъ сожжены трупы, души умершихъ порхаютъ по деревьямъ вмѣстѣ съ птицами:

¹⁾ Этн. Сб., I, 371. — ²⁾ Ворон. Бесѣда, 193. — ³⁾ Громаничъ, 26. — ⁴⁾ Нар. сл. ряз., 166. Во владимирской губ. думаютъ: если въ домѣ заведутся сверчки, то кто-нибудь въ семействѣ тяжело заболѣетъ — Труды владим. статист. ком., VI, 85. — ⁵⁾ Киев. Г. В. 1845, 15.

Tamo i viele duš tleá
 Siemo-tamo po drevech.
 Jich bojié sie ptactvo i plachý zvier,
 Jedno sovy nebojié sie ¹⁾.

Въ другомъ мѣстѣ этого памятника читаемъ: «нѣтъ юноши
 напалъ на него лютый врагъ, ударилъ въ грудь тяжелымъ
 молотомъ,

Vyrazi z juhoše dušu-dušicu!
 Sie vylotie piekným táhlým hrdlem,
 Z hrdla krásnym'a rtoma ²⁾.

Тоже сказано и о сраженномъ Влаславѣ:

Ai, a vyide duša z rtwucei hyby,
 Vyletie na drvo, a po drvech
 Siemo-tamo, doniž mrtew nezžen ³⁾.

Подобные обороты и выраженія донынѣ встрѣчаются въ мо-
 равскихъ и чешскихъ пѣсняхъ: «vylečela duše z sěla,
 sedia na hajiček, na ten zelený travniček»; «z těla (душа)
 vyletěla, na zelenu luku sedla» ¹⁾. Говоря о полетѣ душъ,
 они намекаютъ на древнѣйшее представленіе или птицями.
 Такой намекъ получаетъ особенную силу при положительномъ
 свидѣтельствѣ другихъ сохранившихся у славянъ повѣрій.
 Кашубы твердо убѣждены, что души усопшихъ, до погребенія
 оставленныхъ ими тѣлъ, слѣдятъ въ образѣ птицъ на дымо-
 выхъ трубахъ и что дѣтскія души бывають одѣты нѣжными

¹⁾ Переводъ: Тамъ много душъ носятъ туда-сюда по деревьямъ.
 Боятся ихъ птицы и пугливый звѣрь, только совы не боятся. —

²⁾ Исторгъ изъ юноши душу-душеньку! она вылетѣла прекрасною
 длинною гортанью, изъ гортани румяными устами. — ³⁾ Вотъ и
 вышла душа изъ стенищихъ усть, взлетѣла на дерево и (порхала)
 по деревьямъ туда и сюда, пока не сожгли жертваго—Ж. М. Н. П.
 1840, XII, ст. Сравненск., 128, 133—5. — ⁴⁾ Часопись музея чеш-
 ского 1863, I, стат. Иречка, 4—5; Чешск. пѣсни Эрбена, 469.

пухомъ ¹⁾. Въ уѣздахъ мосальскомъ и жиздренскомъ въ теченіи шести недѣль послѣ чьей-либо смерти стелютъ на окно бѣлое полотенце, выпуская одинъ конецъ на улицу, а на полотенце кладутъ хлѣбъ, и вѣрятъ, что душа покойника есть та самая птица, которая станетъ прилетать къ окну и клевать положенный хлѣбъ ²⁾. Суевѣріе это до половины прошлаго столѣтія раздѣлялось и лицами высшихъ слоевъ русскаго общества. Заимствуемъ слѣдующую любопытную замѣтку изъ мемуаровъ того времени: въ апрѣлѣ 1754 года умеръ гофмейстеръ Чоглоковъ; въ открытое окно спальни его жены влетѣла птица и сѣла на карнизѣ противъ постели; увидя птицу, Чоглокова сказала, что это прилетѣла душа ея мужа, и разубѣдить ее въ этомъ не было никакой возможности ³⁾. Г. Кулишъ записалъ прекрасный рассказъ о томъ, какъ обмирала одна старуха: «якъ прійшла вже минн година вмирати (передавала старуха), то Смерть и стала съ косою въ мене въ ногахъ. Якъ стала, то ноги такъ и похололи... Якъ замахне косою, то душа тилько пурхъ! такъ якъ пташка вилетѣла та-й полетѣла по хати, и сила въ кутку на образи, пидъ самою стелею. А грихи стали на порози та-й не пускають души съ хати. Отъ я бачу, що никуди вийти; дивлюсь, ажъ видко о(т)чинене. Я—пурхъ у видно! и пишла, пишла полемъ. Легко та любо минн такъ, мовъ зъ разъ на свитъ народилась» ⁴⁾. Въ похоронныхъ и надгробныхъ причитаніяхъ слышатся такіи поэтическія обращенія къ милымъ родственному сердцу покойникамъ: «та прилизъ же ты до мене, мій братику, хотъ сивымъ голубемъ, хотъ иснымъ соколомъ, хотъ билымъ либидемъ» ⁵⁾. — «Прилетай ко мнѣ хотъ кукушечкой, проку-

¹⁾ Roggenwolf u. Roggenhund, 29. — ²⁾ Изъ матеріаловъ, собран. Русск. Географич. Обществомъ. — ³⁾ Mémoires de Catherine II, 211. — ⁴⁾ Кулишъ, I, 305—6; Москв. 1846, XI—XII, 152. — ⁵⁾ Ворон. Г. В. 1851, 2.

куй мнѣ свою волюшку!» (тамбов. губ.) Невѣста-сврата, обращаясь къ умершимъ родителямъ съ обычнымъ обрядовымъ причитаніемъ, голоситъ: «возстань, кормилецъ-батюшка, распечатай свои уста сахарныя, попроси у Господа Бога златы крылушки, прилети на свадьбу, благослови!» (твер. губ.) Въ нашей старинной символикѣ райскія птицы Алконость и Спринь нерѣдко означаютъ праведниковъ; въ этомъ значеніи, но словамъ гр. Уварова, встрѣчаемъ мы ту в другую птвицу на изваяніяхъ Дмитріевскаго собора во Владимірѣ на Клязьмѣ ¹⁾). Наравнѣ съ прочими индоевропейскими народами, славяне сохранили много трогательныхъ рассказовъ о превращеніи усопшихъ въ легкокрылыхъ птицъ, въ видѣ которыхъ они навѣщаютъ своихъ родичей. Какъ скоро душа покидаетъ тѣло, она, смотря по характеру своей земной жизни, принимаетъ образъ той или другой птвицы, преимущественно бѣлаго голубя или чернаго ворона ²⁾). Малороссіяне думаютъ, что душа покойника въ продолженіе сорока дней летаетъ съ ангеломъ въ невѣдомомъ мірѣ, являясь каждую ночь въ свой домъ, гдѣ она, въ видѣ голубки, купается въ нарочно-поставленной водѣ ³⁾). Когда діаконъ Феодоръ и трое его товарищей-расколуучителей были сожжены въ 1681 году, то по сказанію старовѣровъ — души ихъ взвилась на небо въ видѣ голубей ⁴⁾). На кровлѣ бѣднаго дома, повѣствуетъ народная легенда, сидѣло три голубя; проходилъ мимо путникъ: что такое, думаетъ, сидятъ на кровлѣ три голубя и порываются къ небесамъ порхнуть? Заходитъ въ домъ и узнаетъ, что несчастная мать, не имѣя средствъ прокормить трехъ маленкихъ дѣтей, умертвила ихъ, а голуби—это три божь-

¹⁾ Древности, труды Моск. Археолог. Общ., I, 20 (материалы для археол. словаря). — ²⁾ *Andeutungen eines Systems der Myth.*, 239—240. — ³⁾ Ворон. Г. В. 1851, 2. — ⁴⁾ Правосл. Собесѣд 1859, VII, 325; Годъ на Сѣверѣ, соч. Малашова, II, 61.

нхъ ангела, прилетѣвшіе за душами младенцевъ, чтобы отвести ихъ на небо ¹⁾). Моравскія сказки свидѣтельствуютъ, что душа вылетаетъ изъ устъ умирающаго и несется на небеса бѣлою голубкою ²⁾). Черногорцы душу называютъ голубицею; у западныхъ славянъ есть преданіе о сѣтующихъ на могилѣ голубяхъ. На древнихъ гробницахъ голубь изображался, какъ символъ отлетѣвшей души; лонгобарды, въ память родственниковъ, умершихъ на чужбинѣ или павшихъ въ битвѣ, ставили на церковныхъ дворахъ шести съ деревяннымъ изображеніемъ голубя и обращали голову птицы въ ту сторону, гдѣ лежалъ прахъ покойника ³⁾). Польскія преданія утверждаютъ, что каждый членъ рода Гербуртъ обращался по смерти въ орла; а первородная дочь Пилецкихъ превращалась въ голубку, если умирала до брака, и въ сову, если умирала по замужствѣ. По мѣтнію чеховъ, въ сову превращается жена, невѣрная своему мужу. Есть еще легенда: разбойникъ Мадей, терзаемый ужасомъ грядущаго наказанія на томъ свѣтѣ, обрекъ себя на покаяніе; онъ воткнулъ въ землю свою палицу и преклонилъ колѣна съ обѣтомъ не слезить съ мѣста, пока милосердіе божіе не отпуститъ ему грѣховъ. Долго оплакивалъ онъ свои злодѣянія, много утекло времени — палица разрослась въ вѣтвистое дерево и стояла осыпанная яблоками. Въ одинъ день проѣзжалъ мимо епископъ; Мадей умолялъ святителя дать ему разрѣшеніе, и по мѣрѣ того, какъ онъ исповѣдалъ свои грѣхи и небо разрѣшало ихъ, яблоки одно за другимъ срывались съ дерева невидимою силою, превращались въ бѣлыхъ голубей и улетали на небо: эти голуби были души убитыхъ разбойникомъ. Оставалось только одно яблоко: то была душа отца Мадеева, котораго за-

¹⁾ Шаповъ, 13. — ²⁾ Кульда, I, 551—3. — ³⁾ D. Myth., 788, 1088; О вл. христ на сл. яз., 105; Вѣст. Евр. 1827, XIV, 148—9; Die Wissenschaft des slaw. Mythus Гануша, 319.

мучилъ онъ страшнымъ образомъ. Наконецъ и оно, послѣ вы-
сказанной исповѣди, превратилось въ сизаго голубя, кото-
рый тотчасъ-же исчезъ въ слѣдъ за другими ¹⁾. Въ Подолѣ из-
вѣстна пѣсня — какъ изъ могильнаго холма выросло дубовое де-
рево и какъ прилеталъ и садился на его вѣтви бѣлоснѣж-
ный голубокъ ²⁾. По чешскимъ преданіямъ, невинная душа
вылетаетъ изъ тѣла бѣлымъ голубемъ, а грѣшная — тем-
ноцвѣтнымъ, или иною какоюптицею ³⁾. Въ одной изъ мало-
русскихъ пѣсень говорится, что душа убитаго мужа прилета-
ла къ плачущей вдовѣ въ образѣ павлина ⁴⁾; а въ другой
читаемъ слѣдующіе стихи о душѣ убитаго казака:

Прелетѣла пташка, коло мене впала:
Таки очи, таки брови, якъ у моего пана;
Прелетѣла пташка-малевани крыльця:
Таки очи, таки брови, якъ у моего Гриця! ⁵⁾

По свидѣтельству великорусской сказки, душа неповинно-
убитой дѣвицы прилетаетъ къ доброму молодцу соловьемъ
и поетъ про свое несчастіе, словно человѣческимъ голосомъ
выговариваетъ ⁶⁾. О душахъ умершихъ дѣтей рассказываютъ
на Волынѣ, что весною онѣ слетаютъ съ неба, принимая
видъ ласточки, конопляночки и другихъ пѣвчихъ
пташекъ, и садясь по деревьямъ возлѣ отцовскихъ избъ, по-
ютъ сладкозвучныя пѣсни, чтобы утѣшить своихъ осиротѣ-

¹⁾ Семеновск., 49, 145—8; Пов. и пред., 130—5; Шлейхеръ, 75
—79; Громанъ, 194; сравни Этн. Сб., V (о кашубахъ), 93—95,
134—6; Н. Р. Лег., № 27, 28 и стр. 177—8; Худак., 101; Бытъ по-
долянъ, II, 59—65; Шоттъ, 15; Гальтрихъ, 28, 30; Volkslieder der
Wenden, I, 285; II, 176—8. Въ нѣмецкой редакціи когда рассказ-
шійся грѣшникъ былъ помилованъ и умеръ, то душа его воспар-
ила на небо бѣлымъ голубемъ. О значеніи яблоск см. выше,
II, 507. — ²⁾ D. Myth., 788. — ³⁾ Иричокъ въ Часописи чешск.
музея 1863, I, 5. — ⁴⁾ Костомар. Сл. Мнѣ., 66—67. — ⁵⁾ Ма-
лорус. литер. сборн., 225. — ⁶⁾ Н. Р. Сл., VII, 29.

лыхъ родителей ¹⁾). По вѣмецкой сказкѣ пасынокъ, убитый мачихою, оборачивается птичкою, прилетаетъ къ своему дому и поетъ: «меня мачиха убила, сестра схоронила — и я сталъ чудесною птичкою!» — слова, одинаковыя съ тѣми, которыя въ русской сказкѣ наигрываются дудкою, сдѣланною изъ тростника, что выросъ на могилѣ убитаго мальчика ²⁾). Вмѣстѣ съ другими подобными свидѣтельствами, касающимися германскихъ племенъ, Я. Гриммъ приводитъ вѣрованіе, что когда тонетъ разбитый корабль, то души потонувшихъ поднимаются изъ водъ и восходятъ на небо бѣлыми голубями. Романская легенда также представляетъ душу голубкою ³⁾). У литовцевъ есть прекрасное повѣстическое преданіе: пѣвецъ Дайнасъ страстно влюбился въ красавицу; напрасно онъ утромъ и вечеромъ пѣлъ передъ ея окномъ пѣлннательныя пѣсни: суровая красавица не хотѣла отвѣчать его страсти. Дайнасъ утопился, и боги превратили его въ соловья. Только тогда почувствовала она къ нему любовь, умерла съ горести и была превращена въ столбиственную розу, которая начинаетъ цвѣсти въ то время, когда перестаетъ пѣть соловей. Существуетъ въ Литвѣ и другой рассказъ о томъ, какъ бѣдный земледѣлецъ, любившій сопровождать свою трудную работу веселыми пѣснями, былъ превращенъ по смерти въ жаворонка, который потому и вѣется и поетъ надъ колосистыми нивами ⁴⁾). Литовское преданіе о Дайнасѣ напоминаетъ «Цеиска и Галліону» Овидія: въ этомъ стихотвореніи поэтъ сохранилъ намъ подобное-же преданіе древнихъ о превращеніи въ птицъ двухъ любовниковъ, погнбшихъ въ волнахъ коварнаго

¹⁾ Волын. Г. В. 1859, 18. — ²⁾ Сказ. Гримм., 47; сравни польскую сказку въ сборникѣ Глинск., II, 236—7. Арабы вѣрили, что изъ крови убитаго зарождается птица, которая летаетъ близъ могилъ и жалобно кричитъ, пока не будетъ отомщено убійство. —

³⁾ D. Myth., 638, 640, 788. — ⁴⁾ Черты литов. нар., 73.

шор. «Одиссея» души умерших представляет летающими в воздухъ стаями в сравниваетъ ихъ съ летучими мышами ¹⁾. Вотъ почему птица, влетѣвшая въ комнату, (воробей, голубь, ласточка) предвѣщаетъ покойника; ту же примѣту относятъ и къ не топырю. Крикъ ворона, филина и совы, прилѣтъ дятла, жолны или кукушки въ дому считаются такимъ же печальнымъ предзнаменованіемъ чьей-либо смерти ²⁾. Видѣть во снѣ, какъ улетѣла со двора кукушка или поднялся съ руки соколъ, означаетъ: смерть близкаго, любимаго человека ³⁾.

Особенно-знаменательно представленіе души въ образѣ кукушки, которое можетъ навести на смыслъ загадочнаго обряда, извѣстнаго на Руси подъ названіемъ крещенія кукушекъ. Въ народныхъ малороссійскихъ пѣсняхъ кукушка прилетаетъ горевать надъ трупами умершихъ ⁴⁾; она—эмблема сильной сердечной печали по милымъ покойникамъ: у сербовъ и литовцевъ есть преданіе о превращеніи въ кукушку неутѣшной сестры, которая долго и горько оплакивала смерть своего брата ⁵⁾. На деревянныхъ могильныхъ крестахъ въ

¹⁾ Пѣсь XXIV. Египтяне, раздѣлившіе тоже возрѣніе на душу, изображали ее въ видѣ птицы (копчика) съ человѣческой головою—*Zeitsch. für D. M.*, IV, 245; *O. Z.* 1858, VI, 442. — ²⁾ Иллюстр. 1846, 333; Статист. описаніе саратов. губ., 62; Абен., 157; Нар. сл. риз., 164; I-й т. Повт. Возар., 511—2. — ³⁾ См. народныя пѣсни въ *Вѣст. Евр.* 1818, XXI, 50—52. — ⁴⁾ Никто, говоритъ пѣсня, не погруститъ о погибшемъ на чужбинѣ; только воронъ прилетитъ, сядетъ на трувъ, помолветъ и перестанетъ, да „прилетать возули да-й планати стане“; къ умирающему казаку прилетали кукушки, „у головахъ сидѣли, якъ ридны сестры ковали“ — *Ж. М. Н. П.* 1837, т. XIII, 42; Пассена: Путес. Записки, Запорожск. Старина Срезневск., I, кн. 2, 80. — ⁵⁾ Сри. рѣчник., 312; Черты литон. нар., 72. Сравни малорусское преданіе: «возули й дятель були перше людьми, а послѣ Богъ танъ давъ, що пороблявся птицими» — Кулишъ, II, 36.

Сербіи наображають столько кукушекъ, сколько родственниковъ и особенно сестеръ грустятъ по усопшему, и до сихъ поръ дѣвица, потерявшая брата, не можетъ удержаться отъ слезъ, какъ скоро заслышитъ голосъ кукушки ¹⁾). На Русн вѣрятъ, что когда эта птица кукуетъ, то изъ глазъ ея капаютъ на древесную вѣтку слезы; за эти слезы принимаютъ ящерики насѣкомыхъ ²⁾), облипающія древесную вѣтку и называемыя у нѣмцевъ *kukuks-spreichel*, у сербовъ кукавичја суза, у насъ кукушкины слѣзки ³⁾). Къ кукушкѣ обращаются съ вопросами о покойникахъ; такъ въ одномъ похоронномъ причтаніи надъ умершимъ отцомъ говорится:

Мій же ты таточку!
 Якъ будутъ садочки цвисты,
 И буде зозуленька куковаты,
 Я-жь буду, мій таточку,
 Зозуленьку пытаты:
 Чи не бачыла-жь ты, зозуленько,
 Мого батьку риднаго?

Въ свадебной пѣснѣ невѣста-сирота посылаетъ кукушку за своими умершими родственниками, чтобъ они пришли съ того свѣта благословить ее на новое житье ⁴⁾).

Обрядъ крещенія кукушекъ въ разныхъ мѣстахъ совершается въ разное время — на третьей, четвертой, пятой или шестой недѣлѣ послѣ Пасхи, но преимущественно въ недѣлю Семницкую, когда поминаютъ усопшихъ. Женщины и дѣвочки собираются въ лѣсъ, дѣлаютъ изъ лоскутьевъ и цвѣтовъ чучело птицы и сажаютъ на вѣтку, а подъ нею привѣшиваютъ шейные кресты; иногда, вмѣсто того, отыскиваютъ тра-

¹⁾ D. Myth., 1088. — ²⁾ Cicada spumaria, ringelspinne. — ³⁾ D. Myth., 646. — ⁴⁾ Воров. Г. В. 1851, 2; Иллюстр. 1848, № 1, 62лорус. свадьба.

ву, называемую кукушкою (*orchis latifolia* ¹⁾), и вырвав ее съ корнемъ, одѣвають въ сорочку, потомъ кладутъ на землю и ставятъ надъ нею крестообразно двѣ дуги, покрывая ихъ платками и вѣшая съ двухъ сторонъ по кресту. Въ орловской и тульской губ. надѣвають крестикъ на самое чучело кукушки и поютъ: «кумушки, голубушки! кумитесь, любитесь, даритесь!» Это называется кетить (крестить) кукушку или кумиться. Двѣ дѣвицы, поцѣловавшись изъ-подъ дуги, мѣняются крестами и называются кумамъ. Въ праздникъ Семикъ поселяне приходятъ въ рощу, отыскиваютъ двѣ плакучихъ березы, нагибаютъ и связываютъ ихъ вѣтви разноцвѣтными лентами, платками и полотенцами въ видѣ вѣнка; надъ вѣнкомъ кладутъ означенную траву или чучело кукушки, а по сторонамъ привѣшиваютъ кресты. Двѣ дѣвицы, желающія покумиться, должны обойти вокругъ этихъ березъ — одна на встрѣчу другой, потомъ трижды поцѣловаться сквозь вѣнокъ, и сквозь вѣнокъ-же передать другъ дружкѣ желтое яйцо. Хороводъ поетъ:

Ты, кукушка рыба!
Ты кому-же кума?
Покумись, кумушки
Покумись, голубушки!

Названныя «кумушки» обмѣниваются крестами и кольцами; а кукушку раздѣляютъ на части и хранятъ у себя на память кумовства. Затѣмъ слѣдуетъ пиршество, необходимою принадлежностью котораго бываетъ яшница. Тѣ, которыя покумались въ Семикъ, ходятъ на Троицынъ день развѣивать вѣнки или бросать ихъ въ воду, при чемъ поютъ: раскумись, кумушки! раскумись, голубушки! да ю, ю — Семикъ да и Тро-

¹⁾ Беременные женщины выкапываютъ эту траву и гадаютъ по ней: если на корнѣ будетъ два отростка—то родится дѣвочка, а если три—то мальчикъ (Вост. Р. Г. О. 1853, I, 59).

нца! Есть игра, указывающая на тотъ-же обрядъ кумовства; дѣвцы избираютъ куму и садятся въ кружокъ, кума обходитъ ихъ и спрашиваетъ: чье это дитя?—Твое и мое.—Кому его крестить? — Тебѣ и мнѣ. Послѣ того кума и та, которую она спрашивала, разбѣгаются въ разные стороны, и объѣзжавъ кругъ три раза, останавливаются. Кто прибѣжитъ прежде, та садится, а другая идетъ спрашивать. Сходная съ этою игра известна и въ Литвѣ ¹⁾.

Обрядъ крещенія кукушекъ получить для насъ болѣе осознательное значеніе, если мы облизниѣ его съ повѣрьюми о русалкахъ и мавкахъ, въ образѣ которыхъ (по народному повѣрью) являюся души младенцевъ мертворожденныхъ или умершихъ безъ крещенія ²⁾. Въ теченіе семи лѣтъ, до превращенія своего въ русалокъ, души эти (преимущественно на Зеленыя Святки) летаютъ по воздуху и жалобно просятъ, чтобъ ихъ окрестили; кто заслышитъ ихъ грустный, умоляющій голосъ, тотъ долженъ сказать: «крещаю тебя, Иванъ да Марья, во имя Отца и Сына и Святаго Духа!» Послѣ этихъ словъ онѣ возносятся на небо, какъ-бы воспринявшія крещеніе. О русалкахъ и мавкахъ рассказываютъ, что наканунѣ Троицына дня онѣ бѣгаютъ по колосистымъ нивамъ, хлопаютъ въ ладоши и приговариваютъ: «ухъ-ухъ, соломяный духъ! мене маты породила, некрещену положила (или: схоронила) ³⁾. Любопытно, что въ черниговской губ. обрядъ завиванія семицкихъ вѣтнковъ называется встрѣчею русалокъ, а развиванье вѣтнковъ (на

¹⁾ Сахаров., I, 72—73; II, 86; Рус. прост. праздн., I, 163; II, 96—98; Вѣст. Евр. 1821, II, 195; Терещ., V, 42; VI, 165, 191—2; Саратов. Г. В. 1844, 6. У румыновъ на Троицкой недѣлѣ совершается праздникъ кукушекъ — Телескопъ 1833, VIII, 501—2. —

²⁾ Терещ., VI, 124, 176, 181; Рус. прост. праздн., III, 98, IV, 10; Вѣст. Евр. 1821, II, 195. — ³⁾ Терещ., VI, 125, 129; Рус. прост. праздн., IV, 10.

Петровъ день) — проводами русалокъ. Если неокрещенныя души, летая по воздуху, испрашиваютъ себѣ крещенія; если самое появленіе ихъ совпадаетъ со временемъ совершенія обряда, извѣстнаго подъ именемъ «крещенія кукушекъ»; если наконецъ душа олицетворялась въ образѣ птицы и кукушка принималась эмблемою сиротства: то, кажется, позволительна будетъ догадка, что подъ «крещеніемъ кукушекъ» должно понимать символическій обрядъ крещенія младенцевъ, умершихъ безъ этого таинства и потому осужденныхъ блуждать по свѣту. Дѣти народному уму представляются чистыми, невинными, безгрѣшными; но умирая безъ крещенія — они не могутъ войти въ царство блаженныхъ. Сострадавъ ихъ безотраднѣй судьбѣ, престолюдины создали обрядъ посмертнаго крещенія, чтобы такимъ образомъ открыть душамъ младенцевъ вѣрный путь въ небесныя обители ¹⁾. Очевидно, что подобное воззрѣніе могло родиться только въ эпоху христіанскую, но тѣмъ не менѣе оно перешло въ обрядъ подъ сильнымъ вліяніемъ языческихъ представленій, и по всему вѣроятію описанное нами «кумовство» есть не болѣе, какъ видоизмѣненная форма древняго «побратимства» или «дружицала». За это свидѣтельство сербскій обычай: на второй день Пасхи поселяне идутъ на кладбище, раздаютъ милостину и поминаютъ усопшихъ, а потомъ дружатъ между собою («дружицају се») — парни съ парнями, а дѣвицы съ дѣвицами, т. е. плетутъ изъ вербы вѣнки, дѣлуются сквозь нихъ и мѣняются красными яйцами и самыми вѣнками; послѣ того, въ продолженіе дѣлаго года, мужчины называются побратими, а дѣвицы — друге ²⁾.

Представленіемъ души въ образѣ птицы легко объясняется, почему между нашими крестьянами донныѣ соблюдается обык-

¹⁾ Припомнимъ дѣтописное свидѣтельство (подъ 1044 годомъ), что при Ярославѣ дѣлгребомъ два князя Ярополка и Ольга, сына Святослава, и крестили кости ею, и положиша ѳ въ церкви свята Богородица — П. С. Р. Л., I, 67. — ²⁾ Срп. рјечник, 142.

новеніе: въ продолженіи шести недѣль по смерти родственника «кормить птицу небесную»; для этого каждое утро осыпаютъ могилу хлѣбными зернами ¹⁾. Въ астраханской губ., посѣщая на праздникъ Пасхи кладбище, крошатъ на могилахъ для птицъ яйца; въ другихъ мѣстахъ крошатъ для нихъ на могилы печеный хлѣбъ, а въ Москвѣ уцѣлѣлъ трогательный обычай кормить въ извѣстные дни года голубей, что совершается какою-нибудь старухою на перекресткахъ улицъ и площадяхъ; деньги на кормъ собираются съ прохожихъ. Обычай этотъ соблюдается и у западныхъ народовъ. Я. Гриммъ сообщаетъ любопытное указаніе: «man entsinnt sich dabei des vermächtnisses für die vögel auf Walthers von der vogelweide grabstein, dessen name schon pasqua avium ausdrückt» ²⁾.

7. Понимая душу, какъ пламя и вѣтеръ, арійское племя должно было сроднить ее съ стихійными существами, населяющими небо и воздухъ. Такое сродство засвидѣтельствовано языкомъ: душа и духъ = *geist* (отъ *gisa* и — дуть, вѣять), *anîma* и *ἄνεμος*. По индѣйскимъ вѣрованіямъ, толпы стихійныхъ духовъ, олицетворяющихъ небесные лучи, молніи и вѣтры, (*ribhus, bhṛigus, angirasen, maruts*) ничѣмъ не различались отъ *pitrîs* = *patres*, отцевъ, предковъ, т. е. отъ усопшихъ, называемыхъ у славянъ родителями и дѣдами. Веданческая религія признаетъ небо и воздушный міръ за двѣ отдѣльныя области. Въ безпредѣльныхъ пространствахъ неба пребываетъ свѣтъ, какъ вѣчная, творческая сила; между этою странною свѣта и землею простирается царство воздуха, въ которомъ плаваютъ облака и тучи, носящія живую воду дождей и преграждающія путь лучамъ солнца. Души отцевъ

¹⁾ Этв. Сб., V, о бытѣ курскъ крестьянъ, 82. — ²⁾ D. Myth., 635.

населяют и ту, и другую области, и отсюда позднеѣ, когда стали разсуждать о загробномъ возмездіи за земную жизнь человека, развилось вѣрованіе о двойственной судьбѣ усопшихъ: о душахъ блаженныхъ, наследующихъ царство небесное, и отверженныхъ, осужденныхъ блуждать по воздуху и вращаться въ пеклѣ грозовыхъ тучъ. Любопытно, что въ нашихъ старинныхъ рукописяхъ греч. *παράδεισος* (рай) переводится словомъ: по-рода, а *γεέννα* (адъ) словами: родъ и родство ¹⁾). Высоко, по ту сторону облачныхъ водъ; лежитъ блестящее небо (*svarga*), съ котораго солнце, луна и звѣзды посылаютъ свой свѣтъ на землю; такъ-то, на отдаленной границѣ вселенныя, живутъ отшедшіе изъ земной юдоли предки подъ властію Варуны, наслаждаясь вѣчнымъ блаженствомъ и блистая очамъ смертныхъ яркими звѣздами. Но чтобы достигнуть этихъ райскихъ селеній, они должны шествовать черезъ воздушный океанъ, странствовать посреди дождевыхъ потоковъ и грозоваго пламени и принимать участіе въ ихъ животворной или разрушительной дѣятельности. По свидѣтельству гимновъ, отцы носятся въ тучахъ, сверкаютъ въ молніяхъ, извлекаютъ изъ облаковъ дождь и проливаютъ его на поля своихъ потомковъ; они полагаютъ въ ночи тьму, а утромъ находятъ сокрытый свѣтъ и призываютъ къ пробужденію прекрасную Зорю, т. е. нагоняя черныя тучи, омрачаютъ небо исчеподобными покровами, а разсѣвая ихъ въ грозѣ, выводятъ изъ мрака свѣтозарное солнце. Такимъ образомъ отжившіе предки сѣшивались и отождествлялись съ бурными и грозовыми духами. Сонмъ вѣтровъ (маруть), по мнѣнію индусовъ, постоянно пополнялся душами усопшихъ. Духи рбху (*ṛibhus*), стихійная природа которыхъ проявляется въ блескѣ солнечныхъ лучей

¹⁾ Описаніе славян. рукописей моск. синодал. библ., отдѣл. 2-ое, I, 12; II, 24, 27, 57, 114, 149, 261, 397—8, 428.

и сверкающих молній, признавались и за души блаженных; они стояли въ такомъ-же близкомъ отношеніи къ Индрѣ, какъ и маруты: участвовали въ полетахъ грозы, пѣли бурную пѣсню, низводили съ неба потоки, помогали земному плодородію и славлялись, какъ искусные кузнецы. Тоже двойное значеніе стихійныхъ духовъ и усопшихъ предковъ принадлежать и ангирасамъ, которые только тѣмъ отличаются отъ молніеносныхъ рибу, что сопутствуютъ богу Агни и вся дѣятельность ихъ ограничивается стихіей огня; но мы знаемъ, что Агни первоначально былъ богомъ грозового пламени. Ангирасы признаны предками и на тѣхъ-же основаніяхъ, на какихъ у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ домовые пенаты были вмѣстѣ и представителями очага, и обожествленными дѣдами (см. II, 74—82). У германцевъ марутамъ соответствуютъ духи нектоваго воинства и мары (shagen), а rihhs — буквально тоже, что (свѣтлые) вѣфы (см. II, 720). Маруты и мары (моры, марухи) — названія одного корня ¹⁾; послѣдніе равно известны и нѣицамъ и славянамъ; съ одной стороны они принимались за темныхъ или ночныхъ вѣфовъ, а съ другой — за души усопшихъ (II, 100-3; III, 79). Подымая вѣтры, маруты загоняютъ на небесный сводъ мрачныя тучи и сбиваютъ ихъ кудрями и космами; отъ этихъ сгущенныхъ и клубящихся облаковъ отецъ маруть Рудра назывался косматымъ, что напоминаетъ намъ опутанные волосы маръ — shagenloske ²⁾. Отсюда понятно, почему вѣфы, мары и цверги сближаются народными преданіями съ тѣнями умершихъ, и почему души представлялись нѣмецко-славянскимъ племенемъ летающими

¹⁾ Маннгардтъ указываетъ на санскр. корень шг, шаг — раздроблять, разбивать; мы же сближаемъ эти названія съ словами мразъ (морозъ) и моръ (смерть), и видимъ въ нихъ: во 1-хъ, бурныхъ духовъ, опрачающихъ небо тучами, и во 2-хъ, усопшихъ (= души, какъ дыханіе тѣхъ-же вѣтровъ). — ²⁾ German. Mythen, 41-47, 709, 721-733; Die Götterwelt, 51.

налюткини, эльфо-подобными карлами. Эльфовъ считаютъ въ народѣ за выходцевъ съ того свѣта; тѣло у нихъ—не то, какое у живыхъ людей: его нельзя ни схватить, ни осязать! они всюду проивкаютъ, не нуждаясь въ дверяхъ и отверстіяхъ, и также быстро исчезаютъ, какъ дувовеніе вѣтра. Въ ночные часы эльфы собираются на церковныхъ дворахъ и кладбищахъ и пляшутъ на свѣжихъ могиллахъ, съ радостью и весельемъ встрѣчая новую душу, пришедшую къ нимъ изъ міра живущихъ. Усопшіе поступаютъ въ кругъ эльфовъ, и потому смерть челоѣка празднуется ими, словно свадьба или прибытіе дорогаго гостя, музыкой и танцами. Финны вѣрятъ, что, когда совершается погребальная церемонія, на кладбищѣ и по дорогѣ къ нему летаютъ и кружатся маленькіе духи (*keijungaiset*), похожіе на бѣлыя снѣжки, блестящіе лучи и куколки бабочекъ; они появляются въ домъ, гдѣ есть покойникъ, и наполняютъ комнаты трупнымъ запахомъ. Какъ существа, нѣкогда сами причастныя людской жизни, эльфы стоятъ въ близкой, родственной связи съ семьями ихъ потомковъ, продолжающихъ населять землю. Всякой родъ, всякая семья имѣетъ своихъ собственныхъ эльфовъ и питаетъ къ нимъ уваженіе и преданность, какъ къ домовнымъ охранительнымъ божествамъ (*пенатамъ*), и въ свой черёдъ пользуется отъ нихъ помощью и защитой въ нуждѣ. Различныя партіи эльфовъ враждуютъ и сражаются между собой въ ночное время на перекресткахъ, и только дневной разсвѣтъ прекращаетъ ихъ борьбу; битвы эти часто вызываются споромъ, какой сторонѣ должна принадлежать душа усопшаго—эльфамъ его отца или эльфамъ его матери, и на какомъ церковномъ дворѣ должно быть совершено погребеніе ¹⁾. Такимъ образомъ битвы стихійныхъ духовъ, созерцав-

¹⁾ *Irische elfenmärch.*, XII—XIII; *D. Myth.*, 798; *Вост. Евр.* 1828, XIII (Налот. обычаи, повѣрья и обряды финляндцевъ), 8-9.

мыя древними племенами въ грозѣ, подѣ вліяніемъ смѣшенія эльфическихъ существъ съ душами человѣческими, получили характеръ родовыхъ усобицъ за обладаніе ново-усопшими членами. Какъ съ олицетвореніемъ души, съ эльфомъ тѣсно сочелась ея поэтическій образъ бабочки: эльфы являются въ видѣ легкокрылаго мотылька, шмеля или гусеницы, садятся на стебли и цвѣты растеній и пьютъ росу; названія *schrätteli* и *nachtvogel* прилагаются и къ марамъ, и къ бабочкамъ. Люди, у которыхъ срослись брови, могутъ въ случаѣ гнѣва посылать на своихъ враговъ эльфа (*alp*), который вылетаетъ изъ-подъ ихъ бровей въ видѣ маленькой бѣлой бабочки, садится на грудь спящей жертвы и начинаетъ давить ее. Этотъ эльфъ — первоначально: разящая молнія или тотъ сверкающій взоръ, который устремляется изъ-подъ густыхъ, нависшихъ бровей облака (I, 170-2), и потомъ, въ примѣненіи къ человѣку: душа, воспламененная гнѣвомъ; въ Ааргау бабочку называютъ *donnerkeil*. Такое вынисканіе эльфа-бабочки преимущественно приписывается колдунамъ и вѣдмамъ, ради тѣсной связи ихъ съ грозовыми явленіями природы ¹⁾. Тоже вѣрованіе распространено и между славянами: когда спитъ вѣдьма, изъ нея (по мнѣнію сербовъ и черногорцевъ) исходитъ злой духъ въ образѣ бабочки, летаетъ по избамъ, садится на сонныхъ людей и поражаетъ ихъ смертельно въ лѣвую грудь. На побережьяхъ Адриатическаго моря такіе эльфическіе духи называются *ведогона* (*ведогона*) и признаются за души, обитающія въ тѣлахъ людей и животныхъ, и въ то же время за домовыхъ геніевъ, оберегающихъ родовое имущество и жилище. Каждый человѣкъ имѣетъ своего вѣдогона; когда онъ спитъ, вѣдогонъ выходитъ изъ тѣла

¹⁾ *Irische elfenmärch.*, CVIII; *D. Myth.*, 431; *German. Mythen*, 372, 715.

и охраняетъ принадлежащее ему имущество отъ воровъ, а его самого отъ нападенія другихъ вѣдогоней и отъ волшебныхъ чаръ. Доселѣ не позабыто ихъ стихійное значеніе: срываетъ ли вѣтеръ древесныя листья и они, колеблясь, несутся по воздуху—это (говорять) дерутся вѣдогони; въ полетѣ разрушительной бури вѣдогони отторгаютъ отъ горъ большіе камни, вырываютъ въ лѣсахъ деревья и бьются ими между собою, какъ враждующія рати. Адриатическіе славяне увѣрены, что къ нимъ прилетаютъ вѣдогони съ итальянскаго берега и сражаются съ туземными, и которые одолѣютъ—тѣ уносятъ лѣтніе плоды (урожай) на свою землю (т. е. собственно перегоняютъ дождевыя тучи изъ одного края въ другой). Если вѣдогонь будетъ убитъ въ дракѣ, то человѣкъ или животное, которому онъ принадлежалъ, немедленно умираетъ во снѣ. Поэтому если случится вонну умереть во снѣ, то рассказываютъ, будто вѣдогонь его дрался съ вѣдогонями врагѣдъ и былъ убитъ ими ¹⁾. По чешскому повѣрью, шѣга—душа злой чародѣйкв; въ полночь, покидая тѣло, она бросается на сонныхъ людей, давитъ ихъ и сосетъ изъ груди горячую кровь (сравни съ упырями — гл. XXVI). У кого срослись брови, въ томъ обитаетъ шѣга. У иѣшцевъ существуютъ подобные-же рассказы о марахъ, обитающихъ въ людяхъ: если маръ выйдетъ изъ тѣла и не воротится назадъ, то человѣкъ непременно умираетъ ²⁾. Отождествляя эльфовъ съ душами, народная фантазія надѣлила ихъ и высшими духовными способностями: хитрымъ умомъ, изобрѣтательностію и предвѣдніемъ.

Что души у славянъ представлялись существами эльфическими, карликами, наиболѣе-важное тому свидѣтельство предлагаетъ древне-русское навъ, навъе. Отъ снкр. паꝛ—умирать произошли лат. пех—смерть, греч. νεκος, готск.

¹⁾ Срп. рјечник, 66-67, 251; Путешест. въ Черногорію, 220-1.
— ²⁾ Громаниъ, 23—25; Beiträge zur R. Myth. II, 268.

п а в с (множ. п а в е і с), п а в і с—мертвый, п а в і с т р—могила, сканд. п á—мертвое тѣло, трупъ, латыш. п а н в е—смерть, п а н в і г с—смертельный, ядовитый, п а н в е н т—убивать; въ древне-чешскомъ языкѣ п а в і т і значило: загубить, умертвить («mlatem ěvtého upavi»), а п а в, п а в а—смерть, могила, жилище усопшихъ: «Krok ide do pavi». Въ старинныхъ русскихъ памятникахъ, какъ и въ современныхъ областныхъ говорахъ, н а в ь е—мертвецъ: «приведе Явкамитрополита Іоанна скопичну, его же видѣвше людье испрешоша: се н а в ь е (по другому списку: мертвецъ) пришелъ; отъ года бо до года пребывъ умре» (Лаврент. лѣтоп.); «яко и н а в ь изъ гроба исходящи» (Іоаннъ, экзархъ болгарск.) «въ н а в ь зрѣти»—ожидать смерти (житіе муромск. князя Петра и Февронія); въ древнихъ переводахъ библейскихъ книгъ н а в ь употребляется въ смыслѣ ада, тартара, какъ царства мертвыхъ; наконецъ Радунца (вториниѣ Фоминой недѣли), когда совершаются поминки по усопшимъ, называется въ народѣ н а в і й (=мертвецкій) день и н а в ь и проводы. Слово н а в ь, н а в ь е стоитъ въ сродствѣ съ скандин. п á g (п á i g, п á i p p)—шрачный карликъ, цвергъ ¹⁾. Лѣтописецъ, рассказывая о явленіи въ 1092 году незримыхъ духовъ, которые рыскали на коняхъ и поражали смертію полочанъ (см. выше стр. 80), прибавляетъ, что въ то время говорили: «яко н а в ь е бьютъ полочаны», т. е. мертвцы караютъ народъ чумными стрѣлами (=молніями). Въ нереславскомъ спискѣ находимъ любопытный вариантъ: «они-жъ (люди) рѣша: изъ н а в ь е дѣти насъ емлютъ» ²⁾. По мнѣнію украинцевъ, младенцы, умершіе некрещеными, являются въ лѣтній пол-

¹⁾ О влиян. христ. на сл. яз., 63—64; Мысли объ истор. рус. яз., 147—8; Матер. для исторіи письменъ, стат. Буслаев., 55; Архивъ ист.-юр. свѣд., II, полов. 2. 102; Иричекъ въ Часописцѣ 1863, I, 16; Обл. Сл., 120. — ²⁾ Лѣтописецъ Пересл., 51.

день въ глухихъ чашахъ лѣсовъ и около озеръ, играютъ на солнышкѣ и причутся виѣстѣ съ его закатомъ. Они таніе «малюснѣікіе», что четверо могутъ уѣстѣся на крылѣ мухи ¹⁾. Бѣлоруссы блуждающіе огоньки, признаваемые за души усопшихъ, представляютъ себѣ одноглазыми малютками. Въ старинной иконной живописи душа изображается въ видѣ младенца, который исходитъ изъ устъ покойника, виѣстѣ съ его послѣднимъ дыханіемъ, и улетаетъ на небо, или возносится туда ангелами. Подобныя изображенія встрѣчаемъ и въ миниатюрахъ, украшающихъ древнія рукописи ²⁾, и въ печатномъ изданіи Патерика Печерскаго, и на лубочныхъ картинкахъ ³⁾. Замѣчательно, что въ полтавской и другихъ южныхъ губерніяхъ мертворожденныхъ дѣтей закапываютъ подъ порогомъ избы — тамъ, гдѣ народное преданіе полагаетъ обиталище эльфовъ; теперь крестьяне объясняютъ этотъ обычай въ христіанскомъ духѣ: они говорятъ, что священникъ, идя со крестомъ, переступаетъ порогъ и тѣмъ самымъ сообщаетъ освященіе душѣ некрещенаго младенца. Для того, чтобы благословеніе умершаго почло надъ жилищемъ его родичей, чехи, при выносѣ покойника, трижды — во имя св. Троицы — прикасаются гробомъ о домашній порогъ ⁴⁾. Народныя повѣрья доселѣ связываютъ съ душами усопшихъ атмосферныя явленія, указывая тѣмъ самымъ на ихъ стихійный характеръ. Когда зимою, послѣ трескучихъ морозовъ, станетъ вдругъ оттепель, русскіе поселяне выражаются объ этомъ такъ: род и тел и вздохнул и, т. е. мертвые повѣяли (дохнули) теплымъ вѣтромъ. По нѣтнію волѣшниковъ, усопшіе родители въ день свадьбы своихъ дѣтей сходятъ на землю дождевой тучею, чтобы благословить молодую чету; вотъ что гласитъ свадебная пѣсня:

¹⁾ Степная сказка Данилевскаго, 125-6. — ²⁾ См. рисунки въ Истор. очеркахъ Буслаева, I, 435; II, 153. — ³⁾ Таковы картины: „Смерть грѣшника“, „Могила св. Сядору блаженному“ и др. — ⁴⁾ Громанъ, 189.

Матинька передъ Богомъ стоить,
 У Бога ся просить:
 Спусти мене, Боже,
 Надъ село хмарою,
 У село дробнымъ дождичкомъ,
 Яснымъ сонцемъ-окопцемъ;
 Нехай-же я ся подывлю.
 Чи красно дитя убриню?

Въ бѣлорусской пѣснѣ усопшая мать просится у Бога поглядѣть на свадьбу своей дочери въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

Боже, Боже!
 Пусци мяне зъ неба даловъ
 Дробнымъ дождчемъ,
 У поли мглицою (мглою),
 У травъ расицою (росою!)

Болгары думаютъ, что Илья-пророкъ заставляетъ умершихъ цыганъ дѣлать изъ снѣгу градъ и пускать его лѣтомъ на поля и нивы грѣшниковъ ²⁾). Илья-пророкъ замѣняетъ здѣсь Перуна, а умершіе цыганы — темныхъ эльфовъ, злыхъ маръ. Налагая на старинныя преданія этнографическія и бытовыя черты, фантазія, подъ вліяніемъ народной неприязни къ цыганамъ и ради ихъ смуглаго цвѣта, сочетала съ этимъ племенемъ представленія, относимыя нѣкогда къ демоническимъ силамъ природы. Въ народныхъ сказкахъ — тамъ, гдѣ въ богѣ древнихъ редакцій выводится злая вѣдьма, въ позднѣйшихъ передѣлкахъ уже стоить цыганка. Литовцы вѣрятъ, что души усопшихъ носятя верхомъ на коняхъ, съ копытами въ рукахъ, около своего прежняго жилища; по ихъ словамъ, если построить домъ на той дорогѣ, которою привыкли ѣздить мертвецы; то въ немъ — не житье: постоянно будетъ слышаться

¹⁾ Киевлянинъ 1865, 52; Сборн. памятниковъ народн. творчества, I, 277. — ²⁾ Каравел., 240.

шумъ, вѣтеръ станеть срывать кровлю, и домъ скоро разрушится ¹⁾.

Нѣмецкимъ эльфамъ соотвѣтствуютъ у славянъ вилы и русалки—облачныя, грозовыя дѣвы, въ которыхъ, сверхъ того, видятъ и существа загробнаго міра. Такимъ образомъ душа, согласно съ грамматическимъ родомъ этого слова (чеш. duše, литов. duszia, греч. ψυχή, лат. и итал. anima, фран. âme, исп. alma, нѣм. seele), олицетворялась по преимуществу въ женскомъ полѣ, и это было до такой степени сильно, что у литовцевъ находимъ слѣдующее преданіе: въ 1279 году были замучены крестоносцами два упорныхъ язычника; одного изъ нихъ они разорвали съ помощію дерева, а другаго привязали къ коню и размыкали по полю. Душа перваго прилетала потомъ птичкою, а душа послѣдняго являлась въ образѣ дѣвы, возсѣдающей на конѣ ²⁾. Колляръ указываетъ на повѣрье (in Trentsiner comitat, in der gegend von Sillein=Žilina), что души невѣстъ, умершихъ послѣ помолвки, блуждаютъ по ночамъ, водятъ хороводы, поютъ пѣсни и называются вилами (wily ³⁾). Повѣрье это наводитъ на связь слова вила съ литов. wélës—души умершихъ и съ латышек. wels — богъ усопшихъ и потомъ чортъ, властитель ада ⁴⁾. Отсюда объясняется, почему въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ вилы, не смотря на свою неземную красоту, представляются безносыми ⁵⁾: черта, сближающая ихъ съ могильными привидѣніями и самую Смерть, изображаемыми въ видѣ скелетовъ (см. выше стр. 43). Какъ у насъ уцѣлѣло преданіе о душахъ трехъ вѣдьмъ, которыя горятъ на небѣ «дѣвичьими зорями» (= звѣздами), такъ у хорватовъ есть подобное-же преданіе о созвѣздіи Плеядъ (Vlašiće, Волосожары, Бабье со-

¹⁾ Рус. Сл. 1860, У, ст. Костомар., 42-43. — ²⁾ Ibidem. — ³⁾ Ngr. zriewanku, I, 412-3. — ⁴⁾ О вилахъ христ. на сл. яз., 21. — ⁵⁾ Иличъ, 278.

звѣздіе): тамъ, говорятъ, обитають семь вилъ; давно, при началѣ свѣта, ходилъ эти вилы по землѣ, пѣли и водили хоро- воды, а потомъ покинули земной міръ и водворились на звѣз- дахъ Плеядъ, гдѣ и донынѣ каждую ночь водать коло ¹⁾). Въ сербской пѣснѣ дѣвица молить посестриму-звѣзду надѣ- лять ее красотою, и вслѣдъ затѣмъ мольба ея исполняется- вялою ²⁾). На связь вилы съ бабочкою указываетъ на- званіе этой послѣдней вилинымъ конемъ (виленски конь): какъ малютка-эльфъ или усопшая душа, вила летаетъ на крыльяхъ мотылька, ѣздитъ на немъ по воздушнымъ простран- ствамъ ³⁾). У болгаръ существуетъ повѣрье, что дѣти мерт- ворожденныя или умершія безъ крещенія поступаютъ въ сооб- щество воздушныхъ духовъ: мальчики дѣлаются навьями (=навами), а дѣвочки—самодивамъ; навьяки обыкновенно принимаютъ видъ лебедей, и въ шумѣ колосистыхъ нивъ поселянамъ слышится ихъ неутѣшный плачь ⁴⁾).

Русскіе поселяне убѣждены, что русалки суть души мла- денцевъ, умершихъ некрещеными, а также утопленницъ, удав- леницъ и вообще женщинъ и дѣвицъ, самопроизвольно лишив- шихъ себя жизни, слѣдовательно души недостойныхъ по- гробенія. Но когда всѣ были язычники и не знали ни креще- нія, ни христіанскаго погребенія, тогда всякая душа сопри- числялась къ русалкамъ. Это древнее вѣрованіе удержано на- родною памятью за дѣтми и утопленницами—во первыхъ пото- му, что самыя души олицетворялись малютками, а во вторыхъ потому, что русалки признавались обитательницами водъ. Дѣви- цы, бросающіяся съ горя и отчаянія въ воду, подхватываются русалками и поступаютъ въ среду этихъ водяныхъ нинѣвъ, по- добно тому, какъ у литовцевъ такія утопленницы превращают-

¹⁾ Arkiv za povĕstnicu jugoslavensku, I, ст. Букулевича, 88. —

²⁾ Срп. в. рјечне, I, 150. — ³⁾ Срп. рјечни, 62. — ⁴⁾ Сообще- но г. Каравеловичъ.

ся въ удивнѣ¹⁾. Младенцевъ мертворожденных или скончавшихся безъ крещенія русалки похищаютъ изъ могильныхъ ямъ и уносятъ въ свои воды; онѣ крадутъ ихъ даже изъ-подъ порога избы. Въ теченіи семи лѣтъ въ Троицынъ и Духовъ дни души этихъ младенцевъ летаютъ по воздуху и выпрашиваютъ себя крещенія. Думаютъ, что ихъ можно спасти пронанесеніемъ словъ: «крещаю тебя во имя Отца и Сына и Св. Духа!» и ежегодными панихидами въ первый понедѣльникъ Петровки. Если же въ семилѣтній срокъ онѣ не будутъ искуплены молитвами и не услышатъ ни отъ кого приведенной формулы, то навсегда остаются въ обществѣ русалокъ. Таже судьба ожидаетъ вѣтъ несчастныхъ младенцевъ, которыхъ проклинаютъ матери еще въ утробѣ или до совершенія надъ ними таинства крещенія; они исчезаютъ изъ дому и становятся русалками. Эта порода русалокъ-дѣтей представляется народной фантазіи въ видѣ дѣвочекъ-семилѣтокъ съ русыми, кудрявыми волосами, въ бѣлыхъ сорочкахъ — безъ пояса. Въ Малороссіи и Галиціи называютъ ихъ мавками (малками, маїками). По мнѣнію нашихъ изслѣдователей, мавка — тоже, что мавка (уменьшительное отъ мавъ), т. е. мертвушка. Какъ ни соблазнительно такое объясненіе, но мы не рѣшаемся принять его, потому что малоруссы доселѣ употребляютъ слова мавы, мавскій, не допуская измѣненія начальнаго звука. Справедливѣе производить это названіе отъ малъ, малый; въ областныхъ говорахъ маїко — ребенокъ (мальчикъ, малышъ), маїка — малорослая женщина или корова²⁾; звукъ л въ малорусскомъ нарѣчій переходитъ въ в, какъ и во многихъ другихъ рѣченіяхъ: русавка вмѣсто русалка, вовкъ — волкъ, мовчать — молчать, и т. дал. Такимъ образомъ жавка означаетъ малютку, карлика — существо, подобное лу-

¹⁾ Черты литов. нар., 89. — ²⁾ Обл. Сл., 110; Доп. обл. сл., 109.

жицкимъ людкамъ. Мавки сопутствуютъ русалкамъ и стараются мстить живымъ людямъ за то, что допустили ихъ умереть некрещеными и лишили небеснаго царства. Въ лѣтнее время онѣ плаваютъ въ ночные часы на поверхности рѣкъ, источниковъ и озеръ и плещутся водою, а въ Зеленую или русальную недѣлю бѣгаютъ по полямъ и нивамъ, съ печальнымъ возгласомъ: «мене маты породыла, некрещену схоронила!» Тѣ изъ нихъ, которыя тотчасъ послѣ рожденія были потоплены своими невѣнчанными матерями (дѣвницами), любятъ колыхаться на берегахъ, причитывая:

Новыи бильца,
Нове барыльце; ¹⁾
Мене маты не колыкала, ²⁾
Да въ воду пускала!

Тамъ, гдѣ танцуютъ мавки, трава растетъ зеленѣе и гуще — точно также, какъ и на мѣстахъ хороводовъ, водяныхъ эльфовъ ³⁾. Есть повѣрье, что скорлупу отъ выѣденнаго яйца не должно бросать въ воду, не раздавивши напередъ; а то русалки построятъ себѣ изъ этой скорлупы корабликъ и будутъ на немъ плавать ⁴⁾: любопытный отголосокъ древняго преданія о переправѣ усопшихъ въ надземный міръ — по волнамъ воздушнаго океана; русалки, какъ эльфы-души, представляются здѣсь такими малютками, что яичная скорлупа можетъ служить для нихъ кораблемъ. Олицетворяя собою души, ли-

¹⁾ Било—колотушка, бирило—боченокъ. — ²⁾ Не баюкала въ колыбели. — ³⁾ Рус. Бес. 1836, III, ст. Максимовича, 96—97; Кіев. Г. В. 1845, 15; Вороч. Г. В. 1850, 16; Шафарикъ въ статьѣ о русалкахъ—въ Часописи чешск. музея, 271; Терещ., VI, 124—5; Пасекъ, III, 189. По рассказамъ гуцуловъ, майки—прекрасны, стройны и рзавы, носятъ тонкія, прозрачныя платья и убираютъ свои длинныя, распущенныя по плечамъ косы весенними цвѣтами. Онѣ заботятся о благосостояніи полей и стадъ, и какъ только растаютъ свѣга—являются въ горы и долины, зазываютъ травы и даруютъ урожай. Онѣ воруютъ по ночамъ ленъ, прядутъ кудели, ткутъ и бѣлятъ полотна, и вьютъ вѣнки—Пантеонъ 1855, V, 49. — ⁴⁾ Терещ., VI, 126; Иллюстр. 1846, 171.

шенныя доступа въ райскія обители и потому осужденныя вѣчно блуждать, эльфы съ тоскливымъ чувствомъ сомнѣнія ожидаютъ помилованія на страшномъ судѣ в спрашиваютъ у встрѣчныхъ: могутъ ли они надѣяться на спасеніе при кончинѣ міра? Подобно тому въ астраханской губ. разсказываютъ о морскихъ русалкахъ, что онѣ выплываютъ на поверхность воды и допрашиваютъ мореходцевъ: скоро ли будетъ свѣтопреставленіе? ¹⁾ Сверхъ того, и многія другія черты указываютъ на отождествленіе русалокъ съ душами усопшихъ. Одна изъ пѣсень, которую поютъ на Троицкой недѣлѣ, называетъ ихъ земляночками, т. е. обитательницами подземнаго міра мертвыхъ:

Русалочки, земляночки,
На дубъ лѣзли, кору грызли,
Звалилися, забялися ²⁾.

Мы знаемъ, что душа носится по смерти блуждающимъ огонькомъ; въ приднѣпровской Руси о блуждающихъ огняхъ, особенно о тѣхъ, которые свѣтятся по ночамъ на могилахъ и курганахъ, утверждаютъ, будто они разводятся русалками и съ цѣлюю приманить къ себѣ путника ³⁾. Приношенія, дѣлаемыя русалкамъ, напоминаютъ покормы мертвыхъ. Какъ душа покойника, до удаленія своего изъ-подъ роднаго крова, питается паромъ поминальныхъ блиновъ; такъ для русалокъ кладутъ на окна горячія хлѣбъ, думая, что онѣ насыщаются его паромъ ⁴⁾. На русальной недѣлѣ, поминая утопленниковъ и удавленниковъ, родичи, за упокой души этихъ несчастныхъ, бьютъ на ихъ могилахъ красныя яйца и призываютъ русалку:

Русалка-царица,
Красная дѣвица!
Не загуби душики,
Не дай удавитца;
А мы тебя кланяемся.

¹⁾ Собр. 1852, I, 123. — ²⁾ Рус. Бес. 1856, III, 100. — ³⁾ Терещ., VI, 129; Пассекъ, III, 190. — ⁴⁾ Терещ., VI, 126.

Часть поминальных блиновъ оставляется на могилѣ въ жертву русалкѣ ¹⁾. Кто на русальной недѣлѣ забываетъ о своихъ покойникахъ и не дѣлаетъ имъ приношеній, тому истязать русалка ²⁾. При отправленіи обрядовыхъ проводовъ русалокъ, женщины произносятъ похоронныя причитанія и, распустивъ свои косы, съ плачемъ припадаютъ къ землѣ, «какъ-бы къ могиламъ» ³⁾.

Въ бурномъ полетѣ тучъ, разбрасывающихъ молніеносныя стрѣлы в какъ-бы погоняющихъ одна другую, древніе германцы видѣли битвы неистоваго воинства или дикую охоту грозовыхъ духовъ. Въ этихъ битвахъ и охотѣ принимаютъ участіе и души усопшихъ; разставаясь съ земною жизнью, онѣ возвращаются къ стихійнымъ элементамъ, и какъ вѣяніе вѣтра (=дыханіе) и летучее пламя (нѣкогда согрѣвавшее тѣло внутренней теплотой) несутся въ грозѣ, устремляясь въ блаженное царство свѣта. Въ разныхъ мѣстностяхъ Германіи неистовое воинство извѣстно подъ названіями: *nachtvolk*, *toten(toden)volk*, *totenschar*. Въ Валлисѣ появленіе его считается предвѣстіемъ чьей-либо близящейся кончины. Въ его быстромъ воздушномъ поѣздѣ, при звукахъ грозовой пѣсни (*sturmlied*), съ шумомъ мчатся тѣни умершихъ всѣхъ состояній, половъ и возрастовъ, и сама костлявая Смерть выступаетъ впереди со скрипкою въ рукахъ, или, сидя на совѣ, она заключаетъ шествіе. Воданъ, предводитель дикаго сборища, также представляется чародѣйнымъ музыкантомъ, который игрою своею приманиваетъ къ себѣ дѣтей (=души, олицетворяемыя малютками, карлаи), побуждаетъ всѣхъ къ оживленной пляскѣ, и потомъ, вѣстѣ съ увлеченными дѣтьми и со всею свптою, скрывается въ горы в озера, т. е. въ дождевыя облака. Какъ двкой охотникъ, онъ гонится за душами усопшихъ, за-

¹⁾ Ibid., 134; Рус. прост. праздн., IV, 13; Моск. Вѣст. 1827, VI, 358. — ²⁾ Сахаров., II, 83. — ³⁾ Ibid., 94.

хватываетъ ихъ, какъ свою добычу, и въ этомъ смыслѣ отождествляется съ адскимъ ловчимъ — сатаномъ (*infernalis venator*), который въ сопровожденіи чертей охотится за христіанскими душами. Сага рассказываетъ о двухъ дѣтяхъ, которыя лежали на перекресткѣ; одно изъ нихъ поклолось крѣпкимъ сномъ. Вдругъ послышался шумъ приближающейся толпы: это былъ *nachtvolk*. «Надо разбудить ребенка!» кричалъ одинъ голосъ. — Нѣтъ! отвѣчалъ другой голосъ, онъ и такъ скоро за нами послѣдуетъ. И дѣйствительно дитя вскорѣ умерло. Въ Норвегіи предводителемъ неистоваго воинства является Торъ. Подобно тому, по индѣйскимъ вѣрованіямъ, души усопшихъ участвовали въ воздушныхъ поѣздахъ Рудры и Индры; по сказанію же древнихъ грековъ, онѣ сопровождались чрезъ воздушныя пространства Гермесомъ, и еще нынѣ народное греческое повѣрье заставляетъ Харона вести тѣни умершихъ въ полетѣ облаковъ. Блаженные герои, поступающіе по смерти въ сообщество Одна, продолжаютъ въ небесной ваггалѣ воинственныя игры. Они состязаются въ битвахъ и поражаютъ другъ друга; падшихъ воскрешаетъ валькирія *Hildur*, и они снова вступаютъ въ борьбу, и такъ должны они сражаться во все дни до разрушенія вселенной. Въ Турингіи есть народная сага о битвѣ между кроатами и шведами: однажды въ году въ полночь пробуждаются отъ смертнаго сна нѣкогда-убитые и погребенные ратники и сражаются до тѣхъ поръ, пока не пробьетъ часъ; съ ударомъ колокола они погружаются въ нѣдра земли и цѣлый годъ лежатъ въ невозмутимомъ покоѣ. Донныя солдаты, видѣто: «умереть», говорятъ: *zug grossen агшее геһеп*. Въ Литвѣ существуетъ много рассказовъ, что на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ старину происходили кровавыя побоища, въ нынѣшнее время показываются вооруженные всадники, выезжающіе на коняхъ изъ своихъ вѣковыхъ могилъ. У латговъ привидѣнія, загробные духи (*johdi* и *турги*) изображаются

пристрастными къ битвамъ; увидя сѣверное сѣннѣ, говорятъ: johdi ka vjajs—духи дерутся, kaġgu lauschu dwehseles ka vjajs—души падшихъ воиновъ сражаются ¹⁾). Слѣды тѣхъ-же представленій находимъ и у славянъ. Въ малорусской пѣснѣ встрѣчается слѣдующее знаменательное указаніе:

То ни хмары по небу громомъ выгремяють,
То не святыхъ (= блаженныхъ души) воны до Бога
провожаютъ.

Въ стихѣ о страшномъ судѣ сказано: «всѣ праведные взыты будутъ на облацы небесныя» ²⁾). По мнѣнію чеховъ, если при погребеніи блещитъ молнія и гремитъ громъ -- это душѣ усопшаго отворяются небесныя врата; а если идетъ дождь—это знакъ, что ей простятся всѣ грѣхи, что она омоется (очистится) отъ всякой неправды ³⁾). Въ одинъ изъ актовъ 1240 года занесено, что языческіе жрецы поморянъ показывали народу, будто они видятъ, какъ душа благочестиваго человѣка возносится на небо, сопровождаемая многочисленною дружиною ⁴⁾). Изъ приведенныхъ выше свидѣтельствъ (стр. 236-8) несомнѣнно, что и славяне и литовцы представляли мертвецовъ рыскающими на коняхъ и вооруженными стрѣлами или копьями. По древне-языческому воззрѣнію, въ воздушныхъ поѣздахъ участвовали всѣ усопшіе — и

¹⁾ D. Myth., 892—3, 897, 900; Die Götterwelt, 57, 116, 123—5, 155; German. Mythen, 44—47, 709—710; Der Ursprung der Myth., 126; Beiträge zur D. Myth., II, 157; Рус. Сл. 1860, V, 43. — ²⁾ Украина. нар. пѣсни, 22; Калѣки Пер., V, 200. Въ житіи замученнаго Евстратія повѣствуется, что душа его по смерти вознеслась на небо въ огненной колесницѣ и на огневныхъ коняхъ, на которыхъ, какъ мы знаемъ, разъѣзжалъ богъ-громовникъ — ³⁾ Громаниъ, 189. — ⁴⁾ Мицкевскаго: Очеркъ исторіи письменности и образованія славянъ—въ Ч. О. И. и Д., годъ 2, II, 55. По свидѣтельству Оссіана, тѣни убитыхъ героевъ обитали въ облакахъ, управляли бурными вихрями, одѣвали сомище тучами, сражались между собой въ воздухѣ и охотились за небесными веррами и оленями—Оссіанъ, бардъ III-го вѣка, пер. Кострова.

добрые, и злые; первые являлись спутниками боговъ и пополняли толпы сопровождающих ихъ духовъ (рибу и маруть), а послѣдніе примыкали къ полчищамъ стихійныхъ демоновъ (великановъ, драконовъ, дверговъ) и вмѣстѣ съ ними творили ночную тьму, посылали стужу, непогоду, градъ, разрушительныя бури и отымали у земли плодородіе. Такъ и благодатныя, и вредоносныя силы природы приписывались дѣятельности блуждающихъ душъ ¹⁾. Позднѣе, преимущественно уже въ эпоху христіанства, участіе въ неистовомъ воинствѣ было ограничено душами некрещеныхъ младенцевъ и нераскаленныхъ грѣшниковъ: опойцевъ, самоубійцъ, притѣснителей, забіякъ, завистниковъ и лжецовъ. Некрещеныя дѣти вступаютъ сюда, какъ неосвященныя христіанскимъ таинствомъ и потому остающіяся подъ властью языческихъ боговъ; самоубійцы, грабители, охотники до есоръ и дракъ стоятъ въ связи съ представленіемъ бурныхъ и грозовыхъ духовъ существами буйными, неистовыми, склонными ко всегдашнимъ битвамъ и насиліямъ, — точно также, какъ опойцы намекаютъ на ту жадность, съ какою эти духи опиваются небеснымъ виномъ — дождевою влагою. Въ разныхъ мѣстахъ Германіи существуютъ повѣрья: если три дня сряду дуютъ сильныя, непрерывныя вѣтры — это вѣрный знакъ, что кто-нибудь повѣсилъся; какъ скоро повѣсятъ преступника, тотчасъ-же возникаетъ буря, т. е. душа-вѣтръ, исторгнутая изъ тѣла чрезъ задушеніе, устремляется въ бурномъ полетѣ въ небесныя пространства. Этотъ родъ смерти былъ посвященъ Одину: кто вѣшался, тотъ по собственному произволу предавалъ себя Одину, поступалъ въ его воздушную свиту ²⁾. Русскіе поселяне и чехи утверждаютъ, что велѣдъ за тѣмъ, какъ человекъ повѣсится, адушится или утопится, начинаются грозы, вихри и не-

¹⁾ German. Mythen, 167, 719, 727. — ²⁾ Ibid., 270; Die Windgottheiten bei indogerman. Völkern, 5.

погода; самоубійць нѣтъ покоя въ могилѣ, онъ осужденъ носиться въ бурѣ и терпѣть мѣки отъ злыхъ демоновъ ¹⁾). Когда возникало много дѣлъ по преступленіямъ, которые карались смертію, галлы (по свидѣтельству Страбона) были убѣждены, что земля дастъ богатый урожай; это потому, что значительное число казней увеличивало свиту бога Тейтота (= кельтскаго Одна), которая составлялась изъ тѣней усоншихъ, и летая въ грозовыхъ тучахъ, орошала землю дождями ²⁾). Дантъ въ своей «Божественной комедіи» заставляетъ злодѣевъ вращаться въ бурномъ, стремительномъ вихрѣ. По нѣмецкимъ сагамъ, въ дикой охотѣ осуждены носиться души тѣхъ, которые во время земной своей жизни охотились въ воскресные дни и въ бѣшеномъ удовольствіи не щадили ни засѣянныхъ полей, ни имущества поселенъ. У чеховъ употребительна клятва: «ani v hrobě rokoje mlti nebudel» ³⁾). Вообще мертвецы у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ представляются блуждающими ночными привидѣніями, которыя съ такою же быстротою и легкостью появляются, какъ и исчезаютъ. На Руси много преданій о мертвецахъ-полуночникахъ; ночью, когда все покоится крѣпкимъ сномъ, они встаютъ изъ могилъ, и свободно проникая сквозь затворенныя двери, посѣщаютъ свои прежнія жилища, показываются своимъ неутѣшимымъ вдовамъ и невѣстамъ ⁴⁾), распориваются въ домахъ, словно хозяева, и становятся въ двойныя отношенія къ живымъ людямъ: съ одной стороны они и за гробомъ сочувствуютъ и помогаютъ интересамъ своихъ родичей, а съ другой завидуютъ ихъ наслажденіямъ, пугаютъ запоздалыхъ путниковъ и вредятъ домашнему хозяйству. Въ опустѣлыхъ комнатахъ нечистыхъ домовъ слышится шарканье усоншихъ владѣльцевъ. Рассказываются трогательныя повѣсти, какъ умершія матери

¹⁾ Греманиъ, 35—36. — ²⁾ Галл., соч. Георгіевскаго, 109. — ³⁾ Ирчегъ въ Часописи чешскаго музея 1863, 1, 6.—⁴⁾ Казан. Г. В.

приходили по ночамъ къ своимъ осиротѣлымъ дѣтямъ, мыли и чесали имъ головы, переиѣняли бѣлье в кормили ихъ грудью ¹⁾. Замогильные выходцы могутъ оставаться въ семь мѣръ только до предразсвѣтнаго крика пѣтуховъ, а какъ скоро онъ раздастся—тотчасъ-же исчезаютъ и прячутся въ гробахъ. Рѣдкій крестьянинъ согласится пойти на кладбище послѣ солнечнаго заката. Такому тревожному блуждавию предаются мертвецы особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда беззаботные потомки не совершаютъ посмертныхъ трязнѣ (поминокъ), необходимыхъ для поддержанія ихъ стихійнаго существованія (см. т. II, стр. 77), или когда усопшіе бываютъ лишены погребальныхъ обрядовъ, долженствующихъ напутствовать ихъ въ страну блаженнаго успокоенія. Греки и римляне вѣрили, что мертвецы, лишеныя погребенія или жертвенныхъ приношеній, скитаются въ видѣ призраковъ (ларвъ) и наказываютъ своихъ потомковъ неурожаемъ и болѣзнями; въ ночной тишинѣ можно слышать ихъ страдальческіе вопли ²⁾. Въ качествѣ грозвыхъ духовъ, эльфы, цверги и мары выступаютъ въ то время, когда наплывающія на небесный сводъ облака и тучи превращаютъ свѣтлый день въ непроглядную ночь. Мракъ, произведенный сгущенными облаками, сближался съ ночью; а эта послѣдняя была отождествляема съ понятіемъ Смерти, увлекающей души въ темныя области подземнаго (—облачнаго) авда. Отсюда объясняется: во первыхъ — ситшеніе мертвецовъ съ нечастою силою плача, а во вторыхъ—вѣрованіе, что ночь есть обычная пора ихъ странствованій; видѣтъ съ этимъ а луна, какъ «царица ночи», окруженная частыми звѣз-

1859, 7; Сененск., 36—37. — ¹⁾ Русск. Преданія, I, 79; Н. Р. Сл., VI, 65, f; Киевлян. 1865, 52. По мнѣнію чеховъ, мать, умершая послѣ родовъ, въ продолженіи шести недѣль приходитъ въ полночь и кормитъ грудью своего ребенка — Грошннвъ, 11Н.—²⁾ Куланъ, 13, 22.

дами (въ которыхъ предки наши видѣли души усопшихъ), признана была за свѣтило, озаряющее загробный міръ. Греки считали Гекату (луну) богиней аида, и давали ей эпитетъ подземной (*χθονία*). По русскому народному выраженію, мѣсяцъ есть солнце русалокъ и утопленниковъ; выходя ночью изъ глубокихъ водъ, они грѣютъ свои прозябнувшіе члены при помощи его блѣдныхъ лучей; дневное-же свѣтило слишкомъ для нихъ жарко ¹⁾. Эльфы, нисы и русалки любятъ ночную тишину и безмолвіе кладбищъ, к охотно танцуютъ при лунномъ свѣтѣ; первыхъ вазываютъ *stille volk* (сравни наше: покойники). Въ томской губ. существуетъ повѣрье, что на мѣсяцъ не слѣдуетъ смотрѣть долго; не то—онъ утащитъ къ себѣ, т. е. человѣка постигнетъ смерть ²⁾. По мнѣнію чеховъ, если мѣсяцъ свѣтитъ на спящаго, то сдѣлаетъ его лунатикомъ, т. е. бродячимъ въ лунныя ночи привидѣніемъ, или увлечетъ его на тотъ свѣтъ; при лунномъ затмѣніи кто нибудь увлекается въ загробный міръ. Звѣзда, усмотрѣнная около мѣсяца, и на Руси (въ кольскомъ уездѣ) и въ Богеміи принимается за предвѣстіе чьей-либо смерти ³⁾: примѣта, указывающая на водвореніе новой души въ томъ загробномъ царствѣ, гдѣ властвуетъ Геката. Индусы были убѣждены, что мѣсяцъ съ лучами мѣсяца и звездъ заглядываютъ въ нѣкія окна блаженные предки. Въ пятнахъ луны народная фантазія видитъ тѣни снѣтыхъ или грѣшниковъ, увлеченныхъ этимъ свѣтиломъ въ свой таинственный міръ. Древне-скандинавское преданіе свидѣтельствуетъ, что Máni (мѣсяцъ), примѣтивъ на землѣ двухъ дѣтей (Bil и Niuki), которыя несли на шесть ведро воды, взялъ ихъ къ себѣ, и что они-то и видны на мѣсяцѣ. Шведы до сихъ поръ узнаютъ въ

¹⁾ Шаарикъ въ Часописи чешск. музея 1833, III, 271; Подсѣвникъ, альманахъ 1829 г., 92. — ²⁾ Этн. Сб., VI, 118. —

³⁾ Громаниъ, 31.

лунныхъ пятнахъ двѣ человѣческія фигуры, несущія на палкѣ большое ведро ¹⁾. Въ Германіи рассказываютъ, что въ мѣсяцѣ иидѣнъ воръ, который на Свѣтлое Воскресенье рубилъ въ чужомъ лѣсу дрова, и въ наказаніе за это нечестивое дѣло попалъ на луну, гдѣ и донынѣ стовтъ съ топоромъ за спиною и съ вязанкою хворосту въ рукахъ; въ другвхъ мѣстностяхъ, вмѣсто вора, усматриваютъ тамъ человѣка, который въ воскресный день вязалъ вѣтники или раскидывалъ навозъ: въ первомъ случаѣ его представляютъ съ вѣтникомъ, а въ послѣднемъ — съ лопатою. Сюда примѣшиваются и библейскія сказанія: въ пятнахъ луны видятъ Канна съ вязанкою терновника за плечами, которую онъ несъ Богу, какъ самый худшій даръ отъ своего поля, или Исааиа, обреченнаго на закланіе и несущаго беремя дровъ для собственнаго жертвеннаго костра ²⁾. По словамъ чеховъ, на мѣсяцѣ сидитъ святой Давидъ, играющій на гуслихъ, или человѣкъ съ охапкою хворосту, украденнаго наказуиъ Святюкъ, или наконецъ воръ, выходявшій въ лунную ночь похищать горохъ ³⁾. Русскіе поселяне думаютъ, что на лунѣ иидѣнъ Каниъ, осужденный за убійство Авеля стоятъ тамъ до скончанія вѣна и трястись надъ его неповинною кровію, или по другому разсказу: было вѣкогда два брата; «старшій братъ на Великѣ день, коли ще добри люде на утрени стояли, пошовъ иидкинуть воламъ сына, та замисецъ сына протквувъ вилами меньшого брата; такъ ихъ Богъ такъ и поставивъ укупица на мисацѣ — на видъ усему хрищеному міру, щобъ бачили, що и скотини грихъ јвсти у такій великій празникъ, поки пасокъ

¹⁾ D. Myth., 679—680. Подобное-же преданіе встрѣчаемъ въ Запискахъ Веніанинова объ алеутахъ и колошахъ (стр. 86): разъ двое дѣтей, идучи за водою съ недрами, отыгивались съ неуваженіемъ о лунѣ; луна разгнѣвалась, сошла долу и схватила ихъ, отчего и видимъ за ней пятна. — ²⁾ D. Myth., 680—3; Die Götterwelt, 105. — ³⁾ Громаниъ, 28—29.

не посвящать.» Разсказъ этотъ варьируется и такъ: братья, отправившись за сѣномъ, поссорились между собою, и одинъ изъ нихъ поднялъ другаго на вилы ¹⁾. Болгары въ пятинахъ луны различаютъ черты лица недавно-скончавшагося на селѣ старика ²⁾. Вѣроятно, подъ влияніемъ указаннаго воззрѣнія на луну, какъ на свѣтло темныхъ странъ анда, посвященный ей день — понедѣльникъ (*dies lunae*, *шапендасъ*, *монтасъ*) стали считать тяжелымъ, несчастливымъ ³⁾, тогда какъ наоборотъ воскресенье — день, посвященный дневному свѣтлу, признается легкимъ и счастливымъ.

Кромѣ Одина, во главѣ венстоваго воинства носятся, по народнымъ сказаніямъ, облачныя богини Гольда и Берта (*Berchta*, *Pegahtha*): и та, и другая представляются окруженными душами нерожденныхъ или усопшихъ людей. Гора, внутри которой—въ ярко-блистающей пещерѣ обитаетъ Гольда съ своимъ воинствомъ и малютками-душами, есть метафора грозоваго облака. Другое поэтическое представленіе ея живща — колодець (всточникъ, прудъ или озеро — дождеван туча), подъ водами котораго она владѣетъ чудеснымъ садомъ, усѣяннымъ роскошными цвѣтамъ, преисполненнымъ сочныхъ и вкусныхъ плодовъ. По свидѣтельству вѣнецкой сказки, колодець Гольды ведетъ вверхъ — на небо, а не внизъ; когда черевъ этотъ колодець явилась къ ней дѣвица и Гольда за-

¹⁾ Статист. описаніе саратов. губ., I, 57; Ж. М. Н. П. 1851, X, 3; Манкъ, XII, 21; Иллюстр. 1846, 345; Основа 1862, IX, 26 („Назаръ Стодола“). Ипатьевская лѣтопись, описывая лунное затмѣніе 1161 года (П. С. Р. Л., II, 90), говоритъ: „идаше бо луна... и восредѣ ея яко два ратъная сѣкущеса мечама, и одному ино яровъ идаше изъ главы, а другому было амы илско течаше.“ —

²⁾ Милладин, 525. — ³⁾ Въ понедѣльникъ не должно начинать дѣла и выѣзжать изъ дорогу. „Посѣй въ понедѣльникъ, будешь бездѣлникомъ!“ говорятъ крестьяне — Рязан. Г. В. 1847, 48; D. Myth., 1092.

ставила ее перетряхать свою постель, то вмѣсто перьевъ посыпался на землю снѣгъ. Подводный садъ есть вѣчно цвѣтущій, пресвѣтлый рай — весеннее голубое небо, лежащее за дождевыми источниками (Gimill, Lichtland, Engelland, сказочный Glasberg ¹⁾), страна, гдѣ растутъ облачныя деревья, цвѣтутъ розы зори и яркіе цвѣты молній, и зрѣютъ золотыя, моложавыя яблони. У гревовъ—это элизій (см. т. II, стр. 140), у нядусовъ — блестящее небо Индры, въ которомъ возвышался его царскій замокъ (=валгалла) и цвѣлъ неувядаемый садъ; тамъ, подъ сѣнію деревьевъ, пребываютъ души блаженныхъ, питаея живительной амритой; тамъ сіяетъ свѣтъ безъ конца, тамъ невѣдомы ни зима, ни печали, а жизнь вѣчная радость и счастье, и всякое желаніе находитъ немедленное удовлетвореніе. Вмѣсто сада упоминается и одно большое, густолиственное дерево, подъ которымъ (по свидѣтельству Ведъ) возсѣдаетъ Яша съ усопшими предками; царь блаженныхъ, онъ отождествляется въ гимнахъ съ богомъ Агни или Индрою и есть прародитель человѣческаго рода (см. II, 471). Смертные не иначе достигаютъ въ райскія селенія Гольды, какъ черезъ глубокій колодець; сюда принимаетъ она души усопшихъ и отсюда-же посылаетъ на землю младенческія души вновь-нарождающимся дѣтямъ. Въ этихъ индическихкихъ представленіяхъ кроется основа вѣрованія, что души новорожденныхъ приносятся изъ родни и ковъ и колодцевъ. Почти въ каждой деревнѣ въ Германіи указываютъ kinderbrunnen, изъ котораго являются въ семьѣ маленькіе братцы и сестрицы. Замѣчательны названія, даваемыя этимъ источникамъ: Hollenteich, brunnen der Spilla-

¹⁾ Engelland=England, Albion—страна альбовъ (эльбовъ), въ позднѣйшемъ, подновленномъ смыслѣ: ангеловъ; срвни преданіе объ островѣ Буннѣ и рассказъ о перевозѣ душъ на островъ Britta (I, 575).

holle (=Spinde'-Holda ¹⁾, Gütchenteich ¹⁾); во Фленсбургѣ думаютъ, что младенцы, до появленія своего на свѣтъ божій, плаваютъ въ колодцахъ какъ маленькія рыбки. Въ Ольденбургѣ и Фрисландѣ увѣряютъ, что дѣти приносятся изъ прудовъ, болотъ к моря. Такъ какъ души представлялись птицами и бабочками, то естественно было возникнуть убѣжденію, что именно при посредствѣ птицъ или бабочекъ прилетаютъ онѣ изъ небесныхъ странъ и вселяются въ тѣла новорожденныхъ, а покончивъ земную жизнь—на ихъ-же легкихъ крыльяхъ возносятся въ свое прежнее отечество. Нѣмцы считаютъ приносителями младенческихъ душъ: во 1-хъ, бѣлаго мотылька (miller-shaler) и во 2-хъ, аиста, какъ птицу, поставленную въ самую близкую связь съ мномомъ о низведеніи съ неба грозового пламени (1, 494). Своимъ длиннымъ клювомъ аистъ достаетъ изъ колодца малютку-душу и приноситъ ее въ домъ, гдѣ долженъ родиться младенецъ. По рассказамъ чеховъ, новорожденныхъ младенцевъ приносятъ аистъ, ворона, сойка и коршунъ (luňak); если ворона летаетъ возлѣ оконъ, это принимается за предвѣстіе, что въ скоромъ времени въ домѣ будетъ беременная женщина; этой-же птицѣ приписывается и похищеніе маленькихъ дѣтей. Въмѣсто глагола «умереть» чехи употребляютъ выраженіе: «svět s divokými husami hlidati». На Руси утверждаютъ, что душа убитаго ребенка возносится на небо голубями. Въ нѣмецкой мнѣологій обязанность сопровождать въ валгаллу души убитыхъ героевъ возлагается на лебединыхъ дѣвъ—валькирій, и самый лебедь изображается въ народныхъ сказаніяхъ — то какъ приноситель дѣтей, то какъ проводникъ усопшихъ на тотъ свѣтъ; такъ въ одномъ старинномъ романѣ онъ влечетъ ладью съ мертвымъ рыцаремъ. Сходно съ этимъ, поляки рассказываютъ о прекрасной

¹⁾ Gütchen, gütetel=guoten, holden.

дѣвъ-канѣ (коршунѣ), которая является по вечерамъ въ сѣла, приманиваетъ дѣтей лакомствами, одѣваетъ ихъ облакомъ и увлекаетъ съ собою. Кромѣ птицъ, роль душеприносителей исполняютъ у чеховъ лисица, а у нѣмцевъ заяцъ — зооморфическія олицетворенія грозовыхъ силъ природы. Эльфы и кобольды нерѣдко появляются въ видѣ трехмогихъ зайцевъ, съ блестящими, огненными глазами. Въ Обергарцѣ указываютъ *Nasenteich*, въ водахъ котораго сидятъ нерожденные дѣти; а въ Швабін увѣряютъ, что дѣти достаются изъ заячьихъ гнѣздъ. Рядомъ съ этими данными, заяцъ принимается за воплощеніе духа, предвѣщающаго смерть, и въ народныхъ причтаніяхъ выступаетъ, какъ путеводитель въ блаженное царство *Engelland'a*. Другія нѣмецкія преданія говорятъ о цвѣтущихъ лугахъ и садахъ внутри горы, гдѣ играютъ и рѣзвятся нерожденные души, питаются медомъ изъ чашечекъ цвѣтовъ и сплетая для себя прекрасные вѣнки; оттуда, въ мигъ разрѣшенія родильницы, выносятъ избранную душу повивальная бабушка (— богиня родовъ и судьбы—см. гл. XXV), и туда-же возвращаетъ ее, какъ скоро челоуѣка постигаетъ смерть. Въ различныхъ мѣстностяхъ Германіи — на вопросы дѣтей, откуда явились ихъ новорожденные братцы и сестрицы?—принято отвѣчать, что они принесены изъ дупла стараго дерева (*kinderbaum*), у корней котораго бьетъ свѣтлый ключъ; если приложить тамъ ухо къ землѣ, то можно услышать радостные клики дѣтей, обитающихъ въ подземномъ мірѣ. На Руси, въ случаѣ подобныхъ-же распросовъ, говорятъ, что ребенка сняли съ дерева, словно сорѣвшій на немъ плодъ. Въ памятникѣ XVI вѣка упоминается *«gauw Nollen baum»*. Это дерево, служащее мѣстопребываніемъ душъ, есть Иггдразилль, а бьющій возлѣ него источникъ—*Urdharbrunnen*. Объ эльфахъ извѣстно, что они живутъ не только въ горахъ и подземельяхъ, но и въ

стволахъ деревьевъ, и выглядываютъ сквозь нихъ дунастыя отверстія, т. е. зоркими молніями и солнечными лучами прорѣзываютъ пракъ облачныхъ лѣсовъ. Въ царствѣ подземныхъ карликовъ есть большой прекрасный садъ, гдѣ солнце сіяетъ еще ярче, чѣмъ на этомъ свѣтѣ, а деревья даютъ золотые цвѣты и золотые плоды; это — тотъ-же небесный садъ, что растетъ на Glasberg'ѣ и состоитъ изъ золотыхъ и серебряныхъ деревьевъ. У одной женщывы, говоритъ нѣмецкая сказка, былъ дочь да падчерица: первая — злая, вторая — кроткая и услужливая. Разъ падчерица, работая у колодца, уронила въ него веретено; по приказу мачихи, она бросилась за веретеномъ въ колодець — и очутилась подъ водою на цвѣтущемъ лугу, пришла къ Frau Holle и поступила къ ней въ услуженіе. Богиня помѣстила ее къ золото-прахамъ (gold-spinnegippen), вмѣстѣ съ ними давала ей ѣсть жареную свинину, поила пивомъ и медомъ, а когда отпускала отъ себя — вывела ее въ золотыя ворота (Goldtor) и оросила дождемъ, такъ что ова воротилась домой вся озолоченная, блестящая. Вслѣдъ за тѣмъ и завистливая дочь мачихи спустилась на дво колодца, но за свой злобный нравъ была помѣщена вмѣстѣ съ змѣями и жабами, не пила тамъ, не ѣла и не знала покоя ни днемъ, ни ночью; отпускала ее черезъ смоляныя ворота (Pechtor), Гольда вылила на нее котелъ смолы и сѣры, и мачихина дочь стала dreckiges mädchen. Основа сказки — та, что въ загробное царство Гольды, лежащее за дождевыми источниками, являются двѣ души добрая и злая: первая водворяется въ блаженной области свѣта (рай = ясное, весеннее небо) и становится золотою — осіянною солнечнымъ блескомъ, а послѣдняя поступаетъ въ туманное жилище демоническихъ змѣевъ (Nebel-wohnung = адъ) и осуждается пребывать среди постышной илги и ненастья. Свинина — яства блаженныхъ геро-

евъ, обитающихъ въ валгаллѣ, а медь — ихъ безсмертный напитокъ; золотыя пряхи — вѣщія норны, дѣвы судьбы. Варианты приведенной сказки вмѣсто золотыхъ воротъ ставятъ прямо небо, а вмѣсто смоляныхъ воротъ—адъ или пекло; у доброй сестры (точно также, какъ у самой богини Зори) падаютъ изо рта куски золота, слезы катятся перлами, а подъ стопами ея вырастаютъ свѣжія розы, т. е. блаженная душа вселяется въ ту райскую обитель, откуда восходитъ Солнце, и сливается съ его золотвстыми лучами и розовыми красками дневнаго разсвѣта; слезы-перлы означаютъ утреннюю росу. Напомнимъ, что и Goldtog есть не болѣе, какъ поэтическая метафора солнечнаго восхода: это — тѣ небесныя врата, которыя каждый день отворяетъ въ востокъ богиня Зоря и въ которыя выѣзжаетъ свѣтозарная колесница Солнца. Напротивъ у злой сестры падаютъ изо рта змѣи и жабы, т. е. градъ, снѣгъ и дождь (сравни гл. XXVI). Такимъ образомъ и за гробомъ души удѣрживаютъ присущій имъ характеръ: добрый или злой, и смѣшиваясь съ стихійными силами природы, заявляютъ себя то какъ существа божественныя, свѣтлыя, то какъ темныя демоны. Позднѣе, подъ вліяніемъ нравственныхъ началъ, это представленіе породило вѣру, что души усопшихъ въ царствѣ Гольды получаютъ награду и наказаніе за свою земную жизнь. Вмѣстѣ съ тѣмъ, и сама Гольда стала изображаться съ двойственнымъ характеромъ: то какъ дружелюбная богиня, дарующая счастье и блаженство, то какъ злая, карающая вѣдма (Смерть); она увлекаетъ къ себѣ живыхъ людей, и преимущественно добычею ея становятся дѣти (= малютки-души). Позади колодца Гольды тѣни усопшихъ ищутъ вѣчно-цвѣтущихъ луговъ и вѣчно-зеленаго сада, но достигаютъ туда только одни добродѣтельные. Этотъ небесный садъ (= рай) пренеполненъ роскошными цвѣтами и плодами даже въ ту пору, когда на землѣ бываетъ всемертвящая, холодная зима.

Народная сага рассказываетъ, какъ однажды зимою поѣхали крестьяне въ лѣсъ за дровами и взяли съ собою ребенка; покончивъ работу, они примѣтили, что дитя куда-то скрылось, и долго не могли найти его; наконецъ ребенокъ приближалъ къ нимъ, неся въ рукахъ цвѣты и ягоды, которые дала ему бѣлая дѣва изъ своего чудеснаго сада, чѣ стоялъ въ полномъ цвѣту, не смотря на суровое время года. Съ той поры ребенокъ томился непрестаннымъ желаніемъ посѣтить бѣлую дѣву и вскорѣ умеръ. Другая сага упоминаетъ о матери, которая, отыскивая своего ребенка, вошла въ пещеру, гдѣ блистала яркой свѣтъ и было множество дѣтей; посреди ихъ сидѣла прекрасная бѣлая жена, она держала на колѣнахъ потеряннаго мальчика, и возвращая его матери, дала ему цѣлую горсть вишенъ. Всегда-зеленѣющіе и цвѣтущіе луга, по свидѣтельству Эдды, находятся возлѣ Асгарда; въ Швеціи донинѣ рассказываютъ о зачарованныхъ садахъ эльфовъ: сорокъ лѣтъ жизни, проведенной въ этихъ садахъ, кажутся не болѣе часа. Соответственно тому, у кельтовъ найдимъ преданіе о «странѣ вѣчной юности», проживая въ которой никто не старѣется; эта страна (— царство блаженныхъ) населена эльфическими духами и лежитъ подъ водою; тамъ вѣчно сіяетъ солнце, вѣчно зеленѣютъ и цвѣтутъ луга и деревья; оттуда приносятся весною раствѣльные сѣмена на землю и тамъ сберегаются они во все продолженіе зимы. Люди, которые попадали съ страну юности и пребывали тамъ многіе годы, думаютъ, что они насладились счастливою жизнію въ болѣе быстролѣтнаго мгновенія; триста лѣтъ проходятъ тамъ, какъ единый день. При восходѣ солнца, оттуда прилетаютъ сѣлфы (— души) и пляшутъ на поверхности водъ, которыя остаются недвижными подъ ихъ легкими ногами. Души некрещенныхъ младенцевъ, по народному повѣрью, возвращаются къ Гольдѣ, а въ полетѣ неистоваго вош-

ства ее сопровождаютъ тѣни усопшихъ—не только дѣтей, во и взрослыхъ. Норвежскія и датскія саги знаютъ лѣсную или горную жену Hulla, Huldra, которая является иногда юною и прекрасною, а иногда старою и безобразною, съ длиннымъ хвостомъ, т. е. принимаетъ демоническій типъ Смерти или злобной, враждебной всему живому вѣдьмы: она забираетъ и уноситъ некрещенныхъ дѣтей, и нерѣдко выступаетъ, какъ поролева горныхъ духовъ (= подземныхъ эльфовъ), называемыхъ Huldrefolk (исланд. Huldufólk, Huldumenn). Въ Норвегii думаютъ, что души людей, несовершенствою настолько добраго, чтобы удостоиться рая, и настолько злаго, чтобы попасть въ адъ, осуждены до конца мiра носиться по воздуху, и во главѣ ихъ ѣдетъ Gurogysse или Reisarova (guro, guggi, сканд. gíff—великанка), съ длиннымъ хвостомъ. Съ Гольдой родственна Perahla, кроткая царица карликовъ — köningin der heimchen. Въ то время, когда люди начинаютъ пахать землю сверху, она пашетъ ее своимъ плугомъ съ-и-споду, т. е. занимается тою-же благословенною работою въ своемъ подземномъ царствѣ, или проще: съ возвратомъ весны она бороздитъ громовымъ плугомъ облачныя подземелья. Когда поселяне засѣваютъ поля, Перата разсыпаетъ на землю лучшiя сѣмена, т. е. орошаетъ землю сѣменемъ дождя и возвращаетъ ей тѣ плодоносныя зерна, которыя въ теченiи зимы хранятся въ садахъ рая. По ея приказу, карлики (heimchen) увлажняютъ поля и нивы, при засухѣ изводятъ изъ-подъ корней деревьевъ журчащiе ключи и даютъ плодородiе; они же куютъ подъ землею серебро и золото, и отъ жара ихъ кузнечныхъ горновъ вырастаютъ и зрѣютъ на земной поверхности роскошныя золотистыя колосья, т. е. урожай хлѣба есть плодъ весеннихъ грозъ, въ пламени которыхъ древнiй человекъ усматривалъ ковку небесныхъ металловъ. Съ удаленiемъ цверговъ (зимомъ или во время засухъ)

хлѣбъ не родится; но гдѣ только покажутся они, согрѣютъ землю подземнымъ огнемъ и откроютъ ея водныя жилы—тамъ почва становится урожайною. Ператѣ достаются дѣти, умершія безъ крещенія; она шествуетъ окруженная плачущими малютками и перевозитъ ихъ съ собою въ ладѣ—въ иной міръ ¹⁾). Нѣкогда у молодой женщины умерло единственное дитя; глубокое горе овладѣло сердцемъ матери, каждую ночь она приходила на могилу и такъ горько плакала, что казалось — самые камни могли бы тронуться ея печалью. Въ ночь передъ праздникомъ Трехъ королей она увидѣла шествующую съ дѣтими Перату; одинъ ребенокъ былъ въ мокрой сорочкѣ и нѣсъ въ рукахъ полную кружку воды; усталый, онъ не въ силахъ былъ поспѣвать за прочими, и невольно остановился у ограды, черезъ которую направила свой путь Перата. Мать узнала въ немъ собственное дѣтище, послѣдила къ нему на помощь, подняла и пересадила его на другую сторону. «Ахъ, какъ жарки материнскія объятія! воскликнулъ ребенокъ ²⁾); но прошу тебя — не плачь такъ много: я долженъ собирать твои слезы въ мою кружку, видишь — какая она полная и тяжелая, да и рубашка на мнѣ вся смочена твоими слезами!» ³⁾). Въ южной Россіи рассказываютъ о бѣдной матери, которая, схоронивъ своего

¹⁾ D. Myth., 246—254, 260, 282, 872, 884—5, 897—8; Die Götterwelt, 280—290; German. Mythen, 238—9, 321—343, 406—472, 667—670, 728—733; Beiträde zur D. Myth., I, 163—7, 171; Громантъ, 234; Ч. О. И. и Д. 1865, III, 96—99, 107; Н. Р. Св., VI, 56; Slov. pohad., 250—262. — ²⁾ Въ загробномъ мірѣ, у цверговъ, его касались только холодныя руки мертвецовъ. — ³⁾ Въ сказкахъ,

собранныхъ братьями Гриммами, встрѣчаемъ одну („Das todtenhemdchen“) слѣдующаго содержанія: умеръ прекрасный, семилѣтній мальчикъ; опечаленная мать плакала по немъ дни и ночи, и вотъ въ ночное время явился онъ въ бѣломъ саванѣ и сказалъ ей: «ахъ, мама! перестань плакать; мой саванъ не высыхаетъ отъ твоихъ слезъ, и я не знаю покоя въ могилѣ».

любимаго сына, долго убивалась по немъ и неутѣшно плакала; въ полночь увидала она толпу мертвецовъ, шедшихъ съ кладбища; между ними былъ и ея сынъ: мальчикъ несъ полное ведро слезъ, наплаканныхъ его матерью. «Синови, по мнѣнiю поселянъ, тяжело, якъ мати по ёму тужить; а матери весело лежать, якъ дити плачуть по јій» ¹⁾). Въ другихъ мѣстностяхъ русскаго царства утверждаютъ, что ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ много плакать по мертвому; иначе затопишь его слезами, и ему тяжело будетъ на томъ свѣтѣ. Чехи убѣждены, что слезы, роняемыя надъ усопшимъ, жгутъ его; сколько упадетъ на покойника слезъ, столько же прольется на него капель кипучаго масла, когда онъ явится въ пекло. Однажды, когда вдова пришла на могилу своего мужа, онъ превѣщалъ ей изъ-подъ земли: «ступай домой и прикажи дѣтямъ не плакать по мнѣ; пусть не дѣлають мнѣ тяготы!» ²⁾) На древнѣйшемъ метафорическомъ языкѣ дождь уподоблялся горючимъ слезамъ и кипятку, приготовляемому на грозовомъ пламени. Если во время похоронъ идетъ дождь — это, по словамъ чеховъ, ангелы плачуть о кончинѣ чловѣка ³⁾). Поступая по смерти въ число стихійныхъ духовъ, вращаясь вмѣстѣ съ ними въ вертепахъ дожденосныхъ, громовыхъ тучъ (— въ пеклѣ), тѣни усопшихъ облакаются въ мокрые облачные покровы, безпокойно блуждаютъ среди мглы и тумановъ и обливаются кипучими слезами дождя. Загробныя страданiя, испытуемая усопшими отъ паденiя этихъ небесныхъ слезъ, позднѣе—при забвенiи смысла старинныхъ метафоръ — стали объясняться, какъ послѣдствiе неутѣшнаго плача осиротѣлыхъ родичей; рядомъ съ этимъ сосуды, изъ которыхъ грозовые духи проливають на землю потоки дождя, получили значенiе погребальныхъ слезницъ.

¹⁾ Кулишъ, II, 42—44. — ²⁾ Громлявъ, 192; Иричель въ Часописи чешск. муз. 1863, I, 8; сравни Weiräge zur D. Myth., I, 215. — ³⁾ Громлявъ, 189.

Тѣже преданія о загробномъ царствѣ душъ и ихъ свѣтлой царицѣ встрѣчаемъ и у племенъ славянскихъ. Въ словѣ Кирилла Туровскаго сказано, что Христось, освобода души усопшихъ изъ ада, водворилъ ихъ въ странахъ эдемскихъ: «всѣхъ же языкъ душа(и) въ своемъ свѣтѣ на водахъ покойныхъ усели» ¹⁾, что соотвѣтствуетъ блаженному царству Гольды, лежащему за облачнымъ колодецемъ. Чехи рассказываютъ о колодецѣ, гдѣ непремѣнно каждый годъ топится хотя одна дѣвица, которую призываетъ къ себѣ бѣлая пани; эта бѣлая пани показывается взрослымъ женщинамъ передъ ихъ кончиною ²⁾. Сверхъ того, души утопленниковъ (по мнѣнiю чеховъ) поступаютъ къ водяному, который держитъ ихъ подъ водою въ опрокинутыхъ горшкахъ (= дождевыхъ урнахъ); когда душа ускользнетъ изъ заключенiя — она, какъ существо воздушное, выходитъ изъ воды въ видѣ пузыря. И по нѣмецкому повѣрью, души заключены въ горшкахъ въ жилищѣ wassermann'a. Въ Гамбургѣ, сидя подъ мостомъ, водяной таскаетъ мотыкою дѣтей въ воду и сажаетъ ихъ подъ старыя горшки. Только по субботамъ, отъ двѣнадцати до часу, могутъ выходить эти малютки и играть на берегу, но водяной зорко сторожитъ ихъ и снова гонитъ въ темницу. Сказанiя о заклятыхъ или осужденныхъ духахъ (эльфахъ, кобольдахъ), заточенныхъ въ сосудахъ, откуда раздаются ихъ жалобные голоса, извѣстны почти у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ ³⁾. Ибнъ-Фоцланъ упоминаетъ о колодезномъ срубѣ, заглядывая въ который дѣвица, рѣшившаяся раздѣлить съ умершимъ княземъ его погребальное ложе, видѣла по ея словамъ прекрасный зеленый рай, а въ раю своихъ покойныхъ предковъ; въ ихъ средѣ видѣла она и недавно-скончавшагося князя, который призывалъ ее къ себѣ ⁴⁾. По чешскимъ преданiямъ

¹⁾ Памят. XII в., 66—67.— ²⁾ Ч. О. И. и Д. 1865, III, 148.—

³⁾ Громанъ, 12; Weisgige zur D. Myth., II, 293, 297. — ⁴⁾ Стр. 17.

на ч—страна усопшихъ есть *zelena louka*; этотъ «зеленой лугъ» въ моравскихъ пѣсняхъ представляется, какъ обиталище добродѣтельныхъ душъ. Враги народа были въ тоже время и врагами его національныхъ боговъ; поэтому они, а равно и всѣ злые люди, нарушившіе святость семейныхъ узъ, не принимались въ райскіе луга, а шлв въ черную ночь, т. е. въ адскіе вертепы черныхъ тучъ, облегающихъ свѣтлое небо ¹⁾). По свидѣтельству народныхъ легендъ, мѣста будущей жизни, приготованныя для добродѣтельныхъ в грѣшныхъ, находятся у колодцевъ. Для посмертнаго пребыванія первыхъ предназначены студенцы съ чистой ключевой водою, при которыхъ растутъ благоухающіе цвѣты, зрѣютъ на деревьяхъ вкусные плоды и поютъ райскія птицы; а грѣшники будутъ ввержены въ колодцы, наполненные змѣями, жабами, лягушками и другими гадами. Итакъ одинъ в тотъ-же поэтическій образъ, только съ различною обстановкою, прилагается и къ раю—вирію, и къ аду—пеклу ²⁾). Праведныхъ ожидаетъ у райскихъ источниковъ такое полное блаженство, что время для нихъ какъ-бы перестанетъ существовать: годъ будетъ пролетать, какъ единый неувловимый мигъ, а триста лѣтъ покажутся за три счастливыя минуты. Такую нечувствительность къ полету времени, по указанію валахской сказки, испытываетъ дѣвочка, водворенная въ раю у пресв. Богородицы ³⁾). На одну

¹⁾ Громанъ, 193. — ²⁾ Н. Р. Лег., 3, 21 и стр. 124, 128. Райскому колодцу соответствуетъ *Urdharbrunnen*, адскому—*Uvergelmit* (*Germl. Myth.*, 550). По словамъ гуцуловъ, мавки обитаютъ въ пещерахъ, гдѣ журчатъ прозрачные источники и растутъ чудные сады и виноградники—Пант. 1855, V, 49. — ³⁾ Св. Дѣва взяла съ собой дѣвочку и спрашиваетъ ее однажды: гдѣ ты была? — Я пробыла одинъ день въ раю, отвѣчала дѣвочка. „Не одинъ день, а цѣлый годъ!“ возразила Богородица. Въ другой разъ повторяетъ свой вопросъ Св. Дѣва: гдѣ ты была?—Я пробыла одинъ часъ въ раю. „Не часъ, а три человѣческихъ жизни!“ Въ третій разъ на слова дѣвочки: „я на одно мгновение побывала на небѣ“ — Пресв.

изъ лубочныхъ картинъ занесено преданіе о старцѣ, который молилъ Бога, чтобы даровалъ ему извѣдать сладость будущаго блаженства; Богъ исполнилъ его желаніе: разъ старецъ заслушался пѣнія райской птички, слушалъ-слушалъ, и триста лѣтъ пронесли для него, какъ три часа ¹⁾. Наоборотъ муки адскія такъ ужасны, что грѣшнику, который имъ подвергается, одинъ день казни кажется цѣлымъ тысячелѣтіемъ ²⁾. Преданія о древней богинѣ, паридѣ малютокъ-душъ, въ среднія вѣка были перенесены на Пречистую Дѣву, а души блаженныхъ (свѣтлые эльфы) стали представляться ангельчиками. Божія Матерь собираетъ къ себѣ души нерожденныхъ, которыя въ видѣ дѣтей возсѣдаютъ на ея колѣнахъ, и души усопшихъ, которыя слѣдуютъ за нею въ царство небесное, въ вѣчно-зеленые сады рая. Въ Кельнѣ рассказываютъ, что новорожденныхъ младенцевъ приносятъ изъ колодца, находящагося у церкви св. Куниберты; тамъ, до своего рожденія, сидятъ они вокругъ Богоматери, которая кормитъ ихъ кашею и забавляетъ играми; въ этомъ колодцѣ свѣтло, какъ въ ясный день ³⁾. Чехи убѣждены, что когда умереть некрещеное дитя—его принимаетъ Пречистая Дѣва и уноситъ въ свою небесную обитель, что на томъ свѣтѣ — въ райскихъ садахъ она раздаетъ усопшимъ дѣтямъ яблоки, вишни и землянику. Если оставшаяся въ живыхъ мать вкушаетъ эти плоды до Иванова (или Успеньева) дня, то Богородица отдѣляетъ ея умершихъ дѣтей ⁴⁾. Тоже повѣрье извѣстно и нѣмцамъ: на Ивановъ день Богородица ведетъ усопшихъ дѣточекъ въ рай угощать земляникою, а тѣмъ, чья мать уже вкусила ягодъ, приказываетъ:

Дѣва замѣчаетъ: „ошибаешься, дитя! не мгновеніе, а полвѣчноети провела ты въ жилищѣ блаженныхъ“. Сличн Сри. припов., 113—4.

—¹⁾ У народовъ романскихъ есть такое-же преданіе о пустынникѣ, который заслушавшись въ лѣсу соловья, впалъ въ сладкое забытіе на цѣлыя сто лѣтъ, и когда очнулся—все въ этомъ мѣрѣ было для него ново и незнакомо. — ²⁾ Пав. стар. рус. литер., I, 109. — ³⁾ Die Götterwelt, 280. — ⁴⁾ Громанъ, 106, 113; День 1864, 43.

«воротитесь назад! ваша доля уже съѣдена вашей лѣкомой матерью.» ¹⁾ По русскому повѣрью, младенцы, какъ совершенно-безгрѣшные, идутъ по смерти въ рай, и въ простомъ народѣ существуетъ убѣжденіе, что души ихъ гуляютъ по небеснымъ вертоградамъ и питаются гроздіями спѣлаго винограда и золотыми яблоками; не слѣдуетъ, говорятъ, хоронить умершихъ дѣтей неподпоясанными, чтобы они могли собирать за паузу райскіе плоды ²⁾. Мать, у которой умеръ ребенокъ, не должна ѣсть яблокъ до второго Спаса; не то Богородица не дастъ ей ребенку золотого яблочка, какими дарить она на Спасовъ день всѣхъ водворенныхъ въ рай малютокъ. Въ дополненіе къ выше-приведенной сказкѣ о двухъ сестрахъ доброй и злой и ихъ пребываніи въ царствѣ Гольды, должно указать на слѣдующую, въ высшей степени любопытную варіацію того-же мифа. Была мать, говоритъ словацкая сказка ³⁾; у ней было двѣ дочери: одна — родная, а другая — падчерица. Собственную дочь она очень любила, а падчерицу просто не могла видѣть, потому что послѣдняя, Марушка, была гораздо красивѣе, чѣмъ ея Голена. Хорошая Марушка не знала о своей красотѣ и не могла объяснить себѣ, почему мачиха такъ злилась, какъ скоро она попадалась ей на глаза. Она должна была отправлять всѣ работы: убирать комнаты, варить, шить, прясть, ткать, приносить траву и заботиться о коровѣ; а Голена только наряжалась и оставалась постоянно къ праздности. Марушка трудилась охотно, и терпѣливо, словно овечка, переносила ругательства и проклятія мачихи и сестры. Но это не помогало; день ото дня онѣ становились злѣе, потому что чѣмъ далѣе, тѣмъ Марушка дѣлалась прекраснѣе, а Голена дурнѣе. Вздумалось матери: «зачѣмъ я должна терпѣть въ

¹⁾ German. Mythen, 428. — ²⁾ Иллюстр. 1846, 332. — ³⁾ Westsl. Märch., 20—26; Slov. pohad., 296—306; сравни у Эрбена, 293; въ сборн. Ваяльца, 221—2.

моемъ домѣ красивую палчерицу, если моя родная дочь далеко не красавица? Прійдутъ парни свататься, Марушка станетъ имъ нравиться, и они не захотятъ Голены». Съ той минуты мачиха съ дочкою искали случая, какъ-бы извести бѣдную Марушку; мучили ее голодомъ, били ее, но она все терпѣла и день ото дня становилась прекраснѣе. Однажды—это было въ среднѣи зимы—захотѣлось Голентѣ имѣть фіалки: «ступай, Марушка, принеси мнѣ изъ лѣсу пучокъ фіалокъ! я хочу заткнуть цвѣты за поясъ и обонять ихъ запахъ.»—Ахъ, Боже! что тебѣ вздумалось, шилая сестрица? я никогда не слыхала, чтобы фіалки росли между снѣгами, отвѣчала бѣдная дѣвушка. «Ты смѣешь спорить, негодная тварь, жаба! когда и приказываю. Если ты не пойдешь въ лѣсъ и не принесешь фіалокъ, то я убью тебя до смерти!» угрожала Голена. Мачиха схватила Марушку, вытолкнула ее вонъ и заперла за нею двери. Горько плача, пошла дѣвица въ лѣсъ. Снѣгъ лежалъ глубокой, нигдѣ не видать было слѣдовъ ноги. Долго блуждала бѣдная; она чувствовала и холодъ и голодъ, и молила Бога, чтобы онъ изьялъ ее лучше со свѣта. Замѣтивъ вдали огонь, она пошла на его блескъ и поднялась на вершину горы. На горѣ пылалъ большой костѣръ, а кругомъ огня на двѣнадцати камняхъ сидѣли двѣнадцать мужей: трое—старые, съ сѣдыми бородами, трое—немного помоложе, еще трое—возмужалыхъ лѣтъ, и наконецъ трое—самые юные и красивые. Они молчали и тихо смотрѣли на огонь. Это были двѣнадцать Мѣсяцевъ. Ледяной Мѣсяць (Ледень — генварь) сидѣлъ всѣхъ выше на первомъ мѣстѣ; волосы и борода его были бѣлы, какъ снѣгъ; въ рукахъ держалъ онъ жезлъ—символъ власти. Нѣсколько времени Марушка стояла въ изумленіи, но потомъ собралась съ духомъ, приблизилась и стала просить: «добрые люди! позвольте мнѣ обогрѣться у огня; я вся дрожу отъ холоду!» Ледяной Мѣсяць кивнулъ головою и спросилъ: «какъ ты, дѣвица,

сюда зашла? и чего ищешь?» — Я ищу фиалокъ, отвѣчала Марушка. — Теперь не время искать фиалокъ! вездѣ снѣгъ лежитъ», сказала Ледяной Мѣсяцъ. — Я сама это хорошо знаю, отвѣчала печально Марушка; но моя мачиха и сестра Голена приказали мнѣ принести лѣсныхъ фиалокъ; если я не принесу, онѣ убьютъ меня до смерти. Государи пастухи! умоляю васъ, укажите — не могу ли я гдѣ-нибудь отыскать фиалокъ? Тогда Ледяной Мѣсяцъ поднялся съ камня, подошелъ къ самому юному Мѣсяцу, отдалъ ему жезлъ въ руки и сказалъ: «братецъ Мартъ! сядь на первое мѣсто.» Мѣсяцъ Мартъ занялъ мѣсто выше всѣхъ и махнулъ жезломъ поверхъ огня: въ тотъ-же мигъ огонь запылалъ сильнѣе, снѣгъ началъ таять, на вѣткахъ стали показываться почки, подъ деревьями зазеленѣла трава, цвѣты пустили свои ростки — и вотъ наступила весна. Межъ кустарниковъ зацвѣли фиалки — ихъ было такъ много, такъ много, словно кто голубой коверъ разостлалъ. «Скорѣе рви!» сказалъ Мѣсяцъ Мартъ Марушкѣ. Она съ радостью набрала большой букетъ, поблагодарила двѣнадцать Мѣсяцевъ и поспѣшила домой. Какъ удивились Голена и мачиха, когда увидѣли, что Марушка несетъ нѣтъ букетъ фиалокъ; отворили ей двери — она вошла и запахъ разлился по всему дому. «Гдѣ ты ихъ набрала?» спросила сердито Голена. — На высокой горѣ; тамъ ихъ много растетъ подъ кустами. Голена взяла цвѣты, заткнула за поясъ, нюхала сама и матери давала нюхать, а сестрѣ ни разу не промолвила: «поиюхай и ты!» Послѣ того Голена и мачиха выгнали Марушку за землянкой. Падчервца опять приходитъ къ Мѣсяцанъ и встрѣчаетъ у нихъ тотъ-же радушный пріемъ. Узнавши — въ чемъ дѣло, Ледяной Мѣсяцъ всталъ съ камня, подошелъ къ тому Мѣсяцу, что сидѣлъ какъ разъ противъ него, отдалъ ему жезлъ въ руки и сказалъ: «братецъ Юнь! сядь на первое мѣсто.» Прекрасный Юнь сѣлъ выше всѣхъ и махнулъ жезломъ поверхъ огня: въ

тотъ-же мигъ пламя поднялось высоко, свѣгъ быстро растаялъ, земля одѣлась травою, деревья листьями, птицы начали свои пѣсни, разнообразныя цвѣты зацвѣли въ лѣсу, и вотъ наступило лѣто. Въ травѣ замелькали бѣленькія звѣздочки, какъ-будто ихъ нарочно настѣяли; быстро, на глазахъ, эти бѣлыя звѣздочки переходятъ въ землянику и тотчасъ-же созрѣваютъ ягоды. Не успѣла Марушка оглянуться, какъ ихъ много-много высыпало на зеленомъ лугу, словно кто обагрнулъ его каплями крови. Марушка набрала земляники и отнесла Голенѣ; та кушала ягоды и матери давала полакомиться, но ни разу не сказала Марушкѣ: «покушай и ты, сестрица!» Въ третій разъ захотѣлось Голенѣ красныхъ яблочекъ. и она послала за ними Марушку. По глубокому свѣгу пришла бѣдняжка къ Мѣсяцамъ. Ледяной Мѣсяцъ передалъ свою власть брату Сентябрю. Сентябрь сѣлъ на первое мѣсто, махнулъ жезломъ поверхъ костра — огонь запылалъ ярче, свѣгъ пропалъ, и вскорѣ природа приняла грустный осенній видъ; листья падали съ деревьевъ одинъ за другимъ, и свѣжій вѣтеръ гналъ ихъ туда и сюда по сухой, пожелтой травѣ. Марушка уже не видѣла разнообразныхъ цвѣтовъ, за то нашла яблоню съ сочными плодами; потрясла ее — упало одно красное яблочко, потрясла еще — упало другое. «Теперь скорѣе домой!» сказалъ Мѣсяцъ Сентябрь; дѣвушка послушалась и принесла домой два яблока. Удивилась Голена, удивилась и мачиха. «Гдѣ ты сорвала яблоки?» — На высокой горѣ; тамъ еще много ихъ осталось. «Зачѣмъ-же ты не принесла больше? закричала со злобой Голена; вѣрно, сама поѣла дордогю?» — Ахъ, милая сестрица! я ни одного яблочка не попробовала. Я потрясла дерево разъ — упало одно яблочко, потрясла еще — упало другое; а больше трусить мнѣ не позволили, приказали домой идти. «Чтобъ тебя громомъ убило!» кляла Марушку Голена и хотѣла ее бить. Бѣдняжка заплакала и убѣжала на кухню.

Голена принялась за яблоко, которое показалось ей необыкновенно-вкусным; съела, и говорит матери: «дай-ка мою шубу, я сама пойду въ лѣсъ; а то эта негодная тварь пожалуй опять все съестъ дорогою. Я обтрясу всё яблоки—хоть позволять мнѣ, хоть нѣтъ!» Накинула шубу, платокъ на голову, и пошла изъ дому. Снѣгъ лежалъ глубокой, нигдѣ не видно было слѣдовъ ногъ человѣческой. Долго она блуждала, наконецъ пришла къ Мѣсяцамъ; не спрашивая позволенія, Голена прямо пошла къ костру и стала грѣть свои руки. «Чего ты вѣдешь? зачѣмъ сюда пришла?» строго спросилъ Ледяной Мѣсяць.— А ты что за спросъ, старый дуракъ! зачѣмъ тебѣ знать, куда я иду? отвѣчала Голена и повернула въ лѣсъ. Ледяной Мѣсяць наморщилъ лобъ и поднялъ жезлъ надъ головою: въ тотъ же мигъ огонь сталъ горѣть слабѣе, небо помрачилось, снѣгъ повалилъ такими хлопьями, словно кто перину вытрясалъ; въ лѣсу засвисталъ рѣзкій, всеобщепеняющій вѣтеръ. На одинъ шагъ впередъ собою уже Голена ни зги не видала; она взяла въ снѣгу, проклинала Марушку и чувствовала, что члены ея кочевѣютъ. Поджидая ее домой, мать смотрѣла въ окно, выбѣгала за ворота; но часы проходили одинъ за другимъ, а Голены не было. «Вѣрно, яблоки ей такъ понравились, что она отстать отъ нихъ не можетъ, подумала мать; пойду-ка я сама посмотрю.» Тотчасъ надѣла шубу и пустилась искать дочку. Между тѣмъ время шло да шло; Марушка приготовила кушанье, убрала корову, а мачиха в Голена не ворочались. «Гдѣ онѣ остаются такъ долго?» думала Марушка и усѣлась за прялку. Уже вража готова, на дворѣ смерклось, а ихъ все нѣтъ. «Ахъ, Боже мой! что съ ними приключалось?» сказала добрая дѣвушка; посмотрѣла въ окно—небо сіяло звѣздами, земля блистала снѣгомъ, но изъ людей никого не было видно. На другой день ждала ихъ Марушка къ завтраку, ждала къ обѣду, но понапрасну—обѣ онѣ замерзли въ лѣсу. Такъ глубо-

ко проникнута жизнью природы чистая, неподдельная народная поэзия! она слышитъ, какъ прозябають травы, какъ шелестятъ лепестки распускающихся цвѣтовъ, и сочувственно отзывается на каждое, повидимому незамѣтное и едва уловимое, проявленіе жизненныхъ силъ. Другая сказка ¹⁾ рассказываетъ о бѣднякѣ, который отъ зимняго холода вздумалъ идти на стеклянную гору, гдѣ всегда огонь горитъ, и тамъ согрѣть свои прозябшіе члены. На горѣ пылалъ костеръ (vatra), а вокругъ него сидѣли двѣнадцать мужей — sluhove krále nad časem (слуги, подвластные царю времени); въ теченіи года они двѣнадцать разъ мѣнялись своими мѣстами по порядку, такъ что по окончаніи голичнаго періода каждый изъ нихъ занималъ свое первоначальное мѣсто. Стеклянная гора (Glasberg) есть свѣтлое небо = Асгардъ, а костеръ, около котораго возсѣдаютъ Мѣсяцы, — метафора солнца, которое свѣтитъ то ярче (лѣтомъ), то блѣднѣе (зимой), и вмѣстѣ съ тѣмъ тѣ животворитѣ, то слабѣе вліяетъ на производительность земли. На это верховное свѣтило указываетъ и возженіе костровъ на праздникахъ солнечныхъ поворотовъ. Марушка и Голеня — двѣ души добрая и злая — ищутъ на небесной горѣ вѣчно-цвѣтущаго, плодоноснаго сада, скрытаго за свѣжными, зимними облаками; первая протискивается сквозь ихъ туманное царство и обрѣтаетъ райскіе цвѣты и плоды, а послѣдняя погибаетъ на пути отъ суровой стужи Niflheimr'a, т. е. дѣлается добычею ада (см. выше стр. 25 — 28). Въ Скандинавіи и Германіи сохраняется вѣрованіе, что душъ усопшихъ обитають на горѣ, вмѣстѣ съ громовникомъ Торомъ, и выраженіе: «in den berg gehen» до сихъ поръ употребляется въ смыслѣ: умереть ²⁾. Что цвѣтущія подъ свѣтами фіалки и зрѣющія въ зимнюю пору яблоки въ земляника принадлежать небесному царству праведныхъ, замкнутому отовсюду демонами зимы, — осязательное

¹⁾ Slov. pohad., 19 — 28. — ²⁾ German. Mythen, 240.

доказательство тому находимъ въ старинной сагѣ у Саксона: одинъ король пожелалъ узнать, гдѣ лежитъ та благословенная страна, въ которой даже зимою растенія красуются свѣжею, неувядаемою зеленью, и обрѣлъ ее тамъ, куда по смерти должна будетъ явиться его собственная душа ¹⁾. По свидѣтельству Краледворской рукописи: души усопшихъ порхаютъ по деревьямъ, а по словамъ русской обрядовой пѣсни: «русалочки-земляночки на дубъ лѣзли, кору грызли», т. е. пролагая себѣ путь въ царство блаженныхъ, онѣ грызутъ облачныя деревья острыми зубами молніи. Ясно, что всѣ эти преданія говорятъ собственно о цвѣтущемъ раѣ — виріи или островѣ Буяѣ, откуда при началѣ весны приносятся на землю разнообразныя растительныя сѣмена (II, 137—141). Выше было указано на связь имени Буяна съ мѣстами загробнаго упокоенія умершихъ; на этотъ святой островъ устремлялись души, по исхождѣ ихъ изъ тѣлесной оболочки, и потому, вмѣстѣ съ творческими силами природы, тамъ возсѣдала и грозная птица-Смерть (I, 528). Вкушая въ райскихъ садахъ золотыя — молоджавыя яблоки и гроздія винограда (= вино-нектаръ), блаженные обрѣтаютъ неувядаемую молодость и живутъ, не вѣдая ни старости, ни болѣзней; тѣми-же благами надѣляютъ ихъ и живая вода небесныхъ источниковъ (jungbrunnen). Преданіе о странѣ вѣчной юности сохранилось и между славянами. Замѣчательная малорусская сказка о чловѣкѣ, искавшемъ «безсмертной земли», ²⁾ повѣствуетъ, что онъ пришелъ къ волку, который «пилъ ³⁾ хвостомъ дуби». «Куды ты, чоловиче, йдешъ? питае вовкъ. — Иду, каже, такой земли шукати, щобъ не старитьця и ве умираты. — Оставайсь зо мною! — А ты-жь покы будешъ жити, вовче? — Поты буду жити, покы сѣго дуба хвостомъ не перепиляю. — А потымъ умрешъ? — Умиру.» Че-

¹⁾ Ibid., 440—1. — ²⁾ Изъ непечатныхъ матеріаловъ, собранныхъ редакціей журнала „Основа“. — ³⁾ Сваливаетъ.

ловѣкъ отправился дальше: «иде, колы бачыть—ажь стоять хатка, а въ тѣй хатци панночки сидятъ и передъ ними скрынѣки поввисеньки гѣлокъ.—Живи у насъ!—А вы-жь помы будете жить?—Поты будемъ жить, помы усы гѣлки въ викахъ поломаемо» ¹⁾). Человѣкъ пошелъ къ Мѣсяцу; «а ты долго ли проживешь?» спрашиваетъ его.—«Я, каже, такъ: якъ мисяць у неби старый, то и я старый, а якъ винъ молодой, то и я молодой.» Остался человѣкъ у Мѣсяца, прожилъ лѣтъ сто и больше, «а тымъ часомъ Смерть усе шукае чоловика», пришла съ запросами сперва къ волку, потомъ къ панночкамъ, и добралась наконецъ до Мѣсяца. «Чого ты прѣшла? питаеця Мѣсяць.— За своєю душою.—То не твоя душа! — Ни, моя!—Ни, не твоя! Возьми, каже Мисяць, ты сѣго чоловика за ноги, а я за голову, тай розвихаймо: колы у гѣру полетыть—ишъ, а колы внизъ, то твѣи! Узялы и розвихалы, такъ винъ у гѣру и полетивъ, да и ставъ зиркою, що коло мисяца у неби видно» (сравни выше стр. 250). Вариантъ этой сказки, напечатанный въ моемъ сборникѣ ²⁾, сообщаетъ нѣсколько другихъ, не менѣе важныхъ подробностей: спасаясь отъ зубастой вѣдьмы, пожирающей живой людъ, Иванъ-царевичъ прѣзжаетъ къ старымъ швеямъ и проситъ у нихъ пристанища. «Рады бы принять тебя, отвѣчали старухи, да намъ самимъ недолго жить; вотъ доломаемъ сундукъ иголокъ да изошьемъ сундукъ нитокъ—точасъ и смерть прѣдетъ!» Заплакалъ царевичъ и поѣхалъ дальше; на дорогѣ минуетъ онъ Вертодуба и Вертогора: первый долженъ умереть, какъ скоро повыдергиваетъ всѣ дубы съ кореньями, а послѣдній—когда перевернетъ всѣ горы. Наконецъ, послѣ долгаго странствованія, прѣзжаетъ царевичъ къ Солнцевой сестрѣ; она его приняла, кормила-

¹⁾ Пока поломаемъ всѣ иголки въ корянахъ. — ²⁾ Н. Р. Сл., VI, 57.

пошла, давала ему молоджавыя яблоки. Сгрустнулось однажды царевичу, захотѣлось побывать дома; прибылъ онъ на родину, но тамъ уже все было съѣдено—оставались однѣ голыя стѣны а злая вѣдьма точила на него свои острые зубы. Иванъ-царевичъ обратился въ бѣгство. На пути старыя швен подарили ему хусточку, и какъ только царевичъ махнулъ ею—позади его стало широкое озеро; а когда проѣхалъ онъ мимо Вертодуба и Вертогора, эти богатыри заложили дорогу грудами вѣковыхъ дубовъ и высокими горами. Вѣдьма переплыла озеро, продралась черезъ лѣса и горы, и уже стала нагонять царевича, какъ онъ прискакалъ къ терешамъ Солнцевой сестры и закричалъ: Солнце, Солнце! отвори оконце. Солнцева сестра отворила оконце, и царевичъ вскочилъ въ него виѣстѣ съ конемъ. Вѣдьма требуетъ выдачи царевича и вступаетъ въ споръ съ Солнцевой сестрою. «Пусть же, говоритъ она, Иванъ-царевичъ идетъ со мной на вѣсы; кто кого перетянет!» Пошли на вѣсы, на одной сторонѣ сталъ царевичъ, а на другую полѣзла вѣдьма: только ступила ногой, такъ Ивана-царевича вверхъ и подбросило, да съ такою силою, что онъ прямо попалъ на небо, къ Солнцевой сестрѣ въ терема; а вѣдьма-змѣя осталась ва землѣ ¹⁾). Вертодубъ или мшеческій волкъ, пиляющій хвостомъ дубы, и Вертогоръ— великаны, рушители облачныхъ лѣсовъ и горъ; старыя швен— небесныя пряхи, дѣвы судьбы, которыя обитаютъ при источникахъ райскаго древа и ткуютъ облачные покровы; подаренная ими хустка—туча, проливающая дождевое озеро. Въ страну безсмертія, въ этотъ пресвѣтлый рай или царство Солнца, душа человѣка несется черезъ воздушныя пространства, занятія облаками и тучами; а за нею гонится поѣдучая вѣдьма-Смерть,

¹⁾ Сходная сказка есть у грековъ (Ганъ, 65); здѣсь вѣдьма прилѣтаетъ въ видѣ облака и душитъ лошадей; но преданіе значительно сокращено и лишено старинныхъ красокъ.

царица мрачнаго ада (= Гелла), стараясь захватить ее и увлечь въ свои вертепы. Если душа обременена тяжкими преступленіями и грѣхами—ей не избѣгнуть плѣна; праведная же достигаетъ небесныхъ теремовъ (Асгарда), гдѣ властвуетъ богиня утренней зори и всеобновляющей, вѣчно-юной весны (Солнцева сестра = Фрея, Гольда, Лада; открываемое ею окно—метафора дневнаго разсвѣта, Goldtor—см. I, 158-162), и вселяясь въ царство блаженныхъ, блескитъ оттуда яркою звѣздою. Вѣсы указываютъ на загробный судъ, ожидающій человѣка по смерти, когда взвѣшиваются его добрыя и злыя дѣла, и смотря по тому, какая сторона перетянетъ, душа его идетъ или въ рай, или въ пекло (см. гл. XXV). По указанной выше связи царства усопшихъ съ ночью и мѣсяцемъ, богиня, управляющая этииъ царствомъ, представляется возсѣдающею на лунѣ; а какъ создательница облачныхъ и ночныхъ покрововъ, помрачающихъ небесный сводъ, она признается пряхою (см. выше стр. 129—о Фрей-пряжѣ). Въ нѣмецкихъ земляхъ крестьяне усматриваютъ въ пятнахъ луны изображеніе пряжи съ веретеномъ въ рукахъ, которая попала туда за то, что пряла въ воскресенье при лунномъ сіяніи; иные же отождествляютъ луну съ ликомъ Маріи Магдалины (вѣсто Пречистой Дѣвы) и въ пятнахъ этого свѣтила узнаютъ слѣды ея покаянныхъ слезъ. Въ Альтмаркѣ думаютъ, что *Mariefäden* (*sommerfäden*—летучая осенняя паутина=пряжа, изготовляемая эльфами) выдѣлываются искусными пряжами, обитающими на мѣсяцѣ; въ другихъ-же мѣстностяхъ ихъ считаютъ за остатки гробоваго савана, который сбросила съ себя Божія Матерь при своемъ вознесеніи на небо. Въ періодъ Бабьего лѣта, при ясномъ сіяніи солнца, шествуетъ по горамъ и лугамъ Св. Марія (= Гольда, Фрея), въ сопровожденіи многочисленныхъ дѣвъ-эльфовъ (т. е. душъ усопшихъ); впереди каждой дѣвы летитъ ангелъ съ золотомъ

прялкою, тянетъ серебристо-шелковыя нити и разстиляетъ надъ землею небесную пряжу ¹⁾). Тоже преданіе уцѣлѣло у люнебургскихъ славянъ; по ихъ словамъ, на мѣсяцъ сидитъ пряжа, вертитъ колесо и прядетъ тонкія бѣлоснѣжныя нити, которыя при самомъ концѣ лѣта падаютъ на землю легкою паутиною; пряжу эту можно видѣть во время полнолунія ²⁾). Облака-ткани приготовляются богинею загробнаго (—небеснаго) царства и сопровождающими ее грозowymi геніями; какъ существа стихійныя, какъ цверги и мары, души усопшихъ принимаютъ участіе въ этой работѣ и сами облакаются въ изготовленныя ткани. Длинные, бѣлыя, развивающіяся по вѣтру сорочки небесныхъ дѣвъ и эльфовъ — ничто иное, какъ метафора облачныхъ одѣяній, озаренныхъ лѣтнимъ солнцемъ. Въ примѣненіи къ тѣнямъ блуждающихъ мертвецовъ одѣянія эти получили значеніе гробовыхъ савановъ. Наши русалки, показываясь на Троицкой недѣлѣ, выпрашиваютъ себѣ при встрѣчѣ съ бабами и дѣвками бѣлыхъ рубахъ и намитокъ, и донныя крестьянки вѣшаютъ для нихъ по деревьямъ мотки нитокъ, полотенца и сорочки. Едва ли не подъ влияніемъ этихъ воззрѣній возникъ обычай окутывать усопшихъ длинными бѣлыми саванами, постилать внутри гроба бѣлую пелену и самого покойника обматывать холстомъ (сравни въ гл. XXV — сказанія о сорочкѣ, которую прядутъ и ткуютъ парки для каждаго человѣка и которая приносится покойникомъ на тотъ свѣтъ, какъ исторія его земной жизни, представляемая на судъ боговъ). Сродство усопшихъ съ эльфами и богиней-пряхою свидѣтельствуется еще слѣдующими повѣрьями: въ воронежской губ. считаютъ за грѣхъ шныкать шнычки и прядеть кудели въ пятницу, ибо чрезъ это оскорбляются покойные родители, такъ какъ шелуха и кострика легко могутъ

¹⁾ German. Mythen, 40; Die Götterwelt, 304. — ²⁾ Галуша: Дѣды и Баба, 48.

засорить ихъ свѣтлыя очи ¹⁾; въ курской губ. крестьянки вичего не шьютъ въ поминательные дни: по ихъ мнѣнію, кто шьетъ въ эти дни, тотъ своею иглою колетъ покойникамъ глаза ²⁾. Означенныя повѣрья первоначально относились къ тѣмъ облачнымъ тканямъ, изготовленіе которыхъ помрачаетъ ясныя звѣзды — эти очи блаженныхъ предковъ, кротко-взирающихъ на землю изъ своихъ небесныхъ обителей. Тѣже домашнія работы (прясть, ткать и шить) воспрещаются по пятницамъ, чтобы не исколотъ иглами и веретенами мненческой Пятницы и не запылить ея пречистыхъ глазъ; Пятница же соответствуетъ Фреѣ (I, 226-242) и Гольдѣ, богинямъ, въ свитѣ которыхъ тѣни усопшихъ шествуютъ въ загробный міръ. Облачная ткань (покровъ, одѣяніе, коверъ-самолѣтъ) есть именно та пелена, на которой душа, по смерти человѣка, возносится въ царство блаженныхъ. По свидѣтельству народныхъ стиховъ, ангелы, являясь за праведною душою, принимаютъ ее на пелену и несутъ на небо (см. стр. 55); подблюдная святочная пѣсня: «по городу хожу, полотенцемъ стелю» предвѣщаетъ смерть ³⁾, т. е. указываетъ на путь въ загробное царство, такъ какъ всякая дорога, ведущая въ дальнюю сторону, на метафорическомъ языкѣ сравнивалась съ разостланнымъ полотномъ (см. I, 40). Моравскія пѣсни приписываютъ вознесеніе праведныхъ душъ на небо Пречистой Богородицѣ или св. Аннѣ; являясь къ одру умирающаго, онѣ изрекаютъ: «chyc se, dušo, meho plašča, pŕjdžemu pŕed Pana Krista», или: «chyt' se, duše, meho křidla (крыло—по кровъ), poletime v rajské sidla» ⁴⁾. Въ тверской губ. каждому покойнику даютъ въ руки

¹⁾ Этно. Сб., I, 215; Послов. Далъ, 1031. — ²⁾ Этно. Сб., V, 82. —

³⁾ Ворон. Г. В. 1850, 17. — ⁴⁾ Гануша: Дѣдъ и Баба, 48. Переводъ: Ухватись, душа, за мой плащъ (за мое крыло), пойдемъ передъ Господа Христа, или полетимъ въ райскія селенія.

полотенце; въ другихъ мѣстностяхъ когда везутъ умершаго въ церковь, то гробъ его покрывается бѣлою пеленою, а дуга, возжи и повода объявляются холстомъ. Гробъ принято опускать въ могилу на холстахъ или ручникахъ, которые потомъ достаются священнику и дьякону; къ могильному кресту прикрѣпляютъ кусокъ полотна или бѣлый платъ; тотчасъ по кончинѣ кого-либо изъ членовъ семейства поселяне вывѣшиваютъ полотенце изъ окна избы на улицу, которое и остается здѣсь до истеченія шести недѣль, т. е. до того времени, пока душа не отлетитъ изъ сего міра на тотъ свѣтъ; послѣ шести-недѣльнаго срока полотенце это отдають нищимъ. Когда совершаются годовые поминки въ честь всѣхъ усопшихъ родичей, незримо-присутствующихъ при этомъ обрядѣ, — хозяинъ, по окончаніи трапезы, открываетъ окно, распускаетъ на улицу холстъ и приглашаетъ покойниковъ возвратиться въ свои загробныя жилища по разосланному полотну: «ступайте съ Богомъ! вотъ тутъ будетъ вамъ помягче!» Въ день годовщины усопшаго, при совершеніи лѣтн, могилу его покрываютъ холстиною ¹⁾.

Выше объяснено (I, 182; II, 134—141), что востокъ, какъ страна воскресающаго солнца, былъ признанъ за блаженное царство весны, и что именно тамъ арійское племя полагало вѣчно-цвѣтущій, пресвѣтлый рай — обиталище всещедрыхъ боговъ и блаженныхъ предковъ. По литовскому преданію, въ этомъ солнечномъ царствѣ, на востокѣ, пребываютъ души, пока не будутъ посланы на землю въ тѣла новорожденныхъ младенцевъ, и потомъ, по окончаніи земной жизни, снова возвращаются въ свое первобытное отечество ²⁾. По свидѣтельству малорусской сказки, душа добродѣтельнаго, пришедшая въ «беа-

¹⁾ Черниг. Г. В. 1842, 37; Сынъ Отеч. 1839, VIII, 85; Вѣст. Р. Г. О 1853, II, 92; III, 5; Ворон. Г. В. 1851, 2; Записки Авдѣев., 122; Этн. Сб., I, 266. — ²⁾ Черты литов нар., 75.

смертную страну», пріемлется въ окно терема Солнцовой сестры, т. е. въ то свѣтлое окно небеснаго чертога, которое раннимъ утромъ отворяется на востокѣ богиней Зорею; этимъ же путемъ нисходитъ душа усопшей матери на свадьбу своей милой дочери (см. выше стр. 238). Въ Галиціи сохраняется преданіе, что далеко на восходѣ солнца, за черными морями (т. е. дожденосными тучами), обитаетъ счастливый народъ рахмане; они ведутъ святую жизнь, содержатъ постоянный строгій постъ ¹⁾ и только однажды въ году разрѣшаютъ на мясо — на Великъ день рахманскій, который приходится тогда, когда скорлупа освященнаго краснаго яйца доплываетъ къ нимъ отъ насъ черезъ широкое море. Въ южной Руси народъ этотъ называютъ навь, а празднуемый ими Великъ день — навьскій или русальныи. На Святой недѣлѣ малоруссы бросаютъ въ воду скорлупу отъ крашеныхъ яицъ, чтобы она донесла покойникамъ радостную вѣсть о наступившемъ праздникѣ Воскресенія Христова ²⁾. Въ Польшѣ обращаются къ солнцу съ такою пѣсней:

Swieć, swieć, sdoneczko!
 Dam ci jajeczko,
 Jak kureczka zniesie
 Na dębowem lesie.
 Wezmie jajo do raju,
 Wszystkie dusze radują ³⁾.

Слово ра х м а н ы й (ра х м а н ы й) доселѣ употребительно въ народныхъ говорахъ — въ слѣдующихъ значеніяхъ: а) веселый, щедрый, глѣбосольный, угостительный, б) тихій, кроткій, воздержный, в) вялый, слабоумный, скучный — точно также,

¹⁾ Существуетъ поговорка: „постимо, якъ рахмане“. — ²⁾ Мажъ, VIII, 24; XI, 19; Рус. Ист. Сб., III, ст. Ходаковск., 146—7; VII, 370. — ³⁾ Письмо проф. Буслаева — въ Истор. Россіи Соловьева, II, 21.

какъ слово блаженный (кроме общезвѣстнаго своего смысла) употребляется еще въ значеніи: полоумный, разслабленный, дряхлый, блажой; блажь—дурь, юродство ¹⁾). Такимъ образомъ съ этими эпитетами сочетались различныя понятія, съ одной стороны указывающія на призванныхъ къ вѣчному довольству и покою, а съ другой — на людей, отмѣченныхъ рукою Смерти: болѣзненныхъ, разслабленныхъ, тоскливыхъ, безумныхъ, словомъ—подобныхъ тѣмъ, которыми овладѣваютъ злыя (см. выше стр. 77—78). Въ костромской губ. о человѣкѣ, убитомъ горемъ, всхудавшемъ, дурно-одѣтомъ и нечесанномъ отзываются: «онъ ходитъ, какъ рахманий!» Собственно рахмане суть «брахманы» (брамины), о счастливой, безмятежной жизни которыхъ на Макарійскихъ островахъ, подъ самымъ востокомъ солнца, извѣстно суевѣрное сказаніе, занесенное въ рукописные сборники средневѣковой литературы ²⁾); но сказаніе это, перейдя черезъ посредство означенныхъ памятниковъ къ славянамъ, связалось съ ихъ національными вѣрованіями въ навовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ слово «рахманий» получило въ устахъ нашихъ поселенъ тѣ самыя значенія, на какія наводили ихъ старинныя представленія о душахъ усопшихъ.

Когда человѣкъ умираетъ, душѣ его предстоить далекое и многотрудное странствованіе; чтобы достигнуть свѣтлаго неба (Gimli) и водвориться тамъ въ блаженныхъ селеніяхъ, она должна перенестись черезъ широкія, необозримыя пространства воздушной области, которая отдѣляетъ міръ людей отъ царства боговъ и предковъ (pitris). По скандинавскимъ преданіямъ, Одинъ и подвластныя ему валькирии являлись на своихъ быстрыхъ коняхъ на поле битвы, забирали души падшихъ героевъ, увозили ихъ въ валгаллу и зачисляли въ сонмъ

¹⁾ Обл. Сл., 10, 190; Доп. обл. сл., 230. — ²⁾ Очеркъ литер. исторіи старин. повѣстей и сказокъ, А. Пыпина, 49.

небесныхъ ратниковъ, подобно тому, какъ, по мѣтнiю инду-совъ, души сраженныхъ воиновъ шли въ небо Индры. Обще-извѣстныя на сѣверѣ выраженiя: zu Odhinn fahren, bei Odhinn zu gast sein, Odhinn heimsuchen означаютъ: умереть; въ христіанскую эпоху выраженiя эти частію обра-тились въ проклятiя: far þú til Odhins! Odhinn eigi þik! частію стали замѣняться другими: zu Gott gehen, zu Gott heimkehren ¹⁾). Вмѣсто глагола «умереть» чехи упо-требляютъ выраженiе: na daleka cestu se strojiti ²⁾), а на Руси говорятъ: отойди къ Богу, къ отцамъ или предкамъ, и даже просто: отойди, чтó указываетъ на тотъ дальнiй путь, въ который пускается усопшiй; канонъ, читаемый надъ умирающимъ, вазываютъ отходною. Если больному придуть на мысль лошади, если къ дому его бу-детъ протоптана новая дорожка—то и другое принимается нашими простолюдинами за предвѣстiе его скорой кончины ³⁾); если первою встрѣчкою на пути будетъ бѣлый конь, чехи видятъ въ этомъ предзнаменованіе смерти ⁴⁾); примѣта, наме-кающая на бѣлаго коня, на которомъ ѣздятъ Одинъ. Согласно съ представленіемъ воздушной области всесвѣтнымъ моремъ или рѣкою, обтекающею со всѣхъ сторонъ землю, души усоп-шихъ должны были переправляться на тотъ свѣтъ черезъ обширныя и глубокія воды ⁵⁾); такая переправа совершалась на кораблѣ или ладѣ, какъ древнѣйшей метафорѣ ходячаго по воздушному океану облака (I, 574—9). Для уплаты за этотъ перевозъ, греки, германцы и славяне давали покойнику нѣ-сколько мелкихъ монетъ. Какъ громоносный Индра обладалъ кораблемъ и плавалъ по воздушному океану вмѣстѣ съ мару-

¹⁾ D. Myth., 132. — ²⁾ Гануша: Дядь и Баба, 63. — ³⁾ Сл. нар. раз., 137, 151. — ⁴⁾ Громанъ, 53. — ⁵⁾ Подобное вѣрованіе встрѣчаемъ и у племенъ сѣверо-американскихъ—Der Ursprung der Myth., 275.

тами; такъ объ Одинаѣ сохранилось преданіе, что онъ отвозилъ души усопшихъ въ валгаллу на золотомъ кораблѣ ¹⁾. По свидѣтельству Льва-діакона, руссы, погребая убитыхъ воиновъ, задушали въ волнахъ рѣки пѣтуховъ и младенцевъ, какъ жертвы, обреченныя сопутствовать умершимъ въ ихъ загробномъ странствованіи. До сихъ поръ стружки, оставшіяся отъ подѣлки гроба, принято на Руси пускать въ проточную воду; туда же пускаютъ и скорлупу красныхъ яицъ, чтобы извѣстить навовъ о праздникѣ Пасхи, а по другому повѣрью: скорлупа яйца, брошенная въ потокъ, служитъ кораблемъ, на которомъ русалки уплываютъ въ свое подводное (=заоблачное, небесное) царство. Сербы раздавливаютъ яичныя скорлупы, «да се не би вјештице (вѣдьмы-эльфы, души-мотыльки) у њима могле возити преко вода» ²⁾. Въ Германіи рассказываютъ, что эльфы, мары и вѣдьмы плаваютъ въ челнокѣ или яичной скорлупѣ въ блаженную страну душъ (Engelland, Elbenreich). Народная загадка, означающая яйцо, выражается о немъ такъ: «es kommt ein schiff aus Engelland, hat kein bügel und kein band, und doch zweierlei bier» (= бѣлокъ и желтокъ). Гладкое, искусно-созданное яйцо, безъ швовъ и связей, такъ что въ немъ не видно ни начала, ни конца, рассматривалось, какъ хитрая работа кузнецовъ-эльфовъ ³⁾. На страшномъ судѣ души — прежде, чѣмъ вселятся въ райскія обители, должны будутъ перейти черезъ огненную рѣку (= объятая грозовымъ пламенемъ тучи) и очиститься отъ своихъ прошлыхъ грѣховъ въ ея бурныхъ, клокочущихъ волнахъ (см. стр. 22).

¹⁾ Germ. Mythen, 147—8, 356.—²⁾ Срп. рјечник, 67, 367; въ заговорѣ противъ моры высказывается желаніе, чтобы она „ушла у јајску л(ъ)усву, утопила се у морску пучину“. — ³⁾ Germ. Mythen, 346, 415-8; Weiräbe zur D. Myth., II, 273.

Млечный путь и мостъ-радуга въ поэтическихъ сказаніяхъ индоевропейскихъ народовъ представлялись священными дорогами, по которымъ боги сходили съ высокаго неба на землю; тѣми же дорогами слѣдовали и души усопшихъ, устремляясь въ пресвѣтлый рай. Въ ведическихъ пѣсняхъ нерѣдко упоминается о дорогѣ, шествующую — боги нисходятъ къ воспріятію приносимыхъ имъ жертвъ; въ Ригъ-Ведѣ возглашатель гимна обращается къ божественнымъ мартутамъ съ мольбою не допустить его странствовать по пути Ямы, т. е. не обрекать его смерти, а если уже такая судьба неизбежна, то защитить отъ владычицы ада — Nirrti. «Иди, возглашалось усопшему, по тому пути, какимъ прежде шествовали наши предки; ты долженъ узрѣть высокыхъ властителей Яму и Варуну». Путь Ямы раздѣлялся вдвое: одна дорога вела внизъ—въ адскіе вертепы (=въ мрачныя пещеры тучь), а другая вверхъ — въ свѣтлое небо. Двѣ четырехглазныя собаки оберегаютъ дорогу, ведущую къ жилищу Ямы, гдѣ души праведныхъ успокоиваются отъ своего блужданія; сходно съ этимъ греческій андъ охранялся трехглавымъ Церберомъ. По указанію другихъ гимновъ, собака, какъ воплощеніе вихря или грозового облака, сопровождаетъ души въ царство блаженныхъ предковъ; отсюда объясняется и слѣдующій суевѣрный обрядъ, къ которому донинѣ прибѣгаютъ на Русь: когда умирающій страдаетъ отъ долгой агоніи, крестьяне наши—съ цѣлію ускорить исходъ души изъ тѣла, разбираютъ надъ его головою потолокъ и крышу и сквозь сдѣланное отверстіе протаскиваютъ изъ хаты на дворъ черную собаку. Сверхъ того, индусы вѣрили, что душа, шествующая въ царство отцовъ, перевозится черезъ бурный потокъ (Vaitarani) и мостъ смерти облачною коровою. Такое вѣрованіе опредѣлило самую обстановку похороннаго обряда: корова влекла трупъ усопшаго къ костру; позади печальной колесницы де

мѣста погребенія вели черную корову, которая потомъ была убиваема; мясо ея возлагалось на костеръ вмѣстѣ съ покойникомъ, покрывалось снятою кожею, и все это предавалось огню. Думали, что убитая и сожженная корова явится на томъ свѣтѣ, что усопшій схватится за ея хвостъ и что животное это перенесетъ его черезъ глубокий потокъ. Тоже значеніе придавалось первоначально и сожженію съ трупомъ мертвеца коней, собакъ и кошекъ — обычай, соблюдаемый нѣкогда и славянами (см. гл. XXIX). Путь Ямы, эта «божья дорога и тропа блаженныхъ», есть путь млечный, который у разныхъ народовъ получилъ названіе «дороги» — по тому впечатлѣнію, какое производитъ на глазъ зрителя его длинная, тянущаяся по всему небесному своду полоса. У германцевъ извѣстны для млечнаго пути слѣдующія названія: а) Iringes wѣe или strāza (Iringsweg, Iringstrasse, Euringsstrasse, Ermingstraet). Irinc, Irmin (древнѣйшая форма должна быть: Irimo или Arimo) признавался божественнымъ героемъ, родоначальникомъ нѣмецкаго племени. Въ Ведахъ млечный путь называется дорогою Ариамы (Aryamaṇa mahān patha), кроткаго властителя въ странѣ усопшихъ предковъ, съ именемъ котораго въ несомнѣнномъ родствѣ стоитъ національное прозваніе аріевъ. Какъ въ санскритѣ агуа, въ зендѣ aigua означаетъ: лучший, почетный, господинъ, такъ въ ирл. ег—герой, великій, благородный, въ армян. aḡi—храбрый ¹⁾. б) Helweg—путь, ведущій въ загробное царство Геллы, и в) нижненѣм. kappat, kuhpfad—санкр. gōpatha—коровій путь, т. е. дорога, по которой умершіе слѣдуютъ за небесной коровою. Этимъ послѣд-

¹⁾ „Die Kelten (замѣчаетъ Маннгардтъ) haben in alter zeit denselben stammgott unter dem namen Erimon, Eirimon verehrt, nach ihm fährte das grüne Erin (Irland) und das volk der Iren den namen.“

нимъ названіемъ поясняется и словенское *šàvga, šàvgriza* (пестрая, съ черными пятнами корова)—слово, употребляемое для обозначенія млечнаго пути и радуги; у чеховъ есть поговорка: «*čeg na křáva mi na pohň šlápla*»¹⁾. Як. Гриммъ приводитъ указанія, свидѣтельствующія, что въ млечномъ пути видѣли дорогу Одина: *Wuotanes wæg, Wuotanes strāza*²⁾; созвѣздіе Большой Медвѣдницы, въ которомъ издревле усматривали колесницу, называлось *luminiswagen* и *Woonswaghen* (*Woenswaghen* = *wagen des Wōdan*), а въ Голландіи оно слыветъ *Helwaghen* (*wagen des totenreichs*): ясное доказательство, что на это созвѣздіе было перенесено старинное преданіе о небесной колесницѣ, на которой души усопшихъ перевозились въ царство Одина³⁾. Литовцы называютъ млечный путь *raukščziū kielės*, т. е. птичья дорога (тоже означаетъ и финское *linpunrata*); потому что души, возносящіяся по этой дорогѣ на небо, представлялись легкокрылыми птицами⁴⁾. Еще до сихъ поръ литовцы, когда умретъ кто-нибудь въ семействѣ, увѣряютъ, что они видѣли покойника — какъ онъ пронесся на бѣрзномъ конѣ по птичьей дорогѣ (млечному пути), съ тремя звѣздами въ рукѣ, и вступилъ въ селенія вѣчнаго блаженства⁵⁾. Въ нашихъ областныхъ говорахъ млечному пути даются названія: а) въ нижегородской губ. *мышинны тропки* (мышинная тропка), что указываетъ на древнѣйшее представленіе душъ мы-

¹⁾ Zeitschrift für vergleichen. Sprachforschung 1852, IV, 311; Die Götterwelt, 34, 52, 59, 70, 265—7; Germ. Mythen, 731—4; D. Myth., 330—5, 695, 899; Andent. eines Systems der Myth., 239—240; Пякте, II, 583—4; Гануша: Дѣдъ и Баба, 6, 60. — ²⁾ D. Myth., 138, 263. — ³⁾ Die Götterwelt, 132. — ⁴⁾ D. Myth., 331; Die Wissenschaft des slawisch. Mythus. 272; Черты литов. нар., 69. — ⁵⁾ Ж. М. Н. П. 1844, IV, ст. Боричевск. 36. У киргизовъ млечный путь также называется птичьей дорогою — Москв. 1853, XXII, 73.

шамъ (см. ниже стр. 299); b) въ тульской губ. становище — мѣсто для отдыха дорожныхъ людей, странниковъ; c) въ пермской губ. путь въ Іерусалимъ, и во многихъ другихъ мѣстностяхъ поселяне убѣждены, что блѣющая полоса млечнаго пути указываетъ дорогу въ этотъ святой городъ, т. е. собственно это — путь, ведущій въ божій градъ, въ небесный Іерусалимъ или рай. Въ Германіи есть преданіе, что Вуотанъ ѣздитъ ночью въ Іерусалимъ и забираетъ съ собою въ колесницу своихъ храбрыхъ ратниковъ. d) Въ тамбовской и тульской губ. млечный путь извѣстенъ подъ именемъ Батыевой дороги; рассказываютъ, что дорога эта идетъ отъ желѣзныхъ горъ, въ которыхъ заключены татары, т. е. она примыкаетъ къ тѣмъ адскимъ вертепамъ облачныхъ горъ, гдѣ мучатся «дивніи народы» — великаны разрушительныхъ бурь и грозъ. Мнѣчскія сказанія объ этихъ послѣднихъ въ средніе вѣка были перенесены на суровыхъ, дикихъ ночевниковъ, безпощадно-опустошавшихъ русскую землю и названныхъ потому «бичемъ божіимъ». Въ ярославской же губ. между раскольниками сохраняется преданіе о священномъ городѣ, скрытомъ подъ глубокими водами и населенномъ благочестивыми старцами; въ этотъ городъ, напоминаящій заоблачное царство «отцевъ», ведетъ Батыева дорога ¹⁾).

Въ скандинавской миеологіи радуга — чудесный мостъ, перекинутый черезъ воздушное море; Геймдалль, сынъ Одвна, стоитъ на немъ безсиѣннымъ стражемъ и оберегаетъ путь въ свѣтлое небо. Подобное представленіе у насъ соединяется съ головой млечнаго пути, которую въ тульской губ. называютъ носарь; увѣряютъ, что тамъ стоятъ на стражѣ четыре коса-

¹⁾ Обл. Сл., 8, 118, 214; Доп. обл. сл., 222, Владим. Г. В. 1844, 52; Сахаровъ, II, 62—63; Рус. въ св. посл., IV, 43; Beiträge zur D. Myth., 158.

ря и рубить всякаго, кто вздумаетъ пройти эту заповѣдную дорогою; коса — эмблема и орудіе богини Смерти. Индусы и персы думали, что души усопшихъ должны переходить черезъ мостъ испытанія, что праведные легко совершаютъ этотъ переходъ, а грѣшныя низвергаются съ моста въ огненную рѣку. По народному повѣрью германцевъ, души праведныхъ ведутся на небо черезъ воздушный мостъ-радугу ангелами-хранителями. Негмбднг, посланный къ усопшему Бальдуру, долженъ былъ перейти по блестящему золотомъ мосту, перекинутому черезъ шумный потокъ; замѣчательны слова, обращенныя къ нему оберегательницею этого пути: «подъ тобою звучитъ мостъ слыиѣе, чѣмъ звучалъ онъ подъ пятою толпами усопшихъ, которые вчера переѣхали на ту сторону.» Тяжелая поступь живыхъ противопоставляется въ этихъ словахъ едва-слышной поступи мертвыхъ; какъ существа воздушныя, какъ неуловимыя тѣни, усопшіе также легки на ногу, какъ и родственныя имъ эльфы. Въ нѣкоторыхъ сагахъ разсказывается о переходѣ цверговъ черезъ узкій мостъ; каждый изъ нихъ, вступая на мостъ, бросаетъ въ нарочно-поставленный сосудъ пошлину, что соответствуетъ платѣ, вносимой душами за перевозъ ихъ черезъ всесвѣтное море или рѣку. Никто изъ живыхъ не можетъ безнаказанно присутствовать при этомъ переходѣ цверговъ; когда они движутся по мосту, то производятъ такой-же шумъ, какъ-бы переходило по вѣмъ стадо овецъ ¹⁾. Снаряжая покойника въ далекій замгильный путь, нѣмцы клали ему въ гробъ странническій посохъ и новую обувь (todtenschuh ²⁾); наши крестьяне надѣвають ему новые лапти, чтобъ они долѣе носились на томъ свѣтѣ (нижегород. губ.).

¹⁾ D. Myth., 335—6, 696, 794—5; Доп. обл. сл., 90; Сахаров., II, 63; Germ. Mythen, 363. — ²⁾ D. Myth., 795; Ч. О. И. и Д. 1860, IV, ст. Вейнгольда: „Разн. роды погребенія у нормановъ“, 348.

Вступая въ средѣ стихійныхъ духовъ, тѣни усопшихъ раздѣляютъ и ихъ судьбу. Въ зимній періодъ года окованныя стужей и морозами—онѣ повергаются въ тоже опѣпѣніе, въ тотъ-же долгій сонъ, какъ и всѣ творческія силы природы, и пребываютъ печальными узниками, заключенными въ мрачныхъ подземельяхъ тумановъ и снѣжныхъ тучъ—въ этомъ холодномъ царствѣ Зимы, которая издревле отождествлялась съ богиней смерти и ада. Весною же, вмѣстѣ съ возрожденіемъ солнца и бога-громовника, души пробуждаются (воскресаютъ) для новой жизни, заявляютъ свою дѣятельность въ шумныхъ грозахъ и дождевыхъ ливняхъ и открываютъ ясное небо, или выражаясь мифическимъ языкомъ: обрѣтаютъ источникъ живой воды и пресвѣтлый рай. По вѣмецкимъ сказаніямъ, злые демоны захватываютъ Гольду и подвластныя ей души и держатъ ихъ въ плѣну въ продолженіи семи зимнихъ мѣсяцевъ; окутывая небо снѣжными облаками, они запираютъ Engelland, т. е. скрываютъ эту блаженную страну отъ людскихъ взоровъ, и ломаютъ ключъ, которымъ она заперта. Только на короткое время Рождественскихъ Святковъ, когда народившееся солнце оророчитъ о грядущей веснѣ, открывается небо и души-эльфы спѣшатъ посѣтить жилища своихъ родичей; въ эти святые дни домохозяева накрываютъ для нихъ столы и готовятъ жертвенныя яствы. Полное освобожденіе Гольды и вѣфовъ совершается весною и тогда-же наступаетъ обычная пора сношеній между усопшими и живыми ¹⁾. Въ русскомъ народѣ ходитъ сказаніе, что гдѣ-то далѣко есть царство, въ которомъ люди умираютъ на зиму и воскресаютъ на вешній Юрьевъ день (23-го апрѣля), т. е. на праздникъ бога-громовника, пробудившагося отъ зимняго сна ²⁾. Во время зимы, по народному повѣрью, покойни-

¹⁾ Germ. Mythen, 491—523, 725—7. — ²⁾ Цебриков., 280; Сл. Мнѣ., 81.

ни испытываютъ холодъ, мракъ и тоску; наканунѣ Рождества Христова в Крещеніа поселане жгутъ посреди дворовъ навозъ, чтобы родители (усоншіе) могли согрѣться на томъ свѣтѣ ¹⁾. Встрѣчая весну, славяне прогоняли изъ своихъ селъ Марану, богиню зимы и смерти; ибо съ возвратомъ теплаго солнца свѣтъ побѣждаетъ нечистую силу мрака и холода, жизнь торжествуетъ надъ смертію. Съ наступленіемъ марта у всѣхъ славянъ начинаются обрядовыя посѣщенія кладбищъ; въ первый девъ этого мѣсяца, передъ самымъ восходомъ солнца, лужичане, чехи и поляки ходятъ на кладбища съ зажженными факелами, служатъ тамъ панихиды и оставляютъ на могилахъ разныя яства; они думаютъ, что вмѣстѣ съ обновляющейся природою мертвецъ чуютъ духъ жизни и обрѣтаютъ утраченныя силы. Лужичане возглашаютъ при этомъ слѣдующія знаменательныя слова: «смерть мы погасили, новую жизнь зажгли!» ²⁾ На Руси, по свидѣтельству Стоглава, рано въ четвергъ (день, посвященный громовнику, рукою котораго возжигается пламя жизни) на седьмой недѣлѣ великаго поста жгли солому и кликали мертвыхъ. Отсюда объясняется обычай полагать умирающаго на солому ³⁾ и давать ему въ руки зажженную свѣчу, какъ знаменіе будущаго воскресенія. Въ апрѣлѣ-мѣсяцѣ покойники, по мнѣнію поселанъ, скорбятъ о прежней жизни и

¹⁾ Послов. Далъ, 1003; Въст. Р. Г. О. 1853, III, 8—9. У русиновъ существуетъ обычай жечь послѣ Колады солому, что называется у нихъ сожженіемъ дыда (Пантеонъ 1855, V, 47). — ²⁾ Терещ., III, 119—120; V, 3. — ³⁾ Какъ скоро у больнаго начинается предсмертная агонія, его перекладываютъ съ перины на солому; если не сдѣлать этого, душа будетъ мучиться и отдастъ на томъ свѣтѣ отвѣтъ за каждое перушко въ постели—Сынъ Отеч. 1839, VIII, 84; Иллюстр. 1846, 172. Если соломинка пристанетъ къ хвосту курицы — въ домѣ будетъ покойникъ (Архивъ ист.-юрид. свѣд., I, ст. Кавел., 12).

жаждутъ свиданія съ своими родственниками; чтобы утѣшить ихъ, старухи выходатъ раннямъ утромъ на могилы и окликаютъ родителей, причитывая: «ужь ты, солнце, солнце некое! ты взойди-взойди со полуночи, освѣти свѣтомъ радостнымъ всѣ могилушки, чтобы нашимъ покойничкамъ не во тьмѣ сидѣть, ни съ бѣдой горевать, ни съ тоской вѣковать. Ужь ты, мѣсяцъ, мѣсяцъ ясный! ты взойди-взойди со вечера, освѣти свѣтомъ радостнымъ всѣ могилушки, чтобы нашимъ покойничкамъ не крушить во тьмѣ своего сердца ретиваго, не скорбѣть во тьмѣ по свѣту бѣлому, не проливать во тьмѣ горючихъ слезъ по милымъ дѣтушкамъ. Ужь ты, вѣтеръ, вѣтеръ буйный! ты возвѣй-возвѣй со полуночи, принеси вѣсть радостну нашимъ покойничкамъ, что по нихъ ли всѣ родные въ тоскѣ сокрушились» ¹⁾). При началѣ весны, когда языческій культъ чествовалъ обновленную природу и пробудившихся отъ зимняго сна «предковъ», христіанская церковь установила праздники Лазарева воскресенія (въ субботу на шестой недѣлѣ великаго поста) и Пасхи или Свѣтло-Христова Воскресенія, съ которыми нераздѣльна мысль о несомнѣнной побѣдѣ жизни надъ смертію. Къ этому времени главнѣйшимъ образомъ относится и поминованіе мертвыхъ. На первый день Пасхи отпирается небо, и въ продолженіи всей Свѣтлой недѣли души усопшихъ постоянно обращаются между живыми, посѣщаютъ своихъ родственниковъ и знакомыхъ, пьютъ, ѣдятъ и радуются вмѣстѣ съ ними ²⁾); а скончавшіеся въ эту седмицу вступаютъ, по народному повѣрью, въ отверстыя врата рая. Точно также, по мнѣнію чеховъ, кто умретъ въ страстную пятницу, страстную субботу, или въ Зеленый четвергъ, тому прощаются всѣ содѣянные имъ грѣхи ³⁾). На

¹⁾ Сахаровъ, II, 23. — ²⁾ Ibid., 83; Чернигов. Г. В. 1853, 23.
— ³⁾ Грохавъ, 189.

Свѣтлый праздникъ, Красную Горку и Радунницу (на Оминой недѣлѣ) красятъ яйца и ходятъ съ ними на кладбище христосоваться съ покойными родителями и родственниками. Обращаясь къ усопшимъ, произносятъ обычныя слова: «Христосъ воскрес!» Затѣмъ катаютъ съ могильныхъ пригорковъ красныя яйца и тутъ-же зарываютъ ихъ въ землю. Яйцо у всѣхъ языческихъ народовъ служило символическимъ знакомъ возрожденія къ новой жизни. Какъ на востокѣ (у персовъ) весеннее пробужденіе природы чествовалось красными яйцами, такъ и у насъ принято на Красную Горку закладывать весну съ краснымъ яйцомъ въ рукахъ, и вообще красныя и желтыя яйца считаются необходимою принадлежностью праздничныхъ обрядовъ, совершаемыхъ въ дни Пасхи, Радунницы, Семика и Троицы. Всякому, кто умираетъ на Святой недѣлѣ, даютъ въ руки красное яйцо, съ которымъ и опускаютъ его въ могилу, дабы на томъ свѣтѣ онъ могъ похристосоваться съ своими родичами ¹⁾. Въ Малороссіи, какъ было уже замѣчено, бросаютъ въ воду скорлупу крашенныхъ яицъ, чтобъ она донесла усопшимъ вѣсть о праздникѣ Воскресенія Христова, извѣстномъ въ южной Руси подъ именемъ Великаго дня. Вѣсть эта доходитъ къ нимъ въ четвергъ русальной недѣли, въ который и празднуется на томъ свѣтѣ навскій (мертвецкій) Великій день или Великій день русалокъ, а на землѣ совершаются семиднежные обряды въ честь умершихъ предковъ. По другимъ преданіямъ, навскій Великій день празднуется въ четвергъ пасхальной недѣли, или вслѣдъ за масленицею — въ первый понедѣльникъ великаго поста, или (какъ думаютъ въ Галиціи) на Преполовеніе, т. е. въ среду четвертой недѣли

¹⁾ Сахаровъ, II, 75, 81, 85; Отв. Сб., I, 192, 226; Записки Авдѣев., 121; Вѣст. Евр. 1818, XLI, 412; Вѣст. Р. Г. О. 1853, VI, 85; Илльчъ, 123.

по Пасхѣ ¹⁾: очевидно, это — праздникъ воскресенія мертвыхъ, время котораго древле совпадало съ началомъ весны. Ночью на мертвецкѣй Великѣ день покойники встаютъ изъ гробовъ, оставляютъ деревенское кладбище, и одѣтые въ бѣлые саваны собираются въ приходскую церковь; давно-умершіе попы облачаются въ ризы, освѣщаютъ церковь и совершаютъ торжественную службу, по окончаніи которой всѣ предстоящіе христосуются (харьков. губ.). На Семицкой недѣлѣ въ поляхъ и рощахъ показываются русалки и мавки; крестьяне ходятъ тогда на кладбища, творятъ поминки, опахиваютъ (обметають вѣтками) могилы и катаютъ по нимъ красныя и желтыя яйца. Какъ на Пасху крошатъ на могилахъ яйца для птицъ, такъ на Семицкѣ бьютъ ихъ и кладутъ на могилы для покойниковъ, которые, по мнѣнію народа, охотно принимаютъ и вкушаютъ это приношеніе. Въ день Семика и на Троицу крестьянки готовятъ яшнницу и несутъ въ дѣсь, при пѣніи обрядовыхъ пѣсень:

Радуйтесь, бѣлыя березоньки!
Идутъ къ вамъ дѣвушки,
Несутъ къ вамъ яшнницу.
Ю, ю, Семицкѣ да Троица! ²⁾

При обрядѣ крещенія кукушекъ также употребляются крашенныя яйца. Выше (стр. 142) мы привели свидѣтельства, что въ старину, празднуя «русальи», было въ обычаѣ наряжаться въ звѣринныя шкуры, что служило символическимъ знаменіемъ тѣхъ облачныхъ покрововъ, въ которыхъ являются стихійные духи; эти «ряженые» заводили шумныя игры, пѣсни и пляски — подобно тому, какъ пробужденные отъ зимняго

¹⁾ Рус. Ист. Сб., III, 146—7; Полтав. Г. В. 1845, 22; Волын. Г. В. 1866, стр. 356—7; Прост. рус. праздн., IV, 9. — ²⁾ Сахаров., II, 83—84; Вост. Р. Г. О. 1853, VI, 85; Терещ., VI, 146, 152, 163—5, 175—6.

сна духи кружатся въ буйной пляскѣ вихрей и запѣвають дикую грозовую пѣсню. Древніе чехи, при совершеніи поминокъ по мертвымъ, бѣгали ѿнаряженные въ шутовскія (ско-моршны) одежды и личины и предавались неистовому веселью ¹⁾. Понятно, что поминальные празднества должны были получить двойственный характеръ: съ одной стороны оставшіеся въ живыхъ горевали по своимъ покойнымъ родичамъ, лили о нихъ слезы и сожалѣли о вѣчной съ ними разлукѣ; а съ другой, признавая усопшихъ за существа стхійныя, они считали религиознымъ долгомъ участвовать въ ихъ шумной радости при весеннемъ пробужденіи природы. Такой двойственный характеръ древней тризны и донынѣ остается любопытною чертою народныхъ поминокъ (см. гл. XXIX).

Стхійныя явленія природы рисовались фантазіи древняго человѣка въ различныхъ образахъ, воплощались въ тѣ или другія животныя формы и даже принимали на себя подобіе нѣкоторыхъ неодушевленныхъ предметовъ. Согласно съ этимъ, душамъ-эльфамъ была приписана чудесная сила превращенія. Мы знаемъ, что душа, по мнѣнію нашихъ предковъ, излетала изъ человѣческаго тѣла птичкою, мотылькомъ или другимъ крылатымъ насекомымъ, и въ этомъ видѣ возносилась въ царство блаженныхъ. Подъ вліяніемъ такого возрѣнія, въ исчезновеніи насекомыхъ и отлетѣ птицъ осенью стали усматривать удаленіе душъ въ небесныя области, гдѣ по все продолженіе зимы осуждены онѣ пребывать въ плѣну, подъ крѣпкими запорами демоническихъ силъ; наоборотъ въ появленіи насекомыхъ и прилетѣ птицъ весной почерпалось твердое убѣжденіе, что настала пора освобожденія, что небо отверзло свои врата и души поспѣшаютъ посѣтить землю. Нѣ-

¹⁾ Терещ., III, 79; Ч. О. И. и Д., годъ 2, II, ст. Мацѣвскаго „Очеркъ исторіи письменности и просвѣщен. слав. нар. до XIV вѣка“, 31.

мецкія преданія представляютъ анста, лебеда, бабочку и жука то проводниками усопшихъ въ блаженный Engelland, то приносителями младенческихъ душъ, посылаемыхъ Гольдою на попріще земной жизни, то наконецъ видятъ въ нихъ самыя души. Осенью, когда птицы улетаютъ въ теплыя страны, анстъ возвращается въ свое небесное отечество — Engelland, сбрасываетъ съ себя пернатую одежду и получаетъ человѣческій обликъ, а въ весеннюю пору снова спускается на землю легкрылой птицею и гнѣздится на домовой кровлѣ, въ сосѣдствѣ дружественныхъ ему людей ¹⁾. По нашимъ повѣртіямъ, весеннія птицы прилетаютъ изъ вирія, приносятъ золотые ключи и отпираютъ свѣтлое небо и дождевые источники: «прилетѣлъ куликъ изъ заморья, принёсъ весну изъ неволя» (сравни II, стр. 138, 450). Въ Германіи думаютъ, что ключъ отъ Glasberg'a (т. е. небснаго свода) обрѣтается лебедемъ ²⁾. Поэтому русскіе поселяне встрѣчаютъ этихъ птицъ, какъ долго-жданныхъ и пріятныхъ гостей, и нарочно рассыпаютъ для нихъ въ мартѣ и апрѣлѣ-мѣсяцахъ льняное и конопляное сѣмя по своимъ дворамъ ³⁾. При началѣ весны, особенно 25-го марта—въ день благой вѣсти о воплощеніи «праведнаго солнца» Христа — и на праздникъ его Свѣтлаго Воскресенія, существуетъ обычай выпускать птицъ на волю изъ кѣтокъ ⁴⁾: символическій обрядъ, знаменующій освобожденіе стихійныхъ геніевъ и душъ изъ той неволи, въ какой томились они—заключенные злыми демонами зимы. Первый прилетѣвшій анстъ, первая ласточка или кукушка почти у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ привѣтствуются, какъ вѣстники благодатной весны; съ ихъ прилетомъ связываютъ начало теплой и ясной погоды. Стрѣляютъ въ этихъ птицъ и ра-

¹⁾ Germ. Mythen, 371—4, 397—400, 523. — ²⁾ Рус. въ св. посл., IV, 26. — ³⁾ Сахаров., II, 18, 26. — ⁴⁾ Терещ., VI, 97—98.

зорять ихъ гнѣзда считается за величайшій грѣхъ. Французы и нѣмцы называютъ ласточку «птицею Господа Бога»; на Руси она почитается святою, а у чеховъ — птичкою Богородицы ¹⁾; кукушка, по указанію старинной польской хроники, была посвящена Живѣ, богинѣ міровой жизни (= весны), плодородія и любви, и принималась за ея воплощеніе (см. гл. XXVIII). Прилетая изъ вирія, изъ той заоблачной страны, откуда нисходятъ души новорожденныхъ, куда удаляются усопшіе и гдѣ пребываютъ дѣвы судьбы (парки, норны, роженницы), кукушка вѣдаетъ часы рожденія, брака и смерти. Девчонки замужнія женщины спрашиваютъ кукушку, сколько будетъ у нихъ дѣтей, а дѣвчонки — скоро ли будутъ сосватаны и какъ долго проживутъ въ брачномъ союзѣ? Сколько разъ прокукуетъ кукушка, столько лѣтъ суждено оставаться въ дѣвкахъ, или столько лѣтъ быть за мужемъ. Точно также, заслышавъ впервые весенней порою кукушку, обращаются къ ней съ вопросомъ: сколько лѣтъ остается жить на бѣломъ свѣтѣ? Отвѣты ея признаются за пророчество, посылаемое свыше: по выраженію малорусскихъ пѣсень, «що вона ковала — промижъ святыхъ чувала», т. е. слышала на томъ свѣтѣ, въ царствѣ блаженныхъ; «що вона ковала — тому стати й бути!» ²⁾ Если ласточки и голуби летаютъ около дома во время свадебнаго пиршества, это предвѣщаетъ молодымъ счастье въ супружествѣ; вьется ли ласточка возлѣ оконъ — въ томъ домѣ, по народной примѣтѣ, скорѣ просватаютъ невѣсту ³⁾. Маленькой жучокъ — *coccinella septempunctata* назы-

¹⁾ Beiträge zur D. Myth., II, 432; Громовникъ, 70. — ²⁾ Сборн. украин. пѣсень, 56. — ³⁾ Кто носитъ при себѣ сердце ласточки, тотъ (утверждаютъ нѣмцы) будетъ любимъ всѣми свѣтомъ; по французскому повѣрью: чтобы обрѣсти любовь дѣвчонки, должно подарить ей золотое кольцо, которое девять дней лежало въ гнѣздѣ ласточки. На Руси берутъ корень травы, называемой «кукушкинымъ»

вался идуеами Indra-gōra; литовцы называютъ его Dev-ozys (ozelis) или Perkuno-ozys—небесная или Перунова козочка, нѣмцы—Gotteskühle, Gotteskalb, Herrgottsvöglein, Marienkäfer, Marienvöglein, Marienhenn, Frauenküh, sonnenkäfer, sonnenkalb, русскіе — божья коровка и солнышко (солечко), чехи—boží kravička, sluníčko, slunečnice, полаки—babin-ka, сербы — бабе. Исчисленные нами названія, а равно и причитавія, съ какими обращаются къ этому наѣтому, (такъ называемыя «sonnenlieder») свидѣтельствуютъ, что оно было посвящено Фреѣ или Гольдѣ, нѣсто которыхъ въ христіанское время стали разумѣть Дѣву Марію; у славянъ это — богиня Лада, прекрасная дѣва зорь, дарующая дневной свѣтъ и цвѣтушую весну. Отчизна «божьей коровки» есть пресвѣтлый рай—Engelland или небесный колодець, откуда и прилетаетъ она къ намъ весеннимъ гостемъ. Вотъ свидѣтельства народныхъ причитавій:

- a) Marienwürmken flig furt,
Flig furt nach Engelland!
Engelland ist zugeschlossen,
Schlüssel davon abgebrochen.
- b) Herrgottspferdchen fliege,
Vater ¹⁾ ist im kriege,
Mutter ²⁾ ist in Engelland,
Engelland ist abgebrannt.
- c) Herrgottspferdchen fliege weg,
Dein häuschen brönnnt,
Dein kähnenchen schwimmt,
De ne kinderchen schreien nach butterbrod,

слемы» (orchis maculata или latifolia), топять его въ водѣ, и при-готовленный отваръ даютъ пить молодой чегѣ, чтобы она жила согласно и любовно; по этому-же корню гадаютъ — кого родить замужняя женщина: сына или дочь?—Beiträge zur D. Myth., I, 247; O. Z. 1848, V, ст. Харитонов., 15, Вѣст. Р. Г. О. 1853, I, 59.—

¹⁾ Небесный владыка, отецъ боговъ и людей. — ²⁾ Фрея или Гольда.

или: deine kinder weinen alle mit einander. Въ другихъ пѣсняхъ говорится: flieg in den himmel, flieg in's Herrgottsgärtchen, т. е. лети въ небесное царство, въ сады блаженныхъ — Engelland; это царство, которое до сего времени было замкнуто зимнею стужей и омрачено сплошными тучами, уже загорѣлось пожаромъ весенней грозы и владыка его (= богъ-громовникъ) вступилъ въ борьбу съ демонами. Жунъ представляется здѣсь, какъ проводникъ малютокъ душъ; посѣщая въ райскія области, онѣ переплываютъ воздушный океанъ въ легкой ладѣ или переносятся черезъ него на крыльяхъ солнечнаго жука, почему этотъ послѣдній и называется божьимъ конемъ. По основному представленію, Marienkäfer самъ есть воплощеніе души = мары (markkäfer); на сѣверѣ coccinella извѣстна подъ именемъ marihoene. Подобно тому бабочку называютъ въ Норвегii marihoena, шриhoene; мотыльку libelle въ Германii даютъ названіе Gottespferd, а на шведскихъ островахъ — hogsho-måga = pferdemår; точно также сербы именуютъ бабочку вилинымъ конемъ, а къ жуку coccinella обращаются съ званіемъ: маро! Комары, мухи и другія насекомыя, привлекающія весною по словамъ русскихъ поселянъ изъ вѣрiя, по нѣмецкому повѣрью приплываютъ на кораблѣ изъ царства эльфовъ (Elbenreich). При заревѣ небснаго пожара, объемяющаго это царство, дѣти = мары плачутъ и просятъ хлѣба, т. е. льютъ дожди и призываютъ на землю плодородіе. Вслѣдъ за пронесшеюся грозою и пролившимися дождями, небо просвѣтляется и ясное солнце выходитъ изъ-за темныхъ тучъ, или выражаясь поэтическимъ языкомъ народныхъ причтаній — Маринъ жукъ выводитъ весеннее солнце изъ облачныхъ колодець:

a) Käfer!, käfer!
 flieg nach Mariabrunn
 und bring uns å schõne sunn.

b) Goldhennel lass die sonne scheinen, die regenwolke, den wolkenfleck lass den wind vertreiben, klar auf im süden, die wolken gehn nieder im norden.» Поэтому Мари́на жука называютъ *sunpenschieken*, и увѣряютъ, что если убить его, то на другой день не будетъ солнца, т. е. жукъ не полетитъ на небо и не принесетъ хорошей погоды. Въ Швабін его величаютъ *sonnenkind* (= рус. солнышко); кто его убьетъ, тотъ попадетъ въ адъ ¹⁾. Чтобы освободить дневное свѣтило, дать просторъ его лучамъ, жукъ отпираетъ небо золотымъ ключемъ—молніей. Маленькихъ золотистыхъ жуковъ шведы называютъ *Jungfrau Maria's schlüsselmagd*; въ числѣ другихъ воззваній, обращаемыхъ къ *Mariekäfer'u*, встрѣчаемъ и слѣдующее: «*flieg auf, flieg mir in den himmel n'auf, bring a goldis schlüssela runder und a goldis wickelkinda drunder.*» Вмѣстѣ съ солнечными лучами, обрѣтаютъ свободу и души-эльфы, полоненные демонами зимы и мрака. По свидѣтельству одной саги, жукъ вырылъ изъ-подъ земли ключъ, съ помощію котораго были отворены двери горы (= тучи) и освобождены заключенныя тамъ дѣти. На близкія отношенія рогатаго жука къ молніеносному пламени указываютъ придаваемыя ему названія: *donner-gueg, donner-puppe, feuerschröter, fürböter (feueranzünder), haus-bröppner*; народное повѣрье утверждаетъ, будто онъ носитъ на своихъ рогахъ горячіе уголья и, въ случаѣ причиненной ему обиды, бросаетъ ихъ на кровлю дома и производитъ пожаръ; присутствіе такого жука въ жилищѣ зданіи привлекаетъ туда грозовый ударъ. Повѣрья эти стоятъ въ несомнѣнной связи съ баснею объ ангстъ-принесителѣ небеснаго огня и съ представленіемъ молній летучими настькомыми (пчелами). Кобольды нерѣдко принимаютъ образъ жука или

¹⁾ Наоборотъ, кто поставитъ навознаго жука, лежащаго на спинѣ, на ноги—тотъ очищается отъ семи грѣховъ.

шмеля. Наравнѣ съ нѣщами, славяне обращаются къбожьей коровкѣ съ тѣми-желюбопытными причитаніями. Чехи и моравы, сажая это настѣкомое на руку, произносятъ: а) «sluničko, sluničko! kam poletíš—do nebe, neb do rekla?» (словенцы: «pověz ty ma, kdě sa vydám, či hore, či dolů, či k milemu Bohu?») б) «let' do nebes (яли: na zlate okènkò — къ солнечному восходу, на окно богини Зори), pověz mi—v yjde li sluničko dnes?» («bude li zítra s vitit slunèčko?»¹⁾) в) «Sluničko božil tvůj došek hoří, dej pozor, at' ti neshoří» (сравни т. I, 242-3 — съ преданіемъ о Середѣ). Въ народной русской сказкѣ навозный жукъ заставляетъ разсмѣяться печальную Несмѣяну-царевну, т. е. вызываетъ на небо рунную зорю (см. I, 601-2). Убить «божью коровку» считается за великій грѣхъ, влекущій за собою разныя несчастія. Какъ кукушка повѣдаетъ о грядущемъ супружествѣ и долготѣ жизни, такъ тѣже предвѣщанія даетъ и Marienkäfer; посланникъ богини любви и жилецъ загробнаго царства, онъ знаетъ, когда человѣку суждено вступить въ брачный союзъ и когда наступитъ часъ его смерти. Въ Германіи дѣти сажаютъ Маринна жука на ладонь и начинаютъ считать: разъ, два, три, и такъ далѣе по порядку — до тѣхъ поръ, пока онъ не улетитъ; сколько успѣешь насчитать, настолько годовъ и продлится жизнь. Съ той стороны, куда направить онъ свой полетъ, дѣвнцы ожидаютъ жениха. Въ Малороссіи, Сербіи и Богеміи допрашиваютъ это настѣкомое: откуда ожидать сватовъ; «кажи, маро, (говорятъ сербскія дѣвочки) откуда ће сватови доћи?»²⁾

¹⁾ Переводъ: лети на небо и повѣдай мнѣ — выйдеть ли сегодня солнце, будетъ ли свѣтять оно завтра? — ²⁾ German. Mythen, 242—255, 346—356, 369—371; Beiträge zur D. Myth., II, 448—9; D. Myth., 656—8; Sonne, Mond u. Sterne, 69; Ганушъ: Дядь и Баба, 43—44; Дѣва, златовласая богиня, 15; Чешск. вѣсни Ёрбена, 78; Срп рјечник, 9.

Душа является не только птичкою или крылатымъ насекомымъ; она, по свидѣтельству нѣмецкихъ сагъ, можетъ исходить изъ открытыхъ устъ челоуѣка змѣею, мышью, кошкою и звѣрькомъ ласточкою. Однажды король Guntham заснулъ въ лѣсу на колѣнахъ своего вѣрнаго слуги; пока онъ спалъ изъ рта его выползла змѣя, приблизилась къ ручью и стала пытаться какъ-бы переправиться на другую сторону. Чтобы помочь ей, слуга положилъ черезъ ручей свой мечъ; змѣя скользнула по немъ, и перейдя на противоположный берегъ, исчезла въ горѣ. Спустя нѣсколько времени, она возвратилась тѣмъ-же путемъ назадъ и вошла въ спящаго короля. Вскорѣ затѣмъ король проснулся и рассказалъ, что ему видѣлось во снѣ, будто онъ переправлялся черезъ желѣзный мостъ въ гору, наполненную золотомъ. Объ одномъ мельникѣ рассказываютъ, что онъ рубилъ дрова на Шварцвальдѣ, и утомленный работою заснулъ; изъ него выползла мышь, пустилась бѣжать, и такъ какъ болѣе она не возвращалась, то мельника нашли мертвымъ. Другія саги повѣствуютъ: о ратникѣ, изъ котораго выходила ласточка (wiesel); о чортовой невѣстѣ (вѣдьмѣ), изъ открытаго рта которой выползла кошка или красная мышь, при чемъ оставленное таинственнымъ звѣрькомъ тѣло впадало въ сонное оцѣпенѣнiе. Въ поминальные дни, когда тѣни усопшихъ приходятъ на землю, въ Германiи считается непозволительнымъ убивать жабу и лягушекъ, потому что въ нихъ видѣ являются души ¹⁾. Малорусская легенда передаетъ видѣнiе старца: въ глубокою полночь собрался онъ въ путь, входитъ въ одну комору — тамъ «два свички стоятъ и два голуби цилуютца», входитъ въ другую комору — «и тамъ два свички горять и два гадюки кусаютца». Въ первой комнатѣ спали мужъ съ женою, жившіе между собой въ постоянной любви и согласiи,

¹⁾ D. Myth., 789, 1036; Germ. Mythen, 723.

а въ другой покоилась сномъ несогласная, враждующая чета ¹⁾. По чешскому повѣрью, если человѣкъ во время сна почувствуетъ сильную жажду—душа его выползаетъ въ открытыя уста въ видѣ маленькой змѣйки или бѣлой мыши и спѣшитъ напиться; если въ это время перевернуть спящаго въ другую сторону, то душа не найдетъ дороги въ покинутое ею тѣло—и человѣкъ умираетъ ²⁾. Преданія о змѣяхъ, вползающихъ въ сонныхъ людей черезъ ихъ разинутые рты, известны и между русскими поселянами (см. т. II, стр. 560). Змѣи, какъ воплощеніе небеснаго пламени молній, признаны были за родовыхъ пенатовъ, за духовъ-представителей усопшихъ предковъ и охранителей семейнаго счастья, за одинъ изъ главнѣйшихъ образовъ души человѣческой. Въ каждой избѣ, по мнѣнію чеховъ, обитаетъ гадъ - господарикъ (=домовой цмокъ), вмѣстѣ съ смертію котораго умираетъ и хозяинъ дома. У этого гада есть самка и дѣтеныши, съ жизнію которыхъ связано существованіе хозяйки и остальныхъ членовъ семьи (см. II, 539-540). Тоже суевѣріе уцѣлело и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи; въ нѣмецкихъ и славянскихъ сагахъ змѣи нерѣдко изображаются, какъ гении, охраняющіе колыбели младенцевъ; какъ скоро будетъ убита такая змѣя, тотчасъ-же умираетъ и младенецъ ³⁾. Любопытно, что слово щуръ—предокъ (II, 93) въ памятникахъ старинной письменности означаетъ кузнечика, а въ нѣкоторыхъ славянскихъ нарѣчіяхъ употребляется въ смыслѣ ужа и крысы ⁴⁾, подобно тому, какъ нѣм. heimchen означаетъ и сверчка, и душу-эльфа. Въ литовскомъ и волынскомъ Полѣсьи утверждаютъ, что усопшія вѣдьмы выходятъ по ночамъ изъ могилъ, выползая оттуда, сквозь узкія отверстія, въ ви-

¹⁾ Основа 1862, VI, 45—46. — ²⁾ Громанъ, 60. — ³⁾ Beiträge zur D. Myth., II, 443—4; Труды Археолог. Общ., в. II, стр. 174. —

⁴⁾ Лавровскаго: Корен. значеніе названій родства у славянъ, 35.

дѣ мышей и ящерицъ ¹⁾). Встрѣчая въ саду мышъ, чехи принимаютъ это за предвѣстіе близкой смерти кого-либо изъ своихъ родичей ²⁾). Выше было объяснено, что грызуны: мышъ, крыса и заяцъ служили для обозначенія разннхъ молній; вмѣстѣ съ этимъ они сроднились съ представленіемъ души, и Гомеръ, какъ мы видѣли, изображаетъ тѣни усопшихъ летучими мышами. Подобныя-же сближенія заставили олицетворять душу быстро-скользящую ящерицей, проворною ласточкой и сверкающею очами кошкою. Наконецъ жабы и лягушки приняты были за воплощеніе душъ (по преимуществу отверженныхъ, грѣшныхъ) на томъ основаніи, что въ этихъ гадахъ олицетворялись демоны разрушительной бури, ливней и града; какъ существа, замирающія на зиму и оживающія весною, какъ обитатели водъ и суши, жабы и лягушки были отождествляемы съ душами, о которыхъ общее вѣрованіе утверждало, что онѣ при началѣ весны освобождаются изъ темницъ Смерти и нисходятъ на землю изъ (облачныхъ) источниковъ и колодезѣвъ. Покидая тѣло, душа принимаетъ тѣ различные образы, какіе фантазія соединяла съ стихійною природою боговъ и демоновъ грозы, вихрей, облаковъ и другихъ воздушныхъ явленій. По свидѣтельству скандинавскаго мѣа, въ то самое время, какъ тѣло Одина лежало недвижимое, оцѣпенѣнное сномъ или смертію, духъ этого верховнаго бога быстро переносился въ отдаленныя страны, оборачиваясь птицею, звѣремъ, рыбою или змѣею ³⁾). Съ этимъ свидѣтельствомъ вполне совпадаетъ указаніе старинной статьи о запретныхъ книгахъ, которая въ числѣ другихъ чародѣйствъ упоминаетъ опрометныя лица звѣриныя и птичіи: «тѣло свое хранитъ мертво, и летаетъ орломъ и ястребомъ, и ворономъ, и дятлемъ, и совою, рыщутъ

¹⁾ Киевлянинъ 1865, 71. — ²⁾ Громанъ, 229. — ³⁾ D. Myth., 1037.

лютымъ звѣремъ и вепремъ дикимъ, волкомъ, летаютъ зміемъ, рыщутъ рысію и медвѣдемъ¹⁾. И донинѣ народъ, убѣжденный въ близкой, неразрывной связи колдуновъ и вѣдьмъ съ нечистою силою, рассказываетъ, что какъ скоро они предаются сну или обмираютъ—души ихъ освобождаются отъ тѣлесныхъ узъ, подвергаются различнымъ превращеніямъ и участвуютъ въ воздушномъ полетѣ демоновъ. Здѣсь коренится основа ученія о метемпсихозѣ или переселеніи душъ по смерти изъ одного тѣла въ другое. Украинцы думаютъ, что усопшій бываетъ поочередно муравьемъ (насткомымъ), птицей, звѣремъ, рыбою, и потомъ снова возрождается человекомъ²⁾; въ литовскомъ и волинскомъ Полѣсьи существуетъ вѣрованіе, что иногда, наказуя за грѣхи, Богъ облекаетъ душу человека въ тѣло того или другаго животнаго³⁾. О дѣтяхъ, приспанныхъ матерями, говорятъ, что они превращаются въ животныхъ, и вообще оборотень признается нашими поселянами за душу младенца, умершаго некрещенымъ, или за душу чародѣя и вѣроотступника, осужденную вѣчно блуждать и не вѣдать покоя. Оборотень обыкновенно показывается въ сумерки и ночью; съ дикимъ воемъ и неудержимою быстротою мчится онъ, перекидываясь въ кошку, собаку, сову, пѣтуха или камень, бросается подъ ноги путнику и перебѣгаетъ ему дорогу; нерѣдко онъ подкапывается клубкомъ, снѣжною глыбою, конною сѣна, а въ лѣсу встрѣчаютъ его страшнымъ звѣремъ или чудовищемъ⁴⁾. По нѣмецкимъ преданіямъ, души усопшихъ могутъ принимать образы зайца, собаки, свиньи, теленка, коровы, козла, овцы или барана; мары, проникая внутрь домовъ сквозь замочныя скважины, превращаются въ кошекъ,

¹⁾ Іоаннъ, эвзархъ болгар., 211; Лѣтописи занятій Археогр. ком., I, 42—43. — ²⁾ Москв. 1846, XI—XII, 152. — ³⁾ Кіевлянинъ 1865, 52. — ⁴⁾ Иллюстр. 1845, 299; Вѣст. Р. Г. О. 1853, III, 6.

ласточекъ, мышей, кунницъ, въ пухъ или перья, клокъ волосъ, соломѣ и колосья ¹⁾). Звѣринные образы, принимаемые покойниками, указываютъ на тѣ облачныя одежды, въ какія облакаются они въ качествѣ стихійныхъ духовъ; превращеніе въ перо и камень стоитъ въ связи съ преданіями о громовой стрѣлкѣ, превращеніе въ соломѣ и колосья — съ преданіями о переходѣ душъ въ растенія и злаки (II, 508), а превращеніе въ клубокъ нитокъ и волоса — съ представленіемъ облаковъ небесною пряжею и руномъ. Такъ какъ мара съ одной стороны признавалась пряхой, а съ другой — отождествлялась съ облачною коровою; то отсюда объясняется, почему въ народной сказкѣ мать, превратившаяся по смерти въ корову - бурѣнушку, прядетъ для своей дочери ленъ ²⁾). Въ русскіхъ легендахъ, изображающихъ загробную жизнь и шѣки грѣшниковъ, души усопшихъ представляются въ звѣринныхъ образахъ: «идемо (читаемъ въ повѣсти о странствованіи по тому свѣту), коли-жъ гризутца два собаки надъ шляхонъ — такъ гризутца, такъ гризутца! А дядъ и каже: се не собакми, се два брати, щѣ погризлись та-ѣ поблизь, идучи степомъ; то Богъ и сказавъ: коли вже-ѣ ридни брати бьютца, то дѣ-жъ буде те добро инжъ людми? Нехай-же, каже, стануть вони собакми и гризутца. Идемю, ажъ ходять волі въ такому спичу, що-ѣ ригъ не видно съ травы, а сами худн-худн, якъ дошка. А била ихъ ходять волі по самій земли — ни травинки видъ ногамн нема, да жиръ ажъ по земли тлипаецца. Отъ дядъ и каже: оцѣ, що худн волн, то то богати люде, щѣ жили сами въ роскоши, а биднимъ не помагали; а ситн волн, те то бидни люде, щѣ одъ свого рота однійшали та старцямъ (вищимъ) изъ последиѣго давали; отъ-же вони теперъ и сити ѣ

¹⁾ Germ. Mythen, 483, 490, 730; Beiträge zur D. Myth, II, 267—8; Поэт. Возвр., II, 103. — ²⁾ Н. Р. Сл., VI, 54, 55; VIII, стр. 515—6.

напоеви, а тѣи по роги въ спашу—та худи, якъ дошка» ¹⁾. Въ другой легендѣ мальчикъ-сирота ѣдетъ къ Богу спрашивать, зачѣмъ онъ взялъ къ себѣ его мать? На пути въ небесное царство мальчикъ увидѣлъ поле: на полѣ трава сочная, высокая, по колѣно лошадямъ будетъ, а кони ходять по ней худые, только кости да кожа! Увидѣлъ потомъ и другое поле — совсѣмъ голое, нѣтъ ни былинки, а кони гуляютъ добре рѣжны и тучны. И повѣдалъ ему Господь: «худые кони, что пасутся въ густой травѣ по колѣно, — это нѣкогда были скупые богачи, незнавшіе состраданія къ бѣднымъ, а кони тучные — милосердые бѣдняки, которые и послѣднимъ кускомъ охотно дѣлились съ нищими.» Тѣже образы встрѣчаемъ и въ сказаніяхъ литовцевъ и сербовъ ²⁾. Души несогласныхъ братьевъ сербская легенда олицетворяетъ боровами, осужденными на вѣчную ожесточенную борьбу другъ съ другомъ. Поэтическое представленіе скупыхъ богачей тощими конями, а бѣдняковъ, довольныхъ своимъ состояніемъ, — конями сытыми, тучными занесено и въ апокрифъ, извѣстный въ рукописяхъ XVIII-го вѣка подъ названіемъ «Бесѣды трехъ свитителей», гдѣ означенная мысль выражена въ любимой формѣ загадокъ: «Вопросъ: что есть — стоитъ конь на гумнѣ, а трава у него по самое чрево, а на траву зря изсѣ (изсохъ)? Толкъ: «богатый челоувѣкъ въ велицѣмъ богатствѣ живетъ, а на богатство зря изсохъ. Вопросъ: что есть — стоитъ конь на «гумнѣ, не имѣя ни травы, ни жита, а всегда сытъ? Толкъ: «нищій челоувѣкъ, не имѣя у себя ничего, а Бога славить — «всегда сытъ бываетъ» ³⁾. Въ старинномъ поучительномъ словѣ, приписанномъ Іоанну Златоусту, встрѣчаемъ сравненіе праведныхъ съ овцами и волами: «и будутъ въ лузѣ огради ованъ. Лугъ наречется рай, а огради — райская жѣ

¹⁾ Булишъ, I, 306. — ²⁾ Шлейхеръ, 72—74; Срп. н. припов., 111—4. — ³⁾ Пая. стар. рус. литер., III, 156.

ста, а онѣ — вѣрніи людіе. И добръ Охорьсна въ покои во лемъ. Добръ есть вышняго Ерусалима-пажить, а волова — кротціи епископи к мовове, иже ходять по церковному ученію и нѣхъ добръ учаще¹⁾. Чехи убѣждены, что душа самоубійцы въ продолженіе всего времени, какое бы прожилъ онъ, еслибъ не прекратилъ своей жизни сзвольню, блуждаетъ въ образѣ чернаго пса; въ нѣхъ суевѣрныхъ сказаніяхъ души усопшихъ представляются стадожъ безголовыхъ овецъ, бѣлыми конями, кошками, зайцами и бѣлыми курами²⁾.

Малютки-души, разставаясь съ земною жизнію, поступаютъ въ среду стихійныхъ духовъ—эльфовъ и карловъ—становится ихъ добычею и увлекаются ими въ загробный міръ. Отсюда возникли повѣрья, что духи эти причиняютъ людямъ тяжкіи, неизлѣчимыи болѣзни и смерть (см. стр. 71—80), и что сверхъ того они похищаютъ дѣтей, т. е. собственно забираютъ къ себѣ человѣческія души. Эльфы, цверги, шары и нисы воруютъ у матерей младенцевъ или подмѣниваютъ ихъ на своихъ собственныхъ — безобразныхъ, съ большой головою и выщипанными очами; иногда на мѣсто похищеннаго младенца, эльфъ, вилсъ или карлякъ ложится въ колыбель самъ въ видѣ уродливаго и болѣзненнаго ребенка. Такой подмѣнышъ (wechselbalg) отличается злыми свойствами цверговъ: онъ коваренъ, дикъ, необыкновенно-силенъ, прожорливъ и крикливъ, радуется всякой бѣдѣ, не произнеситъ ни слова — пока не будетъ вынужденъ къ тому какою-либо угрозою или хитростью, и тогда голосъ его звучитъ какъ у старика. Гдѣ онъ поселится, тому дому приноситъ несчастіи: снотъ заболѣваетъ, жилье ветшаетъ и разваливается, предпріятія не удаются. Онъ сохраняетъ общую эльфамъ склон-

¹⁾ Архивъ ист.-юрид. свид., II, ст. Срезневск., 100. — ²⁾ Громантъ, 197.

ность къ музыкѣ, что обнаруживается и быстрыми успѣхами его въ втомъ искусствѣ, и чудесною силою его игры: когда *wechselbalg* играетъ на какомъ-нибудь инструментѣ, то все— и люди, и животныя, и даже неодушевленные вещи предаются неудержимой пляскѣ. Чтобы узнать, дѣйствительно ли ребенокъ подмѣненъ эльфомъ, надо развести огонь и кипятить воду въ яичной скорлупѣ; тогда *wechselbalg* невольно восклицаетъ: «я старъ, какъ древній лѣсъ¹⁾, а не видалъ еще, чтобъ варили въ скорлупѣ яйца!»—и влѣдъ затѣмъ исчезаетъ. Бывали случаи, что подмѣненный, когда весил его по мосту черезъ потокъ или рѣку, вырывался изъ рукъ, прыгалъ въ воду и возвращался въ царство духовъ²⁾. Такъ какъ падучая, параличъ, бѣшенство и другія болѣзни, сопровождаемыя слабоуміемъ, приписывались вліянію эльфовъ; то поэтому всякой ребенокъ, родившійся съ физическими и душевными недостатками, въ глазахъ суевѣрнаго народа былъ существо, въ которомъ поселился нечистый духъ, или прямо признавался за злаго эльфа, которымъ подмѣнено настоящее дитя при самомъ его рожденіи. Вотъ почему, вѣсть съ обычными свойствами эльфовъ, *wechselbalg* соединяетъ всѣ признаки болѣзненнаго, ненормальнаго состоянія: уродливость, тупоуміе, неспособность къ человѣческой рѣчи, дикость и жадность. Тановы и бываютъ идиоты и безумцы, страдающіе надлучими припадками. Эльфы, по указанію древняго мифа, были созданы прежде людей, и потому нисходя съ заоблачныхъ странъ и вселяясь въ тѣла новорожденныхъ, сами о себѣ свидѣтельствуютъ, что они старѣе вѣковыхъ лѣсовъ³⁾. Яичная скорлупа, какъ мы видѣли, служитъ для эльфовъ, маръ и русалонъ ладью, на которой уплываютъ они въ загробное цар-

¹⁾ «Ich bin so alt, als der greise wald!» — ²⁾ *Irische elfenmärch.*, XIV; *D. Myth.*, 437, 798; *Beiträge zur D. Myth.*, II, 304—6, 321—3. — ³⁾ *Germs. Mythen*, 716.

ство; несясь по воздушному океану, среди тучъ,жигаемыхъ грозовымъ пламенемъ, ладья эта подвергается опасности потонуть въ бурливыхъ потокахъ дождя. Отъ того какъ скороличная скорлупа наполняется кипучей водою, *wechselbalg* чувствуетъ невольный страхъ и тотчасъ-же исчезаетъ. По свидѣтельству другихъ сагъ, его прогоняють ударами бича или розги (= *blitzespreitsche* ¹⁾). Литовцы убѣждены, что маленькихъ дѣтей воруютъ лаумы, о тождествѣ которыхъ съ вѣдьми смотри въ главѣ XXV-й. Въ замѣнъ похищенныхъ младенцевъ, лаумы оставляютъ своихъ собственныхъ, или дѣлаютъ изъ соломы и прутьевъ куклы, еообщаютъ имъ чудеснымъ образомъ жизнь и кладутъ въ колыбели. Это повѣрье легко объясняется изъ той близкой связи, въ какую поставлены эльфическія существа по отношенію къ зеленѣющимъ нивамъ и вообще растительному царству. По нѣмецкимъ сказаніямъ, эльфъ, проникая въ избу, то превращается въ солому или колосья, то снова дѣлается неугомоннымъ малюткою; въ Саксоніи и другихъ мѣстностяхъ Германіи матери не позволяютъ дѣтямъ забѣгать далеко въ рожь, опасаясь, чтобы ихъ не унесли *kogpengele* и *roggenstuhne* ²⁾). Однажды поздною ночью вошли въ домъ двѣ лаумы, подкрались потихоньку къ спящей матери, взяли у ней новорожденнаго ребенка и понесли въ кухню; тамъ окутали его своимъ покрываломъ, а въ дѣтскія пеленки повили голикъ, и затѣмъ заспорили между собою, кому изъ нихъ отнести подмѣныша и положить въ люльку. Чтобы прекратить споръ, онѣ рѣшились отнести голикъ вѣсть; настоящій ребенокъ былъ оставленъ ими въ кухнѣ. Все это случилось подсмотреть работнику; онъ взялъ ребенка и спряталъ его въ своей постели. Когда лаумы воротились назадъ, онѣ не нашли младенца и начали

¹⁾ Der heut. Volksglaube, 116. — ²⁾ Beiträge zur D. Myth., 246, 275.

ссориться: «ты во всешь вновата!» говорила одна. — Нѣтъ ты! возражала другая. Вдругъ запѣлъ пѣтухъ, и лаумы исчезли. Съ большимъ усиліемъ растолкалъ работникъ хозяйку; такъ глубоко былъ ея сонъ, насланный лаумами. Пробудившись, она не хотѣла вѣрить разсказу работника; но вскорѣ убѣдилась въ истинѣ его словъ, увидя двухъ ребенокъ, изъ которыхъ одинъ былъ похожъ на помело. Приходскій священникъ, къ которому обратились за совѣтомъ, приказалъ отрубить подмѣнышу голову, и притомъ сдѣлать это въ теченіи того-же дня, пока голыкъ не обратился въ совершенно-живое существо. Тѣмчасъ взяли за топоръ, отсѣкли у подмѣныша голову—и что-же? внутри его оказались соломенные стебли, изъ которыхъ сочилась кровь. По мнѣнію литовцевъ, подмѣнышъ живетъ не болѣе десяти или двѣнадцати лѣтъ, постоянно остается недоросткомъ (карликомъ) и имѣетъ огромную голову, которую не въ состояніи держать прямо. У одной женщины было подмѣненное дитя; оно достигло двѣнадцатилѣтняго возраста, но ни разу не промолвило ни словечка и было такъ слабо, что его надо было носить на рукахъ. По совѣту опытныхъ людей, мать взяла куриное яйцо, выпустила изъ него бѣлокъ и желтокъ, и наполнивъ скорлупу водою, повѣсила ее надъ разведеннымъ огнемъ, точно маленькой котелокъ. «Мама! неожиданно проговорило дитя, что ты хочешь дѣлать?» — Хочу варить алусъ ¹⁾. «Боже милостивой! я очень старъ, я былъ на свѣтѣ прежде, чѣмъ были застѣаны лѣса, которые потомъ разрослись въ громадные, нынѣ уже истребленные деревья, а такого дива не видывалъ.» Послѣ того дитя захворало и умерло. Пока ребенокъ не окрещенъ, литвинки, опасаясь подмѣна, держатъ по ночамъ, при постели родильницы, зажженный огонь ²⁾. Чаще всего лаумы являются и похищаютъ дѣ-

¹⁾ Родъ домашнего пива. — ²⁾ Сравни Beiträge zur D. Myth., II, 303.

тей по четвергамъ, и потому въ этотъ день нужно съ особенною заботливостью оберегать новорожденныхъ младенцевъ¹⁾. Подобныя же повѣрья существуютъ и между славянами. Мары и домовые наваливаются на сонныхъ людей, давятъ и душатъ ихъ; русалки и лѣшіе схватываютъ запоздалыхъ или заплутавшихся путниковъ и защекочиваютъ ихъ до смерти; вилы своими ивѣткими стрѣлами наносятъ смертельныя раны; навь поражаетъ населеніе моровою язвою и увлекаютъ души въ загробный міръ; наконецъ всѣ утопленники считаются жертвами водныхъ и русалокъ, что вполне соответствуетъ нѣмецкимъ сказаніямъ о никсахъ²⁾. Отъ нападенія русалокъ предохраняютъ полынь и зоря; потому прежде, чѣмъ станешь купаться, надо набросать этихъ травъ въ воду, а отправляясь въ лѣсъ—вплетать ихъ въ вѣтви и подвязывать подъ мышки. При встрѣчѣ русалка спрашиваетъ: что у тебя—полынь, мята или петрушка? Если ей скажутъ: «полынь», она сердито отзывается: «цуръ тобі, сгинь!» и тотчасъ-же убѣгаетъ; а если будутъ названы мята или петрушка, то схватываетъ встрѣчнаго и начинаетъ его щекотать, причитывая: «стугъ твоя й хата!» — «ты-жъ моя душка!» На Украинѣ приписываютъ русалкамъ еще слѣдующее восклицаніе: «дайте мени волосинку заризати дитинку!»³⁾ При договорахъ съ лѣшнимъ, онъ обязуется помогать тому, кто вступаетъ съ нимъ въ сдѣлку, но въ уплату за свои услуги требуетъ его души⁴⁾. Эти-же коварные духи похищаютъ и новорожденныхъ младенцевъ. Едва родится дитя, какъ они уже изыскиваютъ средства овладѣть имъ; поэтому надо, какъ можно скорѣе, освятить его крещеніемъ. Въ противномъ случаѣ того и смотри, что некрещеный ребенокъ пропадетъ изъ дому: дѣвочка обратится

¹⁾ Шлейхеръ: *Lithuanica*, 31—36, и сказки, 91—93. — ²⁾ *Beiträge zur D. Myth.*, II, 301. — ³⁾ Полтав. Г. В. 1845, 24; 1846, 21; Киев. Г. В. 1845, 15; *Номис.*, 6. — ⁴⁾ О. З. 1848, IV, 137.

въ русалку, а мальчикъ въ лѣшаго ¹⁾). Выше (т. II, 243, и въ этомъ томѣ, стр. 262) мы видали, что водяной при-
маняваетъ къ себѣ дѣтей и запираетъ ихъ въ глубокихъ ому-
тахъ; по мнѣнію чеховъ, всякая мать, если вскорѣ послѣ ро-
довъ случится ей переходить по мосту, должна бросить въ
воду какую-нибудь монету, дабы водяной не унёсъ ея ребен-
ка ²⁾). Въ новгородской губ. похищеніе младенцевъ приписы-
вается домовымъ духамъ, проживающимъ въ баняхъ, куда
обыкновенно водятъ обмывать родильницу ³⁾). Сербскія вилы,
подобно эльфамъ, пляшутъ на могилахъ убитаго, держа въ ру-
кахъ зажженные лучины; дѣтей, проклинаемыхъ родителями,
онѣ уводятъ въ свою среду (см. стр. 174), а собственныхъ
малютокъ подкидываютъ къ замужнимъ поселянкамъ ⁴⁾). Въ
подмѣтѣ новорожденныхъ младенцевъ обвиняются также дикія
жены (пол. *dziwożony*, чешск. *divé ženy*, нѣм. *die wilden frauen*), сродство которыхъ съ русалками подтверждает-
ся уже тѣмъ, что и тѣ, и другія представляются обитатель-
ницами лѣсовъ. По словамъ Сѣменьскаго ⁵⁾, «*najwięcej cierpią od nich położnice*»). *Dziwożony szpiegują* ⁶⁾ takie kobiety,
a upatrzawszy porę, kradną nowonarodzone dziecko, a swoje
na miejscu skradzionego zostawiają, które są zwykle szpetne,
garbate i koszlawe ⁷⁾). Podrzucone ⁸⁾ dziecko wyho-
szą zwykle na śmietnik, gdzie smagają je rozgą, para-
wają wodą se skorupki jaja i wołają: odbierz swoje,
oddaj moje! Dziwożona litując się ⁹⁾ nad cierpieniem swego

¹⁾ Ж. М. Вн. Д. 1848, ч. XXII, 130. По лужицкому повѣрью, ребенокъ, неокрещенный до шести недѣль, непременно будетъ под-
мѣненъ — Neues Lausitz. Magazin 1843, III—IV, 332. — ²⁾ Гро-
манъ, 115. — ³⁾ Новгород. сборн. 1865, I, 284. — ⁴⁾ Статья Ку-
кулевича, 91, 100. — ⁵⁾ Стр. 121—2; Пантеонъ 1855, V, стат. Ва-
гилевича о гуцулахъ, 50. — ⁶⁾ Родильницы. — ⁷⁾ Высматриваютъ.
— ⁸⁾ Безобразное, горбатое и кривоногое. — ⁹⁾ Подкинутое. —
¹⁰⁾ Сжалась.

dziecka oddaje ukradzione, a swoje zbiega. Porywają ¹⁾ niekiedy i dorosłe dziewczęta.» Дзивожны бояты цвѣтовъ, называемыхъ колокольчиками (dzwonkami), т. е. собственно обнаруживаютъ страхъ передъ огненнымъ Перуновымъ цвѣтомъ, распусканіе котораго сопровождается всепотрясающимъ звономъ грома. По чешскому повѣрью, divé ženy и věšti-se подмѣниваютъ некрещеныхъ младенцевъ и вредятъ родильницамъ; чтобы противодѣйствовать ихъ замысламъ, подъ подушку родильницы кладутъ ножъ—символь разящей молніи. Если ребенокъ явится на свѣтъ мертвымъ, въ этомъ виноваты дивьи жены; старинный обычай требуетъ, чтобы отецъ отрѣзалъ у него голову и бросилъ ее въ воду. Не менѣе опасно считается у чеховъ полудница (polednice)—лѣсная жена, которая бродитъ по нивамъ въ полуденное время, и маленькихъ дѣтей, оставляемыхъ крестьянками безъ присмотра, подмѣниваетъ на своихъ собственныхъ. Смотря по тому, какъ обходятся въ семьѣ съ подмѣнышемъ, точно также хорошо или худо бываетъ и похищенному полудницей ребенку. Когда дитя начинаетъ кричать, суевѣрная мать унимаетъ его угрозою: «вотъ прійдетъ полудница и возьметъ тебя!» ²⁾. На Руси преданія о похищеніи и подмѣнѣ дѣтей связываются съ лѣшими. Какъ нѣмецкій erlkönig (лѣсной царь), такъ и наши лѣсовики воруютъ некрещеныхъ младенцевъ и уносятъ малолѣтнихъ дѣтей, отсуленныхъ имъ родителями и даже просто-заблудившихся въ лѣсу: Отцы и матери пуще всего остерегаются, чтобы не обмолвиться въ сердцахъ и не сказать своему сыну или дочери: «лѣшій бы те унесъ!» «лѣшій те поберя!» Слова эти, вылетая изъ устъ родителей, обладаютъ пагубною силою; отсуленные дѣти забираются лѣсовиками и поступаютъ къ нимъ въ кабалу. Тоже приписываютъ и воданымъ: они уво-

¹⁾ Похищаютъ. — ²⁾ Громаша, 13—14, 114; Beiträge zur D. Myth., II, 245.

дять проклятыхъ въ свои подводныя жилища. Въ замѣтъ по-
 хищеннаго младенца, лѣшіе кладуть нѣ колыбель связку со-
 ломы или полѣно, превращая ту и другое въ живаго ребен-
 ка ¹⁾); иногда же оставляють свое родное дѣтище—безобраз-
 ное, глупое и обжорливое. До одиннадцати лѣтъ подиѣныиъ
 только ѣсть, пьеть, спить и оглашаетъ избу пронавательныиъ
 крикомъ, не обваруживая никакихъ признаковъ ума; но за то
 бываетъ силенъ, какъ добрый конь. Когда ему исполнитѣя
 одиннадцать лѣтъ, онъ обыкновенно убѣгаетъ въ лѣса; если
 же и послѣ того остается между людьми, то дѣлается страж-
 ныиъ колдуномъ и губителемъ христіанскихъ душъ. Малорус-
 скій расказъ ²⁾ даетъ подиѣныиу черты, отождествляющія его
 съ зльфами: «з' одною жинкою було ось яке привидѣніе. Що
 «спійде въ поле жать, або братъ конопли, да поставитъ у печи
 «страву, дакъ хтось новіймае а' печи горшки да-й повиждае
 «все чисто. Думала-думала, щобъ воно значило?—никакъ не
 «збагнула. Прийде—двери позамикань, а въ хатѣ тилько й зе-
 «ставалась що мала дитинна, може въ пивъ года, у колесци, и
 не смотря на то, всѣ кушанья съѣдени. Бросилась къ знахар-
 кѣ; эта послала ее въ поле, а сама спряталась въ хатѣ и
 «смотреть: «коли-жъ дитина скыкъ изъ колески! Гляне, ажъ
 то вже не дитина, а дидь-самъ низенькіи, а борода от-
 «такѣ лезна!» Повывималъ изъ печи горшки, поѣлъ всѣ яствы
 и снова сдѣлался ребенкомъ. «Тоди знахарка за ёго; поставила
 «на деркачъ (голикъ, вѣвниъ) и почала обрубовать дер-
 «качъ пидъ ногами. Воно кричить, а вона рубаетъ; воно кри-
 «чить, а вона рубаетъ. Дали бачитъ, що пошавсь у добри руки,
 «зробивсь изновъ дидомъ да-й каже: вже я, бабуся, переки-
 «давсь неразъ да-й не два; бувъ я спершу рибою, потимъ
 «изробивсь птахомъ, и мурашкою, змирукою, и се ще по-

¹⁾ Сравни съ сказаніями о происхожденіи человека изъ обрубка
 дерева—т. II, 470—465. — ²⁾ Кулишъ, II, 34.

«пробувавъ быть чоловікомъ. Такъ нема лучче, якъ жить «нижъ муршканаи, а нижъ людми — нема гирише!» Захватывая дѣвей, лѣшіе уносятъ ихъ въ густыя дебри или скрываютъ въ подземныхъ пещерахъ, гдѣ они ставоватся таинни-же лѣсоннаи, если не будутъ освобождены во время; взрослые дѣвицы принимаются лѣшнивъ въ жены. Чтобы освободить этихъ несчастныхъ — единственное средство служить молебны (повѣрье, возникшее уже въ христіанскую эпоху); такое средство дѣйствительно лишь въ томъ случаѣ, если они, во все время пребыванія своего между лѣшнми, ни разу не отидають ихъ нищи. Только тогда выдаютъ лѣшіе своихъ плѣнниковъ, и выносятъ ихъ на то самое мѣсто, откуда похитили; но и воротясь въ людской міръ, эти невольные соучастники нной жизни между духами надолго сохраняють слѣды ихъ роковаго вліянія: подобно тѣмъ, которыми овладѣвають эльфы, оны бывають дики, угрюмы, слабоумны и насилу привыкають къ человѣческой рѣчи ¹⁾. По указанію хорутанской приповѣдки, дятя, которому случилось погостить у виля («ви рѣіні»), долго потѣмъ носило на себѣ вилянскій духъ ²⁾. Такъ какъ стихійные духи постоянно смѣшиваются съ нечистою силою, то рядомъ съ приведенными повѣрьями существуетъ убѣжденіе, что и самые черти похищаютъ и подиивнають младенцевъ. Убѣжденіе это, общее всѣмъ индоевропейскимъ народамъ, послужило источникомъ многихъ сказокъ, въ которыхъ нечистый духъ, являясь къ отцу, невѣдающему о беременности своей жены, вызывается помочь ему въ нуждѣ, если овъ отдастъ ему то, чего не знаетъ дѣма ³⁾. Черти уносятъ

¹⁾ Памят. книжка архангел. губ. 1864, 52—53; Абен., 234; Совр. 1856, XI, смѣсь, 28, 33, 38; О. З. 1848, IV, смѣсь, 138; Рус. Дневникъ 1859, 37; Н. Р. Ск., VII, 33. — ²⁾ Сб. Ваянца. 60—62. — ³⁾ Н. Р. Ск., V, 23; VI, 48, 49; Н. Р. Лег., стр. 177—180; сб.

дѣтей—или еще-неокрещенныхъ, или приспанныхъ матерями, или пораженныхъ родительскимъ проклятіемъ. Рассказываютъ даже, что если обрядъ крещенія будетъ почему-либо не законченъ или совершенъ пьянымъ попомъ, то ребенокъ дѣлается полоняникомъ «чернородныхъ демоновъ» ¹⁾. Приспанный (задавленный во снѣ) младенецъ достается нечистымъ; чтобы освободить его, мать должна простоять три ночи въ церкви—въ кругу, очерченномъ рукою священника, и тогда въ третью ночь, какъ только пропоютъ пѣтухи, черти отдадутъ ей мертваго ребенка ²⁾. О проклятыхъ, отверженныхъ родителями, въ нашемъ простонародьи ходитъ много рассказовъ. какъ они пропадали и потомъ были освобождаемы. Жилъ въ Заонежьѣ старикъ со старухою, кормился охотою, и была у него собака—цѣны ей нѣтъ! Разъ попался ему на встрѣчу хорошо-одѣтый человекъ: «продай, говоритъ, собаку, а за расчетомъ приходи завтра вечеромъ на Мань-гору.» Старикъ отдалъ собаку, а на другой день отправился на верхъ горы и очутился въ большомъ городѣ, гдѣ живутъ лембон (черти); отыскалъ домъ своего должника: тутъ гостя накормили, напоили, въ банѣ выпарили. Парилъ его молодецъ, а покончивъ дѣло, палъ ему въ ноги: «не бери, дѣдушка, за собаку денегъ, а выпроси меня!» Дѣдъ послушался: «отдай, говоритъ, мнѣ добра молодца: замѣсто сына у меня будетъ.»—Много просилъ, старикъ! да дѣлать нечего, надо дать. По возвращеніи въ село, сказываетъ молодецъ старику: «ступай ты въ Новгородъ, отыщи на улицѣ Рогатицѣ такого-то купца.» Старикъ пошелъ въ Новгородъ, попросился къ купцу ночевать и сталъ его спра-

Вяляца, 193; Семеньск., 33—34; Иллюстр. 1848, № 27 (лиговскій рассказъ о Гумшинѣ); Нар. сл. раз., 78—79; Гальтрихъ, 26; Вольфъ, 199; Ск. норвеж., I, 9. — ¹⁾ Шаповъ, 32, 36—37; Ж. М. Н. П. 1840, XI, 81. — ²⁾ Абев., 197; Иллюстр. 1846, 332.

живать: «была-ль у тебя дѣти?»—Былъ одинъ сынъ, да мать въ сердцахъ крикнула на него: лембой те возьми! Лембой и унёсъ его. «А что дашь, я тебѣ ворочу его?» Оказалось, что добрый молодецъ, котораго вывелъ старикъ отъ лембоевъ, и былъ тотъ самый купеческій сынъ. Купецъ обрадовался и принялъ старика со старухою къ себѣ въ домъ ¹⁾. Одна мать прокляла свою дочь на Свѣтло-Христово Воскресенье, и нечистая сила похитила дѣвушку. Случилось какъ-то бѣдному солдату раздуматься о своемъ житьѣ-бытьѣ: «эхъ, сказалъ онъ, плохое житье! хоть бы чертовка за меня замужъ пошла!» И явилась къ нему ночью эта самая дѣвица; онъ сейчасъ крестъ ей на шею и повелъ ее въ церковь. Нечистые начали пугать солдата разными страхами; видѣлось ему, будто горы на него катились, провалы разверзались, кругомъ все пожаромъ охватывало, да онъ не убоился—шелъ себѣ бодро, привелъ дѣвицу въ церковь в раннимъ утромъ обвѣнчался съ нею. Вотъ еще любопытный разсказъ, записанный во владимірской губерніи: жилъ старикъ со старухою, и былъ у нихъ сынъ, котораго мать прокляла еще во чревѣ. Сынъ выросъ большой и женился; вскорѣ послѣ того онъ пропалъ безъ вѣсти. Искали его, молебствовали объ немъ, а пропащій не находился. Недалеко въ дремучемъ лѣсу стояла сторожка; зашелъ туда ночевать старичокъ-нищій и улегся на печкѣ. Спусти немного слышится ему, что пріѣхалъ къ тому мѣсту незнакомый человекъ, слѣзъ съ коня, вошелъ въ сторожку и всю ночь молился да приговаривалъ: «Богъ суди мою матушку — за что прокляла меня во чревѣ!» Утромъ пришелъ нищій въ деревню и прямо попалъ къ старику со старухой на дворъ. «Что, дѣдушка! спрашиваетъ его старуха, ты человекъ мирской, завсегда ходишь по міру, не слыхалъ ли чего про наше-

¹⁾ День 1862, № 52, стр. 14.

го прошащаго сына? Ищемъ его, желаемъ о немъ, а все не объявляется.» Нищій разсказалъ — что ему въ ночи почудилось: «не вѣшь ли это сынокъ?» Къ вечеру собрался старикъ, отправился въ лѣсъ и спрятался въ сторожкѣ за печкою. Вотъ пріѣхалъ ночью молодецъ, молится Богу да причитываетъ: «Богъ суди мою матушку — за что прокляла меня во чревъ!» Старикъ узналъ сына, выскочилъ изъ-за печки и говоритъ: «ахъ, сынокъ! наслу тебя отыскалъ; ужь теперь отъ тебя не отстану!»—Иди за мной! отвѣчалъ сынъ, вышелъ изъ сторожки, сѣлъ на коня и поѣхалъ; а отецъ вслѣдъ за нимъ идетъ. Пріѣхалъ молодецъ къ пролуби и прямо туда съ конемъ—такъ и пропалъ! Старикъ постоялъ-постоялъ возлѣ пролуби, вернулся домой и сказываетъ женѣ: «сына-то сыскалъ, да выручить трудно; вѣдь онъ въ водѣ живетъ!» На другую ночь пошла къ лѣсу старуха, и тоже ничего добраго не сдѣлала; а на третью ночь отправилась молодая жена выручать своего мужа, вошла въ сторожку и спряталась за печкою. Пріѣзжаетъ молодецъ, молится и причитываетъ: «Богъ суди мою матушку — за что прокляла меня во чревъ!» Молодуха выскочила: «другъ мой сердечной, законъ неразлучной! теперь я отъ тебя не отстану!»—Иди за мной! отвѣчалъ мужъ и привелъ ее къ пролуби. «Ты въ воду, и я за тобой!» говоритъ жена.—Коли такъ, сними съ себя крестъ. Она сняла крестъ, бухъ въ пролубь—и очутилась въ большихъ палатахъ. Сидитъ тамъ сатана на стулѣ; увидалъ молодуху и спрашиваетъ ея мужа: «кого привелъ!»—Это мой законъ! «Ну, коли это твой законъ, такъ ступай съ нимъ вонъ отсюда! закона разлучать нельзя.» Выручила жена мужа и вывела его отъ чертей на вольный свѣтъ ¹⁾). Если мы сравнимъ эти сказанія съ народными преданіями о стихійныхъ духахъ, подпадающихъ въ змѣнюю

¹⁾ См. подобныя-же разказы въ Н. Р. Сл., V, 48; VIII, 19.

бору заколдованію или проклятію и до возврата весны томящахся въ царствѣ нечистой силы (въ облачныхъ горахъ и источникахъ); то необходимо должны прійти къ заключенію, что тѣ и другія имѣютъ одинаковыя мѣстечскія основы. По русскому повѣрью, младенцы, проклятые родителями или умвршіе некрещеными, захватываются демонами и обращаются въ кикиморъ. Въ ихъ сообщество поступаетъ также и гоша—мертворожденный ребенокъ, недоносокъ, выкидышъ, уродецъ безъ рукъ и безъ ногъ, который поселяется въ избѣ и тревожитъ домохозяевъ своими проказами (II, 101—2).

¹⁾ А. Боя., 218; Пузын., 126; Иллюстр. 1845, 298.

ДѢВЫ СУДЬБЫ.

Облачныя дѣвы, какъ хранительницы живой воды, надѣляющей мудростью и предвѣдніемъ, какъ спутницы бога грозовыхъ бурь, призванныя съ одной стороны приносить на землю младенческія души, а съ другой — увлекать души усопшихъ въ загробное царство, явились въ народныхъ представленіяхъ устроительницами судьбы человѣческой. Согласно съ этимъ, древнія племена присвоивали имъ эпитеты, обозначающіе ихъ вѣщій характеръ и вліяніе на рожденіе, смерть и вообще на всю жизнь человѣка. Такіе эпитеты впоследствии стали употребляться, какъ имена нарицательныя, и мало по малу приняты были за прозванія особеннаго разряда божественныхъ существъ. Тѣмъ не менѣе преданія и донныя удерживаютъ многія черты первоначальнаго сродства ихъ съ облачными и грозowymi нимфами. У славянъ дѣвы эти назывались рожаницами, такъ какъ онѣ присутствуютъ при рожденіи младенцевъ и опредѣляютъ ихъ судьбу при самомъ появленіи на божій свѣтъ. Прежде всего обратимъ вниманіе на свидѣтельства азбуковниковъ и Пасхьявскаго сборника (XIV вѣка). Въ послѣднемъ памятникѣ находимъ «Слово св. Григорія о томъ, како первое погани суще языци кланялися идоломъ и требы имъ клани»; въ этомъ словѣ читаемъ:

«навыкоша елени класти требы Атремиду и Артемидѣ, рекше Роду и рожаницѣ; таціи же игуптяне. Також и до словѣнъ доиде се слов(о), и ти начаша требы класти Роду и рожаницамъ»¹⁾). Желая указать на языческое происхождение вѣры въ Родъ и рожаницу, проповѣдникъ сближаетъ ихъ съ подобными-же именческими представленіями у другихъ народовъ. По его мнѣнію, Родъ и рожаница значили у славянъ тоже, что у грековъ Артемиды; для полнаго соответствія онъ придаетъ ей имени и мужское окончаніе: Артемидъ²⁾, и противопоставляетъ это новое имя—Роду, божеству мужескаго пола. Одно изъ главнѣйшихъ свойствъ, приписанныхъ Артемидѣ, касалось дѣторожденія. Она считалась покровительницею женщинъ и брачныхъ союзовъ, завѣдывала родами, разрѣшала поясъ родильницы, играла роль повивальной бабки и кормилицы, и вмѣстѣ съ тѣмъ была доброю пряхою, какъ-бы одною изъ паркъ. Греки давали ей названіе *Εἰλεθυια* — рожаница³⁾; Гомеръ же знаетъ не одну, а многихъ *εἰλεθυιαί*, и видитъ въ нихъ дочерей Геры⁴⁾. Съ Артемидою сродна латинская богиня *Natio* (*Nascio*), которая, по свидѣтельству Цицерона, названа такъ потому, что ей попеченію ввѣрены роды женъ (*partus matronarum*⁵⁾). Хотя Артемидъ, о которомъ упоминается въ Писаревскомъ сборникѣ, и не существовалъ

¹⁾ Поэзіа въ Карилло-Бѣловерскъ монастырь, Шевырева, II, 33—34; Москв. 1851, V, ст. Срезневск., 52—64; Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, полов. 2, 64—65. — ²⁾ „Атремиду“ поставлено, конечно, по ошибкѣ писца вмѣсто: „Артемиду“. — ³⁾ Рожденная прежде своего брата-близнеца (Аполлона), Артемиды тотчасъ-же исполнила въ отношеніи къ нему обязанности повивальной бабки—*Der Urganzung der Myth.*, 115 — ⁴⁾ Илиада, XI, 270; XIX, 119. — ⁵⁾ Басни до сихъ поръ вѣрятъ въ богиню судьбы (*Sorsina* — отъ *sors, sortio*), какъ въ „*esprit qui préside à la naissance des enfans*“—Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, стат. Срезнев., 114.

въ греческой мѣтологіи; но за то греки призывали эпитеты рождающихъ, производящихъ и Зевсу, и Посейдону. Таже творческая, призывающая къ жизни сила принадлежала Роду и режаньцамъ, на чтѣ указываютъ самыя названія ихъ, относящіяся къ одному корню съ словами: рожать или рож-
дать, родитель, родильница, родной, рожденный, роди-
на, роды, на-родъ, за-родышъ, урожай, по-рода, род-
ниаъ и ин. др. Роже(а)ница въ словарь Павлы Беринды
опредѣлена такъ: «матица, породѣла, пороженица». Слово
родъ въ древнихъ памятникахъ означаютъ: родственный и по-
томки, земляки и цѣлый народъ, какъ образующійся чрезъ
нарожденіе ¹⁾; отъ тѣснѣйшаго смысла слово это восходило
къ болѣе широкому, но изъ-за того, какъ человекъ отъ тѣс-
ныхъ, исключительно-семейныхъ и родовыхъ связей перехо-
дилъ къ связямъ и отношеніямъ болѣе широкимъ — племен-
нымъ и общиннымъ. Но всѣ эти понятія, усвоенныя роду,
вытекли изъ того первоначальнаго, основнаго его значенія, по
которому подъ нимъ разумѣлась производящая сила природы
вообще. Еще теперь въ народной рѣчи слышится выраженіе:
«земля принялась за свой родъ» ²⁾.

По указанію старинныхъ азбуковниковъ, рожаньцами
«елыньстѣи звѣдословцы наричють семь звѣздъ, глаго-
лемыхъ планеты, и кто въ кую планету родится—
и по той планетѣ любопрятся предвозвѣщати нравъ
младенца, или къ кониъ похотемъ естествомъ укла-
нителеяъ будетъ. И того ради рождымагось, якоже они
внати, въ планету Арисъ предглаголють тяжела быти нра-
вомъ, яра же и гнѣвлива и дерз(к)а во бранѣхъ; а въ плани-
ту Аеродиту рождымагось сластолюбива предглаголють быти
и удобна на блудное смѣшеніе; сиче же и въ прочая планеты

¹⁾ Тюринг: Общества. жизнь и земскія отнош. въ др. Русь, 26—
27; Сахаров., II, 89. — ²⁾ Обл. Сл., 192.

рождавшихся предглаголють нравы, а не хотятъ окояніи бни звѣздамъ-законницы равумѣти, яко не по естеству въ человѣцѣхъ лежитъ злое, но по произволенію.» Названія «планнты» и «зодій» такъ объяснены въ азбуковникахъ: «планнты суть семь звѣздъ, нжъ на аерныхъ седми поясѣхъ, кояждо на особомъ поясѣ: 1) Арьсѣ (Марсѣ), 2) Ермисѣ (Меркурій), 3) Завесѣ (Юпитерѣ), 4) солнце, 5) Аѳродита (Венера), 6) Кропѣ (Сатурнѣ), 7) Ккати (Ехатѣ), еже есть луна. Сими звѣздами окояніи звѣдословцы мнятъ ся угадывати человѣческіе нравы и счастье». «Зодіями наричють звѣдословцы дванадесять-звѣздъ, ихъ-же глаголють суца на седмомъ поясѣ аерномъ (слѣдуютъ названія знаковъ зодіака). Сими звѣздами умовредни астрологи мнятъ ся угадывати счастья и добродѣйственное и злоденственное житіе челоуѣкомъ»¹⁾.

Приведенныя нами свидѣтельства, приписывая рожаницамъ вліяніе на рожденіе, характеръ и счастье челоуѣка, вибѣтъ съ тѣмъ указываютъ, что эти мифическія дѣвы стояли въ таинственной связи съ звѣздами. Простой, непросвѣтленный наукою взглядъ наблюдателя не различаетъ планетъ отъ звѣздъ, и если рожаницами названы въ азбуковникѣ собственно планеты, то такое ограниченіе было слѣдствіемъ того средневѣковаго астрологическаго ученія, которое перешло къ намъ сравнительно уже въ позднѣйшее время—въ переводныхъ книгахъ, извѣстныхъ, подъ названіями: Астрономія, Зодій и др. Не какъ самое астрологическое ученіе возникло изъ древ-

¹⁾ Мы пользовались рукописными азбуковниками изъ хранилища г. Погодина; слѣчи съ текстомъ, напечатаннымъ у Сахарова, II, 159, 177—8, 182, и въ Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, стат. Срезнев., 105: «рожденци—вумири елленстѣи, ихъ-же погани влѣше-ніемъ рожденіа нарицаху быти»; «рожденци—свато дни рожденіа младенца; въ вой-же днь кто родится, той нравъ и осудъ (судьбу) приемлетъ».

нѣйшихъ иродныхъ вѣрованій, общихъ всѣмъ племенамъ и востока и запада, — въ вѣрованіи, утверждающихъ зависимость жизни человѣческой отъ сіянія звѣздъ; то понятно, почему оно всюду такъ легко было принимаемо и всюду пользовалось сочувствіемъ массы. Оно ничего не говорило такого, что бы противорѣчило національнымъ преданіямъ. Этимиъ объясняются и тѣ постоянные протесты, съ которыми вынуждена была выступать церковь противъ такъ называемаго «звѣздословія». Древній переводчикъ хроники Григорія Амартола употребляетъ выраженіе: рождественное волшебіе — въ смыслѣ искусства предсказывать судьбу по звѣздамъ. «Немвродъ (читаемъ въ этомъ памятникѣ), персомъ старѣйшина бывъ, научивъ тѣхъ звѣздочтїю и звѣздословью... Отъ нихъ же елліни рождественное вльшвеніе навъкъше, ячешѣ рожаемыхъ подъ звѣзднымъ двизаніемъ принашатк, не бо звѣздочтїе и звѣздословіе же и вльшеніе отъ магоусей (маговъ) илі персѣнь начета быс»¹⁾. Тоже значеніе придавалось словамъ: родословіе, роженіе и рождество. Въ старинномъ индексѣ, между книгами «отреченными», упоминаются книги: а) Звѣздочетецъ, въ которой «безумнїи ищутъ дни рожденія своего, саповъ полученіе и урока житїю и бѣднхъ напастей, различныхъ смертей и казней, въ службахъ и въ купляхъ и въ ремеслахъ» и б) Рожденикъ, въ которой указаны добрые и злые дни и часы и вліяніе ихъ на судьбу нарождающихся младенцевъ²⁾. Кормчая книга (по рязанскому списку 1284 г.) заноситъ на свои страницы запрещеніе 6-го вселенскаго собора (правило 61), направленное противъ тѣхъ, «иже въ получаніи вѣруютъ и въ родословіе, рекъше въ рожданица»³⁾. Подобные запреты и осужденія повторялись

¹⁾ Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, ст. Срезнев., 106. — ²⁾ Іоаннъ, вѣзрхъ болгарск., 211; Лѣт. рус. лѣт., т. IV, отд. 3, 109. — ³⁾ Дѣлопись занятїи Археиграе, Коммис. 1861, I, 29.

въ различныхъ памятникахъ допетровской Русв. Іосифъ Волоцкій, въ обвиненіяхъ своихъ протвѣвъ жидовствующимъ, говоритъ: «и баснословіа нѣкаа и звѣдозаконіа оучахоу и по звѣздамъ смотрити и строатя роженіе и житіе человѣческое, а писаніе божественное презирати, яко ничто-же суще» ¹⁾. Максиму Греку принадлежать «слово о томъ, яко пронысломъ божиимъ, а не звѣздами и колесомъ счастья вся человѣческая устроются» и другое «противу тщазныхъ звѣдозрѣніемъ предрицати о будущихъ» ²⁾. Поученіе митрополита Даніила между другими, подлежащими церковному осужденію, суетвѣрїями упоминаетъ: «случай, полученіе и роженіе по звѣдословію» ³⁾. Авторъ Домостроя упрекаетъ своихъ современниковъ: «въ получая вѣрують, и въ родословіи, рекше въ рожанницы, нѣвъ обаяніе по звѣдословію» ⁴⁾. Въ одномъ поучительномъ словѣ конца XVI-го или начала XVII вѣка читаемъ: «неразумніи человѣцы несвершенымъ своимъ разумомъ увѣряють себе въ переходныя звѣзды, рекше въ зодѣйныя, и въ томъ звѣздномъ хоженіи матутся и гаданіе творять по сему, понеже безумніи людїе вѣрують въ дванадесять переходныхъ звѣздъ и семь звѣздъ большихъ планидъ: въ нѣхъ-же невѣгласи вѣрують и волхвуютъ, понеже ищуть дней роженіи своихъ и сановъ полученіе, въ нѣхъ-же ищуть рока житію и бѣдныхъ напастей и разлчныхъ смертей и казней, въ службахъ и въ куплехъ и въ ремеслехъ и в'ьныхъ строеніяхъ» ⁵⁾. По древне-арійскому воззрѣнію, душа представлялась искрою небснаго огня или звѣздою, возжигаемою при самомъ рожденіи младенца; какъ скоро звѣзда эта погасала, вмѣстѣ съ нею погасала и жизнь человѣка, а пока

¹⁾ Привосл. Собесѣд. 1455 („Просвѣтитель“, 60). — ²⁾ Ibid., 1860, IV, 399; Описан. рукоп. синодальной библиот., II, отд. II, 562.—

³⁾ Пам. стар. рус. язотер., IV, 202. — ⁴⁾ Времен., I, 42—43.—

⁵⁾ Дят. рус. язт., т. V, отд. 3, 100.

она горѣла — ея блескомъ и мерцаніемъ условливались всѣ его житейскія радости и печали (= его свѣтлые и черные дни). И донныя народныя повѣрья связываютъ зарожденіе младенца и его будущую судьбу съ звѣздами. Надъ чьимъ домомъ упадетъ звѣзда, въ той семьѣ (по мнѣнію поселянъ) дѣвица утратила дѣвственность — сдѣлалась беременною. Въ одной пѣснѣ сынъ, жалующься на свою долю, обращается къ матери съ этими словами:

Ты скажи-скажи, моя матушка родная,
Подъ которой ты меня звѣздой породила,
Ты какимъ меня счастьемъ надѣлала?

Богатырь Добрыня упрекаетъ мать, что породила его несчастливаго, а та отвѣчаетъ:

Видно ты, чадо мое милое,
Зародился ты въ ту звѣзду,
Въ ту минуту несчастную, не въ таланную!

Василій Буслаевичъ говоритъ въ сказкѣ: «не даромъ мнѣ моя счастливая звѣзда дала силу богатырскую»¹⁾. Въ ра въ таинственную связь рожденія съ звѣздами, въ благое или враждебное дѣйствіе этихъ послѣднихъ на участь отдѣльныхъ людей, была распространена у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ; думали, что звѣзды, сіявшія при рожденіи человека, берутъ его подъ свою охрану и что рожденные подъ благопріятнымъ вліяніемъ этихъ свѣтилъ должны быть непременно счастливы, и наоборотъ. До сихъ поръ въ русскомъ языкѣ сохранились выраженія: «онъ родился въ добрый, счастливый часъ, подъ счастливою звѣздою (планетою)» или «въ недобрый часъ, подъ злую, лихую годину, подъ несчастною звѣздою»; сравни нѣм. «zu

¹⁾ Сахаров., I, 205; Собраніе Канювыхъ пѣсенъ, 416; Рыбник., III, 85; Рус. сказаніи Сахарова, 246.

glücklicher, guter stunde geboren werden», «unter einem guten, glücklichen stern geboren werden». Выражения: «прости, моя звѣзда!» «закатилась моя звѣзда!» употребляются въ томъ-же смыслѣ, какъ я выраженіе: «закатилось мое счастье!» ¹⁾ Простолюдныи убѣждены, что въ теченіи дня или года бываютъ такіи минуты, когда всякое высказанное желаніе, всякое благословеніе и проклятіе мгновенно исполняются; почему, передавая собесѣдникамъ о какомъ либо несчастіи, они спѣшатъ оговориться: «въ добрый часъ сказать, въ худой помолчать!» — «дай Боже! у добрый часъ говорницъ, у благи маучаць!» — «нехай не въ пору буде сказано!» — «на задніе (прошлые) дни нехай будзець помянуто!» ²⁾ Сербск. «добре часе давати» означаетъ: желать счастья. На Украинѣ рассказываютъ о бабѣ, которая, рассердившись на теленка, крикнула на него въ одну изъ роковыхъ минутъ: «о чобъ ты пропалъ!» — и теленокъ тотчасъ-же падохъ. Баба бросилась къ окну и отиѣтила углемъ тѣнь, какую въ то время дѣлало солнце. Въ слѣдующіе дни, какъ скоро солнце доходило до намѣченной черты, она начинала проклинать своихъ недруговъ, и такимъ образомъ многихъ сгубила. Другой рассказъ: пришелъ жидъ въ лату къ мужику. Хозяйка работала, а дѣти шумно рѣзвились и мѣшали матери. «Скажи, чобъ у нихъ глаза повывѣзли!» молвилъ жидъ. — Пусть лучше у тебя повывѣзутъ! возразила съ гнѣвомъ хозяйка. И что же? какъ только сказала, очн у жида въ ту же минуту выскочили вонъ ³⁾. Точно также различаются и дни: счастливые слывуть легкими, несчастные — тяжелыми и черными: «береги денежку про черныи день»; у древнихъ были свои dies atrі и dies albi: первые отиѣчались въ кален-

¹⁾ Послов. Дзая, 28—29. — ²⁾ Приб. къ Изв. Ав. Н., II, 179; Зап. Р. Г. О. по отдѣл. этногр., I, 351; Киевлян. 1865, 52. — ³⁾ Lud Ukrain, II, 88, 108; Срп. рјечник, 125; D. Myth., 684. ●

даряхъ черными знаками, какъ дни несчастій и неудачъ, а послѣдніе — бѣлыми ¹⁾). «Отреченныя» сочиненія, наполненныя толками «о добрыхъ и злыхъ частяхъ», «о рожденіи человѣчествѣ» — въ которую звѣзду или часъ: добръ или золъ», постоянно подновляли и укрѣпляли въ народѣ эти суевѣрные мнѣнія. По расположенію звѣздъ при рожденіи младенца астрологи предсказывали его судьбу, будетъ ли онъ добръ или злобенъ, ожидаетъ ли его долгая жизнь или краткая, богатство или нищета, и т. дал. Въ одной рукописной астрономіи XVII вѣка сказано: когда звѣзда Чигирь будетъ въ такомъ-то мѣстѣ, тогда «съ женами не спи: аще родится сынъ, ино будетъ курчя и бесплодны» ²⁾. Въ чешской думѣ о битвѣ христіанъ съ татарами упоминаются знахарь-звѣздоцеты (hwezdari); ихъ обыкновенно называли *rodowestnik*, *rodowestec* — тотъ, который «*šťastny aneb nešťastny rod z hvezd hada*»; польск. *rodowieszczek* — звѣздоцетъ, астрологъ ³⁾).

Представленіе души звѣздою заставило нашихъ предковъ вѣрить, что рожденіе и смерть каждаго человѣка обуславливаются появленіемъ и паденіемъ принадлежащей ему небесной звѣзды. Вѣрованіе это народная фантазія связала съ тѣми божественными дѣвами, которыя являлись съ своимъ свѣточемъ возжигать жизненное пламя въ новорожденномъ младенцѣ и потѣмъ тушили его на одрѣ смерти, которымъ вѣрла она начало и конецъ человѣческаго бытія. Хорутане убѣждены, что всякой человѣкъ, какъ только родится,

¹⁾ Совр. 1852, V, 4. На Руся не совѣтуютъ отымать дѣтей отъ груди въ дни, посвященные св. мученикамъ; иначе ребенокъ будетъ томиться, мучиться. — ²⁾ Очеркъ домашн. жизни великор. нар.. 186; Шевырева: Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозер. монастырь, II, 22; Дят рус. лит., т. IV, отд. 3, 106; Оп. Румян. муз., 15. — ³⁾ Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, ст. Срезнев., 119.

получаетъ на небѣ свою звѣзду, а на землѣ свою рожаницу; эта послѣдняя опредѣляетъ и предсказываетъ его судьбу ¹⁾. У бѣлоруссовъ сохраняется преданіе, что всякой человѣкъ имѣетъ свою Зирку, которая, какъ духъ-хранитель, неотступно находится при своемъ избранникѣ. Собственно зирка значитъ: звѣзда; но въ народѣ подъ этимъ именемъ слыветъ богиня счастья. Есть поговорка: «что изъ него будетъ, коли онъ не въ милости у Зирки!» Зирка, по мнѣнію поселянъ, является на свѣтъ вмѣстѣ съ человѣкомъ, и назначается для его охраны ²⁾. Вотъ почему въ азбуковникахъ слово «рожаница» истолковано звѣздою (планетою). Подобныя вѣрованія находимъ и у другихъ народовъ. Я. Гриммъ ³⁾ приводитъ слѣдующее свидѣтельство изъ одного поучительнаго слова XI вѣка: *cavete, fratres, ab eis, qui mentiuntur, quod quando quisque nascitur, stella sua secum nascitur, qua fatum ejus constituitur, sumentes in erroris sui argumentum, quod hic in scriptura sacra dicitur «stella ejus»* ⁴⁾. Съ паденіемъ язычества, въ замѣнъ миѣическихъ дѣвъ, выступаютъ ангелы: каждая звѣз-

¹⁾ Срезнев., 7. — ²⁾ Приб. къ Ж. М. Н. П. 1846, 12. — ³⁾ D. Myth., 820. — ⁴⁾ Переводъ: Остерегайтесь, братія, тѣхъ, которые думаютъ, что когда кто родится, то съ нимъ нарождается и его звѣзда, устроившая его судьбу, принимая за доказательство своего заблужденія сказанное въ священномъ писаніи: «звѣзда его», т. е. ссылаясь на появленіе новой звѣзды, предвозвѣстившей рожденіе Спасителя. До сихъ поръ на Руси наканунѣ Рождества Христова не вкушаютъ до восхода первой звѣзды, а въ самый день праздника носятъ по домамъ «вертепъ» и «звѣзду». Въ вертепѣ представляются событія, какими сопровождалось рожденіе Спасителя; звѣзда дѣлается изъ бумаги, укрѣпляется на шесть—такъ, чтобы она могла обращаться, и освѣщается изнутри зажженной свѣчю—Москва. 1852, VI, 82; Шафшского: Черниговск. нашествіи—Чеченск. топографич. описаніе, 28; Эги. Сб., I, 320; Херсон. Г. В. 1844, 52.

да (по народному повѣрью, общему у русскихъ съ нѣмцами) имѣеть своего ангела, который назначаетъ ей мѣсто и направляетъ ея путь; на Руси звѣзды почитаются очами ангеловъ-хранителей, зорко-наблюдающихъ за дѣяніями людей, а въ блескѣ падающей звѣзды усматриваютъ слѣдъ, оставляемый аягеломъ при полетѣ его за душою усопшаго ¹⁾). У румыновъ мѣсто богини Зирки занимаетъ духъ Арминдьяя, обитающій на той звѣздѣ, подъ которою родится его клиентъ. Эта родная звѣзда имѣеть непосредственное вліяніе на всю жизнь человѣка: отъ нея зависятъ всѣ счастливыя и несчастныя приключенія, и румынъ въ пѣсняхъ своихъ и въ бесѣдахъ то благословляетъ, то клянетъ ее ²⁾).

По литовскому преданію, какъ скоро родится младенецъ, тотчасъ-же Верпея (Wегреја — приха, отъ wegrju — пряду), возсѣдающая на небесномъ сводѣ, начинаетъ прядеть нить его жизни; конецъ этой нити она прикрѣпляетъ къ новой звѣздѣ которая непременно является въ минуту рожденія человѣка. Когда-же наступаетъ его послѣдній часъ, Верпея перерѣзываетъ нитку: звѣзда упадаетъ, гаснетъ въ воздухѣ, и человѣкъ умираетъ: поэтому въ каждой изъ падающихъ звѣздъ видятъ знаменіе чьей-либо смерти ³⁾). Здѣсь слиты во едино два мнѣшескія представленія: а) возженіе пламенной, звѣздо-подобной души и б) пряденье жизненной нити. Народившійся младенецъ только тогда вступаетъ въ ереду живущихъ, когда его пуповина будетъ перевязана, или выражаясь пластически: когда онъ будетъ привязанъ къ жизни выпряденною ниткою, что у славянъ обозначается словомъ по-

¹⁾ Т. I Поэт. Возвр., 161, 177, т. III, 207; D. Myth., 684. — ²⁾ Телескопъ 1833, VIII, 503—4. — ³⁾ Ж. М. Н. П. 1844, IV, стат. Боричевск., 11; D. Myth., 685; Die Wissenschaft des slawisch. Mythus Гануша, 272.

вить (повой, повитуха, повивальная бабка; сравни выше стр. 153). Облачные дѣвы, какъ мы видѣли, признавались пряхами; являясь при родахъ, влагая въ ребенка «душу живу», онѣ въ народныхъ вѣрованіяхъ получили характеръ повивальныхъ бабокъ и помощницъ при разрѣшеніи беременныхъ женъ. Какъ своими свѣточемъ онѣ таинственно возжигали въ ребенкѣ огонь жизни, такъ своею пряжею, незримо для смертныхъ, привязывали его къ бытію, и пока связь эта оставалась крѣпкою — душа не могла отрѣшиться отъ тѣла; но едва Смерть или дѣвы судьбы разрывали ее, человѣкъ немедленно умиралъ — точно также, какъ умиралъ онъ вмѣстѣ съ угасшимъ пламенемъ души: это двѣ различныя метафоры, выражавшія одну и ту же идею. Отсюда, во 1-хъ, теченіе человеческой жизни стали уподоблять тянущейся нити, а затрудненія, ожидающія человѣка на жизненномъ пути, представлять узлами, которые надо распутывать (завязка и развязка событія). Выраженіе «нить жизни» пользуется гражданствомъ почти во всѣхъ индоевропейскихъ языкахъ; счастливый ходъ жизни соответствуетъ ровной, гладкой нити, и наоборотъ жизнь, исполненная страданій и бѣдствій, тянется суровою, узловатою нитью, опутываетъ человѣка словно сѣтями и налегаетъ на него тяжелой обузою. Во 2-хъ, образовалось убѣжденіе, что дѣвы судьбы суть вѣчно-работающія пряхи; своими руками онѣ прядутъ жизненную нить и вплетаютъ въ нее все, что должно совершиться съ человѣкомъ во время его земнаго существованія. Подъ вліяніемъ означенныхъ воззрѣній, повой младенца получилъ религіозный характеръ; дѣло это поступило въ руки вѣщихъ женъ, служительницъ боговъ, и нѣтъ сомнѣнія, что въ отдаленной древности оно сопровождалось священными обрядами; существовавшее бабка нѣсетъ при себѣ глаголъ бабка ть — нашептывать, ворожить; въ одной болгарской рукопи-

ся осуждаются жены, «кои завезуютъ деца малечки»¹⁾. Кроме указаннаго преланія о мюнчской пряхѣ, литовцы рассказываютъ еще о семи богиняхъ (dejwes walditojes), изъ которыхъ первая (=Верпея) прядетъ человѣку жизнь изъ кудели, данной верховнымъ божествомъ; другая мотаеъ выпряденныя нити и дѣлаеъ изъ нихъ основу; третья ткѣтъ холстъ; четвертая стараетъ пѣснями и рассказами обворожить своихъ сестеръ, и когда онѣ заслушиваются — портитъ ихъ работу, отчего тотчасъ же постигаютъ смертнаго неудачи, болѣзни, ссоры и прочія бѣды; пятая ей противодѣйствуетъ, не даеъ портить холстъ и побуждаеъ сестеръ къ труду: когда ея усилія не остаются напрасными и работа идетъ безъ помѣхи, то жизнь человѣка бываеъ исполнена спокойствія, радостей, здоровья и счастья; шестая отрѣзываетъ холстъ—и человѣкъ умираеъ; наконецъ седьмая моетъ наготовленную ткань и вручаеъ ее верховному богу. Изъ этой ткани дѣлаеъ рубашка, которую и долженъ носить усопшій на томъ свѣтѣ; такимъ образомъ онъ постоянно имѣеъ передъ собою полную исторію земной своей жизни, всѣхъ ея радостей и горя²⁾. По основному значенію мѣна, посмертная рубашка, наготавливаемая богинями судьбы, есть та облачная ткань, въ которую одѣваются стихійные духи и родственныя съ ними тѣни усопшихъ³⁾; въ погребальномъ обрядѣ ей соотвѣтствуетъ бѣлый саванъ. (стр. 275—6). Въ настоящемъ случаѣ

¹⁾ Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, стат. Бусл., 41. Въ Малороссіи умершей повивальной бабѣ кладутъ въ гробъ палку и привязываютъ къ поясу платокъ съ макомъ; на томъ свѣтѣ, говорятъ, навадутъ на нее дѣти (= души усопшихъ) за то, что помогаеъ имъ родиться для горестей земной жизни, и если она не успеетъ отбиться полною, то рассыпаеъ макъ; дѣти бросаются подбирать маковыя зерна, а повивальная бабка тѣмъ временемъ сплшитъ отъ маку удалиться—Буляшъ, II, 44. — ²⁾ Ж. М. Н. П. 1839. т. XXII, 14—16; Черты литов. нар., 68, 90; D. Myth., 121—6. — ³⁾ Оссианъ, I, 324: «онъ видитъ облакъ, долженствующій принять тѣнь его;

это представление о посмертной сорочкѣ смѣшивается съ дру-
гинь, не менѣе древнихъ, представленіемъ о тѣлесной
одеждѣ, облакающей душу со дня рожденія по день смерти
человѣка (см. ниже).

Пряха Верпея и мнѣшескія ткачихи стоятъ въ несомнѣн-
ной связи съ лаумами, что прямо свидѣтельствуешь за нихъ
первоначальное тождество съ облачными нимфами. На участіе
лаумы въ грозовыхъ явленіяхъ природы указываютъ назва-
нія: громовой стрѣлки — ея сосцежь, радуги — ея поя-
сомъ (I, 359) и воды (т. е. дождя) — ея пѣтомъ; вмѣстѣ
съ этимъ, ей приписывается и вліяніе на земное плодородіе:
она предвѣщаетъ урожай и голодъ, помогаетъ воздѣлывать
нивы и собирать жатвы. Какъ сербскія вилы и наши русалки,
лаумы живутъ въ лѣсахъ, поляхъ и въ водѣ, и наравнѣ съ
ними характеристическими своими признаками напоминаютъ
германскихъ эльфовъ. Онѣ крадутъ и подмѣниваютъ ново-
рожденных младенцевъ (см. выше стр. 307), налегаютъ на сон-
ныхъ людей, давятъ ихъ въ грудь или животъ ¹⁾, и любятъ
заниматься пряжею и тканьемъ. Въ четвергъ, какъ въ день,
посвященный громовнику, лаумы являются по ночамъ въ избы,
и гдѣ найдутъ неубранную прялку—салятся за работу и пря-

онъ видитъ туманъ, изъ котораго должна быть соткана его
(посмертная) одежда. — ¹⁾ «Laiune gul ant skilvio» — лаума лежитъ
на животъ — давить. Въ одну избу, сквозь небольшое отверстіе въ стѣ-
нѣ, прокрадывалась по ночамъ лаума и душила молодого парня, такъ
что онъ совсѣмъ извелся. Знающіе люди научили его, какъ изловить
лауму; слѣдуя ихъ совѣту, онъ приготовилъ дубовый клинъ, и когда
явилась ночная гостя — тотчасъ-же заколотилъ отверстіе. Цѣлую ночь
слышалъ онъ, что кто-то возится и царапаетъ въ углу, а поутру
увидѣлъ передъ собою прекрасную, но печальную дѣву. Молодецъ
женился на лаумѣ и прижилъ съ нею двухъ дѣтей. Впослѣдствіи,
уступая ея просьбамъ, онъ вынулъ дубовый клинъ — и вслѣдъ за
тѣмъ лаума исчезла и болѣе не возвращалась къ мужу; только въ
продолженіи года каждый четвергъ приносила она своимъ малюткамъ
по бѣлой сорочкѣ (сравни стр. 185 — съ преданіемъ о вилѣ).

дутъ до пѣтуховъ; готовую же пражу уносятъ съ собою. Поэтому вечеромъ, наканунѣ четверга, литвинки на за что не станутъ прастъ и тщательно скрываютъ свои нудели ¹⁾). Также охотно садятся лаумы и за ткацкой станокъ. Одной сироткѣ подарили онѣ много кусковъ полотна, но съ условіемъ, чтобы она ихъ не шѣрила; дѣвочка нарушила запретъ, и въ ту же ночь полотно исчезло изъ ея кѣлти. Какъ ни искусно прадуть и тнутъ лаумы, сами онѣ не умѣютъ ни начать, ни закончить своей работы, — чѣмъ существенно и отличается ихъ механическій, бездѣльный (свойственный стихійнымъ силамъ) трудъ отъ разумнаго труда человека. Сверхъ того, подобно нѣмецкимъ вѣдьмамъ, онѣ могутъ свое бѣлье — по четвергамъ, послѣ солнечнаго заката, и сильный стукъ отъ ихъ вальновъ далеко разносится по окрестностямъ: повѣрье, указывающее на поэтическую картину грозы, когда небесныя дѣвы, при звукахъ громовыхъ ударовъ, полощутъ въ дождевыхъ ливняхъ свои облачныя ткани (см. гл. XXVI). Только удары плети (= молніи) могутъ разогнать лаумъ и остановить ихъ шумную работу. Какъ мненческія пряхи, лаумы поступаютъ въ разрядъ вѣщихъ дѣвъ, завѣдующихъ рожденіемъ и смертію, а слѣдовательно и судьбою человека. Въ старинномъ словарѣ *laime* (*laime*) объясняется словомъ *fortune* (доля, счастье), а *laime* (множ. число *laimes*) толкуется: *Lucina, dea partus* — богиня родовъ; *lemti* — судить, опредѣлять, назначать. Съ одной стороны — лаумы помогаютъ родильницамъ, заботливо ухаживаютъ за грудными младенцами, купаютъ ихъ, баюкаютъ и укачиваютъ въ колыбели, почему и присвоивается имъ прозваніе *mašina* (мать). До сихъ поръ въ Литвѣ свято соблюдается обычай «обмывать новорожденнаго въ поту лаумы»,

¹⁾ Латышскія *swethas jumprawas* представляются съ приликами въ рукахъ — Архивъ ист.-юр. свѣд., II, ст. Срезнев., 119.

т. е. въ холодной водѣ ¹⁾). Съ другой стороны — какъ дѣвы, опредѣляющія не только начало, но и конецъ жизни, лаумы похищаютъ дѣтей (— увлекаютъ души въ свой таинственный міръ) и поражаютъ родъ людской внезапными смертельными ударами: когда лаума показывается въ зеленой одеждѣ — это знакъ будущаго урожая; если же она облекается въ красное платье, то предвѣщаетъ кровавую, губительную войну, а если въ черное, то сулитъ всеобщій голодъ и морь; въ послѣдствіи случаѣ ее называютъ моровою дѣвою ²⁾). Какъ предвѣстница войны, она сближается съ германскими валькириями, на которыхъ возлагалась печальная обязанность забирать души убитыхъ воиновъ. Если ребенокъ расплачется ночью, то литвины совѣтуютъ класть его за спиною матери — въ полной увѣренности, что невидимая покровительница дѣтей накормитъ и усыпитъ его; но какъ скоро дити успокоится, сейчасъ же слѣдуетъ переложить его въ люльку; иначе оно можетъ заспать до смерти ³⁾). Соответственне характеру облачныхъ дѣвъ, то дарующихъ живую воду дождя и пробуждающихъ природу къ жизни, то насылающихъ разрушительныя бури, градъ и стужу, съ ними необходимо сочетались противоположныя идеи рожденія и смерти. Опираясь на эти различныя воззрѣнія, народныя преданія представляютъ лаумъ то благотворными юными красавицами, то злобыми и безобразными старухами (см. II, 781-3).

Собственно о рожаницахъ мы не встрѣчаемъ свидѣтельствъ, чтобы онѣ пряди жизненную нить; думаемъ однако, что и съ ними въ старину соединилось подобное-же представление и только позабыто въ теченіи послѣдующихъ вѣковъ. На эту

¹⁾ Шлейхеръ, 91—97; Lituanica, II, 24, 31—37; Зап. Р. Г. О. по отдѣл. этногр., I, ст. Мянцки., 555; Рус. Сл. 1860, V, 19, 82; Вѣст. Р. Г. О. 1857, IV, 258; D. Myth., 387—8, 832. — ²⁾ Москва, 1846, XI—XII, 249. — ³⁾ Черты литов. нар., 95.

мысль наводятъ васъ хорутанскія сказки, отождествляющія рожаницъ съ вилами. Едва народится младенецъ (разсказываютъ хорутане), какъ тотчасъ-же — Богъ знаетъ откуда и какъ — являются въ избу три сестры-роженницы (гојеписе), садятся за столъ и въ краткихъ изрѣченіяхъ опредѣляютъ судьбу новорожденнаго; произнеся свои предсказанія, онѣ тихо удаляются, и если на ту пору свѣтитъ сквозь окно мѣсяцъ, то озаренные его лучами — бываютъ видны ихъ легкіе, воздушные образы и радужные покровы. Въ верхней Краинѣ ихъ называютъ чисте, беле деклице и жене (чистыя, бѣлая дѣвы и жены), въ Каринтін — желкниѣ, желъне жене, отъ глагола желѣти (желать, заботиться), подобно тому, какъ валькиріямъ давалось прозваніе «wunschnädchen»; въ другихъ мѣстностяхъ — живицы, суженицы и судицы (snjeņice = sojeņice, sudice = sodice), т. е. дѣвы жизни и судьбы. Последнее имя извѣстно также лужичанамъ (sud zick e), словакамъ и чехамъ (sudice, sudičk y). По повѣрью, уцѣлѣвшему между истрианъ, роженницы обитаютъ въ горныхъ пещерахъ (= въ нѣдрахъ облаковъ); поселяне донинѣ носятъ имъ хлѣбъ и кладутъ его у входа въ пещеру ¹⁾. Въ сборникѣ Валявца ²⁾ находимъ цѣлый рядъ любопытныхъ приповѣдокъ о роженницахъ, являющихся «sudit deteta», т. е. опредѣлять новорожденному его будущую судьбу. Одѣтыя въ бѣлыя одежды («vu belehь орґавань облебелъ»), онѣ подходятъ къ постели только что разрѣшившейся матери; каждая изъ нихъ держитъ въ рукахъ по горящей свѣчѣ — знаменіе того свѣточа, которымъ возжигается въ ребенкѣ пламя жизни (душа), почему и называютъ ихъ кресницами (возжигательницами, отъ кресъ — огонь ³⁾). Чтобы облегчить страданія родильницы и скорѣе

¹⁾ Архивъ ист.-юр. свѣд., II, ст. Срезнев., 107—8 — ²⁾ Стр. 76—91. — ³⁾ Архивъ ист.-юр. свѣд., II, ст. Срезнев., 107.

призвать въ сей міръ новую душу, на Руси принято во время родовъ зажигать вѣнчальную свѣчку ¹⁾. Совѣщаніе рожениць главнѣйшимъ образомъ сосредоточивается на опредѣленіи той смерти, какою нѣкогда долженъ скончаться новорожденный, или какъ выражаются хорутане: «to su ove babe, koje su diju sako dete s kakvom smrtju prejde iz ovoj sveta». Отсюда объясняется общезвѣстная у насъ и въ Германіи примѣта, что три зажженные свѣчи предвѣщаютъ чью-либо смерть въ домѣ ²⁾; отсюда-же становится понятнымъ, почему самая Смерть является въ преданіяхъ съ характеромъ богини судьбы. Подобно роженицамъ, она, по свидѣтельству народныхъ сказокъ, воспринимаетъ новорожденныхъ младенцевъ, и какъ тѣ называются у чеховъ кумами (k motřičku), такъ тоже названіе кумы присвоется и Смерти; въ своихъ пещерахъ она хранитъ свѣтильники человеческой жизни и опредѣляетъ срокъ ихъ горѣнія (см. выше стр. 201—4). Изъ трехъ сестеръ-рожицъ, устанавливающихъ судьбу младенца, мнѣніе послѣдней постоянно принимается за окончательное рѣшеніе; она есть дѣйствительная владычица смертнаго часа, и потому соотвѣтствуетъ злой паркѣ, перерѣзывающей жизненную нить человека, или Смерти, погашающей огонь его души. То, что присуждено роженицами, нельзя не измѣнить, не устранить никакими силами: это приговоръ всемогущаго, непреложнаго рока! Чтò бы ни дѣлалъ человекъ, какихъ бы предосторожностей ни принималъ, онъ не можетъ воспрепятствовать божьей волѣ — «božji jakosti zarębiti». Предрекутъ ли вѣщія жены смерть отъ волка —

¹⁾ Труды владимір. губ. статист. комит., VI, 86; Повѣт. Возвр., II, 12. — ²⁾ Записки Авдѣев., 142—3; Владим. Г. В. 1844, 49; Пузын., 159; Beiträge zur P. Myth., I, 214; D. Myth., 1028: въ той комнатѣ, гдѣ горятъ три свѣчи, вѣдьмы могутъ творить злые дѣла.

звѣрь этотъ явится въ урочный часъ въ своей жертвѣ, хотя бы она скрывалась за каменными стѣнами; присудятъ ли человѣку погнѣнуть въ водѣ, и хотя бы кругомъ на далекое разстояніе не было ни единого источника — онъ задохнется въ лужѣ. Одной царевнѣ было предсказано, что она умретъ отъ укушенія змѣи. Царь устроилъ стеклянный теремъ, куда даже и муравей не могъ пробраться; заключилъ тамъ свою дочь и приказалъ не выпускать ее изъ терема. Когда наступилъ «суѣенъ данъ», царевна пожелала винограду; слуга принесъ ей большую кисть, въ которой скрывалась малая ядовитая змѣйка, — в предсказаніе исполнилось! ¹⁾. Подобные рассказы существуютъ и въ нашемъ народѣ, хотя древнія краски въ нихъ болѣе или менѣе уже стерлись. Такова, напримеръ, сказка про Марка Богатаго ²⁾. Жилъ-былъ Марко Богатый; такъ вездѣ прозывался онъ, потому что у него было несмѣтное богатство. И Марко тѣмъ весьма величался, и былъ непомерно гордъ своимъ прозвищемъ. Во снѣ и на яву ему грезилось только его богатство. Однажды, стоя въ церкви, Марко сказалъ своему сосѣду: «что это, сосѣдъ! какъ ни богатъ я, а хоть бы разъ Господь Богъ пожаловалъ ко мнѣ въ гости!» — Чтожь, отвѣчалъ сосѣдъ, приготовься получше, и Господь посѣтитъ тебя своею благодатію. Сосѣдъ разумѣлъ по христіански, а Марко понялъ по своему: изготовилъ роскошный обѣдъ, пышно разубралъ свой домъ, устлалъ всю дорогу отъ воротъ до церкви парчами и бархатами, и сталъ дожидаться гостя. Прошла обѣденная пора, а Марко все ждетъ... Вотъ и солнце стало садиться; Марко не выдержалъ и приказалъ слугамъ своимъ собирать парчи и бархаты. Въ это время приходитъ на его дворъ съденкой старичокъ и

¹⁾ Срп. рјечник, 724; Književnik 1866, вып. II, 249. — ²⁾ Н. Р. Сл., I, 13; II, 35; Н. Р. Дог., стр. ЖХУІ; Деница 1834, 5—21.

просить ночлега. «Не до тебя мнѣ! сказалъ ему съ сердцемъ Марко. — Ради Бога, Марко Богатыи! укрой меня отъ темноты ночной». И Марко, чтобъ только отвязаться, велѣлъ впустить его въ избу, гдѣ лежала у него при смерти хвора я тетка. На другой день видитъ Марко, что идетъ къ нему тетка совсѣмъ здоровая. «Какъ это тебя угораздило?» спросилъ онъ съ удивленіемъ. — Ахъ, Марко Богатыи! отвѣчала тетка знаешь ли что? Видѣлось мнѣ, будто самъ Господь ночевалъ въ моей избушкѣ, и будто прилеталъ къ нему ангелъ съ вѣстію, что въ эту ночь родилось три младенца: одинъ у купца, а другой у крестьянина, третій у нищаго, и спрашивалъ: какой таланъ присудишь имъ, Господи? И Господь провѣщалъ: купеческому сыну обладать отцовскимъ таланомъ, крестьянскому сыну обладать землемашествомъ, а бѣднякову сыну — Марковымъ богатствомъ. «А еще что?» спросилъ Марко. — Да вотъ еще какая благодать: какъ проснулась я, то встала совсѣмъ здоровая! «Ладно, сказалъ Марко; только съ бѣднякова сына много будетъ обладать Марковымъ богатствомъ!» По другому варианту, Господь приходитъ въ видѣ убогаго старца, въ худомъ рубищѣ, и ночуетъ въ скотной избѣ. Въ ту пору, когда надо быть заутренѣ, затеплилась у иконы сама собой свѣчка; Господь всталъ, облекся въ ризы и началъ совершать службу. Прилетаетъ ангелъ: «Господи! въ такомъ-то селѣ, у такого-то крестьянина родился сынъ; какъ ему повелишь нареши имя и какимъ надѣлишь его счастіемъ?» — Имя ему, отвѣчалъ Господь, нарицаю Василій, прозваніе — Безсчастныи, а награждаю его богатствомъ Марка Богатаго. Не желая покориться божьему суду, Марко покупаетъ бѣднякова сына и бросаетъ его въ открытомъ полѣ въ сугробъ снѣгу; но въ тотъ-же день проѣзжали мимо купцы, запримѣтили, что изъ сугроба царь подымается, по дошамъ и видятъ: посреди снѣговъ проталинка, на проталинкѣ

трава зеленѣетъ и цвѣты красуются, а въ цвѣтахъ лежить младенецъ и кротко улыбается. Купцы взяли его и увезли съ собою; когда узналъ про то Марко, онъ въ другой разъ купилъ ребенка, перерѣзалъ ему брюшко, положилъ въ ящикъ и пустилъ пою водою. Волны прѣблили ящикъ къ берегу, на которомъ стоялъ монастырь; монахи достали ребенка, заживили его рану, вскормили его и поспитали. Случилось Марку Богатому лѣтъ черезъ пятнадцать захватить въ тотъ монастырь; свѣдалъ онъ про Ивана Безсчастнаго, уговорилъ его поступить къ себѣ въ услуженіе и послалъ съ письмомъ къ женѣ, а въ письмѣ отдалъ приказъ, чтобы затравили его собаками (или сварили въ кипучемъ котлѣ). На полдорогѣ утомленный юноша заснулъ; въ то время прилетѣлъ ангелъ-хранитель, взялъ у него Марково письмо и замѣнилъ другимъ, въ которомъ тою-же рукою было написано, что Марко нашелъ жениха для своей единственной дочери и велитъ тотчасъ-же выдать ее за Ивана Безсчастнаго. Свадьба была сыграна, и послѣ того что ни дѣлалъ Марко, а богатство его все-таки досталось бѣднякову сыну. Сказка о Маркѣ Богатомъ, не смотря на то, что многія подробности въ ней переработаны въ христіанскомъ духѣ, несомнѣнно принадлежитъ глубокой доисторической старинѣ. Она основана на древнѣйшемъ вѣрованіи въ предопредѣленіе Судьбы, которая при самомъ рожденіи младенца уже напередъ рѣшаетъ его будущность и притомъ такъ окончательно, что рѣшенія этого не въ состояніи измѣнить никакія человѣческія усилія. Вопросы, обращенные къ Богу: какими счастьемъ надѣлать онъ новорожденнаго?—въ другихъ народныхъ разсказахъ обращаются къ самой Судьбѣ (см. ниже). Древность означенной сказки подтверждается и ея повсемѣстнымъ распространеніемъ у различныхъ индоевропейскихъ народовъ ¹⁾. Наиболѣе важ-

¹⁾ Н. Р. Ск., I, прилѣч. къ № 13.

ными представляются намъ редакціи: хорутанская ¹⁾, въ которой будущую участь ребенка предсказываютъ «*tri belo oblečene ženske, rak saka je imela v roki svečo, a to so bile sojenice*», и чешская ²⁾, въ которой выведены судичку — «*tri stare babičky, celé bílé, každá měla v ruce svíci rozsvícenou*»; онѣ-то и поджигиваютъ письмо, написанное съ цѣлю погубить ихъ любимца. Въ норвежской редакціи ³⁾ вѣщія дѣвы замѣнены звѣздочетами — ради той связи, въ какую народныя вѣрованія ставятъ судьбу чловѣка съ расположеніемъ звѣздъ при его рожденіи; а въ русской — онѣ уступили свое мѣсто христіанскому Богу и ангелу-хранителю. По разсказамъ чеховъ, судички — три бѣлыя жены; въ полночный часъ являются онѣ подъ окно избы или въ самую комнату, гдѣ лежитъ новорожденное дитя, и совѣщаются о его будущей судьбѣ; при ихъ приближеніи все, чтó обитаетъ въ домѣ, погружается въ глубокій сонъ. Онѣ держатъ въ рукахъ зажженныя свѣчи и тушатъ ихъ ве прежде, какъ произнеся свой непреложный приговоръ. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ думаютъ, что судички садятся ночью на кровлѣ дома, возлѣ дымовой трубы, и предсказываютъ судьбу младенца по звѣздамъ ⁴⁾. Хорутанскія приповѣдки смѣшиваютъ роженницъ съ вилами. Однажды убогой пришелъ въ избу, гдѣ только что разрѣшилась хозяйка отъ бремени, и сълѣ возлѣ нечки. На ту пору явились три sojenice: «*bile so čisto belo oblečene, imele so na glavi bele velike robe, a okoli vrata grole samih demantov, zlata i srebra, lica bile so okrogloga, v elekrasne žene kakti vile*». Подошли къ столу и устались около него съ разныхъ сторонъ. Первая зарекла: «пусти, когда сравняется новорожденному семнадцать лѣтъ, станетъ онъ зимою рубить дрова, и въ то время набѣжитъ звѣрь и рас-

¹⁾ Сб. Валянца, 87—89. — ²⁾ Эрбенъ, 1—7. — ³⁾ I, 5. — ⁴⁾ Громанъ, 7.

терзаеть его». — Нѣтъ! возразила другая, пускай будетъ солдатомъ и умретъ на службѣ. — Не такъ! сказала третья, пусть онъ утонетъ на двѣнадцатомъ году. Убогой все выслушалъ и передалъ матери, и какъ та ни оберегала своего сына, а приговоръ совершился. Когда наступилъ роковой часъ, мальчикъ «*miništrual (vu cirkvo), stane se ide doli gde je bila blagoslovljena voda rak ruginе noter glavo i tak vumre*»¹⁾. И такъ роженицы столь же прекрасны и носятъ такую же бѣлую одежду, какъ и вилы. Изъ одной приповѣдки можно заключать, что онѣ, подобно виламъ, владѣли смертоносными стрѣлами; такъ однажды присудили онѣ младенцу, что когда исполнится ему 13 лѣтъ, 13 дней, 13 часовъ и 13 минутъ—ударить съ яснаго неба стрѣла и поразить его смертію²⁾. Но этого мало; мы имѣемъ прямыя указанія, что вилы заступали мѣсто роженицъ и играли ту же самую роль вѣщихъ дѣвъ, опредѣляющихъ судьбу человѣка. При рожденіи одной знатнаго рода дѣвочки, рассказываетъ хорутанская приповѣдка³⁾, позваны были на пиръ вилы. Онѣ явились въ золотыхъ одеждахъ, съ серебряными поясами; чудные золотые волосы ихъ ниспадали до самой земли; каждая изъ нихъ одарила новорожденную дорогимъ даромъ (— добрымъ предвѣстіемъ будущаго), а одна «злочеста» дала ей шкатулку, въ которой было написано, что дитя будетъ прекрасно, но рано погибнетъ. И вотъ, когда дѣвочка выросла и наступило время выдавать ее замужъ, злая вила првшла въ замокъ, ударила ее волшебнымъ прутомъ (— молніеносной стрѣлою), и въ тотъ же мигъ красавица окаменѣла, т. е. сдѣлалась жертвою смерти. Съ тѣмъ же значеніемъ выступаютъ вилы въ переводной съ латинскаго сказкѣ, писанной на сербо-болгарскомъ нарѣчій

¹⁾ Сб. Валявца, 85—86. Переводъ: прислуживалъ въ церкви, подошелъ туда, гдѣ стояла освященная вода, опустился въ нее головою и умеръ. — ²⁾ Ibid., 81—82. — ³⁾ Ibid., 56—57.

(XIV-го вѣка), отрывокъ которой напечатанъ покойнымъ Востоковымъ въ «Описаніи рукописей Руиняцковскаго музеума» ¹⁾: «оувѣдѣше то (брачное торжество короля Пелея) три вилы-пророчицѣ, коѣ бѣхѣ найлѣпшѣя въ морскыхъ отозѣхъ, и доидошѣ на оно веселіе, развѣ единѣ, ѣжѣ незна, зане бѣше свадлива, ииенемъ Диевошькордиа; где идѣше — все свадѣ страше, за то не хотѣхѣ я звати». Эта свадливая вила, оскорбленная тѣмъ, что ее не позвали на пирь, даетъ злое предвѣщаніе, и есть Discordia, о которой говорится въ древней повѣсти о Пелеѣ. Въ сербскихъ пѣсняхъ вилы являются пророчицами ²⁾ и указываютъ смертнымъ присужденную имъ долю:

Јунак ми ков(ь)а јеадаше,
 Предрагу срећу искаше;
 Виле ми н(ь)ега виђеше,
 Јунака сташе дозиват':
 „Овамо свраћај, јуначе!
 Твоја се срећа родила,
 Сунчаном ждраком повила,
 Мјесецем сјајним гојила,
 Звјездама сјајним росила“ ³⁾.

Марку-королевичу вила предвозвѣстила его смертнѣйшій часъ, и въ подтвержденіе словъ своихъ послала его къ горному источнику, заглянувъ въ который, королевичъ тотчасъ-же прочиталъ на своемъ лицѣ близкую кончину (см. выше стр. 168 — 9). Чехи до сихъ поръ убѣждены, что, глядясь въ колодцы на «щедрыи» вечеръ, можно угадать свое будущее; они ходятъ къ источникамъ, прудамъ или рѣкамъ, бросаютъ

¹⁾ Стр. 385—7. — ²⁾ Кувулевичъ, 91, 94. — ³⁾ Срп. и. пјесе, I, 191. Переводъ: ѣдиль юнакъ на конѣ, искалъ дорогию долю; увидали его вилы, стали звать юнака: «поворачивай сюда, молодецъ! твоя доля родилась—солнечнымъ лучемъ спеленалася, яснымъ мѣсяцемъ восхормлена, ясными звѣздами воспоена».

въ вѣхъ куски праздничныхъ яствъ, плоды, орѣхи, в причитываютъ: «studánko! pověz ty miě pravdu» (II, 192, 209 ¹). Обитая въ облачномъ небѣ, вилы — роженницы обладали живою водою райскихъ ключей, черпали изъ нихъ напитокъ мудрости и становились въ разрядъ вѣщихъ женъ, опредѣляющихъ грядущія судьбы. Самое названіе вилы указываетъ въ ней пряжу (отъ слова вить), т. е. дѣву, прядущую нить жизни, и вѣстѣ повитуху (повивальную бабу), присутствующую и помогающую при родахъ; свидѣтельства о ея прядильныхъ работахъ приведены выше (стр. 177—8). Ганка упоминаетъ о именованныхъ пряхахъ—lichoplezi (=плетущія лихо, т. е. жизненные бѣды и смерть), соответствующихъ паркамъ ²); болгары знаютъ злату бабу, которая научила женщинъ пряхъ и ткать ³); а въ преданіяхъ словацкихъ еще не забыть золотой сплетѣнный шнуръ, тождественный съ золотою веревкою германскихъ норнъ ⁴). На Русѣ существуетъ нѣсколько повѣрій, поставляющихъ занятія пряжею и тканьемъ въ связъ съ родами и смертію: во всѣ святочные вечера не вьютъ веревокъ, опасаясь, чтобы беременная женщина не родила урода ⁵); гдѣ на Рождество плетутъ лапти, въ томъ домѣ родится кривой ребенокъ ⁶); если предъ Благовѣщеньемъ или страстною недѣлею будетъ вывѣшенъ новый холстъ и подъ него подойдет звѣрь, то сейчасъ околѣетъ ⁷), что напоминаетъ намъ по-смертную сорочку, изготовляемую литовскими парками.

Болгары вѣрятъ, что ко всякому новорожденному являютъся трѣ (вногда двѣ и четыре) чудесныя дѣвы и присуждаютъ ему счастливую или несчастную долю; одна изъ нихъ — старшая, которой и принадлежитъ окончательно-рѣшающій го-

¹) Рус. Вѣст. 1862, I, 352. — ²) D. Myth., 407. — ³) Показалець Раковского, I, 3. — ⁴) Ганушъ, 206. — ⁵) Могил. Г. В. 1852, 4. — ⁶) Нар. сл. раз., 162. — ⁷) Ibid., 164.

лесь. Дѣвъ этихъ они называютъ: а) урисници или урисневци и б) наржчници. Первое названіе: орие(з)ници нѣтъ при себѣ въ болгарскомъ языкѣ выраженія: «тѣмъ му было урисано», т. е. предопредѣлено ¹⁾, и ризик = рисни—счастіе, судьба ²⁾. Наржчници—тѣ, «ков наржчатъ колку и како ке живять родено-то, и що ке наржчатъ третья-та, това ке бидить» ³⁾. Въ первую ночь послѣ родовъ приходятъ урисницы въ домъ разрѣшившейся матери и предвѣщаютъ ея младенцу: сколько лѣтъ онъ проживеть, какова будетъ его жизнь — счастливая или бѣдственная, съ кѣмъ вступить онъ въ брачный союзъ, какими болѣзнями будетъ страдать и какую смертію умереть. Рассказываютъ еще, что есть три урисницы добрыя и три злыя, что тѣ и другія никогда не бываютъ согласны и ведутъ между собою вѣчную борьбу. Изъ трехъ добрыхъ урисницъ первая даетъ младенцу умъ и знаніе грамоты, вторая надѣляетъ здоровьемъ, красотою и даромъ слова, а послѣдняя руководитъ его въ продолженіи всей жизни, учитъ ремесламъ и доставляетъ случаи разбогатѣть ⁴⁾. Показываясь взрослому человѣку, онѣ предостерегаютъ его отъ угрожающаго несчастія. Всѣхъ урисницъ много; онѣ всегда юны и прекрасны и живутъ на небѣ ⁵⁾; по свидѣтельству народной пѣсни ⁶⁾, онѣ нисходятъ за душой умирающаго человѣка въ туманахъ (иглаѣ) и вихрихъ:

Задале съ силни-че вѣтро'и,
Задале съ мжги и пра'о'и,
По нимъ идѣтъ силни віулици,

¹⁾ Каравел., 140. — ²⁾ Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, стат. Срезнев., 108; Germ. Mythen, 582: ризик, рисни = новогр. ριζικος, итал. rischio, исп. riesgo, отъ др.-греч. ὄρλιζω — termino, desegno, statuo. — ³⁾ Миладин., 525. Переводъ: которыя нарвцають (изрекають), сколько и какъ жить новорожденному; что изречеть третья, то и сбудется. — ⁴⁾ Каравел., 171. — ⁵⁾ Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, ст. Срезн., 108. — ⁶⁾ Миладин., 16—18.

Большую частію урисицы являются въ дома невидимо; но ннымъ удавалось и видѣть, и слышать ихъ. Такъ однажды какой-то путешественникъ остановился ночевать въ домѣ, гдѣ хозяйка родила дѣвочку. Въ полночь — когда всѣ уснули, только не спалъ прїѣзжій — явились урисицы; первая сказала, что дѣвочка должна прожить 50 лѣтъ; вторая — что она будетъ терпѣть бѣдность; третья — что на тридцатомъ году она сильно заболѣетъ, но черезъ четыре мѣсаца выздоровѣетъ; наконецъ четвертая сказала, что она выйдетъ замужъ за этого самого путешественника, которому тогда уже было тридцать лѣтъ отъ роду. Услышавъ такое предсказаніе, онъ подумалъ съ горечью: «я и такъ оставался неженатымъ до тридцати лѣтъ; неужели еще буду ждать, пока вырастетъ эта дѣвочка?» Въ досадѣ схватилъ ребенка, выбросилъ вонъ и потихоньку удалился изъ дому. Поутру нашли окровавленную дѣвочку у забора; жизнь ея была спасена, но остался небольшой знакъ на спинѣ. Прошло двадцать лѣтъ; тотъ-же путешественникъ, проживая въ другомъ городѣ, прїискалъ себѣ невѣсту, сосватался и повѣнчался; замѣтивъ у жены знакъ на спинѣ, онъ спросилъ ее — и узналъ, что судьбы своей не минуешь ¹⁾. Нѣкоторыя женщины въ Болгаріи и Македоніи увѣряютъ, что онѣ, послѣ родовъ, видѣли урисицъ при своей постели и что одна изъ нихъ мѣрjala нить, а другая отрѣзывала ее ²⁾, т. е. первая отмѣривала нить человеческой жизни, назначала ея продолженіе (= долготу земнаго существованія), а вторая пересѣкала ее — опредѣляла минуту смерти. Англосаксонское имя богини судьбы было *Mēten* (*mettena* = *die abmessende*), т. е. измѣряющая; тоннія нити паутины, развѣвающіяся осенью (въ Бабье лѣто) по заборахъ и кустамъ, признаются за работу искусно-прядущихъ эльфовъ и дѣвъ

¹⁾ Ж. М. Н. П. 1846, XII, 210—1. — ²⁾ Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, ст. Срезн., 108.

судьбы и въ нижней Саксоніи называются metten, metjen, sommermetjes, mettken sommer; въ Дитмархъ говорить про нихъ: «de Metten hebt sprunnen». Если такая паутина повиснетъ на чьемъ-либо платьѣ—это принимается за предвѣстіе счастья ¹⁾).

Славянскія рожаницы соответствуютъ греческія мюифры, римскія парки, романскія феи и германскія норны. Такъ какъ главная, существенная обязанность дѣвъ судьбы состояла въ опредѣленіи начала и конца человѣческой жизни, т. е. рожденія и смерти; то отсюда и самыя названія, придавныя имъ, указываютъ на одинъ изъ этихъ пунктовъ, ограничивающихъ земное существованіе человѣка. У славянъ, какъ мы видѣли, осиливаетъ мысль о началѣ жизненнаго поприща. Напротивъ греч. мюифра образовалось изъ мюфра, отъ корня шог, шаг, снскр. шг — шмрять, и значить: умерщвляющая, убивающая; сходно съ этимъ, и римлянинъ первоначально называлъ свою парку шогта. Такое значеніе слова мюифра было позабыто уже въ глубокой древности, и изъ понятія могучей смерти возникло общее представленіе судьбы—точно также, какъ мюброс (шогс, моръ— не только смерть вообще, но и соединенная съ насиліемъ) у Гомера употребляется въ смыслѣ «жребія жизни», предназначеннаго человѣку со дня рожденія; почему и понадобилось дополнять означенныя рѣченія приставкою слова θάνατος: «θάνατος και мюифра хратаиη», «θάνατος те мюброс те». Въ поэтическихъ сказаніяхъ мюифра является, какъ олицетвореніе

¹⁾ Germ. Mythen, 638—640. Въ нашихъ заговорахъ упоминаются какія-то загадочныя жены — метницы: „сохрани мене, Господи, отъ вѣдуновъ и полувѣдуновъ, отъ тридцать колдуновъ и полуколдуновъ, отъ ережиковъ и полуеретиковъ, отъ метницъ и полуметницъ“ — Этн. Сб., VI, библиогр. указ., 5. Въ арханг. губ. метнице — сѣтчатый рыболовный снарядъ (Обл. Сл., 113); серб. метница = прежа, das garn, netz (Срп, рјечник, 355).

губительной смерти: она участвует въ битвахъ, нападаетъ на человѣка, душитъ и убиваетъ его, схватываетъ его рунами, повергаетъ наземь, опутываетъ крѣпкими узами ¹⁾ и застигаетъ ему очи безъисходнымъ мракомъ Танимъ образомъ смерть принималась за непреложный законъ природы, за требованіе неумолимаго рока, и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ — за жребій, выпавшій по волѣ враждебной богини. Древнѣйшее народное вѣрованіе знало многихъ прадушнихъ (*κατακλῶδες*) и разящихъ смертію (*μοῖραι*) женъ судьбы; наряду съ мойрами выступали и убійственныя керы; и тѣхъ, и другихъ, по свидѣтельству Гезіода, породила черная Ночь. Число мойръ у него ограничено тремя: первая *Κλωθώ* (*die Spinnerin*) прядетъ жизненную нить, вторая *Λάχεσις* (*lossung*) бросаетъ жребій, рѣшающій направленіе и исходъ грядущихъ событій, а третья *Ἄτροπος* (*die unabwendbare*), старѣйшая и ничѣмъ неотвратимая, перерѣзываетъ выпряденную нить и прекращаетъ біеніе жизни; она выражаетъ собою неизбѣжный конецъ, ожидающій каждаго человѣка, завѣдываетъ его смертнымъ часомъ, и потому *Ἄτροπος* есть мойра по преимуществу, въ первоначальномъ значеніи этого слова ²⁾. По указанію Платона (*de republ.*), три мойры—дочери Судьбы (*Ἀνάγκη*); онѣ возстаютъ въ бѣлыхъ одеждахъ и вѣнцахъ, и подъ жужжаніе вертящагося веретена поютъ свои предвѣщанія ³⁾. Всякая—и счастливая, и печальная участь человѣка опредѣляется ими при самомъ его рожденіи, и все, чтó ни случается съ смертнымъ, уже напередъ вплетено въ

¹⁾ Индѣйцы давали богу усопшихъ (Ямъ) веревки и путы, которыми онъ и его послы связывали людей; тѣже атрибуты приписываетъ Смерти и древне-нѣмецкій поэтъ—*Germs. Mythen*, 580; сравни выше стр. 44.— ²⁾ *Germs. Mythen*, 579—583; *Griech. Myth. Преллера*, I, 414.— ³⁾ *D. Myth.*, 386.

его жизненную нить пряхою Κλωθώ¹⁾. Тѣже вѣрованія у римлянъ прилагались къ паркамъ; рагса заключаетъ въ себѣ понятіе пряхи (=вилы) — отъ санскр. рагá (смѣшивать, связывать; гр. πλέχω, лат. плесто, слав. плету²⁾). У новыхъ грековъ Міга, Тісhі и Рисіко (ἡ Μοῖρα, ἡ Τύχη, τὸ Ροῦζικό) признаются за существа, тождественныя тремъ паркамъ: а въ албанскихъ сказкахъ мѣры являются вѣщими старухами, опредѣляющими человѣческую судьбу³⁾.

Съ той поры, какъ на историческую сцену выступили романскія народности, названіе рагса было позабыто и въ замѣну его создано новое: отъ существительнаго средняго рода fatum (судьба, рокъ) образовались итал. fata, испан. hada, прованс. fa da, фран. féе (подобно тому, какъ пее отъ pata). Какъ рано употребительно было такое названіе въ Италіи, указываютъ Авзоній и Прокопій (de bello goth.). Эти мионческія жены — феи болѣею частію представлялись въ тройственномъ числѣ; во встрѣчается также и число семь или тринадцать. Тѣе fate, странствуя по свѣту, являются къ родильницѣ, предсказываютъ судьбу новорожденнаго младенца, прилагаютъ его къ своей груди и оказываютъ ему нѣжную заботливость, какъ попечительныя матери (matres, matronae), почему французы называютъ ихъ повивальны-

¹⁾ Илиада, XX, 127—8; XXI V, 209—210; Одис., VII, 197—8; XIX, 145—6. По приказу Аполлона, мѣры должны были присутствовать при рожденіи Эвадее; а при рожденіи Геракла, посланныя ревнивою Герою, онѣ продолжили мученія матери его—Алкмены. — ²⁾ Курциусъ: Grundzüge der griech. etymologie, 134—5. Г. Срезневскій сближаетъ лат. рагса съ словами рагіо (рождѣю) и рагс (часть), греч. моіра съ μέρος, а слав. часть производитъ отъ корня ча=чън=кън, отъ котораго образовались и глаголы чати (за-чати), и существит. чадъ, чадю—Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, 113—4. Такимъ образомъ, по его мнѣнію, парка означаетъ тоже, что и рожаница; во какъ ни соблазнительно такое производство, принять его нѣтъ достаточныхъ основаній. — ³⁾ Germ. Mythen, 582.

ни бабками—*obstetricæ, ventriæges*; двѣ фаты напутствуютъ ребенка въ жизнь добрыми пожеланіями, а третья даетъ зловѣщее предсказаніе. Есть такой разсказъ: было въ одной странѣ семь фей; шесть изъ нихъ были приглашены въ кумы и на родильномъ пиру посажены на почетныя мѣста за столомъ; о седьмой-же забыли, но она явилась и непрошенная, и между тѣмъ, какъ приглашенныя феи одаряли ребенка различными благами, эта послѣдняя изрекла ему проклятіе ¹⁾. Феи живутъ въ ущеліяхъ скалъ и въ лѣсахъ, возлѣ озеръ и источниковъ; въ славномъ мѣсту у ключа de Begeuton народное воображеніе видѣло *damés faées*, облеченныхъ въ бѣлыя одежды: онѣ надѣляли дѣтей дарами счастья, и только одна изъ нихъ, недобрая и завистливая, дарила бѣдствіями. Эти скалы, лѣса и источники первоначально усматривались на небѣ — въ темныхъ грядѣхъ дождевыхъ облаковъ. О паркахъ также думали, что онѣ обитаютъ въ горахъ. Когда наступаетъ жатва, феи показываются на деревенскихъ празднествахъ и награждаютъ прилежныхъ прячь. Ихъ нерѣдко представляютъ съ «рогомъ изобилія» въ рукахъ, что намекаетъ на ниспосланіе имъ земнаго плодородія. По французскимъ сказаніямъ, онѣ, подобно нѣмецкимъ великанкамъ, носятъ на головѣ или въ передникѣ огромные куски скалъ, а свободною рукою въ тоже самое время кружатъ веретено; въ крестьянскія избы онѣ являютъ черезъ дымовыя трубы — путь, которымъ пользуются и наши вѣдьмы ²⁾.

¹⁾ Феи явились въ ночь рожденія Огера Датскаго и каждая дала ему особенный даръ; онѣ же присутствовали при рожденіи Оберона и надѣлили его всевозможными жизненными благами, кромя одной, которую позабыли пригласить и которая, въ отищеніе за свою обиду, осудила его на ростъ карлика—Архивъ ист.-юрид. свѣд., I, ст. Срезнев., 118. — ²⁾ D. Myth., 382—8, 401—3, 1102.

Тождество дѣвъ судьбы съ облачными нимфами съ особенною наглядностію обнаруживается въ скандинавскихъ преданіяхъ о норнахъ. Nôgn означаетъ тоже самое, что мойра, т. е. «умерщвляющая»; корень этого слова—пак (снкр. паc, лат. нес-аге), откуда лат. нес-с, греч. νέχο-ς, νεχ-ρός, гот. паһу-с, скан. паг, лвт. паһві—умереть, паһве—смерть, слав. навити—убивать и навье. Западная отрасль арійскаго племени знала демоническую жену Nacus, которая поражала людей смертію и бросалась на ихъ трупы ¹⁾. Эдда говоритъ о трехъ норнахъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ свое собственное имя: Urdhr (die gewordene ²⁾), Verdhandi (die werdende ³⁾), Skuld (die werden sollende ⁴⁾), готск. Vaúrps, Vaifrāndei, Skulds, др.-в.-нѣм. Wurt, Werdandi, Scult. Имена эти означаютъ: минувшее, совершающееся и долженствующее быть, или прошлое, настоящее и будущее, и такимъ образомъ характеризуютъ намъ германскихъ паркъ въ присвоенныхъ имъ занятіяхъ: первая знаетъ все бывшее, вторая завѣдываетъ текущими минутами жизни, а послѣдняя опредѣляетъ грядущія событія; «sie legten loosse, bestimmten das leben der menschengeschlechter, schicksal zu ordnen» ⁵⁾. Подобныя представленія соединялись и съ мойрами: Лахезисъ вѣдала τὰ γέγονότα, Клото—τὰ ὄντα, Атропосъ—τὰ μέλλοντα; латинскіе писатели распредѣляютъ эти обязанности нѣсколько иначе: у Апулея Clotho заботится о настоящемъ, Atropos вѣдаетъ прошедшее, а Lachesis устрояетъ будущее. По имени норны Urdhr названъ колодець, бьющій изъ-подъ небеснаго корня мировой ясени—Urdharbrunn; возлѣ этого источника, въ прекрасномъ залѣ, обтаютъ норны; изъ него черпаютъ онѣ воду, и окропляя вѣтви священнаго

¹⁾ Germ. Myth., 584—5. — ²⁾ Von verdha—werden aus dem plur. praeter. urdhum gebildet. — ³⁾ Fem part. praes. von verdha. — ⁴⁾ Part. praet. von skula. — ⁵⁾ Симрокъ, 5—6.

дерева, посылают ее на землю россою; вода эта все мелодить и оживляетъ, слѣдовательно обладаетъ тѣми-же свойствами, что и благодатный jungbrunnen Идуны. Тутъ-же у источника Урды собираются боги творить свой праведный судъ и давать законы вселенной. Три норны суть дѣвы вѣщія, опредѣляющія каждому человѣку продолжительность и всѣ обстоятельства его жизни; обязанныя изрекать непреложные приговоры (=судицы), онѣ возсѣдаютъ на судейскихъ креслахъ. Приближаясь къ колыбели новорожденного, норны прорицаютъ ему судьбу и собственными руками прядутъ его жизненную нить. Когда родился герой Гельги (Helgi), ночью явились въ замокъ норны, свили нити его судьбы и протянули посреди неба (unter dem Mondessaal) золотой шнуръ (gullinsimi—goldseil); одна норна скрyla конецъ шнура на востокъ, другая — на западъ, а третья (schwester des Neri) прикрѣпила нить къ сѣверу:

Westlich und östlich
die Enden bargen sie —
in der Mitte lag
des Königs Land.
Einen Faden nordwärts
warf Neris Schwester,
ewig zu halten
hiess sie diess Band.

•
Вся область между концами протянутого шнура, отъ востока до запада, должна современемъ подчиниться власти героя, быть ареною его подвиговъ. У одного средневѣковаго поэта сказано:

Zwó scephfer fláhten mir ein seil,
dà bl diu dritte saz;
diu zebrachz: daz was min unheil. 1)

1) Переводъ: двѣ творческія жены плели мнѣ веревку; тутъ-же сидѣла третья и разрывала: то было мое несчастіе.—Какъ отголо-сокъ стариннаго преданія о норнѣ, разрывающей нить жизни, до-

Эта послѣдняя, рвущая пряжу и тѣмъ самымъ творящая бѣды, соответствуетъ третьей норнѣ, что бросаетъ сдерживающую привязь ва сѣверъ — въ печальную страну ночи, зимы и смерти. *Nöfnagestsaga* рассказываетъ о вѣщихъ женахъ (*völur, þógnir*), которыя странствовали по свѣту, стучались въ дома и предсказывали смертнымъ будущее. Люди приглашали ихъ въ свои жилища, угощали и чествовали дарами. Однажды явились онѣ къ отцу Норнагеста; дитя лежало въ колыбели, а возлѣ горло двѣ свѣчи. Первыя двѣ вѣщуны благословили ребенка счастьемъ; но третья, младшая норна была раздражена: ей досталось сѣдалище такое тѣсное, что она упала съ него, и подымаясь — она воскликнула: «*ich schaffe, dass das kind nicht länger leben soll, als die neben ihm angezündete kerze brennt!*»¹⁾ Въ ту же минуту старшая *völva* схватила свѣчу, погасила и отдала матери, советуя не прежде зажечь ее, какъ въ послѣдній, предсмертный часъ ея сына, который потому и получилъ имя Норнагестъ (*Nöfnagestr, Nöfnengast*). Онъ прожилъ до глубокой старости, и когда наскучила ему жизнь — зажегъ роковую свѣчу и предался смерти. Эта любопытная сага указываетъ на тождественное значеніе словъ: *völva* и *þógnir*; изъ нея очевидно, что норны опредѣляли новорожденному его грядущую судьбу, что онѣ создавали (*sie schaffen*) его счастье и несчастье: выраженіе, свидѣтельствующее за нихъ божественную, творческую силу (срав. ниже сагу о Старкадрѣ). Съ Норнагест-сагою родственно греческое сказаніе о Мелеагрѣ; при его рожденіи предвѣщали три мойры, и Атропосъ назначила ему жить до тѣхъ поръ, пока не сгоритъ положенное

сезъ существуетъ примѣта, что встрѣча съ прихкою предвѣщаетъ неудачу — D. Myth., 1078. — ¹⁾ Переводъ: «я творю (=присуждаю), что дитя должно жить до тѣхъ поръ, пока не сгоритъ зажженная при немъ свѣча».

на очагъ полѣно; встревоженная такимъ предсказаніемъ, мать ребенка — Алтея тотчасъ-же выхватила полѣно въ пламени, погасила его и спрятала (см. выше стр. 204). Дѣвы судьбы, какъ мы знаемъ, возжигали въ новорожденномъ пламя жизни и гасили его при кончинѣ человѣка; фантазія воспользовалась этимъ мненческимъ представленіемъ и заставила ихъ опредѣлять долготу жизни по времени горѣнія свѣчи или обрубка дерева. Сверхъ того, обязанность зажигать и тушить огонь жизни народныхъ сказки возлагаютъ и на богиню Смерть, ради тѣсной связи ея съ третьею паркою, разрывающею жизненную нить (стр. 203). Саксонъ-грамматикъ называетъ норнъ сестрами и для обозначенія ихъ употребляетъ слова: рагса и пушра. Изъ трехъ сестеръ двѣ первыя благосклонны къ ребенку, а третья, младшая — Skuld враждебна; она-то и назначаетъ срокъ жизни и опредѣляетъ, какою именно смертію долженъ погибнуть человѣкъ. Эдада говоритъ, что между норнами есть добрыя и злыя, и хотя по имени называетъ только трехъ; но допускаетъ и большее число; добрыя норны происходятъ отъ боговъ (асовъ) и свѣтлыхъ эльфовъ, злыя — отъ мрачныхъ, подземныхъ карликовъ (цверговъ); первыя создаютъ людское счастье, а послѣднія старятся имъ противодѣйствовать и посылаютъ горести и страданія ¹⁾. Преданіе о вѣщихъ женахъ, странствующихъ по землѣ и надѣляющихъ человѣка, при самомъ его рожденіи, благами и бѣдствіями, было сильно распространено въ средніе вѣка и донынѣ повторяется въ народныхъ сказкахъ и сагахъ. Такъ сказка про царевну «Dornröschen» (II, 423) упоминаетъ о тринадцати вѣщихъ женахъ (weise frauen); изъ нихъ двѣнадцать одарили дѣвочку красотой, богатствомъ и всевозможными добродѣ-

¹⁾ D. Myth., 377—381, 385—7; Beiträge zur D. Myth., II, 167, 183, 195—6; Germ. Mythen, 542—4, 554—6, 568—9, 674; Смирновъ: Эдада, 128. Вѣщія жены völur произошли отъ великановъ.

ляни, а тринадцатая, которую не хотѣли пригласить на родильное ширшество, явилась незванная и нарекла ей проклятіе: въ пятнадцать лѣтъ, сказала она, царевна уколется веретеномъ и падеть мертвая! Предсказаніе сбылось вполнѣ. Въ роковой день царевна взошла на старую башню, гдѣ сидѣла старуха и прядла кудель; дотронулась до веретена, уколола нѣмецъ и тотчасъ-же погрузилась въ долголѣтній, непробудный сонъ. Выше приведены подобныя-же сказанія о феяхъ и вилахъ. Какъ вила ударомъ волшебнаго прута окаменяетъ красавицу, такъ вѣщая жена посылаетъ на нее смертельный сонъ уколомъ веретена. Въ Баваріи разсказываютъ о трехъ представительницахъ судьбы, называемыхъ heilgätinnen (т. е. присуждающія людямъ счастье). Двѣ изъ нихъ—добрыя: одна—бѣла что снѣгъ, а другая (сходно съ литовскою лаужой) носить бѣлую и красную одежды; третья же—злая и даннымъ ей именемъ (Held) родится съ Геллою; какъ эта послѣдняя, она представляется или совершенно-черною, или на половину-бѣлою, на половину-черною; изъ страшнаго, сумрачнаго лица ея блистаютъ два огненныхъ глаза. Добрыя сестры прядутъ спасительную пряжу и готовятъ холстъ, который подстилаютъ родильницамъ для скорѣйшаго и благополучнаго разрѣшенія отъ бремени. Такимъ образомъ онѣ сходятся съ мненческими помощницами при родахъ— греческими εἰλεθούσαι и съ богиней Гольдою или Бертою, которая въ бѣлоснѣжной одеждѣ приходитъ въ домъ, качаетъ и баюкаетъ дѣтей, если спятъ ихъ мамки, и о которой (по справедливому замѣчанію Я. Гримма) трудно сказать, что въ ней перевѣшиваетъ: характеръ ли богини, или вѣщей жены. Злая сестра Held плететъ веревку, которою связываетъ смертныхъ и увлекаетъ къ себѣ — на тотъ свѣтъ. Чтобы унять шаловливыхъ дѣтей, имъ говорятъ: «будьте смиренны; не то придетъ злая (die böse) и

связають васъ веревкою!» Въ другихъ мѣстностяхъ удѣляли рассказы о трехъ тавиственныхъ дѣвахъ, вѣщія пѣсни которыхъ раздаются при родинахъ (крещеніи), свадьбѣ ¹⁾ и похоронахъ; пѣсни двухъ первыхъ сулятъ новорожденному и новобрачнымъ счастье, третья же поетъ о житейскихъ невзгодахъ и смерти. У каждой изъ нихъ висѣтъ съ боку прялка со льномъ, а въ рукахъ веретено. Онѣ прядутъ веревку (seil), протягивая ее съ одной горы на другую, и разбрасываютъ по воздуху прекрасныя ткани, которыя, вися въ поднебесья, предвѣщаютъ хорошую погоду ²⁾. Въ этомъ повѣртіи съ особенною наглядностію выластается ихъ близкая связь съ облачными и водяными (дождевыми) нимфами. О нихъ рассказываютъ, что онѣ, выходя изъ воды, являются къ родильницамъ, помогаютъ ихъ разрѣшенію, предвѣщаютъ будущее, прядутъ ленъ и въ ясные дни просушиваютъ свое бѣлье; въ народныхъ сагахъ нѣкій духъ или святой угодникъ бросаетъ на воздухъ одежды и пологна и оставляетъ ихъ висѣть на солнечныхъ лучахъ. Эти бѣлыя ткани, висящія въ воздухѣ и обѣщающія вѣдро, суть поэтическое представленіе облаковъ, озаренныхъ лѣтнимъ солнцемъ. Небесныя дѣвы ткуть ихъ изъ паровъ и тумановъ, вышиваютъ золотомъ (—разцвѣчиваютъ солнечными лучами) и моютъ въ дождевыхъ потокахъ. Въ южной Германіи существуетъ поговорка: «so wollte ich ja lieber mit den hezen auf dem Schwarzwald nebel spinnen». По лужиц-

¹⁾ Нѣмецкая сказка говоритъ о трехъ старыхъ прихахъ, которыми помогаютъ дѣвушкамъ пріести и требуютъ за то позвать ихъ на свою свадьбу; по литовскому преданію, это были лаумы, по итальянскому—ееи (См. Грим., 14; Норвеж. сѣ., I, 13; Шлейхеръ, 12; Germ. Mythen, 671—2). Мойры также присутствовали при свадьбахъ, и невѣсты чествовали ихъ жертвенными приношеніями — Germ. Myth., 583. — ²⁾ „Jetzt wird es schönes wetter, die frauen haben ihre wäsche aufgehängt“ говоритъ поселенецъ.

кому повѣрью, если wólna žoля разстилаетъ по берегу свое бѣлье, то должно ожидать дождливой погоды (см. гл. XXVI). По указанію дѣтскихъ причтаній, одна изъ трехъ дѣвъ судьбы отираетъ небо — да воззрѣть оттуда свѣтлое солнце или сама Пречистая Марія (=Фрея или Гольда); она прядетъ чистое золото, шьетъ красную одежду для Господа Бога и выводитъ дневное свѣтло, т. е. ей приписывается творческая дѣятельность богини Зори, открывающей на востокѣ райскія врата, устилающей путь восходящему солнцу розовою, золотистою пеленою и дарующей міру ясные дни — благодатное, плодородящее лѣто. Heilrätin-пен чествуются въ Баваріи, какъ подательницы урожаявъ, и во время жатвы имъ оставляютъ въ даръ три хлѣбныхъ колоса. Съ бѣлыми лѣтними облаками издревле соединялись идеи плодородія, зачатія и брака (I, 237); наоборотъ — съ черными тучами, насущими опустошительныя бури, связывались представленія о злыхъ демонахъ ночи и смерти (см. гл. XXII). Въ силу этихъ воззрѣній облачныя дѣвы стали за вѣдывать рожденіемъ, бракосочетаніемъ и конциную челоуѣка, что все вмѣстѣ и опредѣляло понятіе о могучей судьбѣ, властвующей надъ смертными въ предѣлахъ ихъ земнаго существованія — отъ колыбели и до могилы. Согласно съ троякими обязанностями, возложенными на облачныхъ дѣвъ, изъ толпы ихъ выдѣлились три богини судьбы, изъ которыхъ на долю каждой выпалъ особый трудъ. Изъ нихъ двѣ — представительницы бѣлоснѣжныхъ облаковъ: одна распоряджалась родами, другая — брачными союзами; а третья — дѣва черной, молніеносной тучи разила смертію. Впослѣдствіи, съ забвеніемъ стихійныхъ, натуралистическихъ основъ, на которыхъ возникло означенное вѣрованіе, цвѣта эти приняты были за символы нравственныхъ понятій: бѣлый цвѣтъ сдѣлался знаменіемъ благу, дружелюбныхъ чувствъ, одушевляющихъ

богиню счастья, а черный — знаменіемъ злобы и коварства богини Смерти. Почти у всѣхъ индоевропейскихъ племенъ преданія говорятъ о трехъ дѣвахъ судьбы; число это одинаково прилагается къ мойрамъ, наркамъ, феямъ, норнамъ и рожелицамъ. Рожденіе, свадьба и смерть, колыбель, брачное ложе и смертный одръ или могила наводили мысль на соответственные въ понатія дѣтства, юности и старости — утра, полдня и вечера или заката человѣческой жизни. Когда человѣкъ мужалъ и задумывался о могуществѣ всесильнаго рока, его рожденіе и первые годы дѣтства были уже прошлымъ, а смерть ожидала его въ будущемъ, и потому съ тремя дѣвами судьбы ояъ необходимо сочеталъ представленіе о трехъ составномъ времени: одна изъ нихъ должна была вѣдать прошедшее, другая — настоящее, третья — будущее (вчера, сегодня и завтра). Богиня прошлаго Wurt признавалась старѣйшею изъ норнъ; она возрастаетъ съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ, и стоитъ передъ нами съ открытымъ и яснымъ лицомъ: это богатая опытомъ, кроткая и добродушная старушка, которая являлась у колыбели младенца и привѣтствовала улыбку его первое утро. Другая Verdhandi (настоящее) также дружелюбна и откровенна, какъ и сестра ея Wurt; вмѣстѣ съ человекомъ она радуется его счастью, печалится о его горѣ, и вмѣстѣ съ нимъ борется противъ житейскихъ бѣдъ; ей принадлежитъ текущій мигъ и сфера ея дѣятельности единымъ волоскомъ отдѣляется отъ того, что подвластно прошедшему и будущему. Наконецъ Sculd — юная, но обманчивая и враждебная норна: это — темное будущее; никто не вѣдаетъ, чего она хочетъ и что таитъ подъ своимъ непроницаемымъ покровомъ. Минувшее и настоящее человека могутъ быть счастливы, какъ внезапно является она, разбиваетъ всѣ надежды и отнимаетъ самую жизнь. Ежедневно выѣзжаетъ она на поля бит-

вы «todeswahl zu halten». Есть, впрочемъ, указанія, что и другія сестры (согласно съ кореннымъ значеніемъ слова «норва») обладаютъ тою-же роковою, влекущею въ загробный міръ силою. Всѣ три нисходятъ онѣ на землю, чтобы возбуждать распри и убійства; всѣ три стоятъ въ несомнѣнной связи съ темною ночью. Такъ въ ночное время приступали онѣ къ колыбели Гельги и протянули его жизненные нити по небу, озаренному мѣсяцемъ (mondessaal); въ Sturlunga saga норна Urdhr прилетаетъ черною птицею — тула, гдѣ луна свѣтитъ на поле усопшихъ. Преданія славянскія говорятъ о трехъ кугахъ и холерахъ, а новогреческія — о трехъ моровыхъ дѣвахъ, изъ которыхъ одна, подобно паркѣ, держитъ въ рукахъ ножницы, а другая — свитокъ съ именами тѣхъ, кому назначено умереть (см. выше стр. 114). Какъ небесныя пряхи, дѣвы судьбы, исполняя свои обязанности въ отношеніи къ тремъ главнѣйшимъ пунктамъ человѣческой жизни, прядутъ тѣ невидимыя нити (связи), какими повивается младенецъ и скрѣпляется брачный союзъ юноши, и ту страшную веревку, какою удушается человѣкъ въ минуту смерти. Дѣтская пѣсня гласитъ:

Sonne, Sonne, schein!
 Fahr über den Rhein,
 Fahr über goldene Haus,
 Da schauen drei alte Jungfrauen heraus.
 Eine spinnt Seiden,
 Die andre wickelt Weiden,
 Die dritte geht an's Brünnechen,
 Findet ein goldenes Kindchen. ¹⁾

Золотое дитя, пребывающее въ колодецѣ, есть пламенная, чистая младенческая душа; дѣвы судьбы изъсмляютъ ее изъ облачного источника Гольды и выпряденной нитью связываютъ

¹⁾ Или: Die dritte spinnt das klare gold, die vierte ist meinem bublein hold.

етъ тѣло новорожденнаго; когда враждебная парка перерѣзываетъ эту нить своими ножницами — душа отторгается отъ тѣла и человѣкъ умираетъ. Нѣмецкія преданія упомываютъ о золотой связи, изготовляемой въ блаженномъ царствѣ Engelland'a, которою обвивается младенецъ. Черезъ посредство этой связи опредѣляются въ душевныя свойства человѣка и его счастье. Отсюда возникъ обрядъ — при повиваньи ребенка, завязывать ему въ пеленки хлѣбъ-соль, сыръ и деньги — эмблемы довольства и богатства. Въ разныхъ областяхъ Германіи подарокъ, даваемый крестнику, называется eingebinde, einbund, gebindnis, strick, strecke, einstrickete (отъ einstricken — mit dem seil festbinden). Вѣроятно, въ старину подарокъ этотъ привязывался къ тѣлу новорожденнаго нитью или тесемкою. Донынѣ соблюдается обычай привязывать няниннику приносимые ему подарки. Дары въ дни рожденія, няниннѣ, при крещеніи и свадьбахъ называются angebinde, die helseta или wörgeta (отъ helseten, wörgeten — ein band um den hals drehen). Тоже обыкновеніе соблюдалось и славянами. Народная легенда рассказываетъ, что Христосъ и св. Петръ, приглашенные бѣднымъ крестьяниномъ въ кумовья, совѣщались между собою: «so mu (ребенку) budou vázati». У чеховъ употребительны выраженія: «ditěti při křtu ¹⁾ zavázati», «kmoťi ²⁾ dávají na povíjau», а самый подарокъ называется zà vinek. Одна изъ трехъ дѣвъ судьбы dreht, flicht или wickelt weiden. Weide (wide, отъ гот. vifan — fesseln, откуда и сканд. vidja — оковы, vadgr — веревка) означаетъ: изъ древесной коры или гибкихъ вѣтвей свитую веревку, которая употреблялась при казни черезъ повѣшеніе. Въ глубокой древности, въ замѣну пеньковой веревки, плели лыки и крутили свѣжія поросли ивы и дуба. По этому выраженію «dreht weiden» должно перевести: вьеть оковы,

¹⁾ При крещеніи. — ²⁾ Кумовья.

крутить удушающую веревку (todestrück). Въ поэтическихъ сказаніяхъ славявъ и нѣмцевъ Смерть, нападая на человѣка, опутываетъ его веревками, связываетъ по рукамъ и по ногамъ, душитъ и увлекаетъ въ загробное царство (см. выше стр. 44). Сверхъ всего этого, такъ какъ веревка изстари служила для измѣренія пространства и опредѣленія границъ, то и въ рукахъ норнъ она принималась за орудіе, которымъ эти вѣщія дѣвы обозначали кругъ будущаго владычества и подвиговъ новорожденнаго дитяти (стр. 350); переступить за черту, проведенную норнами, не даю ни одному смертному.

Предки наши смотрѣли на тѣло, какъ на временную одежду, въ которую облачается бессмертная душа: на сканд. тѣло — lík-аmг (lík-hamг), др.-в.-нѣм. lîh-hamo, англос. líc-hama, flaes-hama=körperhemd, fleischgewand; сканд. fjadhг-hamг, англос. fedher-homa (пернатая сорочка) = vögelkörper, сканд. úlfs-hamг (волчья одежда) = wolfskörper (сравни выше стр. 196). Эта тѣлесная оболочка создавалась божественною силою; въ качествѣ небесныхъ пряжъ и ткачихъ, дѣвы судьбы изготовляли ее своими искусными руками и одѣвали въ нее душу, предназначенную для земной жизни. По литовскому преданію, какъ только нарождался младенецъ, онѣ тотчасъ-же начинали ткать его жизненную сорочку и продолжали работу до тѣхъ поръ, пока злая, неутомимая сестра ихъ, опредѣляющая смертный часъ, не перерѣзывала ткани острыми ножницами; всякой вредъ, всякая порча, наносимая этой ткани, ощущались человѣкомъ на своемъ собственномъ тѣлѣ, причиняли ему болѣзни и страданія (см. выше стр. 330). Чтобы избавиться отъ недуга, больной долженъ идти къ колодцу и омочить въ немъ свою сорочку, т. е. по основному смыслу повѣрья: поврежденная жизненная ткань восстанавливается не иначе, какъ живою водою того райскаго источника, у котораго обитали вѣщія ткачихи. Это — цѣлеб-

вый источникъ Урды (jungbruppen); норма настоящаго прилагательнаго, норма прошедшаго (Urdhr) ткала изъ нихъ холстъ и заботливо охраняла его отъ злой Sculd'ы. Преданіе о ткани, приносимой дѣвами судьбы къ родильницѣ, намекаетъ именно на ту тѣлесную одежду, въ какой является душа въ сей тѣлный міръ. Народныя легенды говорятъ о чудесной сорочкѣ, върастающей въ тѣло съ ребенкомъ, которому она принадлежитъ; такую сорочку соткала св. Марія маленькому Іисусу. Смерть срываетъ этотъ покровъ съ утопленной житейскими страданіями души, и освобожденная она возвращается въ свое небесное отечество ¹⁾. Подъ вліяніемъ означенныхъ воззрѣній, создано вѣрованіе въ счастливую сорочку (schicksalshemd), возлагаемую на младенца при самомъ его рожденіи. Когда метафора эта, служившая первоначально для обозначенія тѣла человѣческаго, затѣнилась въ народномъ сознаніи, — за такую сорочку приняли тотъ пузырь или плеву, въ которой является дитя изъ материнской утробы. Дѣти, рожденные обвитыми плевой, признаются счастливыми; по русскому выраженію, они родились въ сорочкѣ, серб. — у кошульнице, чеш. — v košilce, пол. — w ezerku. Сорочку эту свертываютъ въ маленькой узелокъ, привѣшиваютъ къ тесемкѣ и вѣсятъ съ шейнымъ крестомъ возлагаютъ на младенца, вѣря, что такимъ образомъ счастье останется привязаннымъ къ нему навсегда; нерѣдко зашиваютъ ее въ шапку или рубаху и носятъ при себѣ ради здравія и благополучія; случается, что крестьяне, отправляясь въ дальній путь, выпрашиваютъ на время такую привѣску у своихъ пріятелей и берутъ съ собою, чтобы удалось задумавное предпріятіе ²⁾. Въ Германіи

¹⁾ D. Myth., 257, 1128; Germ. Mythen, 524—538, 555, 576—700; Die Götterwelt, 322—3; Beiträge zur D. Myth., II, 168, 184—194, 199—200, 286—7; Volkslieder der Wenden, II, 267. — ²⁾ Абелъ, 295; Записки Авдѣев., 138; Громанъ, 106; Стоглавъ возстаетъ

родильная плева называется *glückshaube*, *wehmutterhäublein* ¹⁾; ее тщательно берегаютъ и привѣшиваютъ къ ребенку, какъ спасительную наузу. Здѣсь думаютъ, что родившійся въ сорочкѣ имѣетъ способность видѣть духовъ, привидѣнія и вѣдьмъ ²⁾. Черногорцы убѣждены, что въ немъ обитаетъ вѣдогонь, а сербы даютъ ему эпитетъ *видовит*: по ихъ рассказамъ, онъ ходитъ съ вилами и знаетъ болѣе, чѣмъ всѣ другіе люди ³⁾. Въ Исландіи повивальная бабка закапываетъ «сорочку» подъ порогомъ (мѣсто, гдѣ пребываютъ домовіе эльфы), и общее повѣрье утверждаетъ, что съ нею невидимыми узами связаны душа ребенка и его добрый гений-хранитель. Если выброситъ или сжечь счастливую сорочку, то охранительный духъ тотчасъ-же удаляется отъ ребенка. Духъ этотъ называется *fylgia*, какъ незримо-слѣдующій за человѣкомъ въ теченіи всей его жизни («*weil er dem menschen folgt*») и *hamingia* (*felicitas*; швед. *hamn* — *genius* ⁴⁾). Только смерть разрываетъ связь между человѣкомъ и его таинственнымъ покровителемъ. *Fylgia* вѣдаетъ прошедшее и будущее, и нерѣдко принимаетъ образъ того животного, нравъ котораго болѣе подходитъ къ нраву его кліента; иногда, подобно валькири, онъ является въ видѣ прекрасной женщины и принимаетъ участіе въ битвахъ. Передъ самою кончиною человѣкъ видитъ, какъ погибаетъ его духъ-покровитель. *Gisli Sölvsonr* имѣлъ два *фильгія*: добраго, призывающаго къ мирной жизни, и злаго, побуждающаго къ распрямъ и крово-

противъ обычая приносить такіа сорочки въ храмъ и оставлять ихъ въ теченіи шести недѣль на престолахъ. — ¹⁾ Въ Голландіи говорятъ: «*met den helm geboren zin.*» — ²⁾ *D. Myth.*, 362, 828, 1061. — ³⁾ Путеш. въ Черногорію, 220; Срп рѣчнни, 60. — ⁴⁾ *Genius* (одного корня съ *gens*, *geno*, *gigno*) — духъ, присутствующій при рожденіи чловѣка и охраняющій его во все продолженіе жизни; слово это служило также для означенія судьбы, счастья и душевныхъ свойствъ.—*Römische Myth.* (1858 г.), 67.

пролитію. *Fylgien* принадлежатъ не только отдѣльнымъ лицамъ, но и цѣлымъ семьямъ и родамъ, и вообще весьма близко соприкасаются съ эльфами, блюстителями домашнего вока и довольства. Очевидно, что фильгін соединяли въ себѣ представленія: во 1-хъ о душахъ-эльфахъ, являющихся въ сей міръ въ тѣлесной одеждѣ младенцевъ, и во 2-хъ о вѣщихъ генияхъ, управляющихъ судьбою смертныхъ и устроающихъ ихъ счастье. Въ христіанскую эпоху эти древнѣйшія представленія перенесены на ангеловъ. По народному убѣжденію, у каждаго человѣка есть свой ангелъ добрый или злой, отъ котораго зависятъ и счастье, и горе, встрѣчаемая на жизненномъ путѣ. Выше (стр. 54-57, 207) указано, что ангелъ поражаетъ человѣка смертію, изъемлетъ изъ него душу, т. е. исполняетъ обязанность злой парки; рядомъ съ этимъ существуетъ другое повѣрье, что ангелъ приноситъ съ неба младенческую душу и присутствуетъ при рожденіи ребенка. Если въ шумной бѣздѣ вдругъ всѣ замолкнутъ—это знакъ, что мимо пролетѣлъ тихій ангелъ и гдѣ-нибудь вблизи родился младенецъ. Нѣмцы въ этомъ случаѣ замѣчаютъ: «ein engel flog durch das zimmer», а греки выражались: Ἐρμῆς ἐπαίσθησε! Когда дитя улыбается или смѣется во снѣ, на Руси думаютъ, что на него смотритъ ангелъ, а въ Силезіи—что съ нимъ играетъ *judel* (*gütel, gütlehen*)—духъ-покровитель. Укладывая спать ребенка, русскія няньки считаютъ необходимымъ разстегнуть воротъ его рубашки, чтобы авгелъ хранитель могъ свободно взирать на его чистую душу. Выраженіе: «счастливы твой богъ!» принадлежитъ той отдаленной старинѣ, когда вѣрили, что у всякаго человѣка есть свой гений счастья¹⁾. Когда душа сброситъ съ себя тѣлесную ризу, дѣвы судьбы увлекаютъ ее въ воздушныя пространства, одѣваютъ въ облач-

¹⁾ D. Myth., 829—831, 1052—4, 1078; Germ. Mythen, 306—8, 572—4; Этн. Сб., VI, 140.

ныя ткани и кусаютъ въ кипучихъ источникахъ дожда, дабы очищенная отъ земнаго праха—она могла вознестись въ царство блаженныхъ. Нѣмецкая сага рассказываетъ о бѣлой ж енѣ, которая по вечерамъ приходитъ къ прачкамъ и моетъ саваны (*totenhemde*), что всегда служить предвѣстіемъ чьей-либо смерти. Одному старостѣ случилось въ ночное время ѣхать мимо источника; слышавъ удары вальковъ, онъ спросилъ: «кто моетъ такъ поздно?» — Это мы! раздался отвѣтъ; сегодня умеръ мельникъ, такъ мы смываемъ пыль съ его грѣшной души. — Да хорошъ ли щелокъ? «Попробуй!» сказалъ кто-то и плеснулъ водою. На другое утро староста замѣтилъ, что у коня его обожжена кожа ¹⁾).

Облачныя дѣвы являлись мужественными вонпельницами, такъ какъ самая гроза, напоръ тулъ, удары молній и грохотъ грома въ поэтическихъ сказаніяхъ древности изображались битвою воздушныхъ духовъ. Изъ среды этихъ дѣвъ—вѣщія богини судебъ прерывали нить человѣческой жизни и увлекали души въ царство усопшихъ. Смерть и парки стоятъ въ тѣсномъ родствѣ; но нигдѣ такъ не очевидно владычество Смерти, нигдѣ не предстаетъ она въ такомъ грозномъ могуществѣ, какъ въ кровавой войнѣ, и нигдѣ такъ ярко не выступала идея рока, поражающаго однихъ и щадящаго другихъ, какъ въ шумѣ битвы. Древне-нѣмецкое *uglas* (*uglous*) означаетъ не только *fatum*, но и *bellum*. Смерть, какъ мы видѣли (стр. 44-49), рисовалась воображенію нашихъ предковъ неистовымъ, кровожаднымъ и вооруженнымъ въ ратные доспѣхи вождемъ. Отсюда родилось вѣрованіе въ нѣмецкихъ дѣвъ, сопутствующихъ богу весеннихъ грозъ и вихрей, принимающихъ участіе въ человѣческихъ битвахъ и собирающихъ души убитыхъ героевъ. Дѣвы эти, родственныя богинямъ судьбы, въ германской мифологіи носятъ имя валькирій, какъ существа

¹⁾ Germ. Myth. 653.

стнхйныя, облачныя, валькирии летаютъ по воздуху надъ сушею и морями, ѣздятъ верхомъ на летучихъ коняхъ по небеснымъ пространствамъ, при чемъ кони ихъ трусятъ съ своихъ гривъ росу на лѣса и доли и даютъ землѣ плодородіе, т. е. онѣ ѣздятъ на облакахъ и тучахъ, бурный полетъ которыхъ заставилъ фантазію сравнивать ихъ съ быстроногими конями. Одной изъ валькириѣ присвоено ими Mist (туманъ), и «облако» называлось ея конемъ — Mistar marr (der Mist ross, буквально: туманный конь). Гдѣ несутся валькирии, тамъ ломитъ опустошительная буря, змѣются и ударяютъ молніи. Это—дѣвы воинственныя; скан. valr, англос. vāl, др.-в.-нѣм. wal — вся масса сраженныхъ въ бою, падшихъ на полѣ чести; англос. vālsyrie (vālsyrge, vālsyrge=valkyria, др.-в.-нѣм. walachuriā—избирающая: кому пасть въ битвѣ ¹⁾ въ старинныхъ переводахъ служить для обозначенія богини войны (Bellona) и Фурій (Erinnys, Alecto, Tisiphone); сканд. valmeyjar (=valkyrjur) — schlachtmädchen и норвеж. valdöger — schutzgeist. Валькирии изображаются прекрасными всадницами, въ шлемахъ, со щитами, копьями и мечами въ рукахъ, и потому называются skialdmeujar, hialdmeujar ²⁾; въ древнѣйшихъ пѣсняхъ имъ присвоены собственные имена, указывающія на бранные доспѣхи: Grimhildr (helmjungfrau), Brynhildr (die panzergekleidete), Geirdriful (speere werfend), Geirögul (die lanzenährende), Geirskögul (die mit dem speer hervorragende), Randgrídh (wut der schilde) и др. Валькирии состоятъ въ распоряженіяхъ Одина, вождя нектоваго воинства и «отца побѣдъ», который въ рукахъ своихъ держитъ жребій войны, и какъ ему давались имена Oski, Wunsch, такъ валькириямъ присвоилось названіе öskmeujar=wunschmädchen, что ука-

¹⁾ Сканд. kiosa (нѣм. kiesen) — избирать жертву, kūr (др.-в.-нѣм. chur) — electio. — ²⁾ Schild und helm-mädchen.

зываетъ въ нихъ не только спутницъ этого бога, но и дѣвъ судьбы (см. ниже о значеніи слова «wunsch»). Сродство ихъ съ норнами свидѣтельствуется многими тождественными чертами. Какъ норны обитаютъ подъ стѣною міровой ясени, у небеснаго источника Урды, гдѣ плаваютъ два лебедя, отъ которыхъ произошла известная человѣку порода этихъ птицъ; такъ валькирии живутъ въ небесномъ лѣсу Myrkvidhr, купаются въ озерахъ, носятъ лебединыя сорочки (schwanheden) и тѣмъ самымъ сближаются съ водными женами (áras). Какъ норна Urdhr устремляется на поле сраженія черною птицею, такъ валькирии перелетаютъ воздушныя области лебедями. Подобно норнамъ, онѣ предвѣщаютъ будущее, прядутъ и готовятъ ткани; такъ Völundarquidha упоминаетъ о трехъ валькирияхъ, которыя, сидя на берегу моря, пряли ленъ, и одна изъ нихъ воссла ния бѣлой лебеди — Svanhvít. Съ ихъ красною, кровавою тканью связывалась судьба сраженія. По свидѣтельству саги XI-го вѣка, когда ткали валькирии, то кишки человѣчьи замѣняли для нихъ основу и утѣкъ, мечъ служилъ челнокомъ, а стрѣла — бѣрдомъ. Какъ скоро раздастся на землѣ военный кличъ, Одинъ посылаетъ своихъ бранныхъ дѣвъ, — и онѣ, сопровождаемыя орлами и вѣронами, поспѣшаютъ на мѣсто битвы на своихъ облачныхъ коняхъ, смѣшиваются съ толпами сражающихся и выбираютъ (auswählen) тѣхъ, которые должны послѣдовать за ними въ валгаллу (valhöll) — въ сообщество боговъ, т. е. быть убитыми. Орлы, вѣроны и волки любятъ питаться трупами, и потому считались необходимыми спутниками ратующаго Одина и смертоносныхъ дѣвъ; орлы и вѣроны назывались птицами валькириѣ, а волки — собаками норнъ (granhunde der nógn). Тамъ — въ небесномъ чертогѣ валькирии обязаны были подносить богамъ и блаженнымъ героямъ (einbergien) рогъ съ медомъ (= нектаромъ); о норнѣ Urdhr

известно сказаніе, что она сторожила вдохновительный *Odhrögir* — напиток, тождественный по значенію съ живою водою *Urdhargbrunnenn*. Во главѣ валькирій, какъ бы старшая между ними, стояла богиня Фрея, которая (подобно Одину) принимала къ себѣ души павшихъ витязей, называлась *Valfreyja* и на пиру асовъ исполняла обязанность кравчаго; лебедь была ея птицею. Въ рукахъ валькирій и военный успѣхъ, и поражение; онѣ приносятъ съ собою божественный приговоръ: на чью сторону должна склониться побѣда; въ нихъ самитъ замѣчается неодолимая страсть къ битвамъ. Преданія говорятъ о девяти, тринадцати и дважды-деяти валькирійхъ (изъ нихъ девять — въ бѣломъ одѣяніи, а девять въ черномъ), которыя скачутъ на коняхъ, блистая щемами, копьями и щитами. Особенно замѣчательна между ними *Skuld* — ина, связующее валькирій съ нормами, ибо такъ называлась и младшая норма; эта послѣдняя разрывала жизненную нить, и потому болѣе своихъ сестеръ соответствовала дѣвамъ, забирающимъ души убитыхъ воиновъ. Своими любимыми героямъ валькирій помогали побѣждать въ бою, и въ случаѣ опасности закрывали ихъ щитами. Ту же роль, какъ мы знаемъ (стр. 170-4), играютъ въ битвахъ сербскія вилы, съ которыми преданія соединяютъ всѣ разнообразныя черты, усвоенныя эльфамъ, нормамъ и валькиріямъ. Поэтическій образъ воинственной дѣвы не чуждъ былъ и народамъ античнаго міра. Я. Гриммъ проводитъ любопытную параллель между представленіями германской и греческой мифологій: нимфы (*idist*) соответствуютъ нимфамъ (*νύμφαι*), нормы — мойрамъ (*μοῖραι*), валькирій — керамъ (*κῆρες*). Керы — страшныя спутницы убійственнаго Ареса; онѣ являются на поле сраженія въ красныхъ, омоченныхъ кровію одеждахъ, схватываютъ и увлекаютъ убитыхъ. Всякому, кто долженъ умереть насильственной смертію, уже при самомъ рожденіи назначается своя

керы, и она непременно настигаетъ его въ роковую минуту. Ахиллесу опредѣлены были два рода смерти — двѣ керы, между которыми онъ долженъ былъ выбрать по собственному желанію (срѣвни выше, стр. 361, съ преданіемъ о двухъ фильгіяхъ добромъ и зломъ). Наиболѣе употребительный эпитетъ, даваемый керѣ, есть черная—*μέλαινα* ¹⁾. У Гезіода мрачныя, бѣлозубыя керы носятя вадъ толпами сражающихся, запускаютъ въ раневныхъ свои острые когти и съ жадностью высасываютъ изъ нихъ горячую кровь; равнымъ образомъ тѣже когти и туже жажду крови онъ приписываетъ и мойрамъ ²⁾. О южнорусскихъ мавкахъ рассказываютъ, что овѣ, захватывая молодыхъ парней, защекочиваютъ ихъ на смерть и питаются ихъ кровью ³⁾. Между собственными именами валькирій извѣстны еще: *Hildir* и *Gungr* (*Gudhr*), означающія *ругна*, *ргоелінг*, что указываетъ на олицетвореніе понятій битвы, войны — точно также, какъ у грековъ были олицетворены *Ἐρις* (распря, вражда), которую Зевсъ посылалъ возбуждать усобицы между людьми, *Ἐυνοῶ*, *Νίκη*, у римлянъ *Bellona*, *Victoria* и у славянъ *Обида*, дѣвса съ лебедиными крыльями (см. выше стр. 188 — 193). Итакъ облачныя жены и дѣвы, подѣ вліяніемъ разлчныхъ мифическихъ сближеній, принимаютъ вѣщій и воинственный характеръ, дѣлаются участницами божественнаго суда, и мало по малу, съ забвеніемъ древнѣйшихъ основъ преданія, освобождаются отъ почвы естественной религіи (религіи природы) и переходить въ абстрактныя представленія то трехсоставнаго времени (прошлаго, настоящаго и будущаго), то крова-

¹⁾ Илиада, IX, 411; XVI, 687; XVIII, 535—540. Мангартъ производитъ слово *κέρ* отъ *κρίτ*—рѣзать, рубить. — ²⁾ D. Myth., 306, 388'—398, 406, 607, 939; Germ. Mythen, 543, 557—567; Beiträge zur D. Myth., II, 203—210; Griech. Myth., I, 656. — ³⁾ Семеновск., 124.

вой войны и ея отдѣльныхъ эпизодовъ. Вѣсть съ этимъ, при посредствѣ полнаго антропоморфизма, онѣ усваиваютъ себѣ черты чисто-человѣческія: въ народѣ возникаютъ сказанія, по свидѣтельству которыхъ дѣвы эти рождаются отъ земныхъ матерей, вступаютъ въ связи съ прославленными героями, чувствуютъ боль отъ нанесенныхъ ранъ и падаютъ бездыханными въ пылу ожесточенной битвы. Здѣсь-то должно искать и объясненія старинной басни объ амизовкахъ ¹⁾.

Изъ приведенныхъ данныхъ очевидно, что съ вѣрою въ Рода и рожаницъ соединялась идея судьбы, предопредѣленія. Случайности, опутывающія человѣка, не могли не поражать его фантазію — тѣмъ болѣе, что въ первобытномъ своемъ состояніи онъ всецѣло отдавался матери-природѣ, и все, что ни случалось съ нимъ, объяснялъ вліяніемъ добрыхъ или враждебныхъ силъ, дѣйствующихъ на него извнѣ, а не изъ собственной воли, не изъ своихъ личныхъ-разчетовъ, побужденій и ошибокъ. По его мнѣнію, жизнь со всеми ея радостями и бѣдами уже напередъ опредѣлялась при самомъ рожденіи младенца. На такую связь Рода и рожаницъ съ судьбою указываетъ намъ и народная поговорка: «такъ ему (или мнѣ) на роду написано!» — поговорка, мнѣніе которой вполне подтверждается хорутанскимъ преданіемъ о книгѣ Рожденникъ, гдѣ записаны грядущія событія въ жизни каждаго человѣка ²⁾. По словамъ сербской сказки, при рожденіи одной дѣвочки присутствовали три предвѣщателя (замѣна рожаницъ) и «нешто у руцы као књигу држи» ³⁾.

¹⁾ Народный эпосъ весьма часто выводитъ богатырскихъ женъ, дѣйствующихъ мечемъ и стрѣлами и поражающихъ вражескія рати и страшныхъ змѣевъ — Н. Р. Ск., I, 14; Сказки Сахарова, 57; Бярша Дав., 95—99, 125—131; Приб. къ Изв. Ак. Н. 1852, 81—86; 1854, 257—9; Семевск., 36; О состояніи женщины въ Россіи, Шульгина, 67—68. — ²⁾ Срезневск., 8. — ³⁾ Сербскій летопись 1862, I, 152—3.

Наши простолюдины вѣрятъ, что ангель у всякаго на роду (т. е. въ минуту рожденія) пишетъ его судьбу ¹⁾, а болгары говорятъ: «Тѣмъ му было написано на небе-то!» — выраженіе, тождественное по смыслу съ сейчасъ-приведенною русскою поговоркою ²⁾. Новогреческое повѣрье утверждаетъ, что Морская дѣва, начиная свое губительное шествіе вычитываетъ изъ длиннаго свѣтка имена обреченныхъ ей въ жертву (стр. 114). Въ Нормандіи рассказываютъ, что высшій надзоръ за этой страной принадлежитъ феямъ, что онѣ каждый вечеръ сходятся вмѣстѣ и сообщаютъ собраннымъ ими свѣдѣніямъ своей царицѣ, что эта послѣдняя держитъ въ рукахъ книгу живота, въ которой обозначены имена всѣхъ жителей, и что, смотря по доставленнымъ ей свѣдѣніямъ, она ставитъ при всякомъ имени бѣлую или черную отмѣтку ³⁾.

У славянъ сохранилось множество пословицъ и поговорокъ, намекающихъ на стародавнее вѣрованіе въ судьбу, идея которой (какъ мы видѣли) неразрывно связывается съ рожденіемъ, бракомъ и смертію человѣка: родился ни хорошъ, ни пригожъ, родился счастливъ (бѣлор. не родзися красныи, а родзися щасныи; малор. не родзися багатій та вродаввій, а родзися при доли та щасливій; не родзися гарній, а родзися щасливій); не накормить коня сухопарова, не надѣлать дитя безсчастное; счастливый — къ обѣду, а роковой — подъ обухъ; счастливый скачетъ, а несчастный плачетъ; кому щастя, тому и пѣвень несецця, а коли (счастья) не ведецца, то и курка не несецця; счастливый — что калячъ въ меду (къ нему все пристаецъ, все на прибыль); кому счастье служитъ, тотъ ни о чемъ не тужитъ; таланый жъ въ морѣ сыщеть; безъ счастья и по грибы въ лѣсъ не ходи; коли нѣту талану, такъ не пришить къ сарафану;

¹⁾ Рус. въ св. послов., II, 125—7. — ²⁾ Баранеловъ, 140. — ³⁾ Beiträge zur D. Myth., II, 348—9.

всѣмъ бы молодецъ, да нѣтъ талану на роду; мой таланъ пошелъ по горамъ (или по рукамъ, т. е. нѣтъ счастья); мое счастье разбѣжалось по сучкамъ, по вѣточкамъ; такова наша доля—на то знать мы и родились; таковъ нашъ рокъ (отъ реку, какъ *fatum* отъ *faci*, т. е. првговоръ судьбы¹⁾), что вилами въ бокъ! На кого рокъ (или Богъ — замѣна весьма знаменательная), на того и добрые люди; никто отъ своего року не уйдетъ; чему быть, того не мнновать; такъ рокъ судилъ; знать такъ ужъ суждено! видно такая судьба! Отъ судьбы не уйдешь; бойся-не бойся, а отъ части своей не уйдешь; злая напасть—и то часть; судьбу на поршивомъ поросенкѣ не объѣдешь; бѣду (или суженаго) и на кривыхъ оглоблахъ не объѣдешь (малор. що написано на роду, то-й конемъ не объядешъ); судьба придетъ — ноги сведетъ, руки назадъ свяжетъ²⁾; сравни нѣм. «das ist mir bescheert», «was bescheert ist—entläuft nicht»³⁾. Слово судьба (серб. у суд, су ље ње — «такъ ти је усуд усуди!»⁴⁾ одного корня съ глаголомъ судить, и слѣдовательно означаетъ то, что присуждено—предопредѣлено чело-вѣку высшимъ божественнымъ судомъ. По народному русскому выраженію: «Богъ—судья!» Онъ «виноватаго сыщеть»⁵⁾ и «кого Богъ судить, человекъ не розгудитъ»⁶⁾; серб. «да Бог не усуди!»⁷⁾ «ako bilo od Boga sudjeno.» Кто избѣгаетъ опасности или наказанія, тому говорятъ: «счастливъ твой

¹⁾ Описан. слав. рукоп. моск. синодал. библиотекы, II, отдѣлъ, II, 150: «звѣздаго ради на-рока»—ради неотразимаго вліянія звѣздъ, ради судьбы. — ²⁾ Пословицы и притчи Снегирева, 278, 387, 451; Послов. Даян, 27—28, 32, 42—43, 94; Полн. собр. пословицъ (СПб., 1822), 173, 288; Собраніе 4291 древ. рус. пословицъ, 9, 128, 131, 198; Номис., 35—36, 171; Этн. Сб., I, 35; Приб. къ Изв. Ак. Н., I, 58; II, 231, Абев., 305. — ³⁾ D. Myth., 822. — ⁴⁾ Срп. рјечник, 791. — ⁵⁾ Рус. въ св. послов., III, 5. — ⁶⁾ Номис., 171. — ⁷⁾ Срп. рјечник, 791.

Богъ! Въ вологодской губ. употребляется сложное рѣченіе судъ боги, употребляемое въ смыслѣ жалобы или клятвы ¹⁾. Чешское преданіе о княжѣ Любушѣ и двухъ вѣщнихъ дѣвахъ (по свидѣтельству лѣтописцевъ — ев сестрахъ), которыя завѣдывали судомъ, мечемъ-карателемъ неправды и святочудною водою, обличающею людскую кривду, въ основѣ своею есть преданіе о трехъ дѣвахъ судьбы (судицахъ ²⁾). Въ старинныхъ памятникѣхъ слово судъ прямо употребляется въ значеніи судьбы; напримѣръ въ Словѣ о полку сказаво: «ни хитру, ни горазду, ни птицъ горазду суда божія (=судьбы или смерти) не минути»; «Бориса же Вячеславича слава на судъ (на смерть) приведе». Въ посланіи Моеялаха къ Олегу Святославичу встрѣчается подобное-же выраженіе: «судъ отъ Бога ему пришелъ». Здѣсь смерть разсматривается, какъ опредѣленіе Судьбы, которая въ рукахъ своихъ содержитъ все благое и гибельное и приговоромъ которой невозможно отклонить ни умомъ, ни хитростью ³⁾. Выше было указано, что конецъ жизни человѣческой опредѣляется судьбами. Объ умершихъ насильственной или случайною смертію говорятъ: «такъ ему на роду написано» или «рокъ головы ищетъ». Въ слѣдующей поговоркѣ слову «рокъ» придается значеніе смерти: «бойся-не бойся, а року не миновать!» По глубокому убѣжденію народа, запечатлѣнному въ его пословицахъ:

¹⁾ Послов. Далн, 45; Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, ст. Буслаев, 47. — ²⁾ Отъ снвр. корня *dic* — *dicāmi* — *indico*, *ostendo*, лат. *disco*, *in-dico*, *ju-dex*, греч. *δεικνυμι* — *zeige*, *δίκη* — *recht*; снвр. *dīshāam* (вмѣсто *diktam*) означаетъ судьбу, *fatum* — Бурциусъ, 105. Я. Гриниъ слово *schaagen* — учреждать, распорядить ставитъ въ связь съ *scheege* — ножицы, которыми вооружена парка — О повѣи въ правѣ, въ Сынѣ Отеч. и Свѣ. Архивѣ 1831, т. XXIII, 45. Сравни выраженія: разрѣшить (развязать, разсѣчь) узелъ, разрѣшнть или распутать дѣло. — ³⁾ Рус. Дост., III, 74, 202; П. С. Р. Л., I, 108.

«безъ рок у смерти не бываетъ; кому быть повѣшену, тотъ не утонеть; кому за тыномъ окоченѣть, того до поры обухомъ не пришибешь; кому суждено опитъся, тотъ обука не ботся; кому быть на висѣлицѣ, того и грозой не убьетъ; кому скоромнымъ кускомъ подавиться—хоть вѣкъ постись, комаромъ подавится! Ловить волкъ роковую овечку; обреченная скотинка ужь не животинка» (непремѣнно околѣеть или достанется хищному звѣрю ¹⁾); у сербовъ: нема смрти без суѣна дана», «када мени суѣен данак доѣ!» ²⁾ Дочь Соловья-разбойника, желая убить Илью Муромца, ринула на него тяжелую подворотню, да «Ильѣ то не къ суду пришло» — и онъ остался невредимъ. Въ древне-русской повѣсти о борьбѣ Живота съ Смертію эта послѣдняя говоритъ человеку: «въ чемъ ты застану, въ томъ и сужду» ³⁾. Бракъ, по народному выраженію, — божій судъ ⁴⁾. Въ свадебныхъ пѣсняхъ и причитаніяхъ фраза: «идти ко суду божію» употребляется въ смыслѣ: «идти подъ вѣнецъ» ⁵⁾; согласно съ этимъ, женихъ и невѣста называются у насъ сужеными, у сербовъ — суѣеник и суѣеница ⁶⁾. Обращаясь къ брату невѣсты, пѣсня возглашаетъ отъ имени жениха:

Ахъ, шуринъ мой, шуринъ ласковый!

Ты отдай мой даръ, мое суженое.

Мое суженое, мое ряженое (т. е. невѣсту ⁷⁾).

Въ малороссійской пѣснѣ читаемъ:

Ой їде Маруся (невѣста) на посадъ,

Зострича је Господь самъ

И з' долею щасливою,

И з' доброю годиною ⁸⁾.

¹⁾ Рус. въ св. посл., II, 31, 125, 127; Послов. Даля, 27, 46. —
²⁾ Срп. рјечник, 724. — ³⁾ Рус. Вѣст. 1856, XIV, ст. Бусл., 316. —
⁴⁾ Доп. къ обл. сл., 316. — ⁵⁾ Рус. прост. правди., IV, 170; Сахаров. — свадебныя пѣсни. — ⁶⁾ Срп. рјечник, 724. Въ сербскія пѣсняхъ встрѣчаемъ слѣдующія выраженія: «da mi hoće Miće sudjen biti», «toј sudjenik», «zete nesudjen i» — Книжевиакъ 1866, св. II, 249. — ⁷⁾ Сахаров., I, 137. — ⁸⁾ Метлинск., 144.

Пословицы утверждают: «смерть да жена Богомъ суждена»; «судьба придетъ в руки ¹⁾ свяжетъ», т. е. наложить на избранную чету супружескія узы, ввидимыя, символическимъ знаменіемъ которыхъ донынѣ служить полотенце, связующее, по требованію обряда, руки новобрачныхъ (см. гл. XXIX). Супружескій союзъ, со всѣми его удачными и неудачными послѣдствіями, не зависитъ отъ произвола и расчетовъ человѣка, а уже напередъ опредѣляется божественною волею: «кому на комъ жениться, тотъ въ того и родится», «всякая невѣста для своего жениха родится». Приговоры судьбы въ этомъ отношеніи также неотвратимы, какъ и самая смерть, предназначенная человѣку: «суженаго конемъ не объѣдешь» ²⁾, «сужено-ряжено не объѣдешь въ кузовѣ» ³⁾. Соплетеніе, связыванье брачныхъ узъ народный эпосъ приписываетъ существованію мнѣшескимъ, божественнымъ. Приводимъ малорусскую сказку, записанную около Збруча и Смотрича ⁴⁾: «пославъ панъ козака з' лыстомъ и ему выпала дорога черезъ лѣсъ, и винъ якъ јихавъ тымъ лѣсомъ, то вадыбавъ святого Мыколая, що винъ вязавъ лыка—једно добре, а друге кепське. Але святыи Мыколаи показався ему въ постати ⁵⁾ старого дѣда. Дѣ той козакъ, прѣјхавши близько св. Мыколая, в дывытьця на тоє и повидает: що то вы, дѣдуню, отто робыте? А св. Мыколаи видыває ся до него: а щожъ? ты бачышь добре, що я роблю; лыка вяжу. — Та я, дѣдуню, бачу, що вы лыка вяжете; ино не знаю: на що?—Ото-такъ, козаче! тѣя лыка, которіи я вяжу до купы, то вони свидчатъ людсьькую долю! — А чоґо вы вяже-

¹⁾ Вар. по рукамъ. — ²⁾ Или: суженаго не обойдешъ и на конѣ не объѣдешъ. Названіе «суженый-ряженый» объясняется тавтологической формулой: судить-рядать. — ³⁾ Послов. Дала, 27, 380, 841, Архивъ ист.-юр. свѣд. II, ст. Бусл., 86. — ⁴⁾ Изъ матеріаловъ журнала „Основа“. — ⁵⁾ Въ образѣ.

те једно лыко добре, а друге кепське? — Бо такъ треба; бо и люди таки на свити: есть добріи и недобріи, то треба ихъ такъ винчаты, щобъ были злы з'добрыми, а добры зо злыми. — А то для чого? — Для того, бо якъ бы съ звинчали сами злы, то вони бы не могли въ свити жыты, а якъ бы съ повинчали добры, обое робучи, то вони-бъ з'великого добра забулы Бога». Тоже преданіе встрѣчаемъ въ разсказѣ о свадьбѣ богатыря Святогора. Повстрѣчавъ Микулу Селяниновича, Святогоръ спросилъ его: «ты скажи-повѣдай, какъ мнѣ узнать судьбину божію?» — А вотъ поѣзжай къ горахъ; у тѣхъ горъ подъ великимъ деревомъ стоитъ кузница, и ты войди туда и спроси кузнеца про свою судьбину. Бѣхалъ Святогоръ цѣлые три дни, доѣхалъ до кузницы и видитъ — куётъ кузнецъ два тонкихъ волоса. «Что ты куешь?» спрашиваетъ богатырь. — Кую судьбину: кому на комъ жениться. Спросилъ Святогоръ о своей невѣстѣ, и услышалъ въ отвѣтъ, что невѣста его въ поморскомъ царствѣ — тридцать лѣтъ лежитъ во гноищѣ, тѣло у ней словно кора еловая. Не захотѣлось богатырю жениться на такой хворой и некрасивой женѣ, поѣхалъ въ поморское царство, поднялъ свой острый мечъ, ударилъ дѣвицу въ грудь — и поскакалъ своею дорогою. Отъ того удара спала съ дѣвицы кора и очнулась она красавицей невиданной и неслышанной. Въ урочный часъ посватался за нее Святогоръ-богатырь и женился. Какъ легли они опочивъ держать, увидалъ Святогоръ у своей новобрачной рубецъ на груди, распросилъ, и на самомъ дѣлѣ спозналъ, что отъ судьбы не уйдешь ¹⁾. Вѣщій кузнецъ, кующій судьбы человеческія, есть богъ-громовникъ (сж. I, 465—6); мастерская его устроена въ горахъ, т. е. грозовыхъ тучахъ. Обрядовая свадебная пѣсня призываетъ его скрѣпить союзъ моло-

¹⁾ Рыбник., I, 40—41; см. варианты въ Запискахъ о южн. Руск., I, 308—9, и въ Пермск. Сб., II, 166.

дой четы: «подь на свадьбу, боженька! скуй намъ свадьбу крѣпко, твердо, долговѣчно, вѣковѣчно» ¹⁾. Въ малорусской сказкѣ богъ-громовникъ замѣненъ уже Николаемъ-угодникомъ, к на этого святаго возлагается обязанность связывать до купы жизненные нити (веревки, лыки) тѣхъ, которые въ свое время должны соединиться супружескою связью. Народная фантазія заставляетъ мифическаго кузнеца, сковывать по-едино два тонкихъ волоса; эти волосы — не что иное, какъ двѣ нити, выпраденныя парками для жениха и невѣсты ²⁾. Оба понятія: нить и волосъ отождествляются какъ въ сказкѣ, такъ и въ повѣрьяхъ; поэтому и въ сказаніяхъ о судьбѣ имъ придано одинаковое значеніе. По свидѣтельству сербской приповѣдки ³⁾, дѣва, свѣтлая какъ самое солнце, сидя надъ озеромъ, вышивала солнечными лучами по основѣ, сдѣланной изъ юнацкихъ волосъ (т. е. по облачной ткани); сама-же она имѣла въ головѣ червленныя какъ кровь волосъ, напоминающій красно-огненныя кудри громовника. Когда взяли и раздѣлили этотъ волосъ надвое, то нашли, что въ немъ было записано много славныхъ дѣяній, совершившихся отъ начала свѣта. И такъ устранишься отъ своей суженой — невозможно; наоборотъ, сколько бы ви старался добрый молодецъ взять за себя дѣвицу, неназначенную ему судьбою, хлопоты его будутъ напрасны. Въ малорусской пѣснѣ сестра, убѣждая брата не жениться, говоритъ ему:

Не бери жен, брате! та дивчина безъ доли росла,
 Безъ доли росла, въ несчастью вродилася,
 Она тобі, брате, дружиною не судилася ⁴⁾.

¹⁾ Торонецъ, соч. Сеневаго, 3. — ²⁾ Лужицане называютъ вѣдьму — kuzłagnicje (Volkslieder der Wenden, II, 233); у чеховъ кузельница—колдунъ, чародѣй (Срезнев., 60); у насъ вѣдальница — кузница, кузлѣ—ковка (Обл. сл., 95; Доп. обл. сл., 95) и кузнечный молотъ (тверск. губ.). — ³⁾ Сри. припов., 31. — ⁴⁾ Ч. О. И. и Д. 1863, IV, 298.

Несомненно, что и славяне, подобно другимъ индоевропейскимъ племенамъ, признавали судьбу таинственнымъ, всемогущимъ существомъ, съ царственною надъ всеиъ миромъ властiю и съ божественнымъ характеромъ. Они называли ее Судомъ божииъ. Самое слово богъ первоначально означало *ბოღი*, *fatum*. Въ санскритѣ ему соответствуетъ *bhaga* (отъ *bhag*—дѣлить) — часть, доля, отломокъ, а потомъ счастье и высочайшее существо, имущее въ своихъ рукахъ всякіе дары и раздѣляющее ихъ между смертными; сравни часть, участь и счастье: «сидень сидитъ, а часть (ог-тина) его растеть»; обл. щаска означаетъ и счастье, и участокъ; серб. честит — счастливый (съ-частъиъ), обладающій частью, злочест — *malus* — тотъ, кому досталась злая часть, Отъ глагола дѣлить (нѣм. *theilen*, гот. *dailyan*) образовалось слово доля, означающее не только *part* (отдѣль, но и судьбу (=то, что выпало человеку на часть, на долю, что досталось ему въ удѣль; нѣм. *theil*, ан-*theil* и *ni-theil*). По свидѣтельству пословицъ: «Богъ дастъ долю и въ чистимъ поли», «лежень лежитъ, а Богъ для него долю держитъ» ¹⁾, «счастливому таланъ отъ Бога данъ», серб. «Богъ и среѣа дала». Отъ него исходятъ и все блага, и все лишенiя, какъ это очевидно изъ производныхъ: богатый (снкр. *bhagavat*, сравни: *deus*, *divus* и *dives*), богатырь (слово, доселѣ употребляемое въ нѣкоторыхъ областяхъ въ смыслѣ богача) и у-богiй (бѣдный, одержимый болѣзною, слѣпой, калѣка), малор. не-бога (бѣднякъ, сирота, лит. *paugas*), не-божчикъ (покойникъ, луж. *paugis*), т. е. обдѣленный судьбою, лишенный даровъ счастья: довольства, здравiя и долголѣтiя; съ-божiе аналогично съ словомъ съ-частiе: въ разныхъ славянскихъ нарѣчiяхъ оно означаетъ или вообще — имущество, достоянiе, богатство, или въ част-

¹⁾ Вар. Лемухови Богъ долю дае.

ности — хлѣбъ, главное богатство земледѣльца, а верхне-луж. z božo — счастье ¹⁾. «Господь, говорятъ малоруссы, никогда не спитъ: у того щасте одбирае, а тому дае» ²⁾. Какъ для всѣхъ другихъ представленій язычества источникомъ служило обожаніе природы, такъ и мысль о судьбѣ въ глубочайшей древности должна была связываться съ естественными, стихійными явленіями. Отвлеченныя понятія предполагають долгое развитіе; по своей безтѣлесности, отрѣшенности отъ тѣхъ самыхъ предметовъ, свойствами и признаками которыхъ опредѣлялось ихъ значеніе, понятія эти не могли быть доступны грубымъ, младенческимъ племенамъ. Ученыя изслѣдованія показали, что вѣщія дѣвы — судицы принадлежали къ существамъ облачнымъ, дожденоснымъ. Судьба слѣдовательно была не болѣе, какъ олицетвореніе всемогущихъ, то благотворныхъ, то разрушительныхъ, но всегда-неотвратимыхъ силъ природы. Слова, служившія для обозначенія этого понятія, были въ началѣ эпитетами или прозваніями верховнаго божества неба, бурныхъ грозъ, дождевыхъ ливней и земнаго плодородія. Въ скандинавской мифологіи это — Одинъ, шествующій въ облакахъ и буряхъ, богъ, которому служили валькирии и отъ воли котораго зависѣли торжество и смерть сражающихся героевъ Его всевидящее око — солнце, вѣщія вѣроны Huginn и Muninn, напитокъ мудрости изъ колодца Мимира суть выраженія его всевѣдѣнія; онъ знаетъ и бывшее, и настоящее, и будущее, онъ надѣляетъ людей высочайшими дарами духа и плоти, онъ —

¹⁾ О вліян. христ. на сл. яв., 122; Мат. сравн. слов., II, 547, 559; Диеенбахъ, II, 610; Обл. Сл., 126, 236; Номис., 25. По указанію г. Потебни часть (отъ снир. ч'н'нд, ч'ниат-ти — scindege) и доли (отъ снир. д'ал-ати — колоться) означаютъ нѣчто отрязанное, отколотое, кусокъ — Труды моск. археолог. общ., в. II, 154. — ²⁾ Кулишъ, I, 148.

владыка желаній, и потому называется Oski=Wunsch ¹⁾, т. е. въ рукахъ его все счастье, какого только можетъ пожелать смертный. Поэты XIII столѣтія изображали Wunsch, какъ живое, могучее и творческое существо; валькирии назывались óskasmeujar = wanschmädchen, тоже что славянскія желкине, жельне жене; души блаженныхъ героевъ, увлекаемыя валькиріями въ жилище Одина, — óskasynir = wunschöhne. Чудесному железу, съ помощью котораго Гермесъ могъ усыплять живыхъ и пробуждать мертвыхъ, соответствуютъ wünschelruthe и schlafdorn германскихъ преданій: это железу, возжигающій пламя жизни въ новорожденномъ младенцѣ и погашающій его въ минуту смерти. Когда Одинъ возмилъ въ Брунигильду schlafdorn, она тотчасъ-же впала въ непробудный сонъ; подобное-же дѣйствіе, по свидѣтельству сказки, производитъ веретено вѣщей пряхи (= норны). Наконецъ wünschhütlein и wunschmantel (= hut и mantel des Wunsches, Wnotans) напоминаютъ «счастливую сорочку», которая готовится двумя судьбы ²⁾. Одинъ — творецъ и владыка міровой жизни; вмѣстѣ съ своими братьями Vili (der wollende) и Vé (weiher, heiliger), онъ вывелъ изъ предвѣчнаго хаоса небо и землю, даровалъ вселенной законы и устроилъ въ ней физическій и нравственный порядокъ; онъ создалъ первую чету людей — мужа и жену, и вдунулъ въ нихъ живыя души; онъ — царь, управляющій и смертными и богами, Allvater и Mjötudhr = измѣритель, взвѣшиватель всего сущаго, опредѣлитель судебъ ³⁾. Выше указано, что длиною нити, выпряденной парками, опредѣлялась

¹⁾ Oskabygg = óskis wind, wunschwind. — ²⁾ Въ русскомъ языкѣ бажѣный, забажанный — дорогой, желанный, и говоря о дѣтяхъ—вымоленный, выпрошенный у Бога; бажѣть (бажѣть) — сильно желать (Обл. Сл., 5, 59). — ³⁾ Die Götterwelt, 152, 181; D. Myth., 390.

долгота человеческой жизни, что веревкою нория измѣрялось пространство владѣній, на которыя должна распространиться власть новорожденного героя, и что двѣмъ судьбы присвоилось названіе *mēten* (стр. 344). По выраженію русской поговорки, «Богъ не гуляетъ, а добро переиѣряетъ» ¹⁾ — одному даетъ, у другаго отымаетъ. *Gautrekssaga* повѣствуетъ, что Одинъ и Торъ, подобно норнамъ, феямъ и рожанцамъ, творили грядущія судьбы. Въ полночь разбудилъ Одинъ своего приемыша Старкадра (*Starkadhr*) и на лодкѣ переправился съ нимъ на островъ, гдѣ въ тѣнистомъ лѣсу засѣдало одиннадцать сѣдей; двѣнадцатый стулъ былъ свободенъ, его занялъ Одинъ — и предложилъ сѣдьямъ изречь свои приговоры. Тогда началъ гнѣвный Торъ: «*ich schaffe ihm (Старкадру), dass er weder sohn noch tochter haben und seinen stamm enden soll*». Одинъ продолжалъ: «*ich schaffe ihm, dass er drei mannesalter leben soll*». Торъ: «*in jedem alter soll er ein nidhingsverk* ²⁾ *thun*». Одинъ: «*ich schaffe ihm — er soll die besten waffen und kleider haben*». Торъ: «*er soll weder land noch grund haben*». Одинъ: «*ich gebe ihm, dass er viel geld und gut habe*». Торъ: «*ich lege ihm — in jedem kampf soll er schwere wunden empfangen*». Одинъ: «*ich gebe ihm die gabe der dichtkunst*». Торъ: «*was er dichtet, soll er nicht behalten können*». Одинъ: «*das schaff ich ihm, dass er den edelsten und besten männern werth erscheine*». Торъ: «*dem volk soll er verhasst sein*». Торъ играетъ въ этой сажѣ роль враждебной норны; каждый благой даръ онъ старается умалить злымъ пожеланіемъ ³⁾. Греки сочетали идею судьбы съ громоноснымъ Зевсомъ, въ рукахъ котораго были вѣсы, опредѣляющіе участь не только отдѣльныхъ героевъ, но и цѣлыхъ народовъ:

¹⁾ Послов Дала, 4. — ²⁾ Безчестное, темное дѣло. — ³⁾ Germ. Mythen, 596—7; D Myth., 818—9.

Зевсъ распротеръ, промышлитель, въсьм золотые; на нихъ онъ
 Бросилъ два жребія смерти, въ совъ погружающей долгій: .
 Жребій одинъ Ахиллеса, другой Пріамова сына.
 Взять по среднѣи и подыгль: поникнулъ Гектора жребій,
 Тяжкій къ Андѣ упалъ...

Также взвѣшивалъ онъ и жребіи троянъ и данаевъ: «жребіи данайскихъ сыновъ до земли многоплодной спустился, троянъ же до звѣзднаго неба вознесся» ¹⁾. Вѣсы — эмблема Фемиды богви правосудія (= суда божьего), взвѣшивающей людскую правду и кривду. По свидѣтельству украинской сказки, Смерть, какъ одна изъ трехъ паркъ, требуетъ, чтобы душа усопшаго становилась на вѣсы, которыя подъ тяжестію грѣховъ склоняются долу, а праведнаго подбрасываютъ вверхъ — на свѣтлое небо (см. выше стр. 273—4). Послѣ водворенія христіанства народная фантазія дала эти вѣсы архангелу Михаилу, вождю небеснаго воинства и побѣдителю демоновъ; на страшномъ судѣ онъ будетъ взвѣшивать добрыя и злыя дѣла каждаго человѣка, и смотря по тому, что перетянетъ, назначить ему или вѣчное блаженство, или адскія мѣки ²⁾. Вѣ связи съ этими «вѣсами правосудія» должно поставить ипсковское преданіе о горѣ Судомѣ (въ порховск. уѣздѣ). Надъ этою горою висѣла нѣкогда спущенная съ неба цѣпь; въ случаѣ спора или бездоказательныхъ обвиненій соперники приходили сюда и каждый поочередно долженъ былъ достать цѣпь рукою; но цѣпь позволяла до себя дотронуться только праведной рукѣ. Однажды сосѣдъ у сосѣда укралъ деньги и положилъ ихъ въ толстую, выдолбленную внутри палку. Оба пошли на Судому; сперва взялся за цѣпь обвинитель, а затѣмъ воръ, когда настала его очередь, попросилъ своего противника поддержать палку, и доставая цѣпь, сказалъ: «деньги у те-

¹⁾ Илиада, VIII, 69—74; XXII, 209—213. — ²⁾ См. храмовныя илубочныя изображенія «Страшнаго суда».

бя! Цѣпь и ему далась, но послѣ того неизвѣстно какъ и куда исчезла ¹⁾). Для предковъ нашихъ судъ и законы имѣли священное значеніе; по общему, глубоко-укорененному убѣжденію, они исходили отъ боговъ и составляли неотъемлемую принадлежность религіи. Древнѣйшій чешскій памятникъ «Судъ Любуши» говоритъ: «у насъ правда по закону святу, юже принесеху отци наши», «по закону вѣкожизненныхъ боговъ» ²⁾). Греки вѣрили, что законы имѣ посланы Аполлономъ и Зевсомъ, а по сказанію римлянъ, Нума записалъ ихъ со словъ богини Эгеріи. Въ теченіи долгаго времени они даже не были закрѣплены письмомъ, и въ краткихъ ритмическихъ вѣрченіяхъ (скапіна, вѣмои ³⁾) передавались устно отъ отца къ сыну, вмѣстѣ съ вѣрованіемъ и молитвами; какъ эти послѣдніе должны были произноситься въ совершенной точности, не допускали ни малѣйшаго измѣненія, такъ и юридическія формулы только тогда имѣли обязательную силу, когда произносились съ подобающимъ уваженіемъ къ ихъ заветнымъ, нерушимымъ словамъ. Вступая въ гражданскія отношенія, человѣкъ обязывался священной формулой. Впоследствии, занесенные въ «служебники», промѣжъ обрядовыхъ постановленій, зачатій и молитвъ, законы хранились въ храмахъ, подъ надзоромъ жрецовъ ⁴⁾). О славянахъ извѣстно, что они собирались на сходки и обсуждали свои общественныя дѣла при штетинскомъ храмѣ ⁵⁾). Въ нашихъ памятникахъ можно указать на позднѣйшіе слѣды этого древняго обычая; такъ въ «Псковской судной грамотѣ» читаемъ: «а который позовникъ

¹⁾ Географ. Извѣстія, изд. Р. Г. Общ., 1850 г., III, 527. Сходныя преданія, уцѣлѣвшія у другихъ народовъ, указаны въ Ист. очерк. рус. слов., I, 464—9. — ²⁾ Приб. къ Изв. Ак. Н., I, 13—15. — ³⁾ Отъ вѣмо—раздѣляю; вѣмои—раздѣл, мѣра, стихотворный ритмъ, пѣсня. — ⁴⁾ Буланжъ, 250—6, 402. — ⁵⁾ Ч. О. И. и Д., годъ 2, III, ст. Срезнев., 47.

пойдетъ исца звать на судъ, и той позванный не поидеть на погостъ къ церкви позывницы чести... ино позывница прочести на погосте предъ попомъ»; «а противъ той рядницы не будетъ во святой церкви въ лари въ тѣ-жъ рѣчи другой...» ¹⁾

Вѣра въ таинственную, всѣмъ управляющую волю Судьбы съ особенною наглядностію заавляетъ себя: а) въ судѣ божіемъ (ордалинѣхъ), самое названіе котораго тождественно съ именемъ Судьбы (см. II, 195-9); б) въ обычаяхъ метать въ сомнительныхъ случаяхъ жребіи, и его указаніе принимать за приговоръ всевѣдущаго божества, и с) въ гаданіяхъ о будущемъ. Рѣшеніе частныхъ тяжбъ и общественныхъ вопросовъ жребіемъ было употребительно у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ. Дѣло, въ которомъ боролись противоположные интересы, черезъ это возвышалось надъ произволомъ и страстями людей и восходило на тотъ верховный, непреложный судъ, передъ которымъ умолкали всѣ личные расчеты; ибо избѣгнуть опредѣленія рока не дано ни одному смертному. Лат. *sorts* и нѣм. *loos* означаютъ и жеребій, и счастье, долю, участь; точно также и рус. жребіи употребляется въ двойномъ значеніи: метать жеребьи — бросать нарочно-нарѣзанныя и помѣченныя палочки или прутки, чтобы по ихъ расположенію разрѣшить спорный вопросъ; знать, таковъ мой жребій! вмѣсто: таково мое счастье! Одна изъ трехъ дѣвъ судьбы бросала жребіи для опредѣленія грядущихъ событій (см. выше стр. 346, 349). И греки, и римляне вопрошали свои прорицающія посредствомъ жребіевъ. Для этого они метали кости, или изъ урны, наполненной водою, доставали дощечки, на которыхъ начертаны были различные зна-

¹⁾ Стр. 5, 7 и др. При такомъ взглядѣ на судъ и законы, нѣтъ ничего удивительнаго, что при введеніи христіанства духовенство тотчасъ-же приобрѣло значительное участіе въ судебныхъ дѣлахъ.

ки, а жрецы поясняли ихъ сокровенный смыслъ. Выборы въ общественныя должности долгое время совершались по жребію, т. е. отдавались на божью волю. У германцевъ жребій былъ рѣшителемъ споровъ и провозвѣстникомъ будущаго. По свидѣтельству Тацита, отломленную отъ дерева вѣтвь они разрѣзывали на части и на каждой клали особую мѣтку; жрецъ или старѣйшій въ родѣ бросалъ эти прутки, и смотря по тому, какъ они выпадали, дѣлалъ свои заключенія. Отсюда очевидна связь жребія съ рунами и гаданіями ¹⁾. Тотъ-же обычай существовалъ и между другими племенами; скины по расположенію жеребьевыхъ прутиковъ или стрѣлъ угадывали будущее и давали отвѣтъ на всякое возникшее недоумѣніе ²⁾. Саксонъ-грамматикъ говоритъ, что на островѣ Ранѣ славяне кидали три дощечки — съ одной стороны бѣлая, а съ другой черныя, и замѣчали: какой именно стороною упадутъ онѣ кверху; бѣлая предвѣщала успѣхъ, а черная — неудачу. Къ этому гаданію прибѣгали и штетинцы, чтобы опредѣлить исходъ морской битвы ³⁾. Въ числѣ запретныхъ книгъ и суевѣрныхъ обрядовъ старинный памятникъ называетъ: Метаніе или Розгомечецъ. Какая жертва угодна богамъ?—это изстари рѣшалось жребіемъ; такъ при св. Владимірѣ кіевляне метали жребій на отрока и дѣвицу: «на него же падеть, того зарѣжемъ богомъ» (II, 260). По словамъ Константина Порфиророднаго, руссы метали жребій, и слѣдуя его указанію, однихъ птицъ заколали въ жертву, а другихъ пускали на волю. Стихъ о Елизаветѣ Прекрасной разсказываетъ: когда при царѣ Агеѣ покинулъ народъ вѣру христіанскую, то Господь прогнѣвался и напустилъ на царство змѣя лютаго, поѣдучаго; тогда-то князья и бояре собирались на соймщице

¹⁾ D. Myth., 1064; Germ. Mythen, 599; Куляжъ, 241—2. — ²⁾ Лят. рус. лит., кн. I, 140. — ³⁾ Срезнев., 81.

И жеребьи закладывали:
 Кому напередъ звѣрю достануться
 На създеніе, на смертное погребленіе? ¹⁾

Даже въ выборѣ жениха и невѣсты предки наши руководились жребіемъ, какъ это можно заключать изъ слѣдующаго выраженія Слова о полку: «врѣже Всеславъ жребій о дѣвицу себѣ любу» ²⁾

Въ торговомъ договорѣ Новгорода съ нѣмцами и голландцами (XIII-го столѣтія) постановлено, чтобы тяжбы между русскими и ганзейскими гостями, при недостаткѣ судебныхъ доказательствъ и противорѣчіи свидѣтелей, рѣшались жребіемъ ³⁾. Въ Судебникѣ Ивана Грознаго занесено слѣдующее узаконеніе, подтвержденное потомъ и въ Уложеніи (XIV, 4): если между русскимъ и чужеземцемъ возникнетъ дѣло, которое не иначе можетъ быть рѣшено, какъ развѣ присягою, то цѣловать крестъ предоставляется той сторонѣ, чей вынется жребій. Англичанинъ Лэнъ описалъ намъ самый обрядъ выниманія жребія: два восковыхъ шарика съ именами спорящихъ клались въ шапку и кто-нибудь изъ постороннихъ доставалъ одинъ шарикъ голою правою рукою; чье имя вынималось, тотъ давалъ клятву и выигрывалъ дѣло. Изъ уставной грамоты шуянамъ 1606 года видно, что и въ томъ случаѣ, когда оба противника были люди русскіе, право цѣловать крестъ опредѣлялось жребіемъ. Тѣмъ-же способомъ рѣшались въ XVI-иѣ столѣтіи вопросъ: кому изъ тяжущихся о поземельномъ владѣніи должно предоставить право идти съ образомъ на головѣ и указывать между ⁴⁾. По Уложеніи (XIV, 10) искъ не свыше рубля рѣшался жребіемъ, а больше

¹⁾ Ч. О. И. и Д., годъ 3, IX, 155; см. также Пост. Вое., II, 199—200. — ²⁾ Рус. Дост. III, 186. — ³⁾ Городское или среди. состояніе рус. нар., соч. Пломинскаго, 59. — ⁴⁾ Макуш., 104; Исторія Росс. Соловьева, VII, 158, 334, 414; Карамз. И. Г. Р., IX, прилѣж. 788; Описаніе гор. Шуй, 226.

рубля — присягою. Выборъ духовнаго владыки совершался въ старину по жребію: имена кандидатовъ писались на отдѣльныхъ листкахъ, и запечатанныя полагались — въ Новгородѣ на престолѣ у св. Софій, а въ Москвѣ — передъ иконою Владимірской Богоматери въ Успенскомъ соборѣ; послѣ молебствія выносили одинъ свертокъ, распечатывали и объявляли народу избраннаго. Наказывать десятаго по жребію, въ случаѣ какихъ-либо общественныхъ смуть, долго удерживалось на ряду съ другими судебно-административными мѣрами ¹⁾. Но еще долговѣчнѣе жребій въ обычаяхъ поселянъ, которые выражаются о немъ пословицами: «жеребій — божій судъ», «жеребій—святое дѣло», «жеребій сыщеть», «отъ жеребья не уйдешь!» ²⁾ Довытъ въ деревняхъ и селахъ бѣольшая часть спорныхъ дѣлъ и очередныхъ обязанностей рѣшается жребіемъ. При дѣлѣжѣ имущества и выборѣ рекрута крестьяне всего охотнѣе полагаются на этотъ безстрастный, независимый отъ человѣческаго произвола судъ. Въ нижегородской губ. при развѣрткѣ поземельныхъ участковъ бросаютъ жеребья; въ ярославской и другихъ губ., когда умереть отецъ и не оставитъ послѣ себя никакого распоряженія, два сына его (что называется «ровный бой») берутъ каждый свою часть по жребію ³⁾. Метанье жеребьевыхъ знаковъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ замѣняется обыкновеніемъ конаться, и слово это въ рязанской губ. употребляется въ смыслѣ: бросать жребій. Слѣдую завѣту старины, русской человѣкъ — когда наступать Рождественскіе Святки — силится разгадать: что присудила ему на будущій годъ могучая Судьба? Съ этою цѣлью совершается обрядъ гаданія, описанный нами во II-мъ томѣ, стр. 194. У болгаръ, наканунѣ Нового года, дѣвнцы

¹⁾ Рус. въ св. посл., III, 215—8. — ²⁾ Послов. Даля, 50; Толков. слов., I, 477. — ³⁾ Этн. Сб., I, 13, 21; Ввст. Р. Г. О. 1853, II, 108.

выносить на площадь котель, наполненный водою, опускают въ него кольца, браслеты, ожерелья, и все это отдають на сохраненіе такъ называемой царицѣ солнца. Царицею назначается обыкновенно дѣвушка не старѣе шестнадцати лѣтъ, съ русою косою и голубыми глазами. На другой день сельская молодѣжь отправляется къ ея дому, съ музыкой и пѣснями; царица подымаетъ котель и выходитъ на встрѣчу, красуясь длинными, распущенными по плечамъ волосами; подруги убирають ее цвѣтами, надѣвають ей на голову вѣнецъ и красное покрывало, и затѣмъ всѣ вмѣстѣ идутъ на площадь. Тамъ приступаютъ къ гаданію; хоръ поетъ предвѣщанія, а царица вынимаетъ изъ котла одну за другою погруженные въ него вещи. Чья вещь будетъ вынута, тому и вѣщаетъ провозглашенная пѣсня его грядущую судьбу ¹⁾: «кому вынется, тому сбудется—не минуется!» Царица солнца представляетъ въ этомъ обрядѣ дѣву-судицу (сравни I, 82—85), а кольца, браслеты и ожерелья замѣняютъ собою жребіи гадающихъ.

Литовскій Пражжинасъ (=божіе предопредѣленіе, судьба) почитался высочайшимъ изъ боговъ; его судомъ содержится вселенная; отъ его ударовъ дрожить мать-земля, какъ отъ небесныхъ громовъ Перкуна; онъ посылаетъ всемірный потопъ (=весенніе разливы) и потопъ создаетъ на землѣ новую жизнь и новое поколѣніе людей, заставляя спасенную нимъ чету прыгать черезъ камни. Тотъ-же мифъ о происхожденіи людскаго племени греки связывали съ Гермесомъ, а славяне, какъ свидѣтельствуетъ старинный памятникъ ²⁾, — съ Родомъ: сидя на воздуси, Родъ мечетъ на землю груды — и въ томъ рождаются дѣти (II, 474—5). Изъ этихъ сближеній

¹⁾ Москов. Газета 1866, стат. Каравелова: «Святки у болгаръ»; см. также Гласник. срп. учен. друштва, кн. V (1867), 127. — ²⁾ Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, предисл. стр. XXIII.

позволительно заключать, что первоначально подъ именемъ Рода разумѣлось божество, заправляющее весенними грозами, оплодотворяющее землю сѣменемъ дождя и создающее мировую жизнь. Бѣлый свѣтъ, по выраженію стиха о голубиной книги, зачался отъ суда божія. Выше мы видѣли, что богъ-громовникъ, какъ мненческій кузнецъ куетъ людямъ брачныя узы и назначаетъ, кому на комъ жениться (стр. 373—5); какъ повелитель волковъ («волчій пастыръ»), онъ опредѣляетъ, какіе именно люди должны умереть отъ зубовъ этого хищнаго звѣря, и приговоры его также неотвратимы, какъ и приговоры рожаницъ; волки слѣдуютъ за нимъ — подобно тому, какъ слѣдуютъ они за Однимъ и валькириями (I, 710-1). Въ древнихъ рукописяхъ рай и адъ (= тѣ загробныя области, гдѣ обитаютъ души предковъ) обозначаются словами по-рода и родъство: «а уже убогихъ не миловати, и родъство обѣштано е(сть) и огонь негашащтин и съ бѣсы мученіе» ¹⁾. Это наводитъ насъ на мысль, что съ Родомъ могло соединиться представленіе о владыкѣ усопшихъ предковъ (сравни выше, стр. 283, преданіе о ведическомъ Ариамѣ); что, царствуя въ воздушныхъ сферахъ, онъ—съ одной стороны—посылалъ на землю младенческія души (=порождалъ дѣтей), а съ другой, наравнѣ съ скандинавскимъ Однимъ и греческимъ Гермесомъ, препровождалъ души усопшихъ въ страну безсмертія. Въ паремейникѣ 1271 года слово Родъ употреблено при переводѣ еврейскаго гад (fortuna, τὸ χη, богъ счастья): «готовяще Родоу трапезъ» ²⁾. Въ древле-славянскомъ переводѣ хроникъ Малалы и Амартола греч. εἰμαρμένη, означающее судьбу, объясняется словомъ рожденіе: «И мармѣнню же съдѣлавшии прелестъ нѣкоюю, глаголемую рожденіе, еяже развѣ ничесомъ пострадати, ли творити могоуще комоу-любо,

¹⁾ Матер. для истор. писемъ, 9 (Святославовъ Изборникъ 1073 года). — ²⁾ Архивъ ист.-юрид. свѣд., II. ст. Срезнев., 109.

знаменословять, и въ таковою прелесть и нечестіе въпадаютъ; мнѣвъ бо нѣкыи, яко развѣ рожденія — кромѣ Имар-и ѣнии нвкто-жъ ни сѣтворити, ни пострадати власть имать». Замѣтимъ, что и греки съ словомъ $\gammaένεσις$ соединяли понятие судьбы: такъ у Іоанна Златоуста, чаще другихъ возражавшаго противъ фатализма, читаемъ: «ἐὶ Θεός, ἢ γένεσις» — въ старинномъ переводѣ: «аще Богъ есть, нѣсть рожденія»; «ἐὶ γένεσις, ἢ νόμος, ἐὶ δὲ νόμος, ἢ γένεσις» — «аще рожденіе — то не законъ, аще законъ — то не рожденіе». Тотъ-же смыслъ средневѣковые латинскіе и нѣмецкіе памятники придаютъ рѣченіямъ: *genesis, genitura, nascentia, gaburt, giburt, gaburdia* ¹⁾). Въ одномъ изъ поучительныхъ сочиненій VII-го вѣка записано: «nullus sibi proponat fatum vel fortunam aut genesin, quod vulgo nascentia dicitur ut dicat: qualem nascentia attulit, taliter erit» ²⁾). Хотя въ старинныхъ переводахъ слово «рожденіе» и есть повидному не болѣе, какъ буквальная передача греческаго « $\gammaένεσις$ »; но это еще не доказываетъ, чтобы переводчики употребляли его машинально, безсознательно, и чтобы само по себѣ оно не имѣло никакой связи съ понятіемъ о всеильномъ рокѣ. Наоборотъ, надо думать, что и переводчики, и ихъ современники очень хорошо понимали: противъ какого «рожденія» были направлены протесты проповѣдниковъ; можно ли сомнѣваться въ этомъ, если дѣвы судьбы назывались у славянъ рожаницами, если и донынѣ народъ русской выражается пословицей: «отъ рѣду (=отъ судьбы) не въ воду!» ³⁾ Во всѣхъ памятникахъ, свидѣтельствующихъ о поклоненіи Роду и рожаницамъ, имя перваго постоянно встрѣчается въ единственномъ числѣ. Очевидно, что рожаницы и Родъ стоятъ въ такомъ-же отношеніи другъ къ другу, какъ парки и Fatum, мойры

¹⁾ Изв. Ах. Н., IV, 171—6. — ²⁾ D. Myth., 818; Germ. Myth., 631. — ³⁾ Послов. Даля, 920.

и Ἄνδρην или Εἰμαρμένην, норны и Örlög ¹⁾); тогда какъ рожаницы завѣдывали участіемъ отдѣльныхъ людей (каждому, при его появленіи на свѣтъ божій, давалась своя рожаница), Родъ олицетворялъ собою общее понятіе о судьбѣ, какъ о божественной силѣ, все производящей и вѣдѣющей правящей въ мірѣ.

Но творческая дѣятельность природы возбуждается не однимъ дожденоснымъ Перуномъ; она не менѣе зависитъ и отъ ясныхъ, согревающихъ лучей солнца. Для нашихъ предковъ солнце было божество рождающее — дарующее землѣ урожай и надѣляющее смертныхъ изобиліемъ, богатствомъ, а слѣдовательно и счастьемъ. Снскр. bhaga употреблялось, какъ одно изъ названій этого свѣтила; у славянъ «солнце» — синонимъ счастья, на что указываютъ слѣдующія выраженія: «взойдетъ солнышко и на нашъ дворъ!» «померкло мнѣ солнце!» «закатилось мое счастье!» (I, 67) Какъ всевидящее око, озирающее небо и землю, — Солнце знаетъ все явное и сокровенное, что только совершается въ мірѣ. Отъ его взоровъ ничто не можетъ утаться! Свѣтъ и зрѣніе — обычныя метафоры знанія, мудрости, а мракъ и слѣпоты — невѣжества, отсутствія всякихъ свѣдѣній ²⁾). Въ гимнахъ Ригъ-Веды Солнце называется всевѣдущимъ ³⁾). Оно — представитель высочайшей правды, всегда открытой и «ясной, какъ божій свѣтъ», противникъ и каратель «темной» лжи, и тотъ, кто обманываетъ (морочитъ) другихъ, грѣшитъ именно противъ этого всевѣдущаго божества. Въ силу этихъ воззрѣній, съ нимъ необходимо сочеталась идея пра-

¹⁾ D. Myth., 382. — ²⁾ Мы говоримъ: про-свѣщеніе, свѣтъ знанія (правды, истины), мракъ невѣжества, прозорливость, ясновидѣніе, умственная слѣпота, дальновидный или темный человѣкъ. — ³⁾ Die Symbolik von Sonne und Tag in der germanisch. Mythol., 7.

веднаго суда божія. Въ любопытной чешской сказкѣ юный герой отпрапляется за разрѣшеніемъ загадочныхъ вопросовъ къ Солнцу, тогда какъ, по сербскому преданію, онъ съ тою-же цѣлю идетъ къ Судьбѣ. Солнце названо въ этой сказкѣ златовласымъ дѣдомъ-Всеvѣдомъ, а въ матери ему дава пряха-судица, которая вечеромъ принимаетъ его на западѣ и успокоиваетъ на своихъ колѣнахъ; по утру Солнце пробуждается отъ сна, прощается съ матерью и вылетаетъ восточнымъ окномъ на дневное странствованіе. О значеніи Солнцевой матери сказано было выше: это, во первыхъ,—облачная, дожденосная жена, изъ темныхъ нѣдръ которой нарождается Солнце весной, и во вторыхъ богиня Зоря, которая каждое утро выводитъ его изъ мрака ночи, или выражаясь поэтически: каждое утро рождаетъ свѣтозарнаго сына и разстигаетъ для него по небесному своду золотисто-розовую челену (I, 88; II, 124—6). Зоря также представлялась пряхой, какъ и дѣвы судьбы (см. гл. V); по указанію нѣмецкихъ причтаній, одна изъ этихъ дѣвъ отпираетъ небо и выводитъ изъ-за темныхъ затворовъ ясное солнце (см. стр. 355). На Руси удѣляла старинная поговорка: «ждидайся Солнцевой матери божья суда!» ¹⁾. Солнцева мать упоминается во многихъ сказкахъ, и вездѣ о ней говорится, какъ о вѣщей пряхѣ: она даетъ странствующимъ героямъ мудрыя совѣты и на золотой прялкѣ прядетъ золотую кудель ²⁾.

¹⁾ Снегирева: Послов. и притчи, 99. — ²⁾ Slov. povesti Škultety a Dobsinsk., I, 60—61; Slov. pohad., 280, 452; Гамкер., IV, 43.—По мнѣнію г. Потебни (Труды моск. археол. общества, в. II, 193), въ чешской сказкѣ о дѣдѣ-Всеvѣдѣ спутаны два различныхъ преданія; подъ именемъ дѣда-Всеvѣда скрывается драконъ, а что сказка называетъ его солвцемъ — это не болѣе, какъ ошибка рассказчика. Мы не можемъ согласиться съ этимъ мнѣніемъ. Правда, что тѣже самыя подробности, какія встречаемъ въ сказкѣ о дѣдѣ-Всеvѣдѣ, повторяются и во множествѣ другихъ сказокъ,

Впослѣдствіи, когда нравственныя представленія стали брать перевѣсъ надъ религіознымъ натурализмомъ, идея судьбы отрѣшилась отъ стихійныхъ боговъ, строителей міровой жизни, и обособилась въ отдѣльное, самостоятельное божество. Въ Малороссіи сохранилось такое преданіе: шелъ крестьянинъ по лѣсу и заблудился. Наступила ночь, вдали заблестѣлъ привѣтливый огонѣкъ; крестьянинъ поспѣшилъ на его свѣтъ, набрѣлъ на ветхую избушку и попросился ночевать. Его приняла бѣдная

гдѣ герой отправляется за разрѣшеніемъ трудныхъ вопросовъ къ царю-змѣю, дракону, горному великану и даже чорту; во это только доказываетъ, что одинъ и тотъ-же мифъ могъ варіироваться различно. На сказочнаго героя возлагается обязанность узнать: отчего высохъ источникъ живой воды? отчего яблона не дѣлаютъ молодежавыхъ плодовъ? кѣмъ похищена прекрасная царевна, или какъ излѣчить ее отъ тяжкой болѣзни? и куда затерялся ея золотой ключъ? Вопросы эти живописуютъ зимнее состояніе природы, когда иссякаетъ живая вода дождей, когда въ небесныхъ рощахъ перестаютъ зрѣть молодежавыя яблоки, когда богиня лѣтняго плодородія попадаетъ во власть демоновъ и теряетъ свой ключъ-молюнію. Но увяданіе и возрожденіе міровой жизни условливаются дѣятельностью боговъ и демоновъ, и потому съ вопросами о концѣ зимы и началѣ лѣта народная фантазія съ равнымъ правомъ могла обращаться и къ царю-змѣю (Вритрѣ), какъ похитителю прекрасной богини, живой воды и молодежавыхъ яблокъ, и къ Солнцу, какъ владыкѣ пресвѣтлаго рая, и накопецъ въ Судьбѣ, какъ представительницѣ суда божьяго, которымъ зимдется и управляется вся вселенная. Затѣмъ остается одна черта въ сказкѣ о дѣдѣ-Всеѣдѣ, которую, кажется, слѣдуетъ признать заимствованною изъ преданій о драконѣ и перенесенною на Солнце: это вырываніе золотыхъ волосъ изъ головы дѣда-Всеѣда (Эрбенъ, 4—9; Н. Р. Ск., I, № 13 и стр. 165; Ганушъ о Дѣдѣ-Всеѣдѣ, 23—41; Шкульт., I, 134; Норвеж. ск., I, 5; сказ. Грим., I, 29). Замѣтимъ, что странствованіе къ Солнцу за разрѣшеніемъ различныхъ вопросовъ вовсе не составляетъ исключительной принадлежности сказки о дѣдѣ-Всеѣдѣ, а напротивъ есть одинъ изъ обычныхъ мотивовъ народнаго эпоса (Westsl. Märch., 36—40; Slov. pohad., 447—455; Малый (изд. 3), 62; Н. Р. Ск., стр. 172—3; VIII, стр. 623—4; Штиръ, 17).

старушка, и на вопрос гостя: «кто ты?» назвалась Судьбою. Еще крестьянинъ не успѣлъ заснуть, какъ кто-то постучался въ окно. «Что?» спросила Судьба. — Столько-то родилось мальчиковъ и столько-то дѣвочекъ, отвѣчалъ невѣдомый голосъ; какая ихъ судьба? «Таже, что у меня сегодня!» За окномъ послышался вздохъ. На утро проснулся крестьянинъ не въ бѣдной избушкѣ, а въ богатыхъ палатахъ: всюду роскошь и золото! и остался онъ у Судьбы еще на одни сутки. Ночью повторилась прежняя сцена: кто-то постучался въ окно и сказалъ: «столько-то родилось мальчиковъ и дѣвочекъ; какая ихъ судьба?» — Таже (раздалось въ отвѣтъ), что у меня сегодня! Судьба жила попеременно — одинъ день, какъ нищая, а другой, какъ богачка, обладающая несметными сокровищами; кто въ какой день родится, таково его и счастье. Возвратясь домой, крестьянинъ нашелъ, что жена родила ему двухъ сыновей: одного — въ безталанный день, а другого — въ счастливый. Вся жизнь близнецовъ послужила оправданіемъ той судьбы, которая каждому изъ нихъ была опредѣлена при рожденіи ¹⁾). Не менѣе интересна малорусская сказка о двухъ Доляхъ. Жили два брата — младшій въ довольствѣ и счастіи, а старшій въ бѣдности. Настало лѣто. Старшій братъ нанялся у младшаго жать хлѣбъ. Разъ приходитъ онъ въ поле и видитъ: женщина въ нищенскомъ рубищѣ ходитъ между копнами, выдергиваетъ самые крупные колосья изъ сноповъ, полученныхъ старшимъ братомъ за работу, и втыкаетъ ихъ въ снопы младшаго. «Кто ты?» спросилъ бѣднякъ. «Я — Доля твоего брата; онъ спитъ, а моя обязанность денно и ночью трудиться на него, какъ на своего господина, съ самаго рожденія его до смерти я ему вѣрная слуга: берегу его отъ опасностей, лелѣю его дѣтей, окропляю его поля и огородъ росю, гоню ему рыбу въ бредень, рои пчелъ — въ улья, охра-

¹⁾ Милль 1842, VI, 127.

наю отъ хищнаго звѣря и холю его скотину, привожу къ нему купцовъ, набиваю цѣву на его товаръ и дарю его семью здоровьемъ. Твоя же Доля — бѣлоручка, думаетъ только о пѣсняхъ и нарядахъ, и потому ты бѣденъ» ¹⁾). Великорусская редакція этой сказки такова: раздѣлились двое братьевъ и стали жить особо. У старшаго брата что ни годъ — то дѣти рожаются, а хозяйство все плоше да хуже идетъ; до того дошло, что совсѣмъ разорился — и дѣтямъ не радъ! Пришелъ бѣдный къ младшему, богатому брату: «одожди, просить, хоть на одинъ день лошади; пахать нѣ на чѣмъ!» Тотъ позволилъ: «возьми на одинъ день, да смотри — не замучь!» Бѣдный отправился въ поле, а тамъ невѣдомо какіе люди на братниныхъ лошадяхъ землю пашутъ. «Стой! закричалъ онъ; сказывайте, что вы за люди?» — А развѣ не видишь, отозвался одинъ изъ пахарей, что я — Счастье твоего брата; онъ пьетъ-гуляетъ, ничего не знаетъ, а мы на него работаемъ. «Куда-же мое Счастье дѣвалось?» — А твое Счастье вонъ подъ кустомъ, въ красной рубашкѣ, лежитъ; ни днемъ, ни ночью ничего не дѣлаетъ, только спитъ! «Ладно, думаетъ мужикъ, дай-ка я доберусь до него!» Пошелъ, вырѣзалъ толстую палку, подкрался къ своему Счастью и вытянулъ его по боку изъ всей силы ²⁾). Счастье проснулось и спрашиваетъ: «что ты дерешься?» — Еще не такъ прибью? Люди добрые землю пашутъ, а ты

¹⁾ О. З. 1840, II, смѣсь, 42—44. — ²⁾ Вариантъ: жили два брата рыбака: одинъ богатый, другой бѣдный. У богатаго всегда всѣ верши рыбой полны, а бѣдному коли попадетъ два-три плотички — и то слава Богу! «Что за чудо! ужъ не веруетъ ли кто мою рыбу?» подумалъ онъ, взялъ плеть и пошелъ ночью на рѣку. Послышался плескъ по водѣ; глядь — кто-то въ братнину сѣть рыбу загоняетъ. „Ты кто?“ спрашиваетъ рыбакъ. — Я Доля твоего брата, гоню ему рыбу. „А гдѣ-жъ моя Доля?“ — Теоя Доля — лѣнивая, вверхъ брюхомъ на камень лежитъ, пѣсни поетъ да въ гусли играетъ; отъ того ты и бѣденъ. Рыбакъ бросился къ камню и давай стегать свою Долю плетью...

безъ просыпу спишь! «А ты небось хочешь, чтобъ я на тебя пахалъ? и не думай!» — Чтожъ, все будешь подъ кустомъ лежать? вѣдь эдакъ мнѣ умирать съ голоду прійдется! «А ты коли хочешь, чтобъ я тебѣ помочь дѣлалъ, такъ брось крестьянское дѣло да займись торговлею. Я къ вашей работѣ со-всѣмъ непривыченъ, а купеческія дѣла всякія знаю.» — Займись торговлею!... мнѣ ѣсть нечего, а не то что въ торгъ пускаться. «Ну хоть сними съ своей бабы старой сарафанъ да продай, на тѣ деньги купи новой — и тотъ продай! а ужъ я стану тебѣ помогать, ни на шагъ прочь не отойду!» Послушался мужикъ, и вскорѣ разбогатѣлъ отъ счастливаго торгу ¹⁾. Жалуясь на бѣдность, поселяне говорятъ: «плаче твоя доля!» «эко счастье — на мосту съ чашкой!» или: «моя-то доля съ чашкой въ полѣ!» (т. е. мой удѣлъ собирать милостину ²⁾). Про счастье выражаются, что оно «якъ трясця: кого схоче, на того ѣ нападе» ³⁾. Когда невѣста собирается подъ вѣнецъ, она съ тревогой задумывается о той судьбѣ, какая ожидаетъ ее замужемъ.

Дзѣвочка въ вянцу ѣдзя,
Яѣ Доля спатыкая ⁴⁾;
Она съ Долей размовляя:

«Доля моя, Доля! коли ты добрая — садись со мной на возъ; коли ты якая — уплыви съ водою.» ⁵⁾ Въ пѣсняхъ малоросійскихъ часто слышатся горькія жалобы на несчастную Долю и ея безотвязность:

- а) Ой бодай ты, моя Доля, на днѣ моря утонула,
Якъ ты мою головоньку въ неволю втопыла!
б) Породила мене маты у святу неділю,
Дала мнѣ гирьку Долю—ничого не вдію.

¹⁾ Н. Р. Ск., V, 51. — ²⁾ Послов. Даля, 30. — ³⁾ Или: „счастье что лихорадка — къ кому привяжется“ — Номись, 35-36. — ⁴⁾ Встрѣчаегъ. — ⁵⁾ Сборт. памяти, нар. творчества въ сѣв.-западн. краѣ, I, 282.

Ой пиду я до сусида воза позмычаты,
 Та повезу гирьку Долю на торгъ продаваты;
 Люды знають гирьку Долю, нейдуть купуваты,
 Тэй не хочуть купуваты, не хочуть пытаты.
 Повезу я гирьку Долю з' торгу та до дому,
 Тай ударю гирьку Долю з' воза та до долу:
 „Отъ-тутъ тоби, моя Доля, отъ-тутъ пропадаты,
 Що не вмгла, не хотгла мене шануваты!“

- с) Породыла мене маты въ несчастну годину,
 Дала мнѣ злую (лиху) Долю; де-жъ еѣ подину?
 — Да пиди собя, Доле, пиди, несчастная! пиди утопся,
 А за мною, да за молодою, да не волочяся.
 „Хочъ я пиду, молода дивчяно, пиду утоплюся,
 А якъ вйдешь рано води брати—я за тебе учплюся.“

Далѣ дѣвица заклинаетъ злую Долю заблудиться въ лѣсу или сгинуть въ полѣ, но та отвѣчаетъ: что въ этомъ! пойдешь ли ты въ лѣсъ калину ломать, или станешь жать въ полѣ— «я за тебе учплюся!» Въ другой пѣснѣ мать на жалобы несчастной дочери замѣчаетъ ей: «така тоби, доню, Доля судилася»¹⁾. Замѣчательна по силѣ мысли записанная мною пѣсня, въ которой безталанный молодець вызываетъ свою Долю помѣриться съ нимъ въ полѣ:

Ой шовъ казавъ съ дому,
 Та-й съ дому до Дону,
 Та-й сивъ надъ водою;
 Сивши надъ водою,
 Проклинае Долю:
 „Ой, Доля-жъ, ты Доля,
 Доля моя злая!
 Чомъ ты не такая,
 Якъ Доля чужая?
 Ой, колибъ ты, Доля,
 Та вышла бы въ поле;
 Тогда-бъ ты сгадака—
 Кого забижала!“

¹⁾ Объ истор. зн. нар. поэз., 154; Украин. пѣсни Максимовича, 170; Малор. литер. сборн., 263; Бѣлорус. пѣсни Е. П., 65 — 66; Металикс., 12—13, 80, 275, 365-6; Мат. срав. слов., II, 187.

Доля употребляется въ народной рѣчи иногда въ смыслѣ положительно-счастливой судьбы, а съ отрицаніемъ не (недоля) въ смыслѣ судьбы несчастливой, печальной: «гдѣ нѣтъ доли, по пословицѣ, тутъ и счастье не велико» ¹⁾; «не то сирота, що роду не мае, а то сирота, що доли (счастья) не мае» ²⁾; «дитинка спитъ, а доля ји росте»; «лежень лежитъ, а Богъ для него долю держитъ» или: «лежухови Богъ долю дае»; «безъ доли хочъ (выйди замужъ) за пана — и панъ скрутицца», а «якъ моя добра доля, то-й пьяница поправицца» ³⁾; «якъ твоя, доню, доля — то накупить чоловікъ (мужъ) поля, а якъ безднля (бездолье), то продасть и подвирри»; «своей недоли и конемъ не објидешъ» ⁴⁾. Недоля нерѣдко замѣняется выраженіями: бѣда, лихо, напастъ, горе и нужда. Въ народныхъ пословицахъ, пѣсняхъ и сказкахъ Бѣда выступаетъ, какъ-бы нѣкій демонъ, какъ существо живое, самодѣйствующее. Она странствуетъ по бѣлому свѣту, ищетъ людей, обреченныхъ несчастію, идетъ къ нимъ на встрѣчу, гонится за ними: «бѣда (горе) ходитъ не по лѣсу, а по людямъ», «бидане спитъ, а по людямъ ходитъ», «напастъ (лихо) не по дереву ходитъ, а по тихъ людяхъ», «гдѣ бѣда ни шаталась, а къ намъ пришатилась», «гдѣ бѣда ни голодала, а къ намъ на пирушку», «пришла бѣда — растворяй ворота!» «дома-ль хозяйинъ? бѣда пришла», «не кличь биди до себе, сама прійде до тебе», «лиха не шукай — воно само тебе найде», «де ти, лихо, ходило? — тебе, пане, шукала!» ⁵⁾ серб. «нашла га бида на суву путу», «лихо спот-

¹⁾ Поля. собр. послов. 1822 г., СПБ., 36—38. — ²⁾ Старосв. Бандур., 190. — ³⁾ Вариантъ: «якъ вродилась шасница, такъ поправицца и пьяница». — ⁴⁾ Номис., 35 — 36; Зап. Р. Г. О. по отд. вгвогр., I, 294. — ⁵⁾ Сказка повѣствуетъ о человѣкѣ, который искалъ Лиха, и оно предстало ему въ образѣ одноглазого великана (Н. Р. Ск., III, 14).

кало» (сравни: «щастя споткало» — встрѣтило, «щастя переходя живе» — сегодня гостить у одного, завтра у другого), «видъ биди не втикти», «ты отъ бѣды, а бѣда впереди» (вар. «а бѣда въ очи!»). Неутомимая въ преслѣдованьи, она настагаетъ, схватываетъ человѣка, цѣпляется за него, и подобно злобному злыбу, садится ему на плечи, бьетъ, давить и мучить свою жертву: «лихо его не беречь!» «лихо не возмець, коли Богъ не даець», «кого бида учѣпицца, того тринаецца ¹⁾ и руками, и ногами», «нужда-бъ ты побилла!» «побилла-бъ тебе лихая година!» ²⁾ пол. «żeby go licho ciężkie rog wało», «niech się bieda weźmie», серб. «тако ми се туга на срце не савила!» ³⁾ Несчастливецъ жалуется:

Чому-жъ мени горилка не пьетца?

Коло мего серденька явъ гадина вьетца.

—Ой, тожъ не гадина, то лиха година

Коло твого серденька соби гниздо звилла ⁴⁾.

Лихая, горькая, недобрая Доля, по выраженію народныхъ пѣсень, рождается вмѣстѣ съ человѣкомъ, шагъ за шагомъ елѣдуеть за нимъ въ продолженіи всей жизни и провожаетъ его въ самую могилу:

а) Ой пиду-жъ я, пиду, да съ сего края пиду,

Ой покину я да у снѣзь край Биду;

Ой оглянусь я за крутою горою—

Ажъ иде Бида слѣдочкомъ за мною...

„Ой, чего-жъ ты, Бида, за мною вѣщылася?“

—Я зъ тобою, безталанный, зъ тобою родылася.

„Ой, чего-жъ ты, Бида за мною вьязалася?“

—Я зъ тобою, безталанный, зъ тобою вьвичалася ⁵⁾.

б) Ой ты, Горе мое, Горе сѣрое,

Лычкомъ связанное, подпоясанное!

¹⁾ Держится. — ²⁾ Послов. Даля, 30—33; Новис., 35, 37, 40, 43—44; Записки Р. Г. О. по отд. вѣногр., I, 338, 446. — ³⁾ Срп. послов., 305. — ⁴⁾ Метлин., 250. — ⁵⁾ Бодян. О нар. пѣвѣн славян. племен., 133.

Ужь и гдѣ ты, Горе, ни шоталося—
 На меня, бѣдную, навязалося..
 Ужь я отъ Гора во чисто поле;
 Оглянусь я назадъ—Горе за мной идетъ,
 За мной идетъ, во слѣдъ грозить:
 „Ужь я выжну-повыжну все чисто поле,
 А сыщу я, найду тебя горькую!“
 Я отъ Гора во темны лѣса,
 Оглянусь я назадъ—Горе за мной идетъ,
 За мной идетъ, во слѣдъ грозить:
 „Порублю я-посѣку всѣ темны лѣса,
 А найду я тебя горемычную!“
 Ужь я отъ Гора къ гробовой доскѣ,
 Оглянусь я назадъ—Горе за мной идетъ,
 Съ топорешечкомъ, со лопаточкой ¹⁾.

- с) Не отростить дерева суховерхаго,
 Не откормить коня сухопараго...
 Ай Горе, Горе-Горваньце!
 А и лыкомъ Горе подпоясалось,
 Мочалами ноги изопутаны.
 А я отъ Гора въ темны лѣса —
 А Горе прежде въ лѣсъ зашелъ;
 А я отъ Гора въ почестной пиръ—
 А Горе зашелъ, впереди сидить;
 А я отъ Гора на царевъ кабакъ —
 А Горе встрѣчаетъ, ужь пиво тащѣтъ:
 Какъ я нагъ-то сталъ — насмѣялся онъ ²⁾.

Замѣчательны обороты: «Горе зашелъ», «Горе насмѣялся»; изъ нихъ очевидно, что (не смотря на средній грамматическій родъ слова) горе въ воззрѣніяхъ народа доселѣ не утратило характера одушевленнаго, демоническаго существа.

д) Обувалося Горе въ лапти, одѣвалося въ рогозиночки, опоясывалось лыками, приставало къ добру молодцу.

Видать молодець: отъ Гора дѣться некуда!
 Молодець вѣдь отъ Гора во чисто поле,
 Во чисто поле сѣрымъ заушкомъ,

¹⁾ Сопр. 1856, X, 117—8; Рус. Бес. 1860, I, 73. — ²⁾ Сахаров., I, 224.

А за нимъ Горе въ слѣдъ идетъ,
 Въ слѣдъ идетъ, тенета несетъ,
 Тенета несетъ все шелковыя:
 „Ужь ты стой, не ушелъ, добрый мѡлодець!“
 Мѡлодець вѣдь отъ Гора во быстру рѣку,
 Во быстру рѣку рыбой-щукою,
 А за нимъ Горе въ слѣдъ вдетъ,
 Въ слѣдъ идетъ, невода несетъ,
 Невода несетъ все шелковыя:
 „Ужь ты стой, не ушелъ, добрый мѡлодець!“
 Мѡлодець вѣдь отъ Гора во огнёвущку ¹⁾,
 Во огнёвущку, да въ постеляшку —

а Горе въ ногахъ сидитъ. Видитъ мѡлодець — нѣкуда отъ
 Гора спрятаться, какъ развѣ въ тесовый гробъ да въ моги-
 лушку, а Горе и тутъ съ лопатю:

„Ужь ты стой, не ушелъ, добрый мѡлодець!“
 Загреблю Горе во могилушку,
 Во могилушку, во матушку-сыру землю ²⁾.

Въ такихъ прекрасныхъ поэтическихъ образахъ, достойныхъ
 великаго художника, представляется народной фантазіи горе.
 Оно доводитъ безталаннаго мѡлодца до кабака и злобно на-
 смѣхается надъ его наготою; оно ловитъ его въ разставлен-
 ная сѣти и тенета; выживаетъ его съ бѣлаго свѣта, и явля-
 ясь съ топоромъ и лопатю, сколачиваетъ ему гробъ и роетъ
 могильную яму. Какъ третья недобрая парка, разрывающая
 нить жизни, Горе отождествляется съ богинею смерти; эта
 послѣдняя также охотится за живущими въ мѣрѣ, опутываетъ
 ихъ своими сѣтями и роетъ заступомъ свѣжія могилы (см.
 выше стр. 44, 48). Сказочнымъ героямъ удавалось обманыв-
 вать Смерть и томить ее въ тѣсномъ заключеніи; тоже пре-
 даваніе прилагается и къ Горю. Въ одной деревнѣ жили два му-
 жика, два родные брата: одинъ — бѣдный, другой — богатый.
 Богачъ переѣхалъ въ городъ, выстроилъ себѣ большой домъ

¹⁾ Въ горячку. — ²⁾ Рыбник., I, 470—1.

и записался въ купцы; не то выпало на долю бѣднаго: иной разъ нѣтъ ни куска хлѣба, а ребятишки — малъ мала меньше — плачутъ, ѣсть просить. Съ утра до вечера бьется мужикъ, какъ рыба объ ледъ, а все ничего нѣтъ. Пошелъ къ богатому попросить хлѣба. Тотъ заставилъ его проработать цѣлую недѣлю, и далъ за то одну ковригу. — И за то спасибо! сказалъ бѣдный и хотѣлъ было домой идти. «Постой! приходи-ка завтра ко мнѣ въ гости — на именины, и жену приводи.» — Эхъ, братецъ! куда мнѣ? къ тебѣ придуть купцы въ сапогахъ, въ шубахъ, а я въ лаптяхъ да въ худенькомъ зипунишкѣ хожу. «Ничего, приходи! и тебѣ будетъ мѣсто.» Наутро пришелъ бѣдный братъ съ женою къ богатому; поздравили и усѣлись на лавку. За столомъ ужъ много именитыхъ гостей сидѣло; всѣхъ ихъ угощаетъ хозяинъ на славу, а про бѣднаго брата съ его женою и думать забылъ — ничѣмъ ихъ не подчуесть. Кончился обѣдъ; гости поѣхали домой пьяные, веселые — шумятъ, пѣсни поютъ; а бѣдный идетъ назадъ съ пустымъ брюхомъ. «Давай-ка, говоритъ женѣ, и мы запоемъ пѣсню!» — Эхъ ты, дуракъ! люди поютъ отъ того, что сладко поѣли да много выпили; а ты съ чего? «Ну все-таки у брата на именинахъ былъ; какъ запою, всякой подумаетъ, что и меня угостили.» — Пой, коли хочешь, а я не стану! Мужикъ затанулъ пѣсню, и послышались ему два голоса; онъ пересталъ, и спрашиваетъ жену: «это ты мнѣ подсобляла пѣть тоненькимъ голоскомъ?» — И не думала! «Такъ кто же?» — Не знаю! сказала баба, а ну запою — я послушаю. Онъ опять за пѣсню; поеть-то одинъ, а слышно два голоса; остановился и спрашиваетъ: «это ты, Горе, мнѣ пѣть подсобляешь?» Горе отозвалось: «да, хозяинъ! это я.» Пришелъ мужикъ домой, а Горе зоветъ его въ кабакъ. — Денегъ нѣтъ! отвѣчалъ бѣднякъ. «Охъ ты, мужичокъ! на что тебѣ деньги? вишь, на тебѣ полушубокъ надѣтъ, а на что онъ? скоро лѣто

будетъ, все равно носить не станешь! Поидемъ въ кабакъ, да полущубокъ по боку...» Мужикъ и Горе пошли въ кабакъ и пропили полущубокъ. На другой день Горе заохало (съ похмѣлья-то голова болить!) и зоветъ хозяина винца испить. «Денегъ нѣтъ!» отвѣчаетъ мужикъ. — Да на что намъ деньги? возьми сани да телѣгу — съ насъ и довольно! Нечего дѣлать, не отбитися мужику отъ Гора; взявъ онъ сани и телѣгу, потащилъ въ кабакъ и пропили вдвоѣмъ съ своимъ неотвязнымъ товарищемъ. На утро Горе еще больше заохало-зоветъ мужика опохмѣлиться; мужикъ пропили соху и борону... Мѣсяца не прошло, какъ онъ все спустилъ; даже избу свою сосѣду заложилъ, а деньги въ кабакъ снѣсъ. Горе опять пристаётъ къ нему: «пойдемъ да поидемъ въ кабакъ!» — Нѣтъ, Горе! воля твоя, а больше тащить нечего. «Какъ нечего? у твоей жены два сарафана: одинъ оставь, а другой пропить надобно.» Мужикъ взялъ сарафанъ, пропили — и думаетъ: «вотъ когда чистъ! ни кола, ни двора, ни на себѣ, ни на женѣ!»¹⁾ Поутру проснулось Горе; видитъ, что съ мужика нечего больше взять, и говоритъ: «хозяинъ!» — Что, Горе? «Ступай къ сосѣду, попроси пару воловъ съ телѣгою.» Привелъ мужикъ пару воловъ, съѣлъ вмѣстѣ съ Горемъ на телѣгу и поѣхали въ чистое поле. «Хозяинъ! спрашиваетъ Горе, знаешь ли ты на этомъ полѣ большой камень?» — Какъ не знать! «А когда знаешь, поѣзжай прямо къ нему.» При-

¹⁾ Сравни съ малорусскою пѣсней (Метлин., 366 — 7):

Пиду я, сяду въ зеленыхъ конопелькахъ,
Ажъ иде до мене Доля—вже трошки-й пьяненъка.
„Де-жъ ты, Доле, була, що-й мене вбула?“
— Ой я въ людяхъ була, горилочку пыла...
Пиду-жъ я, сяду въ зеленимъ садочку,
Ажъ иде моя Доля—пропыла й сорочку!
Була, каже, въ шиночку, пыла горилочку,
Пропыла й сорочку...

вѣдали. Горе велитъ мужику поднимать камень; мужикъ подымаетъ, Горе пособляетъ; вотъ подняли, а подъ камнемъ яма — полна золотомъ насыпана. «Ну, что глядишь? сказываетъ Горе мужику; таскай скорѣе въ телѣгу». Мужикъ принялся за работу, все изъ ямы повывбравъ, и говоритъ: «посмотри-ко, Горе, никакъ тамъ еще деньги остались?» Горе наклонилось: «гдѣ? я что-то не вижу!» — Да вонъ въ углу свѣтятся! Ползай въ яму, такъ увидишь. Горе ползло въ яму; только что опустилось туда, а мужикъ и накрылъ его камнемъ. «Вотъ эдакъ-то лучше будетъ! сказалъ мужикъ; не то коли взять тебя съ собою, такъ ты Горе горемычное, хоть не скоро, а все-же пропьешь и эти деньги!» Воротился мужикъ на деревню, купилъ лѣсу, выстроилъ большіе хоромы и зажилъ вдвое богаче своего брата. Случилось позвать ему брата на именины; уподчивалъ его и медами, и винами. Спрашиваетъ тотъ, откуда ему досталось такое добро? Мужикъ рассказалъ все по чистой совѣсти. Завистно стало богатому: дай, думаетъ, поѣду въ чистое поле, подыму камень да выпущу Горе; пусть оно до гла разоритъ брата! Погналъ въ поле, еворотилъ камень въ сторону и только нагнулся посмотрѣть въ яму, а ужъ Горе выскочило и устѣлось ему на шею: «а, кричить, ты хотѣлъ меня уморить! теперь отъ тебя ни за что не отстану.» — Это мой братъ засадилъ тебя, а я пришелъ тебя выпустить! «Нѣтъ, врешь! разъ обманулъ, въ другой не проведешь!» Крѣпко наслѣло Горе богатому купцу на шею; привезъ онъ его домой, и съ той поры пошло у него все хозяйство вкривъ да вкось. Горе ужъ съ утра за свое принимается, каждой день зоветъ опохмѣлиться; много добра въ кабакъ ушло! ¹⁾ Въ основѣ сообщенныхъ нами преданій кроется

¹⁾ Н. Р. Св., V, 34. По другому варианту (*ibid.*, 51), мужику удалось запереть Горе въ сундукъ и зарыть въ землю. Богатый изъ зависти вырылъ сундукъ и выпустилъ Горе на волю: ступай,

мысль, что Доля и Недоля — не просто олицетворенія отвлеченныхъ понятій, не имѣющія объективнаго бытія, а напротивъ — живыя мнѣвческія лица, тождественныя двѣмъ судьбы (рожаницамъ). До сихъ поръ необразованному люду еще мало доступно понятіе о счастьи и несчастіи, какъ о необходимомъ послѣдствіи тѣхъ обстоятельствъ, въ какія ставать чело-вѣка борьба житейскихъ интересовъ и его собственныя наклонности: предприимчивость, ловкость, догадливость, трудолюбіе или апатія, неразсчетливость, лѣнь и т. дал. Какъ болѣзнен-

говорить, къ брату, разори его до послѣдней витки! „Нѣтъ, отвѣчаетъ Горе, я лучше къ тебѣ пристану: ты—добрый челоувѣкъ, ты меня на свѣтъ выпустилъ, а тотъ лиходѣй въ землю упряталъ!“ Подобный-же разсклзъ, записанный въ вятской губ., напечатанъ въ Современникѣ 1856, XII, 189—193: Богатый братъ выстроилъ новый домъ, задумалъ сдѣлать власяны (новоселье) и позвалъ къ себѣ въ гости и бѣднаго брата съ женою. „Куда намъ съ богатыми знаться!“ говоритъ бѣдный женѣ. — Чтожь, отвѣчаетъ она, давай сходимъ: намъ отъ этого безчестья не будетъ. „Да вѣдь на власяны надо гостинцы нести, а ны что понесемъ? развѣ занять у кого, да кто намъ поверить?“ — А Нужа-то! сказала баба съ горькой усмѣшкою; ужли она выдастъ? вѣдь мы съ нею вѣкъ въ ладу живемъ. Отвѣчаетъ Нужда изъ-за пѣчки: „возьмите-ка праздничной сарафанъ да продайте, на тѣ деньги купите окорокъ и отнесите къ брату“. Переглянулись мужикъ съ бабою, не знаютъ что и подумать; посмотрѣли за печь—никого не видно. „А давно ли ты, Нужа, живешь съ нами?“ спросилъ мужикъ.—Да съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ ты съ братомъ раздѣлился. „И привольно тебѣ со мною?“—Благодаренье Богу, живу помяленьку! „Отчего-жь мы тебя никогда не видали?“—А я живу невидимкою. Мужикъ продалъ сарафанъ, купилъ окорокъ и отнесъ къ богатому брату на власяны... На обратномъ пути онъ случайно набрѣлъ на кладъ; забралъ золото, пришелъ домой и спрашиваетъ жену: „ты гдѣ спать ляжешь?“—Я въ печь залгау. „А ты, Нужа, гдѣ уляжешься?“—Въ корчагѣ, что ва пѣчѣ стоитъ. Выждавши время, мужикъ спрашиваетъ: „биба, ты спишь?“—Нѣтъ еще! „А ты, Нужа?“ Та и голосу не подаетъ—заснула. Мужикъ взялъ послѣдній женинъ сарафанъ, завязалъ корчагу и забросилъ ее, вмѣстѣ съ Нуждою, въ прорубь...

ные припадки и страданія заставляют простолюдина предполагать удары, наносимые ему демономъ; такъ точно счастье и несчастье, по народному убѣжденію, обусловливаются добрыми или недобрыми дѣйствіями сверхъестественныхъ существъ. Доля и Недоля дѣйствуютъ по собственнымъ расчетамъ, независимо отъ воли и намѣреній человѣка, которому онѣ принадлежатъ: счастливый вовсе не работаетъ — и живетъ въ довольствѣ, потому что за него трудится его Доля: «твоя Доля тоби робе», «ой я-бъ Бога молила, щобъ моему миленькому Доленька служила», «чомъ ему не пить, коли его Доля не спить!» (т. е. неуспшно заботится о его хозяйствѣ). Когда Доля покидаетъ своего клиента, перестаетъ на него работать — онъ впадаетъ въ нищету. Несчастный страдаетъ, испытываетъ всевозможныя лишенія, потому что Доля его предается сну, праздности или гульбѣ, бражничаетъ, веселится и не хочетъ знать никакого труда. Наоборотъ дѣятельность Недоли постоянно направлена во вредъ человѣку; пока она бодрствуетъ — бѣда слѣдуетъ за бѣдою, и только тогда становится легче безталанному, когда засыпаетъ его Недоля: «коли спить Лихо, не буди-жь его», пол. «nie budź Licha, kiedy Licho śpi», «niech śpi Licho!» ¹⁾

Особенно-важны для ученаго изслѣдователя преданія о злыдняхъ, соответствующихъ Горю, Лиху и Недолѣ сказочнаго эпоса. Злыднями называются въ Малороссіи маленькія существа неопредѣленныхъ образовъ; гдѣ они поселятся, тому дому грозитъ большое зло: какъ-бы ни было велико богатство хозяина, оно быстро сгинетъ и намѣсто довольства наступитъ страшная нищета ²⁾. Существуетъ клятва: «най (нехай) го злидни побъють!» ³⁾ У бѣлоруссовъ сохранилась поговорка: «впросилися злыдни на три дни, а въ три годы не

¹⁾ Номис., 34—35, 40; Метлин., 20. — ²⁾ Морск. Сборн. 1856, XIV, ст. Чужбинск., 47, 65—66. — ³⁾ Номис., 72.

выживешь!»¹⁾ Своимъ крохотнымъ ростомъ и неугомоннымъ характеромъ они напоминаютъ домовыхъ карликовъ (злыхъ эльфовъ, кобольдовъ, кикиморъ,) и тѣмъ самымъ даютъ новое свидѣтельство о древнѣйшей связи мифическихъ олицетвореній судьбы и смерти съ духами стихійными, грозowymi. Подобно мараѣ, злыдни, поселяясь въ домахъ, живутъ невидимками и непремѣнно за печкою; тоже разсказывается о Горѣ, Нуждѣ и Кручинѣ²⁾. Въ бѣлорусскихъ деревняхъ невѣста, покидая отцовскій домъ, причитываетъ: «добрая Доля! да иди за мной — съ печи пламенемъ, з' хаты каминомъ (дымовой трубою³⁾). И мараы, и злыдни странствуютъ по свѣту и располагаются на житье обществами; точно также, по свидѣтельству народныхъ поговорокъ, «Бѣда не приходитъ одна», «Бѣды вереницами ходять». Какъ злой кобольдъ или мараѣ, Горе насаждаетъ на спину бѣдняка; въ одной изъ сказокъ⁴⁾ Горе похваляется, что нѣтъ такой щели, куда бы не могло оно спрятаться, и въ подтвержденіе словъ своихъ влѣзаетъ въ ступицу колеса; по другому разсказу, Нужда почуветъ въ корчагѣ: ясно, что народному воображенію они представляются малютками, карлами. Но есть и другія черты, роднящія ихъ съ стихійными духами. Такъ великорусская пѣсня надѣляетъ Горе чудесною способностью превращеній; изображая бѣгство удалаго добра молодца отъ неустанно-преслѣдующаго Гора, она живописуетъ слѣдующую поэтическую картину:

Повернулся добрый молодецъ яснымъ соколомъ,
Поднимался выше лѣса подъ самыя облаки,
А Горюшко вслѣдъ чернымъ ворономъ
И кричитъ громкимъ голосомъ:
„Не на часъ я къ тебѣ Горе привязался!“

¹⁾ Записки Р. Г. О. по отд. вѣн., I, 274. — ²⁾ Рыбник., I, 482.

— ³⁾ Пантеонъ 1853, I, ст. Шпилевскаго. — ⁴⁾ Н. Р. Сл., V, 34.

Падеть добрый молодець сърымъ волкомъ,
 Сталь добрый молодець сърымъ волкомъ поспанивать,
 А Горюшко всладъ собакою. ¹⁾

Въ одномъ изъ многихъ вариантовъ сказки о двухъ братьяхъ счастливомъ и несчастномъ, Доля является въ образѣ иши, что стоитъ въ несомнѣнной связи съ представлениемъ души-вльфа (= пената, оберегающаго семейное счастье и богатство) этимъ шаловливымъ звѣрькомъ ²⁾. Почти у всѣхъ восточноевропейскихъ народовъ сохраняется преданіе о Вѣтрѣ, который за развѣянную имъ у бѣднаго крестьянина муву даритъ ему желанныя (= счастливыя) вещи, wunschdingen (I, 313—4; тѣже самыя диковинки получаетъ сказочный герцогъ и отъ своей Доли. Жило-было два брата: старшій — богатый да злой, меньшой — работающій, добрый да бѣдный. Что ни дѣлалъ бѣднякъ, все ему во удавалось. Вотъ онъ вадумалъ и пошелъ искать свою Долю; долго ли, коротко ли — нашелъ ее въ полѣ: лежитъ себѣ Доля, пролаждается! Сталь ее бить плетью, а самъ прговариваетъ: «ахъ ты, Доля лѣнивая! у другихъ людей Доля ночь не спитъ, все для своихъ хозяевъ труждаются; а ты и днемъ ничего не дѣлаешь. По твоей милости мнѣ скоро и съ женой и съ дѣтками съ голоду умереть придется!» — Полно, перестань драться! отвѣчаетъ ему Доля; вотъ тебѣ лубочный кузовокъ — только раскрой, будетъ что и попить и поѣсть тебѣ. Мужикъ пришелъ домой, раскрылъ кузовокъ, а тамъ — чего только душа желаетъ! Старшій братъ прослышалъ про то, пришелъ и отнял у него диковинку силою. Отправился бѣднякъ опять къ Доли; она ему дала золотой кузовокъ. Вышелъ онъ на дорогу, не сталь долго раздумывать — тотчасъ же открылъ золотой кузовокъ: какъ выскочутъ оттуда мблодцы съ дубинками и дава!

¹⁾ Рыбник., I, 484—5. — ²⁾ Труды моск. археол. общ., в. II, 171.

его бить! Больно прибили и спрятались въ кузовъ. «Ну, думаетъ мужикъ, этотъ кузовокъ не накормить, не напоить, а больше здоровья отыметъ! Не хочу его и брать-то съ собою!» Бросилъ золотой кузовъ на землю и пустился въ путь; прошелъ съ версту, оглянулся назадъ, а кузовъ у него за плечами виситъ. Испугался мужикъ, сбросилъ его долой и побѣжалъ во всю прыть; бѣжить, ажно задыхается! Оглянулся назадъ — а кузовъ опять за плечами. Нечего дѣлать, принёсъ его домой. Старшій братъ польстился на золотой кузовокъ, пришелъ мѣняться: «я тебѣ, говоритъ, отдамъ лубочный кузовокъ, а ты подавай сюда золотой». Помѣнялся, да потомъ долго-долго помнилъ эту неудачную мѣну ¹⁾. Первый кузовокъ соответствуетъ скатерти-самобранкѣ, а второй — кнуту-самобоеу (метафоры дождевой тучи, поящей и насыщающей мать-сыру землю, и Перуновой плети = молнии). Эти диковинки, принадлежащія богу вѣтровъ и бурныхъ грозъ, въ восточномъ разсказѣ принимаются въ значеніи тѣхъ даровъ счастья, какими надѣляютъ смертныхъ вѣщія дѣвы судьбы. Въ одной изъ лубочныхъ сказокъ невидимка-Кручина (= Горе), выскочивъ изъ-за печки, отымастъ у бѣднаго старика послѣднюю краюху хлѣба, а потомъ даритъ ему утку, несущую золотыя яйца ²⁾; въ новогреческой же редакціи этого сказочнаго преданія несущую золото птицу даетъ Счастье (= Доля), которому бѣднякъ, ожесточенный жизненными неудачами, вѣспился въ волоса ³⁾. Возвращаемся къ злымъ; въ народной сказкѣ, записанной г. Максимовичемъ ⁴⁾, они играютъ ту же роль, что и Горе. Было два брата: убогой и богатой. Убогой наловилъ рыбы и понёсъ на поклонъ богатому въ день его именинъ. «Славная рыба! сказалъ тотъ; спасибо, братъ, спасибо!» — и только; не далъ ничего ему на

¹⁾ Н. Р. Св., I—II, 332. — ²⁾ Ibid., V, 53, b. — ³⁾ Ганъ, 36. — ⁴⁾ Три сказки и одна побасенка, (Кіевъ, 1845), 35—44.

бѣдность и даже къ себѣ не позувалъ. Сгрустнулось убогому, повѣсилъ онъ голову и пошелъ со двора. На дорогѣ повстрѣчался ему старичокъ: «что ты, дѣтинушка, такой невеселой?» Бѣднякъ разсказалъ свое горе. «Чтожь, сказалъ старикъ, спасибо — дѣло великое! продай миѣ его.» — Какъ-же продать-то его? бери, пожалуй, даромъ! «Такъ спасибо мое! иловилъ старикъ, сунулъ ему мошну въ руки — и съ глазъ пропалъ. Мужикъ посмотрѣлъ — полна мошна злата, радѣхонекъ воротился къ женѣ, купилъ себѣ новый домъ и живо перебрался на новоселье, а старую избушку заперъ, заколотилъ наглухо. Какъ-то разговорился онъ съ женою про свое прежнее убожество. «Неладно, Иванъ, говоритъ баба, что мы покинули въ старой избушкѣ свои жернова; вѣдь они насъ кормили при бѣдности, а теперь какъ ненадобны стали — мы и забыли про нихъ!» — Правда твоя! отвѣчалъ Иванъ и поѣхалъ за жерновами. Пріѣхалъ — покинутое жилье полынью поросло, и слышатся ему голоса изъ ветхой избушки: «злодѣй Иванъ! сталъ богатъ — насъ покинулъ, заперъ тутъ на долгую муку.» — Да вы кто такіе? спрашиваетъ Иванъ; я васъ совсѣмъ не знаю. «Не знаешь! видно, забылъ нашу вѣрную службу: мы твои злыдни!» — Богъ съ вами! миѣ васъ нѣ надо! «Нѣтъ, ужъ мы отъ тебя не отстанемъ!» — Пойдите-же! думаетъ Иванъ, и говоритъ вслухъ: «хорошо, я возьму васъ, только съ тѣмъ уговоромъ, чтобы вы донесли жернова на своихъ плечахъ.» Припуталъ къ нимъ тяжелыя жернова и заставилъ идти впереди себя. Надо было переходить черезъ глубокую рѣку по мосту; мужикъ собрался съ силою, да какъ толковѣтъ — и пошли злыдни какъ ключъ ко дну. Окончаніе этой сказки — тоже самое, что и выше-приведенной про Горе горемычное ¹⁾). Подобное-же преданіе разсказывается въ

¹⁾ Сравни Эрленвейн., 21; Труды курск. статистич. комитета, I, 541—2; Эрбенъ, 122—3; Н. Р. Сл., III, 9: здѣсь выведены двѣ паяны Счастіе и Несчастіе.

Германіи о кобольдахъ: жили по сосѣдству два хозяина, и такъ какъ домовыя карлики не давали имъ покоя, то рѣшились наконецъ покинуть свои избы и перебраться на новоселье. Когда вся утварь была вынесена, вышли изъ воротъ двѣ служанки, съ вѣниками на плечахъ. «Куда ты?» спросила одна другую, и въ ту же минуту множество тонкихъ голосковъ отвѣчало съ верхушекъ вѣниковъ: «мы перебираемся!» Испуганныя служанки побросали вѣники въ прудъ и затопили ихъ поглубже; съ тѣхъ поръ въ домахъ водворилось спокойствіе, а въ пруду подохла вся рыба и нерѣдко слышались оттуда тонкіе голоса: «мы перебрались!» ¹⁾

Въ сербскихъ приповѣдкахъ Караджича ²⁾ напечатанъ превосходный разсказъ о Судьбѣ и двухъ Доляхъ, дополняющій нѣкоторыми любопытными подробностями преданія нашего сказочнаго эпоса. Жили вмѣстѣ, сообща двое братьевъ: одинъ — работающій, а другой — безпечный и лѣнивый. «Что мнѣ на брата трудиться!» думаетъ работающій — и вотъ они раздѣлились. У работающаго все пошло не въ прокъ, на убытки; а лѣнивый богатѣетъ себѣ, да и только. Идетъ однажды безсчастной и видитъ на ливадѣ стадо овецъ; пастуха нѣту, а замѣсто его сидитъ прекрасная дѣвица и прядетъ золотую нитку. «Чьи это овцы и кто ты сама?» — Я Доля (Срећа ³⁾) твоего брата, и овцы ему принадлежать. «А гдѣ-жъ моя Доля?» — Далеко отъ тебя! ступай поищи ее. Безсчастной зашелъ къ брату, и тотъ, видя его бѣса и нага, сжалился и подарилъ ему постолы. Повѣсивъ на спину торбу и взявъ въ руки палку, бѣднякъ отправился искать свою Долю; шелъ-шелъ и попалъ въ лѣсъ, посмотреть — подь однимъ ду-

¹⁾ Beiträge zur D. Myth., II, 335. — ²⁾ Срп. припов., 13.—³⁾ Старославян. съ-ряшта (отъ съ-рѣсти) = встрѣча; счастье, по народному убѣжденію, зависятъ отъ дѣйствительной встрѣчи съ нимъ человека.

бѣмъ спитъ сѣдая старуха. Онъ размахнулся палкою и ударилъ ее по заду. «Моли Бога, что я спала! сказала старуха, открывая глаза; а то не Добыть бы тебѣ и постоловъ!» — Что такъ? «Да я—твоя Доля!» Вслѣдъ за этимъ посыпались на нее удары: «если ты — моя Доля, то убей теби Богъ! кто мнѣ далъ тебя убогую?» — Судьба (Усуд)! отвѣчала Доля. Бѣднякъ отправляется искать Судьбу; встрѣчные на пути, распросивъ — куда онъ идетъ, умоляютъ его развѣдать о своей участи... Наконецъ странникъ является къ Судьбѣ; въ то время она жила богато, весело, въ большомъ дворцѣ, но потомъ съ каждымъ днемъ становилась все бѣднѣй и бѣднѣе, а домъ ея меньше и печальнѣе; каждую ночь Судьба назначала младенцамъ, народившимся въ продолженіи сутокъ, точно такую-же долю, какою пользовалась сама въ истекшій день. На распросы пришельца она сказала ему: «ты родился въ сиротинскую ночь — такова и доля твоя!» и посоветовала ему взять къ себѣ братинну дочь Милицу, рожденную въ счастливый часъ, и все что бы ни приобрѣлъ онъ — не называть своимъ, а Милицынымъ. Безсчастной послѣдовалъ этому шурому совѣту, и съ той поры сталъ жить въ довольствѣ. Разъ какъ-то былъ онъ на нивѣ, на которой уродилось славное жито; проходилъ мимо путникъ и спросилъ: «чье это жито?» Хозяинъ въ забывчивости отвѣчалъ: «мое!» — и въ тотъ-же мигъ вспыхнула его нива. Увидя огонь, бросился онъ догонять прохожаго: «постой, брате! это жито не мое, а моей племянницы Милицы». И какъ только вымолвилъ эти слова — тотчасъ пожаръ затихъ и погасъ ¹⁾. Усуд и Среѣна являются и въ другой сказкѣ, напечатанной въ изданіи Матицы ²⁾, какъ существа живыя, состоящія въ божіихъ повелѣніяхъ. Въ народныхъ пѣсняхъ находимъ слѣдующія выраже-

¹⁾ Сравни въ сборн. Валяца, 236-7. — ²⁾ Србскій летописъ 1861, II, 132-3.

нія: «тако њему Бог и Срећа даде», «с вама дошла свака Срећа и сам Господ Бог», «сусрела вас добра Срећа и сам Господ Бог», «однесе ме (говорить невѣста) Бог и Срећа Јову (жениху) на дворе» ¹⁾. Какъ у насъ различаются Доля счастливая и несчастная, такъ сербы знаютъ Срећу добрую и злую. На обычное привѣтствіе съ добрымъ утромъ или вечеромъ отвѣчаютъ: «добра ти Срећа!» О человекѣ, который не уберется отъ бѣды, говорятъ: «не даде му зла Срећа» ²⁾; въ пѣсняхъ читаешь: «зла ти Срећа» «зла Несрећа Вошну прискочи» ³⁾. Сербская сказка неслучайно представляетъ добрую Срећу прекрасною дѣвою, прядущею золотую нить; эти черты свидѣлствуютъ за ея тождество съ паркою, и доселѣ-употребительное въ народѣ выраженіе: «тако ми Срећа напредовала!» означаетъ тоже, что наша поговорка: «знать, такова моя доля!» (= тако ми среће!) Недоля также прядетъ нити, какъ это видно изъ пословицы: «Несрећа танко преде», т. е. бѣда легко можетъ приключиться ⁴⁾. Наравнѣ съ вилами, вѣдогонями и валькүріями, Доля и Недоля принимаютъ участіе въ человѣческихъ распряхъ и битвахъ. Когда Сењанин Тадија съ двумя товарищами взялъ въ плѣнь тридцать турокъ и дивились тому дѣвицы, онъ промовлялъ имъ:

Не чуд'те се, Сен(ь)анке ђевојке
 То се срела Срећа и Несрећа,
 Моја Срећа, и(ь)ихова Несрећа,
 Моја Срећа Несрећу свезала" ⁵⁾.

Подобныя представленія извѣстны и у другихъ родственныхъ народовъ. У нѣмецкихъ поэтовъ XIII-го вѣка Saelde

¹⁾ Срп. н. пјесме, I, 32, 34, 45; II, 51-52. — ²⁾ Срп. рјечник, 125. — ³⁾ Срп. н. пјесме, I, 536; II, 398. — ⁴⁾ Срп. н. послов., 209, 306 У Гомера олицетворенная αἰσα (Я. Гриммъ сближаетъ это слово съ др.-в.-нѣм. ēga, н.-в.-нѣм. ehge, гот. āiza, āisa = honoꝝ, dignitas—D. Myth., 385) прядетъ новорожденному нить его жизни. — ⁵⁾ Срп. н. пјесме, III, 292.

изображается, какъ богиня счастья—Fortuna, и называется *frô* (*frau*) *Saelde*. Гриммъ приводитъ цѣлый рядъ выраженій, указывающихъ на олицетвореніе этого понятія. Она спитъ или бодрствуетъ, и является то благосклонною, то враждебною: то идетъ на встрѣчу къ своимъ любимцамъ, обращаетъ къ нимъ свое лицо, прислушивается къ ихъ желаніямъ, улыбается имъ; то удаляется (улетаетъ, отступаетъ) отъ челоука, обращается къ нему спиною, преграждаетъ ему путь. Довольно принято выражаться: «*das glück ist ihm hold, kehrt bei ihm ein, verfolgt ihn*», у русскихъ: «ему улыбается счастье», или «счастье отвратило отъ него свои взоры, показало ему затылокъ, улетѣло, покинуло его», у чеховъ: «*šťěstí se mu směje, obličej k němu obrací*»¹⁾. Въ сагахъ *frau Saelde* обладаетъ тремя чудесными дарованіями: вѣдать чужія мысли, заговаривать раны, полученныя въ битвахъ ратниками, и быстро переноситься — куда ей вздумается; дикой охотникъ (Одинъ) гонится за нею, какъ за лѣсною (=облачною) дѣвою. *Saelde* принимается въ смыслѣ счастливой, благопріятной Дюли (*bona Fortuna, ἀγαθή Τύχη*); а съ отрицаніемъ — *Unsaelde* равняется нашей Недолѣ, сербской Несречѣ: «*Unsaelde hât uf mich gesworn*», «*Unsaeldes mir uf getan*», «*wie in die Unsaelde vergriete*», «*sô wirt Unheil von mir gejaget*». Слѣдующій рассказъ сходится съ нашею сказкою о Горѣ: бѣдный рыцарь, сидя въ лѣсу, увидѣлъ надъ собой на деревѣ страшное лицо, которое кричало ему: «*ich bin dein Ungelückel*». Рыцарь пригласилъ его раздѣлить свою скудную трапезу; но едва Несчастье сошло съ дерева, какъ онъ схватилъ его и заключилъ въ дубовое дупло; съ тѣхъ поръ онъ ни въ чемъ не зналъ неудачи. Одинъ завистникъ, узнавши про то, отправился въ лѣсъ, освободилъ Несчастье, но оно настѣло на его собственную шею. Въ средневѣковыхъ памятникахъ встрѣчаются выраже-

¹⁾ Ганушъ, 210.

нія: der Saelden schibe или rat (gelückes rat) — колесо счастья (rota Fortunae), о которомъ такъ часто упоминають классическіе писатели. Это представленіе возникло въ отдаленной древности изъ поэтического уподобленія солнца вертящемуся колесу. Бѣгомъ солнечнаго колеса условливаются день и ночь, лѣто и зима, жизнь и смерть природы, а слѣдовательно и людское счастье и несчастье. Возжигаемое по утру, оно катится по небесному своду, вызывая все, вмѣстѣ съ воскресающимъ днемъ, къ бытію и дѣятельности; а вечеромъ, когда оно погасаетъ на западѣ, земля и ея обитатели повергаются въ сонъ — замирають. Съ поворотомъ этого колеса на лѣто земная жизнь начинаетъ пробуждаться отъ зимняго оцѣпенѣнія, а съ поворотомъ на зиму снова подчиняется владычеству Смерти. Возженіе и погасаніе дневнаго свѣтила, его утреннее или весеннее рожденіе и вечерняя или зимняя смерть, слились въ убѣжденіяхъ народа съ тѣмъ жизненнымъ пламенемъ, какое возжигали и тушили могучія парки. День — эмблема счастья, радости, жизненныхъ благъ; ночь — несчастья, печали и смерти. Сербская пѣсня выражается:

Кад се д'јели срећа од несреће,
Тавна ноћца од бијела дана ¹⁾.

Поэтому родиться на утренней зарѣ, при восходѣ солнца, принимается за добрый знакъ, за предвѣстіе счастливой жизни; напротивъ рожденіе по закатѣ солнца, когда вощаряется на землѣ нечистая сила мрака, не сулитъ младенцу ничего хорошаго въ будущемъ. Понедѣльникъ потому и тяжелый день, что издревле былъ посвященъ лунѣ, богинѣ ночи и темнаго анда (стр. 252). Подобныя-же примѣты счастливыва и несчастливыя соединялись и съ годовымъ обращеніемъ солнца,

¹⁾ Переводъ: когда счастье отдѣляется отъ несчастья, темная ночь отъ блага дня, т. е. на раннемъ утреннемъ разсвѣтѣ — Срп. н. пјесме, III, 278.

при чемъ лѣто соотвѣтствовало дню, а зима—ночи. Небесные боги, столь богатые и щедрые на дары въ лѣтніе мѣсяцы, нищали и становились скупыми, жестокосердыми въ зимнюю половину года. Отсюда объясняется сказочное преданіе, что Судьба жила попеременно — то среди роскоши и богатства, то въ совершенной бѣдности, и сообразно съ этимъ, назначала новорожденнымъ то добрую, то лихую долю. Итакъ время рожденія человѣка (доброй или злой част.) было причиною, почему ему опредѣлялась та или другая доля:

Щасливой годиноньки
Козакъ уродився;
Ой куди винъ подумае,
То-й Богъ помогае ¹⁾.

На древнемъ метафорическомъ языкѣ лучи солнечные уподобляются золотымъ нитямъ; виѣтъ съ этимъ солнце стало разсматриваться, какъ колесо самопрялки, а прекрасная богиня Зоря явилась пряхою и сблизилась съ дѣвами судьбы, прядущими жизненные нити (см. стр. 390). Съ разсвѣтомъ дня и съ началомъ весны она принимается за свою работу, прядетъ и разбрасываетъ золотыя нити, и пробуждая мировую жизнь, даруетъ землѣ плодородіе, а смертнымъ изобиліе и счастье; но какъ скоро злыя силы (Ночь и Зима) прекращаютъ этотъ благодатный трудъ, обрываютъ ея свѣтоносную пряжу — тотчасъ-же наступаетъ владычество Смерти. Народныя преданія, говоря о дѣвахъ судьбы, выпряденныя ими нити нерѣдко называютъ золотымъ н. Подъ вліяніемъ указанныхъ возрѣвій, колесо сдѣлалось эмблемою быстрого бѣга и непостоянства богини счастья. Богиня эта или сама стоитъ на вертящемся колесѣ, или вращая его своею рукою, подымаетъ счастливыхъ вверхъ, а несчастныхъ сталкиваетъ

¹⁾ Труды моск. археол. общ., в. II, 157; Метлиск., 329.

внизъ. Поставленное надъ воротами колесо, по уцѣлѣвшему въ Германіи повѣрью, приноситъ хозяину дома счастье ¹⁾).

До сихъ поръ между русскими простолюдинами хранится твердое убѣжденіе, что нѣкоторые люди уже такъ и родятся на свѣтъ бѣдовиками и бездольными: что бы они не дѣлали, за ними всегда и во всемъ слѣдуютъ неудачи и бѣдствія ²⁾; другіе же напротивъ родятся счастливыми. Подобно тому, какъ въ сербской приповѣдкѣ бездольный беретъ къ себѣ счастливую Милицу и живетъ ея счастьемъ, такъ въ русской сказкѣ ³⁾ Иванъ Безсчастный женится на «таланливой» дѣвицѣ, и чрезъ то избываетъ житейскихъ невзгодъ и скоро богатѣетъ. Если у родителей умираютъ дѣти, они, не довѣряя болѣе своему счастью и желая вновь-народившагося ребенка привязать къ жизни, закрѣпляютъ его на чужое имя. Съ этою цѣлью совершается символическій обрядъ продажи младенца: кто-нибудь изъ постороннихъ, преимущественно старуха, становится подъ окномъ; ей подають ребенка, за котораго она уплачиваетъ копѣекъ пять или десять, а потомъ, возвращая его родителямъ, говоритъ: «живи на мое счастье!» На деньги, заплаченные за ребенка, покупаютъ свѣчу, зажигаютъ въ церкви и ставятъ передъ иконою. Свѣча знаменуетъ въ этомъ обрядѣ возженное пламя жизни ⁴⁾. Всѣхъ, кто только родится въ сорочкѣ, богини счастья объявляютъ собственными дѣтьми; выраженія: *ein schosskind des glückes, ein glückskind, dem glück im schosse sitzen* (сравни русскую поговорку: «жить счастливо, что у Христа за пазухой») указываютъ на усыновленіе; Вуотанъ, какъ богъ, одаряющій счастьемъ, принимаетъ дѣтей подъ свою охрану: *er nimmt kinder in seinen schoss auf*. Любимца своего Фортуна надѣляетъ «дарамъ

¹⁾ D. Myth., 822—7, 832—3, 895, 1091. — ²⁾ Абев., 261. — ³⁾ Н. Р. Сл., VIII, 3, b, 21. — ⁴⁾ Записки Авдѣев., 138.

счастія», осыпаетъ его изъ «рога изобилія» ¹⁾, даритъ ему разныя диковинки: шапку-невидимку, скатерть-самобранку, волшебную палицу (wünschelruthe), кошелекъ съ золотомъ, изъ котораго сколько не бери—онъ все полонъ, и птицу, несущую золотыя яйца. По свидѣтельству народныхъ сказокъ, при рожденіи избранника Фортуны являются три святые старца, или Спаситель и два апостола (позднѣйшая замѣна трехъ вѣщихъ роженецъ) и одаряютъ его счастливыми мыслями: все, чего ни пожелаетъ онъ, то и сотворитъ ему Господь! ²⁾

Роду и рожаницамъ совершались жертвенныя приношенія. Въ вопросахъ Кирика (XII стол.) читаемъ: «аже се Роду и Рожаницѣ крають ³⁾ хлѣбы и сиры и медъ? Бороняше вельми (епископъ): нѣгдѣ, рече, молвить: горе пьющимъ Рожаницѣ!» ⁴⁾ По всему вѣроятію, здѣсь разумѣется ссылка на 11—12 стихи LXV-й главы Исаи, которые въ старинномъ переводѣ (въ паремейникѣ 1271 года) переданы такъ: «вы же оставиши мя и забы(въ)ши гороу святоую мою и готовящюи рожаницамъ (варианты по другимъ спискамъ: Рожаници, Роду) трапезоу и исполняюще дѣмонови (вар. кумиру, идолу, рожденицамъ) чърпаніе — азъ прѣдамъ вы во оружье» ⁵⁾. Текстъ этотъ, вмѣстѣ съ послѣдующими стихами Исаи, повторяется съ истолкованіемъ въ словѣ о поставляющихъ вторую трапезу Роду и рожаницамъ, которое

¹⁾ „Mundanam eornucopiam Fortuna gestans“, „formatum Fortunae habitum cum divite cornu“ — ²⁾ D. Myth., 827 — 8; Н. Р. Ск., VIII, стр. 638 — 640. Все приведенныя нами свидѣтельства положительно убѣждаютъ, что мнѣніе Прокопія, будто славяне не признавали Судьбы,—несправедливо. — ³⁾ Кроить—рѣзать. — ⁴⁾ Памят. XII в., 179. — ⁵⁾ Сличн переводъ позднѣйшихъ изданій: „вы же, оставивши мя (Бога) и забывающіи гору святоую мою, и уговоряющіи демону трапезу, и исполняющіи щастію раствореніе — азъ прѣдамъ васъ подъ мечъ.“

почти постоянно входятъ въ составъ сборниковъ, извѣстныхъ подъ именемъ Златоустовъ, и приписывается Іоанну Златоустому: «Рече Господь: наслѣдятъ горжъ снѣтѣя мож избраннїи раби мои. Раби сѣт' то иже слоужатъ Богу и воля его творятъ, а не Родоу, ни рожаницамъ, ни коумиромъ соуетнымъ: то сѣтъ слоугы божїа... Вы же оставльше мя и забывающе горжъ снѣтѣя мож и готовающе трапезоу Родоу и рожаницамъ, наплѣтъ-юще бѣсомъ чръпанїа—азъ предамъ вы на оржжіе, и вси за-колениемъ падете... Се работащїи ми ясти начвѣт; вы же възачете, нѣ тожъ сыти есте трапезоуж, жже готовасте рожаницамъ. Се работащїи ми пити начвѣт; вы же възадаете, нѣ то пити, иже то испол(н)иваете чръпанїа бѣсом... Се работащїи ми възрадухтея въ веселїи сердца; вы же работащїи бѣсомъ и слоужащїи идоломъ и ставляюще трапезоу Родоу и рожаницамъ възопїете въ болезни сердца вашего и отъ ск(р)оушенїа доуха възплачетеся. Томоу-же ся събыти нѣсть зде, нѣ въ ономъ вѣцѣ... работащїи ми благословятся, похѣ Богу истинномуу, а вы поете пѣсни бѣсовскыя идоломъ Родоу и рожаницамъ.. Се же чада слышаще и оставѣте ся поуостошнаго того творенїа и службы тоя сатанины и ставленїа трапезы тоя коумирьскыя, нареченыя Родоу и рожаницамъ»¹⁾. Въ словѣ христіолобца, въ числѣ другихъ остатковъ язычества, указано и слѣдующее: «молятся... Мокоши и Симу и Рьглу и Перуну и Роду и Рожаницѣ... не такоужъ зло творимъ просто, но и мѣшаемъ нѣкїи чистыя молитвы со проклятымъ моленьемъ идольскимъ, иже ставятъ лише кутьяны трапезы законнаго обѣда, иже нарицаются незаконная трапеза, мѣнимая Роду и рожаницамъ.» По другому списку христіолобцова сло-

¹⁾ Архивъ ист.-юрд., т. II, полов. 1-ая, ст. Среднев., 99—101; тоже мѣсто приведено в во 2-й половинѣ означеннаго тома, стр. 66; Истор. Росс. Соловьева, II, письмо г. Бусл., 30; Ч. О. И. и Д. 1858, IV, ст. Давровск., 22.

ва: «то суть идолослужители, иже ставятъ трапезу рожаницамъ, короваи молятъ, виламъ и огневи подъ овиномъ и прочее ихъ проклятельство... Не тако-же простотою злѣ служимъ, нъ(о) смѣшаемъ съ идольскою трапезою тропарь сватыя Богородицы съ рожаницами въ прогнѣваніе Богу» ¹⁾. Въ рукописи Волоколамскаго монастыря (сборникъ Леониды, епископа рязанскаго) сказано: «аще ли кто крестить вторую трапезу родству (Роду?) и рожаницамъ тропаремъ св. Богородицы, а кто ясть и пьетъ, да будетъ проклятъ» ²⁾. Въ Писцѣевскомъ сборникѣ — въ словѣ, приписанномъ св. Григорію, читаемъ: «такожъ і до словѣвъ доіде се слов(о), і ти начаша требы класти Роду і рожаницамъ. преже Перуна бога ихъ. а переже того (г. Срезневскій исправляетъ это мѣсто такъ: Переже бо того Перуна бога и иныхъ словили и) клали требу (имъ и) оупиремъ і берегинямъ. По святѣмъ же крещенью Перуна отринуша, а по Христа бога яшась; но і ноне по оукраинамъ молятся ему проклятому богу Перуну і Хорсу і Мокоши і Вилу, і то творять отай: сего ве могутъ ся лишити проклятаго ставленья вторыя трапезы, нареченыя Роду и рожаницамъ, (въ) велику предельсть вѣрнымъ крестьяномъ і на хулу святому крещенью я на гнѣвъ Богу». Въ другомъ спискѣ вслѣдъ за этими словами прибавлено: «по святѣмъ крещеніи черевоу работни попове оуставиша тре(о)парь прикладати рожества Богородицы къ рожаницыиъ трапезѣ, отклады дѣюче.» ³⁾.

¹⁾ Оп. Румян. Муз., 228—9; Лѣт. рус. лѣт., т. IV, отд. 3, 90—94—95. — ²⁾ Истор. Росс. Соловьева, I, дополнен. стр. 3. — ³⁾ Лѣт. рус. лѣт., IV, отд. 3, 97, 101; Повѣдка въ Кирилло-Бѣлозерск. мон., II, 33; Москв. 1851, V, 52—64; въ Архивѣ ист.-юрид. свѣд., II, на стр. 104 указаны и другіе протесты противъ требъ, совершаемыхъ виламъ и рожаницамъ, а въ предисловіи на стр. 23 приведено слѣдующее мѣсто изъ сборника Московскаго Архива министер. иностр. дѣлъ: «се буди всіми вѣдомо, яко Несторій еретикъ научи трапезу ставити рожаницыиую, мия Богородицу—человѣкородицу; сватія же отци лаодикийскаго собора... писаніемъ повѣдѣша не творити того.»

«Самый бѣглый взглядъ (по справедливому замѣчанію профес. Срезневскаго) на языкъ и правописаніе представленныхъ выписокъ достаточенъ для убѣжденія, что большая часть памятниковъ, изъ которыхъ онѣ сдѣланы, въ первоначальныхъ своихъ спискахъ принадлежала не намъ, а нашимъ югозападнымъ соплеменникамъ: болгарамъ, сербамъ. Тѣмъ не менѣе однако они перешли къ намъ небезсознательно, не какъ сказанія о суевѣрїи, чуждомъ нашимъ предкамъ, а какъ поученія, близкія сердцу нашихъ народныхъ учителей, заботившихся объ искорененіи языческихъ суевѣрїй не только своимъ собственнымъ словомъ, но и помощію авторитета другихъ христіанскихъ... Словомъ, вѣрованіе въ роженца представляется въ старинныхъ памятникахъ не какимъ-нибудь иѣстнымъ отродіемъ древняго язычества, а однимъ изъ остатковъ древности общеславянской» ¹⁾. Итакъ, наравнѣ съ другими языческими богами, Роду и рожаницамъ, возсылались молитвы, приносились жертвы и учреждались законныя (обрядовыя) трапезы, т. е. родильныя пиршества, на которыхъ присутствующіе вкушали и пили отъ жертвенныхъ приношеній, возглашали пѣсни въ честь Рода и рожаницъ и молили ихъ быть благосклонными къ новорожденному младенцу, взять его подъ свой покровъ и надѣлать счастьемъ. Такъ какъ, послѣ принятія христіанства древняя богиня, царица младенческихъ душъ, (= Гольда) смѣнилась въ глазахъ суевѣрнаго народа Пречистою Дѣвою; то рожаничныя трапезы стали сопровождаться славословіемъ Богородицы. Трапезы эти обозначаются эпитетами: вторыя и кутейныя. «Вторая трапеза» есть буквальный переводъ выраженія: *secunda mensa* ²⁾; кутья—ка-

¹⁾ Архивъ ист.-юр. свѣд., II, 105—6 и предислов. 22—23. —

²⁾ *Secundus* означаетъ: и второй, и благопріятный, счастливый, благополучный; *res secundae*—счастіе, *fortuna secunda*; *secundae*—все, что послѣ родовъ выходитъ изъ утробы, мѣсто младенческое, послѣдъ дѣтскій.

ша изъ разваренной пшеницы или ячмевнаго зерна, съ неко-
вой сытою, донынѣ составляющая необходимую яству на ро-
динахъ (ирестянахъ), похоронахъ и поминкахъ. Въ сборникѣ
прошлаго столѣтія въ числѣ суевѣрій упомянуто: «съ ребятъ
первые волосы стригутъ и бабы каши варятъ на собраніе ро-
жаницамъ» ¹⁾. Надо думать, что въ отдаленной древности об-
рядъ постриговъ (см. гл. XXIX) имѣлъ релігіозное значе-
ніе, что ребенка постригали его рожаницѣ — отдавали
подъ покровъ его генія-хранителя или счастливой, доброй До-
ли. У грековъ и кельтовъ былъ обычай посвящать волоса бо-
гамъ. Другія жертвенныя яства въ честь Рода и рожаницъ:
хлѣбъ и сыръ долгое время оставались принадлежностію са-
дебнаго стола, а напитокъ медъ постоянно сопровождалъ всѣ
релігіозныя приношенія и пиршества. Когда въ семействѣ на-
родится дитя, чехи ставятъ на столъ хлѣбъ-соль для судя-
чекъ, незримо присутствующихъ въ домѣ ²⁾. Въ хорватскомъ
приморьи дѣвѣнцы оставляютъ въ пещерахъ и на камняхъ пло-
ды, цвѣты и шелковыя ленты вилямъ, приговаривая: «*uzmi,
vilo, što je tebi milo!*» ³⁾ Паркамъ, норнамъ и феямъ приго-
товлялись подобныя-же трапезы. У скандинавовъ первую
яствою, которую вкушаетъ мать послѣ разрѣшенія отъ бреме-
ни, бываетъ каша, называемая *pögnaggeytur* (*pögnög-
gütze*); по всему вѣроятію, первоначально это было жертвен-
ное приношеніе норнамъ за ихъ милостивую помощь въ ро-
дахъ. Въ Германіи, когда родится младенецъ, накрываютъ
особенный столъ и ставятъ на немъ кушанья для дѣвъ судя-
бы, чтб согласуется съ свидѣтельствомъ народной сказки о
красавицѣ *Dornröschen*: ея рожденіе праздновали пиршествомъ,
на которомъ присутствовали вѣщія жены и были угощаемы
съ золотыхъ тарелокъ ⁴⁾. У бретонцевъ было въ обыкновен-

¹⁾ Оп. Румин. Муз., 551—2. — ²⁾ Громаничъ, 7. — ³⁾ Кукул-
вичъ-Сакцинск., 97. — ⁴⁾ Germ. Mythen, 588, 632.

ни готовятъ для фей обѣдъ—возлѣ той комнаты, гдѣ лежала родильница, и до сихъ поръ ходятъ рассказы о таинственныхъ трапезахъ, на которыя собираются феи въ свѣтлыя лунныя ночи ¹⁾. Литвины приносили жертвы на камняхъ, посвященныхъ дѣвамъ судьбы ²⁾. У румыновъ въ честь родимой звѣзды бываетъ 1-го мая празднество; они вѣшаютъ на окнахъ и дверяхъ своихъ домовъ вѣнки изъ дубовыхъ листьевъ и полевыхъ цвѣтовъ, а вечеромъ, когда показываются на небѣ звѣзды, приносятъ въ рошу столъ, покрытый бѣлою скатертью, ставятъ на немъ хлѣбъ, медъ, вино и между двумя восковыми свѣчами икону семейнаго патрона, и затѣмъ начинаютъ пиршество ³⁾.

¹⁾ Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, ст. Срезнев., 119—120. — ²⁾ Ж. М. Н. П. 1839, т. XII, 14—16. — ³⁾ Телескопъ 1833, VIII, 503,